

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. Л. СИДОРОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1954

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*Л. Г. Бескровный, И. У. Будовниц (отв. секретарь), Р. П. Дадыкин,
Г. М. Деренковский, М. П. Ким, чл.-корр. АН СССР М. В. Нечкина,
А. А. Новосельский, Ю. А. Поляков, М. К. Рожкова,
А. Л. Сидоров (отв. редактор), Л. В. Черепнин.*

Ю. А. ПОЛЯКОВ и А. В. МИТРОФАНОВА

СОВЕТСКАЯ СТРАНА НАКАНУНЕ ПЕРЕХОДА К НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ *

1. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ К НАЧАЛУ 1921 г.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции означала коренной перелом в истории человечества.

Октябрьская революция нанесла мировому капитализму смертельную рану. От этой раны капитализм уже не мог оправиться. Самый факт прорыва империалистической цепи, создания Советского государства, нанесшего поражение империалистам и отстоявшего свое существование, подрывал устои мирового империализма.

«Самое важное в обстановке, создавшейся после Октябрьского переворота в Европе вообще и в России в частности — это **прорыв международного социального фронта... в районе России...** Этот прорыв открыл **поворот в мировой истории**, поставив под непосредственную угрозу целостность всего здания международного империализма, кардинально изменив соотношение борющихся сил на Западе в пользу рабочего класса Европы»¹, — писал И. В. Сталин летом 1921 г.

Первая мировая война и отпадение России от капиталистической системы положили начало общему кризису капитализма, первому этапу этого кризиса. В лице Советского государства была создана мощная база, несокрушимый оплот мирового революционного движения. Наступила эра крушения капитализма и торжества социализма и коммунизма.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции рабочие и крестьяне России, впервые в истории свергнувшие иго капитала и приступившие к строительству новой жизни, оказались вынужденными с оружием в руках отбивать натиск объединенных сил международного империализма и внутренней контрреволюции.

В годы интервенции враги считали поражение Советской власти неизбежным. Они исходили из того, что отсталая, разоренная, отрезанная от всего мира Советская Россия не сможет противостоять силам мирового империализма, обладавшего огромными ресурсами.

Три года продолжалась вооруженная борьба народов России за завоевания Великого Октября, за свободу и независимость социалистической Родины. В упорной, кровопролитной войне молодая Советская

* Глава из подготовленного Институтом истории Академии Наук СССР коллективного труда «СССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.)». Первый раздел главы написан Ю. А. Поляковым, второй — А. В. Митрофановой.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 81—82.

республика одержала к концу 1920 г. решительную победу. Несмотря на подавляющее материальное превосходство, империалисты были разбиты и выброшены из пределов Советской страны.

Попытка империалистов всех стран уничтожить Советское государство полностью провалилась. В открытой схватке двух систем капитализм потерпел поражение. Первое военное нападение международного капитала на страну социализма закончилось полным крахом.

Империалисты вынуждены были признать, что Советское государство в жестоких боях отстояло свое право на существование. Это явилось великим завоеванием советского народа. Только что рожденная Советская держава оказалась сильнее, жизнеспособнее капиталистических стран.

Советское государство победило потому, что его борьба с интервентами и белогвардейцами была борьбой нового, передового общественного строя, рожденного в результате всего хода исторического развития, в результате действия объективных закономерностей развития общества, — борьбой с реакционными, отжившими силами, бешено сопротивлявшимися, но обреченными историей на гибель.

Война советского народа за завоевания социалистической революции, за свободу и независимость Родины была войной отечественной, священной, справедливой. Политика Советской власти, направленная на мобилизацию всех сил для разгрома врага, для обороны социалистического отечества, полностью отвечала интересам народа. Советские люди, защищая эту политику, шли на тяжелейшие жертвы и лишения, проявляли беспримерную самоотверженность на фронте и в тылу.

Правильная политика Советской власти обеспечила нерушимый союз рабочего класса и крестьянства. Без этого союза не было бы победы над интервентами и белогвардейцами.

Советская власть на основе ленинско-сталинской национальной политики сплотила вокруг русского народа все народы и народности бывшей Российской империи. Ранее поработанные народы, освобожденные от национального гнета при решающей помощи русского пролетариата, активно поддерживали Советскую власть в ее борьбе с интервентами и белогвардейцами.

Великая победа над врагами была одержана потому, что тыл и фронт Советского государства имели руководящее ядро в лице Коммунистической партии. Партия — основная руководящая сила в системе диктатуры пролетариата — определяла и направляла политику Советской власти, политику, обеспечивающую поддержку широчайших масс трудящихся, союз рабочих и крестьян, союз всех национальностей России. Партия подняла народ на борьбу, вооружила революцию, создав могучую Красную Армию, превратила страну в военный лагерь, снабжавший фронт всем необходимым. Коммунистическая партия явилась душой, движущей и организующей силой всего дела борьбы с врагами.

Под мудрым руководством Коммунистической партии Советская страна прошла сквозь бури и штормы боев с интервентами и белогвардейцами, стала могучей, несокрушимой социалистической державой.

Победа Советского государства над интервентами и белогвардейцами означала, что рабочие и крестьяне России с честью оправдали доверие трудящихся всего мира. Горняки Рура и Кардиффа, рабочие Парижа и Детройта, китайские кули, индийские крестьяне, угнетенные и обездоленные во всех уголках земного шара, восхитались беззаветным героизмом русских рабочих и крестьян. Трудящиеся капиталистических стран назвали Коммунистическую партию России «ударной бригадой» мирового революционного и рабочего движения. Они видели и знали, что успехи

«ударной бригады», нанесшей сокрушительный удар империализму во всем мире, знаменуют поворот в истории человечества, несут освобождение от гнета капитализма трудящимся всех стран. Победоносная борьба Советской России с главными силами международной реакции облегчила борьбу пролетариата капиталистических стран.

Советская Россия приняла на себя главный удар международной буржуазии. Это значительно облегчало борьбу западного пролетариата против своей буржуазии, усиливало во много раз симпатии пролетариата и трудящихся всего мира к авангарду мирового революционного движения — русскому рабочему классу.

В период иностранной военной интервенции и гражданской войны мировой пролетариат организовал действенное сопротивление интервенции. Это сопротивление неразрывно смыкалось с борьбой Советской страны и с борьбой всех миролюбивых народов за мир и социализм.

После разгрома интервентов и белогвардейцев рабочие за рубежом, руководимые коммунистами, активно выступали против новых интервенционистских замыслов империалистических заправил, требовали установления политических и экономических отношений с Советским государством. Эта борьба являлась поддержкой Советской страны и вместе с тем полностью соответствовала интересам трудящихся капиталистических стран.

Самый факт наличия Советского государства, разгромившего интервентов и белогвардейцев, упрочившего свое существование, как базы мировой пролетарской революции, еще больше расшатал капиталистическую систему в целом, еще больше укреплял силы мирового революционного и рабочего движения, приближал неизбежную гибель капитализма во всем мире.

К концу 1920 г. войска интервентов и белогвардейцев были разгромлены и выброшены из пределов Европейской части Советской страны. В. И. Ленин на X съезде РКП(б) с гордостью отмечал, что на территории РСФСР не осталось ни одного солдата вражеских армий². Только на Дальнем Востоке еще оставались значительные силы японских и белогвардейских войск, а также отдельные отряды американских интервентов. Трудящиеся Дальнего Востока, создав весной 1920 г. Дальневосточную республику (ДВР) и опираясь на помощь всего советского народа, продолжали упорную борьбу с японскими захватчиками и их пособниками. Японские империалисты были окончательно изгнаны с Дальнего Востока осенью 1922 г.

Советская страна, одержав историческую победу в войне против внешних и внутренних врагов, завоевала себе передышку, получила возможность приступить к мирному социалистическому строительству. Переход от войны к миру явился, таким образом, главным моментом, определявшим международную обстановку в начале 1921 г. Период открытой борьбы сменился периодом «мирной» борьбы, установилось известное равновесие борющихся сил и перемирие между ними.

Международные отношения, складывавшиеся и развивавшиеся в условиях раскола мира на две системы, характеризовались дальнейшим ослаблением капиталистического лагеря. На основе действия исторических закономерностей продолжал углубляться общий, всесторонний (экономический и политический) кризис капиталистической системы. В лагере капитализма обострялась классовая борьба, усиливалось движение народов, борющихся за свою свободу и независимость.

Великая Октябрьская социалистическая революция и успехи советского народа воодушевляли трудящихся и эксплуатируемых в

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 143 и 147.

капиталистических странах на борьбу за свое освобождение. 1920 год был ознаменован рядом революционных выступлений как на континенте Европы, так и в колониальных и полуколониальных странах. В 1921 г. революционные битвы не прекращались. В центре Европы трудящиеся Германии вели упорную борьбу против двойного гнета — германских помещиков и капиталистов и усиливавшейся кабалы западных империалистов. Несмотря на предательство социал-демократической верхушки, немецкий рабочий класс, ведомый коммунистической партией, смело шел на новые революционные бои. Рабочий класс Англии, добившийся в 1920 г. блестящих успехов в борьбе против интервенции в России, в 1921 г. отражал наступление на права рабочих, предпринятое буржуазией с помощью реформистов. Огромный размах приобрело революционное движение в Италии, принявшее осенью 1920 г. форму массового захвата фабрик и заводов рабочими. Классовые бои развертывались и в других европейских странах. В этих боях крепили молодые коммунистические партии, приобретая опыт руководства массовым рабочим движением.

Октябрьская революция расшатала империализм не только в центрах его господства, не только в метрополиях. Она ударила и по тылам империализма, по его периферии, подорвав господство империализма в колониальных и зависимых странах. Народные массы колониальных и зависимых стран все активнее поднимались на борьбу с мировым империализмом. Антиимпериалистическое движение развертывалось в Иране, Афганистане, Турции, Индии, Индонезии, Корее, Египте, Сирии, Марокко и других странах.

Воодушевленные победой Великой Октябрьской социалистической революции в России, поднимались на борьбу против колониального и социального гнета народные массы Китая. Все более широкие слои великого китайского народа втягивались в революционное движение против империалистов — прежде всего американских и японских — и продажной клики феодалов и компрадорской буржуазии.

Эти факты свидетельствовали о том, что навсегда прошла эра безмятежной эксплуатации и угнетения международным капиталом колоний и зависимых стран. Наступила новая эра освободительных революций в колониях и зависимых странах, когда в этих странах пробуждается пролетариат и становится гегемоном в революции.

Обострение общего кризиса капитализма сказывалось и в дальнейшем усилении экономических противоречий капитализма. В 1920—1921 гг. разыгрался первый послевоенный экономический кризис. Капиталистическая система до войны не знала еще кризисов такой силы и глубины. В США промышленность и сельское хозяйство уже с весны 1920 г. вошли в полосу все нараставшего кризиса, охватывавшего все отрасли хозяйственной жизни и достигшего наибольшего размаха в марте 1921 г.³ Число торговых банкротств в США возросло с 6,5 тыс. в 1919 г. до 19,7 тыс. в 1921 г. Стоимость американского экспорта упала в 1921 г. с 8 до 4,3 млрд. долларов, т. е. почти вдвое⁴. На 47 с лишним процентов снизилась в 1921 г., по сравнению с 1920 г., и общая сумма английского экспорта⁵.

В капиталистических странах останавливались заводы и фабрики, значительно снижалось количество выпускаемой продукции. В США продукция обрабатывающей промышленности снизилась на 22,6%. Вы-

³ Мировые экономические кризисы 1848—1935 гг., т. I, Огив, 1937, стр. 353.

⁴ Там же, стр. 356—357 (табл. 37).

⁵ Там же, стр. 348—349 (табл. 36).

плавка чугуна сократилась на 74%, производство стали — на 77%, добыча угля — на 69%⁶. Резко возросло число безработных. В США безработные в 1921 г. составляли 23,1% от общего числа рабочих⁷. К апрелю 1921 г. в капиталистических странах насчитывалось 10 млн. безработных и почти 30 млн. полубезработных⁸.

В буржуазном мире происходило дальнейшее обострение противоречий между империалистическими группами и державами. Версальская система, в основе которой лежал вступивший в силу с января 1920 г. Версальский мирный договор между побежденной Германией и блоком держав-победительниц, не устранила и не ослабила империалистических противоречий, а, напротив, обострила их.

Версальская система, разрекламированная империалистами как залог укрепления мира, на деле служила целям разжигания новой войны. Версальский мирный договор был договором империалистическим, направленным против германского народа и Советского государства. Оставляя в неприкосновенности германский милитаризм и создавая условия для его нового подъема, Версальский мирный договор предусматривал возможность использования милитаристической Германии для нападения на Советскую страну.

В то же время Версальский мир закрепил и углубил противоречия между победителями и побежденными. Германия, одна из самых сильных, передовых капиталистических стран, обладавшая гигантскими экономическими возможностями, не могла примириться с Версальским договором.

Версальская система усилила непримиримую рознь и в лагере стран-победительниц. В. И. Ленин в конце 1920 г. указывал на обострение противоречий между империалистами различных стран. Он указывал прежде всего на противоречия между Японией и США, между Америкой и всем остальным капиталистическим миром, между Антантой и Германией. Япония и Америка, говорил В. И. Ленин, не могут мирно ужиться. Они будут воевать за первенство в мире, за право грабить. «Япония будет воевать за то, чтобы ей продолжать грабить Корею, которую она грабит с неслыханным зверством, соединяющим все новейшие изобретения техники и пыток чисто азиатских... Но этот корейский лакомый кусок хотят вырвать американцы»⁹.

Противоречия между Америкой и остальным капиталистическим миром проистекали прежде всего из стремления нажившегося на войне американского хищника оттеснить своих империалистических конкурентов с мировых рынков. «Америка, — говорил В. И. Ленин, — сильна, ей теперь все должны, от нее все зависит, ее все больше ненавидят, она грабит всех...»¹⁰.

Существовал и ряд других серьезнейших противоречий внутри империалистического лагеря. Не прекращалась борьба между империалистами Англии и Франции за влияние в Европе, за сферы влияния на Ближнем Востоке, за рынки сырья и сбыта в Африке и Азии. Острые противоречия существовали между господствующими великими державами и недавно образовавшимися национальными государствами (Чехословакия, Польша, Финляндия и пр.), которые находились у этих великих держав в финансовом и военном подчинении.

⁶ Там же, стр. 353 и 354—355 (табл. 37).

⁷ Там же, стр. 354—355 (табл. 37).

⁸ История дипломатии, т. III, М.—Л., 1945, стр. 105.

⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 415.

¹⁰ Там же, стр. 419.

Все это говорило об обострении общего кризиса капитализма, о внутренней слабости империалистического лагеря.

В этих условиях империалисты, несмотря на всю их ненависть к республике Советов, вынуждены были после своего поражения в 1918—1920 гг. отказаться на время от новой интервенции.

В обстановке наметившегося перехода от войны к миру Коммунистическая партия и Советское правительство, верные принципам советской внешней политики, вели последовательную борьбу за сохранение и упрочение мира, за установление добрососедских отношений со всеми странами. В. И. Ленин в феврале 1921 г. говорил: «...Нам всего дороже сохранение мира и полная возможность посвятить все силы восстановлению хозяйства...»¹¹.

Основой внешней политики Советского государства с первого дня его возникновения является борьба за мир.

Марксизм-ленинизм учит, что внешняя политика государств определяется их внутренней политикой, является ее продолжением. Главной задачей внутренней политики Советского государства было и есть построение социалистического общества и последующий переход к коммунизму. Следовательно, советская внешняя политика с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции была направлена на то, чтобы обеспечить республике Советов мирное существование, обеспечить возможности для выполнения ее главной задачи.

Советский строй, которому чужды захватнические планы, с момента своего утверждения открыл широкие перспективы для мирного созидательного труда и неуклонного движения вперед на основе мирного развития.

Объективные закономерности развития советского строя требуют сосредоточения всех сил народа для мирного строительства. Объективная природа Советской власти, основанной на труде, а не на эксплуатации, исключает возможность кризисов и потрясений, ведущих к войне.

Подчеркивая готовность РСФСР идти на уступки и жертвы, чтобы отстоять мир, руководители Советской страны предупреждали империалистов, чтобы они не расценивали стремление РСФСР к миру, как признак слабости. «Мы,—говорил В. И. Ленин,—не допустим издевательства над мирными договорами, не допустим попыток нарушать нашу мирную работу. Мы не допустим этого ни в коем случае и станем, как один человек, чтобы отстоять свое существование»¹².

Неуклонно проводя в жизнь политику мира, Коммунистическая партия и Советское правительство исходили из возможности сосуществования на определенном историческом отрезке времени двух общественных систем — социалистической и капиталистической, из возможности и желательности их сотрудничества. Ленинское учение о возможности победы социалистической революции в одной, отдельно взятой, стране дало прочное теоретическое обоснование проблеме сосуществования двух систем. В годы иностранной военной интервенции Советское государство вело последовательную борьбу за прекращение войны, многократно предлагая империалистическим странам мирные переговоры, выдвигая ясные и конкретные условия заключения мира. Советское правительство убедительно показало, что оно практически, не на словах, а на деле стремится к миру с капиталистическими странами, готово сотрудничать с ними, считая возможным мирное сосуществование двух систем.

¹¹ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 94.

¹² В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 124.

После разгрома интервентов и белогвардейцев, когда нормализация отношений между Советским государством и капиталистическими странами стала на очередь дня, вопрос о возможности сотрудничества двух систем был неоднократно сформулирован в партийных решениях, выступлениях руководителей Коммунистической партии и Советского правительства.

«Впервые мысль о сотрудничестве двух систем была высказана Лениным. Ленин — наш учитель, — говорил И. В. Сталин, — а мы, советские люди — ученики Ленина. Мы никогда не отступали и не отступим от указаний Ленина»¹³.

В. И. Ленин в ряде своих выступлений этого периода развивал мысль о возможности сосуществования двух систем, о желательности установления экономических связей между Советским государством и капиталистическими странами.

Х съезд РКП(б) в своей резолюции «Советская республика в капиталистическом окружении» отмечал, что геройскими усилиями трудящихся вооруженные нападения империалистов были отбиты, и Советская страна «завоевала себе возможность вступить в общение с капиталистическими государствами как независимое государство, на основе взаимных обязательств политического и торгового характера»¹⁴.

И. В. Сталин, развивая ленинские положения о возможности и желательности установления экономических связей между Советским государством и капиталистическими странами, отмечал, что капиталистические группы из буржуазных стран заинтересованы в том, чтобы войти в соглашение с Советским государством на предмет использования источников сырья и топлива на известных условиях. Советская власть, со своей стороны, также заинтересована в таком соглашении, ибо оно облегчило бы дело восстановления и развития народного хозяйства¹⁵.

Обосновывая положение о возможности сосуществования двух систем, В. И. Ленин указывал на конкретные формы сотрудничества Советского государства с капиталистическими странами. Важнейшей задачей в этом отношении было установление и дальнейшее развитие торговых отношений с этими странами. Именно это, укрепляя экономику Советской России, в то же время давало основу для прочного мира. Немаловажную роль на том этапе развития Советского государства могло сыграть и предоставление иностранным капиталистам концессий.

Борясь за мир, за расширение и укрепление международного сотрудничества, Советское государство должно было проявлять всемерную бдительность. Советское правительство учитывало, что мировой империализм будет прилагать все усилия для того, чтобы попытаться ликвидировать прорыв капиталистической системы и выйти из общего кризиса капитализма, чтобы удушить Советскую власть при помощи дипломатического и экономического нажима, готовясь в то же время к новому военному нападению.

Капиталистические государства, в том числе и те, которые в конце 1920 — начале 1921 г. пошли на известные соглашения с РСФСР, продолжали активно поддерживать контрреволюционные элементы внутри Советской страны, организовывали провокации на ее границах, вели злобную антисоветскую кампанию. Интервенционистские антисоветские

¹³ «Правда», № 113, от 8 мая 1947 г. Запись беседы тов. И. В. Сталина с деятелем республиканской партии США Гарольдом Стассеном 9 апреля 1947 г.

¹⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, Госполитиздат, 1953, стр. 566.

¹⁵ См. И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 91.

действия империалистических стран в это время с особой силой проявились в связи с кронштадтским мятежом, а также летом и осенью 1921 г., когда империалисты пытались использовать неурожай и голод в Поволжье для организации новой интервенции. Советский народ всегда должен был быть начеку. «И первой заповедью нашей политики,— учил В. И. Ленин,— первым уроком..., который должны усвоить себе все рабочие и крестьяне, это — быть начеку, помнить, что мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают величайшую ненависть к нам. Надо помнить, что от всякого нашествия мы всегда на волоске»¹⁶.

Ведя борьбу за укрепление мира, против агрессивных сил, стремившихся развязать войну, Советская страна учитывала наличие противоречий в лагере империализма, использовала их в интересах всех миролюбивых народов. Использование противоречий в лагере империалистов являлось одним из руководящих, основных правил советской внешней политики. Советская власть с первых же дней своего существования с успехом использовала эти противоречия для укрепления своего положения. Так, например, заключив Брестский мир с германским империализмом, Советская страна использовала противоречия между империалистами так, что выиграл, в конечном счете, социализм¹⁷.

Среди империалистов не может быть подлинного единства, ибо собственностью разъединяет. Их единство — «сплошная фикция, сплошной обман, сплошная ложь»¹⁸. Их борьба, распри, столкновения неизбежны. Капиталисты боролись, борются и будут бороться между собой за возможность грабить и эксплуатировать. А всегда, когда два вора дерутся, говорил В. И. Ленин, честный человек от этого выигрывает¹⁹.

Несмотря на ненависть империалистов всех стран к Советскому государству, борьба капиталистических стран за рынки и желание утопить своих конкурентов оказывались практически сильнее, чем противоречия между лагерем капитализма и лагерем социализма.

Осуществляя на практике установки партии на укрепление мира и международного сотрудничества, советская дипломатия добилась в период перехода от войны к миру значительных успехов. Советское государство закрепляло военные победы, завоеванную передышку, налаживая мирные отношения с капиталистическими странами.

Уже к концу периода борьбы с интервентами и белогвардейцами было достигнуто мирное урегулирование с прибалтийскими республиками.

Как известно, народы Латвии, Литвы, Эстонии, установившие у себя Советскую власть, подверглись открытому вооруженному нападению со стороны иностранного империализма. В результате этого нападения, в котором участвовали банды немецких милитаристов, Советская власть в Прибалтике была свергнута и временно установилось господство буржуазии.

Однако расчеты империалистов на то, что им удастся использовать эстонцев, латышей, литовцев в качестве пушечного мяса против русских рабочих и крестьян, провалились. Советская политика мира, политика национального равноправия, уважения и защиты прав каждого народа, вплоть до самых малых, победила. Даже буржуазные правители прибалтийских республик вынуждены были пойти на мир с Советским

¹⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 122.

¹⁷ См. В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 411.

¹⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 417.

¹⁹ См. В. И. Ленин. т. 31, стр. 413.

государством. В феврале 1920 г. был подписан мир с Эстонией²⁰, в июле — с Литвой²¹, в августе — с Латвией²². В октябре 1920 г. был подписан мирный договор с Финляндией, вступивший в силу с 1 января 1921 г.²³

Перед Советским государством стояла задача завершить мирные переговоры с Польшей, закрепив заключенные в октябре 1920 г. перемирие и прелиминарный мир окончательным мирным договором. Реакционное польское правительство, послушно идя на поводу у западных империалистов, всячески затягивало переговоры. Польские власти, несмотря на перемирие, поддерживали банды матерых врагов Советской власти — Петлюры, Булак-Балаховича и Савинкова, которые, базируясь на польской территории, совершали разбойничьи налеты на Советскую Украину и Советскую Белоруссию. Но провокации империалистов не достигли цели. Мирная политика Советского государства восторжествовала. 18 марта 1921 г. в Риге был подписан мирный договор между РСФСР, УССР, с одной стороны, и Польшей — с другой²⁴.

Важное место в ряду достигнутых успехов занимало заключение торгового договора с Англией.

Английские империалисты, вместе с империалистами США, являлись, как известно, организаторами антисоветской интервенции. Бешено ненавидя Советскую страну, английская империалистическая буржуазия продолжала вынашивать планы новых антисоветских провокаций. Но в то же время многие влиятельные представители английской буржуазии, исходя из факта провала военного нападения на Республику Советов, стали склоняться в пользу установления торговых отношений с Советской Россией. Англия, больше других стран охваченная экономическим кризисом, остро нуждалась в расширении своих торговых связей. Советскому же государству подписание торгового договора с Англией давало возможность, экспортируя сырье, получать из Англии промышленную продукцию, необходимую для восстановления народного хозяйства. Вместе с тем такой договор имел и серьезное политическое значение. Он укреплял международное положение РСФСР и расстраивал единый фронт империалистических государств.

Учитывая все эти обстоятельства, Советское государство еще весной 1920 г. послало в Англию торговую делегацию. Однако английские правящие круги, начав переговоры, одновременно организовывали и всемерно поддерживали нападение на Советскую республику белопольских захватчиков и белогвардейских полчищ Врангеля. Не потеряв в тот период надежды на успех интервенции, английская буржуазия фактически срывала заключение договора.

«Мы готовы подписать торговое соглашение немедленно, — говорил В. И. Ленин на VIII Всероссийском съезде Советов, — а если оно до сих пор не подписано, то вина исключительно на тех течениях и веяниях в английских правящих кругах, которые хотят сорвать торговое соглашение, которые хотят, вопреки воле большинства не только рабочих, но даже вопреки воле большинства английской буржуазии, еще раз иметь возможность с развязанными руками сделать нападение на Советскую Россию»²⁵.

²⁰ СУ, 1920, № 7, ст. 44.

²¹ СУ, 1920, № 96, ст. 515.

²² СУ, 1920, № 45, ст. 514.

²³ СУ, 1921, № 71, ст. 573.

²⁴ Годовой отчет НКВД к IX съезду Советов (1920—1921 гг.), М., 1921, стр. 30.

²⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 461.

Убедившись после разгрома польских панов и Врангеля в крушении интервенционистских планов, английское правительство возобновило переговоры.

Наиболее агрессивные представители английской империалистической буржуазии всеми средствами пытались сорвать соглашение. Консерваторов поддерживали правые лидеры лейбористов, активно включившиеся в клеветническую антисоветскую кампанию. Правительство Ллойд-Джорджа не могло, однако, не учитывать настроения английских трудящихся, все решительнее требовавших соглашения с Советской Россией. Под воздействием трудящихся масс большинство лейбористских лидеров и руководителей тред-юнионов было вынуждено выступить за соглашение с РСФСР.

В. И. Ленин, говоря о ходе англо-советских переговоров, дал глубокую характеристику позиции правительства Ллойд-Джорджа. «...Английское правительство колеблется. Большинство буржуазии торговой и промышленной Англии стоит за восстановление сношений и ясно видит, что делать шаги, поддерживающие войну, это значит рисковать чрезвычайно и ускорить революцию»²⁶. «С другой стороны, реакционная часть английской буржуазии и придворная военная клика стоят за продолжение войны»²⁷.

Советское правительство, верное своей миролюбивой политике, соглашалось на серьезные уступки. Вместе с тем Советское правительство решительно отстаивало достоинство и суверенитет Советской страны, пресекая попытки английских дипломатов действовать путем нажима.

Благодаря ясной и твердой позиции Советского правительства, переговоры были успешно завершены. 16 марта 1921 г. торговое соглашение между РСФСР и Великобританией было подписано²⁸. Это соглашение носило не только экономический, но и политический характер. В соответствии с соглашением РСФСР и Великобритания обязывались воздерживаться от всяких враждебных действий по отношению друг к другу. Поданным обоим государствам предоставлялось право возвращения на родину. Между Англией и Россией восстанавливались торговые отношения, обе стороны могли взаимно обмениваться торговыми представителями, которые получали ряд дипломатических привилегий. Английское правительство обязывалось не предпринимать никаких действий для того, чтобы завладеть золотом и имуществом, являвшимся собственностью Советского государства.

Торговое соглашение с Англией явилось серьезным успехом советской внешней политики. Оно означало фактическое (но не юридическое) признание Англией Советского правительства. Об этом заявил в палате общин английский премьер Ллойд-Джордж.

Таким образом, одна из крупнейших капиталистических держав, на протяжении долгого времени организовывавшая военные походы против Советской власти, оказалась вынужденной признать де-факто эту власть и установить с ней определенные политические и торговые отношения, — следовательно, признать силу и прочность Советской власти. Это имело крупное международное значение.

Вскоре Советское государство заключило временное торговое соглашение с Германией (6 мая 1921 г.)²⁹. С марта 1921 г. советская тор-

²⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 441.

²⁷ Там же.

²⁸ История дипломатии, т. III, стр. 113. Текст соглашения см. СУ, 1921, № 74, ст. 600.

²⁹ Годовой отчет НКВД к IX съезду Советов (1920—1921 гг.), стр. 12.

говая делегация вела переговоры с итальянским правительством. Эти переговоры завершились подписанием итало-советского торгового соглашения (декабрь 1921 г.)³⁰. В дальнейшем (во второй половине 1921 г. и первой половине 1922 г.) был заключен еще ряд временных торговых соглашений — с Норвегией, Австрией, Швецией, Чехословакией³¹.

Исключительно важное место во внешней политике Советского государства занимал вопрос об установлении и укреплении дружественных отношений со странами Востока. Отношение Советского правительства к этим странам строилось на основе ленинско-сталинской национальной политики, принципов уважения прав и интересов больших и малых, сильных и слабых народов.

В течение 1921 г. Советское государство заключило договоры с Ираном, Афганистаном, Турцией, Монголией, вело переговоры с Китаем. И тексты соглашений, и самый характер переговоров с огромной силой демонстрировали коренное, принципиальное отличие политики Советского государства от политики империалистов, рассматривавших страны Востока как объекты насилия и колониального грабежа.

Эти договоры ясно показывали, что интересы Советской страны не только не противоречат, а, наоборот, сливаются с интересами миролюбивых народов. Договоры, соответствуя интересам Советского государства, вместе с тем полностью отвечали нуждам и требованиям сопредельных стран, давали прямую поддержку и защиту народам этих стран в их борьбе против империалистического закабаления.

В договоре с Ираном, подписанном 26 февраля 1921 г.³², Советское правительство закрепляло бесповоротный отказ от насильнической политики бывших империалистических правительств России. Советское правительство заявило об аннулировании всех неравноправных договоров, заключенных с Ираном во времена царизма. Советская Россия отказывалась от всех полученных в Иране при царизме концессий. Ирану безвозмездно передавались принадлежавшие здесь России шоссейные дороги и железнодорожные линии, телеграфно-телефонные линии, транспортные средства на Урмийском озере и др. Статья шестая договора гласила, что в случае попыток других стран захватить территорию Ирана или использовать эту территорию для нападения на Советскую страну, Советское правительство получает «право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы в интересах самообороны принять необходимые военные меры»³³. Эта статья имела огромное значение для обеспечения безопасности Ирана, пресекая возможную угрозу военного нападения империалистов на Иран. Статья шестая договора укрепляла также безопасность Советского государства. Известно, что английские империалисты в период иностранной военной интервенции использовали Иран как базу для открытого вторжения на территорию Советского Закавказья и Советской Туркмении.

Международное значение советско-иранского договора было чрезвычайно велико. Впервые в истории великая, могучая держава подписала со страной, находившейся в состоянии полуколониальной зависимости, договор, основанный на принципах полного равноправия, уважения национальной независимости и государственного суверенитета. Справедливый, антиимпериалистический, миролюбивый характер политики Советского государства с особой силой и отчетливостью был виден в сопо-

³⁰ История дипломатии, т. III, стр. 122.

³¹ Там же.

³² СУ, 1921, № 73, ст. 597.

³³ Там же.

ставлении с действиями английских империалистов, всеми средствами пытавшихся окончательно закабалить иранский народ. Боясь влияния советской политики дружбы на иранский народ, реакционное иранское правительство Сеид-Зия-эд-Дина не решилось даже опубликовать полный текст договора, заключенного в Москве. Но скрыть правду было невозможно. Национально-освободительное движение в стране развертывалось с новой силой. Под давлением народа иранское правительство аннулировало кабальный англо-иранский договор 1919 г. Англичанам пришлось вывести из Ирана свои войска. Английские империалисты потерпели в Иране явное поражение.

Через два дня после подписания советско-иранского договора, 28 февраля 1921 г., в Москве был подписан договор с Афганистаном. И с этой страной, которую империалисты рассматривали как полуколонию, Советское государство заключило договор о мире и дружбе, ограждавший независимость Афганистана. Договор гласил, что он заключается «в целях упрочения дружественных отношений между Россией и Афганистаном и ограждения действительной независимости Афганистана»³⁴. Советское правительство обязывалось оказывать Афганистану материальную и культурную помощь.

Советско-афганский договор явился решающим фактором, обусловившим успехи афганского народа в борьбе за независимость своей страны против притязаний английских империалистов. Последние, хотя и потерпели поражение в войне с афганским народом в 1919 г., отказывались на деле признать независимость Афганистана. После подписания советско-афганского договора Англия оказалась вынужденной пойти на признание независимости Афганистана и отказаться от претензий на контроль над его внешними сношениями.

Таким образом, и для Ирана, и для Афганистана дружба с Советской Россией явилась решающим условием, обеспечившим сохранение этими странами их государственной независимости.

16 марта 1921 г. Советское государство заключило договор о дружбе и братстве с кемалистской Турцией³⁵. Договор свидетельствовал о сочувствии Советского государства национально-освободительной борьбе турецкого народа против иностранных империалистов и явился важным подспорьем в этой борьбе. В то время как англо-американские империалисты, используя греческие войска, стремились расчлениить и закабалить Турцию, Советская Россия, объявив ликвидированными все старые царские договоры, навязанные Турции, отказывалась от режима капитуляций, как несовместимого «с свободным национальным развитием всякой страны»³⁶.

Однако кемалистские лидеры, захватившие в свои руки руководство национально-освободительной борьбой турецкого народа, повели двойственную политику по отношению к Советской стране. Ведя переговоры с Советским государством, они одновременно начали военные действия против Грузии, в которой 25 февраля 1921 г. была провозглашена Советская власть.

Буквально через день после подписания советско-турецкого договора турецкие войска пытались осуществить захват Батума.

Заверяя Советское государство в дружественных чувствах, кемалистские круги в то же время вели переговоры с английскими империали-

³⁴ СУ, 1924, № 36, ст. 343.

³⁵ СУ, 1921, № 73, ст. 598.

³⁶ Там же.

стами, стремясь заключить с ними сделку за счет как самой Турции, так и Советской России.

Вероломная политика кемалистов явилась прямым следствием характера кемалистской революции, которая, как писал И. В. Сталин, «есть верхушечная революция национальной торговой буржуазии, возникающая в борьбе с чужеземными империалистами и направленная в своем дальнейшем развитии, по сути дела, против крестьян и рабочих, против самих возможностей аграрной революции»³⁷.

Несмотря на всю двойственность и неискренность политики кемалистов, советско-турецкий договор сыграл свою положительную роль: он содействовал укреплению международных позиций Советского государства, ярко демонстрируя миролюбивый характер советской внешней политики, в корне отличной от агрессивной политики царской России и западных империалистов. Способствуя национально-освободительной борьбе турецкого народа, договор оказал влияние на ослабление и отвлечение империалистических сил.

На Дальнем Востоке Советское государство оказало решающую поддержку молодому Монгольскому государству. Монгольский народ, руководимый молодой народно-революционной партией³⁸, вел в то время революционную освободительную борьбу против японских империалистов и их ставленников. Народное правительство Монголии, образованное в марте 1921 г. и возглавленное славными сынами монгольского народа Сухэ-Батором и Чойбалсаном, обратилось за помощью к РСФСР³⁹. Монгольская народная армия и выступившие ей на помощь части советских войск разгромили банды наймита империалистов, белогвардейца Унгерна, освободив территорию Монголии. Дружественное сотрудничество, установившееся между РСФСР и Монголией, было оформлено договором, подписанным 5 ноября 1921 г.⁴⁰

После победы Великой Октябрьской социалистической революции Советское правительство неоднократно заявляло о своем стремлении установить на принципах полного равенства и дружбы добрососедские отношения с великим китайским народом. Еще летом 1919 г., когда Колчак откатывался под ударами Красной Армии на Восток, Советское правительство обратилось к Китаю с исторической нотой, в которой заявляло об отказе от завоеваний, сделанных царизмом в Китае, от получения контрибуции, от всяких привилегий⁴¹.

Советское правительство изъявляло свою готовность договориться с китайским народом по всем другим вопросам «и раз навсегда ликвидировать все акты насилия и несправедливости, совершенные в отношении Китая прежними российскими правительствами совместно с Японией и союзниками»⁴².

Эта нота, дававшая прочную основу для установления дружеских отношений между двумя государствами, произвела в Китае огромное впечатление. Впервые с Китаем разговаривали не языком ультиматумов и угроз, а голосом равенства и дружбы. Но империалистические хозяева Китая приложили все усилия, чтобы помешать переговорам Китая с РСФСР. Нота осталась без ответа. Когда же Красная Армия,

³⁷ И. В. Сталин. Соч., т. 9, стр. 256.

³⁸ До 1922 г. Монгольская народно-революционная партия называлась Монгольской народной партией. См. Х. Чойбалсан. Краткий очерк истории Монгольской народной революции, М., 1952, стр. 21.

³⁹ Там же, стр. 45.

⁴⁰ История дипломатии, т. III, стр. 112.

⁴¹ Политика Советской власти по национальному вопросу за три года, 1920, стр. 49.

⁴² Там же.

освободив к концу 1920 г. Сибирь до Байкала, восстановила границу РСФСР с Китаем и пекинское правительство послало в Москву военно-дипломатическую миссию, империалистические державы путем нажима на Китай добились срыва переговоров. В результате противодействия империалистов не имели успеха в этот период и дальнейшие попытки РСФСР заключить политическое или торговое соглашение с Китаем.

Упрочение международного положения Советской России в начале 1921 г. было несомненным. Однако ряд капиталистических стран все еще упорно отказывался вступить в какие-либо отношения с Республикой Советов. К числу таких стран относилась, в первую очередь, Франция. Французская реакция яростно выступила против англо-советского соглашения, продолжая ратовать за возобновление интервенции, спланивая и поддерживая антисоветские силы в Европе. В марте 1921 г. был заключен секретный договор между Францией и Японией, направленный на поддержку японской интервенции на Дальнем Востоке.

Особо враждебную и непримиримую позицию по отношению к Советскому государству занимало крупнейшее из капиталистических государств — США. Империалистические заправилы Америки не хотели примириться с крахом интервенции, с провалом планов закабаления России. Известная часть американской буржуазии выступала за возобновление торговли с Россией. Но миллиардеры Уолл-стрита, определяющие политику США, готовы были поступиться торговыми выгодами для достижения своей главной задачи — уничтожения Советской власти в России. Они надеялись путем экономической изоляции Советской России ликвидировать советский строй. Поэтому правящие круги США не только упорно отказывались сами установить связи с РСФСР, но и оказывали соответствующее воздействие на другие страны.

В декабре 1920 г. американское правительство выслало из Америки уполномоченного РСФСР Мартенса, находившегося там в течение двух лет. Высылка Мартенса сопровождалась разнузданной травлей и клеветой против РСФСР и преследовала своей целью усилить антисоветскую кампанию во всех странах в момент перехода от войны к миру. В ответ на этот наглый выпад Наркоминдел, отозвав Мартенса из Америки, заявил о расторжении всех заключенных в США контрактов⁴³.

20 марта 1921 г. ВЦИК обратился с телеграммой, подписанной М. И. Калининым, к американскому конгрессу и новому президенту Гардингу. Высший орган Советского государства заявлял о стремлении Советской России к установлению дружественных отношений с Америкой. Телеграмма напоминала о ряде шагов, предпринятых в этом направлении Советской Россией. «Но президент Вильсон, — говорилось в телеграмме, — без всякой причины и без объявления войны напавший на Российскую Республику, за все время своего управления проявлял растущую враждебность к Российской Республике»⁴⁴.

Телеграмма ВЦИК подчеркивала, что интересы обоих народов требуют устранения разделяющей их теперь стены. ВЦИК предлагал отправить в Америку специальную делегацию для ведения переговоров об урегулировании отношений между обеими республиками и для разрешения вопроса о деловых отношениях и возобновлении торговли.

Это обращение, явившееся ярким свидетельством миролюбия и благожелательности Советского государства по отношению к американскому народу, было отвергнуто правительством США. 26 марта 1921 г. совет-

⁴³ См. Годовой отчет НКВД к IX съезду Советов (1920—1921 гг.), стр. 60.

⁴⁴ «Известия», № 61, от 22 марта 1921 г.

ский представитель в Ревеле М. М. Литвинов получил от американского консула текст постановления американского правительства. В этом постановлении заявлялось, что правительство США считает невозможным возобновить сношения с Советской Россией до тех пор, пока в ней не будут восстановлены частная собственность и основы буржуазного строя⁴⁵.

В этом ответе, как в фокусе, отразилась вся злобная антисоветская политика американских империалистов. Грубо и цинично они отказывались от переговоров, с беспримерной в отношениях двух суверенных государств наглостью они вмешивались во внутренние дела Советской Республики, требуя ни больше, ни меньше, как реставрации капитализма в России.

Таким образом, Советское государство боролось за укрепление мира, за упрочение своего международного положения в исключительно сложных и трудных условиях. Правящие круги капиталистических стран, и прежде всего американские империалисты, не теряли еще надежды на возможность свержения Советской власти и реставрации капитализма в России. Они не отказались от планов новой интервенции, выжидая удобного момента для открытого военного нападения. Отдельные капиталистические страны, хотя и оказались вынужденными пойти на заключение ряда соглашений с Советской Россией, но отказались от юридического признания Советской власти и стремились всячески использовать эти соглашения для экономического и дипломатического нажима на Республику Советов.

В этих тяжелых условиях Советское государство выступило как активный и могучий фактор международной политики. Решительно и последовательно отстаивая дело мира, используя ослабление капиталистического мира и противоречия в лагере империалистов, срывая единый антисоветский фронт, Советское государство укрепляло свою безопасность.

Во всем мире, в широких массах трудящихся продолжали расти сочувствие и поддержка Советской России, ее мирной политики. Вдохновляемая успехами Советского государства, революционная борьба народов, руководимых рабочим классом и его боевым авангардом — Коммунистической партией, еще больше ослабляла капитализм, содействовала срыву агрессивных планов империалистов, способствовала упрочению позиций Республики Советов, упрочению дела мира.

Укрепление международного положения Советского государства давало возможность Коммунистической партии и Советскому правительству сосредоточить свое внимание на мирной работе по восстановлению разрушенного интервентами народного хозяйства.

2. ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ В НАЧАЛЕ 1921 г. ТРУДНОСТИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПЕРИОДА

Историческая победа советского народа в гражданской войне коренным образом изменила внутреннее положение Советского государства. На территории нашей страны упрочились нового типа государственные образования, невиданные ранее в истории человечества, — Советские республики, где власть принадлежит руководимым Коммунистической партией рабочим и крестьянам.

Первым и самым большим союзом свободных наций являлась

⁴⁵ Годовой отчет НКВД к IX съезду Советов (1920—1921 гг.), стр. 60.

Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика — РСФСР. РСФСР объединяла русские области центральной России, Поволжья, Урала, Севера, Дона, Северного Кавказа, в нее входили также Туркестанская, Башкирская, Татарская, Киргизская (Казахская), Дагестанская, Горская автономные республики, Чувашская и Марийская автономные области, автономная область вотяцкого народа, Карельская трудовая коммуна.

В огне гражданской войны народы России убедились, что Российская Федерация является прочной основой для объединения всех народов вокруг великого русского народа в единое многонациональное социалистическое государство.

В братском единстве с Российской Федерацией, скрепляя узы дружбы народов, сплачивая силы в целях обороны, а также в интересах хозяйственного строительства, шли другие советские социалистические республики.

Второй республикой по размеру территории, количеству населения и экономическому значению была Советская Украина. Украинский народ первым вслед за русским пошел по пути социалистической революции. Создав в декабре 1917 г. Украинскую Советскую Социалистическую Республику, украинский народ впервые за свою многовековую историю обрел свою государственность и национальную независимость.

Своей государственности и национальной независимости добился в результате Великой Октябрьской социалистической революции и белорусский народ, создавший в январе 1919 г. Белорусскую Советскую Социалистическую Республику.

В 1920 г. и в начале 1921 г. Советская власть победила в Азербайджане, Армении и Грузии. Азербайджанский народ сверг господство империалистических наймитов — муссаватистов — весной 1920 г. В Армении Советская власть была установлена в конце 1920 г., в Грузии — в феврале 1921 г.

Все советские социалистические республики были связаны с РСФСР договорами о союзе и братском сотрудничестве как в области внешней и внутренней политики, так и в области экономической.

В Средней Азии, наряду с Туркестанской Автономной Советской Республикой, входившей в состав РСФСР, существовали Бухарская и Хорезмская советские народные республики, возникшие на месте свергнутых феодальных деспотий и вступившие с первых дней своего существования в прочный братский союз с РСФСР и другими советскими социалистическими республиками.

Очищение от интервентов и белогвардейцев важнейших экономических районов создало условия для перехода Советской страны к мирному социалистическому строительству. Однако положение Республики Советов было чрезвычайно сложным и трудным.

В ходе войны империалисты захватили часть советской территории: Западную Украину, Западную Белоруссию, Бессарабию. Украинцы, белорусы, молдаване, населяющие эти территории, были насильственно разьединены с их единокровными братьями, с матерью-Родиной. Польские помещики и румынские бояре на долгие годы превратили захваченные земли в свои колонии, обрекая свободолюбивые народы на бесправие и угнетение, на нищету и вымирание.

Империалисты Антанты сделали все, чтобы поработить народы Прибалтики, получившие национальную и государственную самостоятельность в результате Великой Октябрьской социалистической революции. Литовская, латвийская, эстонская буржуазия и помещики при помощи

империалистов США, Германии, Англии, Франции задушили Советскую власть, установившуюся в этих странах, и восстановили буржуазно-помещичий режим.

Советская страна была разорена до крайности четырехлетней империалистической войной и трехлетней войной с иностранной интервенцией. Армии империалистических хищников совместно с бандами их наймитов — белогвардейцев и продажных агентов империализма, контрреволюционных буржуазных националистов, нанесли колоссальный ущерб народному хозяйству России. Ее производительные силы были значительно подорваны.

Жизненно важные районы страны — Украина, Поволжье, Север, ряд центральных губерний, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Северный Кавказ, Закавказье, Средняя Азия — явились ареной ожесточенных боев с иностранными захватчиками и белогвардейцами. Стремясь задушить молодую Советскую Республику и поработить советские народы, американские, английские, французские, германские, турецкие, японские интервенты зверски разрушили многие заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный и водный транспорт, средства связи и т. д. Огромное количество оборудования, продовольствия, сырья и других материальных ценностей было вывезено за границу. Общий ущерб, причиненный народному хозяйству страны военной интервенцией, исчислялся в десятках миллиардов рублей золотом.

Сельское хозяйство страны пришло в состояние крайнего упадка и разрухи. За годы войны резко сократились посевные площади. В 1913 г. вся посевная площадь составляла 105 млн. га ⁴⁶, а в 1921 г. — 90,3 млн. га ⁴⁷. Посевные площади сократились как в центральных районах страны, так и в Сибири, на Украине, на Северном Кавказе, в Белоруссии, Закавказье, Средней Азии.

Посевные площади уменьшились вследствие сокращения посевов зерновых и технических культур. На Украине в 1920 г. посевные площади сократились по сравнению с 1914 г. на 20% ⁴⁸. Особенно резко уменьшилась здесь посевная площадь сахарной свеклы. В 1920 г. посевы сахарной свеклы снизились в 4 раза в сравнении с довоенным уровнем ⁴⁹.

В крайне тяжелом состоянии находилось хозяйство Белоруссии. Посевные площади уменьшились здесь по сравнению с 1913 г. на 30% ⁵⁰.

Тяжелый урон нанесло республикам Северного Кавказа и Закавказья кровавое господство интервентов и их агентов — грузинских меньшевиков, армянских дашнаков, азербайджанских муссаватистов и других буржуазных националистов. В этих республиках, более крестьянских, чем центральная Россия, ощущался еще больший упадок сельского хозяйства. Так в Азербайджане и Грузии значительно сократились посевные площади зерновых культур, чая и хлопка. Особенно тяжелое положение создалось в сельском хозяйстве Армении. Валовая продукция сельского хозяйства в сравнении с 1913 г. снизилась здесь в 5,8 раза ⁵¹. Хозяйничанье дашнаков довело страну до крайней нищеты и разорения.

⁴⁶ Социалистическое строительство СССР, Статистический ежегодник, М., 1936, стр. 280.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ УССР. ЦСУ. Календарь-справочник и записная книжка на 1923 год, Харьков, 1922, стр. 183.

⁴⁹ Украинская промышленность в 1920 г., Харьков, 1921, стр. 56.

⁵⁰ Социалистическое народное хозяйство Белорусской ССР, Минск, 1949, стр. 34.

⁵¹ Социалистическое строительство Армянской ССР (1920—1940 гг.). Статистический сборник, Ереван, 1940, стр. 5.

Больших размеров достигла хозяйственная разруха в сельском хозяйстве Туркестанской республики. Ирригационная система была разрушена. Площадь поливных земель сократилась на 1 млн. десятин, — с 2400 тыс. десятин в 1915 г. до 1400 тыс. десятин в 1920 г. Общая посевная площадь в 1920 г. сократилась в 2 раза по сравнению с довоенным уровнем⁵². В катастрофическом состоянии находилось хлопководство. Посевная площадь под хлопок уменьшилась с 523,6 тыс. десятин в 1915 г. до 109 тыс. десятин в 1920 г.⁵³ В связи с разрухой промышленности и транспорта сократились переработка хлопка и завоз зерновых культур в хлопководческие районы. Хлопководческие дехканские хозяйства уменьшали посевы хлопка и переходили к посевам пшеницы, риса и других продовольственных культур.

Сокращение посевных площадей и падение урожайности резко снижали сбор валовой продукции как зерновых, так и технических культур. Общая продукция сельского хозяйства страны в 1920 г. составляла лишь около половины довоенной⁵⁴.

Большой урон понесло животноводство страны. Поголовье скота резко сократилось. В 1920 г. количество скота (лошадей, крупного рогатого скота, овец и т. п.) по отношению к 1916 г. составляло 70,8%⁵⁵. Особенно резко уменьшилось поголовье скота в районах его значительного развития — в Казахстане, Средней Азии, на Кавказе, в Башкирии и др. В Туркестанской республике потеря скота в 1920 г., по сравнению с 1911 г., определялась в 76,4%⁵⁶.

В еще более тяжелом состоянии находились промышленность и транспорт. Продукция крупной промышленности в 1920 г. была почти в семь раз меньше довоенной⁵⁷. Основные фонды крупной промышленности за годы войны почти не обновлялись. Некоторые отрасли промышленности совершенно замерли. Особенно сильному разрушению подверглись важнейшие, решающие отрасли промышленности — топливная, металлургическая, машиностроительная и др. Английские, американские, французские, германские и японские империалистические захватчики и белогвардейцы стремились нанести самый чувствительный удар Советской республике в районах, богатых топливом (Донбасс, Урал, Баку и др.), чтобы сделать невозможным восстановление разрушенного народного хозяйства.

Наиболее сильно пострадала каменноугольная промышленность. В 1920 г. добыча каменного угля по Донецкому, Уральскому, Подмосковному, Боровичскому, Кузнецкому, Черемховскому бассейнам и Туркестану составляла 466,5 млн. пудов вместо 1813,6 млн. пудов в 1917 г.⁵⁸

Наибольшему разрушению подвергся главный угольный район страны — Донецкий бассейн. В 1920 г. работала только половина всех донецких шахт⁵⁹. Общее количество рабочих Донбасса уменьшилось почти вдвое, причем резко сократилось число квалифицированных рабочих.

⁵² Узбекский филиал ИМЭЛ при ЦК ВКП(б). Труды, т. I, Ташкент, 1951, стр. 119.

⁵³ Там же, стр. 119—120.

⁵⁴ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 237.

⁵⁵ Труды ЦСУ, т. XVIII. Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918—1923 гг. М., 1924, стр. 136—137.

⁵⁶ Узбекский филиал ИМЭЛ при ЦК ВКП(б). Труды, т. I, стр. 120.

⁵⁷ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 237.

⁵⁸ Промышленность за 10 лет (1917—1927 гг.), М., 1927, стр. 10.

⁵⁹ Украинская промышленность в 1920 г. (По отчетам главных управлений Украинского совета народного хозяйства), Харьков, 1921, стр. 7.

Производительность труда на одного рабочего в Донецком бассейне упала с 9185 пуд. в 1913 г. до 2300 в 1920 г.⁶⁰

В тяжелом состоянии была и нефтяная промышленность. Основные нефтяные районы — Бакинский, Грозненский, Урало-Эмбинский — до начала 1920 г. находились в руках иностранных интервентов и белогвардейцев. В результате хищнического хозяйничания английских и германо-турецких оккупантов Бакинский нефтяной район был доведен до развала, а добыча нефти резко упала. Значительно сократилось число эксплуатируемых скважин в Грозненском районе. Очень сильно пострадал Урало-Эмбинский район.

Критическое положение топливного хозяйства страны ухудшало и без того тяжелое состояние металлургии, машиностроения, транспорта. Интервенты и белогвардейцы нанесли особенно сильный ущерб металлургии, разрушив и разграбив крупнейшие предприятия страны. Выплавка чугуна, стали, проката упала до крайнего предела. Так, например, выплавка чугуна в 1920 г. снизилась до 2,4% в сравнении с 1913 г.⁶¹

Вся металлургическая промышленность Юга (Украина) в 1920 г. давала не более 5% довоенной продукции. К концу 1920 г. не работали такие крупнейшие предприятия, как Краматорский, Екатеринославский, Александровский, Мариупольский, Таганрогский и другие заводы.

Рудники Криворожья, Керчи, Запорожья, Никополя были разрушены интервентами. В тяжелом состоянии находилась рудная промышленность Закавказья. Оккупанты, хозяйничая в Закавказье, своей хищнической эксплуатацией марганцевых и медных рудников довели их до развала.

Аналогичное положение было в машиностроительной промышленности. В стране до минимума сократился выпуск сельскохозяйственных машин. Заводы, расположенные в РСФСР, в 1920 г. выпускали в сравнении с 1913 г. 13,3% плугов, 5,8% борон и т. д.⁶²

Значительно сократилось производство паровозов и вагонов. Крупнейшие паровозостроительные заводы — Харьковский и Луганский — были доведены до полного разрушения. Деникинские банды вывезли с заводов оборудование, подвижной состав, запасы топлива (уголь был вывезен до последнего пуда).

Производство паровозов в 1920 г. сократилось до 14,8%, вагонов — до 4,2% от уровня 1913 г.⁶³

В тяжелом положении находилась легкая промышленность. Выпуск хлопчатобумажных тканей на текстильных предприятиях страны упал с 2850,1 млн. метров в 1913 г. до 153,1 млн. метров в 1920 г.⁶⁴

Сахарная промышленность произвела в 1920/1921 г. немного больше 5 млн. пудов сахара, т. е. в 12 раз меньше годового потребления сахара довоенной России⁶⁵.

Добыча соли в 1920 г., по сравнению с 1913 г., составляла 30%⁶⁶. Производство спичек сократилось до 14% довоенного уровня⁶⁷.

Не работали из-за отсутствия сырья и топлива многие предприятия

⁶⁰ Промышленность за 10 лет (1917—1927 гг.), стр. 11.

⁶¹ Русская промышленность в 1921 г. и ее перспективы (отчет к 9-му съезду Советов), стр. LXIII.

⁶² Там же, стр. 81.

⁶³ Там же, стр. 65.

⁶⁴ Промышленность за 10 лет (1917—1927 гг.), стр. 15.

⁶⁵ Украинская промышленность в 1920 г. (По отчетам главных управлений Украинского совета народного хозяйства), стр. 58.

⁶⁶ Русская промышленность в 1921 г. и ее перспективы (отчет к 9-му съезду Советов), стр. LXIII.

⁶⁷ Там же. См. также: Промышленность за 10 лет, стр. 13—14.

Москвы, Петрограда, Минска, Киева, Нижнего-Новгорода, Иваново-Вознесенска, Ростова-на-Дону и других промышленных центров.

В период временной оккупации германские империалисты, белопольские захватчики и белогвардейские банды разорили и разграбили промышленность Белоруссии. Из имевшихся до войны 715 промышленных предприятий было уничтожено 480 предприятий⁶⁸.

В полный упадок пришла и без того слабая промышленность Туркестанской республики и Казахстана. Хлопкоочистительные, маслобойные и мыловаренные заводы бездействовали из-за отсутствия сырья, технического оборудования, рабочей силы. Много заводов было сожжено и разрушено белогвардейцами и бандами басмачей. Бездействовали металлургические предприятия Риддера, Карасакпая и др.

Разруха в сельском хозяйстве и промышленности усугублялась разрушением транспорта. Значительная часть железных дорог находилась во время войны в сфере военных действий. Было уничтожено 4322 железнодорожных моста. На большом протяжении были разрушены рельсовые пути. Резко сократились топливные запасы транспорта. На большей части железных дорог основным видом топлива стали дрова. Грузооборот страны в 1920 г. составлял всего около 23% довоенного уровня.

Разруха на транспорте способствовала нарушению и ослаблению экономических связей между районами страны, отраслями народного хозяйства, между промышленностью и сельским хозяйством, между городом и деревней. Крупнейшие промышленные центры — Москва, Петроград, Киев, Харьков, Екатеринослав, Ростов-на-Дону, Иваново-Вознесенск, Тула — были в тяжелом положении. Из-за недостатка топлива нарушилось движение городского транспорта. Население промышленных городов значительно сократилось.

В стране ощущался острый недостаток самого необходимого: хлеба, жиров, мяса и других продуктов. Продовольственное положение еще более ухудшилось в связи с тем, что в 1920 г. многие губернии были охвачены неурожаем.

В полное расстройство пришла денежная система. Бумажный рубль обесценивался.

Огромный урон понесло население страны. За 7 лет войны и интервенции погибли миллионы людей. Рабочие и крестьяне были до крайности переутомлены и истощены.

Рабочий класс — основная и руководящая сила пролетарской революции — в годы войны и интервенции больше всех других классов терпел лишения и страдания.

Героический рабочий класс принес огромные жертвы во имя спасения Советской Республики. «Эти три с половиной года, большая часть которых прошла в отчаянной гражданской войне Советской власти против всего капиталистического мира, — говорил В. И. Ленин, — означали собой для рабочего класса, для пролетариата, такие бедствия, такие лишения, такие жертвы, такое обострение всяческих нужд, как никогда в мире»⁶⁹.

Значительная часть кадровых пролетариев с оружием в руках сражалась на фронтах гражданской войны и в партизанских отрядах. Многие из них погибли в боях. Немало преданных делу революции пролетариев было зверски замучено и уничтожено в застенках иностранных и белогвардейских контрразведок. Немало квалифицированных рабочих из-за

⁶⁸ 30 лет Белорусской Советской Социалистической Республики, Минск, 1949, стр. 7. О 30-летию Белорусской Советской Социалистической Республики. Постановление ЦК ВКП(б) от 1 декабря 1948 г.

⁶⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 250.

голода и бедствий ушли в деревню. Ряды пролетарских кадров поредели. Общая численность рабочих в промышленности в 1920 г. составляла 1270 тыс. человек против 2400 тыс. в 1913 г.⁷⁰ Во всех отраслях промышленности уменьшилось число квалифицированных рабочих.

Большой урон в результате войны против империалистов и белогвардейцев понес и верный союзник рабочего класса — трудовое крестьянство. Из сельского хозяйства за эти годы выбыла наиболее работоспособная часть мужского населения.

Разруха, вызванная войной и интервенцией, усугубила экономическую отсталость России. В наследство от царизма рабочий класс получил отсталую технически, полунищую страну, ограбленную русскими и иностранными капиталистами.

Новое, социалистическое общество в России выходило из недр старого, капиталистического общества. Экономика новой, социалистической России представляла собой сплетение старого и нового, элементы различных общественно-экономических укладов, кусочки капитализма и социализма.

Элементами пяти общественно-экономических укладов являлись: остатки патриархального хозяйства, т. е. в значительной степени натуральные крестьянские хозяйства; мелкое товарное производство, куда относилось большинство крестьянских хозяйств, производивших хлеб для рынка; частнохозяйственный капитализм; государственный капитализм (концессии, сданные государством иностранным капиталистам на договорных началах); социалистический уклад.

Разнородные социально-экономические уклады создавали пеструю картину в уровне развития производительных сил страны, размещенных крайне неравномерно. В этой неравномерности с особой силой выступали все противоречия капиталистического способа производства, существовавшего в дореволюционной России. Промышленность царской России была сосредоточена в пределах немногих центральных губерний.

Сосредоточение промышленности в немногих районах создавало отрыв обрабатывающей промышленности от ее сырьевых и топливных баз. Так, в центральных и северо-западных губерниях (Петроградская, Московская, Владимирская, Нижегородская и др.) находилось более 50% производства машиностроительной промышленности, тогда как выплавка в этих районах чугуна составляла всего лишь 4,6%, стали — 14,5%, проката — 15,1%. Важнейшие промышленные центры страны — Москва, Петроград, Иваново и др. — почти полностью базировались на привозном сырье.

Огромные по пространству окраины царской России, изобилующие сырьем, топливом, полезными ископаемыми, продовольствием, оставались отсталыми. Удельный вес их в валовой продукции страны был ничтожен. Некоторые окраины России, такие, как Украина, Белоруссия, незначительная часть Азербайджана, Армении, Грузии, в той или иной степени были задеты промышленным развитием. Однако промышленность в этих районах была сосредоточена в отдельных центрах и не была органически связана со всей их экономикой. Так зародились основные отрасли промышленности Украины — угольная и металлургическая. Так развивалась нефтяная промышленность в Азербайджане. Несмотря на наличие бакинского промышленного района, Азербайджан оставался страной самых отсталых патриархально-феодальных отношений⁷¹. Местный национальный пролетариат в этих районах был очень малочисленен.

⁷⁰ Промышленность за 10 лет (1917—1927 гг.), стр. 3.

⁷¹ См. И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 47.

Другие, более отсталые окраины России не успели пройти стадию капитализма и не имели или почти не имели ни промышленности, ни промышленного пролетариата. Это были окраины, населенные главным образом тюркскими народностями — большая часть Средней Азии, Азербайджана, Дагестан, часть Северного Кавказа и др. В этих окраинах сохранились скотоводческое хозяйство и формы полупатриархального-полуфеодального быта.

Население северной части Туркестана, киргизы, башкиры и другие народы, всего около 6 млн. человек ⁷², занималось по преимуществу скотоводством. Земли этих окраин служили предметом колонизации со стороны казачества и кулацких элементов России.

Глухой и забытой окраиной оставались обширные и богатые земли Севера, населенные различными народностями: карелами, коми, якутами, ненцами, чукчами и др. Политикой жестокого угнетения, проводимой царизмом, эти народы были обречены на неимоверные страдания и вымирание.

Царизм, помещики и буржуазия, стараясь держать массы в рабстве и невежестве, намеренно культивировали патриархально-феодальный гнет. Причины отсталости окраин крылись «не только в истории этих народов, но и в политике царизма и русской буржуазии, стремившихся превратить окраины в исключительно сырьевые районы, эксплуатируемые промышленно-развитыми центральными районами» ⁷³.

Советская власть получила в наследство от царизма не только многоукладную экономику и неравномерное размещение производительных сил в стране, но и отсталое в технико-экономическом отношении народное хозяйство. Удельный вес промышленности во всей системе народного хозяйства составлял 42,1%, а сельского хозяйства — 57,9% ⁷⁴. Промышленность и сельское хозяйство царской России в 1913 г. были оборудованы современными орудиями производства вчетверо хуже Англии, впятеро хуже Германии, вдесятеро хуже Америки ⁷⁵. В результате же двух войн техническая вооруженность промышленности и сельского хозяйства пала ниже уровня 1913 г.

Таково было наследство, полученное Советской властью от царизма, от господствовавших буржуазии и помещиков. Характеризуя состояние страны, В. И. Ленин писал: «Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость. А в крестьянских захолустьях всей остальной России? Везде, где десятки верст проселка — вернее: десятки верст бездорожья — отделяют деревню от железных дорог, то есть от материальной связи с культурой, с капитализмом, с крупной промышленностью, с большим городом. Разве не преобладает везде в этих местах тоже патриархальщина, обломовщина, полудикость?» ⁷⁶.

Многоукладная экономика Советской страны отражала все своеобразие переходного периода от капитализма к социализму. Смена старого, капиталистического способа производства новым, социалистическим способом производства не могла совершиться в короткий срок, а заняла

⁷² См. И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 47.

⁷³ Там же, стр. 188.

⁷⁴ См. И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 310.

⁷⁵ См. В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 261.

⁷⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 328—329.

целую историческую полосу, полную борьбы с внешними и внутренними врагами, упорной организационной работы и хозяйственного строительства, наступлений и отступлений, побед и поражений.

Ведущая роль в многоукладной экономике Советской России принадлежала социалистическому общественно-экономическому укладу, утвердившемуся в результате Великой Октябрьской социалистической революции и установления диктатуры пролетариата.

Рабочий класс России во главе со своим авангардом — Коммунистической партией, опираясь на экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, низверг капиталистические производственные отношения и создал новые, социалистические производственные отношения. В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции в стране была уничтожена капиталистическая собственность на средства производства, ликвидирована эксплуатация человека человеком и установлена общественная собственность на средства производства — землю, ее недра, промышленные предприятия, транспорт, все средства связи, а также на банки, торговлю и т. д. Новые, социалистические производственные отношения, основанные на общественной собственности на орудия и средства производства, на товарищеском сотрудничестве и взаимопомощи свободных от эксплуатации работников, стали главным двигателем экономического развития.

В новых условиях развития общества экономические законы капитализма (основной закон капитализма, закон конкуренции и анархии производства и другие) теряли силу, прекращали свое действие, уступая место новым законам, возникшим на базе новых экономических условий, на базе социалистического уклада. В действие вступили основной экономический закон социализма и опирающийся на него закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, и другие экономические закономерности социалистического способа производства.

Социалистический уклад утверждался и развивался в ожесточенной классовой борьбе. Империалисты всего мира и их агенты развязали военную интервенцию и гражданскую войну для того, чтобы уничтожить новый общественный строй, целью которого впервые в истории стала забота о благе человека. Отживающие силы общества, свергнутые эксплуататорские классы — буржуазия, помещики и не ликвидированный еще многочисленный эксплуататорский класс кулачества, кровно заинтересованные в сохранении капиталистического способа производства, оказали яростное сопротивление утверждавшимся в стране новым производственным отношениям, новому, социалистическому способу производства. Проведенная в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны Коммунистической партией и Советским государством гигантская работа по обеспечению условий для оформления нового экономического базиса проходила в обстановке борьбы не на жизнь, а на смерть со старыми, уходящими с исторической сцены силами общества.

Рабочий класс, Коммунистическая партия, опираясь на общественную силу, способную преодолевать бешеное сопротивление со стороны отживающих сил общества — на союз рабочего класса с крестьянством, в первые же годы революции добились упрочения социалистического уклада. Коммунистическая партия и Советская власть в специфических условиях гражданской войны осуществили целый ряд мероприятий, укрепивших основы нового общественного строя.

В годы гражданской войны завершилась национализация промышленности. В руках государства сосредоточились ведущие промышленные предприятия. В условиях военного коммунизма сложилась централизованная система управления промышленностью. При Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ) существовали отделы, главки, центры и комиссии, которые руководили отдельными отраслями народного хозяйства. Централизованная система главкизма страдала большими недостатками. Но, несмотря на все недостатки в организации управления промышленностью в сфере обобществленных средств производства, внедрялись учет, контроль, правильное распределение ресурсов и разрабатывались методы планового руководства социалистической экономикой.

Элементы социалистического уклада за эти годы проникли в сельское хозяйство. На земле, ставшей всенародным достоянием, впервые в истории были созданы крупные советские хозяйства и коллективные хозяйства крестьян — коммуны, артели и другие кооперативные товарищества. Это были еще слабые, но все же настоящие ростки нового, социалистического строя.

Конкретные исторические условия, трудности, переживавшиеся страной, сильно ограничивали возможности социалистического производства для удовлетворения растущих потребностей народных масс. Но они не могли приостановить роста этого нового способа производства. Социалистический уклад с его экономическими закономерностями пробивал себе дорогу, оказывая свое решающее воздействие на другие социально-экономические уклады.

Преобладающим социально-экономическим укладом было мелкое товарное производство. Из 140 млн. населения РСФСР и союзных с ней республик 80 % составляли крестьяне, индивидуальное хозяйство которых было основано на отсталой средневековой технике. С первых же дней Великой Октябрьской социалистической революции мелкое товарное производство основывалось на общественной собственности на землю.

Став господствующим классом, рабочий класс разрешил в пользу трудового крестьянства аграрный вопрос. Исторический декрет о земле, принятый по предложению В. И. Ленина II съездом Советов, ликвидировал помещичье землевладение, отменил право частной собственности на землю, которая отныне стала всенародным достоянием. Победа социалистической революции освободила крестьян от уплаты ежегодных платежей помещикам в сумме около 700 млн. руб. золотом. «В крестьянской стране первыми выиграли, больше всего выиграли, сразу выиграли от диктатуры пролетариата крестьяне вообще, — указывал В. И. Ленин. — Крестьянин голодал в России при помещиках и капиталистах. Крестьянин никогда еще, в течение долгих веков нашей истории, не имел возможности работать на себя: он голодал, отдавая сотни миллионов пудов хлеба капиталистам, в города и за границу. *Впервые* при диктатуре пролетариата крестьянин работал на себя и *питался лучше горожанина*»⁷⁷.

Экспроприация помещиков и безвозмездная передача земли в руки крестьян укрепили социально-экономическую основу союза рабочего класса и крестьянства.

Хотя частная собственность на землю была уничтожена и мелкие товаропроизводители вели свое индивидуальное хозяйство на земле, находившейся в собственности государства (всенародная собственность), однако орудия труда и продукция производства составляли собственность отдельных крестьян. Крестьянское хозяйство оставалось слабым, раз-

⁷⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 92.

дробленным, малопродуктивным. Мелкое товарное хозяйство является хозяйством полупотребительским. Основой его существования служит обмен через куплю-продажу, через свободу хозяйственного оборота. Без известной системы оборота не может существовать товарное производство. При всем этом сама природа мелкого товарного производства служит базой, питательной средой для рождения капитализма и буржуазии постоянно, стихийно и в массовом масштабе.

При наличии ведущего социалистического уклада в условиях советского строя выделение из мелкотоварного производства капиталистических элементов не могло совершаться так же, как это происходило при капитализме. Но пока мелкое товарное хозяйство было преобладающим, пока не были выкорчеваны корни капитализма, сохранялись в силе возможности восстановления капитализма в нашей стране. Это свойство мелкого товарного хозяйства сохраняется вплоть до победы новых, коллективистических производственных отношений в деревне. Советская власть обладала неисчерпаемыми силами, способными противостоять возможности возрождения капитализма. Эти силы заключались в растущем социалистическом укладе, в передовом государственном строе — диктатуре пролетариата, в его основе — союзе рабочего класса с крестьянством.

Таковы были экономическое состояние страны и те огромные трудности, с которыми встретилось молодое Советское государство при переходе от войны к миру.

Молодая Советская республика должна была собственными силами залечить тягчайшие раны, нанесенные войной, восстановить разрушенное народное хозяйство с тем, чтобы вплотную приступить к коренной переделке экономики, к созданию прочного фундамента нового, социалистического общества.

* * *

Коммунистическая партия, вооруженная научнообоснованной программой построения социализма в одной, отдельно взятой стране и богатейшим революционным опытом, подняла народы Советской республики на преодоление разрухи, на решение труднейших и сложнейших задач хозяйственного строительства. Хозяйственная разруха в стране была не менее опасна, чем война и интервенция. Мобилизуя народы на ликвидацию хозяйственной разрухи, Коммунистическая партия выдвинула боевой лозунг дня — «Все для народного хозяйства», призывая бросить все силы на хозяйственный фронт, проникнуться трудовым энтузиазмом, упорством и непреклонной волей к быстрейшему восстановлению народного хозяйства. С конца 1920 г. партия проводит ряд мероприятий, необходимых для борьбы с разрухой, и в то же время ищет и разрабатывает новые пути социалистического строительства.

В. И. Ленин неоднократно указывал, что единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать земледелие. Важнейшую роль в создании материально-технической базы социализма должна была сыграть электрификация страны. «Если не перевести Россию на иную технику, — говорил В. И. Ленин, — более высокую, чем прежде, не может быть речи о восстановлении народного хозяйства и о коммунизме. Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны...»⁷⁸.

Установление диктатуры пролетариата, победа Советской власти

⁷⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 392.

обеспечивали политическую сторону победы социалистического строительства, электрификация страны должна была обеспечить экономическую ее сторону. План электрификации предусматривал, как говорил В. И. Ленин, реорганизацию самых основ экономики России, самых основ мелкого крестьянского хозяйства.

Таким образом, с электрификацией страны Коммунистическая партия, В. И. Ленин связывали не только восстановление и дальнейшее развитие промышленности и сельского хозяйства, но и преобразование всей страны на социалистический лад.

Гениальные ленинские идеи об электрификации России воплотились в плане ГОЭЛРО, разработанном под руководством В. И. Ленина Государственной комиссией по электрификации России, образованной в феврале 1920 г. в составе крупнейших ученых-специалистов.

План ГОЭЛРО явился основой, научно-технической базой общего, единого хозяйственного плана развития народного хозяйства.

План электрификации был издан под названием «План электрификации РСФСР. Доклад 8-му съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России».

Основное место в плане ГОЭЛРО занимала программа строительства крупных электростанций как базы индустриального развития Советского государства. Планом ГОЭЛРО предусматривалось строительство 30 районных электростанций общей мощностью 1750 тыс. квт. Размещение электростанций намечалось в важнейших экономических районах страны. На Юге, в основном топливно-металлургическом районе, предполагалось построить пять электростанций, в Центрально-промышленном районе — шесть электростанций, в Кавказском, Волжском, Уральском и Северном районах — по четыре электростанции, в Сибири, Алтае и Туркестане — три электростанции⁷⁹.

На базе электростанций этих районов намечалось широкое промышленное строительство, создание тяжелой промышленности — основного костяка индустриального развития народного хозяйства, вернейшего средства преодоления технико-экономической отсталости страны собственными силами.

План ГОЭЛРО предусматривал увеличение выплавки чугуна в ближайшее десятилетие до 8,2 млн. тонн в год, вместо 4,2 млн. тонн в 1913 г., стали — до 6,5 млн. тонн, вместо 4,2 млн. тонн в 1913 г. Намечалось развитие металлургической промышленности на Урале и в Сибири (Кузнецкий район). Предусматривался значительный рост добычи цветных металлов⁸⁰.

План проектировал увеличить добычу угля в Донбассе в 1,7 раза (до 50 млн. тонн), на Урале — в 3 раза, в Подмосковном бассейне — в 12 раз в сравнении с 1916 г. Добычу торфа предполагалось увеличить в 10—15 раз, общее количество добычи угля — поднять до 62,3 млн. тонн по сравнению с 29,1 млн. тонн в 1913 г.⁸¹

В плане ГОЭЛРО намечалось развитие химической промышленности, и в первую очередь производство удобрений. Предусматривалось внедрение электричества в сельскохозяйственное производство. Планом ГОЭЛРО предусматривались мелиоративные работы, орошение черноземных полей, страдающих от засухи, введение агротехники, всемерное

⁷⁹ Восьмой Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет, Госиздат, 1921, стр. 80—86.

⁸⁰ Цифры даны по книге: И. Гладков. В. И. Ленин и план электрификации России, Госполитиздат, 1947, стр. 54.

⁸¹ Там же, стр. 56.

развитие технических культур (хлопководство) в Туркестане и Закавказье и т. д.⁸² Все это подготавливало базу для создания крупного социалистического земледелия.

Планом ГОЭЛРО намечалось большое железнодорожное строительство. Предполагалось построить до 30 тыс. км новых железнодорожных линий и электрифицировать 3500 км существующих железнодорожных линий. Грузооборот на транспорте должен был увеличиться на 80—100%⁸³.

Ленинский план электрификации вызвал яростную злобу у продажных агентов империализма — меньшевиков, эсеров, троцкистов, бухаринцев. Они повсюду кричали о том, что ленинский план неосуществим, что он якобы противоречит задачам восстановления народного хозяйства. Враги социализма вопили, что осуществление плана ГОЭЛРО якобы ослабит Советскую страну.

Стремясь к реставрации капитализма, замаскированные враги народа всячески пытались сорвать план ГОЭЛРО. Заклятый враг советского народа Троцкий выдвинул «план хозяйственного возрождения» России на основе массового приложения к обломкам отсталой довоенной промышленности труда неквалифицированной крестьянско-рабочей массы (трудармии).

С критикой ленинского плана выступили сподвижники Троцкого — Бухарин, Рыков и другие, заявляя о том, что «не надо спешить», что надо составить «новый», якобы «реальный» план.

Коммунистическая партия решительно боролась против всех попыток противопоставить плану ГОЭЛРО другие планы, беспощадно разоблачая противников плана ГОЭЛРО.

Убийственную критику всех противников плана ГОЭЛРО дал И. В. Сталин в своем письме к В. И. Ленину. «План» «хозяйственного возрождения» Троцкого, писал И. В. Сталин, — убожество и отсталость в сравнении с планом ГОЭЛРО. Обывательский «реализм» Рыкова, «критиковавшего» план ГОЭЛРО, И. В. Сталин называл маниловщиной. План ГОЭЛРО, писал И. В. Сталин, — «мастерский набросок действительно **единого** и действительно **государственного** хозяйственного плана **без кавычек**. Единственная в наше время марксистская попытка подведения под советскую надстройку хозяйственно-отсталой России действительно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технически-производственной базы»⁸⁴.

И. В. Сталин предлагал немедленно приступить к практическому осуществлению плана, подчинив интересам этого дела значительную часть всей работы, пополнив только что созданную Государственную плановую комиссию людьми практики, обязав центральные газеты популяризовать план ГОЭЛРО, «памятуя, что существует **только один** «единый хозяйственный план», — это «план электрификации», что все остальные «планы» — одна болтовня, пустая и вредная»⁸⁵.

Разработка плана электрификации России в те дни, когда еще продолжалась гражданская война, ярко и убедительно показывает, как далеко смотрела вперед Коммунистическая партия, как продуманно, глубоко, мудро готовилась она к дальнейшему развертыванию борьбы за победу социализма, намечала основные линии социалистического строительства.

⁸² План электрификации РСФСР, М., 1920, стр. 80—136.

⁸³ И. Гладков. Указ. соч., стр. 59.

⁸⁴ И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 50.

⁸⁵ Там же, стр. 51.

Великие идеи строительства социалистического общества партия несла в самую гущу трудового народа, в самые отдаленные уголки Советской России, пробуждая творческий энтузиазм, невиданную энергию среди усталых, терпевших неимоверные лишения рабочих и крестьян.

Переход к мирному хозяйственному строительству требовал укрепления и улучшения всей работы государственного и партийного аппарата, коренной его перестройки. На территории освобожденных республик восстанавливались и укреплялись органы Советской власти, разрушенные интервентами и белогвардейцами. Партия и Советское правительство развернули большую работу по завершению административного передела территории страны на основе областной автономии. Уточнялись функции различных государственных органов и их структура, налаживалась связь центральных учреждений с местными органами власти. Началась работа по перестройке всего советского государственного аппарата как в центре, так и в национальных районах и областях.

В это время, 22 декабря 1920 г., в Москве открылся VIII Всероссийский съезд Советов.

Со всех концов необъятной России съехалось 2537 делегатов. На съезде присутствовали также представители советских социалистических республик Украины, Белоруссии, Азербайджана, Армении. Это был самый полный из всех всероссийских съездов, которые созывались за три года существования Советской власти.

Открывая съезд, М. И. Калинин сказал: «Перед нами встают сейчас огромные задачи. Мы должны наладить хозяйство страны, которое мы мыслим, как руководимое из единого центра. Этому не было примера в прошлом. Мы являемся первыми творцами в области государственного хозяйства... Как бы ни были трудны задачи, стоящие перед Съездом, наше прошлое и наши победы дают нам твердую уверенность, что в этой новой сфере государственного хозяйства и подхода к толще крестьянской массы, умения втянуть ее в советское строительство, мы победим, как побеждали раньше»⁸⁶.

С докладом о деятельности Совета Народных Комиссаров выступил на съезде В. И. Ленин. Обобщая главные уроки, полученные за период между VII и VIII съездами, В. И. Ленин обосновал неотложные политические и хозяйственные задачи, вставшие перед Советской республикой.

В. И. Ленин указал, что «хозяйственные задачи, хозяйственный фронт выдвигается перед нами теперь опять и опять, как самый главный и как основной»⁸⁷.

В. И. Ленин раскрыл перед советским народом всю глубину политических задач Советской власти в переломный период перехода от войны к миру. Надо добиться, говорил он, чтобы рабочие и крестьяне поняли, что жить по-старому нельзя, что Россия принадлежит им, и только они своей деятельностью могут пересоздать старые экономические условия существования и провести в жизнь великий хозяйственный план. «Вне этого спасения нет. Мы отстаем и мы будем отставать от капиталистических держав; мы будем побиты, если мы не добьемся восстановления нашего хозяйства»⁸⁸.

⁸⁶ Восьмой Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Стенографический отчет, 1921, стр. 2.

⁸⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 464.

⁸⁸ Там же, стр. 468.

Излагая конкретные задачи хозяйственного строительства, В. И. Ленин указал, что подъем промышленности и вообще всех отраслей народного хозяйства зависит от восстановления и дальнейшего развития сельского хозяйства страны. «...Без практического массового улучшения хозяйства мелкого крестьянства нам спасения нет: без этой базы невозможно никакое хозяйственное строительство, и какие бы то ни было великие планы — ничто»⁸⁹.

С особым подъемом В. И. Ленин говорил о плане электрификации России. План электрификации он назвал второй программой партии, планом работ по воссозданию всего народного хозяйства, великим хозяйственным планом.

Раскрывая программу электрификации России, В. И. Ленин нарисовал перед делегатами съезда грандиозную картину будущего. «...Если Россия,— говорил он,— покроется густою сетью электрических станций и мощных технических оборудований, то наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии»⁹⁰.

С огромным воодушевлением делегаты Всероссийского съезда Советов одобрили гениальный ленинский план электрификации России, оценив его как «первый шаг великого хозяйственного начинания»⁹¹. Съезд поручил ВЦИКу, Совнаркому, Совету Труда и Оборона и Президиуму ВСНХ, а равно и другим наркоматам завершить разработку этого плана и утвердить его в кратчайший срок.

Съезд выразил уверенность, что рабочие и крестьяне «напрягут все силы и не остановятся ни перед какими жертвами для осуществления плана электрификации России во что бы то ни стало и вопреки всем препятствиям»⁹².

Большое место в работе VIII съезда Советов занял вопрос о мерах укрепления сельского хозяйства.

В постановлении съезда «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства» подчеркивалось, что сельское хозяйство является «важнейшей отраслью хозяйства Республики». Съезд возлагал на все органы Советской власти обязанность усиленной всесторонней помощи крестьянскому земледелию, отмечая в то же время, что правильное ведение земледельческого хозяйства является «великой государственной обязанностью крестьянского населения»⁹³.

В целях максимальной помощи крестьянскому хозяйству создавались посевкомы. Съезд обязал Совнарком дать указание всем ведомствам о помощи крестьянскому хозяйству (ремонт машин, производство минеральных удобрений, закупка машин, семян и т. п.). Государство оказывало эту помощь бесплатно.

В решении о мерах укрепления и развития сельского хозяйства VIII Всероссийский съезд Советов исходил из принципов политики военного коммунизма по отношению к крестьянству. Съезд не вносил в нее коренных изменений, продразверстка сохранялась. Однако в решении говорилось о премировании сельских обществ и отдельных крестьян за успехи в сельском хозяйстве и тем самым создавалась известная заинтересованность крестьян в восстановлении и развитии своего хозяйства.

Партия и Советское правительство нащупывали новую форму взаимо-

⁸⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 474.

⁹⁰ Там же, стр. 486.

⁹¹ Восьмой Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет, стр. 271.

⁹² Там же, стр. 272.

⁹³ Там же, стр. 267.

отношений с крестьянством, которая стимулировала бы развитие сельского хозяйства.

Съезд Советов наметил ряд мероприятий, направленных на восстановление каменноугольной и металлургической промышленности, восстановление железнодорожного и водного транспорта. Съезд поставил задачу в первую очередь усилить добычу угля, нефти и руды для обеспечения промышленности топливом и металлом.

Таким образом, VIII Всероссийский съезд Советов наметил ряд неотложных мероприятий по восстановлению народного хозяйства, по мобилизации всех сил народа на выполнение этой задачи.

Съезд, далее, рассмотрел вопросы о повышении роли местных Советов, об улучшении работы советского аппарата. В целях более широкого вовлечения рабочего класса в управление страной, в активное восстановление народного хозяйства было решено создать городские Советы во всех поселках городского типа.

Большое историческое значение имело постановление VIII съезда Советов об учреждении ордена Трудового Красного Знамени. Орденом было решено награждать тех граждан, которые проявили особую самоотверженность, инициативу, трудолюбие и организованность в разрешении хозяйственных задач.

Восьмой Всероссийский съезд Советов утвердил договор между РСФСР и УССР, вступившими в военный и хозяйственный союз. Сплачивая свои силы в целях обороны, а также в интересах хозяйственного строительства, обе республики объединили деятельность важнейших наркоматов: военного и морских дел, ВСНХ, внешней торговли, финансов, труда, путей сообщения, почты и телеграфа.

Съезд обратился «Ко всем трудящимся России» с призывом отдать все силы, всю энергию на возрождение народного хозяйства, на великое дело социалистического строительства.

«Трудящиеся России! — говорилось в обращении. — Этими тремя годами величайших лишений и кровавых жертв вы завоевали себе право приступить к мирному труду. Отдадим же этому труду все силы. Пусть не будет на нашей Советской земле ни одного человека, способного к труду и не работающего. Пусть не будет ни одного станка, стоящего втуне. Пусть не останется незасеянной ни одной десятины пахотной земли. Будем с величайшей бережливостью относиться к народному имуществу, помня, что теперь в России есть лишь одно государственное имущество, это рабоче-крестьянская казна...

Победители Колчака, Деникина, Юденича и Врангеля! Высший орган власти в стране, Всероссийский Съезд Советов зовет вас на новую борьбу и к новым победам.

Да здравствует наша победа на трудовом фронте»⁹⁴.

Восьмой Всероссийский съезд Советов ярко отражал переломный период в жизни страны — переход от войны к миру. Решения VIII съезда исходили еще из принципов политики военного коммунизма и не дали новой установки по вопросам хозяйственного строительства. Однако подготовка к съезду и сам съезд дали партии, В. И. Ленину неоценимый материал, который позволял учесть особенности и своеобразие поворота от войны к мирному строительству, нащупать и определить правильную основу отношений между рабочим классом и крестьянством, разработать новую установку по всем вопросам хозяйственного строительства.

В первые месяцы 1921 г. в советских республиках, губерниях, уездах прошли партийные конференции, съезды Советов и профессиональных

⁹⁴ Восьмой Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет, стр. 265.

союзов, обсудившие решения VIII Всероссийского съезда Советов и наметившие конкретные меры по восстановлению народного хозяйства.

Во исполнение решений VIII Всероссийского съезда Советов 22 февраля 1921 г. декретом Совнаркома за подписью В. И. Ленина при Совете Труда и Оборона была образована Государственная общеплановая комиссия (Госплан) для разработки единого общегосударственного хозяйственного плана на основе одобренного VIII съездом Советов плана электрификации.

На местах были образованы губернские экономические совещания и плановые комиссии.

Партия и Советская власть пробуждали инициативу, сознательность, самодеятельность широких масс, привлекая их к активному участию в деле возрождения хозяйства страны. Миллионы трудящихся поднялись на борьбу с разрухой. Лучшие, наиболее сознательные, самоотверженные и дисциплинированные рабочие с воодушевлением боролись за восстановление заводов, фабрик, шахт, рудников, промыслов, железных дорог. Большевистская газета «Правда» в разделе «На бескровном фронте» ежедневно сообщала о героических усилиях народа, спасающего страну от разрухи.

Однако предпринятые в конце 1920 и начале 1921 г. попытки двинуть вперед дело восстановления народного хозяйства, не выходя из рамок военного коммунизма, не дали и не могли дать ощутимых, желаемых результатов.

Сельское хозяйство, точно так же, как промышленность Советской страны, находилось в начале 1921 г. в состоянии глубокой разрухи.

Пока не была ликвидирована система военного коммунизма и не совершился переход к новой экономической политике, нельзя было добиться серьезных успехов в преодолении хозяйственной разрухи, нельзя было обеспечить вовлечение широких масс трудящихся, и в первую очередь широких масс трудового крестьянства, в социалистическое строительство.

* * *

Послевоенные экономические трудности усилили напряженность политического положения в стране.

За годы пролетарской диктатуры произошли коренные изменения в соотношении классовых сил.

Основными классами Советской России являлись рабочий класс и трудящееся крестьянство.

Рабочий класс осуществлял революционную диктатуру со всей непреклонной решимостью и твердостью. Не щадя сил, он отстаивал и закреплял завоевания Великой Октябрьской социалистической революции. Он вынес на себе основную тяжесть войны.

За годы войны произошли известные изменения в социальном составе рабочего класса. На фабрики и заводы пришло много мелкобуржуазных, кулацких элементов, особенно на те предприятия, которые были объявлены милитаризованными (каменноугольная промышленность, металлургическая и т. п.) и освобождали от призыва в армию.

Бедствия, лишения, голод, разруха, перебои в работе промышленных предприятий вынуждали часть рабочих уходить в деревню или заниматься кустарничеством, выделкой зажигалок, мешочничеством. Они переставали быть рабочими, деклассировались.

«...Наш пролетариат в большей части своей деклассирован, — указывал В. И. Ленин, — ...неслыханные кризисы, закрытие фабрик привели

к тому, что от голода люди бежали, рабочие просто бросали фабрики, должны были устраиваться в деревне и переставали быть рабочими»⁹⁵.

Распыление рабочего класса вело к ослаблению классовой базы диктатуры пролетариата, что создавало величайшую опасность для судеб Советской власти. Поэтому важнейшей политической задачей являлось собирание рабочего класса, его консолидация, борьба за упрочение классовой базы Советского государства.

Вторым основным классом в стране являлось трудящееся крестьянство, составлявшее громадное большинство населения страны. В течение первых лет диктатуры пролетариата в деревне произошли глубокие изменения. Получив землю из рук Советской власти, беднота и середняки развернули борьбу против кулачества. Убавилось количество кулацких хозяйств. С другой стороны, меньше стало беспосевщиков и безлошадников. Удельный вес бедняцких хозяйств сократился с 65 до 30%. Группа среднего крестьянства возросла до 60—65%. Средняк стал центральной фигурой деревни.

Экономическая основа крестьянского хозяйства — частная собственность и мелкотоварное производство — служила истоком его двойственности и колебаний. С одной стороны, крестьянин — труженик, он живет своим трудом, и это его роднит с рабочим классом; с другой стороны, крестьянин — собственник, владелец излишков хлеба, продовольствия, он выступает как торговец, и это роднит его с буржуазией. Отсюда и неизбежность колебания крестьянства между рабочим классом и буржуазией.

Эти колебания крестьянства не прекратились в первые годы диктатуры пролетариата. В переходный период от капитализма к коммунизму среди крестьянства неизбежны колебания в сторону свободы использования прав частной собственности, ибо у него сильны собственнические привычки. «Однако,— указывал В. И. Ленин,— при твердой пролетарской политике, при вполне решительной расправе победившего пролетариата с крупными землевладельцами и крупными крестьянами, колебания данного слоя не могут быть значительны и не способны изменить того факта, что в общем и целом он будет на стороне пролетарского переворота»⁹⁶.

В ходе гражданской войны сложился военно-политический союз рабочего класса и крестьянства, в сохранении которого были заинтересованы оба класса. В условиях войны против интервентов и белогвардейцев, в условиях блокады Советского государства взаимоотношения рабочего класса и крестьянства определялись политикой военного коммунизма, проводившейся Советской властью.

В годы гражданской войны и борьбы с иностранной интервенцией Советская страна была превращена в военный лагерь, тыл был полностью поставлен на службу фронту.

В стране, где крестьянство составляло большинство населения, снабдить армию и предотвратить голод в городах и промышленных центрах можно было лишь путем мобилизации всех продовольственных и сырьевых ресурсов деревни. Крестьянские посевы сокращались вследствие общей разрухи, ухода в армию мужского населения, вследствие отсутствия семян, инвентаря, тягловой силы. В этих условиях борьба за хлеб стала борьбой за социализм. Торговля хлебом была строго запрещена. Советское правительство установило государственную хлебную монополию.

⁹⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 176.

⁹⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 131—132.

Продовольственные органы Советской власти определяли разверстку на сдачу хлеба и других видов сельскохозяйственной продукции по губерниям. Эта разверстка доводилась до каждого села и деревни. Крестьянин зачастую вынужден был отдавать по разверстке не только все свои излишки, но и часть продовольствия, необходимого для прокормления семьи.

Отдавая государству хлеб, крестьянство взамен ничего не получало, кроме обесцененных бумажных денег.

Отсутствие топлива и сырья привело к резкому сокращению промышленного производства. В этих условиях основную часть продукции фабрик и заводов необходимо было направить на нужды фронта. Крестьянство не могло получать из города изделия, необходимые для поддержания сельскохозяйственного производства, не получало также соли, ситца, обуви, не могло удовлетворить самые насущные личные потребности.

Крестьянство шло на все эти тяготы и лишения, сознавая необходимость всех мероприятий Советской власти для защиты страны от многочисленных врагов. Несмотря на все трудности, крестьянство снабжало продовольствием рабочих и фронт, давало людей для Красной Армии, потому что знало, что Советская власть и рабочий класс в боях отстаивают завоевания Октября, в том числе и крестьянскую землю, от посягательств помещиков и капиталистов.

Военно-политический союз рабочего класса с крестьянством, сложившийся и окрепший в огне гражданской войны, обеспечил победу над помещиками и капиталистами, поддержанными эксплуататорами могущественных капиталистических держав мира.

Система изъятия излишков, система продразверстки продолжала сохраняться и в первые месяцы после войны. Однако теперь с каждым днем становилось все яснее, что в новых исторических условиях она не нужна. В конце 1920 — начале 1921 г. с особой силой выявилось, что основная задача, которую надо было решить партии и Советской власти, заключалась в создании условий, необходимых для осуществления новой экономической формы связи между промышленностью и сельским хозяйством, между социалистическим и мелкотоварным укладами. После окончания гражданской войны в условиях перехода к мирному строительству крестьян уже не могла удовлетворить та форма союза, которая сложилась на основе политики военного коммунизма. В первые месяцы, последовавшие за окончанием войны против интервентов и белогвардейцев, усилились колебания крестьянства, ставшего открыто выражать недовольство политикой военного коммунизма.

Недовольство крестьянства создавало серьезнейшую угрозу для прочности Советской власти. Это недовольство стремились использовать в борьбе против Советской власти империалисты всех стран и остатки свергнутых, но не окончательно ликвидированных эксплуататорских классов внутри страны. Свергнутые эксплуататорские классы потеряли решающие позиции в экономике страны. Экономическая мощь помещиков и капиталистов была подорвана. Нанесен был удар по капиталистическим элементам деревни — кулачеству. Эксплуататорские элементы оттеснялись на положение второстепенного, не основного класса. Но они не были еще ликвидированы окончательно. «...Буржуазию мы победили, но буржуазия у нас осталась, и борьба осталась»⁹⁷, — указывал В. И. Ленин.

⁹⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 131.

Около двух миллионов капиталистов, помещиков и членов их семей бежали за границу⁹⁸. Они стали прямыми агентами международного капитала в борьбе против Советской республики, за восстановление капитализма в России. Часть эксплуататорских элементов, оставшихся внутри страны, притаилась в советских учреждениях, на предприятиях, в различных организациях.

В стране оставалось немало враждебно настроенной буржуазной интеллигенции и чиновничества. Остался и самый многочисленный эксплуататорский класс — кулачество. Свергнутые эксплуататорские классы совместно с кулачеством продолжали с удесытеренной энергией, с бешеной ненавистью бороться за восстановление старого строя. Выступая как агентура международного империализма, используя приобретенные ими навыки организации и управления, капиталисты и помещики делали все новые и новые попытки реставрации капитализма в России. Поэтому переход от войны к миру происходил в условиях острейшей классовой борьбы. Усиление к весне 1921 г. хозяйственной разрухи и недовольства крестьянства сделало эту борьбу особенно опасной и острой.

Вследствие неурожая 1920 г., повлекшего бескормицу и большой падеж скота, дальнейшее ослабление производительных сил, разорение крестьянского хозяйства достигли крайнего предела. Весьма ограниченные продовольственные ресурсы в значительной степени были израсходованы в 1920 и начале 1921 г. К весне 1921 г. страна не имела резервного продовольственного фонда. Советское правительство было вынуждено снизить нормы выдачи хлеба населению Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска, Нижнего-Новгорода и других промышленных центров. Вместе с тем усилился топливный кризис. Из-за отсутствия топлива закрывались восстанавливаемые заводы и фабрики, сокращалось движение транспорта. В начале февраля 1921 г. было остановлено движение поездов на 31 железнодорожной линии⁹⁹. Все эти трудности обнаружались еще в большей степени при демобилизации армии. Расстроенный, лишенный топлива транспорт не мог справиться с перевозкой большого количества демобилизованных. Кроме того, демобилизованные возвращались домой в обстановке неурожая, голода, упадка хозяйства и не всегда могли получить правильное применение своего труда. Все это чрезвычайно ухудшало и без того крайне тяжелое положение страны.

Глубочайшая хозяйственная разруха оказала влияние на рабочий класс и крестьянство. С окончанием войны и началом перехода к мирному строительству люди остро почувствовали все недостатки и нехватки, с которыми мирились в дни войны, порой даже переставая их замечать, — недостатки хлеба, жиров, мяса, обуви, одежды, спичек, соли, керосина, мыла, — и стали требовать немедленного их устранения. Усилилось недовольство среди крестьян. Стихия недовольства задела и рабочий класс. На почве голода и усталости проявлялось недовольство части рабочих, особенно недавно пришедших из деревни.

Весной 1921 г. колебания крестьян проявились с особой силой. Система военного коммунизма, необходимая для одержания победы в войне, пришла в столкновение с интересами крестьянства. Существовавшая в период гражданской войны экономическая основа союза рабочего класса с крестьянством требовала изменения.

Заклятые враги диктатуры пролетариата, разбитые, но недобитые помещики, капиталисты, кулачество, — все враждебные силы, поддержи-

⁹⁸ См. В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 131.

⁹⁹ «Правда», № 24, от 4 февраля 1921 г.

баемые и воодушевляемые международным империализмом, учитывая колебания и неустойчивость крестьянства, предпринимали в этот период новые попытки уничтожить Советское государство. Мировая буржуазия в союзе с разгромленными эксплуататорскими классами России перешла к новой тактике в борьбе против диктатуры пролетариата, надеясь взорвать Советское государство изнутри. Империалисты Америки, Англии, Франции через своих наемников — белогвардейцев, эсеров и меньшевиков — организовывали на территории Советской России мятежи, убийства и взрывы. Они создавали внутри страны контрреволюционные организации, вроде савинковского «Народного союза защиты родины и свободы», «Союза трудового крестьянства», организованного эсерами и активно поддержанного меньшевиками. Одновременно в Париже был образован эсеров-меньшевистский «заграничный административный центр», в который входили Чернов, Керенский, Авксентьев и др. Военные отделы этого центра имелись в Варшаве, Хельсинки, Праге, Константинополе. На англо-американские и французские деньги в соседних с Советской Республикой странах формировались банды белогвардейцев.

Методом террора, организацией налетов, взрывом советских учреждений, убийством партийных и советских работников враг рассчитывал деморализовать силы коммунистов и широкого беспартийного актива. Был разработан план диверсий с целью обострения топливного и продовольственного кризиса в стране.

Всеми этими действиями враги революции рассчитывали вызвать повсеместное восстание крестьян. Белогвардейцы и эсеры организовывали кулацкие мятежи в различных районах страны. Так, в конце лета 1920 г. в ряде уездов Тамбовской и Воронежской губерний началось кулацкое восстание. Вожаком восстания был эсер Антонов, который пробрался на пост начальника уездной милиции в городе Кирсанове. Работая в милиции, Антонов сумел выкрасть значительное количество оружия и боеприпасов. В августе 1920 г. банды Антонова подняли мятеж, охвативший пять уездов. Зверствуя и бесчинствуя, антоновцы убивали советских и партийных работников, наносили большой ущерб сельскому хозяйству.

Одновременно на территории Поволжья и особенно в Пугачевском и Новоузенском уездах начали свирепствовать банды во главе с эсером подпоручиком Сапожковым.

Получая прямую поддержку со стороны США, Англии, Франции через продажные правительства Румынии и Польши, на Украине активизировались махновско-петлюровские банды, направлявшиеся белогвардейскими, эсеровскими и националистическими диверсионно-шпионскими и террористическими группами, созданными в Киеве, Харькове, Одессе. На Правобережной Украине действовали главным образом петлюровцы, а на Левобережной Украине — банды Махно, Каменюка, Маруси. Скрываясь в лесах по берегам Северного Донца, бандитские шайки срывали восстановительные работы, заготовки хлеба и дров, убивали рабочих и служащих.

Польские пилсудчики, финские шюцкоровцы, агенты Англии и Америки формировали и переправляли бандитские группы на территорию Белоруссии, Карелии, в северные области РСФСР.

Белогвардейский генерал князь Ухтомский совместно с эсерами организовал кулацкие мятежи в станицах Дона и Кубани. Изгнанные с Северного Кавказа и Закавказья грузинские меньшевики, дашнаки, мусаватисты и другие контрреволюционные, буржуазно-националистические элементы организовали контрреволюционные банды на территориях молодых советских республик, особенно в районах с пестрым националь-

ным составом — Ахалкалакском, Борчалинском, Ахалцихском уездах (Грузия), в Нагорном Карабахе и Гяндже (Азербайджан), в Эриванском и Зангезурском районах (Армения), в горном Дагестане; они всячески разжигали национальную рознь, стремясь разрушить складывавшуюся дружбу народов.

В начале февраля 1921 г. был поднят организованный эсерами кулацкий мятеж в Сибири, по линии железной дороги Омск — Челябинск и Омск — Тюмень. Во главе штаба мятежников стояли эсер Родионов и колчаковские офицеры. Восстание охватило наиболее хлебные уезды — Ишимский, Ялуторовский Тобольской губернии, Петропавловский, Семипалатинский Акмолинской губернии, ряд уездов Челябинской, Тюменской и Омской губерний. В этих уездах в большом количестве хранились хлебные запасы, собранные по продразверстке. Действия кулацких банд в зоне главной сибирской магистрали почти на три недели прервали сообщение Сибири с Европейской Россией, что задержало продовольственные маршруты и вызвало обострение продовольственных трудностей в промышленных центрах. В районах действий кулацких банд были перебиты почти все коммунисты, расстреляны, замучены, сожжены на кострах многие преданные Советской власти беспартийные работники. Бандиты зверствовали над вернувшимися с фронта демобилизованными, ранеными и больными красноармейцами, семьями коммунистов и советских работников, применяя самые мучительные пытки к старикам, женщинам и детям.

Напряженной и острой была обстановка и в Средней Азии. Бандитские шайки рыскали по деревням и аулам Семиреченской области, Ферганской долины и других районов Средней Азии. Бандиты были связаны с разбитыми и бежавшими за границу атаманами Дутовым, Анненковым и другими агентами империализма, в первую очередь английского. Организуя вооруженные банды, эти генералы мечтали о новом походе через Семиречье в центральную Россию¹⁰⁰.

Коммунистическая партия и Советское правительство приняли решительные меры для ликвидации мятежей, бандитизма, для пресечения контрреволюционной деятельности эсеров, меньшевиков, анархистов, буржуазных националистов. На борьбу с бандитами были брошены регулярные части Красной Армии во главе с опытными и проверенными в боях командирами и комиссарами. Успешно развернула борьбу с бандами Антонова в Тамбовской и Воронежской губерниях кавалерийская бригада Котовского. На Дону и Кубани бандитов громили воинские части Северо-Кавказского военного округа под руководством К. Е. Ворошилова и С. М. Буденного. Трудовое казачество Дона и Кубани объединялось вокруг органов Советской власти и по своей инициативе создавало при исполкомах отряды казачества для борьбы с бандитизмом¹⁰¹.

На Украине был создан специальный орган — «Всеукраинское совещание по борьбе с бандитизмом при командующем всеми вооруженными силами на Украине». ЦК КП(б) Украины возложил руководство этим органом на М. В. Фрунзе, бывшего тогда командующим всеми вооруженными силами на Украине и уполномоченным Реввоенсовета республики. Политбюро ЦК КП(б)У в своем решении от 5 декабря 1920 г. отметило, что после ликвидации Врангеля основной ударной работой является борьба с бандитизмом.

¹⁰⁰ «Вопросы истории», 1947, № 4, стр. 80.

¹⁰¹ «Советский Юг», 1921, № 55.

В помощь регулярным частям Красной Армии в районах, охваченных бандитизмом, были мобилизованы силы партийного и советского актива, созданы вооруженные рабочие отряды, ядром которых являлись коммунисты и комсомольцы.

В результате этой борьбы основные силы махновско-петлюровских банд к весне 1921 г. были разгромлены. М. В. Фрунзе в отчете V Всеукраинскому съезду Советов, происходившему 25 февраля — 3 марта 1921 г. в Харькове, писал: «Бандитизм, как организованная сила, в настоящее время заметно идет на убыль: почва в деревне из-под его ног ускользает, как вооруженная сила он расплылся»¹⁰². В. И. Ленин, приветствуя V Всеукраинский съезд Советов, выражал глубокую уверенность, что «союз незаможных селян и украинских рабочих укрепит Советскую Украину и упрочит Украинскую республику, вопреки всем препятствиям и козням врагов»¹⁰³.

Центральный Комитет партии и Совет Народных Комиссаров приняли экстренные меры для ликвидации кулацкого мятежа в Сибири. Из Новониколаевска (ныне Новосибирск), Омска, Екатеринбурга (ныне Свердловск) были направлены части Красной Армии, сумевшие очистить от кулацких банд в первую очередь районы, прилегающие к железным дорогам, и восстановить движение по сибирской магистрали. Партийные и советские организации Урала и Сибири, мобилизуя силы крестьянства, совместно с воинскими частями развернули борьбу по ликвидации баз мятежников.

Решительная борьба Красной Армии с бандитизмом при активной поддержке населения развернулась в Закавказье и Средней Азии.

Несмотря на сокрушительные удары, нанесенные органами Советской власти по важнейшим районам контрреволюции, классовый враг не намерен был складывать оружие. Он переходил к новым тактическим приемам борьбы против Советской власти. Он стал перекрашиваться под советский цвет и выдвигал уже не старый провалившийся лозунг: «долой Советы», а новый лозунг: «за Советы, но без коммунистов»¹⁰⁴. Проявлением новой тактики, рассчитанной на использование колебаний части крестьянства, явился контрреволюционный кронштадтский мятеж. Он начался 28 февраля 1921 г., за неделю до X съезда партии. Кронштадтский мятеж готовился американскими, английскими и французскими капиталистами. Организуя и подготавливая контрреволюционный мятеж в Кронштадте, внешняя и внутренняя контрреволюция рассчитывала нанести удар по Петрограду, надеясь в случае удачи превратить его в плацдарм для новой интервенции против Советской России.

Изменение социального состава матросов на военных кораблях и слабость большевистской организации в Кронштадте облегчили возникновение кронштадтского мятежа. Старые матросы, активные участники Октябрьской революции, воспитанные на революционных традициях, с первых же дней революции стали ядром рождавшейся Красной Армии и почти поголовно ушли на фронт. Балтийские моряки совершили немеркнущие подвиги, и тысячи их пали смертью храбрых за родную Советскую власть.

Личный состав Балтийского флота пополнился кадрами, не закаленными в революции. Новые пополнения представляли собой еще совершенно сырую крестьянскую массу, отражавшую недовольство крестьян-

¹⁰² Краткий отчет Командующего всеми вооруженными силами и уполномоченного РВС на Украине V Всеукраинскому съезду Советов, Харьков, 1921, стр. 5.

¹⁰³ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 123.

¹⁰⁴ См. Историю ВКП(б). Краткий курс, стр. 239.

ства подразверстой. В командном составе Балтийского флота сохранились старые буржуазно-дворянские элементы.

Ухудшился состав партийной организации Балтийского флота. Кронштадтская партийная организация была сильно ослаблена рядом мобилизаций на фронт. В 1920 г., в результате враждебных действий Троцкого, из Балтийского флота была отпущена большая группа опытных политработников. Разоблаченные позднее как агенты Англии и Америки, Зиновьев и Евдокимов активно помогали меньшевикам и эсерам проводить в Кронштадте контрреволюционные собрания. Все это дало возможность эсеров-меньшевикам и белогвардейцам пролезть в Кронштадт.

В Кронштадте был сформирован контрреволюционный штаб мятежников во главе с бывшим генералом Козловским (начальник артиллерии Кронштадтского гарнизона). Стремление восстановить власть помещиков и капиталистов враги на первых порах старались прикрыть «советской» вывеской.

28 февраля 1921 г. на линкоре «Петропавловск» на собрании матросов контрреволюционеры открыто изложили свою программу свержения Советской власти, провозгласив лозунг «Советы без коммунистов». Этим лозунгом они надеялись обмануть мелкобуржуазные массы и выполнить свой кровавый замысел.

2 марта мятежники подняли оружие против власти Советов. Мятежники арестовали коммунистов и руководителей советских организаций Кронштадта и создали «Временный революционный комитет», в который вошли меньшевики и эсеры, домовладельцы, жандармы, сыщики.

Международная буржуазия торжествовала. В Финляндию и Эстонию съезжались белогвардейцы с целью подготовки помощи кронштадтским мятежникам. В Ревель прибыл один из лидеров партии эсеров, В. Чернов. Глава русской контрреволюции кадет Милюков заявил, что можно и следует высказаться за Советскую власть, но без большевиков¹⁰⁵. Враги диктатуры пролетариата, применяя новую тактику борьбы с Советской властью, решили использовать организационную форму Советов, влив в них контрреволюционное содержание, чтобы таким образом захватить власть и свергнуть диктатуру пролетариата.

Мятежники захватили крепость, флот, большое количество вооружения и снарядов.

Но слишком рано ликовали враги. Международная и внутренняя контрреволюция просчиталась. Советская власть, тесно связанная с народом, имела силы для беспощадной расправы с контрреволюцией и в Кронштадте.

Совет Труда и Обороны 2 марта 1921 г. объявил вне закона бывшего генерала Козловского и других участников мятежа. Петроград и Петроградская губерния были объявлены на осадном положении.

Коммунистическая партия призвала народ дать решительный отпор мелкобуржуазной стихии, отсесть голову поднявшейся в Кронштадте контрреволюции.

Рабочий класс Советской республики, моряки Балтийского и Черноморского флотов, воины Красной Армии ответили на призыв партии и Советской власти готовностью беспощадно расправиться с кронштадтскими мятежниками. Рабочие на предприятиях Петрограда и солдаты гарнизона заявили о своей готовности с оружием в руках подавить мятеж.

Советское правительство немедленно бросило силы для ликвидации

¹⁰⁵ См. В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 337.

мятежа: надо было спешить, ибо наступала весна, а вскрытие Финского залива ото льда сделало бы невозможным штурм Кронштадта, где находился почти весь Балтийский флот. 8 марта советские войска сделали первую попытку штурмовать Кронштадт. Ввиду того, что в составе Петроградского комитета обороны находились предатели вроде Зиновьева, которые затеяли с мятежниками переговоры, штурм не дал желательных результатов. Партия послала тогда против кронштадтских мятежников лучших своих сынов — делегатов X съезда. Десятый съезд партии выделил из своего состава 300 человек во главе с К. Е. Ворошиловым и направил их на укрепление VII армии, на разгром кронштадтского мятежа ¹⁰⁶. Прибытие в Петроград делегатов X съезда партии имело решающее значение для дальнейшей борьбы с мятежниками.

16 марта 1921 г. в 2 часа дня начался усиленный обстрел Кронштадта из всех близлежащих фортов. Передовые части, составленные из испытанных пролетариев, курсантов и делегатов X съезда, под командованием К. Е. Ворошилова, руководившего Южной группой, которая наносила главный удар, шли на Кронштадт по тонкому льду Финского залива. Местами лед проваливался, и люди тонули. Но смело и мужественно шли верные сыны Родины на штурм почти неприступных фортов Кронштадта.

18 марта Кронштадт весь был занят войсками Красной Армии. Контрреволюционный штаб мятежников во главе с генералом Козловским бежал в Финляндию. Мятеж был ликвидирован.

Кронштадтский мятеж был наиболее типичным проявлением мелкобуржуазной стихии, мелкобуржуазной контрреволюции, которая более опасна, чем прямые атаки белогвардейских войск и интервентов. «Эта контрреволюция тем своеобразнее, что она — мелкобуржуазная, анархическая» ¹⁰⁷, — указывал В. И. Ленин.

Разгром кронштадтского мятежа и успешная борьба с бандитизмом свидетельствовали о силе Советской власти. Но эти события явились серьезным сигналом, предупреждением о том, что налицо угроза основе Советской власти — союзу рабочего класса с крестьянством.

Партии и Советскому правительству было ясно, что после ликвидации войны и перехода на мирное хозяйственное строительство нет оснований сохранять жесткий режим военного коммунизма, созданный обстановкой войны и блокады.

Политика военного коммунизма, вынужденная войной и интервенцией, дала свои положительные результаты. Страна не сумела бы победить в гражданской войне врагов, если бы Советская власть не поставила под свой контроль всю промышленность, не ввела бы монополию хлебной торговли, не установила бы продразверстки. Но военный коммунизм «не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой» ¹⁰⁸.

В новых условиях мирного хозяйственного строительства политика военного коммунизма не могла обеспечить решение труднейших и сложнейших задач преобразования общества на социалистический лад. Политика военного коммунизма не могла обеспечить подъем производительных сил страны. Продразверстка в деревне мешала восстановлению и развитию производительных сил мелкого крестьянского хозяйства, поскольку она лишала крестьянина материальной заинтересованности — свободного распоряжения продуктами своего труда.

¹⁰⁶ См. В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 508 (Примечания).

¹⁰⁷ Там же, стр. 171.

¹⁰⁸ Там же, стр. 321.

В мирных условиях, когда стране не угрожала больше опасность и земля сохранялась за крестьянином, он хотел иметь право свободно распоряжаться продуктами своего труда. Без этого мелкотоварное хозяйство страны неизбежно обрекалось на дальнейшее падение, что повлекло бы за собой паралич транспорта, промышленности (из-за отсутствия хлеба и сырья) и разложение армии¹⁰⁹. В сложной экономической и политической обстановке весны 1921 г. со всей остротой был поставлен самый коренной, самый существенный вопрос «всей нашей революции и всех будущих социалистических революций (если взять их в мировом масштабе вообще)»¹¹⁰, — вопрос об отношении рабочего класса к крестьянству, вопрос о союзе рабочего класса и крестьянства в новых условиях поворота к мирному хозяйственному строительству. Прежняя экономическая база сотрудничества рабочего класса и крестьянства теперь оказалась недостаточной. Для того чтобы укрепить основную общественную силу, способную обеспечить успешное решение всемирно-исторических задач социалистического строительства, — союз рабочих и крестьян, необходимо было подвести под него новую экономическую основу, строго учитывая материальную заинтересованность мелкого производителя — крестьянина.

Только упрочение союза пролетариата с крестьянством, упрочение основ диктатуры пролетариата открывало широкие перспективы для дальнейшего социалистического строительства.

Марксизм-ленинизм учит, что для того, чтобы победить капитализм, надо, во-первых, отстоять и укрепить диктатуру пролетариата, и, во-вторых, создать, построить новые экономические отношения, новый экономический базис. «Эти две стороны задачи осуществления социалистического переворота связаны неразрывно и отличают нашу революцию от всех предыдущих, в которых довольно было стороны разрушительной»¹¹¹.

Гигантская победа, одержанная благодаря самоотверженности и энтузиазму рабочих и крестьян, разрешила только одну половину задачи социалистической революции — политическую. Предстояло разрешить и вторую ее половину — экономическую.

Советская страна имела все возможности для экономического возрождения и развития. Богатая разнообразными ресурсами, наша страна была независима от заграницы в отношении сырья, топлива, продовольствия. Социалистический уклад, занявший ведущую роль в экономике страны, служил прочным фундаментом дальнейших коренных преобразований.

Страна имела передовой политический строй. Советская власть, опираясь на союз рабочих и крестьян, имела возможность использовать огромные природные богатства страны на пользу народа.

Советское государство явилось решающим фактором в создании основ социализма, в создании и развитии экономического базиса социализма.

В стране была партия, которая после Октябрьской революции из рычага разрушения старого, свержения капитализма в России, превратилась внутри России в партию строительства, в партию созидания новых форм хозяйства, являлась руководящей и направляющей силой советского общества.

Советская республика должна была проявить себя перед всем миром как сила, способная не только оказать сопротивление военному нападению империалистов и отстоять свое существование, но и дать

¹⁰⁹ См. И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 123.

¹¹⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 130.

¹¹¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 389—390.

образец лучших, принципиально иных, нежели буржуазные, экономических отношений. Надо было создать такой образец, который убеждал бы не словами, а живым делом, самой жизнью, всю громадную массу крестьян и мелкобуржуазные элементы, а также народы других стран в том, что коммунистический строй может быть создан пролетариатом в союзе с трудовым крестьянством. Надо было найти пути и методы сочетания социалистической промышленности с товарным производством, пути и методы постепенного перевода крестьянского хозяйства на рельсы социалистического развития.

Судьба строительства социализма в нашей стране зависела в этот переломный период перехода от войны к хозяйственному строительству от правильного учета всей сложности и своеобразия объективных экономических условий многоукладной экономики. Опираясь на глубокое знание объективных экономических законов развития, учитывая экономические особенности преобладавшего в стране мелкотоварного производства, Коммунистическая партия, Советское правительство, руководимые В. И. Лениным, приступили к выработке новой экономической политики, новой формы хозяйственного союза между рабочим классом и крестьянством.

М. И. КАПУСТИН

К ВОПРОСУ О СДАЧЕ РИГИ В АВГУСТЕ 1917 ГОДА

Вопрос о сдаче Риги в августе 1917 г. до сих пор еще слабо освещен в нашей исторической литературе. В настоящей статье автор ставит своей целью на примере обороны Рижских позиций¹ показать борьбу нашей партии за удержание Северного фронта, как важное условие подготовки и проведения пролетарской революции в Петрограде, показать, как революционные солдаты решительно выступили против одной из главных провокаций корниловцев.

* * *

Известно, что до свержения царизма большевики держались тактики поражения правительства в первой мировой войне. После Февральской революции 1917 г. большевики перестали быть пораженцами. Оценивая тактику большевиков на фронте в период подготовки социалистической революции, В. И. Ленин говорил: «Мы были пораженцами при царе, а при Церетели и Чернове мы не были пораженцами»².

Поражение на фронте после свержения самодержавия явилось бы серьезным ударом по революции, ибо поражение России в войне даже при власти буржуазного Временного правительства означало бы и поражение Советов и других массовых организаций, созданных рабочими, солдатами и матросами. Политика поражения была бы еще более губительной после июльских дней, когда пролетариат и беднейшее крестьянство, под руководством Коммунистической партии, готовились к вооруженному восстанию против буржуазного Временного правительства. На путь поражения в это время встали контрреволюционная буржуазия и ее прихвостни — меньшевики и эсеры.

Июльские события 1917 г. круто изменили обстановку в стране. Контрреволюционное Временное правительство, состоявшее из кадетов, эсеров и меньшевиков, решило расформировать воинские части Петрограда, которые принимали участие в демонстрации 3—5 июля. 7 июля оно издало приказ об аресте В. И. Ленина. Буржуазия, генералы и офицеры использовали позорное поражение июньско-июльского наступления в целях усиления репрессий как в тылу, так и на фронте. 12 июля 1917 г., по прямому указанию представителей США, Англии и Франции, буржуазное Временное правительство телеграфно ввело закон о восста-

¹ Рижские позиции оборонялись 12-й армией Северного фронта. В августе 1917 г. в состав Северного фронта входили только две армии — 12-я (2-й и 6-й сибирские, 13, 23 и 21-й армейские корпуса) и 5-я (14, 19, 27, 37, 1 и 28-й армейские корпуса) и 42-й отдельный армейский корпус (был расположен в Финляндии).

² В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 166.

новлении смертной казни в действующей армии и учреждении военно-революционных (читай: контрреволюционных.— М. К.) судов³. В армии запрещены были солдатские митинги и собрания. Последовали приказы о закрытии большевистских газет. Контрреволюция приступила к массовым арестам большевиков и расформированию большевизированных частей. Контрреволюционные генералы и офицеры пытались ликвидировать солдатские комитеты и Советы.

Контрреволюция перешла в наступление и на Северном фронте. Северный фронт был известен своей революционностью еще до Февральской революции 1917 г. Близость фронта к Петрограду, Риге, Ревелю, Гельсингфорсу, Выборгу и другим промышленным и революционным центрам позволяла большевикам развернуть здесь успешную революционную работу с самого начала первой мировой войны. Здесь вели революционную работу Петроградская большевистская организация, социал-демократическая партия Латышского края, стоявшая на большевистских позициях, Ревельская и Гельсингфорсская большевистские организации. После Февральской революции 1917 г. на Северном фронте быстро были созданы армейские большевистские организации, развернувшие еще более успешную революционную работу.

Вполне естественно, что после июльских событий буржуазия, генералы и офицеры, начиная наступление на революцию, прежде всего обратили свое внимание на Северный фронт. Уже 5 июля 1917 г. комиссар Временного правительства по Северному фронту трудовик Станкевич разослал телеграмму по фронту, в которой требовал всеми мерами, «до вооруженной силы включительно», расправляться с революционными солдатами. Генералы и офицеры начали чинить расправу над большевиками, революционными солдатами — членами солдатских комитетов. Эсеро-меньшевистский Искосол (меньшевистско-эсеровский исполком Совета солдатских депутатов) 12-й армии и армейский комитет 5-й армии при поддержке Керенского и газет кадетов, эсеров и меньшевиков повели открытый поход за разоружение и расформирование большевистски настроенных полков.

В этих тяжелых условиях — условиях разгула контрреволюции — многие большевистские организации ушли в подполье. Но и в подполье, умело сочетая легальные и нелегальные методы борьбы, большевистские организации продолжали успешно вести работу по революционной мобилизации масс. Армейские большевистские организации Северного фронта сумели сохранить организационные связи с солдатскими массами и успешно проводили среди них агитационную работу. Они обеспечили непрерывный выпуск большевистских газет. Во второй половине июля вместо закрытой газеты «Окопная правда» стала выходить газета «Окопный набат», вместо «Волны» — «Прибой», вместо «Утра правды» — «Звезда»⁴.

Приняв безоговорочно решения VI съезда Коммунистической партии, нацелившего пролетариат и партию на вооруженное восстание, партийные организации Северного фронта развернули еще более настойчивую

³ См. ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 138, л. 233.

⁴ «Окопная правда» — газета большевистской организации 12-й армии, выходила с 30 апреля 1917 г. и была закрыта Керенским 21 июля; № 1 газеты «Окопный набат» вышел 23 июля 1917 г. «Волна» — орган Гельсингфорского комитета большевиков, № 1 вышел 30 марта 1917 г., была закрыта Временным правительством в середине июля; № 1 «Прибоя» вышел 27 июля 1917 г. «Утро правды» — орган Ревельской большевистской организации (на русском языке), № 1 вышел 17 мая 1917 г.; та же газета после закрытия выходила под названием «Звезда» (№ 1 вышел в конце июля 1917 г.).

борьбу за завоевание солдатских масс и подготовку их к вооруженному свержению буржуазного Временного правительства.

Особенно успешной была работа большевистской организации 12-й армии — главной армии Северного фронта. Даже контрреволюционные генералы и офицеры вынуждены были признать растущее влияние большевиков в армии. Так, командир 70-го сибирского стрелкового полка сообщал по начальству, что в его полку «все большевистские идеи — закон»⁵. Обобщая донесения с мест, начальник штаба Северного фронта в сводке о настроении фронта на 28 июля 1917 г. писал, что «в 12-й армии улучшения нет..., пропаганда большевиков попрежнему пользуется успехом среди широких масс... Вместо закрытой газеты «Окопная правда» издается в настоящее время «Окопный набат» того же направления»⁶. Далее он отмечал, что «деятельность других партий и влияние их на массы незначительны»⁷.

Если до июля 1917 г. в качестве стоящих на большевистских позициях в сводках по 12-й армии фигурировали главным образом 109-я пехотная дивизия и латышские полки, то в конце июля и в начале августа список «неблагонадежных» дивизий значительно расширился за счет почти всех полков 3-й и 5-й сибирских дивизий, 136, 116 и 185-й пехотных дивизий⁸. Если при организации полковых комитетов большевистским был только один комитет Новоладожского полка, то в конце июля, по заявлению делегата от 12-й армии на VI съезде партии, большевики обладали «несомненным большинством» в 12 полковых комитетах⁹.

Успехи большевиков не давали покоя контрреволюции. В начале августа была разработана сумма мероприятий по так называемому «оздоровлению 12-й армии». В разработке их участвовали: комиссариат фронта и армии, Искосол, командование Северным фронтом, соглашательский Комитет объединенных организаций Северного фронта, бюро просвещения Всероссийских земского и городского союзов. Под мерами «оздоровления» понимались прежде всего меры идеологического воздействия: лекции по социальным вопросам, воззвания, курсы «агитаторов», бесплатное распространение книг меньшевистско-эсеровского содержания¹⁰. Эти мероприятия проводились наряду с готовившейся физической расправой с революционными частями армии.

В своей агитационной деятельности буржуазные и меньшевистско-эсеровские агитаторы апеллировали к «патриотизму», к необходимости выполнять приказы, поскольку якобы в каждом приказе офицера говорит «голос родины». Воспользовавшись опасным положением на фронте под Ригой, Искосол вместе с комиссаром армии от Временного правительства меньшевиком Дюбуа составил воззвание к солдатам 12-й армии, которое призывало их оборонять Ригу — ближайший подступ к Петрограду.

Положение под Ригой действительно было очень тяжелым. Но не так надо было оборонять город, как предлагали меньшевики и эсеры. Они предлагали солдатам «немедленное исполнение приказов без всякого обсуждения», «немедленное прекращение братания», прекращение

⁵ ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 127, л. 102.

⁶ Там же, д. 27, лл. 150—151.

⁷ Там же, л. 162.

⁸ Там же, лл. 184—185.

⁹ Протоколы шестого съезда РСДРП(б), М., 1919, стр. 66.

¹⁰ См. ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 36, лл. 98—99 (Отчет о культурно-просветительных начинаниях отдела печати при комиссариате Северного фронта с 1 по 7 августа) и ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 15, лл. 120—122 (Отчет комиссариата Северного фронта с 8 по 15 августа 1917 г.).

«дезорганизации» и т. д. Подлый замысел соглашателей сводился к тому, чтобы создать обстановку, удобную для разгрома большевиков.

Под этим воззванием стояла подпись не только Искосола, но и Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов г. Риги (Искорада), Исполнительного комитета латышских стрелков (Исколастрела) и ЦК социал-демократической партии Латвии, стоявших на большевистских позициях¹¹. Эти три последние организации, ставя свои подписи под воззванием, составленным меньшевистско-эсеровским Искосолом, допустили серьезную политическую ошибку, не сумев сразу распознать коварный маневр соглашателей, направленный против них же самих.

По поводу этого обращения к 12-й армии комиссар фронта трудовик Станкевич в секретной телеграмме за № 11073 на имя начальника штаба ставки писал: «В основу нашей деятельности, помимо репрессивных мер, положена планомерная работа по воздействию на общественные организации, чтобы ослабить их вредные (т. е. революционные.— М. К.) влияния и пробудить к активности благоразумные элементы» (т. е. предательские и нестойкие элементы в рядах латышской социал-демократии.— М. К.)¹².

Большевистская военная организация 12-й армии поняла суть соглашательского маневра Искосола и не подписала его воззвания. ЦК латышской социал-демократии скоро признал свою ошибку и снял свою подпись с этого воззвания. Так же поступили Исколастрел и Рижский Совет, которые по этому поводу опубликовали специальное воззвание, помещенное в «Окопном набате»¹³. Однако важнейшей мерой «оздоровления» 12-й армии контрреволюция считала проведение крупной вооруженной операции против революционных полков. Под прикрытием эсеро-меньшевистской трескотни об усилении «культурно-просветительной» работы штаб армии вел подготовку к расформированию латышских стрелковых полков и других революционных частей. К выполнению этой операции были привлечены контрреволюционные комиссары, Искосол, генералы, офицеры и «ударные» части, стянутые в Ригу¹⁴.

12 августа, по приказу из штаба армии, в Московском предместье Риги совершено было организованное вооруженное нападение «ударников»¹⁵ на подразделения большевистски настроенного 2-го латышского полка, охранявшие город. Из штаба 12-й армии скоро сообщили, что в этой «вооруженной схватке было убито из «батальона смерти» 2 солдата и ранено 15 солдат, а в латышском батальоне — ранено 2 солдата».

Контрреволюция, рассматривавшая это нападение, как начало широкой вооруженной расправы с революционными солдатами, после провала своей попытки завопила о «провокациях большевиков». Командующий 12-й армией создал для расследования происшествия комиссию, задачей которой являлось найти и арестовать побольше «виновников». Контрреволюция намерена была продолжать провокации и готовить массовую расправу с большевиками. ЦК социал-демократической партии Латвии

¹¹ См. ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 137, л. 253.

¹² ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 15, лл. 117—118.

¹³ См. газету «Окопный набат», № 7, от 6 августа 1917 г.

¹⁴ Контрреволюционные части, именуемые «ударными» или «частями смерти», стали создаваться на русском фронте с мая 1917 г. по инициативе верховного главнокомандующего генерала Брусилова, в связи с подготовкой июньского наступления. Штабы и комиссары буржуазного Временного правительства использовали их не для действий против врага, а для подавления революции. Документы показывают, что к моменту корниловского заговора на Северном фронте было полностью сформировано девять «ударных» батальонов (см. ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 23; оп. 3, д. 4; оп. 1, д. 28 и ф. 2155, оп. 1, д. 1).

¹⁵ ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 127, л. 156.

и представители революционно настроенных полков потребовали от Искосола, чтобы он воспрепятствовал удалению из Риги латышских стрелков и повторению провокаций¹⁶.

Стоявшие на фронте революционно настроенные латышские и русские части, входившие в «левый блок», узнав о вооруженной контрреволюционной провокации в Риге, сообщили, что в случае необходимости они окажут вооруженную поддержку стрелкам 2-го латышского полка, подвергшегося нападению «батальона смерти». Все это, а главное тот факт, что революционные латышские стрелки так организованно и успешно отбили нападение «смертников», заставило Искосол, как одного из главных организаторов провокации, заговорить о мирном урегулировании «конфликта».

Ярким свидетельством роста влияния большевиков были выборы в рижскую городскую думу, состоявшиеся 13 августа 1917 г. В выборах активное участие приняли латышские стрелки. Несмотря на эвакуацию из Риги пролетариата вместе с промышленными предприятиями, большевикам из 120 мест в думе удалось завоевать 49. Таким образом, провал контрреволюционной провокации 12 августа и успехи большевиков на выборах в городскую думу ярко свидетельствовали о силе большевиков в 12-й армии и в Риге.

Однако контрреволюция не унималась. Уже 14 августа в штаб 12-й армии поступила грозная телеграмма главнокомандующего Северным фронтом генерала Клембовского, неоднократно выражавшего недовольство медленными темпами подготовки вооруженной расправы с большевиками со стороны штаба 12-й армии и Искосола. В телеграмме Клембовский, ссылаясь на приказ верховного главнокомандующего, предлагал закрыть газеты «Свободный стрелок» и «Циня», «распустить Исколастрел, латышей свести в резерв и привести в порядок»¹⁷, т. е. фактически расформировать полки латышских стрелков.

15 августа латышским стрелкам был объявлен категорический приказ генерала Клембовского об отводе их в резерв. Контрреволюционное офицерство латышских частей (полковники Гоппер, Аузен и др.) также требовали отвода их в резерв. Но стрелки заявили, что они в резерв не пойдут. Командующий 12-й армией сообщал в штаб фронта: «1-я латышская бригада отказалась выполнить приказание... следовать по назначению, мотивируя этот отказ опасением, что ведут их туда для расформирования, так и тем, что для прочности защиты Риги от наступления противника присутствие их крайне необходимо здесь»¹⁸. Кроме того, командование не забывало, что еще раньше сибирские полки вынесли решение о том, что в случае, если будут расформированы латышские полки, Временному правительству придется считаться с сибирскими полками.

Что же касается газет латышских большевиков «Свободный стрелок» и «Циня», то командование решило закрыть их лишь после падения Риги, а именно 26 августа. Однако уже 27 августа вместо «Бривайс стрелниекс» («Свободный стрелок») Исколастрел выпустил ту же газету под другим названием — «Латвю стрелниекс» («Латвийский стрелок»).

Прямые попытки расформирования революционных частей наблюдались и в других соединениях 12-й армии. Так, 14 августа 1917 г. реакционные части под руководством помощника комиссара фронта меньшевика Войтинского, прибывшего в Ригу после событий 12 августа со специальным заданием Керенского — расправиться с большевиками, окру-

¹⁶ ЦГВИА, ф. 2152, оп. 7, д. 86, л. 65.

¹⁷ ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 127, л. 207.

¹⁸ Там же, д. 20, л. 1.

жили 18-й полк 5-й сибирской дивизии и предложили ему сдать оружие и выдать большевиков. В ответ на это наглое требование солдаты 18-го сибирского полка единодушно заявили, что они оружие не собираются сдавать и своих товарищей не выдадут. Другие части 5-й сибирской дивизии сообщили, что, если потребуется, они немедленно выступят на поддержку 18-го полка. Попытка Войтинского и здесь провалилась.

Таким образом, большевики не позволили Керенскому, Корнилову, Клембовскому и другим корниловцам выполнить свой план по отношению к большевистски настроенным латышским и русским частям 12-й армии. Большевистская организация 12-й армии использовала эти события для разоблачения контрреволюционной роли комиссаров Временного правительства и меньшевистско-эсеровского Искосола. Большевики на конкретных фактах разъясняли солдатам ту истину, что контрреволюция бессильна, если солдаты действуют организованно.

При поддержке солдатской массы большевистской организации и в условиях репрессий удавалось проводить партийные собрания, собрания делегатов «левого блока», митинги и собрания самих солдат. 13 августа 1917 г. состоялась конференция большевистской организации армии; опираясь на резолюции VI съезда партии, конференция вынесла решения о развертывании партийной работы.

Провал попыток широкой вооруженной расправы с большевиками и революционными солдатами в 12-й армии свидетельствовал о том, что большевики здесь пустили глубокие корни, что они стали такой силой, с которой контрреволюция не может справиться. Большевикам 12-й армии удалось организовать отпор наступающей контрреволюции. Это обстоятельство ускорило решение контрреволюции сдать Ригу и вместе с ней сдать в плен большую часть 12-й армии.

* * *

Буржуазия принимала все меры к тому, чтобы завершить свою июльскую победу путем установления открытой военной диктатуры. Этой цели должен был служить заговор Корнилова.

В подготовке и проведении корниловского контрреволюционного заговора активное участие приняли представители главнейших империалистических стран в России. Это был заговор международной контрреволюции против свободы и независимости нашей Родины.

Широкое применение репрессий по отношению к большевикам и революционно настроенным солдатам было частью подготовки контрреволюционного заговора. Но для успеха заговора этого было мало. Буржуазия и генералитет понимали, что для разгрома революции требуется широкая подготовка их боевых сил. Поэтому они спешно увеличивали количество «ударных» частей, батальонов георгиевских кавалеров, национальных буржуазных формирований, женских «ударных» батальонов, а также сосредоточивали в нужном для них направлении казачьи части. Активную работу по созданию кадров контрреволюции развернул «Союз офицеров», главный комитет которого находился непосредственно при ставке.

Подготовку к заговору буржуазия и генералитет сопровождали целой серией провокаций против армии и народа. Одной из крупнейших провокаций была предательская сдача Риги немцам, последовавшая 21 августа 1917 г.

Еще 13 августа 1917 г. на Государственном совещании в Москве Корнилов открыто угрожал сдачей Риги и тем самым прямо подал

немецким генералам сигнал к наступлению. Несколько часов спустя после предательской сдачи Риги Корнилов в разговоре с румынским послом Диаманди откровенно заявил, что намеренная сдача Риги есть шаг к установлению военной диктатуры. Этот разговор, переданный Диаманди его правительству, стал известен затем правительству Италии и правительствам других стран. Представитель Италии в Румынии Фашиати телеграфировал на следующий день после сдачи Риги (4 сентября 1917 г. по н. ст.) итальянскому министру иностранных дел Соннино: «Диаманди телеграфировал Братиану из ставки, где он теперь находится, пользуясь прямым проводом между ставкой и русским командованием в Румынии, чтобы передать ему разговор с генералом Корниловым. Генерал ему сказал, что не нужно придавать большого значения взятию Риги. Генерал прибавил, что войска оставили Ригу по его приказанию и отступили потому, что он предпочитал потерю территории потере армии. Генерал Корнилов рассчитывает также на впечатление, которое взятие Риги произведет в общественном мнении в целях немедленного восстановления дисциплины в русской армии»¹⁹.

Чтобы обеспечить немцам захват Риги, корниловцы предварительно сдали им без боя несколько важных позиций на Северном фронте. Еще в июне 1917 г. началась переписка о сдаче Икскюльского предмостного укрепления, расположенного на левом берегу Западной Двины²⁰. 8 июля начальник штаба верховного главнокомандующего сообщил главнокомандующему Северным фронтом, что «вследствие сведений об усилении деятельности противника против Икскюльского укрепления» он считает «более целесообразным отвести наши части на основную позицию, оставив впереди лишь сторожевое охранение»²¹. 10 июля главнокомандующий Северным фронтом генерал Клембовский приказал очистить Икскюльское предмостное укрепление, не оставляя никакого охранения²². К 14 июля подразделения 33-й пехотной дивизии, занимавшие Икскюльский плацдарм, отошли на правый берег Западной Двины, не захватив, по вине командования, значительную часть своего боевого имущества²³.

В течение двух лет русское командование удерживало этот плацдарм, понимая, видимо, его важное стратегическое значение. Теперь оно вдруг нашло его стратегически невыгодным. На самом же деле плацдарм не только не потерял своего значения, а, наоборот, в связи с нависшей опасностью, оно еще более возросло. Сдав Икскюльский плацдарм, корниловцы облегчили немцам форсирование крупной водной преграды — реки Западной Двины, а следовательно, и взятие Риги. Оттянув войска с Икскюльского плацдарма, командование открыло «ворота в Ригу».

18 июля директивой № 3695/Б главнокомандующий Северным фронтом разрешал командующему 12-й армией «отвести войска, занимающие приморский участок, на линию Ропачен — Антицием — лес Лемпеж». Ди-

¹⁹ Газета «Армия и флот рабочей и крестьянской России», № 10, от 2 декабря 1917 г.

²⁰ Икскюльский плацдарм имел по фронту 4 версты. На плацдарме находилось обычно 5 батальонов с пулеметными подразделениями.

²¹ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 88, л. 4 (Справка по поводу оставления Икскюльских укреплений, составленная в ставке в ответ на выступление печати).

²² ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 63, л. 51.

²³ 4 августа в телеграфном приказании № 3974 и. д. начальника штаба Северного фронта указал командующему 12-й армии: «По дошедшим сведениям, при очищении Икскюльского плацдарма, несмотря на то, что это делалось не под натиском, а произвольно и отход был предпринят заблаговременно, там оставлено было большое количество имущества... Главкосев приказал принять меры, чтобы это отнюдь не повторилось при отходе на Франкендорфскую позицию» (ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 63, л. 59).

ректива ставила ряд условий отвода, и прежде всего: «Всем офицерам и солдатам должно быть определенно разъяснено, что отвод предпринят не вследствие нашей слабости, а для сокращения фронта с целью усиления резервов для улучшения санитарно-гигиенических условий расположения войск»²⁴.

Этот же мотив, выдуманный командованием для обмана солдат, был выставлен в директиве главнокомандующего фронтом № 3876/Б, которой предусматривался отход на так называемую Франкендорфскую позицию (последняя проходила по линии Шлок — западный берег оз. Бабит-Олай). Однако оторвать корпус 4-дивизионного состава от противника (на Франкендорфскую позицию должен был отойти 6-й сибирский корпус, в который входили тогда 3, 14, 18-я сибирские стрелковые и 136-я пехотная дивизии) и отвести его затем, как планировалось, на 12 километров в тыл оказалось делом сложным. Поэтому командующий 12-й армией не мог сразу выполнить директиву главнокомандующего фронтом. Последний в связи с этим 4 августа повторил свое приказание: «Раз уже решено отвести войска 6-го корпуса на Франкендорфскую позицию, — отвод надо делать возможно скорее...»²⁵ В течение 10—12 августа войска были отведены.

После оставления 12-й армией почти половины освоенных позиций штабы, выполняя директивы свыше, начали открыто дезориентировать солдат в вопросе о вероятном направлении наступления противника. 4 августа Клембовский телеграфировал по этому вопросу в армии Северного фронта: «форсирование немцами Двины где-либо в районе Икскюля считаю маловероятным; гораздо правдоподобнее, что, сосредоточив войска в районе Бальдона и Митавы, они перейдут в наступление из этих двух пунктов концентрически левым берегом Двины и по Митавскому шоссе, чтобы отрезать все наши части, выдвинутые в западном направлении вдоль приморского побережья. На эти два направления я обращаю усиленное внимание ваше»²⁶.

Так корниловские генералы шаг за шагом под видом «стратегической выгоды» умышленно подпускали немцев к Риге. Во всех этих махинациях корниловцев усердно поддерживали меньшевики и эсеры.

Втайне от солдат командование фронта и армии в начале августа приступило к эвакуации штаба 12-й армии из Риги. Эвакуация из Риги промышленных предприятий, с целью освобождения ее от революционного промышленного пролетариата, началась еще с весны 1917 г. В середине июля командующий 12-й армией требовал от главнокомандующего фронтом разрешения на эвакуацию из Риги управлений армий, на что главнокомандующий пока не соглашался, так как отступление на Франкендорфскую позицию с одновременной эвакуацией штаба фронта, казалось ему, может вызвать «тревогу в населении и войсках». Поэтому он 28 июля на отношении командующего 12-й армией наложил резолюцию: «Постепенная и очень медленная разгрузка грузов, а не учреждений и управлений Риги...». Однако уже 4—5 дней спустя он изменил свое решение, и 4 августа начальник штаба Северного фронта телеграфировал командующему 12-й армией: «Решение вопроса о выводе управлений армии из Риги главков представляет Вашему усмотрению, но обращает внимание на то впечатление, которое может произвести этот факт на войска в связи с отходом на Франкендорфскую позицию...»²⁷.

²⁴ ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 63, л. 54.

²⁵ Там же, л. 60.

²⁶ Там же, д. 102, л. 95.

²⁷ Там же, д. 63, лл. 55 и 60.

Это было фактически разрешением на «осторожную» эвакуацию штаба армии. Таким образом, штаб армии умышленно отрывался от армии, чтобы в близившемся сражении дезорганизовать управление, посеять панику и тем самым ускорить падение Риги.

О готовившемся наступлении немцев на Ригу и прилегающий Прибалтийский район русское командование знало еще в начале 1917 г. Больше того, ставка верховного главнокомандующего и штаб фронта в начале года неоднократно отдавали приказы о принятии мер оборонительного характера в этом районе²⁸. Но все это оставалось лишь на бумаге, а на деле из Рижского укрепленного района и смежных с ним районов постепенно перебрасывались в другие районы личный состав и боевое вооружение.

В начале июля 1917 г. из 12-й армии в 5-ю армию был переброшен 27-й армейский корпус в составе трех дивизий. Это, разумеется, значительно ослабляло 12-ю армию. Вместо укрепления боевых позиций Северного фронта командование охотно отдавало войска для выполнения полицейских функций.

С Северного фронта в Петроград для подавления мирной июльской демонстрации рабочих и солдат были спешно отправлены 5-я кавказская кавалерийская дивизия и 45-я пехотная дивизия, которые затем были отведены в Финляндию. Вслед за ними в Финляндию была переброшена 14-я кавалерийская казачья дивизия, входившая в состав 5-й армии Северного фронта.

После провала июньско-июльского наступления главнокомандующий Северным фронтом решил произвести перегруппировку войск якобы с целью «усилить 12-ю армию за счет пятой, так как это соответствует целям оборонительным»²⁹. Получив согласие ставки на перегруппировку, главнокомандующий Северным фронтом 18 июля издал приказ, согласно которому 28-й армейский корпус, бывший до того самостоятельной боевой единицей, включался в 5-ю армию. 13-й корпус (1, 36, 182-я пехотные дивизии) — самый революционный из корпусов 5-й армии — изымался из этой армии и раздроблялся таким образом, что 1-я пехотная дивизия была отправлена на Юго-западный фронт, 182-я пехотная дивизия расформировалась, а 36-я отошла в резерв главнокомандующего фронтом³⁰. Штаб 13-го корпуса в середине июля прибыл в 12-ю армию, получив в свое подчинение 4-ю Донскую казачью дивизию и Прибалтийскую конную бригаду. Эти части непосредственно в боях под Ригой не участвовали, так как их сознательно отвели на правый пассивный фланг армии. 36-я пехотная дивизия никак не могла усилить 12-ю армию, так как она прибыла в резерв главнокомандующего фронтом уже к началу наступления противника на Ригу. Таким образом, от указанной перегруппировки войск 12-я армия, на которую нацеливал свой удар неприятель, ничего не выиграла.

В то же время из состава 12-й армии продолжали изыматься отдельные роты и даже батальоны. 23 июня в 12-й армии было 238 батальонов, а к 16 июля их стало 209. За этот срок количество орудий в той же

²⁸ См. ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 63, л. 39 (телеграфное приказание главкосева № 1899/Б от 5 апреля 1917 г., в котором указывается на возможность наступательной операции против армий Северного фронта и Прибалтийского района и упоминается, что согласно директиве 1843/Б туда будет переброшена первая армия. Однако этот вариант скоро отпал, а полевое управление 1-й армии было переброшено на Юго-западный фронт).

²⁹ ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 102, л. 1.

³⁰ Там же, л. 4.

армии уменьшилось с 1068 до 1042, пулеметов — с 2027 до 1727. К 16 июля в армии некомплект штыков составлял 67 127³¹.

Контрреволюция ставила своей задачей не только сдать врагу Ригу как революционный центр, но и истребить в процессе боя наиболее революционные полки 12-й армии, а часть из них сдать в плен. Словом, речь шла о ликвидации «гнезда большевизма», как отзывались контрреволюционеры о 12-й армии в Риге.

«Со стороны генерала Парского были приняты все доступные меры к обороне», — доносил Станкевич вскоре после сдачи Риги³². Это надо понимать так, что командующий армией генерал Парский действительно принял все меры, но не к обороне, а к тому, чтобы устроить ловушку своей армии. В районе Иксколя, т. е. наиболее вероятном районе высадки десанта немцами, он накануне катастрофы снял батареи и прислал сюда три плохо вооруженных полка 186-й пехотной дивизии³³. Правее 186-й дивизии были поставлены полки 2-й латышской дивизии, причем последние были расположены не компактной массой, а на большом расстоянии друг от друга, по-ротно, что ослабляло их в бою. Внутри 2-го и 6-го сибирских корпусов также были произведены перегруппировки и все с той же целью — облегчить сдачу их в руки врага.

Меньшевики и эсеры употребили все свое красноречие, чтобы замаскировать истинные цели перегруппировки войск. Они «разъясняли» солдатам, что происходящая перегруппировка делается в интересах «спасения» фронта, и поэтому солдатам необходимо выполнять приказы о перемещении «бесприкословно, в назначенное время, без попыток обсуждения»³⁴. Помощник комиссара Северного фронта меньшевик Войтинский, находившийся тогда в Риге и непосредственно руководивший вместе со штабом 12-й армии всей перегруппировкой, в своих донесениях одобрял действия командования и Искосола по перемещению войск и считал, что оно происходит «в полном порядке». Этот прожженный авантюрист «выражал уверенность», что штаб армии «исполнит свой долг»³⁵, когда он на самом деле уже планировал позорную эвакуацию Риги. Несмотря на явно нависшую угрозу нападения неприятеля на Ригу, командование и Искосол преуменьшали значение опасности, что облегчало противнику его задачу.

Контрреволюция готовила сдачу Риги и тем, что непрерывно умышленно клеветала на большевиков и сознательных солдат. Одним из наиболее ходких гнусных утверждений контрреволюции было утверждение, будто большевики разлагают армию, и в то же время контрреволюция передавала врагам сведения о боеспособности отдельных частей. Контрреволюционная печать открыто называла «разложившимися» 1-ю и 2-ю латышские бригады, 109, 110, 186-ю пехотные дивизии и другие соединения, этим самым стараясь натравить на революционно настроенные полки отсталую часть солдат. На деле армию разлагала сама контрреволюция. Большевики выступали как носители порядка, как приверженцы организованной борьбы против империализма. Даже некоторые представители контрреволюции не могли отрицать, что большевистские полки были самыми организованными. Например, комиссар Северного фронта Станкевич, 27 июля телеграфно доносил военному министру, что

³¹ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 1726, л. 312 и д. 1803, л. 324.

³² ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 15, лл. 141—143.

³³ См. Институт истории Академии Наук СССР, отдел рукописных фондов, В, раздел 4, д. № 10, порядковый № 2, воспоминания Гразкина, Григорьева, стр. 51.

³⁴ ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 27, л. 280.

³⁵ Там же.

при объезде корпусов он посетил 109-ю дивизию, считавшуюся одной из самых «ненадежных», и вынес впечатление о полной ее боеспособности. «Служба в полках идет вполне исправно, — доносил Станкевич, — работа и занятия производятся, приказы исполняются беспрекословно. Новоладожский полк, который я посетил на позиции, просил заявить, что долг свой защиты Родины он выполнит до конца. Полк с внешней стороны в блестящем порядке. Отзывы командного состава и представителей солдатских организаций и комиссариата вполне совпадают с моими личными впечатлениями»³⁶.

Большевики решительно выступили против сдачи Риги и Рижских позиций — очень важных подступов к сердцу революции — Петрограду. Большевики призывали солдат выполнять все боевые приказы, не носящие контрреволюционного характера. «Окопный набат» разъяснял: «Борьбу с собственным правительством солдаты могут выиграть, не отступая ни на шаг на внешнем и внутреннем фронте»³⁷.

Когда обнаружили признаки сдачи Икскольских позиций, большевистская организация 12-й армии послала своих представителей в штаб армии и Искосол, поручив им выяснить положение дел на этом участке фронта и заявить протест против каких-либо попыток сдачи стратегически важного плацдарма. Большевики и поддерживавшие их сознательные солдаты, исходившие из необходимости удерживать позиции 12-й армии и Риги, выступали против перегруппировки войск, перемещения личного состава армии, растаскивания его вооружения и боеприпасов. Вот пример того, как солдаты и солдатские комитеты полка, занимавшего большевистскую позицию, реагировали на подобные явления. Солдатский комитет 17-го сибирского стрелкового полка, обсудив на своем заседании 12 августа вопрос «о требовании из полка пулеметов», вынес следующее решение: «Всякое требование из полка оружия и в особенности пулеметов, самое важное оружие полка, является недопустимым и незаконным. Ввиду сего полковый комитет постановил: категорически отказывать в дальнейшем выдачу из полка пулеметов; лишь только в крайних боевых обстановках, явно требующих поддержку соседних частей, мы в каждую минуту готовы оказать нужную помощь людьми и пулеметами. Вывезенные сегодня пулеметы требуем от командира полка вернуть немедленно обратно. Протестуем против действия командира полка, отдающего приказание, не ставя в известность полкового комитета, и создающего волнение масс. Требуем от председателя полкового комитета ставить в известность всех членов полкового комитета о создавшихся затруднениях и не давать самовольное согласие»³⁸.

* * *

Рижская трагедия произошла при следующих обстоятельствах.

19 августа в 4 часа утра после усиленной артиллерийской подготовки немецкие части форсировали Западную Двину как раз там, где русское командование открыло им «ворота в Ригу», т. е. в районе Икскуля. Они высадили десант и быстро расширили плацдарм. Искосол, подготовивший вместе с командованием предательскую сдачу Риги, 20 августа выпустил воззвание к армии, лицемерно призывавшее солдат выполнить долг³⁹.

³⁶ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 143, л. 173.

³⁷ «Окопный набат», № 2, от 26 июля 1917 г.

³⁸ ЦГВИА, ф. 2152, оп. 1, д. 4, л. 67. См. также ф. 2031, оп. 1, д. 27, л. 201.

³⁹ См. газету «Рижский фронт», № 40, от 20 августа 1917 г.

В этот момент непосредственно против немцев оказалась 186-я пехотная дивизия, намеренно оставленная без артиллерии. Ясно, что она не могла оказать серьезного сопротивления. Чтобы облегчить продвижение немцев, командующий 12-й армией отдал приказ соседней 33-й дивизии «атаковать противника, занимающего позиции северо-восточнее Икскюля» и сбросить немцев с правого берега Двины⁴⁰. Начальник этой дивизии — яркий монархист генерал Скалон, — которому хорошо был известен план сдачи Риги, сознательно истребил большую часть своей безоружной дивизии. По указанию свыше, Скалон⁴¹ ввел в бой не всю дивизию, он не обрушился на немцев сильным кулаком, а постепенно бросал в бой отдельные полки и батальоны, что позволяло неприятелю с успехом уничтожать дивизию по частям. Несколько часов спустя таким же способом были введены в бой полки второй латышской бригады.

Уже к утру 20 августа немцы прорвали позиции 186, 136, 33-й пехотных дивизий и 2-й латышской бригады и, зайдя во фланг всей армии, создали для нее угрозу окружения. В это время в армии, по вине штабов, началась паника. К исходу 20 августа 2-й и 6-й сибирские корпуса, которые были расположены на левом берегу Двины, начали отступление. Многие командиры, несмотря на открытое желание солдат обороняться, приказывали отступать и сами удирали первыми. В большевистских полках офицеры, как правило, разбежались, обрекая сознательно солдат на сдачу в плен и на гибель.

20 августа последовал приказ Корнилова об оставлении Риги. 21 августа Рига была предательски сдана. Командующий 12-й армией на основании распоряжения Корнилова отдал приказ об отступлении 12-й армии на Венденские позиции. Приказ требовал планового, организованного отступления с боями. С точки зрения формы в этом приказе было все на месте. 6-му и 2-му сибирским корпусам указаны были пути отступления и будущие боевые позиции, 43-му корпусу в тесной связи с 21-м корпусом приказано было прикрывать отход сибирских корпусов⁴². Но реальных условий для осуществления организованного отступления не было: приказ об организованном отступлении был доведен до частей, да и то не до всех, когда уже началось стихийное отступление, подвоза боеприпасов и продовольствия не было, связь почти отсутствовала, штабы и большинство начальников сбежали и т. д. Поэтому никакого планового отступления организовано не было. Оружие и боевое снаряжение бросалось в пути⁴³. Это было, скорее, бегство, чем организованное отступление. Не случайно затем штат комендатур был увеличен в три раза, чтобы рассортировать солдат по частям.

Среди отступавших частей действовала целая сеть провокаторов и шпионов, которые вносили панику в среду солдат, открывали стрельбу по тылам и т. д.⁴⁴

⁴⁰ ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 411, л. 114.

⁴¹ Командование фронта и комиссар считали реакционера Скалона одним из лучших своих генералов (см. ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 15, л. 121). Под давлением солдат после рижской катастрофы была назначена «специальная комиссия по расследованию операций Н-ской дивизии» (речь шла о 33-й пехотной дивизии; см. «Голос солдата», № 140, от 14 октября). Командарм приказал этой комиссии «произвести расследование, не предавая суду генерала Скалона» (ЦГВИА, ф. 94, оп. 1, д. 13, л. 2), т. е., другими словами, замять дело. Комиссар фронта Станкевич сделал вид, что он не согласен с командармом и направил дело в «военно-революционный суд». Дело закончилось тем, что Скалон «по обстоятельствам момента» был переведен на другую должность.

⁴² ЦГВИА, ф. 2262, оп. 1, д. 238, л. 11.

⁴³ ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 414, л. 130.

⁴⁴ «Звезда», № 16, от 22 сентября 1917 г. (гор. Ревель).

В момент, когда 12-я армия истекала кровью, командование 5-й армией не оказало ей никакой поддержки. Только 21 августа Клембовский вместо приказа командующему 5-й армией генералу Данилову послал ему запрос: «Не признаете ли возможным перейти в наступление, дабы облегчить положение 12-й армии, хотя бы частично?»⁴⁵. Командующий 5-й армией 22 августа ответил: «Нет, это затруднительно и рискованно»⁴⁶.

Предательские действия генерала-корниловца Данилова и других начальников 5-й армии были оценены в народе как молчаливое или явное соглашение с немцами в целях сдачи Риги. Чтобы поддержать авторитет корниловцев из 5-й армии, управляющий военным министерством Савинов 23 августа дал интервью журналистам, в котором опроверг «вредные слухи» по адресу начальствующего состава 5-й армии и потребовал поддержать в печати их авторитет⁴⁷.

Главкомандующий Северным фронтом мог бы, конечно, спасая положение 12-й армии, своевременно бросить ей на помощь свои резервы. В его резерве были 10-я пехотная туркестанская дивизия, 36-я и 24-я пехотные дивизии, 5-я кавалерийская кавказская дивизия и несколько ударных батальонов. Но до сдачи Риги к 12-й армии подошли только 5-я кавалерийская дивизия и одна бригада 24-й пехотной дивизии. В бою же приняли участие только бригада 24-й пехотной дивизии. 5-я кавалерийская дивизия не участвовала в боях: ей приказано было следить за «порядком» в войсковом тылу 12-й армии. 36-я дивизия и вторая бригада 24-й пехотной дивизии пришли в 12-ю армию уже после рижской катастрофы. 21 августа Клембовский телеграфировал командующему 12-й армией: «Усилить вас не могу, так как бригаду 10 Туркестанской передаю вам для обороны побережья, другая бригада этой дивизии остается у меня единственным резервом, а бригада 24 дивизии еще не подвезена»⁴⁸.

К моменту рижских боев в район Северного фронта прибыл 3-й конный корпус. Но известно, что он предназначался не для защиты Риги, а для подавления революции. Тот факт, что ни одна из корниловских частей, стоявших в резерве, не была двинута на Рижский фронт, убедительно свидетельствует о том, что сдача Риги являлась частью контрреволюционного заговора.

21 августа, когда Рига была уже оставлена, Корнилов отдал приказ командиру 42-го отдельного корпуса «немедленно перевезти по железной дороге» из Финляндии в распоряжение командующего 12-й армией 45-ю пехотную и 14-ю кавалерийскую дивизии⁴⁹, которые не раз использовались, как мы уже указывали, в полицейских целях. Официально эти контрреволюционные дивизии передвигались для помощи 12-й армии. В действительности их передвижение было частью корниловского заговора. Погрузка дивизий началась 24—25 августа, т. е. в то время, когда 3-й конный корпус начал свой поход на Петроград. Это совпадение не было случайным.

Как только войска вступили на Венденские позиции, на них посыпались приказы и воззвания, призывавшие рассматривать эти позиции последним шагом в отступлении. Командующий 12-й армией в телеграфном приказе от 25 августа требовал Венденскую позицию, «одну из послед-

⁴⁵ ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 102, л. 312.

⁴⁶ Там же, л. 313.

⁴⁷ См. там же, д. 99, л. 166.

⁴⁸ Там же, д. 63, л. 63.

⁴⁹ ЦГВИА, ф. 2262, оп. 1, д. 231, л. 146.

них на путях к Пскову и Петрограду..., удержать во что бы то ни стало»⁵⁰. Это «категорическое» требование делалось опять-таки для того, чтобы скрыть от солдат истинные намерения верхов армии. На самом деле они не собирались здесь долго задерживаться, стремясь пустить немецкие войска еще дальше вглубь страны. 23 августа в секретном приказе № 4339/Б главнокомандующий Северным фронтом указывал на ряд промежуточных позиций, которые должна была занять 12-я армия при предполагавшемся ее отводе на Псковские позиции. Штаб фронта предполагалось перенести в Новгород⁵¹. Только мужество солдат, находившихся под влиянием большевиков, не позволило немецким войскам продвинуться дальше Венденских позиций. Противник благодаря этому был остановлен на сравнительно дальних подступах к Петрограду, вопреки планам буржуазии и генералитета.

Буржуазия и генералитет намеренно умаляли значение опасности для родины в связи со сдачей Риги. И это лишний раз говорило об их коварных планах допустить поближе к революционной столице войска Вильгельма. В «Ночном бюллетене» пресс-бюро при политуправлении военного министерства, рассылавшемся в редакции армейских и фронтовых соглашательских газет, 21 августа было написано: «Начальник генерального штаба генерал Романовский на вопрос о положении дел в связи с последними событиями на Рижском фронте сказал: «Конечно, положение на Рижском фронте очень тяжелое, но петроградцам беспокоиться особенно нечего... Близость осенней распутицы, отдаленность расстояния дает основания быть уверенным, что противник не успеет продвинуться до столицы, так как даже при нормальных условиях армии могут продвигаться не более 7—8 верст в сутки»»⁵².

С самого начала рижской операции контрреволюция начала кричать о «предательстве» и «измене» солдат, о «позоре», который навлекли на армию якобы большевики. Вопли о «вине» большевиков и солдат должны были дать контрреволюции лишний предлог для расправы с революционными частями и выгородить истинных виновников рижской катастрофы. «Когда Пуришкевич и Милюков,— писал И. В. Сталин,— проливая крокодильевы слёзы по случаю падения Риги и клевета на солдат, хулят в то же время Советы и Комитеты,— то это значит, что они рады случаю требовать дальнейших репрессий для окончательного торжества помещиков и капиталистов.

Когда империалисты Запада, разглагольствуя о «судорогах боли» по случаю падения Риги и взваливая всё на солдат, в то же время поносят «нелепые армейские комитеты»,— то это значит, что они рады случаю добить последние остатки революционных организаций в России.

В этом и только в этом политический смысл объединённого похода лжи и клеветы против умирающих на северном фронте русских солдат»⁵³.

В разного рода сводках и «записках» по поводу рижских боев в рубрику «плохо дрались» вносились наиболее большевизированные соединения⁵⁴. Между тем факты рижских боев свидетельствуют о стойкости и мужестве прежде всего большевистски настроенных солдат. Солдаты 2-й батареи 21-го мортирного артиллерийского дивизиона так описывали бой своей батареей, происходивший 19 августа: «Связи с 136 пехотной

⁵⁰ ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 102, л. 228.

⁵¹ Там же, д. 63, лл. 65—66.

⁵² ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 263, л. 16.

⁵³ И. В. Сталин. Соч., т. 3, стр. 250.

⁵⁴ См., например, ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 133, л. 114, а также ф. 2031, оп. 1, д. 102, л. 84.

дивизией не было... С 14 часов противник обратил на нашу батарею, как на единственно жизнеспособную, все свое внимание. Вел наблюдение с 3-х аэростатов, а над батареей на высоте 300—400 метров непрерывно кружились два аэроплана... Мы отвечали на огонь 4-х батарей противника..., отступили последними»⁵⁵.

Полковой комитет 55-го сибирского стрелкового полка 14-й сибирской стрелковой дивизии 6-го сибирского корпуса сообщал о боевых действиях своих соседей: «На соседний 3 латышский полк неприятель три раза наступал, но всегда был отбит огнем наших батарей и доблестными стрелками латышского полка... Один из полков нашей дивизии оказал латышскому батальону помощь»⁵⁶.

7-й Баусский латышский стрелковый полк вел бои в исключительно неблагоприятной обстановке. Тем не менее он находил возможность помогать своим товарищам. В «Журнале военных действий» этого полка за август 1917 г. записано: «20 августа был одним из самых тяжелых дней для полка потому, что после бессонной ночи приходилось оказывать содействие всем полкам бригады во всех направлениях... Связь с соседями из-за вышеупомянутого отхода не существовала и установить не удалось... Жалкие остатки около 20 час. вышли из боя и собрались в Валденрод. Двигались под артогнем»⁵⁷.

8-й Вольмарский латышский стрелковый полк во время боев за Ригу удачно выполнил все боевые задания, успешно вырвался из окружения; стрелки на своих плечах вынесли пулеметы, телефонные аппараты и другое полковое имущество, побросав свое собственное белье и сухари. Во время отхода соблюдался полный порядок⁵⁸.

Героическое поведение солдат было настолько очевидным, что даже некоторые из врагов не решались этого отрицать. Помощник комиссара Северного фронта Войтинский, лично наблюдавший картину боев, писал в своих донесениях: «19 августа немцам под прикрытием ураганного огня удалось переправиться на правый берег Двины... Наши войска честно выполняли все приказания командного состава, переходя местами в штыковые атаки, идя навстречу верной смерти. Случаев бегства и предательства воинских частей не было...»⁵⁹. 21 августа Войтинский констатировал в своей сводке, что «все приказания войсками выполняются беспрекословно»⁶⁰.

Комиссар фронта Станкевич, посетив 25 августа 186-ю пехотную дивизию и 2-ю латышскую бригаду, докладывал военному министру, что «войска нельзя упрекать в деморализации». Отступление войск с Рижских позиций Станкевич объяснял рядом других причин, в частности усталостью и военно-технической неподготовленностью. «Латышская бригада после тяжелых боев сохранила полную боеспособность», — продолжал Станкевич⁶¹. Мужество и стойкость солдат не решился отрицать и меньшевистско-эсеровский Искосол.

Большевики решительно выступили против клеветы, возводимой на них и на революционных солдат. При обсуждении вопроса о прорыве Рижского фронта на заседании ВЦИК большевики огласили по этому вопросу свою декларацию, в которой говорилось: «Мы, с негодованием отвергая клеветы и ложь, распространяемые против солдат, считаем нуж-

⁵⁵ ЦГВИА, ф. 94, оп. 1, д. 58, л. 58.

⁵⁶ Там же. д. 57, л. 188.

⁵⁷ ЦГВИА, ф. 3460, оп. 1, д. 50, лл. 6—8.

⁵⁸ ЦГВИА, ф. 94, оп. 1, д. 58, лл. 147—148.

⁵⁹ «Голос солдата», № 93, от 22 августа 1917 г.

⁶⁰ ЦГВИА, ф. 2015, оп. 1, д. 15, л. 137.

⁶¹ ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 102, л. 209.

ным заявить, что мы рассматриваем создавшееся угрожающее положение как результат политики Временного правительства, принесший интересы мира и народной республики в жертву союзным и русским империалистам»⁶².

Газета «Рабочий» — центральный орган нашей партии, выходявшая вместо разгромленной «Правды», — в редакционной статье высоко оценила заслуги большевиков Рижского фронта в воспитании стойкости у солдат. Ссылаясь на доклад Савинкова Временному правительству о боях под Ригой, в котором он вынужден был признать, что большевистские полки «сражались с исключительным мужеством и потеряли до трех четвертей своего состава, в то время как другие, такие же полки, не выдерживали ни малейшего натиска противника», газета оценила это признание как факт, опровергающий « всю ту подлую травлю, которую обрушивают на большевиков кадеты, черносотенцы, меньшевики и эсеры в течение ряда месяцев ». « Когда дело дошло до сражения, — продолжала газета, — именно полки, воспитывавшиеся на «Окопной правде» и грудью отстаивающие «Окопный набат», именно они, сплошь «большевистские» полки, дрались мужественнее всех...»⁶³.

Стойкость, храбрость и организованность, проявленные большевиками в боях под Ригой, усилили их авторитет в глазах даже тех солдат, которые еще находились под влиянием эсерово-меньшевистской клеветы. Вместе с тем среди солдат, под влиянием большевистской агитации, росло убеждение в том, что измена под Ригой — дело рук не только буржуазии и военной клики, но и меньшевиков и эсеров. Большевики использовали факт предательской сдачи Риги для дальнейшей изоляции меньшевиков и эсеров, для вовлечения солдатских масс в свою организацию.

Отдавая себе отчет в политических последствиях рижской катастрофы, контрреволюция вплоть до Октябрьской революции вела кампанию, имевшую целью оправдать истинных виновников предательской сдачи Риги. Контрреволюционные пропагандисты «доказывали», что сдача Риги совсем не связана с корниловским заговором, что 12-я армия совершила «сложный маневр отхода» в силу якобы «суровой необходимости». Ставка приказала штабам всех видов держать в строгом секрете сведения о потерях в боях под Ригой, так как они неминуемо подрывали бы авторитет командования⁶⁴. Были созданы специальные «следственные комиссии», которые должны были «расследовать» причины падения Риги. 9 сентября из Искосола комиссару Северного фронта была направлена следующая телеграмма: «Сегодня получили сообщение Минца (меньшевик, помощник комиссара Временного правительства по 12-й армии. — М. К.), что штаб фронта требует собирания материалов для следственной комиссии об отходе с Рижских позиций. Ввиду чего нами возбужден вопрос перед Военмином об образовании в центре следственной комиссии с участием представителей общественных организаций, на что получено принципиальное согласие Военмина. Просим сообщить подробнее об образованной комиссии при фронте»⁶⁵.

Меньшевистско-эсеровский Искосол оказывал «следственным комиссиям» самую энергичную помощь. По его указанию редакция газеты «Рижский фронт» организовала сбор материала о рижских боях. В середине сентября редакция разослала во все штабы, солдатские комитеты и

⁶² «Солдат», № 12, от 27 августа 1917 г.

⁶³ «Рабочий», № 4, от 28 августа 1917 г.

⁶⁴ По сведениям ставки, потери под Ригой за 19—22 августа исчислялись в 25 тыс. человек, из них 15 тыс. пропавшими без вести.

⁶⁵ ЦГВИА, ф. 94, оп. 1, д. 13, л. 126.

отдельным лицам анкетный лист, заполнение которого, по ее мнению, поможет дать «полную картину боев 19—22 августа». Редакция также намеревалась «в ряде очерков нарисовать полную картину очищения Рижского плацдарма XII армией в боях 19—22 августа, а также издать по возможности отдельную книгу». Анкетный лист надо было представить не позже 1 октября⁶⁶. Заполнение анкетных листов затянулось. Многие листы были заполнены лишь в двадцатых числах октября. Да и ответы на вопросы анкеты не дали желаемого материала для меньшевиков и эсеров. Вот некоторые из этих ответов. На основной вопрос анкеты: «Чем, по Вашему мнению, объяснить сдачу Риги?» солдатский комитет 131-го пехотного Тираспольского полка ответил так: «1) Отсутствием артиллерии, 2) недостаточностью резерва, 3) неосведомленностью, 4) нераспорядительностью отдельных начальников, 5) халатностью начальства, 6) слабостью техники, материальной части участка 186 дивизии, 7) ликвидацией Икскюльского предмостного укрепления». На вопрос: «Чем солдаты Вашей части объясняют падение Риги?» этот же комитет дал краткий, но исчерпывающий ответ: «Изменой»⁶⁷. Солдатский комитет 2-й сибирской отдельной саперной роты объяснял падение Риги «отсутствием сил на главных участках, ввиду корниловского заговора, потому что им (т. е. Корниловым.— М. К.) кавалерия была оттянута и на прорыве кавалерии не было»⁶⁸. Солдаты и офицеры 3-й батареи 110-й артбригады падение Риги объяснили «изменой родине... Ригу предал высший командный состав»⁶⁹. Даже командир 131-го пехотного Тираспольского полка подполковник Фокин ответил на вопрос о причинах падения Риги так: «По моему, изменой высшего командования»⁷⁰.

Ответы на вопросы, заданные редакцией соглашательского органа, свидетельствуют о том, что большевистская точка зрения на вопрос о причинах сдачи Риги была преобладающей среди солдат и части офицеров. Четкие и правдивые ответы на эти вопросы явились важным показателем политической зрелости солдат, которые после корниловщины окончательно стали на большевистскую точку зрения. Меньшевики и эсеры и разного рода «следственные комиссии» так и не успели опубликовать «итоги» изучения причин рижской катастрофы.

* * *

Сдавая Ригу немцам, русская империалистическая буржуазия рассчитывала окончательно ликвидировать революцию и установить в России военную диктатуру. Начиная мятеж, Корнилов отдал приказ об объединении всех контрреволюционных сил, стянутых в тыл Северного фронта, в так называемую отдельную Петроградскую армию во главе с генералом Крымовым. В приказе провокационно заявлялось: «Ввиду возникающей с отступлением из-под Риги угрозы Петрограду мною решено сформировать отдельную Петроградскую армию, подчинив ее непосредственно мне...»⁷¹ В задачу этой армии входило, прежде всего, физически истребить большевиков и революционных рабочих, солдат и матросов в Петрограде, Балтийском флоте и на Северном фронте.

25 августа 1917 г. Корнилов двинул на Петроград 3-й конный корпус под командованием генерала Крымова. По плану ставки, через два-

⁶⁶ ЦГВИА, ф. 94, оп. 1, д. 57, л. 35.

⁶⁷ Там же, лл. 35—36.

⁶⁸ Там же, л. 224.

⁶⁹ Там же, л. 20.

⁷⁰ Там же, л. 46.

⁷¹ ЦГВИА, ф. 2031, оп. 2, д. 821, л. 210.

три дня на Петроград должен был двинуться 1-й конный корпус под командованием генерала кн. Долгорукова⁷², намеренно расквартированный к тому моменту в Финляндии.

Против контрреволюционного мятежа поднялось мощное народное движение, возглавленное большевистской партией. Центральный и Петроградский комитеты большевистской партии призвали массы рабочих и солдат отстоять революционную столицу от Корнилова. Рабочие и солдаты гарнизона Петрограда единодушно поднялись против контрреволюционных мятежников. Непосредственную помощь рабочим и солдатам столицы в разгроме корниловского мятежа оказали революционные солдаты Северного фронта. По призыву большевиков они создали ревкомы, решительно расправлялись с корниловцами у себя на фронте, не допустили разгрома большевистских полков и солдатских комитетов, создавали боевые отряды-заслоны, препятствовавшие продвижению корниловских войск, разбирали железные дороги на пути продвижения корниловцев. Самоотверженная борьба рабочих и солдатских масс, решительная и умелая тактика большевиков, возглавивших массы, обеспечили разгром корниловского мятежа в самом его начале.

Оценивая положение в стране, создавшееся в связи со сдачей Риги и корниловским мятежом, В. И. Ленин писал: «Историческое значение восстания Корнилова состоит именно в том, что оно с чрезвычайной силой открыло массам народа глаза на ту истину, которая была прикрыта и прикрывается до сих пор соглашательской фразой эсеров и меньшевиков, именно: помещики и буржуазия, с партией к.-д. во главе, и стоящие на их стороне генералы и офицеры сорганизовались, они готовы совершить и совершают самые неслыханные преступления, отдать Ригу (а затем и Петроград) немцам, открыть им фронт, отдать под расстрел большевистские полки, начать мятеж, повести на столицу войска с «дикой дивизией» во главе и т. д. — все это ради того, чтобы захватить всю власть в руки буржуазии, чтобы укрепить власть помещиков в деревне, чтобы залить страну кровью рабочих и крестьян»⁷³.

* * *

Подведем некоторые итоги.

Организуя победу социалистической революции, большевики решительно боролись против продолжения империалистической войны и наступления на фронте. Но вместе с тем, выступая против наступления на фронте, большевистская партия считала необходимым удержать фронт, не допустить дальнейшего распространения противника на территорию России, так как это создавало прямую угрозу революции.

Провокационная сдача Риги немцам была проведена по заранее обдуманному и рассчитанному плану и явилась важным звеном в цепи подготовки корниловского плана. Сдача Риги и корниловский заговор доказали, что буржуазия готова пойти на национальное предательство во имя сохранения своего господства над народом. Только усилия большевистских организаций и шедших за ними солдат спасли положение под Ригой и не позволили немецким войскам продвинуться к революционному Петрограду. Революционные солдаты 12-й армии в сложной боевой

⁷² Командир 1-го конного корпуса генерал Долгоруков при возвращении из ставки, куда он был вызван Корниловым для получения секретных инструкций, был арестован революционными моряками в Ревеле, откуда он намеревался на эсминце переправиться в Гельсингфорс в свой штаб. Это значительно расстроило план передвижения 1-го конного корпуса.

⁷³ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 290.

обстановке измотали противника в процессе обороны и не допустили его продвижения далее Венденских позиций.

События, связанные с предательской сдачей Риги и с корниловским мятежом, дали возможность солдатским массам воочию убедиться в том, что меньшевики и эсеры являются прислужниками буржуазии и генералитета, предателями родины и революции. Процесс окончательного высвобождения солдат из-под влияния эсеров и меньшевиков ускорился. С другой стороны, в те дни большевики предстали перед солдатами как стойкие революционеры и истинные патриоты своей родины.

Разгром корниловщины резко изменил соотношение сил в стране в пользу революции. Используя эту обстановку, большевистская партия приступила к подготовке штурма власти буржуазии в России.

Б. А. РОМАНОВ

ПОРТСМУТСКАЯ МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ¹

1. МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБСТАНОВКА

Мирная конференция в Портсмуте открылась 28 июля (10 августа) 1905 г., имела двенадцать официальных заседаний и закончила свою работу 23 августа (5 сентября) подписанием договора о мире и двух дополнительных статей к нему². Протокол о перемирии был подписан уполномоченными 19 августа (1 сентября) только после того, как к 16 (29) августа переговоры привели стороны к соглашению по всем спорным пунктам. Переговоры могли бы закончиться еще быстрее, если бы не вопросы о Сахалине и, особенно, о возмещении Россией Японии издержек

¹ В недавно вышедшей книге А. Л. Доброва «Дальневосточная политика США в период русско-японской войны» (Госполитиздат, 1952) Портсмутской конференции посвящена особая (7-я) глава (стр. 292—347). Но у А. Доброва Портсмутская конференция рассматривается как этап в дальневосточной политике США, и главным предметом внимания здесь является деятельность Т. Рузвельта в роли инициатора и посредника при мирных переговорах между Россией и Японией. По этой причине, как оговаривается А. Добров, «детальный обзор первых восьми заседаний» не вошел в задачу автора, «ибо не дает какого-либо дополнительного материала, освещающего роль американской дипломатии в Портсмуте» (стр. 307).

В печатаемой же статье дается детальный обзор всех 12 заседаний конференции, и в первую очередь прослеживается работа русской дипломатии, хотя и привлекаются для характеристики дипломатической работы Т. Рузвельта некоторые данные, не имевшиеся в виду в исследовании А. Доброва.

² Российское министерство иностранных дел в свое время опубликовало «Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст договора между Россией и Японией, заключенного в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 года» (СПб., 1906). Одновременно оно же опубликовало (цитируемый нами под названием «Оранжевая книга») «Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россией и Японией о заключении мирного договора. 24 мая — 3 октября 1905 года» (СПб., 1906). В 1924 г. в тт. 6 и 7 «Красного архива» нами опубликована переписка, которую вел С. Ю. Витте из Портсмута с В. Н. Коковцовым (а также И. П. Шипов с А. И. Путиловым).

В 1918 г. в журнале «Былое» был опубликован «Дневник И. Я. Коростовец, секретаря графа С. Ю. Витте во время Портсмутской конференции. Июль — сентябрь 1905 г.» («Былое», 1918, № 1, 2 и 3). Особую главу посвятил Портсмутскому миру С. Ю. Витте в т. I своих воспоминаний (стр. 321—368). Второй уполномоченный на конференцию, русский посол в Вашингтоне Р. Р. Розен писал свои воспоминания (Forty years of diplomacy, New York, 1922) в Америке, в эмиграции, не имея под рукой никаких документальных или иных письменных материалов, и несколько страничек, на которых он рассказывает о конференции, не дают почти ничего нового. Небольшая документация (письма Рузвельта) имеется у Dennett'a (Roosevelt and the russo-japanese war, стр. 267—278), а также в публикациях Лоджа, Гуинна и Бишоп; лондонские, парижские и берлинские документы — в соответствующих дипломатических документациях. Остается неопубликованным хранящийся в Архиве внешней политики России «Отчет секретаря Портсмутской конференции Плансона» (см. Л. Н. Кутаков, К истории Портсмутского мира 1905 года — «Известия Академии Наук СССР», серия истории и философии, 1952, т. IX, № 2, стр. 188).

войны в открытой денежной форме. Разрешение этих вопросов задержало ход работ конференции на несколько дней и создало предлог к прямому дипломатическому вмешательству президента США Т. Рузвельта, не упустившего ни одной возможности, чтобы добиться мира по американскому рецепту — на основе уступки Россией Японии половины Сахалина и отказа Японии от возмещения «действительных издержек войны», как определено было это денежное требование в пункте 9 японских условий мира. Почву здесь для Рузвельта дипломатически подготовил, впрочем, Витте, согласовав сначала все прочие условия и под конец показав всему миру, что дальше японцы хотят воевать только из-за денег³.

Но основной политический факт, определивший этот дипломатический успех американского президента, заключался в другом. Рузвельт спешил прекратить русско-японское, по его выражению, «полезное взаимодействие двух наций», чтобы оно, во-первых, не перешло в решительное поражение одной из сторон, а главное, — поскольку продолжение борьбы при бурном развитии русской революции превратилось в глазах руководящих империалистических кругов в угрозу социальному миру в Европе⁴.

Перед царизмом с каждым лишним месяцем войны все шире развралась пропасть банкротства, а после Цусимы это дошло и до сознания Николая II. В Японии в критические дни портсмутских переговоров, как это стало известно много времени спустя, уже в наши дни, с решительным настоянием о немедленном заключении мира выступили генерал Кодама, начальник штаба маньчжурской армии, и граф Ямамото, морской министр, а еще раньше, сразу же после Цусимы, Япония обратилась к Рузвельту за прямым содействием⁵.

Германия получила от войны все, о чем только могла мечтать: достаточное ослабление России, чрезвычайно выгодный для Германии торговый договор с Россией, союзный договор, заключенный между Вильгельмом и Николаем во время их свидания в Бьорке в июле 1905 г., суливший в перспективе, если все пойдет гладко, тройственную континентальную коалицию против Англии (накануне портсмутских переговоров этот договор еще не был окончательно расторгнут). В Германии заговорили о мире также тотчас же после Цусимы.

У империалистов Франции летом 1905 г. на карте стояла по меньшей мере целая мароккская империя: для них «возвращение» России с Дальнего Востока с каждым днем становилось все более настоятельным, так как Германия от угроз по поводу мароккской политики Франции могла перейти к военным действиям. Делькассэ первый предложил свои «добрые услуги» в Петербурге также после Цусимы.

Даже Англия к самому открытию портсмутских переговоров извлекла из русско-японской войны все, что имела в виду: закончила переговоры с Японией о расширении действия англо-японского союза на все протяжение индийской сухопутной границы. 9 августа 1905 г. в Лондоне была

³ Витте представил это как свой дипломатический успех. Ниже будут приведены данные, ставящие под сомнение эту версию Витте.

⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 104, 238—239, 450.

⁵ Tatsuji Takeushi, War and diplomacy in the Japanese Empire, New York, 1935, стр. 153—154; И с и и. Дипломатические комментарии, М., 1942, стр. 58—59. О необходимости заключить мир заговорил с американским посланником в Токио военный министр Тераути еще в марте 1905 г., после Мукдена (P. J. Treat. Diplomatic relations between USA and Japan, 1895—1905, London, 1938, стр. 233. Ср. А. Л. Гальперин. Из истории японской и англо-американской дипломатии во время русско-японской войны, Сборник статей по истории стран Дальнего Востока, М., 1952, стр. 191 и сл.).

согласована последняя деталь, и подписание договора было назначено на 12 августа. Опубликование же его, — с предварительным сообщением его текста в Петербурге, Париже и Вашингтоне, — было отложено до подписания русско-японского мирного договора, именно из опасения осложнить и задержать, если не сорвать, русско-японские переговоры⁶. Та подробность, что в этом перечислении стран-адресатов первое место Лэнсдоун уделит России⁷, стояла в связи с лондонским планом образования четверного, англо-франко-русско-японского, кольца вокруг Германской империи — курс, заявленный Эдуардом VII еще весной 1904 г. и внушенный тогда же назначенному послом в Петербург Гардингу. Как метко выразился германский поверенный в делах в Лондоне гр. Бернсторф, «после заключения портсмутского мира и нового англо-японского союза Англия похожа на человека, который до сих пор со страхом поджидал в гавани возвращения своего богато нагруженного корабля. Все время этому последнему угрожали бури. Не раз уже судовладелец боялся, что ему придется по меньшей мере заплатить страховую премию, а может быть, и самому выйти в море, чтобы спасти попавший в шторм корабль. Теперь, наконец, богатый груз лежит в надежной гавани, и счастливый владелец может безмятежно предаться спокойному потреблению добытого»; так что сейчас «почти каждый англичанин чувствует себя в абсолютной безопасности». Более того, «соглашения с Россией хочет почти каждый англичанин, либерал ли он, или унионист», и те английские политики, которые заключили англо-японский договор, «ни в коем случае не отклоняют соглашения с Россией». Они думают, однако, что «таковое недостижимо дружественным путем, ибо русское правительство будет прибегать к уверткам и не будет держать своих обещаний. Эти английские политики хотят так зажать Россию посредством англо-японского союза, что она сделается боязливой и податливой и испытает непреодолимое желание положить конец такому давящему положению посредством широкого соглашения с Англией. Тогда Англия будет у цели своих желаний и свободна от всех забот»⁸.

Таким образом, мировая конъюнктура в момент открытия Портсмутской конференции как нельзя более благоприятствовала работе тех дипломатов, которые получили от своих правительств полномочия заключить мир, а также и американскому президенту, который с конца 1904 г. делал все, чтобы заручиться в Лондоне и Берлине как бы мандатом на мирное посредничество; единственное возможное препятствие к этому в виде «интриг Делькассэ», пытавшегося захватить инициативу посредничества в свои руки, было во-время устранено поражением Делькассэ на европейском театре дипломатической битвы⁹. Теперь и во

⁶ British documents, IV, № 151, письмо Лэнсдоуна Макдональду от 8 августа 1905 г., с приложением письма Лэнсдоуна виконту Хаяси от 9 августа («Если вам удобно, я предлагаю подписать с вами договор в субботу 12-го»); № 152, письмо Лэнсдоуна Макдональду от 9 августа 1905 г.; № 162, письмо Лэнсдоуна Кэмпбеллу от 3 сентября 1905 г. («Мы не можем опубликовать, пока не подписан портсмутский договор»). В Париж договор был послан Фрэнсису Бэрти 6 сентября (там же, № 166, стр. 174). Текст договора в подлиннике и в переводе см.: А. Л. Гальперин. Англо-японский союз, М., 1947, стр. 424 и сл.; о его происхождении — там же, стр. 237 и сл.

⁷ British documents, IV, № 162, письмо Лэнсдоуна Кэмпбеллу от 3 сентября 1905 г. («Думаю, что самое лучшее будет, если мы сообщим заранее копию нового договора [1] России, [2] Франции, [3] США»).

⁸ Die Grosse Politik, 19/11, № 6340, депеша Бэрнсторфа Бюлову от 8 сентября 1905 г., стр. 637 и 639.

⁹ Делькассэ вынужден был под давлением Германии уйти в отставку в начале июня 1905 г., так и не успев реализовать свое предложение «добрых услуг». Вспоминая

Франции Рузвельт в лице Рувье мог рассчитывать на послушную, «облагодетельствованную» его посредничеством в мароккском деле, подсобную, в случае надобности, силу.

Перед японскими империалистами сейчас не стояло особых дипломатических трудностей, поскольку они были уверены, что ни одна из империалистических держав, кроме, конечно, России, не подвергнет сомнению «права» Японии сохранить за собой захваченные территории. Оставалось только выдвинуть какие-нибудь чрезмерные требования, которые, по мнению надобности, можно было бы взять обратно. Трудности для японских империалистов начинались бы там, где они попытались бы перейти эту черту и покуситься на большее. В то же время перед молодой японской дипломатией, мало искушенной еще в дипломатической игре, возникали многочисленные технические трудности. Здесь у японского уполномоченного Комуры под руками неизменно находился американец Денисон, служивший советником в токийском министерстве иностранных дел с начала 1880-х годов. По настоянию японской делегации, на заседаниях конференции присутствовало только 10 человек — пятеро русских и пятеро японцев, по два уполномоченных и по три секретаря с каждой стороны; никто из причисленных к делегациям консультантов-экспертов не допускался на заседания. В здании арсенала, где происходила конференция, у каждой делегации были свои рабочие комнаты, где могли пребывать не допущенные на заседания эксперты; там-то и присутствовал постоянно Денисон, и Комура никогда не стеснялся, прерывая заседание, выходить в японскую комнату посоветоваться по возникшему недоумению с этим «японским янки»¹⁰. Если вспомнить, что к услугам японской делегации в Нью-Йорке постоянно был и барон Канеко, имевший легкий доступ, в качестве товарища по университету, к самому Рузвельту, то более благоприятной обстановки для японцев в дипломатическом отношении нельзя было и придумать.

Иначе обстояло дело с русской стороной. Недаром все-таки столь опытный дипломат, как Нелидов, и столь неопытный, но ревнивый к карьере новичок в дипломатии, стремившийся даже занять после Нелидова пост посла в Париже, как Н. В. Муравьев, прибегли к очевидной симуляции болезни для того, чтобы избавиться от риска, связанного с работой главного уполномоченного для переговоров о мире с Японией¹¹.

впоследствии в письме к Спринг Райсу свои отношения с Вильгельмом в мароккском вопросе, Рузвельт писал: «...Честное слово, то, как показал сам себя тогда Делькассэ, — вместе с тем фактом, что, как я теперь совершенно уверен, Делькассэ, действительно, хотел предотвратить мир между Россией и Японией или, по крайней мере, его осуществление с помощью американских усилий, — сделало меня очень неуверенным, не имел ли кайзер справедливой причины бояться политики Делькассэ» (St. Gwynn. The letters and friendships of sir Cecil Spring Rice, II, London, 1929, стр. 10, письмо Рузвельта Спринг Райсу от 1 ноября 1905 г.).

¹⁰ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I, М. — Пгр., 1923, стр. 350; см. также Дневник Коростовца — «Былое», 1918, № 3, стр. 78.

¹¹ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I, стр. 336. Помимо всего прочего, Муравьев рассчитывал получить на поездку 100 тыс. рублей и был «очень смущен», узнав, что ассигновано всего 15 тыс. (там же, стр. 323—324). Эта последняя версия дошла и до Спринг Райса, который в письме от 26 сентября 1905 г. сообщил жене Рузвельта, что для Муравьева («способного и ревностного дипломата, страстно желающего быть в милости при дворе») были составлены инструкции, «которые делали переговоры практически невозможными», что, зная «что он не имеет средств и к тому же жаден», Ламсдорф «предложил ему крайне ограниченные деньги на командировку» и что «тогда этот человек отказался, и Витте стал необходим, как единственный возможный уполномоченный» (St. Gwynn. Указ. соч., т. II, стр. 490). Что касается японской стороны, то с самого начала, когда германский посол в Вашингтоне Штернбург назвал японскому посланнику в Вашингтоне Такахире имя Витте, то оно показалось ему «приятным» (angenehm). Но особенно горячо отнесся Такахира к кандидатуре Куропаткина, назван-

Перед русским уполномоченным в самом деле вставали трудности двоякого рода. Одна была связана с тем, что переговоры надо было вести в обстановке не только чуждой, но и враждебной по отношению к царской России; в частности, ни на какие «симпатии» Рузвельта, на которые полагалась японская сторона, русским уполномоченным рассчитывать в ходе переговоров не приходилось. Другая трудность была связана с крайней неустойчивостью внутривнутриполитического положения России. Обе эти трудности легко могли склонить русскую делегацию к излишним уступкам.

Витте, согласившись быть главным уполномоченным, принимал на себя в сущности ликвидацию результатов своей собственной политики на Дальнем Востоке, хотя сам и думал, что ликвидировал только последствия «нашего (Николая.— *Б. Р.*) мальчишеского управления», причем подписывал «условия, которые (даже.— *Б. Р.*) превосходили по благоприятности» его «надежды»¹². И все же, по его собственному признанию, то были «условия не победителя, а побежденного на поле брани», каких «России давно не приходилось подписывать», и сам он явился «заклучателем этого подавляющего для русского самолюбия мира», хотя и «был непричем в этой ужасной войне». Это участие Витте в ее ликвидации диктовалось его убеждением, «что мир для нас необходим, так как в противном случае нам грозят новые бедствия и полная катастрофа...». «Нам» — это значило, конечно, господствующим классам вкупе с династией Романовых. И вот ночью, в канун того дня, когда в Портсмуте ожидался ответ из Токио, примет ли Япония последнюю редакцию спорной статьи, Витте впал в несвойственное ему состояние «человека, когда внутри в душе его что-то двоится». «С одной стороны,— изображал он это состояние в своих воспоминаниях,— разум и совесть... говорили: какой будет счастливый день, если завтра я подпишу мир, а с другой стороны, мне внутренний голос подсказывал: но ты будешь гораздо счастливее, если судьба отведет твою руку от Портсмутского мира, на тебя все свалят, ибо сознаться в своих грехах, своих преступлениях перед отечеством и богом никто не захочет и даже русский царь, а в особенности Николай II»¹³.

Было оно так или не было — существенно то, что, как политический мемуарист, Витте считал наиболее благоприятным для своей памяти в потомстве, чтобы оно было именно так. Если уж даже Витте, с его самоуверенностью и способностью не видеть оборотной стороны той медали, какую сам выбивал, цепенел при мысли о том, какой мир он будет подписывать завтра, значит, положение его было неслыханно трудное.

Что можно было при таких обстоятельствах сделать в Петербурге для облегчения работы и оказания помощи русскому главноуполномоченному? И нельзя ли было бы создать благоприятную атмосферу в деловых американских кругах какой-нибудь жертвой со стороны России?

2. РУССКИЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

В тот самый день, 31 марта 1905 г., когда Вильгельм II, пытаясь использовать крайнее ослабление царизма в результате мукденского поражения для форсирования мароккской политики Германии, произнес в

ной Штернбургом еще до этого. «Да,— заявил Такахира,— это человек, в простодушном и честном характере которого мы в Японии убеждены», и он просил Штернбурга поддержать эту кандидатуру (*Die Grosse Politik*, 19/II, № 6316, телеграмма Штернбурга от 12 июня 1905 г.). У нас нет и намека, чтобы кто-нибудь додумывался до такой кандидатуры в Петербурге.

¹² См. мою статью «Витте, как дипломат» в «Вестнике Ленинградского университета», 1946, № 4—5, стр. 150.

¹³ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I, стр. 356—357.

Танжере свою угрожающую для Франции речь,— в этот самый день в Вашингтоне, в государственном департаменте, в кабинете заместителя государственного секретаря Эди подписывалась инструкция на имя нового посла США в Петербурге фон Лангерке-Мейера. Инструкция не затрагивала никаких иных вопросов, кроме одного,— об «отмене дискриминационных пошлин» на некоторые американские товары при ввозе их в Россию. Государственный департамент обращал внимание посла на имевшуюся в американском посольстве в Петербурге переписку и на составленную по ней справку, из которых явствовало, что 15 февраля 1901 г. русский министр финансов издал приказ об отмене преимуществ русского «конвенционного или минимального» тарифа по европейской торговле для произведений американской промышленности, «в частности машин, инструментов и изделий из железа и стали», и применил к этим товарам «высшие ставки, назначенные в общем тарифе, дающие повышение пошлин от 20 до 30%». «В то время,— пояснял Эди,— министр финансов (Витте.— *Б. Р.*) откровенно признал, что эта отмена применения тарифа наиболее благоприятствуемой нации, который раньше был применяем Россией одинаково и без различия к американской торговле, была актом возмездия за действия секретаря казначейства США в отношении обложения компенсационными пошлинами ввоза русского сахара, во исполнение обязательных постановлений 5-го раздела тарифного акта США, принятого 24 июля 1897 г.». На этом дело не остановилось, и в июне того же 1901 г. Витте, «ввиду повышения департаментом казначейства пошлины на ввоз из России керосина (в согласии с тем же актом 1897 г.— *Б. Р.*)...», предпринял следующее дискриминационное мероприятие против американской торговли, применив повышенные тарифные ставки на ввоз из США... велосипедов»¹⁴.

То, что Эди писал Мейеру далее, являет собой яркий пример американской политико-экономической «логики», в наше время безраздельно утвердившейся в политической практике американского империализма. В «обоих случаях», оказывается, «действия правительства США... не были вызваны какой-либо мыслью о возмездии или проникнуты каким-либо элементом дискриминации против русских торговых интересов», в то время как «тарифные мероприятия» русского правительства явились «открыто ответными и дискриминационными». Поэтому правительство США «немедленно» сделало представления России, «выставляя на вид несправедливый ущерб (*injurious effect*), который они принесут американскому экспорту». Едва ли нормальный человек мог бы понять, почему повышение пошлины на русский сахар и керосин по американскому тарифу 1897 г. не наносило ущерба русскому экспорту, а повышение пошлин на американские металлоизделия и велосипеды таковой ущерб причиняло американским экспортерам, которые потому-де и засыпали американское правительство «многочисленными жалобами».

Таково было положение с торговыми отношениями России и США до 31 марта 1905 г., когда Мейеру было поручено вновь возбудить тарифный вопрос в Петербурге, ссылаясь на инициативу, проявленную якобы с русской стороны.

На самом же деле, судя по изложению самой инструкции, инициатива здесь была проявлена американской стороной, только в отдаленнейшей от официальной форме,— неким «американским гражданином, путе-

¹⁴ Foreign relations (F. R.), Washington, 1906, стр. 801. См. также Воспоминания С. Ю. Витте, т. I, стр. 361.

шествующим по России», имевшим «недавно» разговор с управляющим отделом торговли и промышленности русского министерства финансов В. И. Тимирязевым, который якобы сказал, «что с своей стороны он был бы рад сотрудничать с американским правительством и помочь стимулированию торгового оборота путем отмены чрезвычайного обложения американских товаров и что он думает, что это могло бы быть сделано, не прося об отмене пошлин Соединенными Штатами». Об этих «заявлениях» Тимирязева «только-что» было сообщено госдепартаменту, и отсюда-то тотчас же возникло и описываемое поручение Мейеру: «Казалось бы, настал подходящий момент для возобновления справедливых представлений со стороны нашего посольства относительно прекращения Россией существующего дискриминационного обложения...» Мейеру поручалось «обратить на этот вопрос внимание императорского правительства при ближайшем благоприятном случае и указать на важное значение восстановления всех преимуществ наиболее благоприятствуемой нации в отношении тарифов на весь импорт США»¹⁵.

Это была дипломатия очень дальнего прицела и очень быстрых решений — с целью урвать лишнее. Напомним, что не позднее 30 марта русский посол в Вашингтоне наконец-то признался Рузвельту, что «частным образом» русское правительство «будет приветствовать мир», затем 31 марта просил Штернбурга устроить ему вторично свидание с Рузвельтом для доверительного разговора о создавшемся в России положении, а самый разговор состоялся 1 апреля¹⁶. Как видим, госдепартамент не дождался, когда русский посол (после Мукдена) как следует опустится на колени, и по первому же его намеку 30 марта на какой-то скрытый перелом в Петербурге уполномочил Мейера поставить перед петербургским правительством тарифный вопрос, пребывавший в замороженном виде целых четыре года. Можно даже подозревать, что подготовка к подобному моменту шла в Вашингтоне и до того и что «американский гражданин, путешествующий по России» и ведущий разговоры в петербургском министерстве финансов по вопросу о столь жирном куске, как восстановление низких пошлин одной стороной без соответственного восстановления таких же пошлин другой, был не просто коммерсантом, ищущим личного бизнеса, а по меньшей мере корреспондентом, если не прямым агентом госдепартамента¹⁷.

Не меньшая молниеносность в поступках проявлена была и Мейером в Петербурге. Представив царю свои верительные грамоты 12 апреля, Мейер уже 14 апреля обратился к Ламсдорфу с соответствующей своему поручению нотой¹⁸. Нет сомнения, что она возымела должное действие, — и через две недели, 28 апреля, Мейер имел возможность дать госдепартаменту отчет уже не об одной, а о двух официальных встречах с Тимирязевым по выдвинутому вопросу¹⁹. Дело оказалось не столь просто, как рисовалось упомянутому «американскому гражданину», и Тимирязев вовсе не имел в виду односторонней отмены повышенного

¹⁵ F. R., 1906, стр. 801—802. Подчеркнуто мною. — Б. Р.

¹⁶ Die Grosse Politik, 19/II, № 6298, телеграмма Штернбурга от 31 марта 1905 г. и № 6301, то же от 2 апреля 1905 г.; J. B. Bishop. T. Roosevelt and his time, I, New York, 1920, стр. 377; письмо Рузвельта Хею от 31 марта 1905 г.

¹⁷ Любопытно, что того же 31 марта 1905 г. и посланник США в Пекине Конжер «выступил с предложением» интернационализации Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) посредством ее выкупа у России и Японии и передачи контроля выкупающим державам с США во главе (см. А. Добров. Указ. соч., стр. 348; куда направлено было «предложение» Конжера, — автор не указывает, как не указывает источника своего сообщения).

¹⁸ F. R., 1906, стр. 802.

¹⁹ Там же, стр. 803—804.

обложения Россией. Впрочем, оба свидания происходили «в дружественном духе». Тимирязев предложил заключить торговый договор, но Мейер усумнился в такой возможности «в настоящее время» в США. Тимирязев предложил тогда обмен нотами, в котором можно было бы провести отмену тех русских пошлин на американские товары, которые делают для русских невозможным «покупать на наиболее дешевом рынке» и «работают на мельницу других держав». Как выразился Тимирязев при этом, «если США сделают маленькие уступки, Россия сделает большие». Возможно предположить (за отсутствием в нашем распоряжении документальных данных), что американская сторона делала ставку именно на полную отмену русского повышенного обложения американских товаров и не пожелала спешить идти на меньшее.

Перед отъездом в Америку Витте, по его словам, получил разрешение царя заявить Рузвельту, что царь «устраняет эти дифференциальные пошлины», но он «этим разрешением не воспользовался до и во время конференции, дабы не дать повода говорить, что мы заискиваем расположения американцев», и объявил Рузвельту об этом уже после подписания мирного договора²⁰. Но это был, конечно, всего лишь условный дипломатический сюрприз, — и Рузвельт прекрасно знал из донесений Мейера, что еще, повидимому, до назначения Витте уполномоченным, 10 июля 1905 г. (н. ст.) в Петербурге возобновились переговоры между Коковцовым и Тимирязевым, с одной стороны, и Мейером — с другой, по этому вопросу, и решен он был согласно американскому желанию, причем с русской стороны было «высказано пожелание, чтобы эта отмена была понимаема правительством Соединенных Штатов как особая наша уступка в изъятие из обеспеченного нам существующим договором неограниченного права наибольшего благоприятствования»²¹. Рузвельт и Витте оба прекрасно знали об этом совершенно беспрецедентном подарке чисто авансового порядка, запланированном у Витте еще перед отъездом. Но, как проговорились документы, опубликованные самими же американцами, руку за этим подарком протянули сами американцы и хотели они его получить как можно скорее и попросту ни за что, ни про что, а только по тому случаю, что над царизмом после Мукдена сгустилась черная туча и от него можно бы попытаться при этой okazji что-нибудь урвать.

Таково было первое по времени приготовление к предстоящим мирным переговорам, подсказанное — не очень-то скромно — будущими гостеприимными хозяевами своим будущим гостям.

Об этой барской русской щедрости не могли не знать в алчущих кругах Уолл-стрита.

* * *

Выработка основ будущего мирного договора и формулировка его возможных условий были сосредоточены на Дворцовой площади в министерстве иностранных дел. Они начались там 16(29) июня, как только было получено согласие Н. В. Муравьева ехать главноуполномоченным на мирную конференцию; в министерствах военном, морском и финансов,

²⁰ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I, стр. 361.

²¹ «Красный архив», 1924, т. 6, стр. 22, телеграмма Коковцова Витте от 19 июля (1 августа) 1905 г.: «обмен мнений» по вопросу об отмене пошлин происходил «последние три недели»; F. R., 1906, стр. 805, письмо Мейера государственному секретарю 26 июля 1905 г. о беседе с Коковцовым, который «искренне заявил о желании снять пошлины, но поскольку эти пошлины были взимаемы при Витте, он думает, что последнее должно быть принято в соображение; поэтому он просил меня написать ему письмо о том, о чем я говорил устно» (что Мейер и сделал тут же, 26 июля).

а также у адмирала Алексеева в тот день были запрошены соображения и материалы, которые могли бы служить для составления инструкции «русским уполномоченным» (каковых предполагено было два). Через два дня, когда стали поступать ответы, был определен и состав специалистов, командируемых на конференцию «для разработки разных специальных вопросов, могущих возникнуть во время переговоров»²².

Материалы, поступившие в министерство иностранных дел, предполагалось вручить Муравьеву, как его рабочий портфель, в инструкции же преподать лишь «некоторые общего характера указания». Исходным положением в этих указаниях было то, что возлагаемая на уполномоченного «задача была бы неосуществима совершенно, если бы имеющиеся более или менее положительные данные не указывали на то, что Япония, — несмотря на все сравнительные выгоды своего положения, — также желает окончания борьбы, истощившей ее военные и финансовые ресурсы и стоившей ей неисчислимых жертв». Кроме того, «и тот факт, что в скорейшем прекращении военных действий заинтересованы и некоторые нейтральные государства, опасющиеся слишком преобладающего влияния Японии на Дальнем Востоке и готовые посему произвести известное давление на токийский кабинет», является «до некоторой степени гарантией успешного исхода переговоров в Вашингтоне».

Вместе с тем и «Россия не просит у Японии прекращения войны; она вовсе не поставлена в тяжелую необходимость заключить мир во что бы то ни стало», она «ни одной минуты не задумается пред неизбежной необходимостью снова поднять оружие, если со стороны Японии поставлены будут условия, затрагивающие честь и достоинство ее, как великой державы».

«Совершенно неприемлемыми» инструкция считала требования: 1) «об уступке какой-либо части русской территории», 2) «об уплате военной контрибуции», 3) «о разоружении Владивостока, лишении России права держать в Тихом океане военный флот, либо каких-нибудь иных ограничений свободы действий в водах этого океана» и 4) «об уступке Японии железнодорожных линий, направляющихся к Владивостоку».

Однако же «один факт» предъявления какого-либо из этих требований «еще не должен служить основанием не только к прекращению дальнейших переговоров, но даже к отклонению всестороннего обсуждения» этих условий. Японских делегатов надо «убедить» «в полной неприемлемости» этих условий, и только если японцы «будут... настаивать на принятии нами условий, несовместимых с достоинством России», только в этом случае уполномоченные «имели бы полное основание прервать дальнейшие переговоры».

При обсуждении этих четырех условий инструкция предлагала: 1) если бы зашла речь об уступке Сахалина, «заявить... о готовности нашей предоставить Японии в этой области (области рыбных промыслов. — Б. Р.) широкие льготы»; 2) «если бы японские уполномоченные настой-

²² То были: по железнодорожным и иным предприятиям в Маньчжурии — директор пекинского отделения Русско-китайского банка Покотиллов, по финансовой части — директор департамента государственного казначейства Шипов, по военной — начальник военно-статистического отдела главного штаба генерал-майор Ермолов, по морскому ведомству — капитан 2-го ранга Русин, для вопросов международного права — профессор Петербургского университета Мартенс (Оранжевая книга, № 49, «всепопданнейшая» записка Ламсдорфа от 18 июня 1905 г.).

чиво указывали на необходимость для Японии возмещения расходов по ведению войны,... по предварительном обсуждении всех подробностей дела с Покотиловым и Шиповым, представить на совещании какие-либо комбинации финансового, торгового или промышленного характера, которые, не нарушая прямых интересов России, давали бы известные выгоды японцам» (например, «предоставление каких-либо таможенных или иных льгот по нашим Сибирским и Восточно-китайским путям»); 3) относительно третьего условия (об ограничениях в военной сфере) заявить о самоочевидности его неприемлемости; 4) «лишь в крайнем случае» согласиться заменить слова: «сохранение в нашем полном распоряжении» (линии, соединяющей Владивосток с Сибирской железной дорогой) словами: «сохранение под нашим исключительным влиянием» и заявить о совершенной неприемлемости изъятия этой линии из-под этого «влияния»²³.

Затем излагались условия, «по которым, казалось, возможно было бы... прийти к полюбовному соглашению».

Таков вопрос «о Порт-Артуре и городе Дальнем с арендуемой нами у китайского правительства частью Квантунского полуострова». «Очевидно, Япония потребует по праву вторичного завоевания присоединения названной области», но в силу договоров с Китаем здесь «нельзя ограничиться простою передачею наших прав Японии без всякого участия Китая». При этом «необходимо настоять на том», чтобы соответственный участок Южно-Маньчжурской ветви (от Порт-Артура «примерно до южной границы Гириньской провинции») «перешел в собственность Китая путем досрочного выкупа».

Второй вопрос, поддающийся полюбовному соглашению, — это «урегулирование взаимных отношений договаривающихся сторон к Маньчжурии». «Удастся ли нам удержать» КВЖД «за собой или мы вынуждены будем согласиться на выкуп дороги», — по этому пункту не было уверенности у Ламсдорфа. Но ему казалось, что «при искреннем желании Японии упрочить наши будущие отношения — не исключается возможность заключения с нею каких-либо выгодных для обеих сторон сделок». Какие «сделки» разумел здесь Ламсдорф — сказать не беремся. Но и сам он предпочел отложить уточнение этого дела до самых переговоров, по мере развития которых предложил «испрашивать дальнейших телеграфных указаний».

Третий вопрос — о Корее — Ламсдорфу приходилось решать, очевидно, и не подозревая, что он был уже решен между членами англо-американо-японского блока в смысле потери Кореей своей независимости²⁴. Опираясь на «неопровержимые документальные данные о том, что захват японцами власти в Корее совершился вопреки воле корейского императора», Ламсдорф считал «необходимым включение в мирный договор условия признания Японией полной независимости Кореи, а также обязательства эвакуации этой страны в возможно скорейший срок», с обязательством Японии «не вводить в смежные с нашим Приморским краем области северной Кореи своих войск и не сооружать там никаких укреплений» (как и на южном ее побережье).

Таковы были основные директивы, которых надлежало уполномоченному держаться в предстоящих переговорах.

²³ Неуверенность в том, что КВЖД «попрежнему останется в нашем владении», высказал адмирал Алексеев (Оранжевая книга, № 59, его письмо Ламсдорфу от 23 июня 1905 г., стр. 55 и сл.).

²⁴ Соглашение об этом между Лондоном и Вашингтоном состоялось еще в конце января 1905 г.

В остальном инструкция ссылалась на письмо Коковцова и записки Алексеева, где Муравьеву предлагалось найти «подробные указания» для выработки «еще целого ряда немаловажных статей договора» («об уплате вознаграждений за содержание военнопленных; об ограждении русских промышленных и иных предприятий; об охране прав собственности как частных лиц, так и различных обществ и т. п.»).

Наконец, русский уполномоченный обязывался «поддерживать с японскими делегатами возможно лучшие отношения» и «избегать уколов личного самолюбия, либо острых препирательств», а также «по каждому возникающему вопросу... входить в предварительный обмен взглядов» с «сотрудниками» и, «не принимая окончательного решения», «непрестанно сноситься по телеграфу с императорским министерством, в видах получения... подлежащих указаний»²⁵.

* * *

Как видно из этой заключительной части инструкции, русский уполномоченный практически ставился под контроль делегатов-сотрудников, что было естественно, когда в виду имелся Н. В. Муравьев. Но прошли всего одни сутки, и уполномоченным был назначен С. Ю. Витте. Под вопрос тотчас же подпали оба мероприятия — и укомплектование делегации, и сама инструкция. Под вопрос поставил их перед Витте сам Ламсдорф. Витте ответил, что в составе делегации он считал неудобным во избежание обид что-либо менять, а относительно инструкции сказал, что ему «это безразлично». Между Витте и Ламсдорфом якобы «было обусловлено», что эта инструкция для Витте не будет обязательна, и он будет ею пользоваться постольку, поскольку сочтет нужным²⁶. Практически Витте неизменно во время заседаний держал эту инструкцию перед глазами, после того, как на первом заседании 28 июля (10 августа) оказался без нее, позабыв ее в чемодане (и тотчас же послал Коростовца в гостиницу привезти ее в Нэви-ярд)²⁷. Оно и понятно: именно в положении, какое занимал Витте в отношении Николая, делать малейшие отступления от инструкции, без согласия или указания царя, абсолютно не соответствовало бы инстинкту бюрократического самосохранения, которым в полной мере владел Витте. Совещаниями же со своими сотрудниками Витте явно не злоупотреблял: только для начала, по получении японских мирных условий в заседании 28 июля (10 августа), Витте провел обсуждение их в составе всей делегации.

Что касается инструкции, то некоторое осложнение в это дело внес сам Витте. Проездом в Америку он имел в Берлине беседу с банкиром Мендельсоном, в которой сообщил ему об условиях, на которых он уполномочен заключить мир, и среди «уступок» назвал «половину Сахалина», дав при этом понять, что сам он считал бы возможным «пожертвовать всем Сахалином». При этом Витте просил Мендельсона устроить так, чтобы сам Вильгельм воздействовал на царя в смысле «расширения» его полномочий²⁸. Известно, что эта попытка Витте воздействия на царя успехом не увенчалась. Известно также, что Витте, приехав в Париж, пробовал расширить свои полномочия в отношении Сахалина через Ламсдорфа, но и эта попытка потерпела неудачу. Со ссылкой на царя

²⁵ Оранжевая книга, № 60, утвержденная в Петергофе 28 июня (11 июля) 1905 г. инструкция Муравьеву, стр. 78—89.

²⁶ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I, стр. 324—325.

²⁷ Дневник Коростовца — «Былое», 1918, № 1, стр. 111 и 130.

²⁸ Die Grosse Politik, 19/II, № 6210, телеграмма Бюлова от 23 июля 1905 г.

Ламсдорф телеграфировал Витте в Нью-Йорк, что уступка Сахалина «представляется одинаково неприемлемою, как и уплата денежной контрибуции»²⁹.

Сопоставляя эти две попытки Витте, можно высказать предположение, что перед выездом в Америку Витте обсудил вопрос о Сахалине с царем и получил его согласие на эвентуальную уступку половины Сахалина: сообщая Мендельсону об этой уступке в числе других условий с просьбой, чтобы Вильгельм добивался от Николая расширения полномочий Витте (вплоть до уступки всего Сахалина), последний, очевидно, считал уступку половины Сахалина твердо согласованной (именно с царем). Мало того. Можно сослаться на особую, вторую, инструкцию, утвержденную в Петергофе 29 июня (12 июля) специально для Витте, в которой содержится намек даже на то, что Витте, по меньшей мере, не скрыл этой своей договоренности с царем от Ламсдорфа. Инструкция начиналась указанием, что Витте надлежит «руководствоваться [лишь.— *Б. Р.*] в главных основаниях высочайше утвержденной инструкцией, которая была составлена для статс-секретаря Муравьева и по поводу которой мы имели возможность объясниться, а также всемилоштивейшими указаниями, кои вы получите от государя императора»³⁰. Далее прямо говорилось, что ввиду высадки японских войск на Сахалине и занятия Корсаковского поста и Соловьевской позиции, «некоторые соображения, приводимые в помянутых инструкциях, теряют ныне свое значение». Сопоставление подчеркнутых нами выражений приводит к предположению, что именно в объяснениях Витте еще с самим Ламсдорфом могла возникнуть мысль о том, чтобы при последующем свидании с Николаем Витте предложил его вниманию эти вновь возникшие обстоятельства, которые делают ничтожными первоначальные «соображения» муравьевской инструкции, высказанные специально применительно к Сахалину, а именно, что «за весь семнадцатимесячный период войны японские войска не заняли ни одной пяди русской земли»³¹.

В этой второй инструкции есть след и еще одной договоренности Витте с Ламсдорфом, которая затем стала предметом доклада Витте Николаю. Это — указание «на желательность, независимо от выработки приемлемых условий мира, добиться установления с Япониею настолько прочных дружественных отношений, чтобы за Россией в будущем было обеспечено на Дальнем Востоке положение, которое давало бы возможность направить наши созидательные силы на внутреннее устройство империи и на охранение наших жизненных интересов как на Ближнем Востоке, так и на Западе». Это и было в зародыше то, что в специализированной для английского посла передаче приняло вид русско-японского союзного соглашения, якобы рекомендованного Витте Николаю «накануне» отъезда за границу³². Во всяком случае, это добавление к муравьевской инструкции нет основания объяснять как результат самостоятельного озарения Ламсдорфа в результате истекших суток и факта назначения Витте, а вероятнее видеть в нем попросту мысль, которую высказал Ламсдорфу сам Витте в упомянутом первом же их разговоре об инструкции и сотрудниках.

По изложению Витте в его воспоминаниях, его аудиенция у царя состоялась в день назначения, 29 июня (12 июля), а разговор с Ламсдор-

²⁹ Оранжевая книга, № 73, телеграмма Ламсдорфа Витте от 18(31) июля 1905 г.

³⁰ Оранжевая книга, № 65. «Мы» — это Ламсдорф и Витте.

³¹ Там же, стр. 82.

³² British documents, IV, № 89, письмо Гардинга Лэнсдоуну от 25 июля 1905 г.

фом — в тот же день непосредственно после аудиенции³³. Но опубликована записка Ламсдорфа царю от 30 июня (13 июля), в которой еще только испрашивается аудиенция для Витте, «получившего» от Ламсдорфа «лишь предварительное сообщение» о назначении уполномоченным и «полагающего» «докладить некоторые соображения относительно полученных инструкций и просить окончательных высочайших предначертаний»³⁴. Николаю здесь недвусмысленно докладывалось, что на аудиенции Витте поставит вопрос о муравьевской инструкции, которую не считает «окончательным» выражением воли царя, и предложит свои собственные «соображения», которые Николаю и нужно будет обратить в свои «окончательные предначертания». Можно догадываться, что явившаяся затем третья, «дополнительная инструкция статс-секретарю Витте», утвержденная в Петергофе 3 (16) июля, и была результатом этой аудиенции. Инструкция эта возбуждала вопрос о перемирии именно в связи с занятием Сахалина, чтобы исключить подобные агрессивные действия японцев в дальнейшем, и готова была не настаивать на заключении «формального перемирия», а помириться на простом «прекращении военных действий на условиях, которые должны быть установлены на месте главнокомандующими обеих армий»³⁵. Не значит ли это, что Николай принял предложение Витте — Ламсдорфа об эвентуальной уступке половины Сахалина с тем, что Витте по приезде в Портсмут немедленно примет меры к фактическому прекращению дальнейших наступательных действий японцев?

Мы видели, что как только Витте попытался, уже доехав до Парижа, получить письменное подтверждение извлеченного у царя устного согласия на эту уступку, Николай (с Ламсдорфом) пресек эту попытку посредством телеграммы Ламсдорфа от 18 (31) июля³⁶. Витте потом предпочел вовсе умолчать об этом мимолетном эпизоде в своих воспоминаниях и скрыть от читателя содержательность своей аудиенции у царя перестановкой последовательных фактов в обратный порядок. «...Я был у государя, — пишет Витте, — и государь меня благодарил, что я не отказался от этого назначения, и сказал мне, что он желает искренне, чтобы переговоры пришли к мирному решению, но только он не может допустить ни хотя бы одной копейки контрибуции, ни уступки одной пяди земли. Что же касается того военного положения, в котором мы находимся», то рекомендовал Витте поехать к вел. кн. Николаю Николаевичу (председателю комитета обороны)³⁷. Если даже допустить, что эта краткая аудиенция у царя действительно состоялась до свидания с Ламсдорфом, то у Витте исчезла вовсе та документально засвидетельствованная аудиенция, которую испрашивал для Витте Ламсдорф 30 июня (13 июля). Между тем, возвращаясь далее к этому предмету, Витте (на стр. 327) подчеркивает (как он обычно делает в своих воспоминаниях, когда замечает следы): «Итак, после с в и д а н и я (одного. — Б. Р.) с государем, о котором сказано выше, и получения его к р а т к и х у к а з а н и й (подчеркнуто мною. — Б. Р.), я выехал 6 июля в Шербург...» Зачем понадобилось Витте это замалчивание? Вероятно, именно потому, что (как ниже увидим) была возможность документально установить,

³³ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I, стр. 324.

³⁴ Оранжевая книга, № 67, «всепоподаннейшая» записка Ламсдорфа от 30 июня 1905 г.

³⁵ Оранжевая книга, № 70, стр. 96—97.

³⁶ Эту телеграмму, догнавшую Витте уже в Америке, Ламсдорф предложил Витте считать «инструкцией» (уже четвертой по счету!).

³⁷ С. Ю. Витте. Воспоминания т. I, стр. 324.

что уступку половины Сахалина сделал сам Николай,— что Витте и записал в воспоминаниях: «Единственную существенную уступку в смысле инструкции государя, мне данной, которая была сделана,— это уступка южного Сахалина, и ее сделал сам государь. Сия честь,— ядовито выражается Витте,— принадлежит лично его величеству; я, может быть, ее не сделал бы, хотя нахожу, что государь поступил правильно, как как без этой уступки едва ли удалось бы заключить мир»³⁸. Когда Витте, по возвращении из Портсмута, в награду за заключение мира получил от царя титул графа, из правых, придворных и бюрократических кругов сейчас же было в адрес Витте пущено саркастическое прозвище «граф Полусахалинский»,— и приведенное место в воспоминаниях было ответом на эту шпильку. Расскажи он тут же о том, что вопрос этот был предметом обсуждения у него с Ламсдорфом и у него с царем,— и вновь открывалось бы поле для разговоров на тему о том, что Витте внушил эту уступку безвольному царю, сговорившись с Ламсдорфом, используя свое личное влияние на них обоих.

Из рассказа Витте в воспоминаниях неясно, сам ли он при свидании с царем затронул вопрос о положении на театре военных действий, или Николай по своей инициативе направил его к председателю комитета государственной обороны за разъяснениями по этому вопросу. Вероятнее первое, потому что Витте ставил свои переговоры с японцами в зависимость от военного положения, досадовал на главнокомандующего Линевича, что тот совершенно игнорировал его во время переговоров, и искал других источников информации о положении на фронте. Наконец, и самую беседу с вел. кн. Николаем Николаевичем он сам записал в виде резюме с тем, чтобы сохранить его в своем личном архиве, как оправдательный документ. Суть разъяснений Николая Николаевича сводилась к следующему: «1. Наша армия не может более потерпеть такого крушения, какое она потерпела в Ляояне и Мукдене; 2. при благоприятных обстоятельствах с возможным усилением нашей армии имеется полная вероятность, что мы оттесним японцев до Квантунского полуострова и в пределы Кореи, т. е. за Ялу, что для этого, вероятно, потребуется около года времени, миллиарда рублей расхода и тысяч 200—250 раненых и убитых; 3. что дальнейших успехов без флота мы иметь не можем; 4. что в это время Япония займет Сахалин и значительную часть Приморской области»³⁹. При этом сам Николай Николаевич отказался «высказать какое бы то ни было мнение относительно того, следует ли окончить войну миром и какие условия могут быть приняты», а изложенные четыре пункта представил, как выводы из «тех заключений, к которым пришло совещание из военных, бывшее под его председательством».

Прикомандированные к Витте военные тоже не могли сообщить ему что-нибудь ободряющее по этому предмету. Так, генерал Ермолов «выражал мнение, что мир желателен, мало верил в то, что мы можем иметь успех на театре военных действий...». Второй уполномоченный от военного ведомства полковник Самойлов, приехавший из главной квартиры действующей армии, «никаких сведений... от Линевича не привез и никакой инструкции не получил» и категорически заявил Витте, как свое

³⁸ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I, стр. 354.

³⁹ Там же, стр. 327. «Я лично,— пишет Витте,— до самого заключения договора не получил от Линевича ни слова. Куропаткин... написал мне краткое письмо..., в котором он говорит, что теперь армия значительно усилилась и что они победят, «если не будут опять сделаны ошибки». Но ведь Куропаткин все время говорил, что победит..., а мы, несмотря на его уверения, все время теряли сражения за сражениями, и как теряли, с каким позором...» (там же, стр. 326).

личное мнение, «что никакой надежды на малейший наш успех на театре военных действий нет, что дело окончательно проиграно, и что поэтому... необходимо заключить мир во что бы то ни стало, хотя бы пришлось заплатить значительную контрибуцию»⁴⁰. Морской представитель, капитан 1-го ранга Русин, хотя и был «сдержаннее и осторожнее» в своих высказываниях, но высказал те же взгляды, что и Самойлов, когда приехал в Портсмут с театра войны (из Гунчжулина). «Витте долго беседовал с Русиным... и вынес неблагоприятное впечатление в смысле стратегической обстановки и шансов на победу»⁴¹.

По существу, все это были со стороны Витте поиски не аргументов в пользу продолжения войны ради исправления создавшегося на маньчжурских полях положения, а, скорее, наоборот — поиски аргументов в пользу заключения мира во что бы то ни стало (как и поняли обращение Витте через Мендельсона в Берлине).

Эта установка на мир во что бы то ни стало выдвигала перед Витте и вторую неотложную задачу — устройство большого иностранного займа для скорейшей ликвидации материальных последствий войны и укрепления международного положения царской России. Обе эти задачи и определили у Витте, «исключительно для себя план кампании», руководствуясь которым он намеревался вступить в «дипломатический бой» по ту сторону океана. 13 (26) июля он в сопровождении всей делегации, кроме Покогилова, ехавшего непосредственно из Шанхая, и Розена, 1 (14) июля вручившего в Вашингтоне Рузвельту свою верительную грамоту посла, сел в Шербурге на германский пароход «Кайзер Вильгельм Великий» и еще там начал эту «кампанию».

Этот «план кампании» или «программа» была им обдумана и сформулирована в пути в пяти пунктах: 1) ничем не показывать, что мы желаем мира, вести себя так, чтобы внести впечатление, что если государь согласился на переговоры, то только ввиду общего желания почти всех стран, чтобы война была прекращена; 2) держать себя так, как подобает представителю России, т. е. представителю величайшей империи, у которой приключилась маленькая неприятность; 3) имея в виду громадную роль прессы в Америке, держать себя особенно предупредительно и доступно ко всем ее представителям; 4) чтобы привлечь к себе население Америки, которое крайне демократично, держать себя с ним совершенно просто, без всякого чванства и совершенно демократично; 5) ввиду значительного влияния евреев, в особенности в Нью-Йорке, и американской прессы вообще не относиться к ним враждебно...»⁴².

Громадный океанский пароход, полный неотступных корреспондентов и любопытствующей публики, от которой можно было забаррикадироваться «обычными собеседниками» — корреспондентами Диллоном от «Дейли Ньюс» («другом» Витте и его рупором в печати), сэром Дональдом Мэкэнзи Уоллесом, еще в 1877 г. написавшим популярную в Англии книгу под названием «Россия», Жоржем Смолэй от «Таймса», Ситроэном, итальянцем Кортэзи, представителем Ассошиэтед пресс в Риме, и Хэдэманом от «Матен»⁴³. На пароходе состоялось «интервью» Диллона с Витте по поводу предстоящих переговоров — «первое интервью со времени существования прессы, которое было дано по воздушному телеграфу с середины океана», перепечатанное «во всех европейских газетах»⁴⁴.

⁴⁰ Там же, стр. 330—331.

⁴¹ Дневник Коростовца — «Былое», 1918, № 1, стр. 219.

⁴² С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I, стр. 340—341.

⁴³ «Былое», 1918, № 1, стр. 189. «С ними он проводит время, гуляя по палубе или сидя в кресле» (там же, стр. 185).

⁴⁴ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I, стр. 341.

В заявлении для печати, зачитанном перед нью-йоркскими журналистами на палубе при подходе к нью-йоркской пристани, говорилось о «храбром противнике», о «дружеских чувствах», питаемых царем и его подданными к «народу США», о Рузвельте — «вашем первом гражданине и великом вожде». На другой же день по прибытии в Нью-Йорк — посещение биржи, куда свез Витте русский финансовый агент в США Виленкин, имевший хорошие связи на Уолл-стрите; аплодисменты публики в биржевом зале, представление гостю «крупных биржевиков и маклеров» (в том числе Перкинса, представителя Моргана)⁴⁵. В тот же день — интервью в «Ивнинг Мейл» о взаимоотношениях России и Японии: «В Европе и Америке, — заявил в этом интервью Витте, — мало знают Россию и ее способность к сопротивлению; Россия потерпела неудачу, но не потеряла этой способности и не стала «ничтожной величиной», а Япония не сделалась непобедимой; Япония готовилась к войне около 10 лет, Россия же надеялась на мир; японцы сражались вблизи своей страны, Россия же перевозила войска за 9 тысяч верст по необорудованной дороге: в истории не найти примера большего несоответствия сил, и все же все военные авторитеты свидетельствуют о доблести русских войск, отступавших лишь под влиянием непреодолимой силы»⁴⁶. Все это шло строго по «программе», выработанной для «актера на большой сцене, полной народа», каким чувствовал себя Витте.

На другой день по приезде, 22 июля (4 августа), согласно все той же «программе», — завтрак «в семейном кругу» у Рузвельта. А после завтрака — беседа с ним в присутствии Розена, затянувшаяся на два с половиной часа, в течение которых Витте развил положения: 1) «мы не побеждены, а потому не можем принять никаких условий, не соответствующих нашему положению, а следовательно, прежде всего не согласимся ни на какую контрибуцию; 2) великая Россия никогда не согласится на какие бы то ни было условия, задевающие честь, и не только потому, что это уронило бы наш внешний престиж, а, главное, потому, что Россия уронила бы себя в своем собственном сознании и потеряла бы в себя веру; 3) наше внутреннее положение, как бы оно ни было серьезно, не может заставить Россию отказаться от самой себя; но внутреннее положение в действительности не таково, как представляется за границей; по сим соображениям, мы можем ныне вести переговоры, учитывая лишь только те успехи, которые Япония имела, но отказываемся строить условия на тех успехах, на которые японцы надеются, и принимать в расчет те беды, которые нам сулят; а если японцы не станут ныне на нашу точку зрения, то мы будем вести оборонительную войну до последней крайности и увидим, кто дольше выдержит». Рузвельт пробовал убеждать собеседников, что японцы имеют «все шансы» на успех, советовал заплатить контрибуцию, которую требует даже «умеренная партия» в Японии, но к концу счел себя вынужденным высказать мнение, что в случае неудачи переговоров необходимо устроить так, чтобы «в будущем, когда одна из сторон пожелает, можно было бы без затруднений начать снова переговоры», на что Витте ответил, что «в этом смысле» он имеет инструкции⁴⁷. Сам Витте полагал, что эта беседа Рузвельту «не особенно понравилась». Но отзыв Рузвельта о Витте после этого свидания: «блестящий малый» (*splendid fellow*), и признание его впо-

⁴⁵ «Былое», 1918, № 1, стр. 198; Documents diplomatiques, 2/VII, № 320, депеша Депорт де ла Фосса к Рувье из Ньюпорта от 8 августа 1905 г.

⁴⁶ «Былое», 1918, № 1, стр. 201—202.

⁴⁷ Оранжевая книга, № 75, телеграмма Витте Ламсдорфу от 22 июля (4 августа) 1905 г.; см. также «Былое», 1918, № 1, стр. 205.

следствии Спринг Райсу, что Витте произвел на него «сильное впечатление во время своего здесь пребывания», несомненно, ведут свое начало от этого дипломатически вызывающего дебюта русского уполномоченного при первой встрече с американским президентом ⁴⁸.

Этот последний день в Нью-Йорке перед переездом в Портсмут закончился визитом к Витте представителей финансового мира. То были Франк Вандерлип, вице-директор Нэшнэл Сити банка, и Джордж Пэркинс, компаньон Дж. Пирпонт Моргана, явившиеся поговорить о возможности размещения русского займа в Америке. Витте говорил потом Коростовцу, что они «выразили сомнение в возможности выпустить заем»; но ведь не за тем же они явились к русскому гостю, чтобы сообщить ему свои сомнения! В эти дни Витте неизменно вел себя, как «актер на большой сцене, полной народа», по его собственному выражению, «строго» держась вышеописанной программы. Недаром американские газеты писали, что «все видевшие Витте выносят впечатление, что он не верит в возможность мира, в случае же продолжения войны он убежден, что перевес будет на стороне России, так как японцы будут удаляться от своей базы; вообще же он мало рассчитывает на уступчивость Японии». Если в этом скептическом тоне Витте выдержал и обсуждение «шансов размещения русского займа в Америке» со своими банковскими визитерами, то всем троим должно было сделаться ясно, что сейчас еще не время делать прогнозы и высчитывать шансы в сфере финансовой, пока у Витте все было сосредоточено на подготовке дипломатического «боя» ⁴⁹.

Наконец, 23 июля (5 августа) Витте во главе делегации на крейсере «Чатануга» направился в Ойстер-бэй, резиденцию Рузвельта, для участия в церемонии встречи с японскими уполномоченными на президентской яхте «Мэй Флауер». 26 июля (8 августа) обе делегации прибыли в Портсмут. Здесь делегациям в этот же день было устроено местными властями два официальных приема — в Нэви-ярд, в здании, приготовленном для заседаний конференции, и затем в здании городского совета штата Нью-Хэмпшир. Первое предварительное совещание с японской делегацией было назначено на другой день — 27 июля (9 августа) на 10 часов утра ⁵⁰.

3. ПЕРЕГОВОРЫ В НЭВИ-ЯРД. ПЕРВАЯ ДЕКАДА — ОДИН НА ОДИН [27 ИЮЛЯ (9 АВГУСТА) — 5 (18) АВГУСТА]

На предварительном совещании уполномоченных 27 июля (9 августа) в Нэви-ярд дело ограничилось лишь «кратким обменом мнений», в результате которого была выработана схема предстоявшей работы конференции: ежедневно два заседания (с 9 ч. 30 м. до 12 ч. и с 3 ч. до 5 ч. 30 м.), в составе 10 человек — 4 уполномоченных и 6 секретарей, с краткими протоколами и приложением к ним документов и письменных заявлений; «абсолютная секретность»; совместные заявления в прессу о заседаниях. Витте уступил, когда Комура, сославшись на то,

⁴⁸ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I, стр. 345; Documents diplomatiques, 2/VII, № 320, депеша Депорт де ла Фосса Рувье из Нью-Порта 8 августа 1905 г.; Депорт приписывал этот отзыв Рузвельта «высокой фигуре и широким плечам» Витте, завоевавшим ему не только симпатии толпы, но также, повидимому, и президента, сказавшего после первой беседы в Ойстер-бэй: «это блестящий малый» (St. Gwynn. Указ. соч., т. II, стр. 8, письмо Рузвельта Спринг Райсу от 1 ноября 1905 г.).

⁴⁹ «Былое», 1918, № 1, стр. 204.

⁵⁰ Там же, стр. 205—217; R. Rosen. Forty years of diplomacy, I, стр. 258—270; С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I, стр. 345 и сл.

что при созыве конференции этот вопрос не поднимался, настаивал на том, чтобы «не приглашать к участию в совещаниях» «помощников-специалистов». Судя по тому, что Комура в дальнейшем во время заседаний постоянно ходил советоваться с обычно неразговорчивым Денисоном, принятие предложения Витте о приглашении «ассистентов» «соответственно их компетенции в вопросе», возможно, могло бы вскрыть универсальность консультативной роли этого американца на японской дипломатической службе. Зато японцы должны были отказаться от своего требования, чтобы руководящим языком в документах конференции был английский. Витте с первого же заседания заговорил не на русском, а на французском языке, и руководящим языком, согласно до того господствовавшему обычаю, был признан язык французский, а «дополнительным» — английский⁵¹.

Практически переговоры в дальнейшем шли на четырех языках. «Витте говорил главным образом по-французски, и когда не находил слов или хотел выразиться убедительнее, переходил на русский. В первом случае переводил на японский язык сидевший рядом с бароном Комура Адати, а во втором случае переводил на английский язык (которым владел Комура.— Б. Р.) Набоков. Комура говорил по-японски, а Адати переводил на французский язык. Розен вмешивался, лишь когда Витте просил его разъяснить данный вопрос, и вообще выступал, когда видел, что перевод делается неточно»⁵².

Первое официальное заседание, с участием десяти, состоялось 28 июля (10 августа).

Это была первая официальная встреча с японцами — без участия американцев. Правда, сама по себе церемония первого знакомства делегаций, устроенная 23 июля (5 августа) в резиденции президента на его яхте «Мэй Флауер» в Устричной бухте, как «событие», которому, по отзыву Витте, «был придан характер торжества Америки», произвела

⁵¹ Протоколы Портсмутской конференции, стр. 1; Дневник Коростовца — «Былое», 1918, № 1, стр. 218; Оранжевая книга, № 78, телеграмма Витте Ламсдорфу от 27 июля (9 августа) 1905 г.; С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I, стр. 350.

⁵² «Былое», 1918, № 2, стр. 123—124. Розен, который формально только тем и отличался от Витте, что имя его стояло в тексте «полномочия», общего для обоих, на втором месте, не проявлял никакой инициативы или желания играть какую-либо роль. Витте в своих воспоминаниях (стр. 331) награждает его за это положительным отзывом («человек хороший, благородный, с посредственным умом логического балтийского немца...», он был за мир, когда выяснилось, что он будет достигнут на тех условиях, на которых он был достигнут..., не принимая сколько-нибудь активного участия в переговорах, оказывал мне во всем полное содействие»). Сам Розен потом вспоминал, как «после нескольких часов самого серьезного, безоговорочно откровенного и дружеского обсуждения» (в Нью-Йорке) он с Витте «достигли полного соглашения по всем пунктам», соглашения, «которое позволило нам вести переговоры так, как будто мы были один человек, с одной головой, одной волей и одним сердцем». На вопрос, «допустимо ли поставить заключение мира в зависимость от бескомпромиссного соблюдения пункта о неуступке территории (в отношении Сахалина), они оба отвечали отрицательно, и будто бы даже послали соответствующую телеграмму Ламсдорфу «для представления императору». По вопросу о контрибуции такого единомыслия на первых порах между ними не оказалось. «Его (Витте.— Б. Р.) глубокое убеждение в повелительной необходимости для России заключить мир возможно скорее так крепко сложилось в его голове, что в случае крайности он не поколебался бы согласиться на уплату контрибуции, с условием, что она будет благовидно замаскирована». Розен «старался уменьшить его опасения, что наш отказ уплатить контрибуцию может повести к разрыву переговоров, и, следовательно, невозможности заключить мир... Аргументируя это,— пишет Розен,— я выражал мое глубокое убеждение, что японцы даже еще больше нашего жаждут скорейшего заключения мира,— убеждение, основанное, помимо других соображений военного и финансового характера, на моем подозрении, что это японское правительство просило Рузвельта о посредничестве...» (R. Rosen. Указ. соч., т. I, стр. 263—264).

на Витте «довольно тяжелое впечатление при данных обстоятельствах»; но он все же мог заметить, что Рузвельт хочет подчеркнуть свое «предпочтение к русским»: во время завтрака на яхте, предложенного за открытым буфетом без мест, он потребовал несколько стульев, на которых и усадил уполномоченных с переводчиком, а сам сел возле Витте и, встав для произнесения тоста «за здоровье и процветание монархов и народов, представители коих встретились на этом корабле», произнес его, повернувшись к Витте, а затем «вступил с ним в непосредственную беседу по-французски, отказавшись от помощи Розена» (как переводчика)⁵³. Эти и другие знаки внимания нельзя не поставить в связь с тем, что просила о встрече не русская, а японская сторона, что от Нью-Йорка в финансовом отношении зависела тоже японская сторона, а не русская, что русская сторона еще при самом прибытии в Америку подчеркнула, что царь «назначил делегацию для ознакомления с условиями храброго противника».

В день первого заседания 28 июля (10 августа) русские остались в Нэви-ярд с японцами один на один. Витте попробовал подвергнуть сомнению предъявленное Комурою полномочие, английский текст которого не был заверен и редакция которого разнилась от редакции русского полномочия. Комура, однако, согласился дать письменное заверение в тождественности смысла обоих полномочий, и вопрос был исчерпан.

Затем Комура, держа в руках листок почтовой бумаги, сделал заявление, что, «приступая к переговорам, он воодушевлен желанием обсуждать все вопросы с полною искренностью, не останавливаясь на деталях и на вопросах, которые не касаются прямо условий мира, ибо это может только затормозить переговоры»; «японское правительство готово сделать все, чтобы достигнуть мирного соглашения»⁵⁴.

После этого Комура передал Витте листок с японскими условиями мира и выразил желание получить письменный ответ, на что с русской стороны последовало согласие.

По закрытии заседания русская делегация в полном составе осталась в Нэви-ярд для ознакомления с японскими условиями и обсуждения их. Составление ответа по пунктам Витте поручил Шипову и Покотилову с тем, что профессору Мартенсу останется только перевести ответ на французский язык. Заказав послать в Петербург телеграмму: «Сегодня передаю ответ на условия японцев», Витте объяснил окружающим, что «если спрашивать заключение, то ответа скоро не добьемся, ибо в Петербурге начнутся сношения между ведомствами, совещания, одним словом, обычная процедура». Тут же телеграфом были полностью переданы в Петербург японские условия⁵⁵.

⁵³ Оранжевая книга, № 76, телеграмма Витте Ламсдорфу от 25 июля (7 августа) 1905 г. «Былое», 1918, № 1, стр. 207.

⁵⁴ «Былое», 1918, № 2, стр. 110—111; Протоколы Портсмутской конференции, стр. 3.

⁵⁵ «Былое», 1918, № 2, стр. 113—115; Оранжевая книга, № 81, телеграмма Витте Ламсдорфу от 28 июля (10 августа) 1905 г. с текстом условий. Одновременно Витте телеграфировал Коковцову: «Предъявлены требования. Преобладание Японии в Корее, эвакуация Маньчжурии, уступка Сахалина, Квантуна, южной ветви до Харбина, уплата контрибуции в размере стоимости войны, выдача судов в нейтральных портах, ограничения морских сил, льготы морских промыслах. Ответ, понятный вам по существу, скоро последует» («Красный архив», т. 6, стр. 28). Аналогичная телеграмма Ламсдорфу не опубликована. Но, представляя Николаю телеграмму с полным текстом условий, Ламсдорф счел нужным рекомендовать — «до сообщения статс-секретарю Витте каких-либо указаний выждать от него разъяснительной телеграммы по сему предмету», так как «указанные условия едва ли следует рассматривать как окончательные предложения японцев». Николай, читая условия, отчеркнул на полях то, что

То, что предъявила японская сторона, не было максимумом того, что циркулировало до последних дней в качестве ее требований. Здесь, например, не было «уступки всех железных дорог в Маньчжурии», не было «открытия Амура и Сибири для иностранного судоходства и торговли», как ожидали «в хорошо осведомленных кругах», по одному германскому сообщению⁵⁶. Здесь не было и «разоружения Владивостока», стоявшего 10-м пунктом в той редакции японских условий, которая опубликована у Деннетта из бумаг Рузвельта⁵⁷.

В предъявленном Комуры почтовым листке бумаги значилось 12 условий:

1. Россия, признавая, что Япония имеет в Корее преобладающие политические, военные и экономические интересы, обязуется не чинить препятствий или не вмешиваться ни в какие меры по руководству, защите (protection) и контролю, которые Япония сочтет необходимым принять в Корее.

2. Обязательство со стороны России полностью эвакуировать Маньчжурию в срок, который имеет быть определен, и отказаться от всех территориальных преимуществ и преференциальных и исключительных концессий и привилегий в этой области, нарушающих китайский суверенитет или несовместимых с принципом равных возможностей (equal opportunity).

3. Япония обязуется вернуть Китаю, если будет дана гарантия, что будет реформировано и улучшено управление, все те части Маньчжурии, которые ею оккупированы, за исключением только районов, на которые распространяется аренда Ляодунского полуострова.

4. Япония и Россия взаимно обязуются не противиться никаким общим мерам, касающимся всех стран, какие Китай может принять для развития торговли и промышленности в Маньчжурии.

5. *Сахалин и все острова, к нему принадлежащие, и все государственные предприятия и собственность уступаются Японии*⁵⁸.

6. Аренда Порт-Артура, Талиена и прилежащих к ним территорий и территориальных вод, включая все права, привилегии, концессии и льготы, приобретенные Россией у Китая, в связи с арендой или как часть ее, и все государственные предприятия и собственность должны быть переданы Японии.

7. Россия обязуется передать Японии железную дорогу между Харбином и Порт-Артуром свободной от всяких претензий и обязательств, а также все ее ветви, включая все права, привилегии

он считал неприемлемым, и это обязало Ламсдорфа известить Витте срочной телеграммой 30 июля (12 августа) о том, какие из условий царь счел «неприемлемыми», т. е. сделать это после того, как Витте уже послал телеграмму о передаче русского ответа японцам (Оранжевая книга, № 82, 84 и 85).

⁵⁶ Die Grosse Politik, 19/II, № 6320, телеграмма Бусшэ-Хадденхаузена от 4 августа 1905 г.

⁵⁷ T. Dennett. Roosevelt and the Russo-Japanese war, New York, 1925, стр. 232. В этой редакции было 13 пунктов, вместо предъявленных 12. В приведенной у Akagi Roy Hidemichi (Japans foreign relations, Tokyo, 1936, стр. 252) инструкции японским уполномоченным (заимствую указание на эту недоступную мне книгу у Л. Н. Кутакова, — указ. соч., стр. 184) требование разоружения Владивостока отнесено к «третьей» группе, оставленной «всцело на усмотрение уполномоченных». Этот пункт требований не был предъявлен в Портсмуте по совету Рузвельта (там же, стр. 186). Рузвельт имел 27 июля (9 августа) совещание с японской делегацией, приехавшей раньше русской, и успел преподать ряд советов Комуры (см. А. Добров. Указ. соч., стр. 303).

⁵⁸ Курсивом отмечены условия, признанные неприемлемыми как в Петергофе, так и в Портсмуте, разрядкой — только в Петергофе.

и собственности, сюда принадлежащие, и все угольные копи, принадлежащие железной дороге или ею эксплуатируемые.

8. Россия сохраняет за собой и эксплуатирует трансманьчурскую железную дорогу, на точном основании концессии на ее постройку и при условии, что она будет использоваться исключительно в торговых и промышленных целях.

9. Россия возмещает Японии действительные расходы войны. Сумма, равно как время и способ такого возмещения, будут согласованы.

10. Все русские военные корабли, которые вследствие повреждений, полученных в бою, искали убежища в нейтральных портах и были там интернированы, должны быть переданы Японии как законный приз.

11. Россия обязуется ограничить свои морские силы в водах Дальнего Востока.

12. Россия предоставит японским подданным неограниченные (full) права на рыбную ловлю вдоль берегов и в заливах, гаванях, бухтах и реках, находящихся в ее владениях в Японском, Охотском и Беринговом морях⁵⁹.

При обсуждении этих условий русской делегацией были признаны неприемлемыми пункты 5, 9, 10 и 11; остальные пункты были признаны согласимыми, — с этим и уехали Шипов и Покотилев в гостиницу для составления ответа по всем пунктам условий. Затем оставшиеся еще долго обсуждали поставленный перед ними Витте вопрос о желательности и возможности «предложить Японии какую-нибудь иную сделку», ввиду выраженной в инструкции желательности добиться установления дружественных отношений с Японией. Однако внести ясность в этот вопрос Витте оказался сам не в состоянии: он то объявлял невозможным заключение союза с Японией, то предлагал включить в соглашение условия об обоюдной помощи «не только дипломатической, но и оружием»⁶⁰.

Составление русского ответа задержалось, и пятница 29 июля (11 августа) прошла в Портсмуте без заседания.

Тем временем в Петербурге Ламсдорф, получив телеграмму с полным текстом японских условий, 29 июля (11 августа) в набело переписанном виде послал их срочно в Петергоф Николаю и получил этот экземпляр обратно с разметкой Николая, какие условия тот считает «неприемлемыми» («те, которые мною отчеркнуты»), повидимому, только на другое утро, 30 июля (12 августа). Во избежание недоразумений, Ламсдорф счел за лучшее тотчас же срочной телеграммой сообщить в Портсмут о царской разметке, поскольку последняя показала, что Николай считает неприемлемыми не только пункты 5, 9, 10 и 11, как порешили в Портсмуте, но и пункт 7 и часть вторую пункта 8, которые оба были признаны в Портсмуте приемлемыми «в принципе», при условии некоторых изменений⁶¹.

⁵⁹ Протоколы Портсмутской конференции, стр. 5; Оранжевая книга, № 83, стр. 110—111; «Былое», 1918, № 2, стр. 112.

⁶⁰ «Былое», 1918, № 2, стр. 115—117. Забегая несколько вперед, отметим, что попытка Витте на одном из следующих заседаний, при обсуждении пункта 1 о Корее, заикнуться о «необходимости общности действий Японии и России и о готовности поддержать Японию» показала, что условия для такого соглашения еще далеко не созрели: Комура «довольно сухо заявил, что Япония не нуждается в поддержке России... и что для него довольно, если г. Витте поддержит его здесь на конференции» и согласится на предоставление Японии свободы действий в Корее (там же, стр. 126).

⁶¹ Оранжевая книга, № 82, записка Ламсдорфа Николаю от 29 июля 1905 г., с представлением телеграммы Витте от 28 июля с японскими условиями (№ 81) и № 85, срочная телеграмма Ламсдорфа Витте от 30 июля с сообщением, какие из условий

Так в первые же дни работы конференции Витте поспешил и не вполне угадал настроение Петергофа. Но Витте еще 27 июля (9 августа) предупредил Ламсдорфа о своем «впечатлении, что японцы не спешат, может быть, рассчитывая на какие-нибудь новые факты» (читай: вроде высадки японцев на Сахалине.— Б. Р.). А раз так, то мог ли он тут не спешить?

Таким образом, на втором официальном заседании конференции 30 июля (12 августа) Витте передавал «ответ русских уполномоченных на условия мира, представленные японскими уполномоченными», в момент, когда в Петербурге уже состоялось решение царя по ним и в Портсмут двигалась уже о том телеграмма, содержание которой (на утреннем заседании) не было еще известно Витте. По просьбе японцев, было решено прервать заседание и возобновить его, когда японцы успеют ознакомиться с русским ответом и дадут знать, что они готовы приступить к обсуждению мирных условий пункт за пунктом.

Уже после отправки в Петербург телеграммы с текстом своего ответа и другой — с извещением о состоявшемся вручении его японцам Витте получил срочную телеграмму о царских отчеркиваниях и из нее он обнаружил, что по пункту 7 «имеется некоторое различие» между его ответом и царской отметкой, «хотя ответ по сему предмету мною дан в точности согласно указаниям, полученным в Петербурге», — телеграфировал он в тот же день, после утреннего заседания Ламсдорфу. Одновременно Витте предупредил, что «между воззрениями обеих сторон лежит пропасть» и «посему можно думать, — к каковому заключению пришел и Рузвельт, выслушав меня еще в Нью-Йорке, — что надежды на соглашение нет», но что, впрочем, вопрос этот выяснится «через полчаса»⁶².

Тут опять выступил «актер на большой сцене»: делая серьезное предупреждение в Петергоф, Витте тут же, посылая Коростовца в гостиницу за инструкцией (очевидно, чтобы проверить себя в отношении расхождения с царем по пункту 7), бросил ему во всеуслышание: «Кстати, узнайте время ухода ближайших пароходов, на днях, верно, придется уехать». И даже у Коростовца было впечатление, что Витте «действительно думает, что японцы не захотят даже обсуждать наш ответ и что дело кончится разрывом»⁶³. Коростовцу и впрямь могло казаться, что недаром же он, Витте, к «великому негодованию японцев» пустил в бостонские и нью-йоркские газеты текст японских условий, как бы апеллируя к общественному мнению по поводу их неприемлемости, а Комуре в ответ на его упреки прямо сказал на заседании, с занесением в протокол, что «единственное средство избежать этих недоразумений — публиковать обо всем, происходящем на конференции»⁶⁴.

И вот «через полчаса» выяснилось, что японцы и не думают рвать переговоры, а приступают к ним, начиная с первого пункта (о Корее)

Николай счел неприемлемыми; «Былое», 1918, № 2, стр. 119. Полный текст русского ответа см. Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны, М.—Л., 1947, стр. 461.

⁶² Протоколы Портсмутской конференции, стр. 9; Оранжевая книга, № 83, телеграмма Витте Ламсдорфу от 30 июля (12 августа) 1905 г. с текстом русского ответа; № 84, то же, после утреннего заседания; № 85, срочная телеграмма Ламсдорфа Витте того же числа с сообщением о неприемлемых пунктах; № 86, телеграмма Витте того же числа, в ответ на предыдущую.

⁶³ «Былое», 1918, № 2, стр. 124.

⁶⁴ Протоколы Портсмутской конференции, стр. 9; Дневник Коростовца — «Былое», № 2, стр. 119.

уже с частичным учетом русского ответа по этому пункту и даже с готовым проектом новой его редакции.

В русском ответе была фраза в этом пункте: «Условлено равным образом, что приведение в действие Японией вышеуказанных мер (т. е. мер по руководству, защите и контролю, которые Япония сочтет необходимым принять в Корее.— *Б. Р.*) не нарушит суверенных прав корейского императора». Японцы не соглашались «допустить в договоре подобной клаузулы, поскольку фактически этой независимости более не существует во всей ее полноте». Было решено, не упоминая о суверенитете императора в договоре, записать в протокол следующее издевательское заявление: японские уполномоченные заявляют, «что условлено, что меры, которые Япония может найти необходимым принимать в Корее в будущем и которые нарушают суверенитет этой страны, будут предпринимаемы с согласия правительства Кореи». В остальном по этому корейскому пункту стороны пришли к согласованным формулировкам, окончательную редакцию которых было решено представить к следующему заседанию. Правда, «обсуждение было продолжительным» и не обошлось без пререканий, но все же переговоры приняли совсем деловой характер, и в следующем, третьем заседании 1 (14) августа корейский пункт, представленный в русской новой редакции, с учетом японских замечаний, был признан окончательно фиксированным⁶⁵ и почти в таком виде вошел впоследствии в текст договора.

По окончании заседания 30 июля (12 августа) Витте все же дал в «Бостон геральд» интервью, где пожаловался на то, что уполномоченные встретились без предварительного уговора относительно основ соглашения, и вновь напомнил, что пока он является лишь «императорским курьером», которому поручено узнать условия Японии⁶⁶.

На самом-то деле к концу дня в Портсмуте все прояснилось, но как отнесется к проделанному Петергоф,—оставалось неизвестным весь день. Ясность в эту сторону дела принес только следующий день.

В воскресенье, 31 июля (13 августа) пришла из Петербурга телеграмма Ламсдорфа о том, что русский ответ на японские условия прочитан Николаем, признан «вполне соответствующим инструкциям» и «удостоился» одобрения царя. Из телеграммы было видно, что в Петергофе вовсе не склонны мрачно смотреть на вещи (как начал было внушать Витте) и надеются, что Витте «удастся сохранить почву для переговоров в будущем, даже в случае прекращения настоящих совещаний»⁶⁷. Сделав вид, что он еще и не получал этой телеграммы, Витте сформулировал для Петергофа условия, на которых, действительно, можно было бы попытаться что-нибудь сделать.

Прежде всего он и впредь не будет стеснять себя и, если найдет нужным, то будет принимать решения, как и в этот раз, самолично и не мешкая. Его телеграмма Ламсдорфу от 31 июля (13 августа) с этого и начиналась: «Мы приступили к обсуждению японских предложений по пунктам..., думаю, что японцы желают выиграть время или для того, чтобы уговориться с Токио, а, может быть, и с Лондоном, или ожидая каких-либо событий» и «от главных своих требований не отступят». Поэтому «мы должны вести дело так, чтобы привлечь на свою сторону не только всех русских людей, но и большую часть общественного мнения

⁶⁵ Протоколы Портсмутской конференции, стр. 10—12, 18 и 22; «Былое», 1918, № 2, стр. 126.

⁶⁶ «Былое», 1918, № 2, стр. 129.

⁶⁷ Оранжевая книга, № 87, телеграмма Ламсдорфа Витте от 31 июля (13 августа) 1905 г.

Европы и Америки», и «только при этом условии, если нам суждено вступить в продолжительную войну..., мы одолеем врага»: «если Европа и Америка перестанут оказывать материальную помощь Японии, перестанут ей сочувствовать и станут морально на нашу сторону, одолеем противника». Для этого «безусловно необходимы» три следующих условия: «1) вести дело так, чтобы со спокойной совестью можно было, в случае если не состоится заключение мира, опубликовать все документы и передать все дело на суд всего человечества; 2) предоставить Японии то, чего она достигла благодаря тому, что военное счастье было на ее стороне, но что не может нанести раны достоинству России, как великой державы, и русскому сердцу; 3) быть справедливым в оценке вещей, насколько вообще справедливость в подобных делах применима» (имеется, очевидно, в виду захват Японией части Сахалина.— *Б. Р.*). Витте выражал в заключение уверенность, что при таком способе ведения переговоров, как бы они ни кончились, он, Витте, принесет «посильную пользу», — «если буду поддержан»⁶⁸. Значит, иными словами, — или утверждайте мою программу и одобряйте каждое мое действие, из нее вытекающее, или оставьте ваши надежды.

О том, что Николай одобрил предложенную Витте программу действий, что «в оценке настоящей исторической минуты» обнаружилось «полное единомыслие» у него и с Ламсдорфом, — Витте узнал уже на другой день, в понедельник 1 (14) августа, когда машина переговоров завертелась вновь.

На третьем заседании 1 (14) августа русская сторона, как упомянуто, представила текст первого пункта (о Корее), и он был принят. Японская же сторона представила проект пункта 2 (об эвакуации Маньчжурии), обсуждению которого и посвящено было все заседание. К 6 часам вечера обсуждение это закончилось, по предложению Витте, объединением русских обязательств по пункту 2 с японскими обязательствами пункта 3 в одну статью, текст которой принят и впоследствии включен в договор в виде статьи III, сформулированной, как обоюдное обязательство⁶⁹.

После обеда Виленкин представил Витте депутацию банкиров — Оскара Штрауса, Исаака Зелигмана, Адольфа Левисона и Якова Шиффа, приехавших из Нью-Йорка⁷⁰. Витте принял их у себя в гостинице и говорил с ними в присутствии Розена и Виленкина «около часу». «Депутация просила его содействия к улучшению положения русских евреев и отмены исключительных законов и ограничений. Витте ответил, что он больше не у власти, но что вполне сознает ненормальность положения и, если бы мог, сделал бы возможное». По словам Виленкина, от которого и стало это известно Коростовцу, нью-йоркские гости «удалились около полуночи, весьма довольные беседой». От самого Витте известно несколько больше. Он потратил на этот демарш, предпринятый, очевидно, во исполнение намеченной им программы подготовки изоляции Японии, не «около часу», а «целый вечер». В понимании Витте это были банкиры, «которые имеют существенное влияние на здешнее общественное мнение, располагают огромными капиталами и помогают японскому

⁶⁸ Оранжевая книга, № 89, телеграмма Витте Ламсдорфу от 31 июля (13 августа). Николай прочитал ее и надписал: «Одобряю». Подозрение относительно Лондона находит себе некоторое подтверждение в сообщениях Макдональда из Токио, со слов Кацуры, Лэнсдоуну о ходе портсмутских переговоров (British documents, IV, № 93—96).

⁶⁹ Протоколы Портсмутской конференции, стр. 18—25; «Былое», 1918, № 2, стр. 129; Оранжевая книга, № 100, телеграмма Витте Ламсдорфу от 1 (14) августа 1905 г.

⁷⁰ «Былое», 1918, № 2, стр. 132.

правительству в денежных операциях», и Витте изобразил им дело так, что в царствование Николая «были принимаемы меры, только клонящиеся к облегчению положения евреев». По словам Розена, эта беседа Витте могла «иметь серьезное влияние на здешнее общественное мнение и во всяком случае не может не тревожить японцев», так как это все — «банкиры Японии»⁷¹.

В тот же день, еще до приема банкиров, Витте, развивая свою новую программу подготовки к «продолжительной войне», изложил ее финансовую часть в пространной телеграмме Коковцову, которую отправил, однако, в адрес Ламсдорфа, в расчете, вероятно, тоже на то, что так она будет вернее доложена царю.

С Коковцовым у Витте были свои счеты. Еще до отъезда из Петербурга ему было известно (от Ламсдорфа), что Коковцов выражал сожаление по поводу назначения Витте главноуполномоченным, «потому что С. Ю. пойдет на всякие условия». Свои счеты по финансовой части заявленной программы были у Витте и с Николаем. Дело тут было так. Как раз на другой день после визита к Витте, еще в Нью-Йорке, Вандерлипа и Перкинса Шипов и Розен одновременно, один — Коковцову, другой — Ламсдорфу телеграфировали в том смысле, чтобы из Петербурга была устроена просьба к Витте («упросить и настаивать», подчеркивал Шипов), «чтобы он предпринял поездку по некоторым главнейшим городам США, ибо Нью-Йорк — лишь первый этап Америки», поскольку уже в эти первые дни «в части публики замечаются признаки симпатии к России», и есть «много деловых людей», готовых «раздувать тлеющий огонек симпатии к нам», а это сулило бы «в особенности в случае продолжения войны, затруднение денежной ее стороны для японцев»⁷². Можно не сомневаться, что Шипов обратился в Петербург с этим проектом не просто с ведома Витте, а деловым образом согласовав с ним этот окольный демарш в адрес царя: об этом свидетельствуют оговорки о личном авторстве Шипова, о том, что сам Витте «затруднится сделать это», так как «сомневается в отношении к этому Петербурга и после переговоров о мире собирается скорее в Петербург». Витте через Шипова и Розена зондировал здесь почву, и ответ Ламсдорфа похоронил затею царского сановника «предпринять эту кампанию в американском духе» (как назвал ее Шипов): «...государю императору благоугодно было соизволить на посещение вами наиболее важных городов для указанной цели, но с тем, однако, чтобы поездка ваша по Америке не была слишком продолжительна и не могла быть истолкована в смысле какой-нибудь агитации среди американского народа». Последняя оговорка

⁷¹ «Красный архив», 1924, т. 6, стр. 33, телеграмма Витте Ламсдорфу от 2 (15) августа 1905 г. Вместо того, чтобы послать эту телеграмму прямо Коковцову, Витте, очевидно, для того и послал ее Ламсдорфу, чтобы тот доложил ее царю, а копию переслал Коковцову, о чем Витте тут же и просил. В Оранжевой книге она, естественно, не опубликована, а в наше время опубликована была по копии, доставленной в свое время Ламсдорфом Коковцову.

⁷² С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I, 1923, стр. 325; телеграмма Шипова директору канцелярии министра финансов А. И. Путилову от 23 июля (5 августа) — «Красный архив», т. 6, стр. 24—26. Телеграмма Шипова была доложена Коковцову, и ответил на нее Шипову Коковцов 26 июля (8 августа; там же, стр. 26). Одновременно Ламсдорфу телеграфировал не сам Витте, как он пишет в своих воспоминаниях, а Розен, но отвечал Ламсдорф и Розену, и Витте 28 июля (10 августа), причем о телеграмме Розена якобы не знали ни Витте, ни Шипов, хотя ответ Ламсдорфа Розен показал Витте (там же, стр. 27). Телеграмма Розена Ламсдорфу не опубликована в Оранжевой книге, как не относящаяся непосредственно к мирным переговорам. Телеграммы Ламсдорфа к Витте от 28 июля (10 августа) и ответная телеграмма Витте Ламсдорфу от 29 июля (11 августа), которые сохранил Витте в своем личном архиве, опубликованы в «Красном архиве», 1924, т. 6, стр. 26, примечание.

испортила все дело. Витте тотчас же кисло ответил Ламсдорфу отказом от поездки, мотивируя отказ усталостью, незнанием языка и т. п., а также тем, что из телеграммы Ламсдорфа он не усмотрел, «чтобы его величество почитал сие полезным и желательным». Николай не принял этого намека, и 31 июля (13 августа) от Ламсдорфа в Портсмуте был получен ответ, что, «благосклонно приняв во внимание приведенные... соображения, государь император не видит настоятельной необходимости в путешествии вашем по Америке». При всем том Николай находил желательным, чтобы в случае прекращения переговоров Витте «не торопился отъездом из Вашингтона во избежание каких-либо ложных толкований»; «для более же тесного в интересах России сближения с Америкой», быть может, он, Витте, по соглашению с бароном Розеном, найдет «иные соответствующие средства»⁷³. Витте, зная атмосферу, окружавшую царя, сейчас же понял, в чем дело, и отказался от проекта, так как «не привык получать подобного рода наставления»⁷⁴.

Выходит, что программа финансовой изоляции Японии, заявленная царю Витте в телеграмме 31 июля (13 августа), явилась прямым ответом на предложение Николая Витте агитацией по привлечению симпатий американцев к России не заниматься, поискать для того «иных средств» и не делать этого, минуя Розена, — предложение, полученное Витте в этот же день.

Теперь, в ожидании визита группы влиятельных нью-йоркских банкиров днем 1 (14) августа, Витте решил выместить свою досаду сразу на обоих — на царя и на министре финансов Коковцову, и послал еще одну телеграмму, через Ламсдорфа Коковцову, долженствовавшую разъяснить царю, что он разумел в своей вчерашней телеграмме под привлечением на свою сторону «общественного мнения Европы и Америки», и показать, что он вовсе не горит желанием ездить по этим делам сам — пусть поездит Коковцов! «Соглашения, — начиналась телеграмма, — ввиду громадной разницы условий сторон, не будет достигнуто, нужно готовиться к продолжительной, тяжелой войне, для чего необходимо прежде всего озаботиться доставлением нам иностранных денежных рынков, без этого война будет вдвойне тягостной и совершенно подорвет наши финансы... Со всеми, с кем приходилось говорить за границу, чувствовалось, что при настоящем настроении достать деньги за границей более чем трудно (это все с издевкой в адрес Коковцова! — *Б. Р.*). Это настроение основано не только на внешнем, но, пожалуй, еще более на внутреннем положении, уничтожить это настроение может только перемена по существу (это была колкость уже в адрес Николая! — *Б. Р.*), но видоизменить его возможно посредством более деятельного воздействия на умы и посредством личных объяснений (а что лучше Витте никто их вести не умел, это-то Николай знал твердо. — *Б. Р.*)... Прошло то время, — поучал Витте, — когда к нам ездили давать деньги, нужно теперь нам ездить и создавать конъюнктуры... ныне серьезные операции возможны лишь в Америке и особенно Франции... Мой приезд в Америку создал надлежащее настроение; если оно будет культивироваться, то, полагая, через несколько месяцев наступит возможность сделать операцию... Необходимо серьезно объясниться с французским

⁷³ «Красный архив», 1924, т. 6, стр. 25—26, телеграмма Шипова Путилову от 23 июля (5 августа) 1905 г.; там же, стр. 26, примечание, телеграмма Ламсдорфа Витте от 28 июля (10 августа), телеграмма Витте Ламсдорфу от 29 июля (11 августа) и телеграмма Ламсдорфа Витте, полученная им 31 июля (13 августа) 1905 г.

⁷⁴ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I, стр. 352—353 («государю внушили, ведь, что я хочу быть президентом всероссийской республики»).

правительством, преимущественно с Рувье, который, как мне кажется, держится двусмысленно (но мы знаем, что Витте только что объяснялся с ним, и без всякой двусмысленности.— *Б. Р.*). Необходимо лично объясниться со всеми крупными финансистами обеих партий: Ротшильда и Лионского Кредита»⁷⁵.

Удар рассчитан был метко. Коковцов молчал по меньшей мере целые сутки, а тем временем искал возможности доложить дело царю. А доложивши, сообразил, что, пожалуй, лучше всего пасть перед Витте ниц и ждать, что воспоследует. «Я могу лишь,— телеграфировал он Витте,— только повторить вашу точку зрения» «и с ведома его величества покорнейше прошу вас взять на себя труд постараться достигнуть этой цели в Америке, равно как и в Париже. Только личное воздействие может достигнуть цели. ...Ваше влияние в Америке уже имеется. Париж вам лично знаком ... Я готов даже сам ехать в Париж (но не в Америку!— *Б. Р.*), но думаю, что вы сделаете лучше, едучи обратно». «Если,— усердствовал Коковцов,— усматриваете какие-либо ошибки в моих действиях, укажите их откровенно... Моя поездка и непосредственное объяснение едва ли желательны. Впрочем, я жду вашего вполне откровенного ответа и совета, предоставляя вам заранее располагать мною даже в самом крайнем смысле (на что тут он намекал?— *Б. Р.*),— тем более, что с учреждением Думы вам предстоит общее руководство и объединение деятельности отдельных министерств». Вот в чем был секрет: Коковцов писал будущему председателю Совета министров! Но и никуда не выезжая, Коковцов был готов сделать все, что угодно: «Если сочтете полезным, я войду безотлагательно в объяснение с французским послом, чтобы изложить нашу точку зрения, но ничего не сделаю, не получивши вашего ответа»⁷⁶. И перед Витте в Портсмуте Коковцов предстал сейчас, каким был,— совершенно петербургским чиновником, «проведшим всю жизнь... в чиновничьих интригах и угодничестве»⁷⁷.

Но и сам Витте был падок на лесть и на власть. А затем и обсуждения пунктов договора на конференции неслись с молниеносной быстротой к неизвестной развязке. И 5(18) августа, когда Витте пришлось кончать этот неравный телеграфный бой и когда начался, наконец, настоящий дипломатический бой за мир с японской стороной, он уже переменял гнев на милость и спешил успокоить Коковцова, что имел в виду лишь сообщить вынесенные им «за границу заключения о финансовом положении, и какие... средства могут нам помочь...». В понедельник он ясно писал, что мира не будет достигнуто и вместе с тем требовал от Коковцова достать заем. Сейчас исход мог быть и другим: «вопрос о займе будет существенно зависеть от того, достигнем ли мира или нас вынудят продолжать войну». За этой переменной стояло только что закончившееся закрытое совещание с Комурой, о чем Коковцов не знал, но через Шипова он в этот же день получил предупреждение, что все вопросы на конференции уже пройдены, и Ламсдорфу посланы две телеграммы, что будут ждать окончательных распоряжений из Петербурга, что стоит вопрос финансовый, что решено ждать ответа четыре дня, что следующее совещание назначено на вторник, 9 (22) августа, и что, дорожа мнением Коковцова, Витте ждет, что Коковцов «примет участие в этом

⁷⁵ «Красный архив», 1924, т. 6, стр. 31—32, телеграмма Витте Ламсдорфу от 1 (14) августа 1905 г.; то же и в Оранжевой книге, № 93.

⁷⁶ «Красный архив», 1924, т. 6, стр. 34, телеграмма Коковцова Витте от 3 (16) августа 1905 г. Подчеркнуто мной.— *Б. Р.*

⁷⁷ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I, стр. 328.

деле». Вот, оказывается, откуда явилась у Витте смена гнева на милость. Понятно, что теперь Витте и «совершить небольшую поездку в Америке» был готов, и в Париже остановится «во всяком случае», и даже заключил телеграмму целыми четырьмя словами крепкого рукопожатия («крепко жму вашу руку», — единственный случай во всей переписке Витте с Ламсдорфом и Коковцовым за весь месяц портемутских совещаний!). Освободил он Коковцова и от неприятного (и бесполезного) разговора с французским послом: с ним «говорить не стоит»⁷⁸. Инцидент был явно исчерпан, и предначертанный Коковцовым будущий председатель Совета министров готов был все трудное взять на себя, лишь из любезности прибавив о желательности «при первой возможности» «заграничной поездки» и нынешнего министра финансов (которого он, следовательно, гнать из министров не собирается)⁷⁹.

Пока Витте таким путем занимался подготовкой почвы в Петербурге, в Нэви-ярд продолжалось пункт за пунктом обсуждение японских условий.

В четвертом официальном заседании 2(15) августа без зацепки прошел пункт 4. Оказалось, что под его обобщенной формулировкой у японцев скрывалось желание избежать повторения таких действий со стороны России, как заявленный ею в 1903 г. китайскому правительству протест против открытия в Маньчжурии портов для иностранной торговли, предположенного в японо-китайском торговом договоре 8 октября 1903 г. Русская же сторона выразила желание, чтобы взаимное обязательство в пункте 4 распространилось и на Ляодунский полуостров. Соответствующая оговорка была занесена в протокол, и пункт 4 был принят в японской редакции. «Тон обсуждения», отметил Коростовец, был «дружелюбный с обеих сторон».

В том же тоне прошло в этот день и обсуждение пункта 5 о Сахалине. После двухчасовых прений с полной определенностью выяснилось, что соглашение по этому пункту недостижимо, и было решено, после перерыва, перейти к пункту 6 (об уступке Ляодунского полуострова). Даже из официальной протокольной записи, составлявшейся обычно очень тщательно секретарями обеих сторон, видно, что Витте в споре с Комурой оказался значительно сильнее противника, стараясь использовать японские аргументы для подкрепления русских доводов. Эти последние были резюмированы в следующих 5 пунктах: «1) народное чувство (sentiment) в России гораздо более серьезно, чем чувство японского народа, потому что оно основано не на сожалении, что Япония не завладела соседней территорией, когда это было возможно, но на сожалении по поводу потери интегральной части Российской империи; 2) обладание Сахалином является не только вопросом интереса для России, но, кроме того, вопросом национальной безопасности, потому что этот

⁷⁸ «Красный архив», 1924, т. 6, стр. 35, телеграмма Витте Коковцову от 5 (18) августа 1905 г. и телеграмма Шипова Коковцову от того же числа; «Былое», 1918, № 2, стр. 142—143.

⁷⁹ А Коковцов, в нетерпении, что Витте молчит, того же 5 (18) числа телеграфировал вторично, что царь по поводу его телеграммы от 1 (14) августа «о подготовке кредитных операций в Америке и Париже» «поручил» ему «передать, что он очень желает, чтобы независимо от результатов мирных переговоров» Витте принял «на себя труд совершить хотя бы небольшую поездку по центрам Америки, попытаться обеспечить возможность экономического и финансового сближения и мешать нашему врагу найти новые средства»; царь «прибавил, что понимает» его «утомление и желание вернуться, но придает особое значение» его «личному воздействию». Коковцов ожидал ответа на предыдущую телеграмму, «чтобы войти в объяснение с французским послом» («Красный архив», 1924, т. 6, стр. 36, телеграмма от 5 (18) августа 1905 г.; она скрестилась в пути с телеграммой Витте от того же числа).

остров, по самому своему географическому положению, защищает подступ к амурской провинции; 3) обладание Сахалином Россией хорошо показало, что этот остров никогда не был и не может быть угрозой против Японии и опасностью для мира на Дальнем Востоке; 4) у России есть только один способ действовать ввиду занятия Сахалина — не признавать этого занятия правовым актом и предоставить истории время произнести свое суждение; 5) русские уполномоченные полностью разделяют взгляд Комуры, что было бы выгодно для дружественных отношений двух стран в будущем теперь же разрешить этот вопрос удовлетворительным образом по обоюдному соглашению; вот почему они надеются, что японские уполномоченные пересмотрят свои мнения по вопросу о Сахалине»⁸⁰.

Давая отчет Ламсдорфу о прохождении пункта 5, Витте счел необходимым включить в него следующие «главные» японские доводы: «остров этот был отнят от Японии, когда она была бессильна», теперь же он фактически в руках Японии, и «поэтому японский народ никогда не примирится с мыслью возврата этого острова России», и «такой возврат не может водворить прочного мира». А далее, вставив слова «Комура заявил, что Япония готова представить гарантии, что она не будет пользоваться островом с стратегическими целями и что это владение не послужит угрозой Уссурийскому краю», Витте кончил вопросом, который выдавал ясно, куда клонил он сам: «Не последует ли по этому пункту каких-либо дополнительных указаний со стороны его величества?». Оказалось, однако, что Николай сейчас никаких указаний давать не хочет, а предпочел взять отсрочку⁸¹. И Ламсдорф сочинил ему соответствующий текст, в котором первая фраза заключала якобы мнение Ламсдорфа, что целесообразнее бы «выждать, какое направление примут переговоры по отношению к совокупности всех существенных условий»; вторая же — заключала вопрос, «в чем, по мнению вашему (т. е. Витте. — Б. Р.), могли бы заключаться по 5-му пункту дополнительные указания». Телеграмма эта 3 (16) августа и пошла в Портсмут⁸². Не зная резолюции Николая, начертанной, видимо, только на память потомству, Витте, тоже отложив пока высказать свое мнение прямо, сослался лишь на «серьезных людей и газеты» в Америке, которые неправильным признают «требование уплаты расходов войны», а о Сахалине полагают, «что Япония имеет право на извлечение из этого факта соответствующей выгоды»⁸³. Как видим, Витте продолжал держаться своей точки зрения на уступку Сахалина и пользовался теперь случаем укрепить на ней и Николая.

На дневном заседании 2 (15) августа успели еще обсудить пункт 6 японских условий (об уступке Ляодунского полуострова), и была принята редакция, предложенная Витте, которая впоследствии вошла в договор в виде статьи V⁸⁴.

Давая отчет о следующем, пятом официальном заседании

⁸⁰ Протоколы Портсмутской конференции, стр. 26—32; «Былое», 1918, № 2, стр. 134—136.

⁸¹ Хотя и надписал на телеграмме Витте: «Об уступке Сахалина не может быть и речи, русский народ не простил бы мне уступки пяди земли неприятелю, да и совесть моя также».

⁸² Оранжевая книга, № 102, телеграмма Витте Ламсдорфу от 2 (15) августа и № 103, телеграмма Ламсдорфа Витте от 3 (16) августа 1905 г., которая была опубликована с приведенной в предыдущем примечании резолюцией Николая, воспроизведенной жирным шрифтом.

⁸³ Там же, № 104, телеграмма Витте Ламсдорфу от 4 (17) августа 1905 г.

⁸⁴ «Былое», 1918, № 2, стр. 136; Протоколы Портсмутской конференции, стр. 33—34.

3(16) августа, Витте впервые отметил, что японцы в этот раз как-то особенно «были весьма упорны и даже скажу — нахальны», так что ему «стоило большого труда, чтобы не выйти из терпения». Однако он «удержался, опасаясь прервать конференцию по вопросам, по которым могут сказать, что мы не правы, и вина в продолжении войны — наша», что было бы желательно японцам. В пятом заседании обсуждались пункты 7 и 8, которые, как помним, Николай считал неприемлемыми, а в ответе русских уполномоченных японцам пункт 7 был принят в принципе, 8-й же и вовсе не вызвал возражений. Витте, как и задумал с самого начала, уступил по обоим пунктам. По пункту 7 обнаружились два разногласия: одно — по вопросу о том, передавать ли Южно-Маньчжурскую ветвь КВЖД японцам непосредственно и без вознаграждения (с их стороны), как составную часть аренды Ляодунского полуострова, на чем настаивали японцы, или же Россия даст согласие Китаю на досрочный выкуп этой ветви, на основании концессии общества КВЖД, с тем, чтобы затем передать эти деньги Японии, как настаивал Витте. Другое разногласие — по вопросу о том, передавать ли эту ветвь целиком, как сначала потребовали японцы ввиду связи железнодорожной концессии с арендным договором о Ляодуне, или, в крайнем случае, начиная от Харбина к югу, как потом настаивал Комура, либо, как предложил Витте, начиная с точки соприкосновения передовых постов обоюдных армий.

По первому вопросу Витте отказался от включения в договор частного общества КВЖД и упоминания о выкупе и согласился на прямую передачу линии русским правительством японскому правительству без вознаграждения, хотя и с согласия китайского правительства, достигнуть которого обязались обе стороны. Таким образом, Витте не удалось заменить передачу японцам железной дороги денежным вознаграждением в виде максимум двух сотен миллионов рублей. По второму же вопросу Витте отстоял принцип «uti possidetis» (фактического владения), и Комура отказался от параллели Харбина, но зато Витте отказался от мелкой станции Гунчжулин и согласился перенести точку раздела линии в станцию Куанченцзы (Чаньчун), как крупный торговый пункт⁸⁵. Кроме того, в процессе обсуждения Комура выдвинул еще заявку на разрешение со стороны России японцам построить от Чаньчуна линию на Гири. В договор решено было этого не заносить, но в протоколе было отмечено, что Россия не будет против этого возражать, если обнаружится, что постоянная ветвь на Гирин обществом КВЖД еще не проведена.

По пункту 8 Витте согласился относительно использования КВЖД Россией исключительно в торговых и промышленных целях только под условием взаимности, и Комура выговорил для Японии исключение из этого принципа только применительно к железным дорогам на арендованной территории Ляодунского полуострова⁸⁶. В таком виде этот пункт и вошел впоследствии в договор в статью VII.

Таким образом, к концу дня 3(16) августа было обсуждено всего восемь, т. е. две трети, пунктов японских условий, и несогласованным остался один, 5-й, о Сахалине.

В отношении остальных четырех пунктов положение Витте (как ему казалось) было более легкое, так как отказ в принятии «некоторых из

⁸⁵ Оранжевая книга, № 112, телеграмма Витте Ламсдорфу от 3(16) августа; Протоколы Портсмутской конференции, стр. 39—44.

⁸⁶ Протоколы Портсмутской конференции, стр. 45—46.

этих требований» мог быть им серьезно мотивирован и оправдан в глазах мирового «общественного мнения»⁸⁷.

Витте имел здесь в виду такие несообразные претензии японцев, как контрибуция (пункт 9), уступка интернированных в нейтральных портах русских судов (пункт 10) и ограничение морских сил России на Дальнем Востоке (пункт 11).

По этим трем вопросам нельзя было ждать договоренности и в следующем, шестом официальном заседании 4 (17) августа. Выдвинув совершенно разбойничий «довод», Япония претендовала на возмещение всех военных издержек на том основании, что «до сих пор японское оружие постоянно увеличивалось успехом»⁸⁸. Русская сторона не видела даже «нужды возвращаться к дискуссии по этому предмету» и только по просьбе японской стороны «не отказалась от дружественного обсуждения с целью уточнить мотивы разногласия, но не предвидела возможности достичь цели и согласовать столь различные мнения обеих сторон, если только не удастся найти новой почвы, совершенно благоприятной для дискуссии». Попытка найти такую почву была уже сделана в русском ответе на пункт 9, где было обращено внимание на возможность «возмещения некоторых японских издержек, произведенных в целях человечности». Тем не менее целых три часа японцы вели эти бесполезные прения, и утреннее заседание кончилось признанием, что достигнуть соглашения оказалось невозможным. «Японцы, по видимому, более всего желают денег, что видно из сегодняшних прений по 9-му пункту», — телеграфировал Витте в Петербург тотчас по окончании прений⁸⁹. Подчеркнутые нами слова в дальнейшем стали исходным положением в дипломатической игре с русской стороны.

Не менее разбойничий строй мыслей обнаружила японская делегация и в мотивировке своего пункта 10 — об уступке Японии всех интернированных в нейтральных портах русских военных судов. Япония сопровождала свое требование следующим рассуждением: «Конечно, это требование лишено опоры в точном прецеденте в истории международных отношений, но это обстоятельство объясняется тем, что не бывало случая, когда бы военные корабли, в результате боя, искали убежища в нейтральных портах и там были бы интернированы! И вслед за этим облыжным утверждением цитируемая нами японская нота переходила на разбойничий жаргон: «Если бы этим русским военным судам не было предоставлено продолжительного пристанища, вероятно, большинство из них в конце концов попало бы в руки японцев, и не представляется совместимым с принципом справедливости, чтобы судам, ищущим гостеприимства в нейтральных портах, было позволено уклониться от последствий сражения»⁹⁰. Когда же на заседании Витте разоблачил невежество японских авторов ноты в международном праве, Комура сослался на то, что суда эти разоружились в китайских портах не точно в 24-часовой срок, и, если разоружались, то «единственно под давлением японских морских сил». По Комуре выходило, что японские суда имели бесспорное право «входить в китайские порты и там расправляться с судами противника, и если они этого не делали в Шанхае, то «только

⁸⁷ Оранжевая книга, № 112, телеграмма Витте Ламсдорфу от 3 (16) августа.

⁸⁸ Протоколы Портсмутской конференции, стр. 55—56; приложение № 1, японская нота, представленная к заседанию.

⁸⁹ Там же, стр. 49—52; Оранжевая книга, № 117, телеграмма Витте Ламсдорфу от 4 (17) августа 1905 г. Подчеркнуто мною. — Б. Р.

⁹⁰ Протоколы Портсмутской конференции, стр. 59.

чтобы не нанести ущерба торговым интересам иностранных держав». На это Витте заметил спокойно, что он отродясь не слышал, чтобы международное право гласило, «что воюющая эскадра имеет право войти в нейтральный порт и там совершать военные акты над своим противником»⁹¹.

Дискуссия по пункту 10 продлилась два часа, и если бы не Витте, предложивший (чтобы не обострять вопроса) прекратить обсуждение и занести разногласие в протокол, японцы готовы были тянуть ее и далее⁹².

Только к пяти часам дня добрались до пункта 11 — об ограничении морских сил — и, проговорив полтора часа, ни к чему не пришли. Витте предложил японцам представить на следующий день новую редакцию этого пункта. Витте, как известно, соглашался только на то, чтобы, не занося в договор никакого обязательства, русская делегация сделала специальное заявление, что Россия в близком будущем не предполагает «содержать в тихоокеанских водах значительных морских сил». Японцы же хотели точного обозначения как срока, так и количества сил. Витте прибег здесь к обычному своему приему и указал, что «очень трудно уточнить это слово (значительные силы. — Б. Р.), ибо то, что почитается значительным в одну эпоху, не является таковым в другую, да к тому же слова мало имеют значения, когда обе стороны искренне воодушевлены желанием поддерживать добрые доверчивые отношения».

Поскольку оставалось только кончить обсуждение пункта 11 и рассмотреть пункт 12, решено было «дать два дня для окончания составления протоколов и затем собраться в понедельник [т. е. 8(21) августа. — Б. Р.] для подписания и составления заключительного журнала»⁹³. Но как быть в понедельник, чтобы сохранить возможность возобновить переговоры, если понадобится? И что подсказать в Петербург, в качестве инструкций?

По первому вопросу у Витте было два варианта еще за несколько дней до этого: один — сделать предложение японцам собраться «через определенный промежуток времени» в Гааге или в Чифу, другой — предложить им обратиться к Рузвельту «с заявлением о предоставлении ему собрать снова конференцию, если по ходу событий он признает ее нужным»⁹⁴. Но оба эти обращения к японцам тогда же Ламсдорф нашел неосторожными и предложил возложить надежды на то, что Рузвельт сам, «поставленный (кем? — Б. Р.) своевременно в известность обо всем ходе дела, приложит старания... оставить двери открытыми»⁹⁵. А отсюда Витте сделал вывод, что «нам не следует возбуждать вопроса о возможности вторичной конференции»⁹⁶. Сейчас у Витте были «новые основания думать, что президент не примет на себя вновь по собственному почину инициативы в созвании нарушенной конференции», а между тем ему казалось, «что в будущем, при неблагоприятном стечении обстоятельств, для нас будет существенно важно, чтобы вторичная конференция могла собраться без нашего заявления или попыток с нашей стороны»⁹⁷.

⁹¹ Протоколы Портсмутской конференции, стр. 53.

⁹² «Былое», 1918, № 2, стр. 141.

⁹³ Протоколы Портсмутской конференции, стр. 52—55; Оранжевая книга, № 120, телеграмма Витте Ламсдорфу от 4 (17) августа 1905 г.

⁹⁴ Оранжевая книга, № 95, телеграмма Витте Ламсдорфу от 1 (14) августа 1905 г.

⁹⁵ Там же, № 97, телеграмма Ламсдорфа Витте от 2 (15) августа 1905 г.

⁹⁶ Там же, № 98, телеграмма Витте Ламсдорфу от 2 (15) августа 1905 г.

⁹⁷ Там же, телеграмма Витте Ламсдорфу от 4 (17) августа 1905 г.

Но вместо «определенных указаний» Ламсдорф ответил одновременно на ссылку на свое мнение о неосторожности совместных демаршей в этом деле с японцами и советом, чтобы «уполномоченные обеих сторон» при прощании с Рузвельтом заявили ему «даже письменно» о готовности вновь собраться, если он «со временем возьмет на себя почин в этом деле»⁹⁸.

По второму вопросу в этот же вечер 4 (17) августа Витте отправил пространную телеграмму-резюме о создавшемся положении, конечный смысл которой сводился к неизбежности уступки по 5-му, сахалинскому, пункту. На этой телеграмме Николай надписал: «Сказано было — ни пяди земли, ни рубля уплаты военных издержек, на этом я буду стоять до конца», а Ламсдорф тотчас же передал эти строки Витте по телеграфу⁹⁹.

В пятницу 5 (18) августа на седьмом официальном заседании конференции Комура начал с сообщения, что он затруднился подыскать такую формулировку пункта 11, которая удовлетворила бы обе стороны, и сделал следующее заявление: «Японские уполномоченные будут готовы взять обратно условия, касающиеся ограничения морских сил и уступки интернированных судов, если русские уполномоченные расположены рассмотреть в примирительном духе вопросы об уступке Сахалина и возмещении военных издержек»¹⁰⁰.

Затем Комура «молча» передал Витте (через стол) какой-то документ. Прочтя бумагу, Витте сказал: «Я хочу сказать несколько слов барону Комура и прошу вас, господа секретари, удалиться». Это секретное совещание уполномоченных продолжалось не менее часа, и Витте вышел из совещательной комнаты, имея по наблюдению Коростовца, «довольный вид»¹⁰¹. Что в точности произошло на этом секретном совещании, об этом Витте тут же телеграфировал Ламсдорфу: Япония «откажется от пунктов 10 и 11», «по пункту 9 Япония откажется от требования возмещения ей расходов на военные издержки с возмещением ей расходов за военнопленных», но все это — «только при условии, чтобы вопрос по пункту 5, о Сахалине, был решен следующим образом: северная часть Сахалина по 50-й градус северной широты останется в нашем владении, а южная — во владении Японии. Япония гарантирует полную свободу плавания по Лаперузову проливу, а мы — по Татарскому, но Японии за отдачу во владение нам северной части Сахалина должно быть уплачено тысяча двести миллионов иен»¹⁰². Это была не просто телеграмма, а документ: текст телеграммы «во избежание недоразумений» был показан Комуре, хотя последний предупредил, что «сам не уполномочен на сделанное им предложение и одновременно телеграфирует в Токио»¹⁰³.

После обычного перерыва заседания оно возобновилось опять только между уполномоченными, но длилось недолго; затем позвали секретарей и в официальном заседании провели согласование пункта 12 в русской

⁹⁸ Там же, № 122, телеграмма Ламсдорфа Витте от 5 (18) августа 1905 г.

⁹⁹ Там же, № 123, телеграмма Витте Ламсдорфу от 4 (17) августа 1905 г. и № 124, телеграмма Ламсдорфа Витте от 6 (19) августа 1905 г. Этот окрик царя Витте получил уже после того, как в пятницу 5 (18) августа состоялось заседание уполномоченных.

¹⁰⁰ Протоколы Портсмутской конференции, стр. 60—62.

¹⁰¹ «Былое», 1918, № 2, стр. 142.

¹⁰² Оранжевая книга, № 128, телеграмма Витте Ламсдорфу от 5 (18) августа 1905 г.

¹⁰³ Там же, № 129, телеграмма Витте Ламсдорфу от 5 (18) августа 1905 г., посланная после окончания всего заседания.

редакции (без распространения права рыбной ловли на реки и лиманы, как предлагала японская сторона) ¹⁰⁴.

К концу дня Витте подвел итоги: так как от пунктов 9, 10 и 11 Япония готова отказаться, при условии согласия России принять ее предложение по пункту 5, «то, следовательно, все переговоры свелите ныне к этому пункту 5. Но предложение японцев по пункту 5 в сущности содержит в себе в скрытом виде не только решение вопроса о Сахалине, но и возмещение расходов войны, т. е. по пункту 9». Как видно, Витте во время разговора с Комурой уже попробовал заикнуться о том, чтобы «отдать Японии весь Сахалин, но ничего не платить» («что было бы удобнее», по его мнению), но оказалось, «на это японцы не согласны, так как им нужны деньги». Сообщая эти итоги Ламсдорфу, Витте высказался против уплаты «суммы, указанной японцами», так как это было бы «равносильно уплате военных расходов», и просил указаний — ко вторнику, 9(22) августа, когда было назначено подписание протоколов ¹⁰⁵.

Наступило утро 6(19) августа. В Портсмуте Витте подали короткую телеграмму Ламсдорфа с передачей царской резолюции о пяди земли и рубле денег. В тот же день Ламсдорф прислал в Петергоф Николаю все новые телеграммы Витте, «свидетельствующие о готовности японцев отказаться почти от всех своих требований». В глазах Ламсдорфа создавалась явно новая ситуация, требовавшая «самого тщательного обсуждения», и он испрашивал у царя разрешения запросить заключения четырех участников (вел. кн. Николая Николаевича и министров военного, морского и финансов) в составлении инструкции Витте. Но первым высказал свое заключение сам Николай, написав на записке Ламсдорфа: «В сущности японцы перетасовывают свои требования: отдача половины Сахалина и уплата такой огромной суммы за северную часть — нисколько не меняют моего основного взгляда — ни пяди земли, ни рубля контрибуции или возмещения военных издержек, что одно и то же. Значит, это неприемлемо». Однако же Николай разрешил сделать запрос указанным лицам ¹⁰⁶.

Витте готов был применить все средства, лишь бы заставить Николая пойти за собой. В этот же день, 6(19) августа, Витте телеграфировал Коковцову, надеясь на его «энергию и молчание»: «Настоящий момент Петербург должен решить вопрос войны или мира. Необходимо экстренное, но мудрое, твердое решение, ввиду громадной ответственности перед потомством. Усердно прошу вас употребить все усилия, чтобы решение последовало экстренно, но по совещании с нашими мудрейшими государственными деятелями, главным образом, графом Сольским и Победоносцевым» ¹⁰⁷.

Не зная, что произошло в Нэви-ярд 5(18) августа, конечно, ничего нельзя было понять в этой телеграмме. Но, когда 7(20) августа Коковцов получил от Ламсдорфа запрос с приложением копий всех трех телеграмм Витте от 5(18) числа, он оказался посвященным в этот дипломатический заговор. Более того, Коковцов даже дал «подробный отзыв, высказываясь против денежной уплаты и в пользу уступки южной поло-

¹⁰⁴ Протоколы Портсмутской конференции, стр. 61; Оранжевая книга, № 126, телеграмма Витте Ламсдорфу от 5(18) августа 1905 г.; «Былое», 1918, № 2, стр. 143.

¹⁰⁵ Оранжевая книга, № 129, телеграмма Витте Ламсдорфу от 5(18) августа 1905 г.

¹⁰⁶ Там же, № 131, записка Ламсдорфа Николаю от 6(19) августа 1905 г.; «Красный архив», 1924, т. 6, стр. 38, телеграмма Коковцова Витте от 8(21) августа.

¹⁰⁷ «Красный архив», 1924, т. 6, стр. 36—37, телеграмма Витте Коковцову от 6(19) августа 1905 г.

вины Сахалина, и привел резкие соображения о гибельности дальнейшего ведения войны для наших финансов», но усомнился, что его «старания склонить на совещание при участии Сольского и обер-прокурора св. синода» увенчаются успехом¹⁰⁸. Так Победоносцев и не понадобился. В эту минуту Витте, наверное, и не догадывался, что роль этого столпа реакции отлично может сыграть просто американский посол — из деловых людей моргановской клики¹⁰⁹.

4. ПЕРЕГОВОРЫ В НЭВИ-ЯРД. ВТОРАЯ ДЕКАДА — С «ПОМОЩЬЮ» РУЗВЕЛЬТА

[6 (19) АВГУСТА — 16 (29) АВГУСТА]

Поздно вечером в пятницу 5(18) августа, после свидания с Канеко, Рузвельт телеграфно обратился к Витте с просьбой, чтобы «немедленно к нему приехал бар. Розен или другое лицо», через которое он мог бы передать Витте «конфиденциальное сообщение». Розен выехал в Ойстер-бэй рано утром в субботу 6(19) августа¹¹⁰.

На другое утро Розен вернулся, и оказалось, что Рузвельт высказал ему следующую мысль: «Если бы из 4-х пунктов, по которым соглашение не могло состояться, выключены были три, а именно 10-й и 11-й посредством отказа от них японцев, и 5-й — посредством уступки японцам Сахалина (т. е. всего острова! — *Б. Р.*), который находится фактически во владении их и который, по его мнению, мы, не имея флота, не можем надеяться вернуть, то остался бы лишь пункт 9-й о возмещении военных издержек. Если бы тогда обе стороны могли притти к соглашению о передаче этого вопроса на предварительное заключение двух лиц, принадлежащих один к национальности, дружественной России, а другой — дружественной Японии, с тем, чтобы эти лица представили сообщая обоим сторонам совершенно, конечно, необязательное для сторон мотивированное заключение, то на такую процедуру неизбежно потребовалось бы не мало времени, в течение которого едва ли Япония решилась бы на продолжение войны из-за одного лишь вопроса о деньгах»¹¹¹.

Рузвельт оговорился, что он просит смотреть на эту мысль не как на предложение президента США, а как на мысль, «высказанную в частной беседе с послом в надежде оказать посильное содействие делу мира». Но это была дипломатическая сверхтонкость: практически это было прямое посредничество.

По смыслу того, что говорил Розену Рузвельт, Витте заключил, что Рузвельту еще неизвестно было в точности о сделанном Комурою предложении относительно пункта 5-го¹¹². Однако нет оснований не верить Комуре, который подчеркнул, что он сделал это предложение от себя лично, без ведома даже Токио. За неимением данных, нельзя

¹⁰⁸ Там же, стр. 37—38, телеграмма Коковцова Витте от 8 (21) августа 1905 г.

¹⁰⁹ Ф. Ландберг. 60 семейств Америки, М., 1948, стр. 100—101.

¹¹⁰ Оранжевая книга, № 141, срочная телеграмма Витте Ламсдорфу от 6 (19) августа 1905 г. Р. Розен в цитированных воспоминаниях, на стр. 269, уточняет: «Это было среди ночи, в 2 часа, 19 августа, что Перс разбудил меня, чтобы прочесть текст шифрованной телеграммы, полученной им из Ойстер-бэя, в которой президент приказывал ему просить меня приехать... немедленно».

¹¹¹ Оранжевая книга, № 142, телеграмма Витте Ламсдорфу от 7 (20) августа 1905 г. Кудашев, ездивший с Розеном, рассказывал Коростовцу, что в арбитры Рузвельт прочил французского президента Лубэ и Эдуарда VII («Былое», 1918, № 3, стр. 60).

¹¹² У Комуры — половина Сахалина, у Рузвельта — весь остров, у Комуры — точная сумма денег, у Рузвельта — сумма, определяемая третейским способом.

утверждать, что именно было предметом свидания Рузвельта с Канеко в Ойстер-бэй в ту самую пятницу, когда Комура сделал свое предложение в Нэви-ярд. Наиболее вероятным все же будет предположить, что Комура не решился бы делать свое предложение, по меньшей мере, не сообщив о нем через Канеко Рузвельту. Можно думать даже, что именно потому предложение самого Рузвельта отличалось от предложения Комуры, что Рузвельт «в точности» его знал: вызывать представителя русской делегации, которая еще никак не выразила своего отношения к предложенной Комурой комбинации, с тем, чтобы предложить ей в точности то же самое,— было бы нецелесообразно. Чтобы ловчее ввязаться в посредничество, необходимо было предложить нечто третье. Более того, скорее можно думать, что предложение Комуры было не только заранее сообщено Рузвельту, но было и обсуждено (через Канеко) с ним: Рузвельт 23 августа сообщил Штернбургу, что он «заставил» японцев отказаться от «двух самых неприемлемых пунктов, ими предложенных», т. е. 10 и 11-го, о которых сам Кацура в Токио признавался Макдональду, что они предназначены были только для того, чтобы унижить Россию¹¹³. Иными словами, и зачитанная Комурой в последнем заседании специальная нота об отказе Японии от этих двух одиозных пунктов при условии, если русские рассмотрят пункты 5 и 9 в примирительном духе, возможно, была внушена Рузвельтом. В таком случае отличие предложения, сделанного Рузвельтом Розену в Ойстер-бэй, от того, что было предъявлено в Портсмуте Комурой, объяснялось бы желанием не только отвести след от действительного центра, где разработан был компромисс (если, действительно, то было не Токио), но и попытаться передать Японии весь Сахалин, а заодно (подсказав Комуре вариант с половиной Сахалина) потопить в арбитражной процедуре японское требование полноценного возмещения военных расходов.

Но в чем Рузвельт, действительно, не покривил душой, это в том, что он «использовал буквально каждую унцию влияния, каким располагал, чтобы добиться, чего хотел»¹¹⁴, как он писал спустя два с лишним месяца Спринг Райсу. А хотел он, конечно, «хорошего» мира, хорошего, разумеется, прежде всего, для США. И договор еще не был подписан, как он писал Спринг Райсу, что мир вышел «хорош» для обоих полусоюзников — для Англии и США. В течение нескольких дней после 6(19) августа Рузвельт поднял и пустил в ход все силы, казавшиеся ему способными сломить дипломатическое упорство сторон¹¹⁵.

Как и при развязывании войны, сейчас началась дипломатическая перекличка шести столиц¹¹⁶. Ведущую роль в первой перекличке играл Лондон, под аккомпанемент Вашингтона, с трудом уловимый из-за скудости американской документации. Теперь ведущую роль играл Вашингтон при созерцательной по преимуществу позиции Лондона, знавшего, что и без его участия одного Рузвельта хватит на то, чтобы довести дело до конца. Впрочем, и здесь историк стоит перед не меньшей скудостью документации. Японской документацией мы не располагаем вовсе¹¹⁷.

¹¹³ Die Grosse Politik, 19/II, № 6325, телеграмма Бусше-Хадденхаузена, содержащая телеграмму Рузвельта Штернбургу от 21 августа, стр. 621; British documents, IV, № 96, телеграмма Макдональда Лэнсдоуну из Токио от 24 августа 1905 г., стр. 103.

¹¹⁴ St. Gwynn. The letters and friendships of sir Cecil Spring Rice, I, London, 1929, стр. 10.

¹¹⁵ Там же, стр. 486.

¹¹⁶ Ср. мои «Очерки дипломатической истории русско-японской войны», стр. 233 и сл.

¹¹⁷ Если не считать сенсационной утки, пущенной в оборот Исии в его «Дипломатических комментариях». М., 1941, стр. 52—54. Об этом — ниже.

Берлин и Париж, как можно заключить из опубликованной германской и французской документации, готовы были облегчить дипломатическую процедуру, согласуя свои действия с Вашингтоном: за истекшие месяцы 1905 г. Рузвельт приобрел непререкаемый авторитет в дальневосточном деле у правительств тех держав, которые поставили себя от него в зависимость по мароккскому делу.

Все в ту же пятницу 5(18) августа в Петергофе за завтраком по случаю дня рождения Франца-Иосифа Николай говорил австро-венгерскому послу, что он «перед своим народом и своей совестью не может взять на свою ответственность заплатить рубль военных издержек или уступить дюйм русской земли. Вопрос должен решиться в ближайшие дни. Поэтому война, может быть, будет продолжаться еще долгое время и прольется еще много крови». Царь говорил об этом совершенно спокойно, подчеркнул германский посол в Петербурге, передавая в Берлин это сообщение¹¹⁸.

6(19) августа царь подписал указ о Думе, и Вильгельм поспешил вместе с поздравлением по этому случаю телеграфировать развернутый совет передать решение вопроса о войне или мире прежде всего «великой думе», а вместе с тем переложить на нее и «ответственность за все последствия» и оградить себя от упрека в принесении в жертву тысяч людей, не спросив мнения страны¹¹⁹. Кайзер оказался плохим психологом: страшать Николая этой ответственностью был напрасный труд. И царь продолжал твердить о неприемлемости предложенного компромисса и тогда, когда он был выражен в рузвельтовской редакции: «Все равно эта мера ни к чему не приведет. Японии до зареза нужны деньги, мы их ей не дадим, и в этом мы никогда не сойдемся. Дальше тянуть это неопределенное положение бесцельно»¹²⁰. Еще ничего не зная, как встретил Николай «мысль» Рузвельта, Витте старался поддержать ее тем соображением, что «если мы хотим, чтобы вина в безрезультатности конференции пала исключительно на Японию, то нельзя отвергать и уступку Сахалина, и вознаграждение военных расходов», а также, «если в наши виды входит, чтобы в будущем Америка, а за ней вся Европа, стала на нашу сторону, то необходимо принять во внимание мнение Рузвельта, давая окончательный ответ»¹²¹. Но подсказка Витте Ламсдорфу относительно желательности уступки Сахалина скрестилась в пути с телеграммой к нему Ламсдорфа еще от 7(20) августа о неприемлемости японских предложений; а эта телеграмма Ламсдорфа совпала с приездом к Витте Перса, сообщившего, что 9(22) августа в Портсмут придет курьер «с каким-то сообщением от президента»¹²².

Когда 9(22) августа Витте в сопровождении Розена и одного из

¹¹⁸ Die Grosse Politik, 19/II, № 6199, телеграмма Пурталеса Бюлову от 19 августа 1905 г.

¹¹⁹ Там же, № 6200, телеграмма Бюлова от 7(20) августа 1905 г. с текстом телеграммы Вильгельма Николаю от того же числа; Переписка Вильгельма II с Николаем II, М.—Пгр, [1923], стр. 110—111. Вильгельм страдал: «Решения, которые предстоит принять, так страшно серьезны, и последствия их будут переживаться так долго, что ни один смертный властитель не может принять ответственность за них на себя одного без помощи своего народа».

¹²⁰ Оранжевая книга, № 142, помета Николая от 8(21) августа 1905 г. на телеграмме Витте от 7-го (20-го) числа с изложением «мысли» Рузвельта, предложенной Розену.

¹²¹ Там же, № 143, телеграмма Витте Ламсдорфу от 8(21) августа 1905 г.

¹²² Оранжевая книга № 132, телеграмма Ламсдорфа от 7(20) августа 1905 г.; «Былое», № 3, стр. 62; телеграмма эта доставлена была в гостиницу днем 2(21) августа, до обеда; Оранжевая книга, № 144, телеграмма Витте Ламсдорфу от 8(21) августа 1905 г. Перс — помощник гос. секретаря США, прикомандированный к делегациям

секретарей приехал в Нэви-ярд, курьер вручил ему письмо Рузвельта, заключавшее в себе текст послания на имя царя, которое Витте должен был передать в Петербург телеграфом. Но поскольку этот текст был включен в письмо к Витте, последнее требовало немедленного ответа самого Витте, не дожидаясь ответа царя. Послание к царю было очень пространное и заключало предложение, соединявшее оба, — и японский, и американский, — проекта, а именно: «Японцы возвратят России северную половину Сахалина, в то время как Россия, конечно, уплатит адекватную сумму за это возвращение и за русских пленных. Если это соглашение может быть достигнуто, вопрос о точной сумме может быть предметом переговоров». Рузвельт подчеркивал (в послании царю) свое «удивление и удовольствие» по поводу готовности японцев возвратить России северную часть Сахалина и утверждал (в письме к Витте), что у него «и в мыслях не было, что японцы согласятся возвратить половину Сахалина», — что должно было служить рекомендательным аргументом в пользу нового предложения. В письме же к Витте Рузвельт совершенно удивительно пересказал суть нового предложения: «Если бы я был русским государственным деятелем, я бы с величайшей радостью заключил мир на условиях этого возвращения и уплаты некоторой существенной суммы, как эквивалента за территорию, таким путем возвращенную, и за возвращение (surrender) русских пленных»¹²³. Поскольку здесь речь шла о том, что должно быть оплачено не содержание, а «возвращение» военнопленных, мы имеем тут выражение достопримечательного, беспрецедентного в международноправовой теории и практике взгляда на военнопленных, как на обычную военную добычу победителя, — взгляда, систематически проведенного во всей этой рузвельтовской документации.

Это послание, врученное в Нэви-ярд русским уполномоченным 9(22) августа, могло быть доложено в Петергофе Николаю только, самое раннее, 10(23-го) числа. Возможно, что именно из этого расчета исходил Рузвельт, когда копию послания поторопился направить через германского поверенного в делах в Берлин 8(21) августа — на сутки раньше, чем оно было направлено через Портсмут в Петербург¹²⁴. В строках, обращенных к Штернбургу и сопровождавших эту копию, Рузвельт выражал уверенность, что если бы кайзер посоветовал царю заключить мир на предлагаемой основе, «он оказал бы великую услугу всему миру» и, действительно, гарантировал себя от опасностей, которые он, кайзер, предвидит от вмешательства в мирные переговоры Англии и Франции¹²⁵. От японцев Рузвельт знал цифру русских пленных (и твердо назвал ее кайзеру), за которых пришлось бы платить (100 000 человек), и от японцев же, конечно, почерпнул «очень твердую» уверенность, что «Япония в собственных интересах заключит мир при условии только небольшой (small) суммы денег». Он уже заставил японцев, пояснял Рузвельт, отказаться от двух самых одиозных требований, не считая «разоружения Владивостока», даже и не включенного в

¹²³ В послании царю это было выражено так: «...Заплатить существенную сумму за возвращение (surrender) территории японцами и за возвращение (return) русских пленных».

¹²⁴ Die Grosse Politik, 19/II, № 6325, телеграмма Бусше-Хадденхаузена из Ленекса без даты (полученная в Берлине 23 августа), содержащая телеграмму Рузвельта на имя Штернбурга, находившегося тогда в Берлине; эта последняя телеграмма датирована 21-м числом.

¹²⁵ Об этих опасениях писал Бюлов Штернбургу 17 августа (там же, № 6323, письмо Бюлова Штернбургу с просьбой телеграфировать Рузвельту в Вашингтон).

число условий, и это дает ему основание надеяться на умеренность японцев и сейчас, хотя он и не может быть уверенным в этом.

Все это стало известно в Берлине и было доложено Вильгельму одновременно с телеграфным ответом Николая на вышеприведенную поздравительную (с булыгинской Думой) телеграмму Вильгельма, заключавшую совет — передать вопрос о мире на решение Думы. Николай теперь [10 (23) августа] отводил совет Вильгельма относительно Думы и брал всю ответственность за свое прежнее решение на себя: «Меня... ничто не заставит согласиться на эти два требования» (уступки территории и вознаграждения)¹²⁶. Это приостановило вмешательство Вильгельма, о котором просил Рузвельт. Трусливый кайзер оказался между двух огней, и Рузвельту из Берлина было отвечено о получении Вильгельмом этой царской телеграммы с оговоркой, что, «несмотря на решительный тон царского заявления император (т. е. кайзер.— Б. Р.) сделает все возможное, чтобы поддержать обращение президента», причем «многое будет зависеть не только от формы, но и от суммы денежного требования, выдвигаемого Японией»¹²⁷.

Тем временем до Петербурга дошли телеграмма Витте от 9 (22) августа с американским текстом президентского послания, полученным им в Нэви-ярд в тот день, и телеграмма Рузвельта, которую он одновременно направил в Петербург Мейеру с поручением повидать царя, чтобы немедленно лично и представить ему точно такой же текст послания, который был передан уже через Витте¹²⁸. Но еще до получения этих двух телеграмм в Петергофе было уже решено «прекратить дальнейшие переговоры с японскими делегатами, если последние не будут уполномочены отказаться от тех чрезмерных притязаний, которые ими ныне предъявляют», и 9 (22) августа в Портсмут об этом были посланы четыре телеграммы Ламсдорфа, одна вслед за другой, с указанием желательных подробностей этой процедуры¹²⁹. Еще до получения этого категорического указания, Витте, не покидая Нэви-ярд, «наскоро» ответил Рузвельту письмом, сообщая, что, по его сведениям, царь не согласился на японские (не рузвельтовские) предложения, и, возвращаясь к языку своей первой беседы с Рузвельтом, заявил, что они «не могут быть приняты самосознанием России», так как она «не может признать себя побежденной»¹³⁰. Ответив Рузвельту, Витте отправил в Петербург президентское послание царю, а затем получил все четыре телеграммы Ламсдорфа подряд, но не считал возможным исполнить приказ о разрыве переговоров до получения президентом ответа царя на его личное послание, — «чтобы не обидеть президента»¹³¹. Одновременно с этой телеграммой в Петербург пришла и телеграмма Рузвельта на имя Мейера, который успел уже обратиться с просьбой о личной аудиенции в Петергофе, и царь с Ламсдорфом

¹²⁶ Эта телеграмма Николая Вильгельму опубликована дважды: Die Grosse Politik, 19/II, № 6201, с датой, и «Переписка Вильгельма II с Николаем II», стр. 111, без даты.

¹²⁷ Там же, № 6326, телеграмма Бюлова в Вашингтон Бусше-Хадденхаузену от 24 августа 1905 г.

¹²⁸ Оранжевая книга, № 145, телеграмма Витте Ламсдорфу от 9 (22) августа 1905 г., и № 156, телеграмма президента США на имя Мейера от 9 (22) августа — обе почти тождественного текста, с ничтожными редакционными различиями.

¹²⁹ Там же, № 147—150; в телеграмме № 2 предлагалось при прощании с Рузвельтом дать ему понять, что «Россия при иных, более благоприятных обстоятельствах была бы готова возобновить переговоры о мире с Японией».

¹³⁰ Там же, № 146, телеграмма Витте Ламсдорфу от 9 (22) августа 1905 г., с приведением текста этого письма.

¹³¹ Там же, № 152, телеграмма Витте Ламсдорфу от 9 (22) августа 1905 г.

решили дать ответ Рузвельту через американского посла¹³². В Портсмуте же накануне 9-го (22-го) числа было решено «в ожидании инструкций» отложить заседание конференции на 10(23) августа под предлогом неготовности протоколов¹³³. Однако инструкций к заседанию получено не было, потому что аудиенция Мейеру была назначена только на четыре часа этого дня, и на утреннем частном совещании послов, видимо, было решено собраться только на дневное официальное заседание, где и совершить официальную передачу японской стороной ее последних предложений — уже оглашенных, но не попавших еще в протокол.

Тем временем Рузвельт решил повлиять на царя и через французское правительство. Во французское посольство в Вашингтоне тоже была передана копия президентского послания к царю с просьбой, аналогичной той, которая была адресована кайзеру, в надежде, что французское правительство «постарается убедить царя рассмотреть создавшееся положение» — с точки зрения опасности для России «подвергнуться некоторой ужасной катастрофе»¹³⁴. Между тем за день до этого русский поверенный в делах Неклюдов обратился к политическому директору французского министерства иностранных дел с сообщением, что, по всей вероятности, конференция в Портсмуте кончится «на этих днях», не согласив спорных четырех пунктов; Неклюдов просил присоветовать какую-нибудь «формулу, которая позволила бы конференции разъехаться без разрыва переговоров»; «не подумает ли об этом Рувье?» Вернувшись в Париж из-за города поздно вечером 23 августа и не успев познакомиться с посланием Рузвельта, Рувье занялся составлением такой формулы и отправил ее Бомпару в Петербург по телеграфу в 9 часов вечера с тем, чтобы 11(24) августа она была у Ламсдорфа, а тот бы «поспешил, чтобы не упустить благоприятной минуты»¹³⁵. Только после этого Рувье познакомился с посланием Рузвельта к царю, и в течение ночи 23-го и раннего утра 24 августа успел отправить Бомпару в Петербург три телеграммы, лишь бы предотвратить исполнение по уже отправленным в этот вечер двум¹³⁶. Теперь Рувье спешил поручить передать Ламсдорфу, что предложение Рузвельта «содержит все элементы для соглашения или, по крайней мере, для непосредственных переговоров на предложенной базе». Этот его совет оказался, однако, запоздалым.

Само собою разумеется, не оставил без внимания Рузвельт и японскую сторону. За два дня — 22 и 23 августа — он успел обратиться с двумя письмами к Канеко. Первое предназначалось для токийского правительства, и Рузвельт просил передать его в Токио по телеграфу. Совет

¹³² Оранжевая книга, № 152, резолюция Николая на упомянутой телеграмме Витте, датированная 10 (23) числом.

¹³³ Там же, № 154, телеграмма Витте Ламсдорфу от 9 (22) августа 1905 г.

¹³⁴ Documents diplomatiques, 2/VII, № 370, телеграмма Депорт де ла Фосса из Ньюпорта 22 августа 1905 г. с текстом послания (доставлена в Париже 23 августа в 3 часа дня).

¹³⁵ Там же, № 373, телеграммы Рувье Бомпару от 23 августа 1905 г.: одна, отправленная в 8 ч. 30 м. вечера о Неклюдове, другая — в 9 ч. вечера о Ламсдорфе. Приводим текст формулы: «Принимая во внимание, что по большинству пунктов, предложенных конференции, счастливым образом установилось согласие, и что трудности, подлежащие разрешению, могут быть устранены или с помощью более глубокого изучения, или посредством обмена мнений с дружественными державами, — соглашаются отложить конференцию до тех пор, когда они смогут лично доложить своим правительствам все, относящееся к последним оставшимся в разногласии пунктам, и выражают пожелание, чтобы тем временем в ожидании результата этого изучения главнокомандующие обеими армиями были уполномочены заключить краткосрочное перемирие».

¹³⁶ Там же, № 374, телеграммы Рувье Бомпару от 23 августа в 11 часов вечера; № 470, 471, 471 бис, то же от 24 августа в 2 часа ночи и в 4 часа утра.

Рузвельта сводился к тому, чтобы Япония отказалась от денежного вознаграждения. Он предсказывал, что «готовность вернуть северную половину Сахалина имеет шансы доставить некоторое количество денег в дополнение к тем, которые, действительно, следуют за русских пленных», но он не думал, «чтобы что-нибудь подобное сумме, заявленной Японией, как ей желательная, т. е. 600 миллионов (долларов, из расчета 2 иены = 1 доллару.— *Б. Р.*), нужно было бы требовать или возможно было бы получить». «Я думаю,— продолжал Рузвельт,— что Россия откажется платить и что общее мнение цивилизованного мира поддержит ее в отказе платить большую запрошенную сумму или что-нибудь подобное такой сумме». А если Япония будет воевать дальше, то после еще одного года войны, даже если Японии «удастся завладеть восточной Сибирью», ей «придется израсходовать 4 или 5 сотен миллионов долларов сверх того, что уже израсходовано», и «пролить неимоверное количество крови». Уж тогда-то во всяком случае «Россия не будет в состоянии дать вам хоть сколько-нибудь денег»¹³⁷. Второе письмо к Канеко (от 23 августа) как нельзя лучше раскрывает истинные виды Рузвельта на Японию: «Помните,— писал Рузвельт,— я не говорю, что не нужно продолжать войну, пока еще не сдался Сахалин, что я считал бы правильным, но я говорю, что не следует продолжать войну с целью добиться большой суммы денег от России, что я считал бы неправильным»¹³⁸. Таким образом, финансово-зависимая от США Япония с хорошими подступами к русским владениям на Тихом океане — вот идеальный оборот, какой хотелось бы Рузвельту придать ходу событий сейчас, пока ему казалось, что он мог еще продиктовать желательный ему образ действий обеим сторонам. Передать Японии весь Сахалин и полностью закупорить России выход в океан — таково было последнее слово «миротворческой» программы Рузвельта в последнюю минуту выдохшейся войны.

Меньше всего, конечно, мог рассчитывать Рузвельт на содействие завершению портсмутских переговоров с английской стороны. И английского представителя Дюрэнда он поставил в курс дела позднее других, только 23 августа, когда Мейер уже сломил сопротивление царя в Петербурге. Письмо Рузвельта к Дюрэнду аналогичного послания содержания пошло почтой при сопроводительном письме Дюрэнда от 25 августа и в Лондоне 4 сентября было получено, когда все давно было решено¹³⁹. По телеграфу 24 августа Дюрэндом было передано краткое содержание рузвельтовского письма и заключительные слова этого сообщения (что «было бы величайшим актом дружбы побудить Японию в ее собственных интересах не становиться на путь, который может причинить ей большой вред и не может принести ей действительной выгоды») вызвали настороженное замечание Лэнсдоуна: «Это нам внушают, что мы должны оказать давление на японцев, чтобы они сделали дальнейшие уступки,— сделай мы так, наш совет не был бы принят и был бы отвергнут»¹⁴⁰. Это и было то, что Рузвельт сказал Мельвилю Стоон, представителю Ассошиэтед пресс в Портсмуте, когда все было решено: «Англия не шевельнула и пальцем для мира»¹⁴¹.

¹³⁷ T. Dennett. Указ. соч., стр. 268, приложение Д, письмо Рузвельта к Канеко из Ойстер-бэй, от 22 августа 1905 г.

¹³⁸ Там же, стр. 274, приложение Н, письмо Рузвельта к Канеко от 23 августа.

¹³⁹ British documents, IV, стр. 104, прим.

¹⁴⁰ Там же, IV, стр. 105, № 97.

¹⁴¹ Die Grosse Politik, 19/II, № 6331, телеграмма Бусше-Хадденхаузена от 29 августа 1905 г.

Восьмое официальное заседание конференции в Нэви-ярд открылось 10(23) августа в 2 ч. 30 м. дня, когда попрежнему Витте не имел никаких сообщений о действии, произведенном посланием президента на царя. Но у него были законсервированные им четыре телеграммы Ламсдорфа от 9(22) августа с указаниями на случай разрыва переговоров, о котором распорядился Николай, не зная еще об отправке президентского послания. В четвертой телеграмме Ламсдорф проявил заботу о том, чтобы переговоры были прерваны «вследствие несговорчивости японцев» и чтобы в протоколах было «постановлено, что переговоры прерваны из-за вопроса о контрибуции», «и что посему вовсе не приступали к окончательному обсуждению пункта, касающегося Сахалина, оставленного на самый конец»¹⁴². Но как это так можно постановить (не совместно с японцами!) то, чего хотелось Ламсдорфу, т. е. занести в протоколы то, чего не было, когда протоколы составляются совместными усилиями бдительных секретарей обеих сторон, — на это у Ламсдорфа не было сделано и намека. А главное, в протоколе № 4 от 2(15) августа уже была занесена дискуссия о 5-м, сахалинском, пункте и было записано, что соглашения по нему не достигнуто.

И вот Витте перед самым началом заседания (как записал в своем дневнике Коростовец) обратился к Розену, заметив: «Я хочу спросить японцев одну вещь, посмотрим, удастся ли мне или нет. Хорошо было бы, если бы удалось, тогда мы поставим их в трудное положение»¹⁴³. И не говоря, в чем дело, присел на глазах у всех и составил телеграмму Ламсдорфу (в ответ на четвертую телеграмму последнего от 9/22 августа) о том, что «если бы мы отказались от уплаты военного вознаграждения», то «мы останемся правы в глазах всеобщего общественного мнения» только в том случае, если «приняли бы во внимание фактическое положение дела относительно Сахалина», причем отказ Японии от этой комбинации представляется ему, Витте, «почти несомненным». «Иначе я опасаясь, — кончал Витте, — что результатом конференции будет оправдание несговорчивости Японии»¹⁴⁴. Дело приняло такой вид, будто Витте заранее предупреждал Ламсдорфа, что ради завоевания «всеобщего общественного мнения» он ставит под риск половину Сахалина, если вдруг японцы согласятся получить ее, отказавшись от денег. Но самая сцена с публичным написанием телеграммы была просто игрой — сообщать свой замысел Ламсдорфу за считанные минуты до того, как его осуществить, не имело никакого практического смысла. Но в этом был своего рода «шик», что ровно через час после цитированной телеграммы из Портсмута пошла вторая телеграмма о том, что на состоявшемся только что заседании, по подписании предыдущих журналов, принято решение в следующий раз собраться в субботу 13(26) августа, а затем он, Витте, «начал разговор по пунктам разногласия и достиг того, что из протоколов будет ясно, что деньги составляют главную причину отклонения мира»¹⁴⁵. В ближайшие дни это сообщение облетело прессу, и 15(28) августа Витте торжествующе мог сообщить в Петербург о том, что «корреспонденты газет передают жалобы японцев на то», что он, Витте, «их подвел, сведя все дело к деньгам и заставив самым обстоятельным

¹⁴² Оранжевая книга, № 150, четвертая телеграмма Ламсдорфа от 9(22) августа 1905 г.

¹⁴³ «Былое», 1918, № 3, стр. 65.

¹⁴⁴ Оранжевая книга, № 159, телеграмма Витте Ламсдорфу от 10(23) августа 1905 г.

¹⁴⁵ Оранжевая книга, № 160, телеграмма Витте Ламсдорфу от 10(23) августа 1905 г.

образом объяснить в протоколе, что главное условие — деньги», что «это возбудило против них общественное мнение и поставило их в затруднительное положение в Токио»¹⁴⁶.

Это было бы, действительно, эффектно — в течение какого-нибудь часа за зеленым столом загнать противника в угол, заставив полностью раскрыть свои карты, а затем через какие-нибудь сутки иметь возможность доложить по начальству о публичном признании противником своего поражения! Принять эту версию только по показаниям одного Витте тем труднее, что дипломатия Витте — Ламсдорфа раз уже показала свою близорукость и доверчивую наивность в 1901—1902 гг., когда была обедена вокруг пальца японской стороной при заключении англо-японского союзного договора¹⁴⁷. Тогда они, Витте с Ламсдорфом, попались на удочку, на крючке которой японцы укрепили наживку в виде поездки Ито в Париж (якобы за французским займом, с целью, подразумевалось, пойти на соглашение с Россией) и в Петербург (якобы за соглашением с Россией, — между тем как в Лондоне в глубокой тайне шли переговоры между Хаяси и Лэнсдоуном, кончившиеся подписанием союзного договора). Теперь, в Портсмуте, их ловили на то, что-де Японии (как Ламсдорф внушил Николаю) «до зарезу нужны деньги» и что на этом японцев можно подловить так, чтобы приковать их перед всем светом к позорному столбу. На этом и сосредоточилась дипломатия Витте — Ламсдорфа до такой степени, что ни тому, ни другому, повидимому, ни на секунду не пришло в голову задуматься над тем, с какой целью Комура дал себя ясно изобразить в официальном протоколе (составленном руками не только русских, но и японских секретарей) именно так, как того хотелось русской стороне, и с какой целью японские дипломаты льют слезы в жилеты американских газетных корреспондентов и выбалтывают им содержание прений на заседании 10(23) августа, выставляя на показ свое дипломатическое поражение?

Если судить по официальному протоколу заседания конференции 10(23) августа или по краткой записи Коростовца, — все представляется разыгранным как по нотам. По подписании протоколов предыдущих заседаний, Витте заметил, что «осталось 4 пункта, по которым не достигнуто соглашения», и высказал мысль, «что, может быть, было бы полезно внимательно исследовать причины этого расхождения, чтобы попытаться устранить его, насколько возможно». Комура разделил это мнение и передал Витте ноту с «планом взаимных уступок», предложенных Японией. Нота содержала уже известные нам 4 пункта — о разделении Сахалина по 50-й параллели с передачей одной половины России, а другой — Японии, об обоюдном обязательстве не предпринимать мер, препятствующих свободному плаванию в Лаперузовом и Татарском проливах, об уплате Россией за северную половину 1 200 000 000 иен и о взятии, в таком случае, обратно японцами требования военной контрибуции. Витте спросил, «считают ли возможным японские уполномоченные какое-нибудь соглашение (arrangement) или комбинацию, исключающие всякую мысль об уплате военных издержек, под какой бы то ни было формой, исключая расходов по содержанию военнопленных». Комура ответил, что в этом плане предусмотрено разрешение обоих вопросов — о Сахалине и о военных издержках, которые русская сторона не находит возможным платить под именем возмещения расходов войны. Комура просил русскую сторону «иметь в виду, что взятие обратно требования Японии о возмещении

¹⁴⁶ Там же, № 179, телеграмма Витте Ламсдорфу от 15 (28) августа 1905 г.

¹⁴⁷ Ср. мон «Очерки дипломатической истории русско-японской войны», стр. 136 и сл.

военных расходов невозможно иначе, как под условием принятия этого компромисса, как указано в ноте».

Тут Витте, прежде чем обратиться к вопросу по существу, «выразил желание узнать точку зрения уполномоченных Японии на другой пункт, о котором он хотел бы им сообщить, как о совершенно частном и личном предположении, которое можно бы формулировать так: предположим, что Россия согласилась уступить Японии весь остров Сахалин,— возможно ли было бы для Японии, при этом условии, отказаться от всякой мысли о денежном возмещении?» Как видим, Витте ставил на карту уже не половину Сахалина, а весь остров,— и это была секунда, когда ответ Комура мог бы расстроить весь замысел Витте. Комура ответил уверткой: «Если бы подобное соглашение было возможно, решение вопросов, о которых идет речь, было бы сравнительно легким, но японскому правительству было бы трудно обойтись без требования возмещения военных издержек, как и согласиться на возвращение (России.— *Б. Р.*) всего Сахалина». Весь этот план, по словам Комуры, был приспособлен к «в з а и м н ы м уступкам обеих сторон» (подчеркнуто мною.— *Б. Р.*).

Витте тогда возобновил игру, приоткрыв свои карты заявлением, что «денежный вопрос» именно и делает усилия японцев бесплодными и что ему поэтому хотелось бы «удостовериться, действительно ли не существует способа урегулировать спорные вопросы без всякого возмещения расходов» и «нет ли у японских уполномоченных какого другого проекта». Комура ответил на второй вопрос отрицательно: «предложенный план очень справедлив и единственно пригоден для устранения всех трудностей»; впрочем, если бы русские уполномоченные могли подсказать какой-либо другой план, японские уполномоченные охотно бы его рассмотрели». Витте открыто отклонил этот вопрос: в настоящих обстоятельствах было бы очень трудно предложить какой-нибудь проект, необходимо «предварительно изучить элементы какой-нибудь возможной комбинации и именно в этом цель настоящего обмена мнений». Витте рассуждал: «Россия могла бы принять предложение Японии или не принять; если она его примет, она заплатит условленную сумму и сохранит северную половину Сахалина; если не примет,— она, наоборот, сохранит деньги и откажется от обладания островом». «Предполагая, что Россия предпочтет эту последнюю альтернативу», и, совершенно определенно уточняя, что это «не формальное предложение России, а только логический вывод из самого японского проекта», Витте пожелал «узнать, как отнеслось бы в таком случае к подобной комбинации японское правительство».

Комура, видимо, усмотрел здесь ловушку со стороны Витте, который логически связывал свое контрпредложение с японским предложением прямою связью и поддался искушению разорвать эту связь: он, Комура, «хотел бы дать понять, что японский план составлялся с мыслью не отказываться от требования возмещения военных издержек, и, следовательно, заключение г. Витте, хотя оно и было логическим выводом из японского плана со стороны формы, было совершенно противоположно этому плану по существу». Так, Комура из огня собственным движением попал в полымя, которое тотчас же и раздул Витте, спросив: «Можно ли заключить из всего, что произошло, что всякая комбинация, совершенно исключаящая возмещение военных расходов, была бы неприемлема для Японии»,— на что Комура ответил утвердительно, да еще и пояснил, что «всякая комбинация иная, чем комбинация под предположенной формой, была бы неприемлемой». А затем, как будто спохватившись, стал напирать на то, что японцы имели в виду «вещь гораздо более важную», а именно,

что «взаимные уступки», составляющие «существенную идею» их плана, были бы «последствием самопроизвольного действия каждой из сторон, а не принуждения». Комура закончил выражением «горячей надежды», что он сможет узнать, приемлем или неприемлем этот компромиссный план для русского правительства.

Закljučая дискуссию отрицательным ответом на этот вопрос, что «нет никакого вероятия, чтобы этот план был принят Россией», Витте подвел итог: что японский проект «под новой формой» содержит требование возмещения военных издержек и что «всякий иной проект без этого условия был бы неприемлем для Японии»¹⁴⁸.

Мы намеренно остановились так подробно на поднятой Витте дискуссии, чтобы показать, что нельзя было лучше объяснить суть японского «компромисса», чем это было сделано в заседании Комуры и затем сформулировано в протоколе опытными руками не одних русских, но и японских секретарей. Вчитываясь в эту запись и принимая во внимание это последнее обстоятельство, нельзя отделаться от подозрения, не отводил ли здесь Комура след от каких-то иных, истинных, целей своей дипломатии, вроде того, например, чтобы под шум речей о деньгах наверняка завладеть территорией (прихватив заодно немного и денег). Заметим, что буквально то же самое, что и Комура, излагал в эти же дни в Токио премьер Кацура английскому послу Макдональду в «абсолютно секретном» порядке, а именно, что «Японии должны быть уплачены ее действительные военные расходы», но что в отношении Сахалина Япония готова «видоизменить свое требование». А на вопрос Макдональда, в какой мере японское правительство готово изменить пункт 5 (относительно Сахалина), Кацура сказал, что «это зависит от того, в какой мере русское правительство готово принять пункт 9 относительно возмещения»¹⁴⁹. А это и было то, что Комура назвал в Портсмуте началом «взаимности», т. е. Комура в точности выразил позицию токийского кабинета, когда вел свой диалог с Витте и когда не озабочился сколько-нибудь смазать определенность своих формулировок в протоколе через своих секретарей. А тогда можно и в самом деле сказать, что Витте удалось, не имея еще настоящих инструкций, провести 10(23) августа, казалось, обреченное на беспредметность заседание конференции так, как будто уполномоченные не просто тянули время, а вели настоящие переговоры; но нельзя еще сказать, что в этих переговорах Витте удалось, как ему казалось, за какой-нибудь час обести противника вокруг пальца и причинить ему непоправимое дипломатическое поражение. Больше того. Если бы то, о чем говорил на другой день после заседания Кацура Макдональду, а именно, что «Витте частным образом дал понять», что «возмещение военных издержек» могло бы быть смягчено наименованием его «суммой денег в уплату за известные концессии, предоставленные Японией России на Сахалине», — если бы это было высказано Витте до описанного восьмого заседания 10(23) августа, то это надо бы счесть подготовительным хитрым маневром, имевшим целью усыпить бдительность японцев и поощрить Комуру настаивать на его денежном требовании. Но маневр этот оказался на деле совершенно излишним, поскольку Комура в этом заседании умышленно пошел на поводу у Витте, с задней мыслью в конечном счете получить уступку в вопросе о территории¹⁵⁰.

Тогда же, 10 (23) августа, американский посол потрудился

¹⁴⁸ Протоколы Портсмутской конференции, стр. 63—67.

¹⁴⁹ British documents, IV, № 95 и 96, телеграммы Макдональда от 20 и 24 августа 1905 г.

¹⁵⁰ Там же, телеграмма Макдональда Лэнсдоуну 24 августа 1905 г.

в Петергофе над дипломатической обработкой русского царя в течение целых двух часов и не добился бы своего, как после разъяснилось, если бы не нашел у царя почву, подготовленную самими его министрами, внушившими ему уверенность, что деньги Японии нужны «до зарезу».

В данную минуту Рузвельт понимал свою задачу так, что он ничего не достигнет, если не «доберется» до самого царя. «Я был убежден,— писал он Спринг Райсу по свежим следам,— что я могу добраться до царя только, если пошлю Мейера лично повидать его; и это было совершенно верно, ибо только с большим трудом и после длинного разговора Мейер сумел доказать ему, что он должен отдать южную половину Сахалина, часть, на получении которой абсолютно настаивали японцы»¹⁵¹. Спринг Райс, который знал об этой аудиенции от самого Мейера, определил способ действий Мейера словом «вырвать» («...Мейер вырвал ультиматум у императора»). Под «ультиматумом» разумелся здесь «меморандум» [«о последнем разговоре с его императорским величеством днем 10 (23) августа 1905 г. в Петергофе, переданный американским послом по телеграфу, относительно условий, на которых е. в. готов заключить мир»], присланный Мейером Ламсдорфу на другой день, как документ, который был накануне во время аудиенции сформулирован на бумаге послом по просьбе царя и затем был передан телеграфом в Ойстер-бэй. В меморандуме были кратко перечислены условия: «Принятие восьми пунктов, по существу согласованных уполномоченными в Портсмуте. Никакой уплаты военной контрибуции, но либеральная и великодушная оплата попечения и содержания русских военнопленных, но не такая сумма, которая могла бы быть истолкована как военная контрибуция. Возврат назад японских требований относительно интернированных судов и ограничения морских сил в Тихом океане. Россия должна владеть северной половиной Сахалина, в то время как Япония удерживает южную половину...»¹⁵². Мейер сам определил, что именно ему не удалось заставить Николая включить в число записанных здесь условий: «Вчера вечером я телеграфировал (президенту.— Б. Р.),— писал он Ламсдорфу 11 (24) августа,— что император не согласился заплатить «существенную сумму» за северную часть Сахалина, ввиду того, что это было бы истолковано как военная контрибуция». Зато уже то, что было записано в меморандуме, почиталось «императорским обязательством», как назвал в первый раз Спринг Райс то, что в другой раз он назвал «ультиматумом» (царя — Японии!)¹⁵³.

Николай некоторым образом готовился к приему американского посла: при нем был, несомненно, список условий, которые он и продиктовал послу на исходе второго часа беседы, происходившей наедине; при нем был также текст посланной им в это утро Вильгельму телеграммы, «в которой он говорит, что мир будет невозможен, если Япония будет настаивать на контрибуции», и он показывал ее Мейеру. Он отбивался, как мог, от атак посла: ссылаясь на свою «совесть», на «поддержку народа» в вопросе о контрибуции; признавая, что «его морские силы уничтожены» (это значит, что Мейер об этом заговорил первый), Николай ссылаясь на свою «закаленную армию», а когда, можно дога-

¹⁵¹ St. Gwynn. Указ. соч., т. I, стр. 486, письмо Рузвельта Спринг Райсу от 1 сентября 1905 г.

¹⁵² Оранжевая книга, № 165, письмо Мейера Ламсдорфу от 11 (24) августа и приложение 2 к нему; St. Gwynn. Указ. соч., т. I, письмо Спринг Райса жене Рузвельта от 5 октября 1905 г., стр. 498.

¹⁵³ St. Gwynn. Указ. соч., т. I, стр. 490, письмо Спринг Райса жене Рузвельта от 26 сентября 1905 г.

дываться, Мейер намекнул ему на неудачи его генералов, он добавил, что «если понадобится» он и сам присоединится к своей армии и пойдет «на фронт». Он требовал, «чтобы не забывали, что японцы начали войну, что они овладели теперь всем, чего они хотели до войны, и даже гораздо большим». Не иначе, как на угрозу Мейера, что в случае продолжения войны России придется потерять некоторые территории, он отвечал признанием, что предпочтет лучше «временную потерю территории, чем унижить страну уплатой военного вознаграждения, как если бы она была побежденной: Россия не находится в положении Франции в 1870 г.». Мейер «пытался заставить его назвать максимальную сумму, которую он согласился бы заплатить» (за Сахалин). На это он повторно заявил, что он «публично дал слово не платить контрибуции какого-либо рода или уступать русскую землю». И все же в конце концов «он согласился на раздел Сахалина». Тогда Мейер еще раз вернулся к денежному вопросу с другого края — не согласится ли царь «заплатить стоимость земли (land value) за северную половину Сахалина, на тех же основаниях, на каких была продана Аляска». Николай ответил вопросом: «А как может быть определена эта цена?» Но у Мейера осталось впечатление, что «Россия при переговорах может согласиться заплатить стоимость земли»¹⁵⁴. Спринг Райс так объяснил эту (правда, частичную) победу Мейера: «Когда царь оказался лицом к лицу с человеком, который, настроенный примирительно и дружелюбно, знал, чего хочет, и выражал это твердо, было трудно — почти невозможно — ответить на его просьбу абсолютным отказом»¹⁵⁵.

На другой день, 11(24) августа, в Портсмут было сообщено об этой уступке Николая, как «крайнем пределе возможной со стороны России сговорчивости». В Петербурге же настроились ждать «безотлагательного ответа президента на переданное через американского посла сообщение»¹⁵⁶.

Рузвельт, получив уже телеграмму Мейера, что свидание с царем состоялось, поздно вечером в среду спешил договорить то, чего, как ему казалось, он не договорил в своем «послании» от вторника 9(22) августа, и опять сделал это в оба адреса — портсмутский и петербургский. И в Петербурге 11(24) августа, в министерстве иностранных дел получили еще не ответ на «меморандум» от 10(23) августа, а три телеграммы от Витте из Портсмута и пакет от американского посла, а в них две телеграммы Рузвельта, которым он придал значение комментария к своему посланию. Там, в послании, были две фразы о размере подлежащей уплате суммы: «Россия, конечно, в этом случае должна заплатить существенную сумму (substantial sum) за это возвращение территории» и «если это соглашение может быть заключено, то вопрос о точной сумме может быть предметом переговоров». Было ясно, что эти американские формулировки снимали японскую чудовищную сумму в 1200 млн. иен. Но что такое «существенная сумма»? А из пессимистического ответа Витте на послание Рузвельта было видно, что Витте имеет все время в виду «японские предложения» (о миллиарде с лишком иен) и видит в нем «большую часть военных издержек»¹⁵⁷. Очевидно, Витте, отвечая «наскоро»

¹⁵⁴ T. Dennett. Указ. соч., стр. 270—271, телеграммы Мейера Рузвельту от 23 и 24 августа 1905 г.

¹⁵⁵ St. Gwynn. Указ. соч., т. I, стр. 490, письмо Спринг Райса жене Рузвельта от 26 сентября 1905 г.

¹⁵⁶ Оранжевая книга, № 161, телеграмма Ламсдорфа Витте от 11(24) августа 1905 г.

¹⁵⁷ Оранжевая книга, № 146, телеграмма Витте Ламсдорфу от 9(22) августа 1905 г., содержащая текст письма Витте президенту.

Рузвельту, а, может быть, и не ознакомившись как следует с английским текстом послания (английского Витте не знал), писал в уверенности, что Рузвельт попросту поддерживает японские предложения, которые он помнил, конечно, наизусть. Рузвельт спешил теперь первым делом устранить это опасное для его демарша недоразумение.

В телеграмме на имя Витте и устранялось это недоразумение и пояснялось, что предложение Рузвельта «нисколько не зависит от вопроса о размере сумм, подлежащих уплате; размер их будет определен впоследствии» «дальнейшими переговорами и решениями», и что, «конечно, если последующие переговоры о размере сумм за часть острова и за пленных не приведут к соглашению, тогда может воспоследовать совершенно иное предложение»¹⁵⁸. Мейера же Рузвельт просил тотчас же переслать царю телеграмму о том, что принятие в принципе условий, предложенных в послании, «не обязывает русское правительство ни к какой определенной сумме денег, и прежде всего никоим образом не обяжет Россию платить сумму, которая будет чрезмерной»¹⁵⁹.

Этот второй американский мяч, направленный в ворота противника, и на этот раз принял на себя Витте. Слова телеграммы Рузвельта об ином предложении были поняты в Портсмуте, как угроза: «Нам могут,— заявил Витте,— предложить более тяжкие условия впоследствии»¹⁶⁰. Понятно, что Витте тотчас же ответил Рузвельту, что, конечно, в тот раз он находился под «реальным впечатлением переговоров» с японцами, но что и сам президент «изволит базироваться» на «предложении японцев»; он, Витте, понимал бы японские условия, как «искренне преследующие мир, если бы они сделали свои предложения о Сахалине, не поднимая вопроса о деньгах». Витте заключил свой ответ президенту следующими словами: «Конечно, если отложить вопрос о сумме денег, которую японцы желают получить за часть острова, то острота настоящего положения временно облегчилась бы, но чрез это нисколько не явится большей вероятности к соглашению, а только замедлятся переговоры»¹⁶¹.

Оказалось, что Витте разгадал хитрый дипломатический ход, придуманный президентом. Повидимому, тут-то и вскрылась для последнего та «бесчестность» Витте, о которой он «с раздражением» в один из ближайших дней [15 (28) августа] отзывался в интимной беседе с директором «Ассошиэтед пресс» Стооном¹⁶². «Отличный ответ Витте»,— отзывался зато Николай пометой на его телеграмме с полным текстом этого ответа¹⁶³. Потому, вероятно, официальный ответ на телеграмму Рузвельта, полученную в Петербурге от американского посла одновременно с данным уже от имени Витте «отличным ответом», и был поотложен царем. И только по полученному накануне вечером от царя письму Ламсдорф в ночь с 12(25) на 13(26) августа телеграфировал в Портсмут: «Объявить сегодня же (на заседании, назначенном на 13(26) августа.— Б. Р.) японским уполномоченным, что е. в. не признает возможным делать

¹⁵⁸ Оранжевая книга, № 163, телеграмма Витте Ламсдорфу от 11(24) августа. Рузвельт просил переслать телеграмму царю; Витте получил ее «ночью», т. е. в ночь с 10(23) на 11(24) августа 1905 г. (см. № 162).

¹⁵⁹ Там же, № 165, приложение к письму Мейера от 11(24) августа 1905 г.

¹⁶⁰ «Былое», 1918, № 3, стр. 66.

¹⁶¹ Оранжевая книга, № 164, телеграмма Витте Ламсдорфу от 11(24) августа 1905 г.

¹⁶² Стоон рассказал об этом германскому поверенному в делах в Вашингтоне (Die Grosse Politik, 19/II, № 6331, телеграмма Бусше-Хадденхаузена от 29 августа 1905 г.).

¹⁶³ Оранжевая книга, № 164, стр. 180.

какие-либо новые уступки»¹⁶⁴. «Необходимо окончить происходящие переговоры,— телеграфировал Ламсдорф в Портсмут,— ясно и категорически объяснив президенту, что Россия далее того, что государь император сказал г. Лангерке-Мейеру, не пойдет»¹⁶⁵. «Посмотрим, что на это ответят японцы и как отнесутся к этому их заимодавцы, американцы и С-е?» (т. е. компания.— *Б. Р.*),— задавал себе риторический вопрос Ламсдорф, только что отправив американскому послу ноту в ответ на телеграмму президента, полученную Ламсдорфом от посла 11 (24) августа. Нота была составлена Ламсдорфом в вежливых, но сухих и твердых выражениях: «Е. в. не видит возможности в чем-либо изменить свою точку зрения на мирные условия, которые могли бы рассматриваться как приемлемые для России»,— точку зрения, которая уже известна Мейеру, так как она была сообщена и царем ему, Мейеру, «персонально», с просьбой «передать существо ее в дружеском послании президенту»¹⁶⁶.

Такой ответ, разумеется, не открывал возможности и уже тем более не поощрял дальнейших повторных настояний из Ойстер-бэй в избранном Рузвельтом направлении. Вопрос, казалось, был исчерпан и решен, окончательно и официально.

Теперь, прежде, чем обратиться в Портсмут, к девятому официальному заседанию конференции, назначенному на 13 (26) августа, надо вернуться в Париж и Берлин, откуда президент имел все основания ждать воздействия на царя.

Кайзер, после получения решительного ответа Николая на американское предложение, запросил, наконец, 12 (25) августа, Бюлова об ответе, какой дал царь Мейеру для Рузвельта, но рекомендовал почему-то запросить об этом Вашингтон, а не Петербург через германского посла или через русского посла в Берлине¹⁶⁷. «Только после этого могу я решить,— пояснял Вильгельм,— нужна ли еще после этого моя телеграмма, или она может подействовать как «после ужина горчица». К тому же «опасно (misslich) без надобности посылать ему слишком длинные телеграммы одна за другой (последняя была от 20 августа.— *Б. Р.*), что легко может быть принято за вмешательство, особенно после очень определенного позавчерашнего ответа». Оказалось, что у Бюлова уже со вчерашнего дня лежала телеграмма Альвенслебена из Петербурга (от 24 августа) с точным сообщением об аудиенции Мейера,— и Вильгельм, не посылая царю специальной телеграммы, сделал в этот же день второй пост-скрипту на залежавшемся у него длинном письме, написанном Николаю еще 22 августа и снабженном уже одним пост-скриптумом от 24 августа, когда кайзер колебался его отправить и не решался еще затронуть портсмутской темы¹⁶⁸. В этом втором пост-скриптуме (от 25 августа), указав, что получил от Рузвельта письмо с уведомлением о положении дел с переговорами, Вильгельм прибавил, что считает его предложения «очень разумными и дельными» и надеется, что они отвечают ожиданиям Николая, поскольку «обеспечивают России все выгоды почетного мира». Но

¹⁶⁴ «Красный архив», 1924, т. 6, стр. 40, письмо Ламсдорфа Коковцову от 13 (26) августа 1905 г.

¹⁶⁵ Оранжевая книга, № 169, телеграмма Ламсдорфа Витте от 13 (26) августа 1905 г.

¹⁶⁶ «Красный архив», т. 6, стр. 40; Оранжевая книга, № 171, нота министерства иностранных дел американскому послу от 13 (26) августа 1905 г.; № 172, телеграмма Ламсдорфа Витте от 13 (26) августа с извещением о вручении этой ноты.

¹⁶⁷ Die Grosse Politik, 19/II, 6327, телеграмма Вильгельма Бюлову от 25 августа 1905 г.

¹⁶⁸ Переписка Вильгельма II с Николаем II, стр. 112—115, письмо Вильгельма Николаю от 22 августа 1905 г.

письмо это могло попасть в Петербург только уже после вечернего [12(25) августа] распоряжения Николая известить Портсмут и Ойстер-бэй о принятом им твердом решении. Это было со стороны Вильгельма умышленное опоздание к «ужину» с «горчицей»!

Мы уже видели, что Рувье в Париже сразу же повел себя искреннее — лишь бы поскорее вывести необходимого ему в Европе союзника из войны на Дальнем Востоке. Бомпару было даже поручено обратить внимание Ламсдорфа, насколько «всецело» в интересах русского правительства «не отвращать от себя активной симпатии Рузвельта и, следовательно, засвидетельствовать принятием его советов к самому серьезному рассмотрению, какую цену оно им придает»¹⁶⁹. Встреча Бомпара с Ламсдорфом могла состояться только вечером 11(24) августа, ровно за сутки до того, как Николай дал поручение Ламсдорфу поставить в известность о его твердом решении Портсмут и Ойстер-бэй. До этого у Николая был уже подробный доклад Ламсдорфа о беседе с Бомпаром. Последний напрямик и сразу признался, что Рузвельт передал в Париж полный текст своего послания к царю с просьбой представить русскому правительству все доводы в пользу предложения президента. При этом Бомпар еще подчеркнул, что единственным средством обеспечить мир является уплата японцам «умеренной суммы денег». Бомпар и предложил «услуги французского правительства» — либо «содействовать осуществлению упомянутой сделки, либо изыскать какой-нибудь иной соответствующий выход из затруднений», лишь бы «поощрить самолюбие президента». Ламсдорф мягко отвел последнее предложение под предлогом (как он объяснил в своем отчете для Николая), что еще не кончен «обмен взглядов» между царем и Рузвельтом, или (как объяснил Бомпар в отчете своему шефу) так как Ламсдорф «положился в данный момент на изобретательность и компетентность Витте в изобретении комбинаций подобного рода». Ламсдорф заметил при этом, что «наибольшую услугу... в миролюбивом направлении Франция, конечно, могла бы оказать соответственным воздействием на японцев...». Ламсдорф все же обещал послу «поддерживать постоянный обмен взглядов между царем и президентом параллельно с работой конференции для облегчения хода переговоров»¹⁷⁰. При таких обстоятельствах нечего было и думать Бомпару заговаривать с Ламсдорфом об изготовленной Рувье «формуле временного закрытия конференции». Поймав намек Ламсдорфа, что, дескать, «нельзя не подивиться тому, что в числе условий мира ставится выкуп северной части Сахалина (эти слова подчеркнул для царя Ламсдорф.— Б. Р.), т. е. такой территории России, которая до сих пор не была занята японскими войсками»,— Бомпар для Рувье сделал вывод, что «теперь в результате дело бы шло о том, чтобы или склонить Японию отказаться от суверенитета над южной частью (подчеркнуто мною.— Б. Р.), удовольствовавшись фактическим обладанием, или найти иную комбинацию, вместо выкупа северной части, чтобы оправдать в глазах русских уплату Японии суммы денег сверх возмещения расходов на пленных».

Но об этом последнем выводе-предположении (о южном Сахалине) то ли Бомпар не поведал Ламсдорфу, то ли Ламсдорф не пожелал доложить царю,— во всяком случае следов такого варианта нам не попада-

¹⁶⁹ Documents diplomatiques, 2/VII, № 374, телеграмма Рувье Бомпару от 24 августа 1905 г. (4 часа утра).

¹⁷⁰ Оранжевая книга, № 166, записка Ламсдорфа царю от 12 (25) августа 1905 г.; Documents diplomatiques, 2/VII, № 376, телеграмма Бомпара Рувье от 24 августа 1905 г. (10 ч. 59 м. вечера).

лось нигде в дальнейшей портсмутской документации, — вероятно, потому, что он в корне противоречил концепции Рузвельта ¹⁷¹.

Мы уже видели, что к вечеру этого дня у царя и созрело решение — приказать Ламсдорфу покончить с канителью переговоров. Французское вмешательство, не в пример германскому, не опоздало, но, если и оказало какое-нибудь действие, то, пожалуй, скорее, совсем не то, на которое было рассчитано. Практически же, в глазах Бомпара, дело стояло так, что русское правительство «уже примирилось с потерей северной части Сахалина и что в субботу [13 (26 августа.— *Б. Р.*] Витте скажет об этом на заседании, но оно еще пытается сопротивляться в вопросе о контрибуции».

Бомпар, однако, ошибся. Ошибся и сам Витте, поручив в эту субботу утром Коростовцу «заплатить по счетам гостиницы, так как сегодняшнее заседание кончится разрывом» и делегация уедет на другой же день в воскресенье ¹⁷².

Когда делегации съехались в Нэви-ярд 13 (26) августа в 2 часа дня, японская сторона предложила провести частное совещание послов. Именно на нем и произошло то, чего ожидали Бомпар и Витте в официальном девятом заседании конференции 13 (26) августа. Японцы «указали, что, в сущности, не имеют от нас официального ответа на их последнее предложение», и Витте ответил, «что это предложение отвергнуто». Тогда японцы спросили, на что бы Россия согласилась, — и Витте ответил, что Россия согласится «на их предложение деления Сахалина с свободными проливами, но без всякого вознаграждения..., предупредив их несколько раз, что ни на какие дальнейшие уступки не пойдем, и что мы пришли на заседание, чтобы прервать переговоры». Когда это объяснение произошло за закрытыми дверями, японцы попросили не делать в этот день официального заседания, а отложить его на 15 (28) августа, «так как они ожидают ответов». Хотя Витте и согласился, но официальное заседание все-таки состоялось для того только, чтобы, подписав крайне важный для русской стороны протокол предыдущего заседания, постановить о назначении следующего заседания на понедельник 15 (28) августа ¹⁷³.

Таковы были итоги этого портсмутского дня для обеих сторон. Русская сторона четко определила свою позицию, на основе ясных инструкций, японская — еще только ожидала из Токио «ответов».

Повидимому, в Токио попросту были уверены (потому что точно о том знали, хотя бы от Канеко), что их американский стряпчий не считал свое дело доведенным до конца ни в Петербурге, ни в Токио. До известной степени причиной тому был сам Мейер. Извещая Рузвельта (24 августа) о получении его дополнительной телеграммы и о представлении ее царю; Мейер задал президенту два вопроса: 1) послана ли она раньше или после прибытия его телеграммы от 23 августа с докладом об аудиенции в Петергофе и 2) может ли Рузвельт сообщить ему вероятную сумму денег, которую имеет Япония на счету в США? Второй вопрос был и понятен, и многообещающ: значит, Мейеру именно в Петербурге нужен аргумент в пользу того, что Японии еще есть на что воевать!

Таково, думается, происхождение третьего «сообщения» Рузвельта,

¹⁷¹ Documents diplomatiques, 2/VII, стр. 453, телеграмма Бомпара Рузвельту от 24 августа 1905 г.

¹⁷² «Былое», 1918, № 3, стр. 69.

¹⁷³ Протоколы Портсмутской конференции, стр. 70; Оранжевая книга, № 177, телеграмма Витте Ламсдорфу от 13 (26) августа 1905 г.

от 12(25) августа, сформулированного в виде телеграммы на имя Мейера с ответом, прежде всего, на два приведенных вопроса, и с просьбой «сказать» (please tell) царю то-то и то-то (и далее следовала пространная аргументация в пользу уступки японским требованиям). 13(26) августа Мейер явился к Ламсдорфу, просил аудиенции, но, получив отказ, вручил ему это «новое сообщение» (в момент, когда выше упоминавшаяся вежливая, но сухая «нота» уже была на пути в американское посольство, но послом прочитана еще не была). Ламсдорф не отказал себе в удовольствии «устно передать ему в точности смысл и все значение инструкции, данных российским уполномоченным в Портсмуте»¹⁷⁴.

Сообщение Рузвельта не заключало в себе ни новых аргументов, ни новых предложений, а начиналось с колкости: «Я прочел сегодня заявление министра иностранных дел (Ламсдорфа.— Б. Р.), что Россия никогда не заплатит денег и не уступит территории; я прошу е. в. принять во внимание (consider), что подобное заявление абсолютно ничего не значит, когда Сахалин уже в руках японцев». Мы знаем, что этого хотел бы Рузвельт, но Сахалин в руках японцев был далеко не весь. Остальное в телеграмме было посвящено пересуживанию денежного вопроса и тех «бедствий» (calamities), которые ждут Россию, если она не заплатит. Для решения вопроса,— сколько платить, предлагалось обратиться к суждению нескольких французских и немецких высоких должностных лиц (officials), назначенных с согласия России, и нескольких английских, назначенных с согласия Японии, с тем, чтобы эти лица затем сообщили свое мнение сторонам. Если же соглашения не последует теперь же, то при продолжении войны Россия потеряет Сахалин, Харбин и «всю сибирскую маньчжурскую дорогу», а это будет означать — и всю восточную Сибирь. Телеграмма писалась еще 12(25) числа, и Рузвельт выражал надежду, что она «привлечет к себе внимание е. в. до того, как завтра встретятся уполномоченные» в Портсмуте¹⁷⁵.

Николай надписал (на записке Ламсдорфа): «Я остаюсь при своем мнении», — о чем Ламсдорф на другое утро [14 (27) августа] и телеграфировал в Портсмут. В этот воскресный день сообщение было уже в Портсмуте и не прибавило ничего нового к той телеграмме, которую Ламсдорф направил Витте еще накануне. Твердая позиция, занятая русским правительством, вызвала появление у Витте в гостинице Такахиры для часового объяснения и с просьбой об отсрочке заседания с 15 (28) на 16 (29) августа: не мог ведь не знать Такахира, что Рузвельт все еще продолжает посредничать¹⁷⁶. Витте на отсрочку согласие дал, но вновь категорически заявил, что «мы ни в каком случае и ни под каким предлогом не откажемся от принятых решений» и что всякое новое предложение он отвергнет, не представляя в Петербург¹⁷⁷.

Можно не сомневаться, что 14 (27) августа Рузвельт уже знал и «ноту» Ламсдорфа от 13 (26) августа, и личное его объяснение, данное Мейеру в тот же день при вручении им телеграммы Рузвельта от 12 (25) августа. Вместе с тем у него не было никаких данных о том, что на Николая было оказано воздействие из Берлина, куда он обратился еще

¹⁷⁴ Оранжевая книга, № 173, записка Ламсдорфа царю от 13(26) августа 1905 г.

¹⁷⁵ Там же, № 174, сообщение Мейера Ламсдорфу от 13 (26) августа 1905 г.

¹⁷⁶ Например, телеграмма Рузвельта от 12(25) августа с третьим мирным обращением к царю была сообщена в Токио (British documents, IV, № 99, приложение к депеше Макдональда от 30 августа); копия этой телеграммы передана была Рузвельтом и в Париж (Documents diplomatiques, 2/VII, № 391).

¹⁷⁷ Оранжевая книга, № 173, надпись на записке Ламсдорфа от 13(26) августа; № 178, телеграмма Витте Ламсдорфу от 14(27) августа 1905 г.; «Былое», 1918, № 3, стр. 71.

чуть ли не целую неделю до этого¹⁷⁸. Сам он, вероятно, и не шевельнулся бы в этот день предпринять что-нибудь для продвижения дела (не считая отказа японцев от денежного требования), если бы не все тот же Канеко, который обычно держал Рузвельта в курсе переговоров, а иногда даже в курсе телеграфной переписки Комуры с Токио. По свидетельству директора Ассошиэйтед пресс в Нью-Йорке Мэльвиля Стоона, дело произошло следующим образом¹⁷⁹.

14 (27) августа рано утром к Стоону позвонил Канеко с просьбой повидаться. Стоон приехал к нему. Сначала Канеко приступил к денежному вопросу: не заплатят ли русские контрибуцию «под какой-либо иной формой». Нет, ответил Стоон, решение их бесповоротно. Но ведь Витте говорил, возразил Канеко, что они готовы заплатить что-нибудь вроде того, что было заплачено за Аляску. Но это была «до смешного малая сумма около 7 миллионов долларов, Япония ее не примет», — заметил Стоон. Канеко пожаловался, что «надо во что бы то ни стало не срывать конференцию, а Витте и Розен хотят использовать для этого данное им разрешение». Тут Стоон и сказал, что помочь сейчас может только Вильгельм. И Канеко просил его устроить это дело. Стоон вызвал к себе немного погодя германского поверенного в делах Бусше с шифром, и к себе же вызвал Канеко, затем связался по телефону с Ойстербэй и поехал к Рузвельту с предложением написать послание кайзеру, которое они вдвоем и составили. Изложив вкратце последнюю редакцию своего плана со смешанной комиссией и с упоминанием Аляски, Рузвельт просил Вильгельма «взять на себя инициативу представить царю эти условия тотчас», так как он, кайзер, имеет на него больше влияния, чем кто-либо другой, а он, Рузвельт, «не представлял их в такой форме» царю. Затем Стоон вернулся к себе, застал там обоих своих гостей, посадил Бусше шифровать текст, а сам вызвал в Портсмуте к телефону Комуру. Тот, однако, не приехал, а на телеграфный запрос ответил, что Канеко «никак не уполномочен говорить за уполномоченных». Это создало некоторую заминку, и в результате телеграмма Бусше пошла только 15 (28) августа¹⁸⁰. Как видно из телеграмм Бусше (их было послано две в тот день), Рузвельт предлагал, чтобы Вильгельм поручил Альвенслебену доложить это дело царю в личной аудиенции. У Бусше было впечатление, что Рузвельт уже не думает чего-нибудь достигнуть в Петербурге, потому что его считают «пристрастным» (*parteiisch*)¹⁸¹. Затянутый им подставной демарш кайзера в Петергофе, однако, отпал — по второй телеграмме Бусше. Последний извещал, что будто бы Комура заявил барону Канеко, что Витте решил прервать переговоры, и потому предложение президента не будет иметь успеха, а Стоон знает от одного доверенного человека Ротшильдов, недавно посетившего Японию, что финансовое положение там очень скверное; но главное, — Комура все

¹⁷⁸ И не мудрено, потому что письмо кайзера со вторым пост-скриптомом о разумности предложений Рузвельта, сделанным 25 августа, достигло Петергофа только-только в воскресенье 27 августа, о котором у нас идет сейчас речь (см. *Die Grosse Politik*, 19/II, стр. 621, прим.). Об этом Рузвельт узнал только 30 августа из специальной телеграммы Вильгельма в Вашингтон.

¹⁷⁹ «Saturday Evening Post», Philadelphia, № 31, от 30 января 1915 г., статья Melville Stone «The Portsmouth Conference», письмо Рузвельта к Комуре от 27 августа 1905 г.

¹⁸⁰ *Die Grosse Politik*, 19/II, № 6329.

¹⁸¹ Там же, телеграмма Бусше-Хадденхаузена от 28 августа 1905 г. Она была отправлена, хотя в момент отправки у Бусше не было извещения президента о том, что Комура дает согласие на ее отправку. Задержку ответа Комуры Бусше ставил в связь с тем, что в Токио в это время еще не кончилось заседание императорского совета (Kronrat).

еще не ответил президенту, подчинится ли Япония проектируемой смешанной комиссии, и потому Рузвельт берет назад свою просьбу к кайзеру, сообщенную в первой телеграмме ¹⁸².

Кайзер опять выскользнул из трудного положения: как раз 15 (28) августа Николай на телеграмме Витте от 14 (27)-го числа надписал приказание: «Завтра во всяком случае окончить переговоры» (и дальше: «Я предпочитаю продолжать войну, нежели дожидаться милостивых уступок со стороны Японии»). Завтра — это значило во вторник 16 (29) августа, и если бы Альвенслебен явился в этот день со старым вариантом от нового посредника, это поставило бы Вильгельма в глупейшее положение ¹⁸³.

Наступило 16 (29) августа 1905 г.

Рузвельт так и не дождался согласия Комуры на создание смешанной комиссии. Комура, очевидно, понимал, что заключить мир, а потом решать именно денежный вопрос — значит похоронить последний безвозвратно.

Японские уполномоченные получили в Портсмуте ответ своего правительства, утвержденный на совете старейшин (Генро) еще накануне, 15 (28) августа, так что Комура еще с вечера этого дня мог просить Витте перенести завтрашнее заседание с 3 часов дня на обычные 9 ч. 30 м. утра ¹⁸⁴.

С утра 16 (29) августа Витте считал еще «невозможным предвидеть, что будет происходить на сегодняшнем заседании», и передал секретарям готовую зашифрованную телеграмму в Петербург о разрыве переговоров в уверенности, что он неизбежен. Но он с утра предупреждал Ламсдорфа, что не может взять на себя механическое исполнение приказа о разрыве переговоров во что бы то ни стало именно в этот день. «Если японцы не намерены уступать, — телеграфировал Витте, — то, несомненно, в их намерение входит сделать Россию виновною в продолжении войны», и тогда Россия может быть поставлена «в тягчайшее положение», между тем «до сих пор переговоры велись... именно так, что при разрыве... все обвинили бы Японию — этого боялись японцы и ищут из такого положения выхода; будет громадная ошибка, если мы дадим им этот выход и примем на себя в глазах всего света вину в продолжении войны» ¹⁸⁵.

Перед началом этого десятого официального заседания конференции в 9 ч. 30 м. утра Комура пожелал иметь частную беседу с Витте. Она длилась не более получаса. «В этой беседе, — телеграфировал Витте в Петербург, — я сказал, что, по полученному мной приказанию, сегодня должно быть последнее заседание и что им остается только принять или отказаться от окончательного и бесповоротного решения» царя. Что в ответ сказал Комура, — тому нет документального следа. Витте далее прибавил: «Я почти уверен, что они подчинятся воле е. в.; официальное заседание откроется сейчас». Коростовец записал об этом моменте: «Часов в одиннадцать (тут память немного изменила ему, в протокол занесена была цифра 10. — *Б. Р.*) Витте вышел из зала совещания; он был красен и улыбался. Остановившись среди комнаты,

¹⁸² Die Grosse Politik, 19/II, № 6330, вторая телеграмма Бусше-Хадденхаузена от 28 августа 1905 г.

¹⁸³ Оранжевая книга, № 180, телеграмма Ламсдорфа Витте от 15(28) августа 1905 г.

¹⁸⁴ Оранжевая книга, № 181, телеграмма Витте Ламсдорфу от 15(28) августа 1905 г.; «Былое», 1918, № 3, стр. 73—74.

¹⁸⁵ Там же, № 182, телеграмма Витте Ламсдорфу от 16(29) августа 1905 г.

он взволнованным голосом сказал: «Ну, господа, мир, поздравляю, японцы уступили во всем»¹⁸⁶. А затем все вошли в зал и началось официальное заседание. Как видно, Витте тут хотел продержатъ Петергоф в течение трех часов, пока кончится официальное заседание, в состоянии неполной уверенности — до получения его второй телеграммы о том, что заседание окончилось, что «японские уполномоченные приняли условия, которые... я им предъявил, как окончательные и бесповоротные», и что «таким образом дело окончено»¹⁸⁷.

В официальном заседании 16 (29) августа основной вопрос — о мире, — предпрешенный в частном совещании, оставалось только провести через некоторую процедуру. На запрос Комуры об официальном ответе русского правительства на японский проект, представленный 23 августа, Витте передал Комуре письменное сообщение о согласии царя «уступить Японии южную часть о. Сахалин, с условием, что северная останется в обладании России, без всякого возмещения», и о том, что это является «последней уступкой». Приняв к сведению это заявление, Комура представил тоже письменное заявление, что японское правительство согласно взять обратно свое требование возмещения военных издержек, «при условии, что Россия признает совершившимся фактом оккупацию о. Сахалин Японией». Витте ответил, что «не может согласиться с редакцией этой последней оговорки». Затем Комура заявил о согласии «оставить в обладании России северную часть Сахалина без всякого возмещения, но с условием, что граница между обеими частями острова пройдет по 50-му градусу северной широты и что оговорка о военных мерах, содержащаяся в русском сообщении, равно как и обязательство гарантировать свободу плавания в проливах Лаперузовом и Татарском будут взаимными». Витте на это заметил только, что «более детальное разграничение, более соответствующее очертаниям местности, следовало бы произвести на месте специальной комиссии». Поскольку Комура ответил, что он разделяет этот взгляд о Сахалине, «вопрос был урегулирован», и секретарям было поручено изготовить редакцию пункта пятого¹⁸⁸.

С серьезными принципиальными вопросами, стоявшими перед конференцией, было покончено. Остаток утреннего заседания, по предложению Комуры, был посвящен вопросам, по его мнению, тоже принципиальным, которые ему хотелось урегулировать теперь же, но которые, очевидно, не представляли никакой опасности срыва дальнейшей работы по выработке текста мирного договора. Таких вопросов было поставлено Комурою три: 1) о способе эвакуации Маньчжурии, 2) об определении разграничительного пункта между обоюдными железнодорожными линиями в Маньчжурии и 3) о железнодорожной охране. Все три вопроса были согласованы, причем японцы согласились не вносить в договор подробного плана эвакуации, представленного Комурою, а в дополнительной к договору статье обозначить только те три принципа эвакуации (предложенные Витте), которые послужили бы основой соглашения об эвакуации между главнокомандующими; разграничительным пунктом железных дорог был признан г. Куанченцзы, а определение численности железнодорожной охраны было решено уточнить в особой дополнительной к договору статье. И только поставленный Витте к концу заседания вопрос

¹⁸⁶ Оранжевая книга, № 183, телеграмма Витте Ламсдорфу от 16(29) августа; «Былое», 1918, № 3, стр. 74.

¹⁸⁷ Оранжевая книга, № 184, телеграмма Витте Ламсдорфу от 16(29) августа и № 185, телеграмма его же на имя царя от того же числа.

¹⁸⁸ Протоколы Портсмутской конференции, стр. 71—73.

о перемирии был отсрочен японцами до получения инструкции по этому предмету из Токио ¹⁸⁹.

На дневном заседании было принято решение закончить работы по составлению мирного договора в самый короткий срок, составить договор окончательный (а не прелиминарный) и такой, который содержал бы «все необходимые постановления, какие только могут быть урегулированы этой конференцией», оставив в стороне детали и вопросы местного характера, как предметы работ специальных комиссий. Разумеется, японцы проявили особый интерес к тому, чтобы в статье о размене пленными был точно определен срок уплаты Россией разницы в суммах, израсходованных на содержание пленных обеими сторонами, но Комуре пришлось согласиться с Витте относительно невозможности установить такую точную дату и принять формулировку, что они «будут уплачены в кратчайший срок». Пришлось Комуре отказаться и от включения в договор пункта о назначении консула во Владивосток, как «односторонней уступки», и отложить этот вопрос до заключения нового торгового договора, предложенного русской стороной на основе договора 1895 г. — взамен предложенной Комурой особой статьи в мирном договоре о том, что стороны в своих торговых отношениях будут руководствоваться принципом «наиболее благоприятствуемой нации». Наконец, постановив о необходимости особой статьи о ратификации договора «в кратчайший срок», конференция поручила редактирование мирного договора Мартенсу и Покотилову, при секретаре Плансоне, и Денисону, при секретарях Адати и Отиай ¹⁹⁰.

Работа по редактированию договора началась 17 (30) августа и шла пять дней. Протокол о перемирии, подписанный уполномоченными 19 августа (1 сентября), должен был, по настоянию японцев, войти в действие только по подписании договора. По одному пункту проявил крайнюю настороженность Николай: не через Ламсдорфа, а от своего имени он телеграфировал Витте уже 17 (30) августа — не подписывать «условий мирных переговоров, пока размер содержания военнопленных не будет установлен, по вашему представлению, мною» ¹⁹¹. Это было, по меньшей мере, наивно: «Определить теперь суммы, — телеграфировал Витте, — едва ли возможно, так как это потребовало бы составления счетов и много времени на обмен телеграмм». Николаю была сообщена предположенная редакция соответствующей статьи, из которой явствовало, что «Япония не будет в состоянии получить от нас то, что ей не причитается», и на другой день запрет, наложенный на подписание договора, был снят ¹⁹².

Но раз у Николая мелькнуло, с первой же минуты, не то подозрение, не то недоверие, возможны были и рецидивы, и Витте предупредил, что в Японии «очень недовольны условиями мира» и что «могут произойти неожиданные случайности», а пока японские уполномоченные «весьма упорствуют на недоговоренных деталях и редакции и стараются з а т я г и в а т ь» — почему ему, Витте, приходится «быть более или менее сговорчивым в этих деталях», чтобы «скорее закончить дело» ¹⁹³.

Действительно, два последних дня, 20 августа (2 сентября) и 21 авгу-

¹⁸⁹ Протоколы Портсмутской конференции, стр. 73—75.

¹⁹⁰ Там же, стр. 75—79; Оранжевая книга, № 191, телеграмма Витте Ламсдорфу от 17(30) августа 1905 г. с отчетом о заседании 16(29) августа.

¹⁹¹ Оранжевая книга, № 188, телеграмма Николая Витте от 17(30) августа 1905 г.

¹⁹² Там же, № 189, телеграмма Витте Ламсдорфу от 17(30) августа 1905 г. и № 190, телеграмма Ламсдорфа Витте от 18 (31) августа 1905 г.

¹⁹³ Там же, № 199, телеграмма Витте Ламсдорфу от 19 августа (1 сентября) 1905 г.

ста (3 сентября), ушли на обсуждение условий эвакуации войск: японцы настаивали на необходимости сношений с Токио, Витте — на предоставлении этого дела решению главнокомандующих. И только «после продолжительных разговоров» японцы, приняв решение только по двум пунктам, а именно, что 1) «стороны начинают эвакуацию немедленно по ратификации трактата и совершают ее одновременно, с тем, чтобы закончить ее не далее, чем чрез полтора года», и 2) что для охраны дороги оставляется стража не более 15 человек на километр,— остальные детали согласились предоставить решению главнокомандующих¹⁹⁴. Наконец, редакция всего договора с приложениями была окончательно выработана 22 августа (4 сентября), так что самый текст собственно договора Витте успел телеграфировать в Петербург еще 21 августа (3 сентября) вечером¹⁹⁵.

23 августа (5 сентября) оставалось только подписать сводный протокол рабочих совещаний по выработке текста договора, что и было сделано в 11 часов утра в комнате Комуры в гостинице «Уэнтворт», а затем, около 2 часов, русская делегация в полном составе двинулась в Нэви-ярд. Заключительное заседание конференции открылось «ровно в 3 часа 45 минут». Пока шло подписание с простановкой каждым уполномоченным 12 подписей (на 4 договорах, 4 добавочных статьях и 4 на протоколе заключительного заседания, заранее изготовленном), стоял «оглушительный шум» от «салюта из орудий», «свистков заводов» и «звона колоколов» соседней церкви.

На другой день, 24 августа (6 сентября), русская делегация в полном составе села в специальный поезд, предоставленный Витте Морганом, и в тот же день была в Нью-Йорке. 30 августа (12 сентября) германский пароход с русской делегацией отбыл из Нью-Йорка и 5 (18) сентября пришел в Шербург, где делегация, как таковая, перестала существовать. В Париже это была уже просто компания проезжающих русских. Один Плансон с подлинниками договора высадился еще в Плимуте, имея поручение срочно доставить их в Петербург, нигде не задерживаясь¹⁹⁶.

Только успела отплыть русская делегация в Европу, как Комура заболел тифом и остался лежать в Нью-Йорке. Но это не задержало ратификации договора, и уже 21 сентября (4 октября) в Петербурге было получено сообщение, что накануне вечером он был одобрен микадо и изготавливается акт ратификации¹⁹⁷. Оказалось, что и в Петербурге заняты «в настоящее время изготовлением акта ратификации» и что к подписи царя он будет представлен «через несколько дней»¹⁹⁸. Затем был согласован день, в который могло бы состояться подписание актов ратификации одной датой, и в субботу 1 (14) октября подписи под ними были поставлены в Петербурге и Токио, а на другой день произведены установленные нотификации (уведомления)¹⁹⁹.

После этого не очень задержалось и подписание представителями командований армиями в Маньчжурии соглашения об эвакуации. Оно

¹⁹⁴ Там же, № 202, телеграмма Витте Ламсдорфу от 21 августа (3 сентября) 1905 г.

¹⁹⁵ Там же, № 204, телеграмма Витте Ламсдорфу от того же числа.

¹⁹⁶ «Былое», 1918, № 4, стр. 157—162 и 173—177; Протоколы Портсмутской конференции, стр. 89—95.

¹⁹⁷ Оранжевая книга, № 226, телеграмма Розена Ламсдорфу от 21 сентября (4 октября) 1905 г.

¹⁹⁸ Там же, № 227, телеграмма Ламсдорфа Розену от 22 сентября (5 октября) 1905 г.

¹⁹⁹ Там же, № 225—246, все документы по этому вопросу; последний — официальное сообщение о ратификации от 3 октября ст. ст.

состоялось 17 (30) октября 1905 г. и предусматривало, что каждая сторона «обязуется иметь в Маньчжурии ко 2 (15) апреля 1906 г. не более 250 тысяч строевых, а ко 2 (15) октября 1906 г. не более 75 тысяч строевых, закончена же эвакуация должна быть ко 2 (15) апреля 1907 г.»; количество охранной стражи на железной дороге определено было в 15 человек на километр²⁰⁰.

5. ПОСЛЕ ПОДПИСАНИЯ ДОГОВОРА

Прошло с небольшим два года, и 5 (18) октября 1907 г. русскому поверенному в делах в Токио было дано знать и поручено заявить японскому правительству, что русское правительство готово «уплатить вознаграждение за содержание наших военнопленных в установленном им (японским правительством.— *Б. Р.*) размере». Но это было не так просто: предварительно необходимо было иметь полную уверенность, что японцы признают «заявленный нами счет», т. е. счет расходов по содержанию в России японцев-военнопленных. Оба счета, японский и русский, разница между которыми, по статье XIII Портсмутского договора, имела теперь в виду, составлены были с точностью до одной копейки, и на долю Японии пришлась сумма в 45 967 620 рублей и 52 копейки²⁰¹.

Как случилось, что японцы, начав с 1 200 000 000 иен, согласились на эту, тоже, несомненно, преувеличенную сумму?

По сообщению газеты «Таймс», в Токио совет Генро отступился от этого денежного требования под давлением Ито. Была и еще газетная версия, что «решающую роль в деле соглашения сыграл барон Канеко, который будто бы в последний момент обратился через князя Ито непосредственно к микадо, советуя отказаться от контрибуции». Коростовец сообщает, что «Комура, как известно, был другого мнения»²⁰². В самом деле, мы видели состояние, в каком пребывал Канеко в решающее для японской стороны воскресенье 14 (27) августа, и расхождение между ним и Комурой по денежному вопросу, сорвавшее попытку Рузвельта соблазнить кайзера на последнее вмешательство в Петербурге обещанием публичной уступки ему инициативы и «чести» последнего решающего хода. Сам Лэнсдоун объяснял готовность Японии уступить не только письмами Рузвельта к Канеко, но и другими факторами, и сослался на самого Хаяси, который ему говорил, что «после всего они (японцы.— *Б. Р.*) не могли быть совершенно уверены, что выиграют следующее сражение и что после непрерывного ряда их успехов неудача или нерешительное сражение могло бы серьезно ухудшить их положение». Тот же Хаяси указывал, что «последние наборы вовлекли в военную сеть громадную пропорцию молодежи, принадлежащей к образованным и деловым кругам, и что громадный список убитых на войне мог бы оказать очень серьезное действие на положение страны». Лэнсдоун прибавил, что «могли бы быть и еще причины, которые мы можем только предполагать»²⁰³. Среди таких скрытых причин можно бы назвать одну, — о которой мы узнаем из третьих рук, — не проникшую еще, насколько знаем, в нашу советскую литературу. Это — указание на письмо японского воен-

²⁰⁰ «Красный архив», 1924, т. 7, телеграмма Линевица Коковцову от 22 октября (4 ноября) 1905 г. стр. 27—28.

²⁰¹ Г. Д. Дементьев. Во что обошлась нашему государственному казначейству война с Японией, Пгр., 1917, стр. 21.

²⁰² «Былое», 1918, № 3, стр. 80.

²⁰³ St. Gwynn. Указ. соч., т. I, стр. 498, письмо Спринг Райса жене Рузвельта от 10 октября 1905 г.

ного кредитора, главы американской банковской фирмы «Кун, Леб и К^о» Якова Шиффа, направленное им Такахире 12 (25) августа (в один день с третьим президентским посланием царю), в котором Шифф обращал внимание Такахиры на то, что в случае продолжения войны Россия сможет использовать свои громадные золотые запасы или даже временно отказаться от золотого стандарта (о чем, как известно, поговаривал и Витте, для распространения, конечно), между тем как Япония лишена подобной возможности, и ее положение грозило бы стать трудным, хотя бы она и не была брошена фирмой Шифф на произвол судьбы. «Чего я боюсь,— писал Шифф,— это, что денежные рынки США, Англии и Германии при мысли о войне до победного конца не будут готовы финансировать японские потребности в сколько-нибудь большом размере»²⁰⁴.

Таким письмам банкиров к дипломатам нельзя не приписывать существенного значения в международных делах. Предполагать здесь простое совпадение (coincidence), как это делает канадский болельщик «англо-американской дружбы» Джельбер, и проходить мимо того, что письмо Шиффа к Такахире и письмо Рузвельта через Мейера к царю (с последним усилием выжать из него хоть небольшую толику денег в пользу Японии) датированы оба 12 (25) августа 1905 г., равносильно грубой попытке фальсификации. Ведь нелепо предполагать, что Шифф имел прямую возможность непосредственно следить за развитием портсмутских переговоров независимо от руттов и рузвельтов с тем, чтобы, как в данном случае, нажать свою кнопку как раз накануне намеченного на субботу 13 (26) августа решающего заседания конференции, и делать это за спиной или вопреки воле Рузвельта. Но даже если и допустить, что Такахира ежедневно информировал Шиффа о ходе дел, то и тут нет места предположению о простом совпадении.

Есть и еще две попытки комментировать японскую «уступчивость» в последний момент — одна с целью выгородить политику японского империализма вообще и, в частности, и в этот момент; другая — в досаде на даже небольшую долю самостоятельности, какую обнаружили японские дипломаты в отношении своего покровителя-американца.

Первая принадлежит Исии, начальнику коммерческого бюро японского министерства иностранных дел, издавшему в 1930 г. апологию внешней политики Японии под заглавием «Дипломатические комментарии», в которой он не отказал себе в нескромности вывести самого себя в роли спасителя японского империализма от якобы слабовольной оплошности всей решающей токийской верхушки, оплошности, из-за которой бедная Япония могла остаться в 1905 г. без южной половины

²⁰⁴ Передаю по книге: L. Gelber. The rise of anglo-american friendship, Oxford — New York, 1938, стр. 236; письмо Шиффа Джельбер извлекает из книги: Adler. Jacob Schiff, I, London, 1929, стр. 231—232. Об отношениях этого банкира с Рузвельтом можно конкретно составить представление, например, по следующему факту, заимствуемому нами из «Foreign Relations» (Washington, 1906, стр. 681), где опубликовано письмо Шиффа государственному секретарю Элиу Руту от 21 ноября 1905 г.: «Дорогой секретарь, я получил ваше ценное сообщение от 18-го сего месяца, и благодарю вас за информацию, там заключенную, относительно ожидаемого участия США в международной конференции по мароккским делам. Я также с интересом читал согласованную между Германией и Францией программу, копию которой вы были добры мне прислать». Далее Шифф обращал внимание Рута на необходимость поставить на этой конференции вопрос о равноправии национальностей в Марокко в отношении магометан. Примечательно, что уже через неделю, 28 ноября, Рут писал Уайту, уполномоченному США на Алхесирасской конференции: «Это — желание президента, чтобы вы обратили внимание на этот вопрос и постарались всеми средствами внушить его важность вашим коллегам на конференции».

Сахалина. Под сенсационным заголовком: «Мнение царя становится известным», Исии сообщает, будто он 14 (27) августа (когда, как мы видели, Канеко в Нью-Йорке хлопотал о том, как бы еще раз попробовать вырвать у царя лишние деньги) первый во всем Токио узнал от «своего друга в одной из иностранных миссий в Токио» «о том, что произошло во время царской аудиенции» Мейера 10 (23) августа. Узнав, что царь согласился отдать половину Сахалина, Исии отправился к премьеру Кацура и застал его за завтраком «со своими коллегами» после заседания кабинета: тут-то «в отдельной комнате» Исии и сообщил о своей новости Кацура. Между тем, оказывается, еще до того (но когда именно, Исии умалчивает) «министры и старшие политические деятели (Генро.— *Б. Р.*) заседали день и ночь (сколько же суток и в какие числа?— *Б. Р.*), обсуждая положение» в предвидении, что «последнее заседание конференции должно произойти 15 (28) августа», и, «наконец, на заседании в присутствии императора (в какой же день?— *Б. Р.*) они решили отказаться от требований уступки Сахалина и возмещения убытков», и «это решение было немедленно (когда?— *Б. Р.*) передано японским делегатам в Портсмуте». Таково было положение вещей на 27 августа, когда над Исии воссиял «божий промысел», и тотчас же Кацура распорядился, повидимому, не собирая кабинета и Генро, принявших раньше свое решение в присутствии самого микадо, послать в Портсмут инструкцию «добиться однодневной отсрочки» и другую инструкцию — потребовать южную половину Сахалина. Что и было исполнено в Портсмуте в точности!

Даже абсолютно ничего не зная, хотя бы из обследованной нами выше документации, любой читатель спросил бы, как могло случиться и для чего это понадобилось бы Рузвельту, чтобы уступка Сахалина, которую Николай в устной и письменной форме сделал Мейеру 23 августа, была удержана им, Рузвельтом, в секрете от Канеко (или Комуры, или Такахиры, что безразлично), когда вся аргументация Рузвельта в адрес японской стороны строилась именно на том, что ей следует добиваться Сахалина и отказаться от денег? Или Рузвельт совсем запутался в двух соснах и сбился, кому надо втолковывать о деньгах и кому — о территории, и что одним говорить о деньгах и что другим говорить о территории? Читатель далее спросил бы Исии, как это было возможно в Японии, чтобы премьер пренебрег решением дворцового совещания под председательством самого «сына восходящего солнца» и, не собирая этого совещания вновь, отменил принятые там решения, от которых зависели война и мир?

Мы знаем точно и документально, что Витте сообщил японцам об уступке им южной половины Сахалина и притом как уступке крайней, дальше которой русская сторона не пойдет, на частном совещании послов в субботу 13 (26) августа между 2 часами и 4 ч. 30 м. дня, и немыслимо, чтобы Комура не подал об этом в Токио телеграммы тотчас по окончании десятиминутного официального заседания, окончившегося в 4 ч. 40 м. дня²⁰⁵. Известно также, что германский посол в Петербурге Альвенслебен узнал о содержании беседы Мейера с царем 10 (23) августа непосредственно от самого Мейера и телеграфировал о том в Берлин 11 (24) августа²⁰⁶. Известно также, что французский посол в Петербурге уже 11 (24) августа в беседе с Ламсдорфом исходил из того, что уступка

²⁰⁵ Протоколы Портсмутской конференции, стр. 70; Оранжевая книга, № 177, телеграмма Витте Ламсдорфу от 13(26) августа 1905 г.

²⁰⁶ Die Grosse Politik, 19/II, № 6328, телеграмма Бюлова Вильгельму от 25 августа 1905 г. и стр. 623, прим.

южной половины Сахалина — дело решенное²⁰⁷. Подобного рода не-японская документация внушает полную уверенность в том, что, откройся японские архивы для научного изучения, будут найдены и японские документы, которые опровергли бы выдумку Исии, если в том еще оставалась бы какая-нибудь надобность²⁰⁸.

Большого внимания заслуживает комментарий к японской «уступчивости» американского происхождения. Он принадлежит Рузвельту, но им самим, насколько знаем, никогда опубликован не был. Имеем в виду его письмо к Спринг Райсу от 1 ноября 1905 г., опубликованное только в 1929 г. Гуинном. Он писал, что японцы «руководились мудрым собственным интересом, отказываясь воевать дальше для получения контрибуции, которой они никогда бы не получили и которая стоила бы им несметных расходов и крови», а далее все же критиковал их поведение. «Конечно,— писал Рузвельт,— очень легко говорить пост фактум, что дело надо было бы сделать иначе; и в самом деле, лично я разыграл бы игру другим способом. Я не прибег бы к обману, от которого я не ждал бы хорошего, и я не стал бы в положение просящего контрибуции, в которой наверняка было бы отказано, и потому положение дающего в конце концов дало русским видимость дипломатической победы. Но русские... легко могло бы быть... не отдали бы южную половину Сахалина, если бы японцы не прибегли к обману в вопросе о контрибуции»²⁰⁹. Это толкование противоречит тому, как понимал сам Рузвельт позицию японского правительства во время переговоров, и звучит здесь иронией по адресу непослушного подопечного. Критикуя позицию японского правительства двумя месяцами раньше, Рузвельт писал Спринг Райсу, что «японцы отдали больше, чем нужно было отдать, когда они вернули северную половину Сахалина, которую, я уверен, я мог бы получить для них, или которую, я думаю, я мог бы заставить Россию выкупить за небольшую сумму денег»²¹⁰. Возможно, что теперь Рузвельт наводил некоторую мораль на японцев в том смысле, что, не намудри они, несмотря на его увещания, со своей торговлей о деньгах, он устроил бы им цельную территорию, а они намудрили так, что получили всего только ее половину.

Это был лишь легкий укол японцам в письме к англичанину. «Но в целом все в порядке,— заключал Рузвельт эту свою оценку,— и я думаю, что мир справедлив для России и для Японии, и также хорош для Англии и США». А что дело имело такой вид, будто дипломатическую победу одержала 16 (29) августа именно русская сторона, это высказал не только Рузвельт под непосредственным впечатлением решающего заседания конференции, но и Спринг Райс. Последний три недели спустя писал жене Рузвельта про появление в руках у Лангерке-Мейера меморандума Николая от 10 (23) августа, который «обеспечил» мир: «тогда-то японцы и приняли ультиматум и японцы поступили правильно, сразу же согласившись»²¹¹. И это была не обмолвка. Еще в октябре 1905 г. терминология у Спринг Райса была та же: «Витте прибыл на заседание [16 (29) августа.— Б. Р.], но в руках он держал формальный ультиматум от имени царя и его народа»²¹².

²⁰⁷ Оранжевая книга, № 166, записка Ламсдорфа царю от 12(25) августа 1905 г.

²⁰⁸ Ряд серьезных возражений вызывает рассказ Исии и у Л. Н. Кутакова (указ. соч., стр. 192).

²⁰⁹ St. Gwynn. Указ. соч., т. II, стр. 9, письмо Рузвельта Спринг Райсу от 1 ноября 1905 г.

²¹⁰ Там же, т. I, стр. 486, письмо Рузвельта Спринг Райсу от 1 сентября 1905 г.

²¹¹ Там же, стр. 490, письмо Спринг Райса жене Рузвельта от 26 сентября 1905 г.

²¹² Там же, стр. 495, письмо Спринг Райса жене Рузвельта от 5 октября 1905 г.

Портсмутский мир представлялся настолько «хорошим» для англосаксонского империализма, что его приветствовал не только Рузвельт, но и Лэнсдоун, не шевеливший и пальцем в пользу мира, пока шли о нем переговоры. Сам Лэнсдоун сказал Спринг Райсу, что «президенту можно приписать заслугу свершения большого дела, и я теперь же снимаю перед ним мою шляпу». Далее Спринг Райс пояснял: «Мы выиграли от этого мира, как и весь свет вообще; ибо как только мир был объявлен, долго длившиеся переговоры (Германии.— Б. Р.) с Францией относительно Марокко неожиданно пришли к концу, к громадному облегчению обеих — Франции и Англии, потому что ни одна из них не хотела, чтобы ей была навязана война, а поскольку этот несчастный вопрос оставался открытым, война всегда была возможна»²¹³.

За начальством следовали и непосредственные подчиненные. Французскому поверенному в делах в Лондоне Жоффруа оба английских помощника государственного секретаря и директор канцелярии Лэнсдоуна уже 17 (30) августа «один за другим выражали подлинную радость по поводу счастливого исхода переговоров»²¹⁴. Нечего и говорить про Америку. Депорт де ла Фоссу, заменявшему Жюссера при вашингтонском кабинете, пришлось быть в Нью-Порте, летнем местопребывании уолл-стритовцев, как раз в день, когда распространилась сенсационная весть об уступке японцев, и ряд финансовых тузов (*gros financiers*), проявляли озабоченность: «Им хотелось бы, чтобы военная контрибуция, под любым названием, укрепила бы обеспечение, по их мнению недостаточное, обоих последних японских займов, подписанных в Нью-Йорке. Но первая роль, которую США играли в переговорах, и мир, который будет подписан на их территории и при их содействии, позволяют им с этой минуты предвидеть (*envisager*) в экономических переменах Азии, осуществление которых мир, несомненно, ускорит, самые блестящие перспективы на Тихом океане»²¹⁵. Наоборот, по французским же наблюдениям, в Петербурге «этот мир не вызывает никакого энтузиазма и даже удовлетворения вне деловых кругов. Биржа приветствовала его повышением на 4 пункта... Нет никого вплоть до Витте и Ламсдорфа, кто не был бы огорчен уступкой половины Сахалина; они думают, что при немного большем терпении и большем упорстве в сопротивлении этой уступки можно было бы избежать, и во всяком случае они предпочли бы заплатить небольшую контрибуцию, чем отказываться от территории» («они делают вид, что радуются миру только с гуманной точки зрения») ²¹⁶.

Нечего и говорить о непосредственных участниках в деле с русской стороны. В первый же день обратного путешествия из Нью-Йорка русской делегации Коростовец на пароходе записал в своем дневнике: «История покажет, каков будет этот мир и заслужим ли мы признательность или упреки потомства. Сами авторы договора не верят в его прочность и длительность. Витте думает, что в данную минуту мир был необходим..., но вместе с тем он считает, что мир недолговечен и что это лишь этап в борьбе рас и народов на Тихоокеанском побережье. Розен идет

²¹³ St. Gwynn. Указ. соч., т. I, стр. 498, письмо Спринг Райса жене Рузвельта от 10 октября 1905 г.

²¹⁴ Documents diplomatiques, 2/VII, № 401, депеша Жоффруа Рувье от 30 августа 1905 г.

²¹⁵ Там же, № 402, депеша Депорта от 30 августа 1905 г.

²¹⁶ Там же, № 396, телеграмма Бомпара Рувье от 16(29) августа 1905 г. Разумеется, приводимые отзывы имеют в виду не народные массы, а «верхи общества», только и доступные поверхностному наблюдению обычных дипломатических представителей.

еще дальше: он называет портсмутский мир перемирием и считает, что мы должны были продолжать войну и доконать японцев»²¹⁷.

Розен предвосхищал тут настроение, которое по полученным Спринг Райсом сведениям охватило русский двор между днем, когда японцы сделали уступку, и днем подписания договора. «После того, как японцы приняли ультиматум,— писал Спринг Райс жене Рузвельта,— прошло несколько дней, прежде чем договор был подписан. В этот промежуток времени на царя было оказано страшное давление, и в результате была послана телеграмма Витте, единственный смысл которой мог быть тот, что надо найти предлог для разрыва переговоров по какому-нибудь второстепенному пункту и таким образом предотвратить подписание». Что эту легенду, ходившую не один месяц после происшествия, передал в круги, из которых черпал свою информацию Спринг Райс, сам Витте, можно догадываться из дальнейшего. «Витте, однако, ясно видел,— продолжал Спринг Райс,— что подобный образ действий решительно отвратит от России симпатии президента и американского народа, равно как и всего света, и продолжал действовать вопреки его инструкциям, как на деле он поступал все время переговоров». Вот и теперь, когда писал это письмо Спринг Райс, «несколько человек» из его личных знакомых «видели царя и императрицу последние дни. Они в один голос говорят, что император выражается о себе самом, как о человеке, которого обманом заставили заключить мир. «Если бы я только знал, что японцы хотели уступить в вопросе о контрибуции, я никогда не согласился бы отдать половину Сахалина»²¹⁸.

Но все это было маханием после драки кулаками и попыткой свалить с больной головы на здоровую. Это ведь был настоящий, говоря словами Ленина, «царский мир»²¹⁹ — в самом подлинном, дословном значении этих слов: в Портсмуте не было принято ни одного решения, которое бы противоречило петербургским инструкциям, утвержденным царем до отъезда русской делегации на конференцию, или телеграфным указаниям,— запрашивал ли их Витте во время конференции сам, или царь спешил дать их ему, не дожидаясь запроса. Слова же об уступке половины Сахалина Николай произнес собственными устами в собственном кабинете собственного его величества Петергофского дворца и затем там же надиктовал их, среди других условий мира, ловкому, напористому американцу Мейеру из бостонской финансовой клики.

После поражения при Цусиме «война была окончательно проиграна царской Россией» и «царское правительство оказалось вынужденным заключить позорный мир с Японией»²²⁰. Это была ни с чем не сообраз-

²¹⁷ «Былое», 1918, № 4, стр. 174—175. Ср. отзыв Шипова: «Радости не разделяем, но скорбно вздохнули с облегчением» [«Красный архив», 1924, т. 6, стр. 41, телеграмма Коковцову от 16(29) августа 1905 г.]. А. Путилов телеграфировал Шипову 19 августа (1 сентября) 1905 г.: «Печать, кроме Гражданина, Биржевых ведомостей, высказывается очень сдержанно, даже либеральные газеты, приветствуя мир, считают его тяжелым. Промышленные сферы превозносят мир» (там же, стр. 43).

²¹⁸ St. Gwynn. Указ. соч., т. I, стр. 495 и сл., письмо Спринг Райса жене Рузвельта от 5 октября 1905 г. Ср. письмо Ч. Гардинга Лэнсдоуну от 5 октября 1905 г.: «Я всегда говорил вам, что император не хотел мира, но хотел продолжать войну бесконечно. Достаточно любопытная информация была дана вчера императором и императрицей полковнику Уотерсу. Они выражали досаду по поводу заключения мира в момент, когда русская армия была в столь блестящем положении, и император возбужденно говорил о ловкости японцев, с какой они отказались от контрибуции, и сказал, что он был обманут, когда отдавал половину Сахалина. Императрица говорила еще более резко...» (L. Newton. Lord Lansdown, London, 1929, стр. 326).

²¹⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 104.

²²⁰ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 53.

ная претензия догнавшей полукрепостнической верхушки Российской империи,— ведя позорную политику и позорно проведя войну, напоследок поддавшись вдобавок грубому дипломатическому обману противника,— получить мир не позорный!

Не царской России и не царскому правительству под силу было в дальнейшем смыть этот позор. Это сделал при Советской власти русский народ, который разгромил в 1945 г. империалистическую Японию и обезвредил опасный для всего человечества очаг войны на Дальнем Востоке.

А. Г. РАШИН

**О ЧИСЛЕННОСТИ
И ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ РАЗМЕЩЕНИИ РАБОЧИХ РОССИИ
В ПЕРИОД КАПИТАЛИЗМА¹**

В своем труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин приводит по материалам 1880-х и первой половины 1890-х годов сводные данные о численности рабочих, которые в указанный период были заняты в различных отраслях народного хозяйства России². В дальнейшем был опубликован ряд материалов о численности и составе лиц наемного труда капиталистической России за последующие годы. Большинство указанных материалов относится к рабочим фабрично-заводской и горнозаводской промышленности, мало касаясь других групп рабочих. Между тем более или менее полное и вместе с тем конкретное представление о сложных и многообразных процессах формирования всего рабочего класса капиталистической России можно получить лишь при одновременной характеристике образования всех важнейших групп рабочих, и в первую очередь при установлении их численности.

Основная задача настоящей статьи — сгруппировать наиболее существенные показатели о численности всех важнейших групп рабочих капиталистической России, а также определить примерную общую численность рабочего класса в России накануне первой мировой войны — в 1913 г. Отсутствие периодической отчетности о численности отдельных групп рабочего класса заставило нас сосредоточить внимание на систематизации и сводке разнообразных материалов (в том числе и материалов первой переписи населения России в 1897 г.), в которых имеются сведения о численности рабочих этих групп. Все же в ряде случаев при определении численности рабочих приходилось прибегать к исчислениям.

Следует также отметить, что, к сожалению, почти отсутствуют разработки соответствующих статистических материалов по районам. Между тем не приходится говорить о важном значении порайонного изучения роста наемного труда. В условиях весьма неравномерного развития капитализма в отдельных районах страны наблюдались значительные различия в росте числа рабочих отдельных районов и губерний, а также в их удельном весе в отношении ко всему населению. Учитывая неразработанность до настоящего времени вопроса о порайонном размещении рабочих капиталистической России и почти полное отсутствие сводных показателей по этому весьма важному вопросу, мы стремились во второй части предлагаемой статьи хотя бы в некоторой степени восполнить этот пробел.

¹ Из подготавливаемой к печати монографии «Очерки по истории формирования рабочего класса капиталистической России».

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 510.

В нашей работе «Формирование промышленного пролетариата в России» (М., 1940) были опубликованы подробные материалы о динамике численности фабрично-заводских и горнозаводских рабочих за длительный период. Поэтому в настоящей статье в отношении промышленного пролетариата можно ограничиться лишь некоторыми общими показателями.

Численность рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности в пределах территории царской России увеличилась в течение 50 лет ее капиталистического развития в 3,9 раза и достигла в 1913 г. 3,1 млн. человек. Фактически указанный темп был несколько более высоким, так как в начальный период при учете численности фабрично-заводских рабочих частично принимались в расчет и рабочие домашней промышленности.

Приведем также данные о движении численности рабочих, занятых в предприятиях, подчиненных надзору фабричной и горной инспекции за 1900—1913 гг. Эти данные дают возможность определить и общую динамику численности фабрично-заводских рабочих за указанный период. Мы располагаем следующими сопоставимыми показателями (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности России за 1900—1913 гг.

Фабрики и заводы	Число рабочих, в тысячах		Прирост с 1900 г. по 1913 г.	
	1900 г.	1913 г.	в тысячах	в %
А. Подчиненные надзору фабричной инспекции	1692,3	2282,1	589,8	34,9
Б. Подчиненные надзору горной инспекции	506,5	647,7	141,2	27,8
Всего	2198,8	2929,8	731,0	33,2

Обращаясь к общей численности фабрично-заводского пролетариата в 1913 г., следует указать, что сверх приведенных данных (2929,8 тыс. рабочих) следует еще принять во внимание 72 тыс. вспомогательных рабочих, занятых, по данным за 1911 г., в металлургии. Далее, если к двум основным группам фабрично-заводских рабочих присоединить еще рабочих предприятий морского (22,4 тыс. человек по данным 1908 г.) и военного министерств (37,3 тыс. человек по данным 1908 г.)³ и принять во внимание недостающие данные в отношении группы коммунальных предприятий, а также возможный небольшой недоучет, то общая численность рабочих на фабриках и заводах на территории довоенной России может быть определена примерно в 3100 тыс. человек, а вместе с фабрично-заводскими служащими — в 3350 тыс. человек.

Состояние сохранившихся статистико-экономических материалов не дает возможности проследить динамику численности всех групп рабочего класса. В то время как в отношении железнодорожного транс-

³ Статистические данные по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 г., изд. отдела промышленности министерства торговли и промышленности, СПб., 1912, стр. 2—3.

порта мы располагаем сопоставимыми динамическими показателями о численности работников, для ряда других групп рабочего класса имеются разрозненные данные, позволяющие лишь путем расчетов, часто весьма сложных, установить на определенные даты общую численность рабочих.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ РАБОТНИКОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА В РОССИИ

Образование многочисленного железнодорожного пролетариата в основном произошло в пореформенный период, причем рост числа железнодорожников резко выделяется по своему высокому темпу в сравнении с соответствующим ростом рабочих и служащих, занятых в других отраслях народного хозяйства. Число работников железнодорожного транспорта возросло с 1860 г. по 1913 г. почти в 74 раза, а число рабочих, занятых в фабрично-заводской и горнозаводской промышленности, — несколько менее, чем в четыре раза. При столь высоких темпах роста численности рабочих и служащих на железных дорогах, и также учитывая важную роль этого отряда рабочего класса, мы считаем необходимым дать более подробную характеристику динамики численности работников железнодорожного транспорта, принадлежавших, как указывал В. И. Ленин, «к числу рабочих в крупных капиталистических предприятиях...»⁴.

Для капиталистического развития России весьма характерным является значительный рост железнодорожной сети, происходивший в течение сравнительно ограниченного периода времени. С начала 1860 г. по 1915 г. длина железнодорожной сети в России увеличилась с 1,5 тыс. верст до 71,3 тыс. верст. Соответственно с этим происходил стремительный рост численности железнодорожников. Об общем движении числа рабочих и служащих на железных дорогах за пореформенный период с 1860 г. по 1915 г. можно судить по данным табл. 2.

Таблица 2

Динамика численности рабочих и служащих на железных дорогах России
за 1860—1915 гг.⁵

Годы	Число рабочих и служащих, в тысячах	Годы	Число рабочих и служащих, в тысячах	Годы	Число рабочих и служащих, в тысячах
1860	11,1	1891	259,7	1904	711,9
1865	28,1	1892	284,1	1905	751,2
1870	70,1	1893	301,3	1906	825,3
1875	140,5	1894	320,8	1907	836,0
1880	191,3	1895	344,0	1908	844,2
1883	216,1	1896	386,1	1909	797,9
1884	214,8	1897	407,0	1910	771,9
1885	213,0	1898	456,8	1911	806,9
1886	216,4	1899	490,1	1912	836,2
1887	218,1	1900	554,4	1913	815,5
1888	239,8	1901	615,4	1914	887,8
1889	249,9	1902	631,7	1915	905,3
1890	248,3	1903	669,0		

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 435.

⁵ Настоящая и следующая таблицы составлены в основном по данным, опубликованным в Статистических сборниках министерства путей сообщения. Цифры за 1860—1880 гг. получены нами путем исчислений, метод которых изложен ниже.

Как видно из табл. 2, численность железнодорожников с 1860 г. по 1915 г. возросла с 11 тыс. человек до 905 тыс. Рост числа рабочих и служащих за отдельные годы был весьма неравномерным, что было вызвано колебаниями в развитии железнодорожной сети в стране.

Обращаясь к начальному периоду формирования железнодорожного пролетариата, приходится отметить, что непосредственными данными о фактической численности работников железнодорожного транспорта за 1860—1882 гг. мы не располагаем. Поэтому нам пришлось за первые пять лет в приведенной таблице определить число рабочих и служащих на железных дорогах путем следующих расчетов. Сведения о длине эксплуатируемой сети имеются за все указанные годы. На основании отчетов ряда железных дорог за 1874 г. И. Блюх принимал, что при эксплуатации железных дорог на 1 версту приходилось 8,12 рабочих и служащих⁶. Этот показатель был принят нами для 1875 г. и для предшествующих лет. Возможно, что количество работников на 1 версту на даты, предшествующие 1875 г., были несколько более низкими, чем в 1875 г., но на расчетах общей численности рабочих и служащих это отразилось бы лишь в незначительной степени. Для 1880 г. нами было принято то же количество рабочих и служащих на 1 версту, что и для 1885 г. Пользуясь этими данными, мы определили примерное общее число рабочих и служащих на железных дорогах за 1860—1880 гг.

Таблица 3

**Динамика численности рабочих и служащих железных дорог России
за 1884—1900 гг.**

Г о д ы	Численность рабочих и служащих									
	в тысячах					в ‰ к 1884 г.				
	с л у ж б ы									
	управле- ние	тяга	путь и строения	движение	всего	управле- ние	тяга	путь и строения	движение	всего
1884	13,3	56,8	86,3	58,4	214,8	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1885	13,5	57,2	84,2	58,1	213,0	101,6	100,7	97,6	99,4	99,1
1886	13,1	56,7	88,7	57,9	216,4	98,8	99,8	102,8	99,1	100,7
1887	13,8	57,7	87,8	58,8	218,1	104,0	101,6	101,7	100,5	101,4
1888	14,8	61,3	99,9	63,8	239,8	111,1	107,8	115,8	109,2	111,5
1889	16,2	66,8	101,8	65,1	249,9	122,0	117,6	117,9	111,5	110,3
1890	16,0	68,0	97,0	67,3	248,3	120,0	119,7	112,5	115,2	115,5
1891	16,7	71,0	103,6	68,4	259,7	125,6	124,9	120,1	117,2	120,8
1892	18,2	78,6	113,9	73,4	284,1	136,8	138,3	132,1	125,7	132,2
1893	21,5	84,6	119,0	76,2	301,3	161,4	149,0	138,0	130,4	140,2
1894	20,6	92,1	120,7	87,4	320,8	154,7	162,1	139,9	149,7	149,2
1895	22,9	100,4	129,3	91,4	344,0	172,2	176,6	149,9	156,5	160,0
1896	24,0	112,5	148,0	101,6	386,1	180,5	198,0	171,5	174,0	179,6
1897	27,0	118,2	150,1	111,7	407,0	202,9	208,0	174,0	191,3	189,3
1898	30,9	134,4	167,8	125,7	456,8	232,4	236,5	194,5	215,2	212,5
1899	33,5	145,4	178,4	132,8	490,1	251,5	256,0	206,8	227,3	228,0
1900	36,8	161,9	209,1	146,6	554,4	276,7	284,9	242,5	250,9	257,9

⁶ И. Блюх. Влияние железных дорог на экономическое состояние России, т. I, СПб., 1878.

Итак, за 25-летний период (1860—1885 гг.) образовалась новая армия железнодорожников, насчитывавшая более 200 тыс. человек, причем прирост в абсолютных числах работников железнодорожного транспорта был особенно высоким с 1870 г. по 1875 г., когда происходило значительное развитие сети железных дорог.

Несомненно, что эти примерные расчеты нельзя признать безусловно точными, но все же они дают возможность судить о динамике общей численности железнодорожников за этот первоначальный период, когда их численность возрастала в весьма интенсивном темпе.

Данные о численности рабочих и служащих на железных дорогах России за отдельные годы приведены в Статистических сборниках министерства путей сообщения, начиная с 1883 г. Рассмотрим отдельно материалы о движении числа работников железнодорожного транспорта в периоды 1884—1900 и 1900—1915 гг.

На основании данных указанных сборников составлена табл. 3 о движении численности работников железнодорожного транспорта в целом и по отдельным службам за 1884—1900 гг.

Как видно из табл. 3, с 1884 г. по 1900 г. численность рабочих и служащих на железных дорогах России увеличилась с 214,8 тыс. человек до 554,4 тыс. человек, т. е. на 340 тыс., или на 158%. Столь значительный прирост числа железнодорожников (особенно в 1896—1900 гг.) был связан с интенсивным развитием эксплуатационной сети, увеличившейся

Таблица 4

**Динамика численности рабочих и служащих железных дорог России
за 1900—1913 гг.**

Годы	Численность рабочих и служащих									
	в тысячах					в % к 1900 г.				
	с л у ж б ы									
	управле- ние	тяга	путь и строения	движение	всего	управле- ние	тяга	путь и строения	движение	всего
1900	36,8	161,9	209,1	146,5	554,3	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
1901	42,7	179,2	232,1	161,4	615,4	115,8	110,7	111,0	110,1	111,0
1902	46,5	187,0	230,5	167,7	631,7	126,4	115,5	110,2	114,4	113,9
1903	49,6	198,3	242,7	178,4	669,1	134,8	122,5	116,0	121,8	120,7
1904	52,2	215,1	256,6	188,0	711,9	141,7	132,9	122,7	128,3	128,4
1905	56,5	223,6	268,5	202,6	751,2	153,4	138,2	128,4	138,2	135,5
1906	57,5	254,6	295,5	217,7	825,3	156,2	157,3	141,3	146,5	148,3
1907 ⁷	59,1	257,5	300,5	227,9	836,0	160,5	159,1	143,7	155,5	151,7
1908	61,2	237,8	316,4	228,8	844,2	166,3	146,9	151,2	156,1	152,3
1909	62,6	228,7	278,1	228,5	797,9	170,0	141,3	133,0	155,9	143,9
1910	59,5	227,6	261,9	223,0	771,9	161,6	140,6	125,2	152,2	139,2
1911	66,5	231,8	277,8	230,8	806,9	180,6	143,2	132,8	157,5	145,5
1912	71,5	235,6	290,8	238,3	836,2	194,1	145,5	139,0	162,6	150,8
1913	57,4	242,4	268,3	247,4	815,5	155,9	149,8	128,3	168,8	147,1

⁷ В Статистическом сборнике министерства путей сообщения за 1907 г., вследствие допущенной ошибки, сумма числа рабочих отдельных служб оказалась больше итогового числа рабочих.

Таблица 5

Сравнительная таблица движения численности рабочих и служащих на железных дорогах Европейской и Азиатской России за 1898—1913 гг.

Годы	Число рабочих и служащих на железных дорогах, в тысячах			Численность рабочих и служащих на ж. д. Азиатской России, в % к общей численности
	Европейской России	Азиатской России	всего	
1898	432,1	24,6	456,7	5,8
1899	453,9	35,5	490,1	7,2
1900	504,0	50,3	554,4	9,1
1901	553,0	62,4	615,4	10,1
1902	563,2	68,5	631,7	10,8
1903	591,9	77,1	669,0	11,5
1904	606,8	105,1	711,9	14,8
1905	625,7	125,5	751,2	16,7
1906	697,5	127,8	825,3	15,5
1907	732,5	103,5	836,0	12,4
1908	734,9	109,3	844,2	12,9
1909	694,7	103,2	797,9	12,9
1910	669,7	102,2	771,9	13,2
1911	696,0	110,9	806,9	13,7
1912	724,5	111,7	836,2	13,4
1913	709,3	106,2	815,5	13,0

в 1896—1900 гг. на 15 068 верст. Темп прироста числа работников отдельных служб за те же годы сравнительно незначительно отклонялся от общего темпа прироста. Так, при среднем приросте по всем службам в 157,9% численность рабочих и служащих увеличилась по тяге на 184,9%, управлению — на 176,7%, движению — на 150,9%, пути и строениям — на 142,5%.

Обратимся к показателям движения числа работников железнодорожного транспорта за 1900—1913 гг. (табл. 4).

Итак, общая численность рабочих и служащих на железных дорогах возросла с 554,4 тыс. человек в 1900 г. до 815,5 тыс. человек в 1913 г. или на 47,1%. Среднегодовой прирост численности железнодорожников за рассматриваемые годы составил около 20 тыс. чел. Повышенные показатели падают на 1901 г. (61 тыс.), 1904 г. (42,8 тыс.), 1905 г. (39,3 тыс.) и 1906 г. (74,1 тыс.); сравнительно значительное снижение численности железнодорожников наблюдалось в 1909 г., а именно на 46,4 тыс. человек. Наиболее высокий уровень числа железнодорожников был достигнут в 1908 г., когда прирост составлял 52,3% по сравнению с 1900 г. Таким образом, при общем росте численности железнодорожников по отдельным годам наблюдались значительные колебания. В годы первой мировой войны число рабочих и служащих на железных дорогах увеличилось и в 1915 г. достигло 905 тыс. человек, что составило 163% к уровню 1900 г. и было на 11% выше численности 1913 г.

Следует также отметить, что за период 1900—1913 гг. темп роста числа железнодорожников (+47,1%) был выше соответствующего темпа роста числа фабрично-заводских и горнозаводских рабочих (+33,2%). За

рассматриваемый период число работников службы движения возросло на 68,8%, управления — на 55,9%, тяги — на 49,8% и службы пути и строений — на 28,3%.

На основании данных, опубликованных в Статистических сборниках министерства путей сообщения, составлена также сравнительная таблица о движении численности рабочих и служащих на железных дорогах Европейской и Азиатской России с 1898 по 1913 г. (табл. 5). За рассматриваемый период число железнодорожников на дорогах Европейской России возросло на 64,2%, а на дорогах Азиатской России — гораздо значительнее — в 4,32 раза. Численность рабочих и служащих на железных дорогах Азиатской России достигла особенно высокого уровня в 1904—1906 гг. в связи с усиленными перевозками, вызванными русско-японской войной. В результате указанного неравномерного прироста численности рабочих и служащих на железных дорогах Европейской и Азиатской России удельный вес числа железнодорожников в Азиатской России в отношении к общей численности повысился с 5,8% в 1898 г. до 13,0% в 1913 г.

Несомненно, что при недостаточном развитии фабрично-заводской промышленности в Азиатской России в течение рассматриваемого периода образование 100-тысячной с лишком армии железнодорожников в Азиатской России, особенно в Сибири, имело весьма существенное социально-экономическое и политическое значение.

О ЧИСЛЕННОСТИ СУДОРАБОЧИХ В РОССИИ

К сожалению, в капиталистической России систематический учет численности судорабочих не производился⁸. Поэтому хотя бы для примерного определения численности этой группы рабочих и служащих приходится использовать разнообразные материалы. Так, сохранился ряд расчетов отдельных авторов об общей численности рабочих и служащих, занятых на речных судах в начале XX в. Несмотря на некоторую условность этих расчетов, мы считаем необходимым привести наиболее существенные из них. Обратимся к этим материалам.

И. Коишевский на основании анализа материалов переписи 1901 г. личного состава служащих на речных судах, а также переписей речного флота, произведенных в Европейской России в 1900 г. и в Азиатской России в 1896—1900 гг., получил цифру рабочих и служащих на наших внутренних водных путях в 156 964 человек. К этой цифре, указывал Коишевский, следует «прибавить: исключенных из переписи временных служащих и рабочих, всех береговых служащих в конторах и на пристанях, а также отправляющихся, как говорят теперь, «бурлачить», т. е. сплавливать белены, плоты, дрова и леса, и «крюшничать», т. е. грузить и выгружать суда и проч.». Принимая во внимание эти не учтенные значительные группы, Коишевский приходил к выводу, что «общее число лиц, занятых по судоходству и сплаву, вероятно, никак не менее 1/2 миллиона человек»⁹.

⁸ Имеются только данные о динамике численности постоянных судовых рабочих и служащих в Европейской России за 1884—1906 гг. Согласно этим данным, число постоянных рабочих и служащих на паровых и непаровых судах Европейской России увеличилось с 112,9 тыс. человек в 1884 г. до 146,8 тыс. человек в 1906 г. (Статистический сборник министерства путей сообщения, вып. 95, СПб., 1906). О численности постоянных рабочих и служащих на судах Азиатской России сохранились лишь ограниченные данные.

⁹ И. Коишевский. Личный состав нашего речного флота — «Русское судоходство», 1905, № 2—6.

Эти расчеты для начала девятисотых годов, вероятно, являются несколько преувеличенными.

Заслуживают внимания также относящиеся к началу XX в. расчеты Ф. О. Жуковского об общем числе лиц, занятых на внутренних водных путях Европейской России. По переписи 1900 г., указывал Ф. О. Жуковский, на 3925 паровых судах, плававших во внутренних водах Европейской России, было занято 40 602 судовых работника (без буфетной прислуги пассажирских пароходов), на 22 859 непаровых судах — 98 269 человек. Прибавляя к этим цифрам несколько десятков тысяч человек, занятых на конной тяге судов по каналам (в одном только Шлиссельбурге коноводов и погонщиков было 22 560 человек), затем не менее 30—40 тыс. человек, занятых переноской перевозимых по речным путям грузов, 150 тыс. человек, занятых сплоткой и сплавом плотов, наконец, постовых и пристанских сторожей, а также рабочих в казенных и частных судовых мастерских, Жуковский пришел к выводу, что «число лиц, служащих в различных предприятиях на внутренних водных путях, в настоящее время (т. е. в 1906 г.—А., Р.) должно быть не менее 400 тысяч человек»¹⁰.

В. Я. Канель, ссылаясь на доклады врачей санитарного надзора А. Десяткова и С. Кулеша, утверждал, что общее число судорабочих было весьма высоким и составляло не менее 400 тыс. человек¹¹.

Все приведенные расчеты о численности судорабочих были основаны, главным образом, на материалах, относящихся к 1900—1901 гг. Учитывая дальнейший рост числа судорабочих, мы считаем возможным принять для 1913 г. число судорабочих примерно в 500 тыс. человек¹².

О ЧИСЛЕННОСТИ ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНЫХ РАБОТНИКОВ В РОССИИ

В табл. 6 приведены данные об общей численности почтово-телеграфных работников России за период 1885—1913 гг.¹³

Таким образом, общее число чиновников и низших служащих увеличилось с 1885 г. по 1913 г. с 27,5 тыс. человек до 82,6 тыс. человек, или в три раза.

По данным за 1913 г., число низших служащих составляло 37,2 тыс., или 45% общего числа почтово-телеграфных работников.

К 82,6 тыс. почтово-телеграфных работников в 1913 г. следует еще прибавить занятых по обслуживанию телефона, которых в этом году насчитывалось 8,3 тыс. человек¹⁴.

Таким образом, общая численность работников связи России в 1913 г. составляла около 91 тыс. человек.

¹⁰ Ф. О. Жуковский. Несчастные случаи с людьми на водных путях Казанского округа путей сообщения за период времени 1904—1908 гг.—«Вестник общественной гигиены», 1906, октябрь, стр. 1559.

¹¹ В. Я. Канель. Судорабочие и судовладельцы, М., 1906, стр. 9.

¹² Имеются указания о том, что численность судорабочих в капиталистической России была еще более высокой. См., например, доклад Н. Ф. Анненского «О мерах для улучшения быта служащих и судорабочих речного флота» (Материалы, относящиеся к бывшему в С.-Петербурге в апреле 1878 г. центральному съезду представителей пароходных предприятий судового промысла, СПб., 1878).

¹³ Таблица составлена на основании следующих источников: К. В. Базилевич. Работники связи в годы реакции 1907—1916, М., 1929; Почтово-телеграфная статистика за 1894, 1904 и 1913 гг., изд. Главного управления почт и телеграфа, 1896, 1906 и 1917. Почтово-телеграфные работники подразделялись на две группы: чиновников и низших служащих (почталыоны, телеграфные рассыльные, сторожа и т. п.).

¹⁴ По данным «Почтово-телеграфной статистики» за 1913 г., Пгр., 1917.

Таблица 6

Динамика численности почтово-телеграфных работников
за 1885—1913 гг.

Годы	Общее количество			То же, в % к 1885 г.
	чиновников	низших служащих	всего	
1885	—	—	27 521	100
1894	18 879	14 236	33 115	120
1904	28 694	22 087	50 781	185
1907	31 933	24 008	55 941	203
1908	38 385	25 562	58 947	214
1909	35 617	27 565	63 182	230
1910	38 016	29 790	68 806	246
1911	40 210	31 709	71 919	261
1912	43 101	35 329	78 430	285
1913	45 398	37 214	82 612	300

О ЧИСЛЕННОСТИ СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОЧИХ
В РОССИИ

Многочисленную группу промышленных рабочих составляли строительные рабочие. В. И. Ленин на основании материалов, относящихся к последним десятилетиям XIX в., дал следующую общую оценку этой группы рабочих: «Строительные рабочие представляют из себя образующийся промышленный пролетариат, связи которого с землей, — очень слабые уже в настоящее время, — с каждым годом ослабевают все более и более. По своему положению строительные рабочие резко отличаются от лесных рабочих, приближаясь более к фабричным. Работают они в крупных городских и промышленных центрах, которые... значительно поднимают их культурный уровень. Если падающая лесная промышленность характеризует малоразвитые формы капитализма, мирящегося еще с патриархальным строем жизни, то развивающаяся строительная промышленность характеризует высшую стадию капитализма, ведет к образованию нового класса промышленных рабочих и знаменует глубокое разложение старого крестьянства»¹⁵.

К сожалению, данные о численности и составе строительных рабочих за дореволюционный период весьма отрывочны и неполны. Приведя ряд данных по отдельным губерниям, В. И. Ленин пришел к выводу, что число строительных рабочих в Европейской России должно было составить не менее 1 млн. человек. «Эту цифру надо скорее признать минимальною, — писал В. И. Ленин, — ибо все источники свидетельствуют, что число строительных рабочих быстро возрастает в пореформенную эпоху»¹⁶.

За последующие годы в результате большого строительства промышленных предприятий, усиленного железнодорожного строительства, жилищного и коммунального строительства и т. д. число строительных рабочих значительно возросло. Так, число строителей по отчетным данным,

¹⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 467—468.¹⁶ Там же, стр. 467.

опубликованным, главным образом, в земских изданиях, в семи губерниях составляло свыше 307 тыс. человек (табл. 7).

Таблица 7

Губернии	Группы строителей	Год, к которому относятся данные	Число строителей, в тысячах
Владимирская	Отхожие	1913	108,7
Костромская	Все	1898—1906	76,0
Калужская	"	1899	37,6
Московская	"	1898—1900	20,4
Тамбовская	"	1880—1884	26,6
Ярославская	Отхожие	1901	18,5
Полтавская	Все	1910	19,6
Всего по 7 губерниям	—	—	307,4

Таким образом, только по 86 уездам 7 губерний (из общего числа 502 уездов 50 губерний Европейской России) было учтено 307,4 тыс. строителей.

Укажем, в частности, что на основании отчетных данных об отхожих промыслах в сельских местностях Владимирской губернии в 1913 г.¹⁷ только здесь насчитывалось 108,7 тыс. строителей, которые по профессиям разделялись следующим образом (табл. 8):

Таблица 8

Распределение строителей Владимирской губернии по профессиям в 1913 г.

Профессия	Число строителей
Плотники	47 931
Каменщики	28 176
Маляры и кровельщики	11 057
Столяры	9 814
Штукатуры	5 457
Кирпичники	2 183
Печники	1 842
Землекопы	1 220
Всего по 8 профессиям	107 680

Приведем ряд дополнительных материалов как о численности всех строительных рабочих, так и о численности представителей важнейших профессий строительного дела.

¹⁷ Обзор Владимирской губернии за 1913 г., Владимир, 1914.

Хотя переписью 1897 г. наемные строительные рабочие не были полностью учтены, однако при весьма недостаточных статистических материалах, характеризующих численность и состав этой многочисленной группы рабочего класса, мы считаем необходимым, по возможности, подробно привести наиболее существенные данные разработки материалов переписи 1897 г. в отношении строителей.

Обратимся в первую очередь к непосредственным данным переписи 1897 г. о строителях¹⁸.

Всего по всей России самостоятельных лиц, занятых в строительном деле, было учтено 716,9 тыс. человек, в том числе в 50 губерниях Европейской России — 546,3 тыс. человек. Распределялись они по губерниям следующим образом (табл. 9):

Таблица 9

Распределение строителей в 1897 г. по губерниям Европейской России

Губернии	Число строителей, в тысячах	Губернии	Число строителей, в тысячах
50 губерний Европейской России	546,3	Тверская	13,3
В том числе:		Калужская	12,5
Петербургская	37,2	Таврическая	12,4
Московская	33,0	Ярославская	12,0
Владимирская	27,4	Черниговская	11,7
Рязанская	23,1	Екатеринославская	11,6
Костромская	21,7	Саратовская	11,5
Киевская	18,7	Волынская	10,6
Пермская	18,5	Тамбовская	10,1
Херсонская	18,0	Полтавская	9,8
Лифляндская	17,7	Витебская	9,6
Обл. войска Донского	16,1	Орловская	9,4
Нижегородская	15,7	Харьковская	9,2
Курская	14,3	Подольская	8,4
		Самарская	8,1
		Оренбургская	7,8

Сравнительно значительные группы строителей были учтены как в губерниях, где они были заняты на строительных работах (Петербургская, Московская, Киевская, Херсонская, Лифляндская), так и в губерниях, откуда они направлялись на заработки в качестве строителей (Владимирская, Рязанская, Костромская и др.).

О распределении строителей по важнейшим группам занятий и по месту их проживания (в городах и сельских местностях) можно судить по данным табл. 10.

Наиболее многочисленной группой были плотники, насчитывавшие 326,6 тыс. человек или 45,6% общей численности самостоятельных строителей, затем каменщики и каменотесы (118,1 тыс., или 16,5%) и маляры (60,2 тыс., или 8,4%).

¹⁸ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г., ч. II, СПб., 1905.

Таблица 10

Распределение строителей в 1897 г. по занятиям и месту проживания

Группы занятий	По всей России			В том числе в 50 губерниях Европейской России		
	в городах	в сельских местностях	всего	в городах	в сельских местностях	всего
Все строители	281,6	435,3	716,9	206,4	339,9	546,3
В том числе:						
Плотники	98,3	228,3	326,6	68,5	177,9	246,4
Каменщики, каменотесы	41,6	76,5	118,1	23,2	54,9	78,1
Маляры	36,6	23,6	60,2	29,7	21,5	51,2
Печники	24,1	24,2	48,3	20,3	21,4	41,7
Кладчики кирпича, землекопы	10,3	24,6	34,9	7,9	19,4	27,3
Штукатуры, лепщики и др.	12,0	15,3	27,3	9,0	14,5	23,5
Кровельщики	11,8	11,3	23,1	10,1	9,9	20,0
Стекольщики	6,5	7,9	14,4	4,5	6,2	10,7

Удельный же вес строителей, проживавших в городах, по данным переписи 1897 г., был следующий (табл. 11):

Таблица 11

Группы занятий	% строителей, проживавших в городах	
	по всей России	в том числе в 50 губерниях Европейской России
Все строители	39,3	37,8
В том числе:		
Плотники	30,1	27,8
Каменщики, каменотесы . .	34,7	29,7
Маляры	60,8	53,0
Печники	50,2	48,0
Кладчики кирпича, землекопы	29,5	28,9
Штукатуры, лепщики и др.	44,0	38,3
Кровельщики	51,5	48,5
Стекольщики	45,1	42,1

Итак, по данным переписи 1897 г., 39,3% всех строителей России проживало в городах. Больше всего строителей-горожан было среди маляров (60,8%), кровельщиков (51,5%) и печников (50,2%).

Заслуживают внимания также следующие данные. По материалам переписи 1897 г., на 100 самостоятельных лиц, занятых в строительном деле, приходилось 163 несамодеятельных (табл. 12).

Таблица 12

Место проживания	Число строителей, в тысячах			На 100 самостоятельных приходилось несамодеятельных
	самостоятельных	членов семей	всего	
В городах	281,6	461,6	743,2	164
В сельских местностях	435,3	707,1	1142,4	162
В городах и сельских местностях	716,9	1168,7	1885,6	163

При значительном развитии капиталистических отношений в строительном деле то обстоятельство, что среди 716,9 тыс. самостоятельных, указавших главным своим занятием строительство, оказалось всего лишь 345,7 тыс. наемных рабочих, показывает, что при переписи, несомненно, имел место значительный недоучет наемных рабочих.

О территориальном распределении наемных строительных рабочих, по данным переписи 1897 г., можно судить по табл. 13 и 14¹⁹.

Таблица 13

Территориальное распределение наемных строительных рабочих в 1897 г.

Территория	Число строительных рабочих	
	в тысячах	в % к итогу
50 губерний Европейской России	268,8	77,8
Польша	23,3	6,7
Кавказ	20,5	5,9
Сибирь	27,5	8,0
Средняя Азия	5,6	1,6
Всего	345,7	100,0

Помимо того, что некоторая часть самостоятельных строителей не была отнесена к числу наемных рабочих, значительная часть наемных строительных рабочих являлась отхожими рабочими и была переписью 1897 г. учтена в числе лиц, которые показали сельское хозяйство как главное занятие, а работу в строительстве — как побочное занятие. Всего занятых в этой группе было учтено в целом по стране 651,8 тыс., а в 50 губерниях Европейской России — 583,3 тыс. человек²⁰.

¹⁹ Таблицы составлены на основании данных, опубликованных в издании «Численность и состав рабочих на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.», СПб., 1906.

²⁰ Общий свод..., ч. II.

Таблица 14

**Распределение наемных строительных рабочих по губерниям
Европейской России в 1897 г.**

Губернии	Число стро- ительных рабо- чих, в тысячах	Губернии	Число стро- ительных рабо- чих, в тысячах
50 губерний Европейской Рос- сии	268,8	Калужская	8,3
В том числе:		Нижегородская	8,2
Московская	25,4	Киевская	7,9
Петербургская	21,4	Ярославская	7,5
Владимирская	15,6	Курская	7,4
Костромская	13,9	Лифляндская	7,4
Рязанская	11,3	Таврическая	7,0
Пермская	9,1	Обл. войска Донского . .	6,3
Херсонская	9,0	Екатеринославская	6,3
Тверская	8,4	Орловская	5,2

Характерно, что преобладающая масса этой группы строителей приходилась на плотников и каменщиков: плотников было учтено 450,4 тыс., а каменщиков и каменотесов — 71,9 тыс. человек. Следовательно, число строителей указанных профессий составило 522,3 тыс. человек, или 80,1 %.

Междуведомственным совещанием при главном управлении землеустройства и земледелия была проведена в 1911 г. анкета «для выяснения размеров выхода рабочих различных специальностей по отдельным уездам Европейской России». В специальном издании были частично опубликованы результаты разработки этой анкеты, а именно сведения о рабочих строительных и дорожных цехов²¹. По этим данным, рабочие строительных и дорожных цехов представляли наиболее многочисленную группу рабочих, охваченных обследованием. Рабочие эти распадутся на следующие подгруппы (табл. 15):

Таблица 15

**Распределение рабочих строительных и дорожных цехов в 1911 г.
по профессиям**

Профессии	Число строителей	Профессии	Число строителей
Чернорабочие	1 738 049	Кирпичники	32 781
Плотники	284 657	Печники	24 967
Каменщики	152 462	Кровельщики	13 922
Землекопы	141 543	Стекольщики	8 849
Маляры	41 142	Бетонщики	1 125
Штукатуры	41 092	Разных специальностей . . .	21 362

²¹ Движение рабочих на заработки в 1911 г. Строительные и дорожные работы. Составил А. А. Панов, СПб., 1911, стр. 5.

Как видно из табл. 15, наибольшей по численности подгруппой являлись чернорабочие, составлявшие 69,5% всего числа рабочих строительных и дорожных цехов. Обследователи, однако, не сомневались в том, «что эта бесформенная подгруппа представляет весьма большую сложность, включая в себе всех рабочих, не имеющих одной определенной специальности, но нередко становящихся и на земляные, и на плотничные, и на другие работы». Особенно много среди этой подгруппы было землекопов.

Если исключить из общих итогов, полученных в результате указанной официальной анкеты, наиболее многочисленную группу чернорабочих, то численность остальных профессий строительных рабочих, согласно данным этой анкеты 1911 г., составит около 800 тыс. человек. Повторяем, что в общей, весьма многочисленной группе чернорабочих частично имелись также строители, так как последние не во всех ответах на анкету были специально выделены. В этом нас убеждают совпадение или почти полное совпадение общей численности всех учтенных рабочих строительных и дорожных цехов с численностью группы чернорабочих в ответах на анкету, полученных из некоторых губерний. В Пензенской губернии, например, было учтено 133 тыс. рабочих дорожных и строительных цехов, и среди них оказалось 122,8 тыс. чернорабочих, что, конечно, не соответствовало действительности. Для Полтавской губернии соответственные цифры составляли 88,5 тыс. и 83,5 тыс. человек, для Уфимской — 34,4 тыс. и 32,7 тыс. человек и т. д., а в Эстляндской губернии все 41,7 тыс. рабочих строительных и дорожных цехов оказались чернорабочими.

Если принять во внимание недоучет вследствие отсутствия данных по некоторым губерниям, а также то обстоятельство, что к 1911 г. в городах уже имелась сравнительно большая группа постоянно живущих в них строителей, то можно признать, исходя в основном из материалов анкеты 1911 г., что общая численность строительных рабочих накануне первой мировой войны, безусловно, уже значительно превышала 1 млн. человек. Следует вновь указать, что состояние отчетности в отношении столь многочисленной и важной группы промышленных рабочих было столь неудовлетворительным, что приходится ограничиться этими ориентировочными расчетами²².

Нижеприводимые материалы свидетельствуют о значительном развитии капиталистических отношений в строительстве. В первую очередь обратимся к данным о работе на предпринимателя — подрядчика²³.

²² В «Обзоре строительной деятельности в России» (СПб., 1912, стр. 28—29) было указано, что ответы на анкету 1911 г. редакции «Вестника финансов» в части, относящейся к выяснению численности рабочих, занятых на строительных работах, были недостаточны и неполны. Это обстоятельство автор текстового обзора объяснял тем, что «строительным рабочим почти никакой регистрации не ведется. А если она и введена в отдельных городах, то и там она страдает значительными пробелами». Он также указывал, что «при том условии, что наше законодательство не знает никаких правил, ограждающих интересы строительных рабочих, наподобие, например, правил для фабричных рабочих, а, следовательно, и нет органов, вроде чинов фабричной инспекции или горного надзора, которым было бы интересно и которые могли бы вести учет строительных рабочих, естественно, что определить число строительных рабочих при настоящих условиях почти невозможно».

²³ Указания о наличии у подрядчиков крупных капиталов и о том, что число рабочих-каменщиков, работавших на отдельных подрядчиков, доходило до нескольких сот человек, содержится в статье Н. Дубенского «О промыслах Владимирской губернии», опубликованной в 1858 г. «Ходить в подрядчиках выгодно, — писал Н. Дубенский. — Теперь многие из местных крестьян имеют капитал от 5 до 10 тысяч р., а другие приобрели от 100 до 300 тыс. р. сер.» (Журнал министерства внутренних дел, 1858, кн. 9, стр. 16).

В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России» на основании материалов местных исследований указывал на процессы образования крупных рынков на строительные работы, на развитие в связи с этим в строительном деле капиталистических отношений.

Для иллюстрации В. И. Ленин приводит данные об одном из таких районов — Покровском уезде Владимирской губернии, издавна славившемся плотниками.

В этом уезде после реформы плотничество продолжало усиливаться, и подрядчики плотничьих артелей нередко за 5—10 лет наживали 50—60 тыс. рублей и более чистой прибыли. Недаром в уезде говорили, что «нет выгоднее торговли плотниками»²⁴.

О работе каменщиков на подрядчиков имеются указания в текстовом обзоре материалов подворного обследования крестьянского хозяйства в Меленковском уезде Владимирской губернии, произведенного в 1898 г.²⁵

«Каменщики работают всегда от подрядчиков, — говорится в обзоре. — Наем происходит обыкновенно в великом посту, когда в деревню приезжают подрядчики или их доверенные лица. Рядчик отбирает от желающих наняться на работу паспорта и расписки и выдает задаток: первой руке от 30 до 50 р., второй — от 20 до 30 и третьей — до 20 рублей. Сроком найма служит обыкновенно время от 9 мая до 22 октября или от 9 мая до 8 июля. На второй срок нанимаются сравнительно меньшее число рабочих, преимущественно для Выкса и Меленок. Для Москвы каменщики нанимаются у подрядчиков из с. Борисовского Владимирского уезда — Мирона и Александра Пантелеевых (всего каменщиков у них до 800 человек)».

В Александровском уезде Владимирской губернии из всех плотников самостоятельно работало только 22,7%, остальные же работали у подрядчиков²⁶.

Еще в начале 1880-х годов в Саратове у 18 крупных и мелких подрядчиков работало от 220 до 290 каменщиков. Одиночек-каменщиков насчитывалось всего около 40 человек.

Штукатуров у 28 подрядчиков работало от 160 до 215 человек, а одиночками — от 40 до 70 рабочих²⁷.

Материалы земских обследований состава строителей, уходивших на заработки, а также данные городских переписей о занятых на строительных работах указывают, что среди строителей резко преобладали наемные рабочие. Ограничимся следующими показателями.

В Ярославской губернии среди строителей, уходивших на заработки, удельный вес наемных рабочих вместе с учениками составлял 85,3%²⁸.

Еще более высоким был этот показатель среди рабочих ряда отдельных профессий.

Так, группа наемных рабочих с учениками составляла среди каменщиков 96,9%, маляров — 94,1%, плотников — 88,9% общего числа рабочих (табл. 16).

²⁴ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 466.

²⁵ Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Т. III. Меленковский уезд, вып. 3. Промыслы крестьянского населения, Владимир, 1901, стр. 54.

²⁶ Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Т. XI. Александровский уезд, вып. 3. Промыслы крестьянского населения, Владимир, 1908, стр. 36.

²⁷ Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии, Саратов, 1881, т. I, отд. II, стр. 54—55.

²⁸ Отхожие промыслы крестьянского населения Ярославской губернии, Ярославль, 1907, стр. 86—87.

Таблица 16

Распределение рабочих-строителей различных профессий по социальному положению

Положение в промысле	Общее число строителей	На 100 строителей	На 100 землекопов	На 100 каменщиков	На 100 печников	На 100 плотников	На 100 кровельщиков	На 100 маляров	На 100 штукатуров	На 100 обойщиков
Сами хозяева . .	725	4,0	5,6	0,6	4,7	4,7	7,6	3,7	3,9	4,0
Одиночки	1941	10,7	9,8	2,5	7,3	6,4	7,8	2,2	31,9	0,3
Наемные рабочие	14 495	80,2	84,1	96,4	83,1	86,9	80,1	89,9	60,7	68,7
Мальчишки-ученики	915	5,1	0,5	0,5	4,9	2,0	4,5	4,2	4,5	27,0
Всего . . .	18 076	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Большинство учтенных городскими переписями строителей также являлось наемными рабочими. Приведем данные произведенной 15 декабря 1910 г. переписи населения Петербурга²⁹ о распределении по социальному положению лиц, занятых строительными работами (табл. 17).

Таблица 17

Социальное положение	Абсолютное число	В % к итогу
Хозяева	2024	8,0
Администрация	689	2,7
Наемные рабочие	19 823	78,0
Одиночки	2889	11,3
Всего . . .	25 425	100,0

Мы видим из этих данных, что 78% строителей оказались наемными рабочими и лишь 11,3% — одиночками.

Так как большинство городских переписей было произведено зимой, то можно предположить, что учтенная группа строителей в своей преобладающей массе была местными рабочими, а не пришлыми. Об этом говорят также следующие показатели. По данным упомянутой переписи населения Петербурга, на 25 425 самостоятельных рабочих, занятых строительными работами, приходилось 19 218 несамостоятельных.

Представляется несомненным, учитывая значительное развитие всех видов строительства в стране (промышленного, железнодорожного, жилищного и др.), а также все вышеприведенные материалы о численности и составе строительных рабочих в городах и сельских местностях, — что численность указанной группы рабочих накануне первой мировой войны уже безусловно превышала цифру, указанную В. И. Лениным для конца XIX в. (1—1½ млн. человек)³⁰ и может быть определена для 1913 г. примерно в 1500 тыс. человек.

²⁹ Петроград по переписи 15 декабря 1910 г., ч. II, Прр., 1915.

³⁰ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 467.

К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ РАБОЧИХ ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ МЕЛКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Помимо фабрично-заводских рабочих, имелось весьма значительное число рабочих, которые были заняты капиталистами на дому или работали по найму в обрабатывающей промышленности, не причисленной к «фабрично-заводской промышленности». К сожалению, вопрос о численности и составе этих многочисленных групп рабочих не получил достаточного освещения. Все внимание исследователей было обращено на рабочих фабрично-заводской промышленности.

Попытаемся привести основные материалы о численности рабочих мелкой промышленности в годы, непосредственно предшествовавшие первой мировой войне. Эти данные, помимо своего самостоятельного значения, безусловно, необходимы также для определения общей численности лиц наемного труда в России в 1913 г. Данные о численности рабочих мелкой промышленности мы рассмотрим отдельно для города и сельских местностей.

Наиболее массовые данные о наемных рабочих, занятых в городской мелкой промышленности, были получены в результате специального обследования мелкой промышленности, произведенного министерством торговли и промышленности в 1910 г. Сведения были получены от местной администрации и от ремесленных управ, имевшихся в 29 городах³¹. В издании, где были опубликованы данные обследования, подчеркивается, что учет наемных рабочих и учеников, занятых в городской мелкой промышленности, был далеко не полным, поскольку во многих местностях не было учреждений, которые специально занимались вопросами ремесленной статистики.

Необходимо также принять во внимание, что при обследовании учениками назывались не только поступавшие в обучение, но все малолетние, работавшие как по договору обучения, так и по найму. Вообще, данные о количестве учеников были при обследовании сильно преуменьшены. «Как на пример неполноты данных,— говорится в издании,— можно указать на гор. Москву. По книгам московской ремесленной управы, учеников числилось в 1910 г. 1635; между тем по дополнительным запросам выяснилось, что в действительности их не менее 14 000»³². По данным городских переписей, учтено еще гораздо большее число учеников.

Основные результаты, полученные в результате обследования, приведены в табл. 18³³.

Чтобы по приведенным данным хотя бы приблизительно определить абсолютную численность наемных рабочих и учеников, занятых в мелкой городской промышленности в 1910 г., пришлось прибегнуть к следующим расчетам. Было принято, что в первой группе примерно половина ремесленников работала с одним наемным рабочим. Для трех следующих групп число наемных рабочих определялось, как среднее число их суммы двух крайних показаний. Например, для группы с числом наемных рабочих от 2 до 4 принято 3 наемных рабочих, для группы с числом от 5 до 15 принято 10 наемных рабочих, и т. д. Для пятой группы (свыше 25 наемных рабочих) условно принято 30 наемных рабочих. После этих подсчетов было получено, что в обследованных городах в мелкой городской промышленности было занято в 1910 г. 582 тыс. человек.

³¹ Ремесленники и ремесленное управление в России, Пгр., 1916, предисловие.

³² Там же, стр. 27.

³³ Таблица составлена на основании данных, опубликованных в издании «Ремесленники и ремесленное управление в России»; стр. 61—65.

Таблица 18

Сводные данные о числе лиц, занятых ремеслом в городских заведениях, и о числе учеников в 1910 г.

Ремесла	Число ремесленников, работающих единолично или с одним наемным лицом	Количество заведений с числом постоянных наемных лиц					Общее число учеников
		от 2 до 4	от 5 до 15	от 16 до 25	свыше 25	итого	
Обработка дерева	19 826	11 087	2186	228	159	13 660	10 759
Обработка металлов	15 959	13 015	1873	200	62	15 150	13 301
Обработка минеральных веществ	12 622	4 371	907	75	196	5 549	3 966
Обработка животных продуктов	25 145	14 827	2170	166	179	17 333	17 316
Изготовление предметов одежды и обстановки	25 561	26 692	4377	240	242	33 551	29 183
Производство пищевых и вкусовых веществ	5 122	7 206	2057	287	116	9 666	7 203
Парикмахеры	1 711	2 773	97	2	1	2 873	1 419
Прочие ремесла	4 696	4 355	1252	58	22	5 687	4 542
Итого по всем ремеслам . .	110 642	86 326	14 919	1256	968	103 469	87 689

На основании материалов, опубликованных в издании «Ремесленники и ремесленное управление в России», нами была определена общая численность населения в 214 городах, в которых было произведено обследование мелкой промышленности. Численность населения в указанных городах составляла 12 834 тыс. человек. Всего в городах России проживало, по данным на 1 января 1910 г., 22 063,2 тыс. человек³⁴. Следовательно, численность населения в обследованных городах равнялась 58,4% всего городского населения России. Если предположить, что в необследованных городах число наемных рабочих и учеников в мелкой промышленности было такое же, как и в обследованных, то общая численность наемных рабочих и учеников, занятых в городской мелкой промышленности России в 1910 г., определится примерно в миллион человек³⁵.

Другие источники также свидетельствуют о том, что вне фабрично-заводской промышленности имелось значительное число наемных рабочих. Ограничимся отдельными характерными данными. По переписи населения Москвы 1912 г.³⁶, было учтено, помимо фабрично-заводских, еще 93,2 тыс. промышленных рабочих, которые распределялись по отдельным группам профессий следующим образом (табл. 19):

³⁴ Ежегодник России 1910 г., СПб., 1911.

³⁵ А. А. Рыбников в работе «Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства» (М., 1922, стр. 4), ссылаясь на изд. «Ремесленники и ремесленное управление», но не указывая методов своего подсчета, определяет число рабочих в мелкой промышленности в 1910 г. в 910 тыс. и 1200 тыс. человек (вторая цифра — с поправкой на недоучет).

³⁶ Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914—1925 гг., М., 1927, стр. 70—72.

Таблица 19

**Численность промышленных рабочих Москвы, исключая
рабочих фабрично-заводской промышленности
в 1912 г.**

Группа профессий	Число рабочих, в тысячах		
	мужчин	женщин	обоего пола
Портные, сапожники и пр. . .	25,7	22,1	47,8
Металлисты	13,9	0,1	14,0
Деревообделочники	9,1	0,1	9,2
Текстильщики	2,1	4,4	6,5
Бумажники и печатники . . .	5,7	0,5	6,2
Пищевики	4,9	0,2	5,1
Кожевники	2,8	0,4	3,2
Каменотесы и др.	1,2	—	1,2
Итого . . .	65,4	27,8	93,2

Сверх того было учтено переписью 1912 г. 31,1 тыс. ремесленных учеников.

О распределении лиц, занятых различными ремеслами в городах Харьковской губернии в 1909 и 1913 гг.³⁷, можно судить по данным табл. 20.

Таблица 20

Группы по положению в ремесле	Число лиц, занятых различными ремеслами			
	абсолютное число		в % к итогу	
	1909 г.	1913 г.	1909 г.	1913 г.
Мастера	21 051	26 675	45,7	44,5
Рабочие	15 520	20 313	33,7	33,9
Ученики	9 482	12 936	20,6	21,6
Всего . . .	46 053	59 924	100,0	100,0

К лицам наемного труда следует отнести рабочих и учеников, которых оказалось, по данным за 1910—1913 гг., около 55% общего числа занятых различными ремеслами в городах Харьковской губернии. По отдельным группам занятий рассматриваемый показатель в общем, за некоторыми исключениями, был устойчивым.

Переходим к обзору данных о числе наемных рабочих в сельской мелкой промышленности.

³⁷ Сельское хозяйство, фабричная промышленность и занятия населения Харьковской губернии, Харьков, 1918, стр. 145—146.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал факт преобладания домашней системы крупного производства, полнейшего порабощения кустарей скупщиками и преобладания капиталистической эксплуатации в кустарных промыслах России последних десятилетий XIX в.³⁸

В ряде появившихся в последующие десятилетия описаний кустарных промыслов имеется ряд показательных данных о весьма жестоких формах капиталистической эксплуатации, наблюдавшихся в кустарной промышленности. Ограничимся некоторыми характерными материалами, относящимися к различным районам страны.

Вот что говорится в текстовом обзоре материалов подворной переписи Александровского уезда Владимирской губернии, произведенной в 1900 г., относительно производственных отношений в башмачном и сапожном производстве: «Теперь господствующей формой местного производства является мелкое домашнее. Каждый покупает себе на базаре кожу, шьет со своими домашними башмаки и через 2 недели везет товар на базар в г. Кимры и с. Талдом и там продает свою выработку оптовым скупщикам. Иногда работают прямо на оптовую лавку, откуда и берут потом кожу, часто в долг. Это те, кто работает дома. Большинство же... уходит на сторону и там нанимается в работники в чужую мастерскую. Из 1460 мужчин-башмачников 943 человека, или 64,3%, работают в качестве работников у хозяина. В качестве самостоятельных хозяев мы видим 517 человек. У 75 человек мы находим 276 наемных рабочих, т. е. в среднем по 3—4 работника на хозяина. Только у очень немногих (у 2—3) здешних хозяев имеется по 20—30 наемных рабочих. Из 416 женщин-башмачниц в качестве наемных работниц работают 280 человек. Таким образом, из всех 1875 башмачников и башмачниц в уезде 1223 человека являются наемными рабочими»³⁹.

Отсутствие оборотных средств и крайняя нужда кустарей заставляли их сбывать свои изделия по низким ценам скупщикам и соглашаться на ростовщические условия кредита у кулаков. В работе «Кустарная промышленность в Киевской губернии 1912 года» приводится следующая характерная иллюстрация по этому вопросу: «Ниже мы приводим средние проценты роста, взимаемого нашими деревенскими кулаками с кустарей, и средний размер задолженности их.

Промыслы	Гончарный	Кузнечный	Дерево-обделочный	Ткацкий	Овчинный	Сапожный
% роста у частных кредиторов	24—86	20—72	30—52	10—50	52—156	52—156
Средняя сумма долга на двор	23—95 р.	118 р.	45—50 р.	34—58 р.	130 р.	93 р.

Столь чудовищные проценты, взимаемые частными ростовщиками, а также массовая задолженность кустарей свидетельствуют не только о крайней обостренности нужды у них в кредите, но и о безвыходно-бедственном их положении, ибо кредитоваться из 100—150% годовых может только человек, доведенный до крайности. Такой кредит не только не облегчает положения промышленников, а наоборот, окончательно добивает их хозяйственную самостоятельность»⁴⁰.

³⁸ См., например, В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 190, 200—201 и 407.

³⁹ Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Т. XI. Александровский уезд, вып. 3. Промыслы крестьянского населения. Владимир, 1908, стр. 34.

⁴⁰ Кустарная промышленность в Киевской губернии 1912 года, Киев, 1912, стр. XLII.

После этих предварительных замечаний обратимся к основным показателям численности лиц, которые были заняты в сельской мелкой промышленности.

В табл. 21 приведены данные об общем количестве занятых в сельской мелкой промышленности отдельных губерний России. Таблица составлена по материалам местных исследований на основании данных, приведенных в «Итоговых таблицах абсолютных и относительных данных о численности сельской мелкой промышленности России в довоенное время»⁴¹. Существенным недостатком указанных данных являются отсутствие сведений по ряду губерний, разновременность собранных материалов, а также неполнота учета занятых в сельской мелкой промышленности ряда губерний⁴².

А. А. Рыбников в другой работе⁴³ определяет общую численность занятых в мелкой сельской промышленности России перед первой мировой войной в 3755 тыс. и 4000 тыс. человек. Первая цифра, как он указывает, вычислена для всей России на основании конкретных материалов, хотя и неполных, главным образом, земских исследований, вторая же исчислена им предположительно.

Учитывая значительное развитие капиталистических отношений в сельской мелкой промышленности, число рабочих, занятых капиталистами на дому, а также наемных рабочих может быть принято в 2 млн. человек, или 50% общего числа занятых в мелкой сельской промышленности. Мы принимаем эти расчеты, как минимальные.

Приведя данные отдельных обследований, произведенных в сельских местностях Московской, Владимирской, Костромской, Вятской, Нижегородской, Пермской и других губерний, В. И. Ленин следующим образом определяет общую численность капиталистически употребляемых рабочих к концу XIX в: «Как ни отрывочны эти данные (других в нашем распоряжении не было), но они все-таки ясно показывают, что, в общем и целом, в число «кустарей» попадает *масса капиталистически употребляемых рабочих*. Напр., работающих по домам на капиталистов насчитывается (по вышеприведенным данным) *свыше 200 тыс. чел.* Это по каким-нибудь 50—60 уездам, из которых далеко не все обследованы сколько-нибудь полно. Во всей России таких рабочих должно быть, вероятно, до двух миллионов человек. Прибавляя же к ним наемных рабочих у «кустарей», — число этих наемных рабочих, как видно из вышеприведенных данных, вовсе не так мало, как у нас иногда думают, — мы должны признать, что цифра 2 млн. промышленных рабочих, капиталистически занятых вне так называемых «фабрик и заводов», есть скорее цифра минимальная»⁴⁴.

С конца XIX в. до 1913 г. едва ли произошел дальнейший рост числа рабочих, занятых в сельской мелкой промышленности, поскольку «фабрика постоянно вытесняет более примитивные формы промышленности»⁴⁵.

Ранее было указано, что в мелкой городской промышленности численность наемных рабочих составляла в 1910 г. примерно 1 млн. человек.

⁴¹ Эти «Итоговые таблицы» были опубликованы в работе А. А. Рыбникова «Мелкая промышленность России», М., 1923.

⁴² В отношении ряда губерний (Астраханской, Витебской, Подольской, Волинской, Калужской и др.) имеются прямые указания, что данные о численности кустарей являются неполными (там же, стр. 14).

⁴³ А. А. Рыбников. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства, стр. 4.

⁴⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 394—395.

⁴⁵ Там же, стр. 433.

Таблица 21

Количество занятых в сельской мелкой промышленности России, по данным местных исследований за 1884—1913 гг.

Губернии	Год исследования	Количество сельского населения, в тысячах	Количество сельских мелких промышленников	На 10 тыс. сельского населения мелких промышленников
1. Архангельская	1900	318,0	6 497	204
2. Астраханская	1898	492,9	7 967	162
3. Витебская	1907	1509,1	6 256	41
4. Владимирская	1897—1900	1543,2	95 244	617
5. Вологодская	1900—1915	1019,4	72 658	713
6. Волинская	1913	3773,5	71 196	189
7. Воронежская	1885—1891	2068,8	50 808	246
8. Вятская	1884—1909	2715,8	210 230	775
9. Екатеринославская	1908	2547,6	5 356	21
10. Казанская	1910	2463,7	64 071	260
11. Калужская	1918	1444,4	9 167	80
12. Киевская	1912	3909,3	30 460	78
13. Костромская	1912	1638,4	62 381	381
14. Курская	1904	2456,0	61 307	250
15. Минская	1900	2039,2	3 758	18
16. Могилевская	1908	1947,1	19 800	102
17. Московская	1898—1900	2462,1	188 626	766
18. Нижегородская	1912	1362,1	136 722	734
19. Новгородская	1909	1543,4	38 422	249
20. Олонецкая	1900—1903	368,6	14 348	389
21. Орловская	1913	2384,5	62 389	262
22. Пензенская	1909—1913	1619,7	40 282	249
23. Пермская	1909—1916	3085,7	50 003	162
24. Петербургская	1897—1908	845,2	38 247	461
25. Подольская	1912	3578,3	88 542	247
26. Полтавская	1910	3276,2	67 382	208
27. Псковская	1912	1302,2	13 635	105
28. Рязанская	1912	2419,1	95 836	397
29. Самарская	1893—1899	2311,1	19 905	86
30. Саратовская	1904—1913	2665,1	56 522	213
31. Симбирская	1910—1911	1812,5	37 665	208
32. Смоленская	1909—1912	1992,9	13 816	69
33. Тамбовская	1899	2846,1	28 523	100
34. Тверская	1913	2109,3	51 711	245
35. Тульская	1912—1913	1626,8	16 801	103
36. Уфимская	1910—1911	2659,4	23 288	106
37. Харьковская	1912	2882,8	34 389	122
38. Херсонская	1904	2281,0	56 019	246
39. Черниговская	1913	2831,0	79 680	281
40. Ярославская	1897—1901	1097,7	16 778	153
Всего по губерниям Европейской России	—	83204	2 044 801	244

Таблица 21 (продолжение)

Губернии	Год исследования	Количество сельского населения в тысячах	Количество сельских мелких промышленников	На 10 тыс. сельского населения мелких промышленников
Литва и Прибалтийский край . .	1900	4238,4	300 60	685
1. Тобольская губ.	1900	1438,5	24 872	166
2. Томская	1914	3852,4	76 680	199
3. Енисейская	1913—1914	313,7	7 488	89
Туркестан	1900	3269,8	16 079	48
3 губернии Сибири и Туркестан	—	8874,4	125 119	140
Всего	—	96217,6	2 470 380	257

Следовательно, общая численность рабочих, занятых капиталистами на дому, и наемных рабочих в городской и сельской мелкой промышленности может быть определена в 3 млн. человек.

К ВОПРОСУ О ЧИСЛЕННОСТИ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ В ТОРГОВЛЕ И ТРАКТИРНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Остановимся кратко на расчетах о численности рабочих, занятых в торговле, трактирных предприятиях и гостиницах в 1913 г.

О том, насколько значительной была численность наемного персонала (приказчиков и рабочих) в торговле России, можно судить по следующим примерным данным С. Г. Струмилина за период 1885—1913 гг.⁴⁶

Таблица 22

Численность наемного персонала в торговле в 1885—1913 гг.

Годы	Наемный персонал, в тысячах			То же, в % к 1885 г.
	приказчики	рабочие	итого	
1885	201	166	367	100,0
1890	236	195	431	117,4
1895	254	210	464	126,4
1900	260	214	474	129,2
1905	280	231	511	139,2
1910	278	228	506	137,9
1913	314	261	575	156,7

По расчетам других авторов, численность торговых служащих и рабочих была гораздо более высокой⁴⁷.

⁴⁶ С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики, М.—Л., 1930, стр. 234—236.

⁴⁷ В частности, см. работу А. М. Гудвана «Очерки по истории движения служащих в России», М., 1925.

Число работников трактирных предприятий и гостиниц, по материалам переписи Петербурга 1910 г. и Москвы 1912 г.⁴⁸, составляло 43 тыс. человек. Если предположить, что удельный вес численности работников трактирных предприятий и гостиниц в городах России был близким к удельному их весу в Петербурге и Москве, а также учесть, что численность населения Петербурга и Москвы равнялась на 1 января 1914 г. 14,8% общей численности городского населения России, то число работников трактирных предприятий и гостиниц по всей стране можно округленно определить в 290 тыс. человек. Таким образом, в торговле, в трактирных предприятиях и гостиницах было занято в 1913 г. 865 тыс. человек.

О ЧИСЛЕННОСТИ ЧЕРНОРАБОЧИХ И ПОДЕНЩИКОВ В РОССИИ

Переписью 1897 г. были учтены сравнительно многочисленные группы рабочих, обозначенных как чернорабочие и поденщики. Особенно значительно они были представлены в крупных городах. Общее их распределение дано в табл. 23⁴⁹.

Таблица 23

Численность чернорабочих и поденщиков в России
по данным переписи 1897 г.

Территория	Число чернорабочих и поденщиков	
	в тысячах	в ‰ к итогу
50 губерний Европейской России	685,9	62,7
Польша	153,9	14,0
Кавказ	102,7	9,4
Сибирь	67,8	6,2
Средняя Азия	84,5	7,7
Всего . . .	1094,8	100,0

Все эти учтенные 1094,8 тыс. чернорабочих и поденщиков были заняты, главным образом, в промышленности и на транспорте. Большинство этой группы рабочих не имело постоянной работы, и условия их труда и жизни были исключительно тяжелыми.

В табл. 24 приведены данные о численности чернорабочих и поденщиков в важнейших 19 губерниях Европейской России.

В этих губерниях было учтено 457,4 тыс. человек или 66,7% общего числа чернорабочих и поденщиков, учтенных переписью 1897 г. Как видно из таблицы, эта группа рабочих была больше всего представлена в губерниях, в которых имелись крупные торгово-промышленные центры (Петербург, Одесса, Киев, Москва).

⁴⁸ Петроград по переписи 15 декабря 1910 года. Население, ч. 2, вып. 1, Пгр., 1915; Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии, вып. 2; Статистические данные по г. Москве за 1914—1925 гг., М., 1927.

⁴⁹ Таблица составлена по данным издания «Численность и состав рабочих на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.», СПб., 1906.

Таблица 24

Численность чернорабочих и поденщиков в важнейших губерниях Европейской России по данным переписи 1897 г.⁵⁰

Губернии	Число чернорабочих и поденщиков		Губернии	Число чернорабочих и поденщиков	
	в тысячах	в ‰ к итогу		в тысячах	в ‰ к итогу
50 губерний Европейской России	685,9	100,0	9. Обл. войска Донского	23,1	3,4
В том числе:			10. Саратовская	23,1	3,4
1. Петербургская	48,2	7,0	11. Лифляндская	21,8	3,2
2. Херсонская	37,2	5,4	12. Нижегородская	20,2	3,0
3. Киевская	32,2	4,7	13. Полтавская	19,4	2,8
4. Московская	30,1	4,4	14. Волынская	18,5	2,7
5. Ковенская	29,7	4,3	15. Пермская	16,8	2,5
6. Астраханская	25,3	3,7	16. Харьковская	16,0	2,3
7. Таврическая	25,2	3,7	17. Бессарабская	16,0	2,3
8. Подольская	23,3	3,4	18. Виленская	15,9	2,3
			19. Екатеринославская	15,4	2,2

**О ЧИСЛЕННОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАБОЧИХ
В РОССИИ**

Мы не располагаем, к сожалению, прямыми данными о численности сельскохозяйственных рабочих, одной из наиболее многочисленных групп наемного труда в дореволюционной России. Тем самым мы лишены возможности установить необходимые динамические показатели за изучаемый период, аналогичные тем, что выше были приведены в отношении фабрично-заводских рабочих и работников железнодорожного транспорта. Поэтому нижеприводимые расчеты о численности сельскохозяйственных рабочих произведены в результате анализа ряда разнообразных статистических источников и расчетов отдельных исследователей.

В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России» на вопрос, как велико все число сельских наемных рабочих в Европейской России («бродячих» и оседлых), приводил расчеты П. Ф. Руднева, сделанные последним в его статье «Промыслы крестьян Европейской России».

П. Ф. Руднев определял цифру сельскохозяйственных рабочих в Европейской России с округлением в 3,5 млн. человек. «Эту цифру г-на Руднева,— писал В. И. Ленин,— следует считать минимальной, так как, во-первых, данные земских переписей более или менее устарели, относясь к 80-м, иногда даже к 70-м годам, и так как, во-вторых, при определении процента с.-х. рабочих не приняты вовсе во внимание районы высокоразвитого земледельческого капитализма — прибалтийские и западные губернии. Но, за неимением других данных, приходится принять эту цифру в 3½ млн. чел.»⁵¹.

В статье «Аграрная программа либералов», опубликованной в 1905 г., В. И. Ленин полагал, что число сельскохозяйственных рабочих в России

⁵⁰ Таблица составлена на основании тех же данных, что и предыдущая табл. 23.

⁵¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 203—204.

к этому времени должно было быть еще более высоким. «Ведь у нас в России,— писал В. И. Ленин,— в одних только «внутренних» 50 губерниях считали еще в 90-х годах прошлого века не менее *трех с половиной миллионов* батраков и поденщиков, для которых сельская работа по найму составляла главнейший источник средств существования. Теперь, несомненно, число сельскохозяйственных наемных рабочих еще более велико, причем подавляющее большинство их совершенно или почти совершенно бесхозяйные»⁵².

Несомненно, что на численность и состав сельскохозяйственных рабочих могло оказать известное влияние увеличившееся применение сельскохозяйственных машин. Хотя общее применение машин в сельском хозяйстве дореволюционной России было весьма недостаточным, но в десятилетия, предшествовавшие первой мировой войне, применение это неуклонно росло. В 1879 г. было произведено внутри России сельскохозяйственных машин на 3981 тыс. руб. и ввезено из-за границы еще на 4 млн. руб. С тех пор производство и импорт сельскохозяйственных машин в России неуклонно росли, достигнув в 1913 г. соответственно 60 508 тыс. руб. и 48 678 тыс. руб.⁵³ «Массовое употребление с.-х. машин,— писал В. И. Ленин,— предполагает существование массы с.-х. наемных рабочих. В местностях с наиболее развитым земледельческим капитализмом этот процесс *введения* наемного труда наряду с введением машин перекрещивается другим процессом, именно: вытеснением наемных рабочих машиной. С одной стороны, образование крестьянской буржуазии и переход землевладельцев от отработков к капитализму *создают* спрос на наемных рабочих; с другой стороны, там, где уже давно хозяйство было основано на наемном труде, машины *вытесняют* наемных рабочих. Каков общий результат обоих процессов для всей России, т. е. увеличивается ли или уменьшается число с.-х. наемных рабочих,— об этом нет точных и массовых статистических данных». В. И. Ленин, однако, на основании ряда высказанных им соображений, полагал, что численность наемных рабочих в земледелии будет увеличиваться и что уменьшение абсолютного числа сельскохозяйственных наемных рабочих (в противоположность промышленным) наступит только «на известной ступени развития капитализма, именно, когда сельское хозяйство всей страны сорганизуется вполне капиталистически, и употребление машин для самых различных операций земледелия *сделается всеобщим*»⁵⁴.

Хотя за 1900—1913 гг., т. е. за период, последовавший после того, как В. И. Лениным были написаны приведенные строки, наметилось более интенсивное введение сельскохозяйственных машин, все же вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции употребление машин в сельском хозяйстве нашей страны было весьма недостаточным. Следовательно, не было условий для общего уменьшения абсолютного числа наемных рабочих в сельском хозяйстве.

Исследуя численность сельскохозяйственных рабочих в России, необходимо особо остановиться на материалах о численности наемных сельскохозяйственных рабочих, занятых в крестьянских хозяйствах. Эта группа рабочих была весьма многочисленной. «Среди... сельских предпринимателей,— писал В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России»,— видную роль играет крестьянская буржуазия: напр., в

⁵² Там же, т. 8, стр. 288.

⁵³ Е. И. Измайловская. Русское сельскохозяйственное машиностроение, М., 1920, стр. 12—13.

⁵⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 195—196.

9 уездах Воронежской губ. из всего числа батраков — 43,4% нанято крестьянами... Если бы мы приняли этот процент за норму для всех сельских рабочих и для всей России, то оказалось бы, что крестьянская буржуазия предъявляет спрос миллиона на полтора с.-х. рабочих. Одно и то же «крестьянство» и выбрасывает на рынок миллионы рабочих, ищущих нанимателей, — и предъявляет внушительный спрос на наемных рабочих»⁵⁵.

В качестве одной из причин, способствовавших применению наемного труда в крестьянских хозяйствах, В. И. Ленин указывал, между прочим, на наем рабочих кустарями для выполнения сельскохозяйственных работ⁵⁶.

Таблица 25

Число наемных рабочих годовых и нанимающихся на срок, занятых в крестьянских хозяйствах 163 уездов Европейской России⁵⁷

Губернии	Год исследования	Число уездов	Число наемных рабочих в крестьянских хозяйствах
Вологодская	1900—1911	6	6 905
Петербургская	1899	1	659
Псковская	1897—1898	3	1 500
Смоленская	1885—1900	6	10 309
Калужская	1897	3	3 223
Тверская	1886—1903	8	13 721
Ярославская	1897—1901	5	7 682
Костромская	1897—1900	7	8 114
Владимирская	1897—1900	13	8 775
Тульская	1910—1912	12	12 647
Орловская	1887—1901	5	6 475
Воронежская	1885—1891	11	19 590
Саратовская	1885—1887	6	14 430
Вятская	1900—1902	11	3 172
Пермская	1888—1901	7	18 228
Харьковская	1905—1913	11	13 714
Екатеринославская	1898—1904	4	15 363
Таврическая	1904	1	15 293
Самарская	1885—1913	5	25 194
Полтавская	1910	15	50 964
Волинская	1910	12	8 825
Новгородская	1886	2	790
Нижегородская	1888—1890	6	4 316
Черниговская	1883	1	1 246
Херсонская	1886—1887	1	762
Бессарабская	1883—1884	1	280
Всего	—	163	272 177

⁵⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 204.

⁵⁶ См. там же, стр. 322—323.

⁵⁷ Таблица составлена на основании данных, опубликованных в издании «Земские подворные переписи 1880—1913 гг. Поуездные итоги». Составили З. М. и Н. А. Сваицкие, М., 1926.

В материалах ряда подворных переписей, произведенных преимущественно в 1890-е и 1900-е годы, имеются данные о наемных сельскохозяйственных рабочих (годовых и нанимавшихся на срок) в крестьянских хозяйствах. Сводка этих данных представлена в табл. 25 (поденные сельскохозяйственные рабочие не учитывались).

Приведенное число годовых и нанимавшихся на срок рабочих по обследованным 163 уездам является несколько преуменьшенным, так как данные по отдельным уездам относились лишь к мужчинам или же к лицам в рабочем возрасте. Всего в 163 уездах Европейской России насчитывалось 272,2 тыс. годовых и нанимавшихся на срок рабочих. Всего в 50 губерниях Европейской России было 502 уезда. Если предположить, что и в остальных уездах число сельскохозяйственных рабочих было такое же, как в указанных 163 уездах, то общая численность сельскохозяйственных рабочих, занятых в крестьянских хозяйствах, составила 836 тыс. человек. Еще более распространенным был поденный наем в крестьянских хозяйствах, о чем сохранился ряд указаний.

Материалы земских обследований ряда губерний свидетельствуют о значительных колебаниях процента крестьянских хозяйств, эксплуатирующих сельскохозяйственных рабочих в различных группах, а также о том, что к наемному труду чаще всего прибегали зажиточные группы крестьян.

Обратимся еще к одному источнику сведений о численности сельскохозяйственных рабочих России — к материалам переписи 1897 г. Хотя эти данные, безусловно, не отражают полностью всей численности сельскохозяйственного пролетариата уже вследствие того обстоятельства, что перепись была произведена зимой, все же эти материалы позволяют в общем установить, в каких именно районах и губерниях были значительно представлены более постоянные группы сельскохозяйственных рабочих, хотя, несомненно, и эти данные являются преуменьшенными.

Табл. 26 показывает размещение по стране сельскохозяйственных рабочих России, учтенных переписью 1897 г.:

Таблица 26

Число сельскохозяйственных рабочих России по данным переписи 1897 г.⁵⁸

Территория	Число сельскохозяйственных рабочих	
	в тысячах	в % к итогу
50 губерний Европейской России	1836,0	67,4
Польша	440,6	16,2
Кавказ	181,0	6,6
Сибирь	154,1	5,7
Средняя Азия	110,9	4,1
Всего	2722,6	100,0

⁵⁸ Настоящая таблица составлена по материалам, опубликованным в издании «Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г.», СПб., 1905.

Удельный вес сельскохозяйственных рабочих, приходившийся на Кавказ, Сибирь и Среднюю Азию, был сравнительно значительным. В 50 губерниях Европейской России было сосредоточено около двух третей (67,4%) общего числа учтенных переписью 1897 г. сельскохозяйственных рабочих, а если исключить из расчетов Польшу, то этот показатель повысится до 80,5%.

О территориальном размещении сельскохозяйственных рабочих в 50 губерниях Европейской России можно судить по данным табл. 27.

Таблица 27

**Распределение сельскохозяйственных рабочих
50 губерний Европейской России в 1897 г. по районам**⁵⁹

Р а й о н ы	Число рабочих, занятых в сельском хозяйстве	
	в тысячах	в % к итогу
1. Прибалтийский	300,4	16,4
2. Новороссийский	214,1	11,7
3. Литовский	209,2	11,4
4. Центр. земледельческий	182,3	9,9
5. Нижневолжский	165,3	9,0
6. Левобережная Украина	148,4	8,1
7. Юго-западный	142,6	7,8
8. Приуральский	138,6	7,5
9. Московский промышленный . .	130,1	7,1
10. Белорусский	130,1	7,1
11. Приозерный	57,6	3,1
12. Крайний Север	17,3	0,9
В с е г о	1836,0	100,0

На первые шесть районов, где было больше всего развито товарное земледелие, приходилось 66,5% общего числа сельскохозяйственных рабочих 50 губерний Европейской России.

Дополнительно в табл. 28 приведены по тем же источникам данные о числе сельскохозяйственных рабочих в отдельных губерниях Европейской России, в которых они были более значительно представлены (в этих губерниях было сосредоточено около $\frac{2}{3}$ всех переписанных сельскохозяйственных рабочих Европейской России).

Приведенные данные переписи 1897 г. относятся лишь к тем сельскохозяйственным рабочим, которые показали работу по найму как свое главное занятие. Но, помимо этой многочисленной группы, другая часть сельскохозяйственных рабочих была учтена в числе лиц, занятых в сельском хозяйстве и имевших побочные занятия. По материалам переписи 1897 г., во всей России было учтено 1599,1 тыс. лиц, которые имели

⁵⁹ Настоящая и следующая таблицы составлены по материалам, опубликованным в издании «Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г.», СПб., 1905.

Т а б л и ц а 28

Число сельскохозяйственных рабочих в отдельных губерниях Европейской России в 1897 г.

Губернии	Число сельскохозяйственных рабочих		Губернии	Число сельскохозяйственных рабочих	
	в тысячах	в % к итогу		в тысячах	в % к итогу
50 губерний Европейской России	1836,0	100,0	10. Пермская	48,1	2,6
В том числе:			11. Черниговская . . .	47,2	2,6
1. Лифляндская . . .	167,5	9,1	12. Таврическая . . .	44,8	2,4
2. Ковенская	125,4	6,8	13. Волынская	44,4	2,4
3. Курляндская . . .	97,2	5,3	14. Минская	43,3	2,4
4. Полтавская	74,6	4,1	15. Подольская	42,6	2,4
5. Самарская	61,5	3,3	16. Саратовская	40,5	2,2
6. Киевская	55,6	3,0	17. Екатеринославская	38,5	2,1
7. Виленская	50,7	2,8	18. Эстляндская	35,8	1,9
8. Херсонская	50,4	2,8	19. Витебская	34,3	1,9
9. Обл. войска Донского	49,7	2,7	20. Грозненская	33,1	1,8
			21. Оренбургская . . .	32,7	1,8

побочное занятие в той или другой отрасли сельского хозяйства, в том числе 850,9 тыс. человек в 50 губерниях Европейской России⁶⁰. В своей статье «Динамика батрацкой армии» С. Г. Струмилин указывал, что «побочные промыслы переписью 1897 г. учтены лишь для того населения, главным занятием которого является сельское хозяйство. Таким образом, если это население и среди побочных своих промыслов называет занятие опять-таки в земледелии и животноводстве и т. д., то здесь, очевидно, разумеется уже работа не в своем, а в чужом хозяйстве, т. е. работа по найму». Вместе с тем С. Г. Струмилин считает, что «такие побочные промыслы надо считать сезонными и, вообще говоря, не слишком продолжительными»⁶¹.

Учитывая вышеприведенные высказывания и подсчеты В. И. Ленина, касающиеся числа сельскохозяйственных рабочих (3½ млн. человек в Европейской России, как минимальное число), а также дополнительные материалы переписи 1897 г. и земской статистики, приходится ориентировочно в наших расчетах принять число наемных сельскохозяйственных рабочих в России накануне первой мировой войны в 4½ млн. человек.

О ЧИСЛЕННОСТИ ПРИСЛУГИ В РОССИИ

В табл. 29 и 30 приведены основные материалы о численности прислуги в России в 1897 г.⁶²

Из общей численности учтенной переписью в 1897 г. в России прислуги на 50 губерний Европейской России приходится 1647,7 тыс. человек, или 78%. Если не считать Польши, то этот показатель повысится до

⁶⁰ Исчислено по данным Общего свода..., ч. II.

⁶¹ Сб. «Наемный труд в сельском хозяйстве», М., 1926, стр. 7.

⁶² Таблицы составлены на основании данных, опубликованных в издании «Численность и состав рабочих на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.», СПб., 1906.

Таблица 29

**Общая численность прислуги в России по данным
переписи 1897 г.**

Территория	Численность прислуги	
	в тысячах	в % к итогу
50 губерний Европейской России .	1647,7	78,0
Польша	273,5	13,0
Кавказ	91,2	4,3
Сибирь	70,0	3,3
Средняя Азия	30,2	1,4
Всего	2112,6	100,0

89,6%. По характеру выполняемой работы прислуга распределялась на две основные группы: а) прислуга в учреждениях, на фабриках, заводах, в усадьбах и домовая; б) прислуга домашняя.

Таблица 30

**Численность отдельных групп прислуги по данным
переписи 1897 г.**

Группы прислуги	Численность прислуги	
	в тысячах	в % к итогу
Прислуга в учреждениях	167,2	7,9
" на фабриках, заводах и в усадьбах	226,7	10,7
Прислуга домовая	161,1	7,7
Прислуга домашняя	1557,6	73,7
Всего	2112,6	100,0

Наиболее многочисленной, как и следовало ожидать, оказалась домашняя прислуга (1577,6 тыс. человек или 73,7% общей численности прислуги), но и остальные группы были сравнительно значительными.

Численность прислуги в важнейших губерниях Европейской России приведена в табл. 31.

Как видно из данных этой таблицы, прислуги было более всего в губерниях, где имелись крупные промышленные, торговые и административные центры. Так, в числе первых по численности прислуги пяти губерний значатся Петербургская, Московская, Киевская, Херсонская и Харьковская.

В материалах переписи 1897 г. численность прислуги была показана, вероятно, несколько преувеличенной, так как в эту группу была включе-

Таблица 31

Численность прислуги в важнейших губерниях Европейской России по данным переписи 1897 г.

Губернии	Численность прислуги		Губернии	Численность прислуги	
	в тысячах	в % к итогу		в тысячах	в % к итогу
50 губерний Европейской России	1647,7	100,0	9. Лифляндская	42,4	2,6
В том числе:			10. Полтавская	42,0	2,5
1. Петербургская	165,6	10,1	11. Екатеринославская	41,3	2,5
2. Московская	149,5	9,1	12. Волынская	41,0	2,5
3. Киевская	77,4	4,7	13. Саратовская	37,4	2,3
4. Херсонская	67,0	4,1	14. Тамбовская	35,8	2,2
5. Харьковская	49,3	3,0	15. Курская	35,5	2,2
6. Подольская	47,2	2,9	16. Черниговская	31,9	1,9
7. Пермская	44,9	2,7	17. Таврическая	31,6	1,9
8. Обл. войска Донского	44,2	2,7	18. Воронежская	30,4	1,8
			19. Орловская	30,1	1,8

на часть неквалифицированных рабочих. Кроме того, данные некоторых городских переписей в общем указывают, что численность прислуги не повышалась. Поэтому при расчетах для 1913 г. мы считаем возможным принять численность прислуги равной численности ее в 1897 г.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕЙ ЧИСЛЕННОСТИ РАБОЧЕГО КЛАССА В РОССИИ В 1913 г.

После расчетов по отдельным группам работников наемного труда мы можем подойти к вопросу об общей численности рабочего класса России в 1913 г., а также к вопросу о том, какие существенные изменения произошли в численности всего рабочего класса и его важнейших групп примерно за 25 лет — с конца 80-х годов и начала 90-х годов XIX в. по 1913 г.

В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России» привел сводные данные о численности рабочих, занятых в различных отраслях народного хозяйства. Если обратиться к указаниям В. И. Ленина о датах, к которым относятся сведения о численности отдельных групп наемных рабочих, то окажется, что большинство данных приурочено к 80-м годам и первой половине 90-х годов XIX в.; некоторые же сведения относятся к еще более раннему периоду. В общем эти подсчеты можно приурочить к 1890 г.

Складывая численность сельскохозяйственных наемных рабочих (около 3½ млн. по Европейской России), фабрично-заводских, горных и железнодорожных рабочих (около 1½ млн. чел.), строительных рабочих (около 1 млн. чел.), рабочих, занятых в лесном деле (рубка леса и первоначальная обработка его, сплавка и т. д.), занятых земляными работами, сооружением железных дорог, работами по погрузке и разгрузке товаров и вообще всякого рода «черными» работами в индустриальных центрах (около 2 млн. чел.), рабочих, занятых капиталистами на дому, а также работающих по найму в обрабатывающей промышленности,

не причисляемой к «фабрично-заводской промышленности» (около 2 млн. чел.), В. И. Ленин получал цифру «около десяти миллионов наемных рабочих»⁶³. И далее В. И. Ленин указывал, что одни группы из всей этой массы наемных рабочих уже совершенно потеряли связь с сельским хозяйством и живут исключительно продажей рабочей силы, другие же группы еще не порвали связей с землей и частично покрывают свои расходы продуктами своего небольшого земледельческого хозяйства⁶⁴.

Сопоставим с этими расчетами о численности лиц наемного труда, относящимися примерно к 1890 г., данные о численности рабочих в годы, непосредственно предшествовавшие первой мировой войне. На основании всех вышеприведенных материалов и расчетов составлена сводная таблица о примерной общей численности лиц наемного труда, занятых во всех отраслях народного хозяйства России в 1913 г. (табл. 32). Эта таблица, по состоянию статистических материалов, не может рассчиты-

Таблица 32

Примерная общая численность лиц наемного труда в России в 1913 г.

Категории наемного труда	Численность лиц наемного труда	
	в тысячах	в % к итогу
I. Промышленные рабочие и служащие		
1. Фабрично-заводские и горнозаводские рабочие и служащие	3350	18,8
2. Рабочие, занятые капиталистами на дому, а также наемные рабочие городской и сельской мелкой промышленности	3000	16,8
3. Строительные рабочие	1500	8,4
Всего	7850	44,0
II. Транспорт и связь		
1. Работники железнодорожного транспорта ⁶⁵	815,5	4,6
2. Судорабочие	500	2,8
3. Почта, телеграф, телефон	91	0,5
Всего (округленно)	1400	7,9
III. Сельскохозяйственные рабочие	4500	25,3
IV. Чернорабочие и поденщики	Около 1100	6,2
V. Прислуга в учреждениях, на фабриках и заводах, в усадьбах, домовая	550	3,1
VI. Рабочие, ученики и служащие в торговле, гостиницах, ресторанах и прочих заведениях трактирного промысла	865	4,8
VII. Домашняя прислуга	1550	8,7
Всего	17 815	100,0

⁶³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 510.⁶⁴ См. там же, стр. 511.⁶⁵ В 1915 г. численность работников ж. д. транспорта составила 905,3 тыс. чел.

вать на абсолютную точность, но общее представление как о всей численности лиц наемного труда, так и о распределении их по основным подразделениям труда она дает.

Согласно табл. 32 общая численность лиц наемного труда в России в 1913 г. (без учета служащих ряда учреждений) составляла 17,8 млн. человек, причем численность рабочих и служащих фабрично-заводской и горной промышленности и строительных рабочих составляла в 1913 г. 4850 тыс. человек, или 27,2% общей численности рабочего класса. Если к этой группе рабочих прибавить рабочих транспорта и связи, то численность этих двух важнейших групп рабочего класса составляла 6350 тыс., или 35,1% общей численности лиц наемного труда в России. Численность сельскохозяйственных рабочих, чернорабочих и поденщиков равнялась 5600 тыс. человек, или 31,5% общей численности.

Обращаясь к вопросу, какие наметились существенные сдвиги в численности и составе рабочего класса России за 25 лет, предшествовавших первой мировой войне, следует указать, что в пределах той территории, для которой В. И. Ленин исчислял около десяти миллионов наемных рабочих, в 1913 г. было примерно 15,5 млн. рабочих. Таким образом, в среднем число рабочих возросло более чем на 50%. При этом численность отдельных групп увеличивалась весьма неравномерно. Особенно интенсивно возрастало число рабочих и служащих фабрично-заводской, горнозаводской промышленности и работников железнодорожного транспорта, в результате чего резко повысился удельный вес этой группы рабочих — с 15 до 23,4%. За рассматриваемый период значительно возросло и число строительных рабочих. Гораздо медленнее происходил за рассматриваемый период рост численности неквалифицированных групп рабочего класса, в первую очередь сельскохозяйственных рабочих, в результате чего несколько снизился удельный вес числа сельскохозяйственных рабочих в общей численности всего рабочего класса. Отчасти это снижение происходило под влиянием проникновения машин в сельское хозяйство капиталистической России.

Наряду с указанными сдвигами, безусловно повысился также удельный вес постоянных кадров рабочего класса. Последнее обстоятельство проявлялось и в увеличении постоянных групп рабочих, длительно проживавших (причем часто с семьями) в городах и фабричных центрах, в преобладании фабрично-заводского труда, в более значительной оторванности от сельского хозяйства и т. д.

* * *

Из группы вопросов о порайонном размещении лиц наемного труда в капиталистической России рассмотрим следующие: 1) распределение по районам и важнейшим губерниям в 1897 г. всех рабочих и прислуги, а также двух основных групп: а) промышленных, транспортных и строительных рабочих и б) сельскохозяйственных рабочих; 2) удельный вес численности рабочих в отношении к численности населения по районам в 1897 г.; 3) сдвиги в численности рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности России по районам за период с 1860—1870-х годов по 1913 г.

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ РАБОЧИХ И ПРИСЛУГИ В РОССИИ В 1897 г.

Материалы о численности и составе рабочих и прислуги, по данным переписи 1897 г., были изданы центральным статистическим комитетом в 1905—1906 гг. в двух работах: «Распределение рабочих и прислуги по

группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г.» (СПб., 1905) и «Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи Российской империи 1897 г.» (СПб., 1906). Во введении к первой работе указано, что в число лиц, назвавших себя при переписи рабочими и прислугой, «вошли только те лица, которые службу и работу по найму показали, как свое главное занятие. Кроме этих лиц, несомненно, не мало и таких, для которых услужение и работа по найму представляется побочным заработком, в особенности это относится к крестьянам»⁶⁶.

Опубликованные в указанных изданиях данные о численности рабочих, занятых в различных отраслях народного хозяйства России, а также и всех групп и прислуги, безусловно, являются преуменьшенными. На это обстоятельство указывал и В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России»⁶⁷.

А. В. Погожев в своем специальном исследовании «Учет численности и состава рабочих в России» указывал, что неполнота учета рабочих была вызвана, между прочим, тем, что перепись производилась зимой. По его данным, неполнота учета особенно была заметна по отношению к рабочим горной промышленности, а также при сравнении данных о Московской и Владимирской губерниях за 1897 г. с результатами местных исследований⁶⁸. Б. П. Кадомцев на основании анализа данных о численности рабочих отдельных отраслей народного хозяйства также отмечал значительный недоучет числа рабочих по материалам переписи 1897 г., особенно в отношении сельскохозяйственных рабочих⁶⁹.

Напомним некоторые общие показатели, характеризующие состав всей массы учтенных переписью 1897 г. рабочих и прислуги.

Рабочие и прислуга по отдельным отраслям труда распределялись следующим образом (табл. 33):

Таблица 33

Распределение рабочих и прислуги в 1897 г. по отраслям труда

Отрасли труда	Численность рабочих и прислуги	
	в тысячах	в % к итогу
Всего рабочих и прислуги	9153,6	100,0
В том числе:		
Рабочие горной, обрабатывающей промышленности, транспорта, строительные рабочие, рабочие торговых предприятий	3221,6	35,2
Поденщики и чернорабочие	1094,8	12,0
Сельскохозяйственные рабочие . .	2722,6	29,7
Прислуга в учреждениях, на фабриках, заводах и в усадьбах, домовая	555,0	6,1
Домашняя прислуга	1557,6	17,0

⁶⁶ Распределение рабочих и прислуги по группам занятий..., стр. V.

⁶⁷ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 442, прим.

⁶⁸ А. В. Погожев. Учет численности и состава рабочих в России, СПб., 1906, стр. 98.

⁶⁹ Б. П. Кадомцев. Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 года, СПб., 1909, стр. 48—52.

Таким образом, рабочие, занятые в горной, обрабатывающей промышленности, в строительстве, на транспорте и в торговых предприятиях, составили несколько более трети (35,2%) общей численности рабочих и прислуги. Поденщики и чернорабочие составляли 12%; преобладающая масса их была также занята в указанных отраслях промышленности.

По территории России все рабочие и прислуга размещались следующим образом (табл. 34):

Таблица 34

Распределение рабочих и прислуги в 1897 г. по территории России

Территория	Численность рабочих и прислуги	
	в тысячах	в % к итогу
50 губерний Европейской России .	6809,9	74,4
Польша	1179,0	12,9
Кавказ	497,8	5,4
Сибирь	402,9	4,4
Средняя Азия	264,0	2,9
Всего	9153,6	100,0

Если исключить Польшу, то итог составит 7974,6 тыс. человек, а удельный вес численности рабочих и прислуги 50 губерний Европейской России поднимется до 85,4%, Кавказа — до 6,3%, Сибири — до 5,0% и Средней Азии — до 3,3%.

Обратимся к основным показателям размещения учтенных переписью 1897 г. рабочих и прислуги в пределах 50 губерний Европейской России по районам и губерниям (табл. 35 и 36).

При распределении губерний Европейской России по районам мы исходим в основном из разделения губерний на районы, предложенного П. П. Семеновым при издании «Статистики поземельной собственности» по исследованию 1877 г.⁷⁰, с тем только изменением, что Донскую область мы включаем в Новороссийский район⁷¹.

⁷⁰ См. А. И. Скворцов. Хозяйственные районы Европейской России, СПб., 1914, стр. 19.

⁷¹ П. П. Семенов делил Европейскую Россию на 12 областей, а именно: 1) Крайняя северная область (Архангельская и Вологодская губернии); 2) Приозерная (Петербургская, Олонецкая, Новгородская и Псковская губернии); 3) Прибалтийская (Эстляндская, Лифляндская и Курляндская губернии); 4) Московская промышленная (Московская, Тверская, Ярославская, Костромская, Нижегородская и Владимирская губернии); 5) Центральная земледельческая (Рязанская, Тульская, Калужская, Орловская, Курская, Воронежская, Тамбовская и Пензенская губернии); 6) Приуральская (Вятская, Пермская, Уфимская и Оренбургская губернии); 7) Нижневолжская (Казанская, Симбирская, Самарская, Саратовская и Астраханская губернии); 8) Малороссийская (Харьковская, Полтавская и Черниговская губернии; в дальнейшем отмечается нами под названием Левобережной Украины); 9) Новороссийская (Херсонская, Екатеринославская, Таврическая и Бессарабская губернии); 10) Юго-западная (Киевская, Подольская и Волынская губернии); 11) Белорусская (Смоленская, Витебская, Минская и Могилевская губернии); 12) Литовская (Ковенская, Гродненская и Виленская губернии). С некоторыми изменениями это деление было принято большинством правительственных учреждений, издававших статистические материалы, центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел, департаментом земледелия министерства земледелия и государственных имуществ, в изданиях различных департаментов и учреждений министерства финансов и многих других учреждений.

Таблица 35

**Распределение рабочих и прислуги 50 губерний
Европейской России в 1897 г. по районам ⁷²**

Р а й о н ы	Численность рабочих и прислуги	
	в тысячах	в % к итогу
1. Московский промышленный . . .	1306,8	19,2
2. Новороссийский	837,7	12,3
3. Центральный земледельческий . .	750,0	11,0
4. Приозерный	642,6	9,4
5. Прибалтийский	521,8	7,7
6. Приуральский	515,3	7,6
7. Юго-западный	499,3	7,3
8. Нижневолжский	484,6	7,1
9. Левобережная Украина	426,7	6,3
10. Литовский	416,9	6,1
11. Белорусский	350,6	5,2
12. Крайний северный	57,6	0,8
50 губерний Европейской России	6809,9	100,0

Таблица 36

**Численность рабочих и прислуги отдельных губерний Европейской России
в 1897 г.**

Губернии	Численность рабочих и прислуги		Губернии	Численность рабочих и прислуги	
	в тысячах	в % к итогу		в тысячах	в % к итогу
50 губерний Европейской России	6809,9	100,0	10. Екатеринославская	179,6	2,6
В том числе:			11. Полтавская	160,5	2,4
1. Московская	660,6	9,7	12. Курляндская	149,6	2,2
2. Петербургская . .	516,7	7,6	13. Саратовская	142,2	2,1
3. Лифляндская	297,4	4,4	14. Подольская	139,1	2,0
4. Пермская	245,8	3,6	15. Харьковская	137,8	2,0
5. Херсонская	237,1	3,5	16. Вольнская	133,9	2,0
6. Киевская	226,5	3,3	17. Самарская	130,2	1,9
7. Владимирская . . .	199,4	2,9	18. Черниговская . . .	128,4	1,9
8. Ковенская	196,8	2,9	19. Тверская	120,2	1,8
9. Обл. войска Донского	188,1	2,7	20. Виленская	117,2	1,7
			21. Рязанская	115,9	1,7
			22. Орловская	115,7	1,7

⁷² Настоящая и следующая таблицы составлены по материалам, опубликованным в издании «Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г.», СПб., 1905.

Таким образом, на первые шесть районов приходилось около двух третей (67,2%) общей численности рабочих и прислуги 50 губерний Европейской России.

Данные о губерниях со сравнительно большим числом рабочих и прислуги приведены в табл. 36.

В указанных в табл. 36 губерниях были учтены примерно две трети общего числа переписанных в 1897 г. рабочих и прислуги, причем в ряде губерний в более значительном числе были представлены промышленные рабочие, в других — сельскохозяйственные рабочие. К числу первых относятся губернии: Московская (660,6 тыс.), Петербургская (516,7 тыс.), Пермская (245,8 тыс.) и Владимирская (199,4 тыс.), где была развита промышленность. В числе вторых отметим губернии, привлекавшие большое количество сельскохозяйственных рабочих, а именно: Херсонскую (237,1 тыс.), Киевскую (226,5 тыс.), Ковенскую (196,8 тыс.) и Самарскую (130,2 тыс.). В некоторых губерниях в значительном числе были представлены и промышленные и сельскохозяйственные рабочие; к ним относятся: Лифляндская (297,4 тыс.), Киевская (226,5 тыс.) и Область войска Донского (188,1 тыс.).

Помимо вышеприведенных общих показателей, приведем также соответствующие показатели раздельно для группы, в которую включены рабочие горной, обрабатывающей промышленности, транспорта, строительных рабочие и рабочие торговых предприятий (табл. 37). В эту же группу отнесены чернорабочие и поденщики, которые в своей преобладающей массе обслуживают перечисленные группы.

Таблица 37

распределение рабочих горной, обрабатывающей промышленности, транспорта, строительных рабочих, рабочих торговых предприятий, чернорабочих и поденщиков 50 губерний Европейской России в 1897 г. по районам⁷³

Районы	Численность рабочих		Районы	Численность рабочих	
	в тысячах	в % к итогу		в тысячах	в % к итогу
1. Московский промышленный	912,7	27,4	8. Левобережная Украина	154,0	4,6
2. Новороссийский	411,4	12,4	9. Прибалтийский	142,0	4,3
3. Приозерный	387,3	11,6	10. Белорусский	132,8	4,0
4. Центральный земледельческий	352,2	10,6	11. Литовский	131,9	4,0
5. Приуральский	278,5	8,4	12. Крайний северный	24,9	0,7
6. Нижневолжский	205,0	6,2	50 губерний Европейской России	3324,1	100,0
7. Юго-западный	191,4	5,8			

Численность рассматриваемых в табл. 37 групп рабочих первых пяти районов составляла в 1897 г. 70,4% общей численности рабочих. Наиболее значительно были представлены промышленные группы рабочих в

⁷³ Настоящая и следующие таблицы составлены по материалам, опубликованным в изданиях: «Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г.» и «Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.», СПб., 1900.

Московском промышленном районе (912,7 тыс.), Новороссийском (411,4 тыс.) и Приозерном (387,3 тыс.).

Приведем также данные о численности рабочих указанных групп в важнейших губерниях (табл. 38).

Таблица 38

Губернии	Численность рабочих указанных групп		Губернии	Численность рабочих указанных групп	
	в тысячах	в ‰ к итогу		в тысячах	в ‰ к итогу
50 губерний Европейской России	3324,1	100,0	8. Киевская	93,6	2,8
В том числе:			9. Лифляндская	87,5	2,3
1. Московская	493,8	14,9	10. Костромская	72,6	2,1
2. Петербургская	331,2	10,0	11. Рязанская	68,2	2,1
3. Пермская	152,9	4,6	12. Ярославская	66,2	2,0
4. Владимирская	152,8	4,6	13. Тверская	64,6	1,9
5. Херсонская	119,2	3,6	14. Саратовская	64,2	1,9
6. Екатеринославская	99,8	3,0	15. Нижегородская	62,7	1,9
7. Обл. войска Донского	94,2	2,8	16. Харьковская	61,8	1,9
			17. Таврическая	60,6	1,8
			18. Вятская	57,1	1,7
			19. Орловская	50,7	1,7

На первые 10 губерний приходилось 40,7% общего числа рабочих рассматриваемых групп. Всего в приведенных в табл. 38 губерниях оказалось 67,6% общей численности рабочих указанных групп.

Большой интерес представляет общая сравнительная характеристика территориального размещения рабочих в пределах 50 губерний Европейской России к концу XIX в. Табл. 39 дает возможность проследить, как вся масса переписанных в 1897 г. рабочих и прислуги, а также их важнейших групп в отдельности были размещены в отдельных районах Европейской России⁷⁴. В этой же таблице приведены и данные об удельном весе отдельных районов, исчисленные для рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности в 1900 г.⁷⁵ Районы расположены в нисходящем порядке по удельному весу численности всей массы переписанных рабочих и прислуги в 1897 г. в 50 губерниях Европейской России.

Если сопоставить данные об удельном весе всей массы переписанных в 1897 г. рабочих и прислуги (графа 2) и об удельном весе рабочих горной, обрабатывающей промышленности, транспорта и пр. (графа 3), то удельный вес рабочих последней группы окажется более высоким в Московском промышленном (27,4%), Приозерном (11,6%) и Приуральском

⁷⁴ Данные исчислены по материалам, опубликованным в следующих изданиях: «Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г.» и «Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г.».

⁷⁵ Данные исчислены на основании материалов, опубликованных в издании «Материалы утвержденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России», ч. III, СПб., 1903.

Таблица 39

**Удельный вес численности рабочих и прислуги отдельных районов
Европейской России по данным 1897 и 1900 гг.**

Районы	Рабочие и прислуга в 1897 г.	В том числе		Рабочие фабрично-за- водской и горнозаводской промышлен- ности в 1900 г.
		рабочие горной, обрабатывающей промышленности, транспорта, строи- тельные рабочие, рабочие торговых предприятий, чер- норабочие, поден- щики	рабочие сельского хозяйства	
Всего переписано рабочих и прислуги, в тысячах . . .	6809,9	3324,1	1836,0	1990,3
В том числе в % к итогу по районам:				
1. Московский промышлен- ленный	19,2	27,4	7,1	30,7
2. Новороссийский	12,3	12,4	11,7	10,3
3. Центральный земледель- ческий	11,0	10,6	9,9	10,1
4. Приозерный	9,4	11,6	3,1	9,9
5. Прибалтийский	7,7	4,3	16,4	3,9
6. Приуральский	7,6	8,4	7,5	15,4
7. Юго-западный	7,3	5,8	7,8	5,2
8. Нижневолжский	7,1	6,2	9,0	5,2
9. Левобережная Украина .	6,3	4,6	8,1	3,6
10. Литовский	6,1	4,0	11,4	2,5
11. Белорусский	5,2	4,0	7,1	2,0
12. Крайний северный . .	0,8	0,7	0,9	1,2

(8,4%) районах. Резкие различия выступают при сравнении удельного веса, исчисленного для отдельных районов в отношении рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности за 1900 г. (графа 5) и сельскохозяйственных рабочих в 1897 г. (графа 4). Отметим в первую очередь районы, где резко преобладают индустриальные рабочие. Это Московский промышленный (30,7% и 7,1%), Приуральский (15,4% и 7,5%) и Приозерный (9,9% и 3,1%). К районам, где удельный вес сельскохозяйственных рабочих был более высоким, относятся Прибалтийский (3,9% и 16,4%), Литовский (2,5% и 11,4%), Белорусский (2,0% и 7,1%), Левобережная Украина (3,6% и 8,1%) и Юго-западный (5,2% и 7,8%). В двух районах — Новороссийском и Центральном земледельческом — индустриальные и сельскохозяйственные рабочие были представлены сравнительно равномерно.

**УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ЧИСЛЕННОСТИ РАБОЧИХ И ПРИСЛУГИ
В ОТНОШЕНИИ К ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
ПО РАЙОНАМ В 1897 г.**

Как известно, при разработке переписи 1897 г. не было произведено распределение населения страны по социальному составу. При отсутствии этих данных делались попытки сопоставить численность рабочих с численностью самостоятельного населения. В литературе неоднократно

уже отмечалось, что при разработке переписи 1897 г. распределение населения на самостоятельное и несамостоятельное было весьма неправильным и общая численность самостоятельного населения оказалась в значительной степени преуменьшенной. Некоторые исследователи (А. Лосицкий, Б. Кадомцев) пытались вносить существенные поправки к подсчетам самостоятельного населения в 1897 г., но все эти поправки оказались произвольными. Кроме того, по состоянию материалов произведенные поправки относились к итогу всего населения 50 губерний Европейской России, а не к отдельным губерниям и районам. Степень же преуменьшения самостоятельного населения оказалась весьма различной в отдельных губерниях. Преуменьшение самостоятельного населения произошло главным образом за счет сельского населения. Удельный вес сельского населения колебался в значительных пределах по районам и губерниям. При этих условиях пришлось отказаться от сопоставления численности рабочих с численностью самостоятельного населения.

Стремясь же ответить на вопрос, насколько велик удельный вес рабочих по отношению к населению отдельных районов и губерний, мы решили определить удельный вес численности рабочих и прислуги в возрасте 15 лет и старше по отношению к численности населения в возрасте 15 лет и старше по отдельным губерниям и районам. При этом соответствующие показатели были исчислены для всех рабочих и прислуги, а также раздельно для рабочих и прислуги — мужчин и женщин. Основные результаты наших подсчетов представлены в группе таблиц. Следует подчеркнуть, что приведенные в таблицах показатели являются, безуслов-

Таблица 40

**Удельный вес численности рабочих и прислуги
по отношению к численности населения**

Районы	Численность населения в возрасте 15 лет и старше	Численность рабочих и прислуги в возрасте 15 лет и старше	Удельный вес рабочих и прислуги в общей численности населения, в %
	в тысячах		
1. Прибалтийский . .	1655,1	497,0	30,0
2. Московский промышленный	6325,9	1241,2	19,6
3. Приозерный	3302,6	614,0	18,6
4. Литовский	2960,2	380,4	12,9
5. Новороссийский . .	6444,7	783,3	12,1
6. Левобережная Украина	4450,3	387,1	8,7
7. Приуральский . . .	6034,3	490,2	8,1
8. Юго-западный . . .	5683,5	455,9	8,1
9. Белорусский	4055,3	324,9	8,0
10. Нижегородский . .	6084,7	461,7	7,6
11. Центральный земледельческий	9087,5	710,7	7,6
12. Крайний северный .	1046,1	54,8	5,8
50 губерний Европейской России	57 430,2	6401,2	11,1

но, преуменьшенными, так как рабочие и прислуга не были полностью учтены.

Обратимся к данным табл. 40⁷⁶ (районы расположены здесь в нисходящем порядке по удельному весу рабочих и прислуги в общей численности населения).

В среднем по всем 50 губерниям Европейской России удельный вес численности рабочих и прислуги в возрасте 15 лет и старше в численности населения в том же возрасте в 1897 г. составил 11,1%. Этот показатель весьма различался по отдельным районам, колеблясь от 30% в Прибалтийском районе до 5,8% на Крайнем Севере.

Дополнительно в табл. 41 приведены также данные об абсолютной численности рабочих и прислуги в возрасте 15 лет и старше в 1897 г. и об их удельном весе в группе губерний, в которых рабочие и прислуга были сравнительно значительно представлены.

Таблица 41

Губернии	Численность рабочих и прислуги в возрасте 15 лет и старше		Губернии	Численность рабочих и прислуги в возрасте 15 лет и старше	
	в тысячах	в % к численности населения в возрасте 15 лет и старше		в тысячах	в % к численности населения в возрасте 15 лет и старше
50 губерний Европейской России	6401,2	11,1	6. Владимирская . . .	188,8	19,7
В том числе:			7. Ковенская	179,1	18,0
1. Московская . .	625,9	36,5	8. Таврическая	128,4	15,2
2. Петербургская .	493,8	32,0	9. Ярославская	103,1	14,8
3. Лифляндская . .	281,5	31,0	10. Херсонская	219,4	13,6
4. Курляндская . .	143,0	30,1	11. Екатеринославская	168,5	13,5
5. Эстляндская . .	72,5	25,1	12. Пермская	234,1	12,3
			13. Обл. войска Донского	177,6	11,8

Как и следовало ожидать, на первом месте по удельному весу рабочих оказались губернии Московская (36,5%), Петербургская (32,0%) и Лифляндская (31,0%), с их широко развитой промышленностью и интенсивным сельским хозяйством.

Среди указанных в табл. 41 губерний имеются губернии со значительным количеством фабрично-заводских рабочих (Московская, Петербургская, Владимирская, Пермская и др.), а также губернии, в которых были представлены в значительном числе промышленные и сельскохозяйственные рабочие (Прибалтийские, Херсонская, Область войска Донского и др.).

⁷⁶ Настоящая и следующие таблицы составлены на основании данных, опубликованных в изданиях: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., тома по отдельным губерниям, СПб., 1903—1905; Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г., ч. I, СПб., 1905; Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г.

Особый интерес представляют данные табл. 42, в которой исчислен по районам удельный вес численности рабочих и прислуги — мужчин в возрасте 15 лет и старше по отношению к численности мужского населения тех же возрастных групп.

Таблица 42

Районы	Численность мужского населения в возрасте 15 лет и старше (в тыс.)	Численность рабочих и прислуги — мужчин в возрасте 15 лет и старше (в тыс.)	Удельный вес рабочих и прислуги — мужчин в общей численности мужского населения, в %
1. Прибалтийский . . .	792,1	303,5	38,3
2. Московский промышленный	2857,3	827,2	28,9
3. Приозерный	1657,5	404,9	25,6
4. Новороссийский . . .	3352,2	588,8	17,6
5. Литовский	1469,4	223,3	15,2
6. Приуральский	2880,7	383,0	13,3
7. Центральный земледельческий	4407,4	529,1	12,0
8. Нижневолжский . . .	2951,6	345,5	11,7
9. Левобережная Украина	2191,9	248,9	11,4
10. Юго-западный	2842,7	298,8	10,5
11. Белорусский	1959,4	204,3	10,4
12. Крайний северный . .	482,5	33,0	6,9
50 губерний Европейской России	27 844,7	4390,3	15,9

Таблица 43

Губернии	Численность рабочих и прислуги — мужчин в возрасте 15 лет и старше		Губернии	Численность рабочих и прислуги — мужчин в возрасте 15 лет и старше	
	в тысячах	в % к численности мужского населения в возрасте 15 лет и старше		в тысячах	в % к численности мужского населения в возрасте 15 лет и старше
50 губерний Европейской России	4390,3	15,9	9. Астраханская	68,4	21,5
В том числе:			10. Ковенская	99,3	20,9
1. Московская	426,5	49,3	11. Екатеринославская . .	132,4	20,2
2. Курляндская	91,5	41,2	12. Пермская	180,3	19,9
3. Петербургская	334,0	40,0	13. Херсонская	156,3	18,6
4. Лифляндская	165,9	38,2	14. Калужская	48,2	17,0
5. Эстляндская	46,2	34,0	15. Обл. войска Донского	134,9	16,8
6. Владимирская	123,8	29,5	16. Нижегородская	76,7	16,6
7. Ярославская	65,5	23,3	17. Тульская	62,5	15,9
8. Таврическая	100,2	21,9			

Данные о губерниях, в которых процент рабочих и прислуги — мужчин в возрасте 15 лет и старше к общей численности мужского населения этих возрастных групп превышал 15,9 (средний процент для 50 губерний Европейской России), приведены дополнительно в табл. 43 на стр. 170.

В табл. 44 приводятся рассматриваемые показатели в отношении женщин.

Таблица 44

Районы	Численность женского населения в возрасте 15 лет и старше (в тыс.)	Численность рабочих и прислуги — женщин в возрасте 15 лет и старше (в тыс.)	Удельный вес рабочих и прислуги — женщин в общей численности женского населения, в %
1. Прибалтийский . . .	863,0	193,5	22,5
2. Приозерный	1645,1	209,1	12,7
3. Московский промышленный	3468,6	414,0	11,9
4. Литовский	1490,8	157,1	10,6
5. Новороссийский . .	3092,5	194,5	6,3
6. Левобережная Украина	2258,4	138,2	6,2
7. Белорусский	2095,9	120,6	5,7
8. Юго-западный . . .	2841,1	157,1	5,5
9. Крайний северный .	563,6	21,8	3,9
10. Центральный земледельческий	4979,8	181,6	3,8
11. Нижневолжский . .	3133,1	116,2	3,7
12. Приуральский . . .	3153,6	107,2	3,4
50 губерний Европейской России	29 585,5	2010,9	6,8

Данные табл. 44 показывают, во-первых, что женский труд широко применялся в тех же районах, где находил широкое применение и труд мужчин (Прибалтийский, Приозерный и Московский промышленный); во-вторых, что женский труд был в два с лишком раза меньше распространен, чем труд мужчин; в-третьих, эти данные говорят о невысоком применении женского труда в России в конце XIX в. Внутри районов наиболее резкие расхождения в степени применения наемного труда у мужчин и женщин наблюдались в Приуральском, Нижневолжском и Центральном земледельческом районах (см. табл. 45 на стр. 172).

Выше было указано, что при переписи 1897 г. в качестве рабочих и прислуги были учтены лишь те лица, которые службу и работу по найму показали как свое главное занятие. Но помимо рабочих и прислуги, по материалам переписи 1897 г. ниже приведены данные о числе лиц, занятых в сельском хозяйстве и имевших побочные промысловые занятия (см. табл. 47 на стр. 173).

Ряд материалов свидетельствует, что учет имевших побочные промысловые занятия был также, безусловно, неполным. Среди этой группы

Таблица 45

Районы	Мужчин, в %	Женщин, в %
Приуральский	13,3	3,4
Нижеволжский	11,7	3,7
Центральный земледельческий . . .	12,0	3,8

населения, несомненно, в значительном числе представлены и занятые по найму.

Приведем данные о числе лиц, которые были заняты в сельском хозяйстве и имели побочные промысловые занятия в важнейших группах профессий (табл. 46) ⁷⁷.

Таблица 46

Группы профессий	Число лиц, в тысячах
Обработка волокнистых веществ	1606,0
Устройство, ремонт жилищ и строительные работы	583,3
Изготовление одежды	441,1
Обработка дерева	426,6
" металлов	126,2
" животных продуктов	77,9
" минеральных веществ	68,9
Добыча руд и копи	42,4

Ряд материалов, опубликованных земскими статистиками, указывает, что среди «промышленников» в значительной степени были представлены наемные рабочие.

Всего, по данным переписи 1897 г., было учтено в 50 губерниях Европейской России сельскохозяйственного населения, имевшего побочные промысловые занятия, 5029,9 тыс. чел., из них 3432,6 тыс. мужчин и 1597,3 тыс. женщин, или 31,8%.

По районам лица, занятые в сельском хозяйстве и имевшие побочные промысловые занятия, были распределены следующим образом (см. табл. 47 на стр. 173).

Если сопоставить удельный вес численности рабочих и прислуги, с одной стороны, и лиц, занятых в сельском хозяйстве и имевших побочные промысловые занятия — с другой, по районам, то видно, что удельный вес рабочих и прислуги оказался более высоким в Московском промышленном, Новороссийском, Приозерном, Прибалтийском и Литовском районах. Удельный же вес численности лиц, занятых в сельском хозяйстве и имевших побочные промысловые занятия, был повы-

⁷⁷ Общий свод., ч. II.

Т а б л и ц а 47

Районы	Число лиц, занятых в сельском хозяйстве и имевших побочные промысловые занятия	
	в тысячах	в % к итогу
1. Центральный земледельческий .	990,2	19,7
2. Московский промышленный . .	849,2	16,9
3. Приуральский	619,2	12,3
4. Нижневолжский	440,9	8,8
5. Юго-западный	377,1	7,5
6. Левобережная Украина	359,6	7,1
7. Новороссийский	341,1	6,8
8. Белорусский	308,4	6,2
9. Приозерный	287,5	5,7
10. Крайний северный	225,0	4,5
11. Прибалтийский	123,8	2,4
12. Литовский	107,9	2,1
50 губерний Европейской России .	5029,9	100,0

шенным в Центральном земледельческом, Приуральском районах и на Крайнем Севере.

В табл. 48 приведены данные о 23 губерниях, в которых число лиц сельскохозяйственного населения, имевших побочные занятия, превышало 100 тыс. в каждой.

Т а б л и ц а 48

Губернии	Число лиц, занятых в сельском хозяйстве и имевших побочные промысловые занятия, в тысячах	Губернии	Число лиц, занятых в сельском хозяйстве и имевших побочные промысловые занятия, в тысячах
1. Вятская	229,0	13. Киевская	134,9
2. Пермская	221,0	14. Воронежская	133,3
3. Нижегородская . .	199,6	15. Орловская	131,7
4. Вологодская	174,4	16. Подольская	128,4
5. Костромская	158,5	17. Рязанская	124,8
6. Тамбовская	156,0	18. Московская	118,3
7. Курская	150,9	19. Черниговская	116,4
8. Тверская	145,6	20. Вологодская	113,8
9. Новгородская	142,8	21. Саратовская	109,9
10. Владимирская	142,7	22. Казанская	107,4
11. Полтавская	138,2	23. Харьковская	105,2
12. Калужская	135,2		

На указанные 23 губернии приходилось 3318 тыс. имевших побочные промысловые занятия, или около 66% численности всей группы имевших

побочные занятия. В числе этих 23 губерний особенно выделяются губернии Центрального промышленного, Центрального земледельческого и Приуральского районов.

**СДВИГИ В ЧИСЛЕННОСТИ РАБОЧИХ
ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ И ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
ПО РАЙОНАМ ЗА ПЕРИОД С 1860—1870 гг. ПО 1913 г.**

На основании материалов о динамике численности рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности 50 губерний Европейской России по районам за период с 1861—1870 гг. по 1913 г. представляется возможным установить основные сдвиги в территориальном размещении рабочих. Указанную динамику мы рассмотрим отдельно за два периода: 1) с 1861—1870 гг. по 1891—1900 гг. и 2) с 1891—1900 гг. по 1913 г., после чего установим, какие в общем произошли сдвиги в численности рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности в пределах 50 губерний Европейской России за весь рассматриваемый период (с 1861—1870 гг. по 1913 г.). Предварительно укажем, что в 1913 г. численность рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности 50 губерний Европейской России составляла 92,0% общей численности рабочих России (без Польши; табл. 49)⁷⁸.

Таблица 49

Численность рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности в 1913 г.

Районы	Численность рабочих	
	в тысячах	в % к итогу
50 губерний Европейской России . .	2557,4	92,0
Кавказ	91,3	3,3
Сибирь	107,7	3,9
Туркестан	23,3	0,8
Всего ⁷⁹ . . .	2779,7	100,0

Обратимся к материалам о динамике численности фабрично-заводских и горнозаводских рабочих 50 губерний Европейской России за период с 1861—1870 гг. по 1891—1900 гг.

Сводные данные по десятилетиям о динамике численности рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности за период с 1861—1870 гг. по 1900 г. были опубликованы в издании «Материалы учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения средне-

⁷⁸ Данные о численности рабочих за 1913 г. в основном составлены по следующим источникам: Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 г., СПб., 1914; Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности за 1911 г., Пгр., 1915; Список фабрик и заводов Российской империи, под ред. В. Е. Варзара, СПб., 1912. Сведения о числе рабочих некоторых предприятий отсутствуют, но этот недоучет является сравнительно небольшим.

⁷⁹ Численность рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности Польши составляла около 360 тыс. человек.

земледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России»⁸⁰. «Основными источниками для исчисления фабрично-заводских рабочих,— указывается в этом издании,— послужили следующие официальные издания: Военно-статистический сборник, Приложения к отчетам губернаторов, Ежегодник министерства финансов, Статистические сборники по горнозаводской промышленности, изд. Горного ученого комитета, Сборники по производствам, облагаемым и не облагаемым акцизом, изд. департамента торговли и мануфактур и неокладных сборов. Одно перечисление источников дает уже понятие о разнохарактерности материала, на основании которого пришлось определить число фабрично-заводских рабочих, и, действительно, каждый источник имеет свои особенности как по объему содержания, так и относительно качества заключающихся в нем сведений».

В дальнейшем изложении авторы текстового обзора отметили ряд существенных дефектов указанных статистических материалов, а также ряд источников, которые были приняты при отсутствии прямых показаний. В общем хотя эти данные, безусловно, не являются вполне точными, но все же они отражают происшедшие за период с 1860—1870 гг. по 1900 г. значительные процессы.

Эти данные особо важны для характеристики динамики численности фабрично-заводских рабочих в отдельных районах страны за указанные десятилетия, так как из опубликованных до настоящего времени показателей в отношении отдельных губерний они являются наиболее полными.

На основании этих статистических данных⁸¹ составлена табл. 50 об общей динамике численности рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности Европейской России с 1861—1870 гг. по 1900 г.

Таблица 50

Динамика числа рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности 50 губерний Европейской России с 1861—1870 гг. по 1900 г.

Показатели	В среднем				
	1861— 1870 гг.	1871— 1880 гг.	1881— 1890 гг.	1891— 1900 гг.	1900 г.
Численность рабочих, в тысячах . .	797,6	945,6	1160,1	1637,6	1990,3
Прирост численности рабочих, в % к предшествующей дате	—	18,6	22,8	41,2	21,5

С 1861—1870 гг. по 1891—1900 гг. численность рабочих фабрично-заводской промышленности 50 губерний Европейской России увеличилась на 105%. В наиболее интенсивном темпе происходил рост численности рабочих фабрично-заводской промышленности в 1890-е годы: по сравнению с предшествующим десятилетием прирост составил 41,2%, причем как прирост абсолютной численности, так и темп прироста за указанное десятилетие превышал соответствующие показатели за два предшествующих десятилетия (1871—1880 и 1881—1890 гг.). Следует также отметить, что по этим данным численность рабочих в 1900 г. превышала на 21,5% численность рабочих за все десятилетие 1891—1900 гг.

⁸⁰ Разработано департаментом окладных сборов, ч. III, СПб., 1903, стр. 107.

⁸¹ Там же, ч. I, стр. 216—217.

Об изменениях в численности рабочих фабрично-заводской и горно-заводской промышленности за период с 1861—1870 гг. по 1891—1900 гг. по районам можно судить по данным табл. 51. Отдельные районы размещены в нисходящем порядке темпа прироста числа рабочих с 1861—1870 гг. по 1891—1900 гг.

Таблица 51

Динамика числа рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности 50 губерний Европейской России по районам с 1861—1870 гг. по 1891—1900 гг.⁸²

Районы	Число рабочих, в тысячах				Прирост числа рабочих с 1861—1870 гг. по 1891—1900 гг.	
	1861—1870 гг.	1871—1880 гг.	1881—1890 гг.	1891—1900 гг.	в тысячах	в %
1. Новороссийский	23,1	35,1	75,9	150,6	127,5	552,0
2. Литовский	11,4	12,2	22,2	38,0	26,6	233,3
3. Прибалтийский	20,0	24,8	32,6	55,6	35,6	178,0
4. Белорусский	12,1	13,0	16,9	29,3	17,2	142,1
5. Приуральский	121,2	160,2	231,5	285,8	164,6	135,8
6. Приозерный	63,8	85,7	93,5	149,3	85,5	134,0
7. Московский промышленный	260,3	314,5	370,4	513,0	252,7	97,1
8. Нижневолжский	41,0	50,3	56,9	78,2	37,2	90,7
9. Крайний северный	10,8	10,1	13,9	18,7	7,9	73,1
10. Центральный земледельческий	110,0	119,7	129,2	169,7	59,7	51,8
11. Юго-западный	66,9	66,1	77,1	92,1	25,2	37,7
12. Левобережная Украина	57,0	40,5	42,9	56,3	—0,7	—1,2
50 губерний Европейской России	797,6	945,6	1160,8	1637,6	840,0	105,3

Следует отметить весьма значительную неравномерность в темпах прироста числа промышленных рабочих по районам. Так, наиболее высоким оказался темп прироста числа фабрично-заводских и горнозаводских рабочих в Новороссийском районе, где численность рабочих за рассматриваемый период увеличилась в 6,5 раза. В Левобережной же Украине число рабочих за тридцать лет в общем оставалось стабильным. Не менее существенными явились также и различия в абсолютных размерах прироста числа рабочих в отдельных районах. Из общего прироста числа рабочих в 50 губерниях Европейской России за период 1861—1870 гг.—1891—1900 гг. в 840 тыс. человек на Московский промышленный район приходилось 252,7 тыс. человек, на Приуральский — 164,6 тыс., на Новороссийский — 127,5 тыс., на Приозерный — 85,5 тыс. и на Центральный земледельческий район — 59,7 тыс. человек. Следова-

⁸² Таблица составлена на основании данных по отдельным губерниям в издании «Материалы учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России», ч. I, СПб., 1903, стр. 316—317.

тельно, прирост числа фабрично-заводских и горнозаводских рабочих с 1861—1870 гг. по 1891—1900 гг. по пяти указанным районам составил 690 тыс. человек, или 82,1 % общего прироста числа рабочих за рассматриваемый период.

Обратимся к данным об изменении числа фабрично-заводских и горнозаводских рабочих по рассматриваемой территории за второй период — с 1891—1900 гг. по 1913 г. (табл. 52).

Таблица 52

Динамика числа рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности 50 губерний Европейской России по районам с 1891—1900 гг. по 1913 г.

Районы	Число рабочих		Прирост числа рабочих с 1891—1900 гг. по 1913 г., в %
	1891—1900 гг.	1913 г.	
1. Новороссийский	150,6	391,6	160,0
2. Прибалтийский	55,6	143,9	158,2
3. Левобережная Украина	56,3	103,0	83,0
4. Приозерный	149,3	305,2	104,4
5. Белорусский	29,3	46,7	59,6
6. Московский промышленный	513,0	818,2	59,1
7. Юго-западный	92,1	142,5	54,7
8. Крайний северный	18,7	27,0	44,8
9. Нижневолжский	78,2	89,0	13,9
10. Центральный земледельческий	169,7	191,4	12,8
11. Литовский	38,0	37,4	—1,6
12. Приуральский	285,8	261,5	—8,5
50 губерний Европейской России	1637,6	2557,4	56,2

Итак, за период с 1891—1900 гг. по 1913 г. число рабочих возросло на 919,8 тыс. человек, или на 56,2 %. Как и за предыдущий период, рост числа рабочих по отдельным районам был весьма неравномерным. Рост абсолютной численности рабочих был особенно высоким в Новороссийском, Московском промышленном, Приозерном и Прибалтийском районах. Сравнительно высоким темпом прироста численности рабочих отличались также Новороссийский, Прибалтийский, Приозерный районы и Левобережная Украина.

Рост числа фабрично-заводских и горнозаводских рабочих 50 губерний Европейской России по отдельным районам в итоге за весь длительный период с 1861—1870 гг. по 1913 г. представлен в табл. 53 (стр. 178) (отдельные районы расположены в нисходящем порядке по темпу прироста за весь указанный период).

С 1861—1870 гг. по 1913 г. число рабочих в целом по 50 губерниям Европейской России возросло на 1759,8 тыс. человек, или на 220,6 %.

Резко выделяется как по темпу, так и по абсолютным размерам прирост числа рабочих в Новороссийском районе, главным образом в результате развития в этом районе ряда отраслей тяжелой промышленности. Число рабочих в Новороссийском районе составляло в 1861—1870 гг.

Таблица 53

Динамика числа рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности 50 губерний Европейской России по районам с 1861—1870 гг. по 1913 г.

Районы	Число рабочих, в тысячах		Прирост числа рабочих с 1860—1870 гг. по 1913 г.	
	1861—1870 гг.	1913 г.	в тысячах	в ‰
1. Новороссийский	23,1	391,6	368,5	В 17 раз
2. Прибалтийский	20,0	143,9	123,9	В 7,2 »
3. Приозерный	63,8	305,2	241,4	378,2
4. Белорусский	12,1	46,7	34,6	286,0
5. Литовский	11,4	37,4	26,0	226,3
6. Московский промышленный . .	260,3	818,2	557,9	214,3
7. Крайний северный	10,8	27,0	16,2	150,0
8. Нижневолжский	41,0	89,0	48,0	117,1
9. Приуральский	121,2	261,5	140,3	115,8
10. Юго-западный	66,9	142,5	75,6	106,7
11. Левобережная Украина	57,0	103,0	46,0	80,7
12. Центральный земледельческий	100,0	191,4	81,4	74,0
50 губерний Европейской России	797,6	2557,4	1759,8	220,6

23,1 тыс. человек, а в 1913 г. — 391,6 тыс., т. е. в 17 раз больше. Высоким был также за все эти годы рост числа рабочих в Прибалтийском районе — с 20 тыс. в 1861—1871 гг. до 143,9 тыс. в 1913 г. В Приозерном районе число рабочих увеличилось в 4,78 раза, преимущественно за счет роста числа фабрично-заводских рабочих в Петербургской губернии. Хотя абсолютные размеры прироста числа рабочих в Московском промышленном районе были высокими (с 260,3 тыс. человек в 1861—1870 гг. до 818,2 тыс. в 1913 г.), темп прироста числа рабочих фабрично-заводской промышленности в этом районе (в 3,14 раза) почти совпадал со средним темпом, исчисленным для 50 губерний Европейской России. Сравнительно невысоким был темп прироста числа рабочих в Приуральском крае, что объясняется известным застоєм в развитии уральской промышленности. Особенно же отставали по темпу прироста числа рабочих Левобережная Украина и Центральный земледельческий район.

Значительные изменения удельного веса отдельных районов в общей численности рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности 50 губерний Европейской России, происшедшие в течение периода с 1861—1870 гг. до 1913 г., отражены в табл. 54, где отдельные районы размещены в нисходящем порядке по их удельному весу в 1913 г.

В первых пяти районах в 1913 г. было сосредоточено 77% общей численности рабочих. Московский промышленный район почти не изменил в течение изучаемого длительного периода своего удельного веса (32,6%, 31,3% и 32,0%). В результате неравномерного развития промышленности и связанного с этим числа рабочих определились сдвиги в удельном весе числа рабочих в отдельных районах, причем в некоторых

Таблица 54

Изменения удельного веса отдельных районов в общей численности рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности с 1861—1870 гг. по 1913 г.

Районы	Число рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности					
	1861— 1870 гг.	1891— 1900 гг.	1913 г.	1861— 1870 гг.	1891— 1900 гг.	1913 г.
	в тысячах			в % к итогу		
1. Московский промышленный	260,3	513,0	818,2	32,6	31,3	32,0
2. Новороссийский	23,1	150,6	391,6	2,9	9,2	15,3
3. Приозерный	63,8	149,3	305,2	8,0	9,1	12,0
4. Приуральский	121,3	285,8	261,5	15,2	17,5	10,2
5. Центральный земледельческий	110,0	169,7	191,4	13,8	10,4	7,5
6. Прибалтийский	20,0	55,6	143,9	2,5	3,4	5,6
7. Юго-западный	66,9	92,1	142,5	8,4	5,6	5,6
8. Левобережная Украина	57,0	56,3	103,0	7,2	3,4	4,0
9. Нижневолжский	41,0	78,2	89,0	5,2	4,8	3,5
10. Белорусский	12,1	29,3	46,7	1,5	1,8	1,8
11. Литовский	11,4	38,0	37,4	1,4	2,3	1,4
12. Крайний северный	10,8	18,7	27,0	1,3	1,2	1,1
50 губерний Европейской России	797,7	1637,6	2557,4	100,0	100,0	100,0

из них они оказались весьма существенными. В то время как заметно повысился удельный вес Новороссийского, Прибалтийского и Приозерного районов, понизили удельный вес районы Приуральский, Центральный земледельческий, Юго-западный, Нижневолжский и Левобережная Украина.

Дополнительно к приведенным показателям динамики численности промышленных рабочих по районам приведем также соответствующие данные и по наиболее промышленным губерниям (см. табл. 55 на стр. 180). Эти данные охватывают как фабрично-заводскую, так и горнозаводскую промышленность. Отдельные губернии расположены в убывающем порядке по абсолютной численности рабочих в 1913 г.

Резко выделяются особо высокими показателями темпа роста числа промышленных рабочих Екатеринославская губерния и Область войска Донского. В этих губерниях в течение рассматриваемого периода бурно развивалась главным образом горнозаводская промышленность. Высокие темпы роста численности рабочих следует отметить также в губерниях Херсонской, Лифляндской, Костромской. По росту абсолютной численности фабрично-заводских рабочих приходится также отметить губернии Московскую, Петербургскую и Владимирскую.

Необходимо указать, что значительный рост числа рабочих в четырех губерниях — Пермской, Вятской, Оренбургской и Уфимской — за период с 1860—1870 гг. по 1891—1900 гг. отчасти был вызван повышенным ростом числа вспомогательных рабочих горнозаводской промышленности

Таблица 55

**Динамика числа рабочих наиболее промышленных губерний Европейской
России с 1861—1870 гг. по 1913 г.**

Губернии	Число рабочих, в тысячах			Численность рабочих, в %		
	1861— 1870 гг.	1891— 1900 гг.	1913 г.	1891— 1900 гг. к 1861— 1870 гг.	1913 г. к 1891— 1900 гг.	1913 г. к 1861— 1870 гг.
50 губерний Европейской России	797,6	1637,6	2557,4	205	157	321
В том числе:						
1. Московская	134,5	249,6	389,1	186	156	289
2. Петербургская	54,9	126,6	274,7	231	217	442
3. Екатеринославская	5,2	64,3	211,2	в 12,4 раза	328	в 41 раз
4. Владимирская	73,0	123,9	210,2	170	169	288
5. Пермская	73,3	168,3	166,9	232	99,2	230
6. Костромская	13,0	47,5	93,4	342	197	718
7. Обл. войска Донского	1,5	35,2	91,7	в 23 раза	261	в 61 раз
8. Лифляндская	12,0	36,2	90,6	302	250	в 7,5 раза
9. Киевская	47,8	47,4	83,9	99,2	177	175
10. Херсонская	6,6	28,7	63,9	435	226	в 9,7 раза
11. Харьковская	19,6	30,5	57,1	154	187	291
12. Тверская	15,3	27,7	44,1	181	163	288
13. Нижегородская	13,9	28,4	41,6	204	144	296
14. Ярославская	10,6	35,8	40,3	332	112	380
15. Оренбургская	19,2	44,3	34,6	236	78,1	180
16. Орловская	24,8	37,3	32,6	150	87,4	130
17. Вятская	16,3	42,7	31,3	262	73,3	192
18. Саратовская	9,9	26,4	29,5	267	112	277
19. Уфимская	12,5	30,5	28,7	244	94,1	229

в этих губерниях. В последующий период (с 1891—1900 гг. по 1913 г.) численность групп вспомогательных рабочих понизилась, вследствие чего в этих губерниях и общая численность рабочих или оставалась стабильной, или даже несколько снизилась.

* * *

«В вопросе о развитии капитализма,— писал В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России»,—едва ли не наибольшее значение имеет степень распространения наемного труда. Капитализм, это — та стадия развития товарного производства, когда и рабочая сила становится товаром. Основная тенденция капитализма состоит в том, чтобы все рабочие силы народного хозяйства применялись к производству лишь после продажи-купли их предпринимателями»⁸³. Выше были приведены дан-

⁸³ В. И. Ленин. Соч. т. 3, стр. 509.

ные, характеризующие «степень распространения наемного труда» во всех отраслях народного хозяйства России накануне первой мировой войны.

По примерным расчетам общая численность лиц наемного труда России (включая Польшу) составляла в 1913 г. или около того времени 17,9 млн. человек, причем численность рабочих и служащих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности составляла 3350 тыс. человек, работников железнодорожного транспорта — 815,5 тыс. человек, строительных рабочих — 1500 тыс. и сельскохозяйственных рабочих — 4500 тыс. человек. За 25 лет, предшествовавших первой мировой войне, в более интенсивном темпе возрастала численность работников фабрично-заводской и горнозаводской промышленности, а также работников железнодорожного транспорта.

Приведенные материалы за 1897 г. о распределении рабочих Европейской России по районам свидетельствуют о том, что преобладающее число учтенных переписью 1897 г. рабочих (67,2%) было размещено в пределах шести районов — в Московском промышленном, Новороссийском, Центральном земледельческом, Приозерном, Прибалтийском и Приуральском.

Выявились также значительные различия по районам удельного веса численности рабочих в отношении к численности населения. В среднем в 50 губерниях Европейской России число рабочих мужчин в возрасте 15 лет и старше составило 15,5% общего числа мужчин в этом возрасте. Более высоким оказался этот показатель в Прибалтийском (38,3%), в Московском промышленном (28,9%) и в Приозерном районе (25,6%), сравнительно пониженным — в Юго-западном (10,5%), Белорусском (10,4%) и на Крайнем Севере (6,9%). Несомненно, что в последующие годы после 1897 г. показатели удельного веса численности рабочих в отношении к численности населения возросли.

Определились также значительные различия в росте числа рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности по отдельным районам. Так, за период с 1861—1870 гг. по 1913 г. число фабрично-заводских и горнозаводских рабочих возросло по Новороссийскому району в 17 раз, по Прибалтийскому — в 7,2 раза и Приозерному — в 3,8 раза. За этот же период число рабочих на Левобережной Украине увеличилось лишь на 80,7% и в Центральном земледельческом районе — на 74%. В результате процессов, связанных с неравномерным развитием промышленности в отдельных районах страны, удельный вес числа фабрично-заводских и горнозаводских рабочих в отношении к общему числу рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности России повысился за изучаемый период в Новороссийском, Приозерном и Прибалтийском районах. Одновременно значительно снизился за эти годы рассматриваемый показатель в Центральном земледельческом, Нижневолжском, Юго-западном районах и на Левобережной Украине. Прирост фабрично-заводских рабочих в абсолютных числах с 1861—1870 гг. по 1913 г. был особенно высоким в Московской, Петербургской, Екатеринославской и Владимирской губерниях.

А. В. ФЕДОРОВ

ЗАКОН О ВСЕСОСЛОВНОЙ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ 1874 ГОДА И КРЕСТЬЯНСТВО

Важнейшим вопросом реформы русской армии 60—70-х годов XIX в. был вопрос об изменении принципа комплектования армии, об увеличении подготовленного резерва на случай войны.

Реформа была проведена в обстановке роста милитаризации европейских государств. В большинстве капиталистических стран на основе опыта последних войн, и особенно франко-прусской войны 1870—1871 гг., армии превращались в массовые, буржуазного типа, оснащенные передовой капиталистической техникой.

Вслед за отменой крепостного права, в условиях развития новых, капиталистических производственных отношений в России, русское самодержавие также должно было вступить на путь реформы армии. Чтобы сделать армию более боеспособной, настоятельно требовалось, в частности, ликвидировать в ней феодально-крепостнические порядки, ввести вместо рекрутских наборов всеобщую повинность, сократить срок службы, подготовить резервы для армии военного времени.

Необходимость изменения принципа комплектования армии, особенно после крестьянской реформы 1861 г. и других буржуазных реформ, обуславливалась еще и тем, что тяжелое бремя воинской повинности, ложившейся почти исключительно на плечи крестьянства, вызывало со стороны последнего массовое недовольство и революционные волнения.

В настоящей статье мы рассматриваем вопрос, не получивший в нашей исторической литературе должного освещения, а именно вопрос о том, как отразилась всеобщая воинская повинность на положении крестьян. Совершенно очевидно, что без ответа на этот вопрос невозможно дать полную и правильную характеристику реформы в целом и оценить ее значение.

* * *

1 января 1874 г. Александр II утвердил устав о воинской повинности, устанавливавший новый принцип комплектования армии. Теперь вводилась всеобщая воинская повинность вместо рекрутской повинности, согласно которой армия пополнялась за счет выделения рекрутов податным сословием, крестьянством. Обнародованный закон устанавливал формальное равенство обязанностей по отношению к армии для всего мужского населения, независимо от имущественного положения и национальности.

Феодально-крепостническая армия, согласно букве опубликованного закона, должна была в ближайшие годы превратиться во всеобщую,

все воины которой должны были не только нести одинаковые обязанности, но и пользоваться равными правами. Устав о воинской повинности создавал, далее, предпосылку для разрешения одной из основных задач реорганизации армии, а именно — образования более ускоренными темпами запаса обученных резервов, необходимых в случае войны для развертывания армии в действующую.

Однако новый закон, распространяя службу в армии на все сословия, в действительности вовсе не обеспечивал введения подлинно всеобщей воинской повинности, т. е. повинности, равномерно распространяющейся на все мужское население, независимо от имущественного и правового положения, а также национального признака. Как явствует из основных положений нового закона, значительная часть так называемого «иностранческого» населения, т. е. народов не-русского происхождения, вовсе устранилась от воинской повинности, или же для них вводился особый режим прохождения службы. Это относилось к значительной части населения Закавказья, Туркестана, Приморской и Амурской областей, а также к населению отдельных округов и районов Якутской области, Енисейской, Томской и Тобольской губерний. Действие нового устава также не было распространено на подавляющую часть населения Северного Кавказа, Астраханской губернии, Тургайской и Уральской областей и всех губерний и областей Западной и Восточной Сибири, а также на ненцев, обитавших в Архангельской губернии¹.

Для населения указанных местностей предусмотрено было разработать в дальнейшем особые положения, которые определяли бы формы и порядок отбывания воинской повинности лицами, призванными в армию. Правительство руководствовалось при этом не столько экономической и культурной отсталостью отдельных народов, сколько опасением дать оружие в руки представителям народов, жестоко угнетавшихся царизмом.

От призыва, согласно новому закону, освобождались и другие категории населения, в том числе лица духовного звания, деятели науки и искусства. Кроме того, специальным указом, обнародованным почти одновременно с опубликованием Устава о воинской повинности, получали освобождение от службы в армии и иные группы населения, например члены семейств, главы которых, служа в царской армии, были убиты при подавлении польского восстания в 1863 г., служащие ряда железных дорог и др. Специальный указ предоставлял отсрочку на четыре года в течение первых пяти наборов лицам, принадлежавшим к семействам, которые владели торговыми или промышленными предприятиями².

В связи с этими изъятиями и другими льготами даже «Русский инвалид», орган военного министерства, вынужден был признать, что всеобщность повинности для населения в целом весьма условна, что новое законодательство имеет не столько реальное, сколько моральное значение. «Хотя всеобщность военной службы, — говорилось в одной из передовых статей «Русского инвалида», — составляет основной принцип всех военных законодательств, но в действительности безусловное его применение едва ли даже мыслимо, и требования его скорее могут быть удовлетворены только по нравственной их идее, чем по существу»³.

Естественно, что такое положение должно было вызвать недовольство в среде крестьянства. К сожалению, дошедший до нас

¹ Сборник правительственных распоряжений по введению общей воинской повинности, т. I, СПб., 1874, стр. 5.

² Там же, стр. 6.

³ «Русский инвалид», № 17, от 20 января 1874 г.

документальный материал не дает объективного отражения подлинных настроений различных классов русского общества в отношении нового закона и меньше всего отражает настроения широких масс крестьянства. В своих «всеподданнейших» докладах о введении в жизнь нового закона губернаторы, за редкими исключениями, обычно приукрашивали реальную действительность, пытаясь показать преданность царизму населения вверенных им губерний. Более объективным материалом являются отчеты наблюдателей, командированных военным министерством на основе нового закона на места призыва.

В периодической печати, в частности в таких газетах, как «Правительственный вестник», «Русский инвалид», «Киевлянин», «Биржевые ведомости», «Голос», «Московские ведомости», «С.-Петербургские ведомости», военная реформа рассматривалась как акт справедливости со стороны самодержавия. По писаниям этих правительственных и либеральных газет и родственных им журналов, естественно, нельзя получить объективного представления о том, как была встречена военная реформа различными классами населения.

Изученные нами фонды Центрального государственного исторического архива в Ленинграде, в частности фонды земского отдела министерства внутренних дел, особого присутствия о военной повинности при государственном совете, министерства государственных имуществ, комитета министров и другие, позволяют ввести впервые в научный оборот значительное количество совершенно неисследованных до настоящего времени документов, особенно по организации и проведению наборов первых двух-трех лет призыва в армию на основе нового устава, и в известной степени ответить на поставленные вопросы.

Как показывают весь ход подготовки реформы и проведение первых наборов на основе устава 1874 г., к новому закону по-разному отнеслись различные социальные группы населения страны.

Отрицательно был встречен закон известной частью дворянства, промышленниками и купцами.

Реакционное дворянство опасалось, что когда армия станет всеобщей, оно потеряет в ней свое бывшее влияние. Промышленная и торговая буржуазия встретила новый закон отрицательно потому, что ранее ее дети освобождались от службы, а теперь и они должны были отбывать воинскую повинность наряду с крестьянами и рабочими. Из-за нескрываемого недовольства русской буржуазии новым законом Александр II в самый день обнародования устава сам же нарушил его, предоставив особым манифестом освобождение от службы в армии в течение пяти лет лицам, владеющим торгово-промышленными предприятиями.

Чиновный мир также выражал недовольство: при рекрутчине чиновники освобождались от службы, теперь же и на них распространялась жеребьевка. Чиновники были не только против действительной службы в армии, но и против зачисления в запас и ополчение. Либеральная газета А. Краевского «Голос», выражая восторг в связи с появлением нового военного устава, вынуждена была в то же время отметить недовольство огромной массы чиновников новым законом. «Установление обязательной службы в запасе и ополчении (в ополчении до 40-летнего возраста) производит немалое смятение в чиновничьем мире», — робко отмечал «Голос»⁴.

Не были довольны и те из так называемых «инородцев», которые:

⁴ Газета «Голос», 1874, № 4.

раньше не привлекались к воинской повинности, а по новому закону должны были служить. Известны многочисленные факты эмиграции татар из России с одной только целью — избежать службы в царской армии. «Немцы-колонисты тоже исподлобья смотрят на новую воинскую повинность. Из них тоже многие собираются эмигрировать», — сообщали в Петербург с юга ⁵.

Впервые привлекавшиеся к отбыванию воинской повинности зажиточные сословия в случае невозможности воспользоваться льготами, предусмотренными уставом, принимали всевозможные меры с целью обойти новое законодательство. В этом отношении значительной отдушиной для дворян, промышленников и купцов являлись сохраненные законом так называемые рекрутские зачетные квитанции, освобождавшие от службы в армии. Такие квитанции продавались в прошлом военным министерством по установленной цене каждому желающему приобрести их в банке. В первые месяцы по опубликовании нового закона, сохранявшего действие квитанций, предприимчивые коммерсанты производили с рекрутскими квитанциями всевозможного рода спекулятивные махинации. В периодической печати мы встречаем массу сообщений о невероятном росте стоимости квитанций на черной бирже. В Москве, как сообщала газета «Неделя», стоимость квитанций вскопчила с 485 руб. (номинальная цена) до 6 тыс. руб. и даже до 10 тыс. руб. Во Владимире, судя по появившимся там объявлениям, нашлись покупатели, готовые платить за квитанцию по 12 тыс. руб. ⁶ Дело дошло до того, что по России разъезжали специальные барышники, скупавшие по деревням рекрутские квитанции и продававшие их затем с огромной прибылью ⁷.

Калужский губернатор, характеризуя настроение купечества в связи с призывом осенью 1874 г., доносил министру внутренних дел Тимашеву: «Некоторое неудовольствие замечалось среди купечества, но так как многие из наиболее зажиточных торговцев успели запастись зачетными квитанциями, то до сего времени можно признать, что новая повинность еще не вполне коснулась этого сословия. Торговля квитанциями происходит в больших размерах и по возвышенным ценам, причем в торговле этой

⁵ Первый призыв всех сословий на военную службу, изд. Н. Новобранцева, СПб., 1875, стр. 7. Таких немцев-колонистов было мало. Подавляющее большинство немецкого населения настаивало на предоставлении им всевозможных льгот и изъятий по отношению к воинской повинности, на образовании особых частей из немцев, на сокращении сроков службы, использовании новобранцев по специальности и пр. В этой связи заслуживает внимание «ученый труд» полковника генерального штаба русской армии А. Риттиха под названием «Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России», изданный в Петербурге в 1875 г. А. Риттих приурочил выпуск своей книги к началу введения в России всеобщей воинской повинности. Он посвятил свое «исследование» изучению контингентов мужского населения под углом зрения выявления резервов для царской армии. Содержание книги, равно как и ее название, позволяет, несмотря на значительную разницу во времени, видеть идейное родство автора с немецко-фашистскими захватчиками и с их «теорией» о превосходстве нации немцев. А. Риттих подверг разбору с биологической точки зрения природные свойства народов почти всех национальностей, населявших европейскую часть России. В своей книге он стремился, с одной стороны, как можно больше принизить историческое прошлое русского народа и других народов, населявших Россию, а с другой стороны, — всемерно возвеличить роль немцев в истории России как наиболее одаренной нации. С особым усердием А. Риттих пытался доказать «облагораживающую общественную пользу», которую немцы якобы приносили России и будут приносить впредь на постах государственной службы, в земледелии, торговле, ремесле, науке и больше всего — в русской армии. Вся несложная «философия» А. Риттиха в конечном счете сводилась к тому, чтобы доказать правительству целесообразность ставить новобранцев немецкого происхождения на командные посты.

⁶ «Неделя», 1874, № 6.

⁷ Первый призыв всех сословий на военную службу, стр. 2—3.

нередко принимали живое участие разные скупщики и аферисты, перепродававшие квитанции искавшему их купечеству⁸.

Такого рода сообщения встречаются в докладах должностных лиц и из других губерний.

Немалую роль в освобождении дворян и купцов от воинской повинности играли взятки и использование влиятельных связей.

Многомиллионному крестьянству и трудящемуся населению городов изменение принципа комплектования армии не принесло существенного облегчения. Во-первых, классовая природа армии оставалась прежней. Армия попрежнему была основной опорой русского самодержавия, орудием угнетения народных масс России. Правительство сохранило ее полукрепостнический характер, полное господство барина-дворянина в офицерской форме над нижними чинами — солдатами.

Во-вторых, при наличии многочисленных льгот и изъятий, установленных для имущих слоев, крестьяне попрежнему являлись основным поставщиком новобранцев.

Об отношении народных масс к новому уставу о воинской повинности доносил в Петербург курский губернатор: «...Сословия, отбывавшие воинскую повинность по прежнему рекрутскому уставу, не вполне усвоили правила нового воинского устава, не находят в нем тех изъятий и облегчений, которыми они пользовались по прежнему уставу...»⁹. Такие же настроения наблюдались и в других местах.

Рассмотрим теперь конкретно, как были проведены первые наборы на основе нового закона о воинской повинности. Нас интересует в данном случае не столько сама техника приема новобранцев, хотя и это представляет определенный интерес, сколько выяснение подлинного отношения к призыву широких слоев населения и в первую очередь самих лиц, призывавшихся в армию.

Одним из основных источников, которым мы располагаем для освещения этого вопроса, являются «всепопданнейшие» отчеты губернаторов. Но этот источник далеко не объективный. При полноте власти, которой пользовались губернаторы на местах, и их ответственности за сохранение «порядка» во вверенных им губерниях было бы нелепо ожидать с их стороны объективного и полного освещения случаев проявления недовольства воинской повинностью со стороны народных масс. Как показывают отчеты, губернаторы точно соревновались между собой в стремлении представить данные о благополучии и «процветании» вверенных им губерний, всемерно подчеркивая при этом якобы беспредельную верность и преданность народа царю. И все же, несмотря на это, отчеты губернаторов, особенно разделы, посвященные воинской повинности, позволяют, наряду с другими данными, в значительной степени восстановить картину того, как проводились первые призывы в армию на основе нового закона и каковы при этом были настроения крестьянских масс.

Воинский устав 1874 г. был широко рекламирован правительством. Содержание его преподносилось населению как величайший акт милости царя, якобы заботившегося о благополучии народа, об облегчении условий отбывания им воинской повинности. В течение 1874—1875 гг. обнародованный устав многократно переиздавался не только правительственными учреждениями, но и частными типографиями. «Русский голос», «Русские ведомости», «Русский инвалид», «Правительственный вестник»,

⁸ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела м-ва внутр. дел, оп. 2, делопр. 2, 1874 г., д. 832, лл. 32—33.

⁹ Там же, 1875 г., д. 1079, л. 16.

«Биржевые ведомости» всячески одобряли и рекламировали новый устав. Публикуя манифест и устав о воинской повинности, «С.-Петербургские ведомости» высказывались в том смысле, что «мотивы настоящей реформы отличаются высокой справедливостью» и что эта реформа представляет собой «один из важнейших государственных актов настоящего царствования»¹⁰.

Несмотря на эту шумиху, крестьянство очень подозрительно и сдержанно встретило новый устав.

Готовясь к очередному призыву, правительство усилило органы надзора и в первую очередь полицейско-жандармский аппарат. Эти меры предосторожности проводились не только для того, чтобы предупредить возможные народные волнения, но и для того, чтобы предотвратить массовую неявку призывников на призывные пункты. Мотивировались эти меры тем, что раньше за доставку рекрута полностью отвечало сельское общество, а теперь за своевременную явку отвечал сам призываемый. Для предотвращения массовой неявки призываемых министерство внутренних дел в октябре 1874 г. разослало всем губернаторам циркуляр, в котором предлагалось «подтвердить волостным старшинам, что на их ответственности лежит наблюдение за своевременным и исправным исполнением воинской повинности подведомственными им крестьянами»¹¹.

Губернаторы в свою очередь также разослали директивы на места. Они требовали, чтобы местная администрация и уездные земские начальники приняли самые строгие меры в отношении уклоняющихся от военной службы¹².

Принимая строгие меры против уклоняющихся от призыва, правительство и местные органы власти не проявляли элементарной заботы о прибывавших на призывные пункты, вследствие чего призыв во многих местах прошел совершенно неорганизованно и вызвал массовое недовольство населения.

Всего на призывные пункты должно было прибыть в 1874 г. 695 736 человек призывного возраста; однако, как правило, вместе с каждым призываемым прибывали его родственники. С первых же дней призыва в местах расположения воинских комиссий стало наблюдаться огромное стечение народа. Многие села и уездные города оказались не в состоянии разместить под кровлей всю массу пришельцев, вследствие чего десятки и сотни людей с подводами часто в стужу и ненастную погоду, как это отмечают в своих отчетах и некоторые губернаторы, оказывались под открытым небом, терпя невзгоды и лишения. С тех же, кому удавалось найти какой-то приют, местные жители, пользуясь случаем, драли втридорога. Прибывавшие на место сбора испытывали большие затруднения с продовольствием и фуражом для лошадей.

Часто, выехав за многие десятки верст от дома, крестьяне вынуждены были на долгое время, нередко на 12—15 дней, задерживаться на призывных пунктах, терпя голод и холод, подвергаясь различным заболеваниям. Таким образом, самая процедура призыва становилась тяжелым бременем.

Основываясь на донесениях и отчетах губернаторов, даже министерство внутренних дел вынуждено было прийти к выводу, что новый порядок набора в армию был более разорительным для крестьянства по

¹⁰ «С.-Петербургские ведомости», № 4, от 4 января 1874 г.

¹¹ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела м-ва внутр. дел, оп. 2, делопр. 2, 1874 г., д. 789, л. 1.

¹² Там же, л. 9.

сравнению с прежней рекрутчиной. В своде замечаний министерства внутренних дел об исполнении воинской повинности за 1874 г., представленном в Государственный совет, говорится следующее: «Вообще, по рассказам крестьян, призыв 1874 года обошелся гораздо дороже, чем прежние приемы в городе». «Дороговизна жизненных припасов и неудобства в помещениях для членов присутствия,— говорится далее в своде замечаний,— для населения еще более отяготительны. В призывной пункт вместе с призываемыми, которых бывает 300—600 человек, являются и их родственники, так что число прибывших доходит иногда до 2000 и более душ. Все эти люди не имеют приюта и нередко обязаны находиться на дворе вместе со своими лошадьми, под открытым небом, на дожде по нескольку дней, испытывая притом еще и голод, так как не имеют возможности добыть себе продовольствия и корм для лошадей»¹³. «Крестьяне, явившиеся в призывной участок для исполнения призыва,— сообщал нижегородский вице-губернатор Фредерикс,— больше страдали, чем когда-либо, потому что в некоторых призывных пунктах не существует даже постоянных дворов, в случае свободных оказавшихся изб, пользуясь случаем, пускали по 40—50 человек в избу и брали за это прожитие втрое дороже против действительной стоимости, а между тем с каждым призываемым было по три, четыре родственника»¹⁴.

Корреспондент, находившийся в дни призыва в Пензенской губернии, приводит следующий расчет: «Если с участка требовалось 100 рекрут, то призывных оказывалось до 600 и более. С этими 600 человек на сборный пункт являлось 600 их жен, нередко с детьми, 600 их отцов и столько же матерей. Вся эта масса, проживая по 10 копеек в день на человека, должна была истратить во время призыва до 1750 р., не считая потерянного времени»¹⁵.

«Русские ведомости» напечатали следующий эпизод, имевший место в городе Кашире: «Прожили крестьяне в Кашире шесть дней (с 1 по 7 ноября 1874 года), до того обеднели в эти дни, что принуждены были просить милостыню, чтобы не умереть с голоду. Пережевав взятый хлеб из дому, они легли спать, подобно четвероногим, на мокрой соломе, в холодном и грязном помещении постоянного двора, укрывшись кое-какими архалуками, сшитыми совсем не для этой цели. На другой день голод снова стал мучить нищих, и вот они прибегают с просьбой к членам присутствия: дать им средства к пропитанию, иначе они уйдут домой. Члены сжалились и послали их поесть в трактир, где, кроме тухлой дряни, ничего не было». Однако, как далее сообщает корреспондент, этот один обед недешево обошелся крестьянам. Старшины потребовали за него уплаты. Голодающие крестьяне вынуждены были продавать взятые с собой вещи, чтобы расплатиться через старшин с членами присутствия»¹⁶.

В силу крайней нищеты русской деревни того времени многие крестьяне из-за отсутствия одежды, обуви и продовольствия вовсе не могли прибыть к месту призыва.

Прежде, по уставу 1857 г., обязанность одеть, обуть призываемого и снабдить его продовольствием и деньгами возлагалась на сельское общество, теперь же, по новому уставу, все эти расходы несла семья

¹³ ЦГИАЛ, ф. Гос. совета, оп. 16, 1875 г., д. 23, лл. 35—36.

¹⁴ Там же, лл. 22—23.

¹⁵ Первый призыв всех сословий на военную службу, стр. 17.

¹⁶ «Русские ведомости», № 274, от 20 декабря 1874 г.

призываемого, и только в исключительных случаях можно было заставить сельское общество оказать помощь нищему призывнику¹⁷.

Новый принцип набора в армию самым неблагоприятным образом отражался на хозяйственной деятельности крестьян. Как показывают сообщения наблюдателей и отчеты губернаторов, в период жеребьевки и в последующие недели, вплоть до отправки новобранца в армию, крестьяне резко сокращали, а часто совершенно прекращали всякие хозяйственные работы и отходы на заработки.

В отчетах губернаторов встречаются также сообщения о неблагоприятном влиянии призыва в армию на сбор податей с крестьян. Вятский губернатор объяснял это явление тем, что «во время призыва новобранцев на службу местные исправники, как члены уездных присутствий, были отвлечены от наблюдения за сборами податей. Точно так же отвлекались от этого наблюдения становые пристава и волостные старшины. Да и сами крестьяне не менее должностных лиц были отвлечены призывом от своих обыкновенных работ. Во время ноября месяца крестьяне Вятской губернии обыкновенно занимаются обмолачиванием снятого с полей хлеба, и к этим работам часть из них не приступала в ожидании того, будет ли подлежащий к жребью сдан в военную службу или останется в своей семье. Остановка с работами неминуемо произвела и остановку сбыта крестьянами своих произведений. Этот сбыт, а также и самые работы не имели уже полного успеха на сборе податей, потому что приобретаемые крестьянами через продажу хлеба деньги уходили у них главным образом на угощение сданных на службу новобранцев, распущенных после приема по своим домам»¹⁸. Такое же явление наблюдалось и в других губерниях.

Призыв в армию на основе нового закона особенно сильно ударил по отходникам. Закон обязывал являться на призыв по месту постоянного жительства и приписки, вследствие чего многие призывники-отходники должны были возвращаться с места своей работы для призыва за сотни, а иногда за тысячи верст к месту постоянного своего жительства. Даже министерство внутренних дел было вынуждено признать крайнюю затруднительность и разорительность для семейств призываемых обязательной явки призывника в свое село. Основываясь на соображениях губернаторов и ходатайствах самих отходников, министерство поставило вопрос о разрешении являться для жеребьевки в те места, где подлежащий призыву фактически проживал, причем необходимость такого порядка особенно подчеркивалась в отношении населения, работавшего на промыслах в Сибири¹⁹.

Надо еще отметить, что из 148 458 человек, призванных на службу в 1874 г., 57 158 человек были женатыми, имевшими собственную семью. В прежние наборы, при рекрутчине, женатые, имевшие малолетних детей, как правило, освобождались от призыва, если они являлись единственными работниками в семье. Теперь такие лица обязаны были служить на общих основаниях²⁰.

При проведении призыва остро давало себя чувствовать отсутствие подходящих помещений. Призыв происходил в волостных правлениях, сельских школах, помещичьих усадьбах. Неприспособленность помещений и их малые размеры подчас приводили к тому, что нарушался

¹⁷ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела м-ва внутр. дел, оп. 2, делопр. 2, 1874 г., д. 789, л. 15.

¹⁸ ЦГИАЛ, ф. Гос. совета, оп. 16, 1875 г., д. 36, лл. 3—4.

¹⁹ Там же, лл. 41—44.

²⁰ Там же, л. 132.

основной принцип жеребьевки — гласность, т. е. вынимание жребия в присутствии всех призываемых. Во многих местах могла присутствовать в помещении весьма незначительная часть призываемых, всего 15—20 человек, иногда и того меньше, остальные же находились на дворе или на улице.

Как показывают отчеты уполномоченных военного министерства и сообщения с мест корреспондентов, обстановка на многих пунктах, где происходила жеребьевка, была крайне напряженной. Угнетенное состояние призываемых и членов их семей усугублялось еще и крайней медлительностью всей процедуры метания жребия; из-за нераспорядительности властей крестьяне часами простаивали в ожидании, когда наступит их черед подойти к столу призывной комиссии, в медицинскую комиссию или для оформления документов. На все это в общей сложности, как уже отмечалось, уходило от 7 до 12 дней, а в некоторых местах — до 15 дней.

Напряженность обстановки усиливалась еще и тем, что многие члены комиссии, а также врачи, весьма грубо, а иногда просто бесчеловечно относились к призывникам. Все это озлобляло призываемых. В представленном Государственному совету своде замечаний министерство внутренних дел глухо отмечает, что «призываемые, ожидая решения своей участи, обыкновенно до того взволнованы, что часто не замечают ничего около них происходящего»²¹.

В корреспонденциях с мест хотя и не раскрывается вся картина грубости и произвола многих призывных комиссий и врачей, тем не менее в них приводится немало такого рода фактов. Корреспондент из Таганрога, например, сообщал, что «здесь издевательство и грубость ничем не были ограничены. На призывников кричали, как на стадо животных. Собравшуюся у здания присутствия толпу разгоняли силой... Один из призываемых, вынужденный жребий, обратился к члену присутствия с вопросом: «Если я завтра не успею явиться к освидетельствованию...?» В ответ на это член присутствия грозно перебил и закричал: «А в острог не хочешь?»²²

По словам очевидца, корреспондента газеты «Киевлянин», в призывной комиссии в Овручском уезде Волынской губернии врач во время осмотра обратился к новобранцу с требованием открыть рот; тот не расслышал, тогда врач силой вложил ему в рот шпатель и изо всей силы начал давить на нижнюю челюсть, вызвав этим страшную боль. Когда председатель присутствия сказал, что надо объяснить крестьянину, в чем дело, врач ответил: «На каком языке я должен с ним говорить, разве по-французски?» Другому рекруту этот же врач так ввел в ноздри металлический инструмент, что у него из носу полилась кровь²³.

Несмотря на драконовские меры, принимавшиеся полицейско-жандармским аппаратом, уклонения от явки на призывные пункты, как показывают отчеты губернаторов, наблюдались повсеместно, причем в некоторых районах принимали массовый характер. В ответ на запрос министерства внутренних дел о ходе явки призывников для жеребьевки губернаторы при всем своем желании приукрасить действительность были все же вынуждены сообщить хотя и преуменьшенные, но все же значительные цифры не явившихся на призыв. Тверской губернатор генерал Сомов, доводя до сведения министерства внутренних дел о неявке в 1874 г. на

²¹ ЦГИАЛ, ф. Гос. совета, оп. 16, 1875 г., д. 36, лл. 39—40.

²² Первый призыв всех сословий на военную службу, стр. 19—20.

²³ Там же.

призывные пункты 400 человек, сообщал, что им «поручено как воинским присутствиям, так равно и политическим управлениям принять самые строгие и энергичные меры к розыску не явившихся и затем поступить с ними, в случае розыска или явки, на основании 15 ст. устава и инструкции по наблюдению за укрывающимися от воинской повинности»²⁴. В Нижегородской губернии не явилось к призыву 349 человек²⁵, в Харьковской губернии — 524 человека (из 6502 человек)²⁶, в Полтавской губернии — 719 человек²⁷, в Псковской губернии — 152 человека (из 1530 человек)²⁸, в Калужской губернии — 257 человек²⁹. Особенно много не явившихся на призывные пункты было отмечено в губерниях: Киевской (1286 человек), Херсонской (1233 человека), Подольской (1153 человека) и Волынской (883 человека)³⁰. В течение 1874 г. в «Правительственном вестнике» систематически публиковались списки лиц, уклонившихся от приписки к призывным участкам, а в период призыва (ноябрь — декабрь) — списки не явившихся для прохождения медицинского осмотра и вынимания жребия. Официально опубликованные данные, согласно которым на призыв в 1874 г. не явилось только 24 350 человек, что составило 3,5% общего числа призываемых по всей империи, несомненно, преуменьшены.

Как уже указывалось, многие призывники освобождались от воинской повинности с помощью взяток. Они подкупали врачей и получали неправильные заключения о состоянии здоровья, представляли подложные документы, получали от священников заведомо неверные метрические свидетельства и ложные приговоры сельских обществ о нетрудоспособных членах семьи и т. д. Наиболее широкие злоупотребления допускались при медицинском освидетельствовании призываемых. Во многих воинских присутствиях признавали здоровых людей больными, непригодными к военной службе. В ряде мест это делалось столь открыто, что вызывало даже волнения среди призывников. Нижегородский губернатор докладывал министру внутренних дел Тимашеву, что некоторые уездные присутствия, неосновательно бракуя лиц, вполне годных к воинской службе, возбуждали в народе сильное недовольство; в связи с этим он решился подвергнуть переосвидетельствованию в губернском присутствии 349 человек, забракованных в уездах. «Результатом этого переосвидетельствования, — докладывал губернатор, — было то, что из помянутых 349 человек оказались годными 92, негодных 199, потребовавшими испытания в больницах 44, получивших один год льгот 14»³¹.

В Нерехте, Костромской губернии, неправильная браковка зажиточных лиц приняла настолько широкие размеры, что вызвала волнения среди призываемых и населения. Чтобы успокоить народ, было произведено формальное следствие над исправником и городским врачом, обвиненными в лихоимстве при приеме новобранцев. Однако дальше предупреждения дело не пошло³².

²⁴ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела м-ва внутр. дел, оп. 2, делопр. 2, 1875 г., д. 798, л. 10. Правительствующим сенатом была издана специальная инструкция по розыску не явившихся на призыв. Инструкция, ссылаясь на ст. 15 устава о привлечении, предлагала привлечь уклоняющихся к ответственности и строго их наказывать.

²⁵ Там же, 1874 г., д. 808, л. 5.

²⁶ Там же, д. 802, л. 7.

²⁷ Там же, 1875 г., д. 812, л. 6.

²⁸ Там же, 1874 г., д. 811, лл. 43—44.

²⁹ Там же, д. 832, л. 34.

³⁰ «Правительственный вестник», от 30 декабря 1874 г.

³¹ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела м-ва внутр. дел, оп. 2, делопр. 2, 1874 г., д. 808, лл. 8—9.

³² «Московские ведомости», № 325, от 29 декабря 1874 г.

В одном из воинских присутствий Владимирской губернии зажиточный крестьянин договорился с врачом, чтобы тот при врачебном освидетельствовании признал его негодным к службе, за что дал ему взятку в 300 рублей. Получив деньги, врач почему-то не мог признать крестьянина неспособным к службе. Призываемый рассказал об этом своим товарищам; новобранцы толпой отправились к врачу и разгромили его дом, сам врач спасся бегством³³.

В первом призывном участке Грайворонского уезда Курской губернии врачи Татаринов и Рязанов, как показало следствие, забраковали за взятки до 50% всех осмотренных призывников³⁴. Псковский губернатор Прутченко сообщал министру Тимашеву о производстве дознания по обвинению врача Геринга из Новоржевского уезда, который получал от призывников крупные взятки³⁵.

Во время призыва было засвидетельствовано много фактов, когда на медицинское освидетельствование и для определения возраста по наружному виду (из-за отсутствия справок о рождении) являлись подставные лица. Особенное распространение это явление получило в южных и западных губерниях России. Только в одной Минской губернии для определения возраста по наружному виду было вызвано 10 485 человек, среди которых было выявлено вместо призывников много подставных больных и великовозрастных³⁶.

В ряде мест, в том числе в Тульской губернии и в городе Вильно, были зафиксированы случаи представления фальшивых рекрутских квитанций, ложных свидетельств о годе рождения, поддельных свидетельств об окончании курса в учебных заведениях и др. Но особенно процветало взяточничество. Взятки брали отдельные члены присутствия и врачи, а также другие должностные лица — священники, писаря, военнослужащие. Отчеты губернаторов пестрят сообщениями о взяточничестве должностных лиц и священников во время призыва³⁷.

Тверской губернатор в отчете писал, что в 1874 г. некоторые священники «представили метрические выписи, которые... оказались неполными и неверными. Ввиду этого, — продолжал губернатор, — признавалось бы необходимым сделать по духовному ведомству распоряжение о привлечении к определенной ответственности священников в случаях неправильного и неточного составления ими выписей»³⁸.

В ходе призывной кампании 1874 г. и в последующие годы были обнаружены факты, когда православные священники вообще не вносили в призывные списки лиц призывного возраста. В своде замечаний, представленном министерством внутренних дел в Государственный совет о призыве 1874 г., указывается на то, что подобные же злоупотребления допускались католическими ксендзами и раввинами. Здесь же делается вывод, что, вероятно, многие случаи злоупотреблений остались неизвестными за неимением заявлений³⁹.

В 1875 г. главный военный суд рассматривал дело писаря Александра Венцовского, служившего в управлении варшавского уездного воин-

³³ Первый призыв всех сословий на военную службу, стр. 20.

³⁴ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела м-ва внутр. дел, оп. 2, делопр. 2, 1875 г., д. 1079, лл. 2^о—30.

³⁵ Там же, 1874 г., д. 811, лл. 43—44.

³⁶ ЦГИАЛ, ф. Гос. совета, оп. 16, 1875 г., д. 36, стр. 35, 59.

³⁷ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела м-ва внутр. дел, оп. 2, делопр. 2, 1874 г., д. 811, лл. 27—28, 43—44 и др.

³⁸ Там же, 1875 г., д. 798, л. 28.

³⁹ ЦГИАЛ, ф. Гос. совета, оп. 16, 1875 г., д. 36, л. 80.

ского начальника, и 48 нижних чинов. Венцовский за взятки фабриковал приказы об отставке, делал подлоги в книгах учета военнослужащих, выдавал, используя казенную печать, фиктивные документы. Этим путем ему удалось освободить от службы в армии 48 нижних чинов, проживавших в Варшавской губернии. Как было установлено на суде, Венцовский брал взятки за подложные документы от 100 до 300 рублей с человека⁴⁰.

В связи с неправильными действиями местных органов власти по организации призыва только за период осеннего набора 1874 г. было подано 76 083 жалобы, в том числе 44 330 жалоб на неправильное назначение льгот и 26 996 жалоб на неправильности в призывных списках. Из числа поданных жалоб 19 911 были признаны уважительными⁴¹.

* * *

Теперь остается ответить еще на вопрос, каков был социальный состав вновь призываемых.

Имеющиеся статистические материалы позволяют выяснить, на кого в действительности были рассчитаны установленные новым законом льготы и изъятия и в какой степени в новом законодательстве были отражены интересы рабочих и крестьян, т. е. трудящегося населения. Вот некоторые фактические данные за 1874 и 1875 гг., показывающие соотношение призываемых по социальному признаку.

При наборе 1874 г. по всей стране числилось 699 741 лицо призывного возраста; из них было освобождено от жеребьевки, как имевших права на льготу по семейному положению, 354 242 чел.; не имели права на льготу по семейному положению 345 499 чел. Из числа подлежавших по жребью к воинской службе⁴²:

А) Получили отсрочку:

1) для окончания образования	1 779	человек
2) по имущественному положению	291	"
3) по нахождению на службе на судах торгового флота	29	"
4) по нахождению под следствием и судом	1 047	"
5) по невозможности	17 177	"
6) по болезни	1 440	"

Итого получили отсрочку . . . . . 21 763 человек

Б) Отправлены в лечебные заведения на испытание	3 517	человек
В) Назначены к переосвидетельствованию	1 077	"
Г) Признаны совершенно неспособными к службе	49 167	"
Д) Не явились к призыву	24 350	"
Е) Освобождены от службы с причислением в ополчение по неспособности носить оружие	65 572	"
Ж) Поступили в войска вольноопределяющимися	2 552	"
З) Освобождены по разным другим мотивам	29 043	"

В общей сложности по разным мотивам не были зачислены в армию по жребью . . . . . 197 041 человек

⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. временного отделения при 4-м отделе главного военно-судного управления, 1876 г., св. 1047, стол 4, д. 8, т. 1, лл. 686—695.

⁴¹ ЦГИАЛ, ф. Гос. совета, оп. 16, 1875 г., д. 36, л. 172.

⁴² Там же, л. 116.

На основании разверстки военного министерства в 1874 г. было принято на действительную службу 148 458 человек, в том числе ⁴³:

Дворян потомственных и личных	1 621 человек
Почетных граждан, потомственных и личных	631 "
Купцов	909 "
Мещан и ремесленников	12 713 "
Крестьян	127 491 "
Прочих	5 093 "

По данным министерства внутренних дел, в 1874 г. должны были быть призваны на действительную службу 12 554 человека из так называемых привилегированных сословий, на которые ранее не распространялась обязанность служить в армии. Однако вследствие установленных льгот различного рода и незаконных действий властей в обход законодательства был принят в армию всего 3161 человек, т. е. меньше четверти того количества лиц, которое должно было быть призвано ⁴⁴.

Приведенные данные наглядно убеждают в том, что, как и ранее, во времена рекрутчины, так и теперь, при всесословной воинской повинности, армия по своему социальному составу оставалась крестьянской.

Не лишены интереса и сведения о предоставлении льгот по образованию. Из всей массы призванных в 1874 г. получивших образование в учебных заведениях числилось:

первого разряда	21 человек, т. е.	0,014%
второго "	124 "	0,082%
третьего "	868 "	0,583%
четвертого "	628 "	0,423%

Всего же имел право на сокращение срока службы по образованию 1641 человек, что составляло 1,1% от общего числа принятых в армию. Неграмотных же было принято в армию 116 590 человек, что составляло 78,6% ⁴⁵. Эти сведения показывают, до чего ничтожно было количество лиц, имевших право на сокращение срока службы по образованию.

Не трудно видеть всю никчемность и бесплодность борьбы, которая имела место в период подготовки законопроекта о введении всесословной повинности вокруг вопроса об установлении льгот по образованию. Эта борьба велась в военном министерстве, в особом присутствии и непосредственно в Государственном совете, с одной стороны, между военным министром Д. Милютиным и его сторонниками, стоявшими за предоставление льгот лицам, получившим образование, и, с другой стороны, — Д. Толстым, П. Шуваловым, А. Барятинским, которые опасались демократизации армии и утери дворянами их особых привилегий. Борьба эта была тем менее оправданной, что лица, получившие льготы по образованию, в подавляющем своем большинстве также принадлежали к привилегированным сословиям.

Обращает на себя внимание и огромный процент совершенно неграмотных, принятых в армию. Темнота и невежество, намеренно наса-

⁴³ ЦГИАЛ, ф. Гос. совета, оп. 16, 1875 г., д. 36, лл. 140—144.

⁴⁴ ЦГИАЛ, ф. Земского отдела м-ва внутр. дел, оп. 2, делопр. 2, 1875 г., д. 855 лл. 33—34.

⁴⁵ ЦГИАЛ, ф. Гос. совета, 1875 г., д. 36, лл. 124—128. К первому разряду причислялись лица, окончившие высшие учебные заведения, ко второму — окончившие гимназию или реальное училище, к третьему — имевшие свидетельство об окончании 6 классов гимназии, к четвертому — прошедшие курс народных училищ и т. п. учебных заведений.

ждавшиеся самодержавием, и после реформы 1861 г. являлись спутниками русской деревни. Насколько медленно развивалось просвещение видно хотя бы из того, что в числе призванных, закончивших курс народных училищ, в 1874 г. было 0,42 %, а в 1885 г. — 3,23 %. Подавляющее большинство населения страны попрежнему оставалось неграмотным.

* * *

Какие можно сделать общие выводы о значении реформы воинской повинности?

Принцип комплектования армии по новому уставу не дает основания говорить о введении в 1874 г. всеобщей воинской повинности; правильнее назвать ее всесловной воинской повинностью. Всеобщая воинская повинность не была введена уже хотя бы потому, что в армию ежегодно поступали отнюдь не все лица призывного возраста, а примерно лишь одна четвертая часть призывного контингента. Все остальные призывники, минуя действительную службу в войсках, зачислялись прямо в ополчение и, по существу, военной подготовки не получали.

Новый устав о воинской повинности содержал в себе черты буржуазного права. В отношении воинской повинности устанавливалось формальное равенство всех жителей страны перед законом. Но в то же время различные изъятия из устава и дополнения сводили принцип равенства на нет. В отношении многих народов нерусской национальности, населявших Российскую империю, проводилась дискриминация. Царизм не доверял оружия некоторым народам Кавказа, Сибири, Средней Азии и других районов, для других же вводил особые правила прохождения военной службы.

С другой стороны, установленные льготы и изъятия, а также продажность государственного аппарата сверху донизу позволяли зажиточным слоям населения без особого труда освободиться от несения воинской повинности. Поэтому всеобщая воинская повинность существовала на бумаге и являлась не более как фикцией.

Лживый характер разрекламированного либералами закона о всеобщей воинской повинности, ничего общего не имевшего с принципом равенства всех граждан перед законом, разоблачил В. И. Ленин. В своей известной статье «Отдача в солдаты 183-х студентов», написанной в январе 1901 г., В. И. Ленин указывал: «...Вот уже более четверти века, как у нас существует «всеобщая» воинская повинность, введение которой прославлено в свое время, как великая демократическая реформа... В сущности, у нас не было и нет всеобщей воинской повинности, потому что привилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений. В сущности, у нас не было и нет ничего похожего на равноправность граждан в военной службе. Наоборот, казарма насквозь пропитана духом самого возмутительного бесправия. Полная беззащитность солдата из крестьян или рабочих, попираание человеческого достоинства, вымогательство, битье, битье и битье. А для тех, у кого есть влиятельные связи и деньги, — льготы и изъятия»⁴⁶.

В этой глубокой ленинской характеристике показана во всей полноте классовая сущность царской армии пореформенной эпохи.

Положительным для отбывавших воинскую повинность и их семей являлось установление более сокращенных сроков действительной службы: с 1858 г. обычно служили в армии 7—9 лет, а с введением нового

⁴⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 390.

устава 1874 г. — только 6 лет. Некоторое положительное значение имели и льготы по образованию.

Для армии новый закон о воинской повинности имел, по сравнению с рекрутским уставом 1857 г., на основе которого раньше осуществлялось комплектование армии, несомненно, положительное значение. Если по прежнему уставу в армию направляли ежегодно лиц в возрасте от 20 до 36 лет включительно, то теперь подлежали призыву лица только одного возраста, а именно те, которым к 1 января того года, когда производился набор, исполнилось 20 лет от роду. Согласно рекрутскому уставу, призывались по жребию не все категории населения, а только те, которые были перечислены в Уставе: мещане, ремесленники, наемные служители и рабочие, принадлежавшие к городским податным условиям. Этим же способом осуществлялся призыв и государственных крестьян. Остальные категории сельского населения, на которых распространялась воинская повинность, поставляли рекрутов по решению сельских обществ. Призыву подлежали, в случае объявления рекрутского набора, состоявшие в первой очереди, после них — состоявшие во второй очереди и т. д. Очереди устанавливали сельские общества и местные органы власти. Набирали в армию без должного медицинского осмотра, и поэтому на военную службу попадали и больные. Широко практиковалась замена призванных другими лицами путем найма, посредством взноса определенной суммы денег вместо поставки рекрута или представлением зачетной квитанции. Долгое время практиковалась отдача в солдаты за провинность, в качестве наказания. По уставу же о воинской повинности 1874 г. осуществлялся призыв на военную службу посредством жребия призываемых всех категорий населения, в том числе и ранее освобожденных от военной службы. В отличие от прежних лет значительное внимание уделялось постоянному здоровью призываемого.

Таким образом, новый принцип комплектования и сокращенные сроки службы позволили омолодить состав армии и в то же время отобрать для действительной службы физически здоровых призывников; то и другое было важно для усиления мобильности и маневренности войск. Кроме того, запрещение призывать в армию лиц, привлеченных к ответственности по уголовным делам и за другие преступления, повышало авторитет армии в глазах населения; это же в известной мере положительно сказывалось и на дисциплине войск.

Устав о воинской повинности явился важной предпосылкой для усиления вооруженных сил империи и создания ускоренными темпами обученных резервов, без которых уже не мыслились войны в эпоху капитализма. Льготные условия для получивших образование и вольноопределяющихся сказывались положительно на подготовке в более короткие сроки офицерских кадров.

Развитие капитализма в пореформенный период, особенно проникновение капитализма в сельское хозяйство, наносило удар патриархальной сельской общине и вызывало глубокие изменения в сознании крестьянства. Как указывал В. И. Ленин, «...на смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся «начальства» крепостному крестьянину вырастало новое поколение крестьян, побывавших в отхожих промыслах, в городах, научившихся кой-чему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы»⁴⁷.

Это обстоятельство оказывало огромное влияние и на изменение лица армии. В пореформенную армию приходил уже не тот крепостной

⁴⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 66.

рекрут, которого посылал в армию помещик, а крестьянин, более тесно связанный со своей средой и более развитой. Это в свою очередь поднимало роль армии в общественной жизни страны.

Появление в армии новобранцев в лице рабочего, ремесленника, студента способствовало зарождению революционных настроений среди солдат — в подавляющей своей массе выходцев из крестьянской среды.

Подъем революционного движения в стране в последней четверти XIX в., развитие рабочего движения и распространение марксизма в России, борьба крестьянства за землю — все это находило отклик в армии и во флоте.

Усилением репрессивных мер и идеологической обработкой царизму удавалось еще держать армию в своих руках, но когда грянула первая русская революция, передовые элементы армии и флота выступили на стороне рабочего класса и крестьянства, против царизма и буржуазии.

Активная борьба Коммунистической партии за войско увенчалась в последующие годы замечательной победой — солдаты и матросы в дни великого Октября 1917 года явились верными союзниками пролетариата и крестьянства. Своим переходом на сторону народа они оказали огромную помощь пролетариату при свержении царизма и буржуазии и установлении диктатуры пролетариата.

Ю. И. ЖЮГЖДА

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ЛИТВЫ К РОССИИ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX В.

История всех народов Советского Союза связана неразрывными нитями с историей великого русского народа. Неоценимо велика прогрессивная роль русского народа в историческом развитии народов Советского Союза, в их борьбе за окончательное освобождение от социального и национального гнета, в расцвете их народного хозяйства и культуры за годы советской власти, в строительстве коммунистического общества.

Перед советскими историками стоит ответственная и благодарная задача — изучить на фактическом материале экономические, социальные, политические и культурные взаимоотношения народов Советского Союза с русским народом на всем протяжении исторического процесса, правильно осветить их на основе марксистско-ленинской методологии, выявить и показать громадное прогрессивное влияние русского народа на историю всех народов нашей страны.

Правильное освещение взаимоотношений народов нашей страны с великим русским народом на всем протяжении исторического развития имеет огромное научное значение. Оно имеет вместе с тем чрезвычайно важное значение для борьбы с пережитками капитализма в сознании людей и с остатками буржуазно-националистической идеологии, а также в деле воспитания в массах чувства пролетарского интернационализма, советского патриотизма, чувства нерушимой дружбы народов.

Такая задача стоит и перед советскими историками, изучающими историю литовского народа. Правильное решение этой важнейшей задачи позволит советским историкам окончательно сокрушить лживые измышления врагов литовского народа, которые в своих антинародных целях сознательно фальсифицировали историю отношений между литовским и русским народами.

I

Историческое развитие литовского народа с древнейших времен тесно связано с историей русского народа. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют археологические исследования, показывающие наличие близких отношений, экономических и культурных связей между литовскими и восточнославянскими племенами уже в эпоху бронзы и в первые столетия появления железа. В первые века нашей эры между литовскими племенами и восточными славянами развивалась меновая торговля, посредством которой литовские племена, среди прочих предметов, получали от восточных славян, особенно из Приднепровья, много серебра и серебряных изделий. В связи с зарождением и развитием сре-

ди литовских племен феодальных отношений и дальнейшим развитием торговли в X—XI вв. в Литве под влиянием Древнерусского государства сложилась денежная система в виде серебряных слитков, называвшихся «гривнами» и «рублями».

Как показывает топография кладов с литовскими слитками, в X—XIII вв. из Литвы шли четыре торговых пути, из которых три направлялись в русские земли: в Псков и Новгород, в Тверь — через Смоленск и в юго-западную Русь — через Гродно и Киев. Эти торговые пути в русские земли сложились в результате развития тесных связей между литовскими и русскими землями с древнейших времен. Развитие некоторых орудий производства в литовских землях в значительной мере обуславливалось торговыми связями этих земель с Русью. Так, например, в раскопках городищ XI—XII вв. восточной части Литвы найдено значительное количество шиферных пряслиц, привезенных из Руси.

Экономические связи Литвы с русскими землями, а позднее — с централизованным Русским государством не только никогда не прерывались, но постоянно расширялись. Эти связи имели особенно большое значение в те годы, когда папско-тевтонская агрессия блокировала Литву с запада. Римские папы, например Гонорий III в 1218 г., Иннокентий IV в 1254 г., Урбан IV в 1262 г. и другие, желая помочь немецким рыцарям сломить сопротивление пруссов и литовцев военными и экономическими мерами, издавали специальные буллы, в которых подчеркивали, что «у язычников нет ни железа, ни оружия, ни соли, если только они не получают этих предметов от соседних христиан», что «язычники привозят себе оружие, одежду, соль и другие предметы первой необходимости той рекой, которая находится между Ливонией и Пруссией, местными жителями называемой Неманом». Организаторы тевтонской агрессии предупреждали «христиан соседних стран... не продавать язычникам вышеупомянутых предметов» и угрожали им церковным судом¹.

В таких условиях соль, железо и другие необходимые предметы потребления Литва получала только посредством торговли с русскими землями. Торговые отношения развивались с Новгородом, Псковом, Тверью, а с XV в. — в значительной мере с Москвой. Эти связи с XV в. настолько расширились, что в Вильнюсе был построен особый двор для московских купцов; специальный двор для литовских купцов имелся в Москве². В XVI в. между Литвой и Русским государством велась оживленная торговля, которая не прерывалась даже во время военных действий³. Торговые сношения Литвы с Русским государством особенно усилились после того, как Смоленск был возвращен в состав Русского государства (с 1514 г.)⁴.

Развитие производительных сил и производственных отношений в феодальной деревне Литвы было в значительной степени связано с развитием феодализма в русских землях. Выявляется несомненная связь фактов классовой борьбы литовских и русских крестьян против феодалов-землевладельцев. Эта связь проявлялась, между прочим, и в том, что литовские крестьяне, вырвавшись из-под гнета феодалов-землевладельцев, обычно убегали в русские земли, а русские крестьяне при таких же обстоятельствах очень часто убегали в литовские земли. Об этом

¹ Codex Diplomaticus Prussicus, I, Königsberg, 1936, № X и XCVIII; Preussisches Urkundenbuch, I, Königsberg, 1882, № 171.

² См. Историю Москвы, т. I, М., 1952, стр. 160.

³ См. там же, стр. 93.

⁴ Там же, стр. 168—169.

ярко свидетельствует договор, который великий князь литовский Казимир заключил в 1440 г. с Новгородом. В этом договоре обе стороны обязуются «за холопа, за робу, за должника, за поручника, за смерда, за татя и за разбойника не стояти ни мне, ни вам, а выдати по исправе»⁵. Подобный же договор был заключен между Литвой и Псковом.

Крестьянские движения против феодально-крепостнического гнета, происходившие в литовских, белорусских и украинских землях, несмотря на всю их стихийность и локальную ограниченность, неоднократно в большей или меньшей степени перекликались между собой. Так, движение украинских крестьян против польских помещиков в 1648 г., переросшее в народно-освободительную войну украинского народа, нашло свой отклик не только среди белорусских крестьян, но и в ряде волостей Жемайтии (в 1650 г.) и других районов Литвы (в 1654, 1657 гг.). Крестьянское восстание в многочисленных имениях Шяуляйской экономии в 1769 г., продолжавшееся около трех месяцев, перекликалось с крестьянскими восстаниями на Украине.

Развитие русской государственности, а также развитие русской культуры уже с древнейших времен оказывали значительное воздействие на образование и развитие литовского феодального государства и на развитие литовской культуры. Многие формы государственной организации и управления в литовском феодальном государстве появились под влиянием русской государственной организации. Литовское феодальное государство использовало уже развившиеся формы организации Древнерусского государства.

Древняя литовская культура была довольно высокой, однако некоторые ее формы, начиная с XIV в., уже не соответствовали развившимся производственным отношениям классового феодального общества и отстали от развития производительных сил. В Литве зарождались и развивались новые, более высокие формы общественной и культурной жизни, которые очень часто создавались под значительным воздействием русского народа, как результат экономического, политического и культурного общения. В частности, при дворах великих князей литовских русский язык употреблялся в качестве официального языка. С влиянием русской культуры тесно связано и начало письменности в Литве.

В результате жестокой тевтонской агрессии и захватнических замыслов польских феодалов и католического духовенства, третировавших литовский язык, а также вследствие узкоклассовой политики литовских феодалов литовский народ до XVI в. не имел своей письменности. В конце XIV в. и в XV в. в Литве, в противовес посягательствам польских панов, развилась письменность на русском (белорусском) языке.

С помощью этой письменности оформлялись многообразные акты государственной жизни — записи, выписи, судебные дела, судебники и др. Из них составилась обширный сборник, представляющий ценный исторический источник, — «Литовская метрика». На русском языке были созданы такие произведения литовской летописной литературы, как «Литовскому роду починок», «Летописец великого княжества Литовского и Жемойтского» и другие, в которых в значительной мере отражались наблюдавшиеся в XV—XVI вв. стремления сторонников самостоятельности Литвы из среды литовских и русских феодалов защитить Литву от агрессивных посягательств польских панов. На русском (белорусском) языке и под значительным влиянием «Русской Правды» были созданы

⁵ Цит. по кн.: Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, ч. 1, изд. 2-е, М., 1952, стр. 400.

своды феодального права великого княжества Литовского — Литовские статуты 1529, 1566 и 1588 гг.

Влияние культуры русского народа помогло литовскому народу преодолеть все те преграды для культурного роста, которые создала кровавая агрессия западноевропейских феодалов и римского папы, помогло найти новые формы культурного развития и защитить себя от посягательств польских панов и католического духовенства, стремившихся унижить литовский народ, уничтожить его язык и культуру.

Близкие связи литовских племен и литовской народности с восточнославянскими племенами, с русским народом находят с древнейших времен яркое отражение в литовском языке. В сформировавшемся языке литовской народности и в существовавших наряду с ним местных говорах, отражавших язык бывших литовских племен, равно как в развившемся впоследствии языке литовской нации, ярко сказывается родство литовского языка с русским языком. Это родство сложилось в ходе общего исторического развития и проявляется в общности основного словарного фонда и словарного состава, а также в близости законов грамматического строя, законов морфологии и синтаксиса. Особенно характерно в этом отношении наличие целых групп слов в основном словарном фонде литовского языка, имеющих общие корни с соответствующими словами русского языка, например: стол — *stalas*, порог — *ragas*, око — *akis*, статья — *stoti*, дать — *duoti*, нести — *nešti*, везти — *vėžti*, зима — *žiema*, сидеть — *sėdėti*, искать — *ieškoti*, липа — *liepa*, день — *diena*, сено — *šienas*, голова — *galva*, ворона — *varna*, корова — *karvė*, ворота — *vartai*, друг — *draugas*, рука — *ranka*, лук — *lankas*, луг — *lanka*, береза — *beržas*, пять — *penki*, звезда — *žvaigždė*, мешок — *maišas*, менять — *mainyti*, сын — *sūnus*, сыр — *sūris*, дым — *dūmai* быть — *būti* и мн. др. Много новых литовских слов было в средние века заимствовано из русского языка в результате постоянных экономических отношений и бытового общения, например: *turgus* (торг), *pūdas* (пуд), *rublis* (рубль), *rinka* (рынок), *muilas* (мыло), *kaina* (цена), *kaitilas* (котел), *bliūdas* (блюдо), *pyragas* (пирог) и др.

II

Экономические и культурные связи литовского народа с русским народом, установившиеся в ходе многовекового исторического общения, создали предпосылки для развития дружественных отношений литовских народных масс с великим русским народом, равно как и с белорусами и украинцами. Особенно развились они и окрепли в долголетней борьбе этих народов против общего врага — папско-тевтонских захватчиков, появившихся в конце XII в. на восточном побережье Балтийского моря. Уже первым отрядам этих захватчиков во главе с папским агентом монахом Бертольдом объединенные литовско-русские силы нанесли поражение в 1198 г.; как признает Ливонская рифмованная хроника, то «было делом литовцев, с которыми вместе шли русские»⁶.

Вся долгодлительная борьба литовского народа, равно как и сопротивление латвийского и эстонского народов, против папско-тевтонских захватчиков показывает, что литовцы, так же как латыши и эсты, в борьбе против своих заклятых врагов с самого начала искали помощи в русских землях и совместно с русскими защищались от врагов. Литовцы, как и другие прибалтийские народы, ясно понимали, что именно

⁶ Livländische Reimchronik, Paderborn, 1876, стр. 12.

русский народ является единственным надежным и могучим их союзником в борьбе против захватчиков. Знаменателен тот факт, что враги литовского народа — католическая церковь и различные феодальные «крестоносцы» Западной Европы — понимали значение военного содружества литовского народа с русским народом в деле отпора папско-тевтонской агрессии. Об этом красноречиво говорят буллы и послания римских пап по адресу руководителей и идеологов этой агрессии. Так, папа Александр IV в 1257 г. напоминал «брату» ордена миноритов Бартоломею, что ему поручена «обязанность проповедовать крестовый поход против литовцев, ятвягов, русских...». Тот же папа в том же году обратился к разным «князьям, баронам и всем крестоносцам», объявляя отпущение грехов всем тем, кто пойдет в поход «против литовцев, ятвягов и других язычников и схизматиков (православных)». Папа Урбан IV в 1264 г. призывал на войну против «схизматиков русских, литовцев и других, в их соседстве проживающих»⁷.

Разгром Александром Невским псов-рыцарей Ливонского ордена в Ледовом побоище (1242 г.) на многие годы приостановил агрессию Ливонского ордена против Литвы и дал возможность литовскому народу сплотить силы для дальнейшей борьбы против папско-тевтонской агрессии.

Только постоянная помощь русских земель, только совместная борьба литовского, русского, белорусского и украинского народов против папско-тевтонских захватчиков спасла литовский народ от тевтонского порабощения, спасла литовские земли от колонизации западноевропейскими феодалами. Только союз литовского народа с русским, белорусским и украинским народами, а также с Польшей обеспечил разгром тевтонских рыцарей в Грюнвальдской битве в 1410 г. и положил конец тевтонским набегам на Литву. Решающее значение русских смоленских полков в Грюнвальдской битве, их героическая, самоотверженная защита своих позиций в самый критический момент являлись для литовского народа наглядным примером того, какую помощь со стороны русского народа получала Литва в самые опасные моменты своей истории.

Героическая борьба русского народа против монголо-татарского нашествия и против разбойничьих набегов Золотой Орды в XIII—XV вв. защитила и спасла Литву от вторжения монголо-татарских полчищ и тем дала возможность литовскому народу сплачивать все силы для отпора наступлению Тевтонского ордена и его пособников. Особенно большое значение в этом отношении имела историческая победа русского народа над Золотой Ордой в 1380 г. на Куликовом поле.

Дружеские отношения литовских народных масс с русским, белорусским и украинским народами развивались, несмотря на агрессивную политику литовских феодалов. Литовские феодальные князья и феодальная знать, пользуясь феодальной раздробленностью Руси и монголо-татарским нашествием, захватывали в XIII—XV вв. русские, белорусские и украинские земли, включали их в состав великого княжества Литовского и затем утверждали там свое феодальное землевладение, эксплуатируя русских, белорусских и украинских крестьян. Захваты русских земель литовскими феодалами с течением времени, особенно после заключения унии с Польшей (1385 г.), вылились в открытую враждебную политику литовской феодальной знати, направленную против централизованного Русского государства, к объединению с которым, естественно,

⁷ Preussisches Urkundenbuch, I, №№ 1, 2, 7.

стремились русские, белорусские и украинские земли, захваченные литовскими и польскими феодалами. В целях захвата русских земель литовская феодальная знать в течение XV—XVIII вв. неоднократно заключала союзы и объединяла свои усилия с врагами Русского государства, являвшимися в то же время врагами литовского народа (польскими панами, Ливонским орденом, шведскими захватчиками и др.). В этих же целях литовские феодалы заключили Люблинскую унию с Польшей (1569 г.).

Однако прогрессивное влияние русского народа на историческое развитие литовского народа было так велико, а дружественное отношение литовских народных масс к русскому народу было столь значительно и выражалось так активно, что это неоднократно находило отражение и в действиях литовской средней и мелкой шляхты, интересы которой часто расходились с интересами крупных магнатов. Среди этой шляхты вырастала оппозиция против политики феодальной верхушки, требовавшая мирных отношений с Русским государством и искавшая путей к сближению с ним.

Именно такая оппозиция литовской мелкой и средней шляхты проявилась во время выборов польского короля и литовского великого князя в 1574 г. В то время как шляхетский элекционный сейм выставил требование будущему королю, чтобы он обязался воевать с Россией и захватить новые русские земли, литовская шляхта на этом же сейме предлагала избрать польским королем и великим князем литовским русского царя Ивана IV. Это предложение, в значительной мере отражавшее стремления и требования литовских народных масс, имело целью установить мирные, союзнические отношения Литвы с Русским государством. Таковую же позицию и с такими же целями заняли представители мелкой и средней шляхты Литвы и на королевских выборах после смерти активного организатора агрессии против Русского государства короля Стефана Батория (1586 г.), когда они предложили в короли Речи Посполитой русского царя Федора Ивановича. Однако и в это время воинствующая польская и литовская феодальная знать, исходя исключительно из своих классовых интересов и совершенно не считаясь с ходом исторического развития и потребностями Литвы, искала кандидатов в короли на Западе, среди исторических врагов литовского народа, и королем Речи Посполитой объявила выученика иезуитских мракобесов шведского принца Сигизмунда Вазу (1587 г.).

Ярко проявилась тяга литовского народа к дальнейшему сближению с русским народом во время освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. и последовавшей затем войны Речи Посполитой с Русским государством. Польские и литовские магнаты, стремясь держать в подчинении украинские и белорусские земли, втянули Польшу и Литву в войну с Русским государством, чтобы воспрепятствовать украинцам и белорусам воссоединиться с братским русским народом. Эта война против Русского государства не нашла поддержки не только среди массы литовского крестьянства, но и среди мелкой и средней литовской шляхты. Благодаря сочувствию и поддержке белорусского и литовского населения русские войска легко разбивали наемные отряды литовских феодалов и перешли границы белорусской и литовской земель, заняв в 1655 г. Вильнюс и Каунас. Литовская мелкая и средняя шляхта, ненавидевшая самовластно хозяйничавших в стране магнатов, отражая в некоторой мере стремления литовских народных масс к союзу с русским народом, высказалась за союз с Русским государством. Подобное решение вопроса в то время более всего соответствовало интересам

Литвы: оно повело бы к прекращению междоусобной борьбы феодальных магнатов, к укреплению центральной власти, к ограждению Литвы от захватнических набегов других стран и к созданию подходящих условий для развития разоренного хозяйства страны.

Однако литовские феодальные магнаты и на этот раз действовали против интересов Литвы и, по существу, пошли по пути открытого предательства. Одна группа литовских магнатов во главе с витебским воеводой Павлом Сапегой действовала заодно с польскими феодалами против Русского государства; другая группа во главе с великим гетманом литовским Янушем Радвилой (Радзивилом) и епископом Тишкевичем заключила союз со шведскими оккупантами, ворвавшимися в том же 1655 г. в северо-западную часть Литвы.

Таким образом, только узкоклассовая и, по существу, предательская политика литовской феодальной знати помешала Литве в XVII в. установить союзнические отношения с Русским государством. Однако стремление к миру и союзу с Русским государством активно проявлялось в Литве во все время войны, что нашло отражение в ходе мирных переговоров с Русским государством в Андрусове (1667 г.). Во время этих переговоров польские феодалы и отдельные представители литовской феодальной знати затягивали дело заключения мира и выставляли агрессивные требования. Ввиду таких затяжек мирных переговоров тракийский (трокский) каштелян Кердей от имени населения Литвы заявил, что в случае «незаключения договора не саблями, а хлебом и солью» оно будет приветствовать Москву⁸.

Свое стремление объединиться с Россией и действовать совместно с нею литовский народ продемонстрировал во время Северной войны. Литовская мелкая и средняя шляхта, которая к концу XVII в. и началу XVIII в. особенно активизировала свое сопротивление произволу магнатов, в первую очередь всемогущих в то время Сапег, использовала все время в своих интересах настроения литовских народных масс, стремившихся к сближению с Россией. Свою борьбу против Сапег литовская шляхта связала со стремлением литовского народа к миру и союзу с Россией.

Необходимо заметить, что движение в Литве в пользу объединения с Россией было настолько значительным, что о нем в достаточной мере было осведомлено правительство Петра I. Об этом, между прочим, свидетельствует и заявление русских дипломатов шведскому посланнику в Голландии в годы «великого посольства» о том, что «если бы царское величество изволил в том своей особливой пользы искать, и мог бы при нынешнем смущении в королевстве польском и княжестве литовском без всякого убытку войск своих великой прибыток себе получить и великое княжество литовское под свое владение привести»⁹.

Защищая свои интересы и учитывая настроения литовского народа, направленные против Сапег, конфедерация литовской шляхты, возглавлявшаяся жемайтским старостой Опинским, уже в 1697 г. пыталась завязать непосредственные отношения с царем Петром I. С начала Северной войны литовская шляхта во главе с Опинским активно выступила за союз с Россией, в то время как польские магнаты и сторонники Сапег в Литве создавали всяческие препятствия заключению такого союза. В 1701 г. во время встречи Петра I с королем Августом II представи-

⁸ Swada Polska y Lacinska albo Miscellanea oratorskie Seymowe, I, Lublin, 1745, стр. 131.

⁹ Цит. по статье В. Д. Королюка «Избрание Августа II на польский престол» — Ученые записки Института славяноведения, т. III, М., 1951, стр. 212.

тель литовской шляхты Огинский прямо высказался за безоговорочный союз с Россией.

Когда войска Карла XII в 1702 г. ворвались в Литву и оккупировали большую ее часть с городами Вильнюсом и Каунасом, а Сапеги и их немногочисленные сторонники вместе с рядом польских магнатов примкнули к оккупантам, в тылу врага развернулись действия многочисленных партизанских отрядов, состоявших из литовской шляхты и крестьян, которые нападали на шведские отряды и не давали оккупантам покоя. Вооруженные чем попало, литовские крестьяне выгоняли и истребляли шведских солдат, пытавшихся собирать налоги с населения и грабивших его. В то время руководитель литовской шляхты Огинский от имени великого княжества Литовского подписал в 1703 г. сепаратный, отдельный от Польши договор с Петром I об общих действиях против шведов, «соединил оружие литовское с русским»¹⁰. Литовское войско во главе с Огинским все время, и в самые тяжкие моменты, оставалось верным союзом с Петром I и вместе с его войсками сражалось против шведов.

При нашествии шведов на Литву Огинский отправлял своих послов в Москву, прося Петра I о помощи войсками и деньгами. Петр I приказал послать вспомогательные войска в Литву, «которым велено быть под командою пана Огинского, да взаймы велено отпустить 40 000 рублей»¹¹. В 1703 г. Головкин сообщил Петру, что приезжали «от гетмана Огинского комиссары с письмами от него для денег, обещанных на войско Литовское, и привезли с собой подлинную присягу его и всего войска Литовского, в которой и Котел (тракайский каштелян.— Ю. Ж.) подписался»¹².

Победы русских войск в Северной войне, особенно историческая победа под Полтавой (1709 г.), принесли освобождение от шведской оккупации и литовскому народу.

Имеются, далее, неоспоримые факты о дружественных отношениях между литовским народом и русскими войсками во время прохождения последних через территорию Литвы в Пруссию в годы Семилетней войны (1757—1763 гг.). Тогда в Литве при деятельной помощи местного населения исправлялись дороги и создавались склады продовольствия для русских войск.

III

К концу XVIII в. Литва в экономическом, политическом и культурном отношениях находилась в состоянии полнейшего упадка. Феодалы-землевладельцы, стремясь к повышению доходности своих имений, расширяли и старались укреплять фольварочное хозяйство, основанное на постоянном усилении эксплуатации крепостного крестьянства. Землевладельцы увеличивали барщину, а также требовали, чтобы крестьяне являлись на полевые работы с улучшенным земледельческим инвентарем, с новыми дубовыми боронами, с крепкой тягловой силой и т. п., т. е. требовали от крестьян того, чего у них почти никогда не бывало и не могло быть из-за общего обнищания.

Некоторые феодалы стали устанавливать принудительные нормы выработки для крепостных крестьян, принимали и другие меры, имевшие целью как можно больше выжать денег из барщинного труда. Однако,

¹⁰ W. Koperczynski, Polska a Szwecja, Warszawa, 1924, стр. 44.

¹¹ Н. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. IV, ч. 2, СПб., 1863, стр. 227.

¹² Письма и бумаги императора Петра Великого, т. VII, вып. 2, М.—Л., 1946, стр. 789.

несмотря ни на какие требования и применявшиеся помещиками жестокие наказания по отношению к крестьянам, барщинный труд оставался малопродуктивным. Все административные меры, направленные на усиление крепостнической эксплуатации, вели к дальнейшему обнищанию народных масс и в конечном счете сковывали развитие производительных сил страны.

Новое наступление феодалов вызвало волну сопротивления со стороны крестьянских масс. Начиная с массовых крестьянских волнений в разных местах Литвы, жестоко подавленных войсками магната Иеронима Радзивилла (Радзивила), и с широкого восстания крестьян Шяуляйской экономики в 1769 г., подавленного великокняжескими войсками, отдельные разрозненные крестьянские волнения не прекращались вплоть до 1795 г., охватывая разные поветы и волости Литвы и вспыхивая как в частновладельческих, так и в великокняжеских имениях. В 90-х годах XVIII в. во многих местах Литвы помещики требовали присылки военных отрядов для подавления крестьянских выступлений.

Однако сопротивление крестьян не прекращалось, и были нередки случаи, когда земля в имениях и фольварках целыми годами оставалась необработанной. Как констатируется в одном из рапортов на имя князя Репнина от 12 июня 1794 г., в Виленском воеводстве «земледельство совсем брошено, и хотя новый хлеб довольно изрядный, в нынешнем положении некому собирать, а ярового во многих местах вовсе не высеяно»¹³. Подобное положение наблюдалось во многих волостях Литвы и в предыдущие годы.

В этих условиях многие феодалы старались увеличить свои доходы на основе различных феодальных привилегий: они строили винокуренные заводы, сдавали в наем корчмы, мельницы, заставляя крестьян покупать водку в их корчмах, молотье зерно только на их мельницах и т. д. С развитием товарно-денежных отношений некоторые крупные феодалы, желая обеспечить себе постоянные доходы со своих имений, пытались снова заменить барщину высокой денежной рентой (чиншем).

Из-за господствовавшей в большинстве имений барщины, из-за слабости внутреннего рынка и ничтожной доходности крестьянских земельных участков крестьяне-чиншевики были не в состоянии выплачивать высокую денежную ренту. Когда феодалы пытались силой заставить крестьян выполнить чиншевые повинности, крестьяне отвечали на это новыми волнениями, которые продолжались несколько лет, как это было в Велюонском старостве, Байсогалской волости и в других местах.

В конце XVIII в. некоторые феодалы начали основывать в своих имениях мануфактуры, большей частью ткацкие. Особенно широкую деятельность по организации мануфактур развил магнат А. Тызенгауз. Однако и эти мероприятия феодалов в основном потерпели крах. Главной причиной этого было то обстоятельство, что при организации мануфактур, как и при проведении других своих мероприятий, феодалы Литвы и Польши стремились всеми силами сохранить нетронутыми феодально-крепостнические отношения, все производство организовывали на основе подневольного труда, с применением самых жестоких наказаний по отношению к крепостным, работавшим на мануфактурах.

Развитие товарно-денежных отношений требовало коренной ломки всей хозяйственной системы, ликвидации крепостнических отношений и перехода на вольнонаемный труд. Однако отживающие силы общества делали все для того, чтобы сохранить в неприкосновенности феодально-крепостническую систему хозяйства.

¹³ Архив Виленского генерал-губернаторства, т. II, ч. 1, Вильна, 1870, стр. 326.

Под давлением всего хода исторического развития, особенно крестьянского движения, а также под влиянием французской буржуазной революции так называемый «четырёхлетний сейм» Речи Посполитой ввел в 1791 г. некоторые реформы, несколько урезавшие права магнатской верхушки феодального класса. Однако и эти реформы были всем своим острием устремлены на сохранение феодально-крепостнических отношений и всех привилегий класса феодалов. Так, конституция Речи Посполитой, принятая 3 мая 1791 г., торжественно подтвердила «шляхетскому сословию все свободы, преимущества в частной и общественной жизни, особенно же права, статуты и привилегии», дарованные шляхте королями польскими и великими князьями литовскими, начиная с XIV в. В этой конституции, которую так идеализировали польские буржуазные националисты, резко отразилось стремление литовских и польских феодалов во что бы то ни стало сохранить основу феодального строя — феодальную собственность на землю. «Считаем их (т. е. все права и привилегии шляхты.— Ю. Ж.) святыми и неприкосновенными,— говорилось в конституции 3 мая 1791 г.,— обещая самым торжественным образом, что в чьей-либо собственности не допустим никаких изменений, ни исключений с точки зрения права... Верховная власть страны и правительство не будут иметь никаких претензий к собственности подданных»¹⁴.

Относительно крепостных крестьян эта феодальная конституция отметила только то, что «все договоры, которые землевладельцы заключили с общинами или отдельно с каждым жителем села, составят общую временную обязанность и... будут под охраной власти страны»¹⁵. Таким образом, крестьяне Речи Посполитой, в состав которой входила и Литва, и по существу, и формально оставались в неограниченной зависимости от произвола помещиков.

Сугубо крепостническая позиция литовских и польских феодалов нашла отражение и в ходе восстания Т. Косцюшко в 1794 г. Руководители этого восстания, как в Польше, так и в Литве, старались привлечь в ряды повстанцев также массы крестьянства. Однако феодалы свои классовые интересы ставили выше успеха восстания. В воззвании Т. Косцюшко от 2 мая 1794 г., направленном на привлечение к восстанию крестьян, предлагалось всем помещикам, чтобы «крестьянам, которые дают солдат, был освобожден и дарован один рабочий день в неделю»; если же в какой-нибудь крестьянской семье все присоединятся к восстанию, то чтобы они «были свободны от всех работ до тех пор, пока не возвратятся победителями в свои дома»¹⁶. Крестьяне, разумеется, не захотели воспользоваться такими издевательскими «льготами», не захотели бороться за интересы помещиков, чтобы, возвратившись «победителями», опять пойти в крепостническую кабалу. Восстание 1794 г., естественно, осталось чуждым для крестьянских масс Литвы.

Продажность господствующей феодальной верхушки как во всей Речи Посполитой, так и в Литве, постоянная междоусобная борьба за власть между отдельными группами феодалов и связанные с этим хозяйственно-административная дезорганизация и анархия в стране, не говоря уже о необузданной крепостнической эксплуатации крестьянства, обрекали широкие массы населения — крестьянство и городскую бедноту — на полное обнищание, тормозили рост городов и задерживали развитие производительных сил страны.

¹⁴ *Konstytucje polskie 1791—1921*, Warszawa, 1926, стр. 38—39.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Архив Виленского генерал-губернаторства, т. II, ч. 1, стр. 145—146.

Между тем вся эта анархия и безудержный произвол феодалов очень часто прикрывались лозунгами шляхетской «вольности». Один из представителей литовской шляхты Ян Гоштовт в своем мемуарном произведении «Молодой пан судья или рассказ о Литве и Жемайтии» совершенно правильно охарактеризовал эти «вольности»: «Вольность, существовавшая до присоединения Литвы к России, была хуже самой большой неволи»¹⁷.

В этих условиях Литва, как часть Речи Посполитой, «которая, — по характеристике Энгельса, — упорно сохраняла нерушимым феодальный строй общества, в то время как все ее соседи прогрессировали, формировали буржуазию, развили торговлю и промышленность и создали большие города, — такая страна была обречена на гибель»¹⁸.

Вместе с экономическим и политическим упадком страны и обнищанием народных масс Литва была лишена всяких перспектив культурного развития. Все вопросы, связанные с просвещением, еще с XVI в. захватили в свои руки враги литовского народа — иезуиты и разные монашеские ордена.

Немногочисленные школы в Литве, равно как и основанную иезуитами в Вильнюсе в 1578 г. академию, клерикалы превратили в очаги распространения религиозных предрассудков, мракобесия и невежества: все обучение в этих школах было направлено на борьбу против иноверцев и какого бы то ни было проявления свободной мысли, эти школы служили исключительно интересам римского папы и феодалов-крепостников.

О характере иезуитского «просвещения» ярко свидетельствуют факты инквизиторской расправы с лицами, которых подозревали в свободомыслии. Так, уже в конце XVII в., в 1688 г., один из воспитанников Вильнюсской иезуитской академии, мелкий шляхтич Казимир Лищинский, был обвинен в свободомыслии и безбожии и, по решению епископов, осужден на сожжение. Лищинский был отвезен в Варшаву, где был сожжен на рыночной площади при восторженных криках собравшейся оравы мракобесов. Клерикальным мракобесием, рассадником которого являлась католическая церковь, были проникнуты и органы власти феодально-крепостнического государства. Так, в 1730 г. суд Тиркшляйского старосты подверг жестоким пыткам четырех крестьянок, обвиняя их в том, что они имели связи с дьяволом, летали на гору Шатрия, занимались колдовством и т. д.; три крестьянки были публично сожжены на костре, а четвертую, несовершеннолетнюю, подвергли у костра сечению розгами и, как сказано в приговоре, «от огня освободили, чтобы исправилась»¹⁹.

Общая реакционная политика литовских феодалов и католического духовенства, направленная против интересов литовских народных масс и против литовского народа в целом, особенно вредно отразилась на развитии литовской письменности. Литовская письменность, развивавшаяся в Литве с XVI в., в XVIII в. пришла в полный упадок. В это время в свет выходили только переиздания ранее выпущенных литовских книг, исключительно религиозного содержания. Вместе с тем ксендзы-мракобесы переводили на литовский язык только книги, направленные на удержание в невежестве народных масс. Ярким примером таких книг является изданная ксендзом Ольшевским в середине XVIII в. и распространявшаяся среди народа книга «Врата отверсты в вечность», написанная грубым

¹⁷ Pan sędzic czyli opowiadanie o Litwie i Żmudzi, 1839, стр. 19.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 159.

¹⁹ Wspomnienia Żmudzi przez X. Ludwika Adama Jucewicza. Wilna, стр. 71—72.

жаргоном. Книга призывала читателей отказаться от элементарных бытовых и гигиенических потребностей, от частого мытья, от употребления мыла, от пользования чистой одеждой; книга призывала верующих изнурять свое тело, беспрекословно подчиняться угнетателям-феодалам.

Ополячившиеся феодалы и католическое духовенство в XVII—XVIII вв. проводили насильственную ассимиляцию литовского народа, делали все возможное для того, чтобы уничтожить литовский язык, заставить литовский народ забыть его.

В последний период существования Речи Посполитой права Литвы как составной части государства совершенно игнорировались. Конституция 3 мая 1791 г. рассматривала Литву, равно как белорусские и украинские земли, лишь как неотделимую часть Польского государства. В воззваниях 1794 г. также ни слова не говорится о литовском, равно как о белорусском и украинском народах.

В то же время над судьбами литовского народа нависла новая угроза. Правящие классы феодально-юнкерской Пруссии уже и раньше неоднократно пытались воспользоваться хозяйственно-политической анархией, господствовавшей в Речи Посполитой, чтобы захватить Литву. Пруссия явилась не только инициатором первого и второго разделов Речи Посполитой — она первая ввела свои войска в ее пределы и захватила основные территории Польши. Насколько вплотную подошла Пруссия к захвату Литвы и насколько литовские феодалы были готовы содействовать этому захвату, можно судить по тому, что во время борьбы с магнатской Торговицкой конфедерацией во главе военных сил Литвы был поставлен Людвиг Вюртембергский, племянник и исполнитель захватнических планов прусского короля Фридриха II. После подавления восстания 1794 г. Пруссия, используя противоречия других держав, стремилась к захвату всех польских и литовских земель. И действительно, в результате трех разделов Речи Посполитой Пруссия захватила значительную часть польских земель и литовское Занеманье (будущую Сувальскую губернию). Австрия захватила остальные польские земли и часть западноукраинских земель. К России отошли старые русские земли — белорусские и большая часть украинских территорий.

По третьему разделу Речи Посполитой в 1795 г. к России была присоединена и территория Литвы, за исключением левобережья Немана (Занеманья). Это присоединение Литвы к России спасло Литву от гибели и имело исключительно прогрессивное значение для экономического и культурного развития литовского народа, для всего его дальнейшего исторического развития.

IV

Присоединение к России прежде всего спасло Литву от поглощения ее и порабощения милитаристской, феодально-юнкерской Пруссией. Что готовила для Литвы хищная юнкерская Пруссия, — об этом ярко говорит судьба древних пруссов и западных литовцев, живших между Неманом и Вислой на тех землях, которые в XIII в. были захвачены Тевтонским орденом, а с 1525 г. вошли в состав Пруссии. Пруссия поглотила и уже к XVII в. полностью уничтожила пруссов. Пруссия довела до полного уничтожения значительную часть западных литовцев. Только историческая победа Советского Союза над гитлеровской Германией освободила оставшихся западных литовцев из-под ига германских империалистов и обеспечила им возможность окончательно воссоединиться со всем литовским народом в составе Литовской Советской Социалистической Республики.

В захваченном по третьему разделу Речи Посполитой литовском Занеманье Пруссия проводила интенсивную политику колонизации и систематического онемечивания. В деревнях был усилен и закреплён законом крепостнический гнет. В литовском Занеманье, как и в польских землях, был введен изданный в 1794 г. Всеобщий прусский судебник, который не только закреплял крепостнические повинности крестьян (например, барщину в размере от трех до семи дней в неделю), но и предоставил помещику право подвергать телесным наказаниям непослушных крепостных крестьян и батраков²⁰.

Тяжелым бременем легли на бедноту новые налоги в городах Занеманья (за убой свиней и другие), причем больше всего страдали от них жители городов, принадлежавших феодалам (Бальберишкис, например, принадлежал графу Тишкевичу, Панемуне — Френзелю и т. д.). Для роста городов не было никаких условий; промышленность совершенно не развивалась. Преобладали базировавшиеся на крепостном труде винокуренные и пивоваренные заводы в имениях.

В захваченные литовские земли, названные Новой Восточной Пруссией, обильным потоком поплыли немецкие чиновники, бюргеры и помещики, на которых была возложена задача ассимилировать литовский народ. Как пишет об этом немецкий исследователь, «толпы чиновников растеклись по новым провинциям. До сих пор они хорошо справлялись во всех новых владениях; если бы потребовалось, они могли бы за короткое время сделать хороших пруссаков из турок и татар»²¹. Другой исследователь, основываясь на свидетельстве современника, указывает, что немецкие чиновники в Новой Восточной Пруссии вели себя так, словно они находились между дикарями²².

Вслед за немецкими чиновниками в Занеманье шли колонисты. Специальным указом прусского короля от 1 сентября 1798 г. было повелено администраторам на местах разработать проекты колонизации земель Новой Восточной Пруссии и принять меры к привлечению туда жителей из Вюртемберга, Бадена, Пфальца и других немецких земель²³. В июне 1801 г. были изданы специальные «общие правила, по которым водворяются колонисты в Новой Восточной Пруссии, как в городах, так и в деревнях». Согласно этим правилам колонисты получали разные привилегии и льготы (пособия для поселения, освобождение на 3 года от всяких податей и др.)²⁴. Уже в первые годы была полностью колонизирована немецкими пришельцами местность Кидуляй (теперь Шакайского района Литовской ССР). Колонизация проводилась нарастающими темпами вплоть до 1807 г.

Литовские крестьяне в конце 1796 г. и в начале 1797 г., протестуя против усиления крепостнического гнета, в целом ряде имений начали оказывать сопротивление, отказываясь выходить на работу. Помещики, испугавшись нарастающего крестьянского движения, обратились к местным властям. Немецкие судебные органы края 15 февраля 1797 г. издали обращение к крестьянам, требуя повиновения помещикам. Это обращение было опубликовано на немецком и латинском языках. Другое, еще более резкое обращение было опубликовано на немецком и польском языках.

²⁰ Allgemeines Landrecht für Preussische Staaten, 1794, ч. II, §§ 227—237.

²¹ Zeitschrift für die Geschichte der Erziehung und des Unterrichts, 3, 1911, стр. 135.

²² Gustav Hassse. Theodor von Schön und die Steinsche Wirtschaftsreform, Leipzig, 1915, стр. 46—47.

²³ Antonius Pytlak. Die deutschen Kolonisationsbestrebungen auf den Staatsdomänen in Königreich Polen von 1793—1864, Berlin, 1917, стр. 10—12.

²⁴ Там же, стр. 56.

Все распоряжения и требования властей печатались только на немецком, иногда и на польском и латинском языках; литовский же язык немецко-юнкерскими ассимиляторами и колонистами изгонялся из всех учреждений и в лучшем случае игнорировался.

Таким образом, тяжелый экономический гнет, а также колонизаторская и ассимиляторская политика, которую проводила феодально-юнкерская Пруссия, поставили под угрозу самое существование литовской народности в Занеманье.

Положение в этой части Литвы не изменилось и после того, как Наполеон включил ее в состав созданного им марионеточного герцогства Варшавского (1807 г.). Только в результате разгрома Наполеона русскими войсками литовское левобережное Занеманье было присоединено к России (1815 г.) и воссоединено с другими литовскими землями, что имело огромное прогрессивное значение для дальнейшего развития этой части Литвы.

Непосредственное включение Литвы в состав России имело решающее значение для развития экономики Литвы. Вызревание капиталистических отношений в России началось значительно раньше и развивалось гораздо быстрее, чем в Речи Посполитой. Включение Литвы в экономическую жизнь России, установление торговых связей с внутренним рынком России, развитие транзитной торговли через Литву с заграницей, связанный с этим рост городов — все это способствовало более быстрому развитию капиталистических отношений в Литве. Этот процесс развивался, несмотря на то, что царизм всем аппаратом своей власти поддерживал феодалов-крепостников, стремившихся удержать крепостнические отношения и сохранить феодальную собственность на землю.

В Литве вплоть до реформы 1861 г. господствовало крупное помещичье землевладение, основанное на широком применении крепостного труда. Так, например, в основанной в 1842 г. Ковенской губернии, составлявшей большую часть территории Литвы, в руках помещиков находилось около 74% всех земель²⁵. 106 помещичьих хозяйств Виленской и Ковенской губерний насчитывали более чем по 500 душ крепостных мужского пола каждое, и владели они больше чем 41% всего крепостного населения этих губерний²⁶.

В имениях Литвы господствовала барщина. Правда, стремление помещиков повысить доходность своих хозяйств заставляло их заменять барщину оброком (чиншем), однако до 40-х годов XIX в. барщина была господствующей формой эксплуатации крестьян и в значительной мере оставалась таковой до реформы 1861 г. Сохраняя барщину, помещики усиливали эксплуатацию крестьян, а также увеличивали собственные запашки путем захвата крестьянских наделов и сгона крестьян с лучших земель.

Таким образом, развитие товарно-денежных отношений в экономике Литвы сопровождалось новым ростом феодальной эксплуатации крестьян, а это в свою очередь свидетельствовало об углублении противоречий между ростом производительных сил и существующими старыми производственными отношениями, о загнивании феодального строя. Усиление крепостнической эксплуатации еще более обостряло классовые отношения, усиливало борьбу крестьянства Литвы против феодально-крепостнического строя.

²⁵ Д. Афанасьев. Материалы по статистике и географии России. Ковенская губерния, СПб., 1861, стр. 365 и 469.

²⁶ А. Тройницкий. Крепостное население России по данным народной переписи, СПб., 1861, стр. 49—50.

Развитие крестьянского движения в Литве находилось в тесной связи с борьбой русского крестьянства против помещиков. Нарастание классово-вой борьбы в литовской деревне, ее связь с борьбой русского крестьянства особенно проявили себя во время крестьянского движения против помещиков и против наполеоновских захватчиков в 1812—1813 гг., а также во время крестьянского движения в Литве в 1831 г.

Особенно наглядно сказалось прогрессивное значение присоединения Литвы к России на положении литовских городов. Города Литвы в конце XVIII в. находились в полном упадке. Как известно, под давлением движения городского населения «четырёхлетний сейм» в апреле 1791 г. принял закон о городах, сущность которого сводилась к тому, что богатым горожанам была обеспечена возможность приобрести равные права со шляхтой и даже права вступить в ряды шляхты, «приобрести землю и другое имущество на правах собственности», «целую деревню или местечко», свободно поступать на военную службу и «выслужиться до офицерских рангов» и т. д.²⁷ Этот закон тормозил развитие городов, по существу, оформлял права феодалов в городах, способствуя переходу богатых горожан в ряды феодального класса.

После присоединения Литвы к России в Вильнюсе и других городах Литвы была ликвидирована феодальная юрисдикция, тормозившая рост городов, задерживавшая развитие капиталистических отношений. В Литве было введено общероссийское городское положение 1785 г., предоставлявшее городам внутреннее самоуправление и давшее им возможность освободиться от произвола феодалов. В связи с этим ряд небольших городов Литвы (Алитус, Укмерге и др.) возбудили ходатайство об освобождении их от власти феодалов, которым они до этого принадлежали.

Ликвидация феодальной юрисдикции и установление непосредственных связей с общероссийским рынком содействовали развитию промышленности и торговли. К 1850 г. в г. Вильнюсе, кроме пивоваренных и мыловаренных заводов, заводов сальных свеч и т. д., существовали уже небольшие фабрики — каретные, музыкальных инструментов, замшевая, ламповая и др., а число торговых заведений доходило уже до 1175. Товары в Вильнюс прибывали из Риги, Петербурга, Москвы, Одессы, Крыма, из-за границы²⁸.

Примерно с 30-х годов XIX в. в разных местах Литвы начали развиваться ткацкие мануфактуры, кожевенные мастерские и другие промышленные предприятия. В условиях феодально-крепостнического строя все эти предприятия, существовавшие большей частью на основе крепостного труда, не достигли значительных размеров и делали небольшие обороты, однако они все-таки отражали общую тенденцию хозяйственного развития. При этом нужно заметить, что большим препятствием для развития торговли Литвы, а также для роста ее городов являлось то обстоятельство, что Литва была оторвана от своего естественного морского порта Клайпеды, которая из-за преступного попустительства литовских и польских феодалов оказалась во власти Пруссии.

Установившиеся связи с российским рынком вызвали оживление торговли небольших городов и местечек Литвы. Например, из статистического описания Трокского уезда за 1825 г. видно, что на ярмарки в местечки этого уезда «съезжались купцы из Варшавы и из России» В Упитском уезде ежегодно добывалось до 150 тыс. пудов льна, сбыт

²⁷ См., *Konstytucje polskie 1791—1921*, стр. 48—53.

²⁸ Памятная книжка Виленской губ. на 1852 г., ч. 2, Вильна, 1852, стр. 185—194.

которого был обеспечен благодаря наличию русского рынка²⁹. Подобные факты характерны и для других районов Литвы в первой половине XIX в. Ко всему этому надо добавить, что в городах Литвы были ликвидированы монопольные привилегии ремесленных цехов, тормозившие развитие кустарного производства и мелкой торговли.

В результате своекорыстной классовой политики польско-литовских феодалов население в городах Литвы, как и во всей Речи Посполитой, не росло, а уменьшалось. Например, в Вильнюсе в 1796 г. количество населения упало до 17 540 человек³⁰, а по некоторым другим данным оно составляло несколько более 10 000 жителей. За городом числилась огромная по тому времени задолженность, достигавшая 129 073 злотых³¹. В 9 литовских городах в 1797 г. было всего 153 купца, заявивших о своих капиталах³².

С присоединением Литвы к России население Вильнюса стало быстро расти. В 1800 г. оно составляло 25 430 чел.³³, в 1850 г.— 49 006 чел.³⁴, в 1860—1863 гг.— 60 тыс. чел., а в 1885 г. превысило 100 тыс. человек. Значительно росли также и другие города Литвы. В Каунасе, который к моменту присоединения к России был захудалым городком, в 1843 г. было 14 297 жителей; в 1863 г. в нем было уже 24 тыс. жителей, в 1885 г.— 50 тыс. жителей, а по переписи 1897 г.— 73 543 жителя³⁵.

Прогрессивное значение присоединения Литвы к России ярко сказалось уже в первые десятилетия XIX в.— в развитии литовского языка, демократических элементов литовской культуры и передовой общественной мысли Литвы.

Присоединение Литвы к России создало условия для оказания решительного отпора той насильственной ассимиляции литовского народа, которую проводили польские феодалы и католическое духовенство. Конечно, царизм также проводил политику подавления литовского языка и культуры литовского народа и оказывал покровительство католическому духовенству. Однако установившаяся после присоединения Литвы к России непосредственная связь литовского народа с русским народом имела громадное значение для развития демократического движения и освободительной борьбы трудящихся Литвы, для развития передовой общественной мысли в Литве. Сохранивший в народных массах свой грамматический строй и основной словарный фонд, литовский язык, начиная с первых десятилетий XIX в., стал дальше развиваться. Это развитие происходило именно под непосредственным воздействием передовой русской культуры и в результате усилившегося крестьянского движения. Литовская письменность, почти совершенно задавленная польско-литовскими феодалами и католическим духовенством, возродилась в новых произведениях, приобрела новое социальное, ясно выраженное антикрепостническое содержание.

В 1803 г. на базе Главной литовской школы был открыт Вильнюсский университет, который получил относительно автономный статут. Хотя феодально-помещичье руководство университета стремилось проводить в жизнь реакционные и ассимиляторские тенденции, развивавшееся в Литве общественное движение, носившее демократический характер,

²⁹ Отд. рукописей Академии наук Литовской ССР, В4-228.

³⁰ L. Zytkowicz. Rządy Repnina na Litwie w latach 1794—1797, Vilnius, 1935 стр. 302.

³¹ Там же.

³² Там же, стр. 304.

³³ Там же, стр. 305.

³⁴ Памятная книжка Виленской губ. на 1853 г., Вильна, 1853, стр. 9.

³⁵ К. П. Гуковский. Город Ковна, Ковна, 1904, стр. 79.

будило в стенах университета интерес к литовскому языку, литовской письменности, к прошлому литовского народа.

На развитие общественно-политической мысли в Литве уже в начале XIX в. оказали влияние демократические, революционные идеи Радищева, всем своим острием направленные против крепостничества и самодержавия. На общественно-политическую мысль Литвы оказали также могучее влияние идеи декабристов и творчество А. С. Пушкина. Нужно отметить, что руководители декабристского движения поддерживали связь с офицерами гвардейских полков, стоявших в Литве. О влиянии расположенных в 1821 г. в Литве гвардейских полков, присланных из Петербурга, современник в своих воспоминаниях говорит: «Гвардейцы начали брататься с литовцами, от которых я не раз слышал: «Вот эти люди превзошли нас! будем иметь их помощь!»³⁶.

В 1823 и 1824 гг. в Вильнюс приезжал Александр Бестужев-Рюмин. С Литвой была связана деятельность одного из видных участников декабристского движения подполковника Лунина. Декабристская организация в Литве «Общество военных друзей» состояла в переписке с Пестелем, который в одном из писем на имя товарищества призывал его членов признать единственно приемлемой республиканскую форму правления и выступить против самодержавия. Уже после 14 декабря 1825 г. члены «Общества военных друзей» получили письмо от Кюхельбекера, призывавшее поддержать выступление 14 декабря. В материалах царского следствия по делу «Общества военных друзей» отмечалось, что цели его были те же, что и у других декабристов. Соответственно с этим деятели товарищества (Рукович, офицеры Игельстром, Вегелин и др.) были приговорены к многолетним каторжным работам. Влияние передовых общественно-политических идей русских тайных обществ сказалось в росте антикрепостнических настроений среди учащейся молодежи Вильнюса и других городов, в частности в создании учащейся молодежью Вильнюса общества «Заря», которое находилось под непосредственным влиянием «Общества военных друзей».

В тяжелых условиях крепостнического гнета и под непосредственным влиянием крестьянского движения в России и русской передовой общественной мысли основным вопросом передовой общественной мысли в Литве был вопрос об уничтожении крепостного права. Передовые мыслители Литвы в первой половине XIX в., отражая интересы и борьбу крестьянства, основное свое внимание направили на решение крестьянского вопроса.

Антикрепостнические и просветительские идеи в Литве развивались в борьбе против крепостнической и монархической проповеди католического духовенства и реакционного дворянства. Католическое духовенство активно поддерживало царизм, проповедовало беспрекословную покорность царю и помещикам и старалось держать народ во тьме. Крепостнические писатели всячески унижали «мужика». Однако и они ясно видели, с какой ненавистью крепостной крестьянин относится к эксплуататорам. «Хоть внешне барина уважает и хвалит,— писал крепостник-писатель Клементас о «мужике»,— но за глаза его ненавидит».

Условия социально-политического гнета в Литве предопределили и тот факт, что передовые антикрепостнические идеи находили в первой половине XIX в. свое выражение, главным образом, в развивающейся литовской литературе, которая под влиянием передовой русской культуры проявляла глубокий интерес к положению крепостного крестьяни-

³⁶ Pamiętniki d-ra Józefa Franka, Wilna, 1913, стр. 241.

на, враждебно относилась к крепостничеству, выступала с критикой католической церкви, пропагандировала и защищала литовский язык. В творчестве писателя Д. Пошка (1757—1830), мелкопоместного дворянина, несмотря на всю его либерально-дворянскую ограниченность, нашли свое отражение антикрепостнические идеи и сочувствие к угнетенному крестьянству. В стихотворениях Пошка «Мужик Жемайтии и Литвы» и «Песня мужика» резко подчеркиваются непримиримые противоречия между крепостным крестьянином и помещиком, звучит протест против крепостной кабалы. Устами крепостного крестьянина Пошка так характеризует его положение:

«Я со слезами глотаю сухой хлеб,
Моя жизнь — как у скота.
У пана золото на ногах и на пальцах,
Я без гроша живу и умираю.
Лжет, кто говорит, что люди равны.
Дворянин — сверх цены, мужик очень дешев»³⁷.

Изображаемый поэтом крепостной крестьянин с гневом говорит о «ясновельможном пане», который, обобрав его, и смотреть на него не хочет,—

«А если уже глядит, то словно на скотину,
Чтобы на барщине я гнул пониже спину»³⁸.

Пошка резко подчеркивает беззащитность крепостного мужика, до которого нет дела ни богу, ни царю, о которых сам мужик говорит с большим скептицизмом и возмущением:

«...Первый — высоко, второй — далеко где-то.
Где им услышать плач. Не их забота это!
Мужицкий стон у них лишь вызовет досаду,
А рваные порты лишь оскорбят их взгляды»³⁹.

Д. Пошка, творчество которого исполнено глубокого сочувствия к крепостным крестьянам, не делал, однако, революционных выводов из своих горьких наблюдений.

Гораздо дальше в решении крестьянского вопроса шел крестьянский поэт Антанас Страздас (1757—1833). Сын крепостного крестьянина, Страздас бежал от помещичьей кабалы и поступил в духовную семинарию. Будучи бедным приходским священником, всячески гонимый высшим духовенством за свободолюбие, смелый и непокорный нрав, за близость к крестьянским массам и попытки их защищать, Страздас в своем творчестве выступил подлинно народным поэтом. Он открыто изобличал эксплуататоров-помещиков и бичевал католических священников как помещичьих пособников, рисовал в своих произведениях тяжелую жизнь крепостного крестьянства. Страздас смотрел на помещиков, как на источник народного горя и страдания, как на врагов литовского народа, его языка и культуры:

«...Панам лишь карты, кутежи...
Презирая литовский свой язык
Каждый панский выродок привык.

³⁷ Произведения Д. Пошка, Каунас, 1946, стр. 11—12 (на лит. яз.).

³⁸ Поэзия Литвы. Антология, Вильнюс, 1950, стр. 30.

³⁹ Там же.

Жить пытаюсь лишь чужим трудом,
И на горб мужицкий сесть верхом,
Кровью нашей плоть свою питаю,—
Такова их заповедь простая.
Тело, ноги, руки как у нас,
А на них работай каждый час».

Любимый герой Страздаса — крепостной горемыка Доминикас — находится под постоянной угрозой того, что

«Шляхтич самовластный
И помещик тоже,
Доминик, тебя загубят
Раньше или позже»⁴⁰.

Таким же источником народного горя являются ксендзы, которые крестьян «ежедневно грабят»⁴¹.

Страздас не ограничивался констатированием непримиримых противоречий между крепостным крестьянином и помещиком. Он понимал стремления народа, чувствовал силу зреющего в народных массах протеста и, предвидя будущее, писал:

«Недалеко уже то время,
Я вам несу такие новости:
...Уже куется много стали.
Чтоб холопы на панов восстали,
И не будет их ни одного»⁴².

Страздас признавал закономерность такого протеста; в движении народных масс он видел силу, способную уничтожить крепостнический гнет. Творчество Страздаса выросло на плодотворной почве народного творчества, под влиянием современной ему борьбы против крепостничества, оно глубоко народно по содержанию и художественной форме. Стихотворения А. Страздаса вошли в жизнь и быт литовского крестьянства и оказали большое влияние на рост антикрепостнического движения трудящихся литовской деревни.

Демократическое творчество А. Страздаса могло вырасти и выросло только в условиях непосредственного контакта литовского народа с великим русским народом, в условиях влияния передовой русской общественной мысли. Заслуживает внимания то обстоятельство, что Страздас понимал прогрессивное значение развития капиталистических отношений и присоединения Прибалтики к России. В своем стихотворении «Песня в честь города Риги» Страздас отмечает значение для Литвы торговых отношений через Ригу и затем пишет:

«И ты, могучая Двина,
Возглашай радостную новость,
Неся русские урожаи,
Ты доставляешь величие Риге»⁴³.

⁴⁰ Поэзия Литвы. Антология, стр. 33, 35.

⁴¹ Antanas Strazdas. Raštai, Vilnius, 1952, стр. 24.

⁴² Там же, а также Поэзия Литвы. Антология, стр. 34.

⁴³ Antanas Strazdas. Указ. соч., стр. 95 и 161.

Вместе с развитием демократической литовской литературы развивался интерес к историческому прошлому литовского народа, поддерживавшийся и среди передовой части профессуры Вильнюсского университета. Крестьянский выходец Симанас Даукантас (1793—1864), окончивший Вильнюсский университет в 1825 г., в 1835—1850 гг. близко познакомился в Петербурге с русской литературой и наукой и впервые на литовском языке создал труды по истории литовского народа.

Даукантас в своих исторических трудах идеализировал историческое прошлое Литвы, ее политический и государственный строй, особенно до XV в.; сущность исторического процесса, по примеру Карамзина, он сводил к деятельности князей и полководцев; в феодальном обществе он не видел классов и классовой борьбы; появление крепостного права в Литве он приписывал не внутреннему развитию, а исключительно воздействию внешних сил — вторжению Тевтонского ордена. Однако, несмотря на такую ограниченность своих исторических взглядов, Даукантас, под влиянием русской передовой общественной мысли, впервые в Литве выявил реакционную роль католического духовенства в истории литовского народа. Рассказывая о вторжениях Тевтонского и Ливонского орденов в литовские земли в XIII и XIV вв., с негодованием описывая зверства тевтонских псов-рыцарей, Даукантас на конкретных фактах показал, как римские папы и католические епископы натравливали тевтонских хищников на Литву, организовывали против нее «крестовые походы» и вербовали в помощь агрессорам наймитов по всей Западной Европе. «Запомни, читатель, — замечает по поводу зверств тевтонских псов-рыцарей Даукантас, — что это делал епископ»⁴⁴.

Выявляя реакционную роль католической церкви в истории литовского народа, Даукантас разоблачал лживые вымыслы тевтоно-католических хроникеров, старавшихся оправдать и «обелить» зверства тевтонских рыцарей в Литве. Это разоблачение разбойничьей «культуры» феодального Запада тем более достойно внимания, что Даукантас, хотя и идеализировал историческое прошлое Литовского феодального государства до XV в. и недостаточно осмысливал всю сущность взаимоотношений литовского народа с великим русским народом, все же подошел к пониманию тесной связи политического и культурного развития Литвы с развитием Русского государства и русской культуры. В предисловии к переводу с латинского на литовский язык одного сочинения Корнелия Непота, изданному в Петербурге в 1846 г., Даукантас упоминает о древнейших памятниках письменности в Литве, написанных на русском языке, и делает следующий вывод об их значении: «Эти памятники указывают, что Русь и Литва озарились светом гражданственности из одного источника политической жизни»⁴⁵.

Присоединение Литвы к России имело очень большое значение для развития литовского языка. Уже с начала XIX в. развился широкий интерес к изучению литовского языка, к выявлению его значения, к поискам древнейших памятников литовской письменности. Протест против крепостнической эксплуатации нередко увязывался с протестом против преследования литовского языка, как это имело место в поэзии Страдаса. Большой интерес к литовскому языку проявил Д. Пошка, который составил словарь литовского языка, переписывался по вопросам литовского языка со многими современными деятелями, в том числе с русским

⁴⁴ Даукантас. История Литвы с древнейших времен, кн. 1, 1893, стр. 184 (на лит. языке).

⁴⁵ Э. А. Вольтер. Об этнографической поездке по Литве и Жмуди, СПб., 1887, стр. 116.

ученым П. Кеппенем⁴⁶. С. Даукантас, как Пошка и другие, собирал произведения литовского народного творчества и проявил большую заботу о развитии литовского языка. В предисловии к одной из своих исторических работ, написанной в 1822 г., Даукантас прямо подчеркнул, что она направлена против ассимиляторских поползновений феодалов и католического духовенства. «Я желал своим произведением показать врагам литовского языка,— писал Даукантас,— что каждый желающий может писать по-литовски, если имеет способности, так же как на другом языке»⁴⁷.

Интерес к литовскому языку, который проявлялся в различных письменных трудах, изданных не только в Литве, но и в Петербурге и в Варшаве, был ярким выражением общественного протеста против насильственных попыток уничтожить литовский язык, попыток, которые в течение трех веков активно проводили польско-литовские феодалы и католическое духовенство. Самый факт присоединения Литвы к России, подорвавший влияние и силу польско-литовских феодалов и католического духовенства, в значительной степени парализовал эти попытки и тем самым в известной мере содействовал развитию литовского языка и литовской культуры.

V

Еще рельефнее проявилось прогрессивное значение присоединения Литвы к России в связи с развитием капиталистических отношений, особенно с развитием капитализма после реформы 1861 г. Развитие промышленности в Литве, строительство железных и шоссейных дорог, оказывавших большое воздействие на развитие торговли и рост городов, относительный подъем сельского хозяйства — все эти показатели развития экономической жизни Литвы были тесно связаны с ее присоединением к России.

В своем труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин отметил некоторые моменты экономического развития Литвы во второй половине XIX в. Характеризуя соединение барщинной системы хозяйства с капиталистической, В. И. Ленин среди 19 губерний России, где в помещичьем сельском хозяйстве преобладала капиталистическая система, отметил также губернии Ковенскую и Виленскую⁴⁸. Показателем развития промышленности в Литве является и тот отмеченный В. И. Лениным факт, что в одной отрасли павловской промышленности, именно в замочном производстве, происходило уменьшение числа мастерских с наемными рабочими из-за конкуренции «замочной фабрики в Ковенской губ. (фабрика бр. Шмидт — в 1890 г. — 500 рабочих, 500 тыс. руб. производства; в 1894/95 г. — 625 раб., 730 тыс. руб.)»⁴⁹.

Развитие промышленности и торговли в Литве нашло свое отражение также в росте городов. Так, Вильнюс в 1897 г. имел свыше 154 тыс. жителей, а Каунас — свыше 73 тыс. жителей. Таким образом, г. Вильнюс в 1897 г. был в числе 9 крупных городов Европейской России, имевших от 100 до 200 тыс. населения (не считая 5 крупнейших городов, имевших более 200 тыс. жителей), а Каунас — в числе 30 городов, имевших от 50 до 100 тыс. жителей⁵⁰. Это возрастание городского населения

⁴⁶ П. Кеппен. О происхождении, языке и литературе литовских народов, СПб., 1827, стр. 100.

⁴⁷ S. Daukantas. Dabrai senujų lietuvių ir žemaičių, Kaunas, 1929, стр. 6.

⁴⁸ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 162.

⁴⁹ Там же, стр. 366.

⁵⁰ См. там же, стр. 490.

являлось результатом того, что, как указывает В. И. Ленин, «происходит отвлечение населения от земледелия к торгово-промышленным занятиям»⁵¹.

Насколько экономическое развитие Литвы было обусловлено ее вхождением в состав России, свидетельствуют и факты последующей ее истории. Когда из-за немецкой оккупации и затем из-за интервенции американо-английских империалистов Литва с 1919 г. была временно изолирована от России, от Советского государства, в литовских городах промышленность по целому ряду отраслей вплоть до 1940 г. не смогла подняться до уровня 1914 г.; в ряде городов уменьшилось население. Этот факт должны были признать и буржуазно-националистические исследователи.

Уменьшение населения литовских городов и местечек вследствие интервенции и отрыва от России видно из следующих данных. В Вильнюсе по переписи 1897 г. насчитывалось 154 530 жителей, в 1914 г. население города выросло до 250 тыс. жителей, а в 1919 г. в городе было всего 128 954 чел. населения. В Каунасе, где по переписи 1897 г. было 73 534 жителя, в 1912 г. — 84 тыс. жителей, население в 1921 г. составляло только 53 тыс. человек. Тракай (Троки) по переписи 1897 г. имел 3240 жителей, в 1919 г. — 1886, а в 1921 г. — 2805. В местечке Варена (Ораны) в 1897 г. было 2624 чел. населения, а в 1919 г. — 371 чел., в Стаклишкис (Стоклишках) — соответственно 2200 и 1637 чел., в Швенчёнис (Свенцянах) — 6025 и 3900 чел., в Валькининкай (Олькенинах) — 2619 и 1244 чел.⁵²

Равным образом в ряде уездов, захваченных в 1919 г. legionами Пилсудского и оторванных от России, как и от прочих литовских земель, население по сравнению с 1911 г. уменьшилось (в Виленском уезде — на 24 %, в Троцком — на 48 % и в Свенцяном — на 27 %) ⁵³.

Литва принадлежала к тем районам России, где разложение феодально-крепостнических отношений проявлялось с особенной остротой. Развитие производительных сил остро ставило вопрос о ломке всей феодально-крепостнической системы хозяйства. Однако отживающие силы общества — помещики-крепостники — стремились к сохранению феодального строя, феодальной собственности на землю, усиливали эксплуатацию крепостного крестьянства и ухудшали его положение.

В условиях невыносимой крепостнической эксплуатации, а также под непосредственным воздействием движения русского крестьянства крестьянское движение в Литве в 50-е годы приобрело ярко выраженный характер борьбы против крепостнического строя вообще.

Революционное антифеодальное движение крестьянских масс России заставило царское правительство, ослабленное военным поражением во время Крымской кампании, отменить в 1861 г. крепостное право. Однако отмена крепостного права была проведена руками крепостников, дочиста ограбивших и разоривших «освобожденных» крестьян. Поэтому после реформы 1861 г. во всей России, в том числе и в Литве, крестьянское движение еще более расширилось, местами доходя до открытого сопротивления властям и помещикам.

Постоянно возрастающее крестьянское движение в Литве, развивавшееся в тесной связи с движением русского крестьянства, к концу 1862 г. стало проявляться все учащавшимся уходом многих крестьян в леса, где

⁵¹ Там же.

⁵² «Wschód Polski», Warszawa, 1921, № 8—9, стр. 410—411.

⁵³ Там же, № 6—7, стр. 277.

они создавали вооруженные отряды, действовавшие против помещиков и чиновников. В начале 1863 г. крестьянское движение в Литве и в Белоруссии переросло в открытое крестьянское восстание.

На активизацию крестьянского движения и на перерастание этого движения в восстание в Литве и в Белоруссии, безусловно, оказало влияние польское национально-освободительное движение и польское восстание 1863 г. Однако крестьянское восстание в Литве, как и в Белоруссии, выросло из местного крестьянского движения, направленного против произвола помещиков и царских чиновников, против остатков крепостничества. Усиление и дальнейшее развитие крестьянского движения и развитие крестьянского восстания было обусловлено и непосредственным воздействием движения русского крестьянства, и тем, что стихийные требования литовских и белорусских крестьян нашли горячую поддержку со стороны русских революционных демократов.

В Литве, как и в Белоруссии, с самого начала во главе крестьянского восстания стояли последователи русских революционных демократов (С. Сераковский, К. Калиновский, А. Мацквичус), а революционно-демократическая идеология, выражавшая интересы литовского крестьянства, оказывала влияние на характер восстания в Литве.

Подпольно-революционная организация в России, возглавлявшаяся Н. Г. Чернышевским, готовившая народ к всероссийскому вооруженному восстанию против самодержавно-помещичьего гнета, вела и подготовку крестьянского восстания в Литве, как и в Польше и в Белоруссии⁵⁴.

В этом же направлении действовали Герцен и Огарев в Лондоне. Об этом этапе революционной деятельности А. И. Герцена и Н. П. Огарева особенно красочно говорят опубликованные М. В. Нечкиной «Новые материалы о революционной ситуации в России (1859—1861)»⁵⁵, а также другие документы.

Из опубликованных документов видно, как много внимания и места в подготавливаемом революционном восстании уделяли Огарев и Герцен Литве и литовскому народу и как они в основном правильно понимали характер общественных отношений в Литве и делали из них соответствующие выводы. Говоря о Киеве, как об одном из центров организации революционных кружков, Огарев отмечает: «К и е в, один из наиболее объемистых университетских центров, где встречаются русские, малорусские, литовцы и поляки»⁵⁶. Это ценное свидетельство Огарева о литовцах-студентах Киевского университета, относящееся, как показала М. В. Нечкина, к 1862 г., хорошо объясняет, почему виленский генерал-губернатор Назимов так ревностно старался не допустить в Литву в 1863 г. студентов Киевского университета.

Литва для Огарева — один из шестнадцати округов тайного общества, которое необходимо было создать для организации восстания⁵⁷, и территория, выделяемая на основании классификации революционных районов России по признаку народности, и страна, где Огарев ищет фермента крестьянского восстания в 1863 г. Понимая своеобразие и самостоятельный характер крестьянского восстания в Литве и в Белоруссии,

⁵⁴ Более подробно о крестьянском восстании в Литве в 1863 г. и о влиянии русского революционно-демократического движения на развитие демократического движения в Литве см. нашу статью «Развитие демократического движения в Литве в 60-х годах XIX в. и влияние на него русского революционно-демократического движения» в т. 45 «Исторических записок».

⁵⁵ См. «Литературное наследство», т. 61, стр. 459—522.

⁵⁶ Там же, стр. 503.

⁵⁷ Там же, стр. 509.

Огарев, как все русские революционные демократы, глубоко сочувствовал и старался помочь польскому восстанию. Огарев верил в успех польского восстания только в случае его перехода в крестьянское восстание и слияния с русским крестьянским восстанием. «Я думаю,— писал Огарев,— что польская революция действительно удастся только тогда, если восстание польское перейдет соседними губерниями в русское крестьянское восстание. Для этого необходимо, чтобы и самое польское восстание из характера только национальности перешло в характер восстания крестьянского... Сведения из Украины показывают, что в крестьянстве настроение совершенно антипольское, то же в Белоруссии. Остается для фермента одна Литва; если в ней движение будет антипанское, то и в Белоруссии, и в Украине легко может быть то же и передаться далее, заменяя характер национальности — крестьянским»⁵⁸.

Надо особо подчеркнуть, что Огарев, как и Герцен, правильно понимали сущность социальных и национальных отношений в Литве и Белоруссии, категорически выступая против насильственной руссификации западных губерний, которую начало проводить царское правительство. Столь же категорически Огарев отвергал попытки под видом борьбы с руссификацией скрывать факт полонизации населения Литвы и Белоруссии, которую проводили польские помещики и католическое духовенство. Высказываясь против руссификации Литвы и Белоруссии, Огарев подчеркивал, что он не может принять «феодальной (шляхетной) полонизации Литвы и Белоруссии», что «мы не признаем ни руссификаций, ни полонизаций»⁵⁹.

Таким образом, в 60-е годы XIX в., т. е. в период своей напряженной борьбы, литовское крестьянство именно со стороны передовых сынов русского народа, со стороны русских революционных демократов встречало полное понимание его интересов, сочувствие, поддержку и помощь. Литовский народ в тяжелые моменты своей истории всегда видел в русском народе своего верного и надежного союзника.

Крестьянскому восстанию в Литве, как и польскому восстанию, русские революционеры оказали не только пропагандистскую, но и непосредственную боевую помощь. В восстании на стороне повстанцев приняло участие около 1000 офицеров русской армии, множество студенческой молодежи, воспитывавшейся в русских университетах, и много солдат. Многие русские офицеры и солдаты, перешедшие в ряды повстанцев, отдали свою жизнь за дело литовского народа. Как вынужден был подтвердить идеолог царских палачей, «не было ни одной шайки в Литве, в которой находилось бы менее трех русских офицеров..., петербургский военный комитет доставил виленскому отделению значительное число офицеров»⁶⁰. Один участник восстания в своих воспоминаниях рассказывает, что во время перестрелки отряда литовских повстанцев с более крупным отрядом солдат в Шилальской волости Ковенской губернии «русский офицер не хотел перестрелять повстанцев или взять в плен и дал повстанцам возможность уйти с поля боя». А известный польский революционер Врублевский, уже будучи эмигрантом в Париже, рассказывал, как он, попав в тяжелое положение в 1863 г., был спасен одним офицером русских войск. Свой рассказ Врублевский закончил таким выводом: «Был ли то поляк или русский? Склонен больше допустить, что

⁵⁸ Там же, стр. 521.

⁵⁹ Там же, стр. 564.

⁶⁰ Н. В. Гогель. Иосафат Огрызко и петербургский революционный ржонд, Вильна. 1867, стр. 151.

это русский сделал такой красивый жест, так как не один из них преследовал нас по принуждению и против своей воли»⁶¹.

Крестьянское восстание в Литве в 1863 г. явилось отражением борьбы литовского, белорусского, русского и польского народов против общего врага — самодержавия и помещиков, той борьбы, во главе которой стояли Н. Г. Чернышевский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев и другие русские революционеры-демократы. Программа русской революционной демократии составляла идеологическую основу этой борьбы.

Крестьянское восстание в Литве и Белоруссии, как и польское восстание, было жестоко подавлено царскими палачами при содействии помещиков, католического и православного духовенства. Однако это восстание, содействовавшее разрушению остатков феодальной эксплуатации и развитию капиталистических отношений в литовской деревне, имело большое значение для исторического развития литовского народа. Восстание 1863 г. сыграло громадную роль для дальнейшего укрепления исторических связей литовского народа с великим русским народом, с его передовой общественно-политической мыслью, с его передовой культурой.

Кровавое подавление крестьянского восстания в Литве сопровождалось установлением режима жестокого классового и национального гнета, преследованием передовой демократической идеологии. Однако и в условиях разгула самодержавно-помещичьей реакции, в условиях распространения ханжеского мракобесия католической церкви неустанно продолжалась борьба литовского крестьянства против социального и национального гнета.

В условиях развития капитализма, при социальном расслоении крестьянства основную массу населения Литвы составляло малоземельное крестьянство, для которого борьба против многочисленных пережитков феодальной эксплуатации и требование крестьянского восстания 1863 г. о безвозмездной передаче всей помещичьей земли крестьянам сохранили всю свою остроту.

В 60-е, 70-е и последующие десятилетия аграрное движение литовского крестьянства не прекращалось. Одним из наиболее частых видов движения крестьянства было активное сопротивление отмежеванию крестьянских земель от помещичьих, причем крестьяне всегда защищали свои права на те участки земли, которые отмежевывались в пользу помещика. Упорно боролись в 1876 г. крестьяне целого ряда деревень (Волово, Антогыльцы, Ляуше, Слободы, Пашканцы) Вилкомирского уезда Ковенской губ. при отмежевании их наделов от имений Скочуны и Нидоки. Крестьяне прогнали с поля проводившего разграничение землемера и потом в своей жалобе на имя виленского генерал-губернатора доказывали, что этот землемер вместе с помещиком отрезал с помощью солдат в пользу помещика «наши сенокосы и пахотной земли, засеянной озимыми посевами, которые те сенокосы и пахотная земля никогда не состояли в помещичьем владении»⁶².

В организации движения крестьян губернатор обвинял «главного руководителя и подстрекателя» крестьянина Семена Казимировича Бачис, который, по словам губернатора, «разъезжает постоянно то в Ковно, то в Вильно, тайно вооружает крестьян против местных властей и подстрекает к открытому сопротивлению и неповиновению правительственным распоряжениям»⁶³.

⁶¹ Władysław Mickiewicz. Pamiętniki, III, Kraków, 1933, стр. 41.

⁶² ЦГА Литовской ССР, ф. 378, оп. 337, 1876 г., д. 1024, лл. 13—14.

⁶³ Там же, лл. 7—9.

Наличие таких «руководителей и подстрекателей» в других подобных проявлениях сопротивления дает основание предполагать возможность связи между действиями крестьян в разных местах.

Упорное сопротивление в том же году оказали крестьяне деревни Пиктагалай того же уезда при отграничении их земли от имения Пеняны. При этом крестьяне сами «противузаконно отказались ставить столбы и рыть межевые ямы», а потом они и их жены разогнали людей, которые были привлечены к работам по размежеванию, «вытащив заклеименный столб, стащили его в ручей и затопили» и также, «вытащив поставленные на пунктах вежи с флагами, утащили их с границы на другую сторону ручья»⁶⁴. В акте, составленном мировым посредником и другими должностными лицами, опять указывалось на наличие «зачинщиков» (это были крестьяне Юрий Пивар, два брата Якелюнас), а также назывались 12 крестьянок, оказавших активное сопротивление; среди этих крестьянок были и три «зачинщицы»⁶⁵.

Подобные факты крестьянского сопротивления, имевшие место, как видно из архивных документов, во всех уездах Виленской и Ковенской губерний, представляли собою отдельные звенья единой цепи крестьянской борьбы за землю, против самодержавия и помещиков, борьбы, которую литовское крестьянство могло так упорно и непрерывно вести только вследствие своей непосредственной связи с трудящимися России.

Эта связь трудящихся Литвы с трудящимися России и постоянная помощь всех прогрессивных сил русского народа обеспечили литовскому народу возможность развить широкую борьбу также и на фронте культуры — борьбу за право печатания книг на литовском языке, за права литовского языка в школе и в государственных учреждениях.

Крестьянское движение в Литве против самодержавно-помещичьего гнета развивалось, преодолевая сопротивление служившего царизму и помещикам католического духовенства и выраставшей в результате развития капитализма литовской буржуазии. Выступая защитником царизма и помещиков, католическое духовенство всячески старалось вытравить из сознания трудящихся память о восстании 1863 г., в угоду царским палачам старалось оклеветать и очернить деятелей этого восстания. Так поступал, например, епископ М. Валанчюс, дававший в этом направлении указания всему католическому духовенству своей епархии. В своей проповеди, произнесенной в каунасском кафедральном костеле 8 мая 1866 г., Валанчюс всячески клеветал на деятелей восстания 1863 г. и призывал крестьян к покорности царю. Валанчюс требовал от крестьян забыть о 1863 годе и, «уповая на высочайшего бога и всемилостивейшего монарха», выражал надежду, что «раньше или позже исчезнут последствия восстания»⁶⁶.

Литовская буржуазия, вступившая на арену общественной жизни в 80-х годах XIX в., сразу же столкнулась не только с ширившимся крестьянским движением, но и с начавшимся движением рабочего класса Литвы, развивавшимся в тесной связи с революционным движением русского рабочего класса. Главной задачей литовской буржуазии в этих условиях было ослабить и задержать освободительную борьбу трудящихся Литвы, отвлечь их от борьбы против царизма, от совместной классовой борьбы с трудящимися России.

⁶⁴ Там же, д. 995, лл. 3—6.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ А. Алекна. М. Валанчюс, Каунас, 1922, стр. 170 (на лит. яз.).

Движение народных масс Литвы литовская буржуазия пыталась подчинить своим классовым интересам, использовать в интересах завоевания рынка. Буржуазия под лозунгами национального движения требовала «литовской торговли», считала, что «просвещенные литовцы по мере возможности должны убеждать людей заниматься торговлей и ремеслами», и выражала «недоумение», «почему литовцы не начинают содержать трактиров и вообще заниматься торговлей»⁶⁷. Литовская буржуазия, проповедуя примиренчество с царизмом и «классовый мир внутри нации», стремилась пресечь в Литве влияние русской революционно-демократической мысли, вырвать из памяти литовского народа традиции его революционной борьбы, традиции восстания 1863 г. И в 1880-х годах литовская буржуазия безуспешно пыталась внушить трудящимся Литвы, что «все наши теперешние несчастья» происходят от восстания 1863 г., и призывала «отделаться от этого несчастного 63 года»⁶⁸.

Вопреки революционному требованию крестьян о бесплатной передаче им всей помещичьей земли, литовская буржуазия, делая вид, что и она печется о крестьянских нуждах, в полном единомыслии с русскими либералами в своем органе «Аушра» предлагала царскому правительству передать безземельным государственные имения «от 15 до 30 десятин мужичкам на выкуп»; от этой операции, мол, «и правительство получило бы немало денег»⁶⁹. Буржуазные дельцы и их идеологи совершенно не задумывались о том, откуда эти «мужички» могли бы взять «немало денег» для передачи правительству.

В отношении к царизму литовская буржуазия доходила до настоящего раболепия. Орган буржуазных либералов журнал «Varpas» встретил начало царствования Николая II открытым выражением доверия новому царю на том основании, что «престол занял Николай II, монарх молодой, человек в тех летах, когда сердце более чутко к справедливости и добру, человек, выросший в те времена, когда о прогрессе не слышать нельзя»⁷⁰. А орган литовских клерикалов «Apžvalga», выражая рабскую преданность царизму со стороны католического духовенства и помещиков, посвятил Николаю II поздравительное стихотворение, в котором уверял кровавого царя, что он найдет «опору у господ» и что ему «не повредит злорада врагов, в ничто обратится их страшная ярость»⁷¹. Известный представитель католического духовенства и литовской буржуазии ксендз И. Тумас-Вайжгантас, выражая точку зрения своего класса, в обращении к Николаю II уверял его, что «смирное литовско-жемайтское племя, помнящее высокодобродетельное распоряжение покойного твоего высочайшего дедушки, которому мы обязаны нашим материальным благосостоянием, всегда было глубоко предано престолу»⁷².

Реакционное католическое духовенство, поддерживавшее в конце XIX в. как помещиков, так и реакционные круги литовской буржуазии, все время, выполняя указания Ватикана, вело политику сговора с царизмом. В 1894 г. папа Лев XIII издал энциклику, обращенную к католикам Российской империи. В этой энциклике папа призывал католиков покорно повиноваться царю. Литовское католическое духовенство издало папскую энциклику в литовском переводе с верноподданническими комментариями и проповедовало ее с церковного амвона.

⁶⁷ Газета «Lietuviškas balsas», 1887, № 3—4.

⁶⁸ См. журнал «Kibirkštis» (Москва), 1924, № 3 (раздел «Из архива «Аушры»).

⁶⁹ Журнал «Aušra», 1883, № 7.

⁷⁰ «Varpas», 1895, № 2.

⁷¹ «Zemaičių ir Lietuvos Apžvalga», 1895, № 1.

⁷² Газета «Tėvynės sargas», 1902, № 2—3.

Испытывая фанатическую ненависть ко всякой прогрессивной мысли, к интересам трудящихся, литовские клерикалы осуждали самую идею национального освобождения. Наряду с грубым шовинизмом они проповедовали безродный космополитизм, провозглашая лозунг: «Никогда не пожертвуем католицизмом для блага родины»⁷³.

Чтобы внести разлад среди народных масс и привлечь их на свою сторону, литовская либеральная буржуазия пыталась маскировать свои классовые позиции и была вынуждена иногда допускать появление на страницах своей печати выступлений отдельных демократических деятелей. Протягивая «одну руку (открыто) демократии, а другую руку (за спиной) крепостникам и полицейским», она проводила «на деле раздробление рабочих, обессиление демократии, торгашеские сделки с крепостниками о продаже народных прав и народной свободы»⁷⁴.

Особенно резко и единым фронтом выступала литовская буржуазия против единения рабочего класса Литвы с революционным движением русского рабочего класса. Выступая открыто против рабочего класса, литовская либеральная буржуазия доказывала, что «не все работодатели могут выполнить требования рабочих»⁷⁵.

Таким образом, в последнюю четверть XIX в. трудящиеся массы Литвы в своей освободительной борьбе имели против себя широко развернутый фронт реакции — самодержавие, помещиков, клерикальную и либеральную буржуазию. Все эти реакционные силы испытывали страх перед революционным движением пролетариата и ненависть к трудящимся всех национальностей. Особенно старались литовские буржуазные националисты изолировать движение трудящихся Литвы от движения русского рабочего класса. Эту политику особенно рьяно проводила агентура буржуазии среди рабочего класса Литвы — литовские правые социал-демократы. Националистическая верхушка социал-демократической партии Литвы, образовавшейся в 1896 г., вела открытую пропаганду за отрыв литовских рабочих от русского рабочего класса, уговаривала рабочих Литвы «не обосновывать свое будущее на рабочем движении России»⁷⁶.

Однако ни разгул самодержавно-помещичьей реакции, ни антинародная позиция литовской буржуазии и ее прислужников не были в силах задержать развитие классовой борьбы в Литве, не могли воспрепятствовать единению трудящихся масс Литвы с русским народом в их освободительной борьбе. В то же время развитие освободительной борьбы трудящихся Литвы, а также развитие русской передовой общественно-политической мысли способствовали дальнейшему распространению и развитию передовых демократических и материалистических идей в Литве.

Под влиянием материалистического учения русских революционных демократов, а также успехов материалистического естествознания во второй половине XIX в. в Литве стали распространяться материалистические идеи в области естествознания, направленные против реакционного учения католической церкви. В конце XIX в. на литовском языке вышел ряд научно-популярных брошюр и статей, переводных и оригинальных, в которых с материалистических позиций освещались вопросы, связанные с происхождением человека и жизни на земле, с сущностью вселенной,

⁷³ «Tėvynės sargas», 1896, № 11; 1899, № 1.

⁷⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 5.

⁷⁵ «Vargas», 1899, № 4, стр. 56.

⁷⁶ V. Kapsukas. Trumpa Lietuvos Socialdemokratų Partijos istorija, Prp., 1918, стр. 8.

разоблачались антинародная проповедь и мракобесие католического духовенства.

В условиях развивавшейся классовой борьбы трудящихся Литвы и под влиянием русской передовой общественно-политической мысли и русской классической литературы формировалось мировоззрение ряда литовских демократических писателей-реалистов, выступивших на арену литературной деятельности в конце XIX в. Такими писателями были И. Мачис-Кекштас (1867—1902), И. Билюнас (1881—1907), Жемайте (1845—1921) и др. В творчестве этих писателей нашли отражение их критическое отношение к действительности, любовь к народу, передовые идеи борьбы против помещичьего гнета и царизма, патриотические идеи любви к родине, направленные против космополитизма реакционной католической церкви и помещиков, холопствовавших перед капиталистическим Западом.

Демократические идеи в творчестве литовских писателей XIX — начала XX в. развивались под непосредственным влиянием великих русских классиков Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Крылова, Чернышевского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Чехова, Горького. В конце XIX в. появились переводы на литовский язык отдельных произведений Пушкина, Лермонтова, Крылова, Некрасова и Шевченко.

VI

Велико было прогрессивное значение присоединения Литвы к России для исторического развития литовского народа, для освободительной борьбы трудящихся Литвы, для роста демократической культуры литовского народа уже с первых десятилетий XIX в. Но значение непосредственной связи литовского народа с великим русским народом непрерывно возрастало по мере развития капитализма, формирования рабочего класса, развития революционного движения и особенно после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Формирование рабочего класса и развитие рабочего движения в Литве тесно связаны с революционным движением рабочего класса России. Уже в 70—80-х годах XIX в. под влиянием революционного движения рабочих Петербурга, Одессы, Орехово-Зуева и других городов России развивалось движение рабочих в Каунасе и Вильнюсе, выступавших сначала с экономическими, а затем и с политическими требованиями. Под непосредственным воздействием русского рабочего класса в 80-х годах XIX в. среди вильнюсских рабочих, ремесленников, передовой интеллигенции стали создаваться марксистские кружки и распространяться марксистская литература. Рабочие Литвы были твердо убеждены, что только вместе с русским рабочим классом они смогут успешно бороться против эксплуататоров. Работавший среди литовских рабочих один из видных деятелей рабочей организации «Пролетариат» Л. Янович, арестованный в 1884 г. и сосланный в Колымск, в ссылке уже в 90-е годы встретился с пепеэсовцем, от которого получил пепеэсовскую газету «Пшедсвит». Яновича возмущал шовинистический тон, господствовавший в «Пшедсвите», и Янович говорил бывшим в ссылке полякам: «Польский пролетариат должен идти рука об руку с русским пролетариатом. В этом отношении не должно быть никаких сомнений, никаких колебаний»⁷⁷. В этой твердой и последовательной позиции Яновича, безусловно, отражались настроения и взгляды литовских рабочих.

⁷⁷ «Kuznia», Wilna, № 14, от 11 июля 1914 г., стр. 464.

Громадное значение для рабочего движения Литвы имело посещение В. И. Лениным в сентябре 1895 г. Вильнюса, где Владимир Ильич установил связи с местными социал-демократическими группами, договорился о содействии изданию сборника «Работник». Связи с марксистскими организациями Москвы, особенно советы и указания В. И. Ленина, оказали значительную помощь социал-демократам Литвы, помогли им выйти из рамок кружковщины, установить связь с рабочими массами, решительнее встать на борьбу против оппортунистов, против буржуазно-националистических влияний.

Созданный В. И. Лениным в Петербурге «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» имел связи и с вильнюсскими рабочими. Происходившая под руководством «Союза борьбы» забастовка 30 тыс. текстильных рабочих Петербурга в 1896 г., а также стачка рабочих — металлостроителей и ткачей в январе 1897 г. нашли живой отклик в Литве. Вильнюсские рабочие, под руководством Ф. Дзержинского и других революционных социал-демократов, послали приветственное «Письмо рабочих Литвы рабочим Петербурга», в котором они выражали классовую солидарность с русскими рабочими, радовались победам петербургских рабочих, считали эти победы и своими. В своем письме вильнюсские рабочие обращались к русским рабочим как к своим руководителям и братьям. «Вы первые, — писали вильнюсские рабочие, — добились таких больших успехов, поэтому именно вы, а вместе и ваш деятельный «Союз» стали на первое место в нашей общей борьбе. За вами стоим все мы, рабочие разных национальностей и краев, мы, ваши братья, страдающие от наших общих врагов: эксплуататоров и правительства»⁷⁸.

Уже с конца XIX в. из России шли и распространялись в Литве идеи марксизма-ленинизма, распространялась марксистская литература. Знаменитое произведение Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и другие его произведения и ленинская «Искра» освещали рабочим Литвы путь революционной борьбы уже в первое десятилетие их организованной борьбы. Трудящиеся Литвы никогда не забудут, как Владимир Ильич сам заботился о том, чтобы в Литву попала марксистская литература. В письме к Н. Э. Бауману от 26 июня 1901 г. В. И. Ленин указывал, что необходим «еще один человек с русской стороны, всегда готовый тайно перейти границу, главным же образом занятой приемом литературы на русской стороне и отвозом ее в Псков, Смоленск, Вильно, Полтаву»⁷⁹.

Непосредственная связь с великим русским народом обеспечила трудящимся Литвы надежное руководство большевистской партии, обеспечила действенное участие их вместе с трудящимися всей России в революции 1905—1907 гг., помогла литовскому народу отразить удары царской реакции и подготовила рабочих и крестьян Литвы к решающим битвам Великой Октябрьской социалистической революции за окончательное освобождение от социального и национального гнета.

Литовский народ с глубокой благодарностью всегда будет помнить, как в тяжелых условиях борьбы против руководимых американско-английскими империалистами интервентов и буржуазных националистов братская помощь великого русского народа обеспечила литовскому народу создание подлинного национального суверенитета — образование Литовской Советской Социалистической Республики в декабре 1918 г.

⁷⁸ Цитируется по книге: Ц. Фрадкина. Ленинская «Искра» в Литве, Вильнюс, 1951, стр. 14 (на лит. яз.).

⁷⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 52.

Хотя злейшие враги литовского народа — американо-английские империалисты — вместе с литовскими буржуазными националистами, сплотив международные силы контрреволюции, подавили в 1919 г. Советскую власть в Литве и установили в ней буржуазную диктатуру, хотя литовская буржуазия в течение 20 с лишком лет угнетала и жестоко эксплуатировала трудящиеся массы Литвы, — все же литовский народ, верный исторической дружбе с великим русским народом и полностью доверяя мудрой Коммунистической партии, ни на минуту не переставал верить в свою победу, в грядущее торжество Советской власти.

Трудящиеся Литвы, руководимые Коммунистической партией, не прекращали борьбы против кровавого фашистского режима, против жестокой эксплуатации со стороны буржуазии и кулачества, за восстановление советского строя, за воссоединение с русским народом.

Борьба и успехи трудящихся Советской России служили вдохновляющим примером для трудящихся Литвы. Коммунистическая партия Литвы знакомила литовских трудящихся с успехами рабочих Советской России и призывала: «Товарищи, отмечая успехи рабочих России, мы должны следовать их примеру и продолжать борьбу против кулаков и буржуазии. Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик!»⁸⁰.

Буржуазно-фашистское правительство Литвы принимало все меры к тому, чтобы не дать возможности рабочим и крестьянам Литвы узнать правду о величайших успехах русского народа и других народов Советского Союза. Буржуазия изгоняла из школ русский язык, не допускала в Литву советских газет и советских книг. Однако трудящиеся умели обходить все созданные буржуазией запреты, изучали русский язык, искали и находили способы получать советскую литературу.

В июньские дни 1940 г. рабочие и крестьяне под руководством Коммунистической партии Литвы, при братской помощи великого русского народа и других народов Советского Союза смели кровавый сметоновский фашистский режим, свергли диктатуру помещиков, кулаков и капиталистов, восстановили советский строй и образовали Литовскую Советскую Социалистическую Республику. 3 августа 1940 г. Литовская Советская Социалистическая Республика, как равноправный член, вступила в состав СССР, в славную семью советских союзных республик; литовский народ опять вошел в непосредственный контакт с великим русским народом, со всеми народами Советского Союза. В первый же год своей свободной жизни литовский народ получил громадную моральную и материальную помощь со стороны русского народа и остальных братских народов. Животворная сила советского строя и помощь братских советских народов уже в первый год дали возможность Советской Литве добиться крупных успехов: быстро стала развиваться промышленность, была ликвидирована безработица, были отобраны земли у помещиков и кулаков и отданы батракам и безземельным крестьянам. Началась механизация сельского хозяйства, расширялась сеть школ, стали развиваться наука и культура.

Вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз и временная оккупация Советской Литвы не могли заставить литовский народ покориться оккупантам. Литовский народ, совместно со всеми народами Советского Союза, по зову Коммунистической партии поднялся на беспощадную борьбу против гитлеровских захватчиков, на борьбу за свою свободу и независимость. Решающая помощь сынов и дочерей великого русского народа и других народов Советской страны спасли литов-

⁸⁰ Воззвание ЦК КП Литвы «Последуем примеру рабочих России», март 1924 г.

ский народ от смертельной опасности, от гитлеровского рабства и истребления, от закабаления американско-английскими империалистами.

Великий русский народ оказывал и оказывает Советской Литве огромную помощь в годы послевоенных пятилеток. Промышленность Советской Литвы обеспечивается самым передовым оборудованием, присылаемым из всех концов Советского Союза, а сельское хозяйство оснащается тракторами, комбайнами и сложными сельскохозяйственными машинами. Трудящиеся Советской Литвы, руководимые Коммунистической партией, с первых же дней советского строительства в Литве учились и продолжают учиться у трудящихся Российской Федерации и других союзных республик самым передовым методам работы. Братская помощь русского народа, мудрое руководство Коммунистической партии Советского Союза дают литовскому народу возможность успешно выполнять планы послевоенных пятилеток, планомерно развивать народное хозяйство республики, поднимать промышленность, расширять средства сообщения, укреплять колхозное сельское хозяйство Советской Литвы, постоянно повышать благосостояние трудящихся республики.

Русский язык сделал доступным для литовского народа могучее учение марксизма-ленинизма; русский язык открыл для литовского народа сокровищницу самой передовой в мире культуры. Русскому народу, Советской власти, великой Коммунистической партии литовский народ обязан необычайными успехами в развитии своей культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию. Развитие народного образования, науки, литературы и искусства в Советской Литве достигло невиданного расцвета. Литовская литература вышла из той изолированности, в какой ее держали буржуазные националисты и антинародный буржуазный строй. Теперь лучшие произведения литовской классической и современной советской литературы — произведения Донелайтиса, Жемайтиса, Саломеи Нерис, Цвирка, Гузявичюса, Венцлова, Тильвитиса и других писателей переведены на русский и другие языки народов Советского Союза и входят в общий неиссякаемый фонд самой передовой в мире советской культуры.

Литовский народ, изучая свое историческое прошлое, понимает и глубоко сознает то громадное прогрессивное значение, которое имело присоединение Литвы к России, обеспечившее ему единственно правильный исторический путь к полному социальному и национальному освобождению.

За отвоюрованную свободу, за спасение от гибели и империалистической кабалы, за возрожденную государственность, за воссоединение литовских земель, за Вильнюс и Клайпеду, за обеспечение мирной жизни, за развитие и расцвет Литовской Республики в братской семье народов Советского Союза литовский народ будет вечно благодарен своему могучему историческому союзнику и руководителю — великому русскому народу.

В. Е. ШУТОЙ

КАНУН ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ УКРАИНСКОГО НАРОДА 1648—1654 гг.

Крестьянско-казацкое восстание на Украине
1637—1638 гг.

I

Освободительная война украинского народа 1648—1654 гг. против иноземных поработителей, за воссоединение с братским русским народом в едином Российском государстве была подготовлена всей предшествующей героической борьбой украинского народа против польского шляхетского гнета, широкими крестьянско-казацкими восстаниями конца XVI в. и первой половины XVII в. Наиболее крупным из них и вместе с тем замечательным предвестником освободительной войны 1648—1654 гг., завершившейся славной Переяславской радой 1654 г., было крестьянско-казацкое восстание 1637—1638 гг.

Несмотря на огромное значение этого восстания, являющегося крупнейшим выступлением народных масс Украины против феодалов и иноземного гнета, оно не привлекло внимания исследователей. Только одна статья в дореволюционной историографии посвящена этому вопросу — статья П. Кулиша, напечатанная девяносто лет назад¹. В советское время об этом восстании была напечатана небольшая популярная статья автора этих строк². Вопрос освещается также в статье К. Г. Гуслистога «Крестьянско-казацкие восстания на Украине в 30-х годах XVII в.», помещенной в сборнике статей «Воссоединение Украины с Россией. 1654—1954» (изд. АН СССР, 1954).

Статья Кулиша проникнута сочувствием к панам и глубокой ненавистью к восставшим крестьянам, казакам и мещанам. Кулиш с полным доверием относится к источникам, исходящим из шляхетского лагеря, отвергая в то же время украинские летописные источники, которые он третирует как «подложные», «не заслуживающие доверия» и т. д. Сущность восстания Кулиш сводит к защите казацкой старшиной своих сословных привилегий, совершенно игнорируя антифеодальную борьбу народных масс Украины. Он клеветает на руководителей восстания, повторяя по их адресу вслед за шляхетской историографией различные инсинуации и лживые обвинения; отряды нереестровых казаков Кулиш презрительно называет «казацкими купами», «анархистами» и т. д.

¹ П. Кулиш. Польско-казацкая война 1638 г.— «Отечественные записки», 1864, № 9 (сентябрь), стр. 327—355 и № 10 (октябрь), стр. 514—543.

² В. Шutoй. Народное восстание на Украине против панской Польши в 1637—1638 годах — «Исторический журнал», 1939, № 5, стр. 65—80.

Источники по истории данного восстания можно разбить на три категории: 1) актовый материал; 2) украинские летописи и 3) мемуары.

По содержанию и классовой направленности актовый материал резко делится на две части. К первой относятся универсалы руководителей восстания — гетманов Павлюка, Я. Острянина, Д. Гуни и их сподвижников (полковника Скидана и др.), расспросные речи украинских крестьян, мещан, казаков и их семей — участников крестьянских восстаний, спасавшихся от польско-шляхетского гнета бегством на территорию Русского государства, отписки пограничных русских воевод в Посольский и Разрядный приказы о событиях на Украине, о переходе украинского населения в пределы России, донесения русских послов из Польши и т. д. Ко второй группе материалов относятся королевские универсалы, постановления варшавского сейма и провинциальных шляхетских сеймиков, универсалы польских гетманов — коронного (главнокомандующего польскими вооруженными силами) и польного (заместителя главнокомандующего), жалобы шляхтичей на действия повстанцев и т. д.

Первая часть документов отражает настроения посполства, казачьей бедноты и патристически настроенной части нереестровой старшины. Эти документы раскрывают причины и классовый характер восстания, социальный и национальный гнет, свирепствовавший на Украине в первой половине XVII в., своеволие и бесчинство панов. В этих документах показаны формы и методы борьбы народных масс Украины, мероприятия вождей восстания по максимальному развевтыванию восстания. К сожалению, универсалов руководителей восстания сохранилось очень мало, причем тексты нескольких универсалов Павлюка, Скидана и Гуни дошли до нас в передаче враждебно относившегося к восстанию Симеона Окольского (о нем подробно речь будет ниже). Важным документом этого рода является универсал гетмана Острянина от 20 марта 1638 г., адресованный казачеству и «всему посполитому народу малороссийскому», напечатанный в томе IV Летописи Величко³.

Другая часть актового материала, независимо от того, кто является автором отдельных документов — король, сейм, шляхетский сеймик, гетман или какой-нибудь шляхтич, — полностью отражает точку зрения господствующего феодального класса Речи Посполитой, его стремление закабалить народные массы Украины, превратить посполитов и казаков в безвольных и покорных «хлопов». В количественном отношении этих документов, по понятным причинам, сохранилось несравненно больше, чем документов, вышедших непосредственно из лагеря восставших. Многие из рассматриваемых документов напечатаны в таких сборниках актовых материалов, как «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», «Архив Юго-западной России» и т. п., для которых характерен односторонний подбор документов из официальных польских учреждений и шляхетских родовых архивов.

Важным источником по истории восстания 1637—1638 гг. являются украинские летописи. Хотя авторы их и относились к числу казачьей старшины, но были патристически настроены и стремились сохранить для последующих поколений историю борьбы украинского народа с иноземным шляхетским гнетом. Важно еще и то, что такие летописцы, как Самойло Васильевич Величко⁴ и Григорий Иванович Гря-

³ Летопись событий в Юго-западной России в XVII веке. Составил Самоил Величко, бывший канцелярист канцелярии войска Запорожского 1720, т. IV, Киев, 1864, стр. 135—146.

⁴ С. В. Величко (род. в 1670 г., умер не ранее 1728 г.) с 1690 г. по 1708 г. служил в генеральной войсковой канцелярии у генерального писаря Василия Кочубея. После

бянка⁵, не ограничиваясь собственной памятью, использовали официальные документы, записи и рассказы современников, польские хроники, различные не дошедшие до нас записки и другие источники. Это увеличивает ценность названных летописей в качестве исторического источника. Величко неоднократно подчеркивает, что сведения заимствованы им у неизвестного нам «казацкого летописца». Этот летописец сохранил для истории такой важный документ, как универсал Острянина от 20 марта 1638 г. Пространно говорит о событиях 1637—1638 гг. и Львовская русская летопись⁶.

Правда, большинство летописей излагает события 1637—1638 гг. слишком кратко и дает мало фактического материала, однако они более или менее правильно вскрывают причины народных восстаний на Украине.

Большой фактический материал по исследуемому вопросу дают мемуары. Подчеркивая это обстоятельство, дореволюционная историография переоценивала достоинства указанного источника. Особенно это касается дневника Симеона Окольского за 1637—1638 гг.⁷

Дневник Окольского был впервые издан в 1639 г., затем несколько раз переиздавался. Дневник за 1638 г. был переведен на украинский язык украинским летописцем Самойлом Величко и помещен в томе IV его «Летописи»⁸. Дневник Окольского издан также на русском языке под редакцией В. Б. Антоновича в 1896 г.⁹.

Дневник Окольского представляет определенную ценность по своему фактическому материалу и ряду включенных в дневник документов. Но Окольский является ярким идеологом и выразителем классовых интересов шляхты, оправдывает ее зверства по отношению к «хлопам» и упивается беспощадной расправой с участниками восстания.

Свой дневник Окольский посвящает «бдительному началству», главному душителю восстания 1637—1638 гг., кровавому палачу польному гетману Николаю Потоцкому. Конечпольского он называет «заботливым гетманом», а его универсал от 3 сентября 1637 г. о кровавой расправе с восставшими — «мерой милосердия». Окольский ненавидит народные массы, осуждает их борьбу против магнатов и шляхты. Крестьянско-ка-

казни последнего он жил в имении сына Кочубея в с. Диканьке, где занимался литературным трудом и преподаванием.

⁵ Г. И. Грябянка (умер около 1738 г.) прослужил в украинском казачьем войске больше полустолетия. В последние годы жизни он был гадячским полковником. Единственный дошедший до нас его труд — «Действия презельной и от начала поляков крававшой небывалой брани Богдана Хмельницкого, гетмана Запорожского, с поляки...» написан в 1710 г. и издан в 1854 г. Основное внимание в летописи Грябянки уделяется Освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг.

⁶ Львовская русская летопись охватывает время с 1498 г. по 1649 г. и заканчивается изложением Зборовского трактата 1649 г. Считают, что автором летописи был православный шляхтич из Подолии Михаил Игнатьевич Гунашевский, учившийся в Замойской академии и служивший потом православным архидиаконом Львовской епархии. В годы Освободительной войны 1648—1654 гг. Гунашевский был канцеляристом канцелярии гетмана Богдана Хмельницкого и на Переяславской раде 1654 г. присягнул на верность России (Доклады Академии Наук СССР, 1929, № 16, стр. 302). Летопись была издана М. П. Погодиным в составе «Русского исторического сборника», т. III, М., 1838. Позднее она печаталась в других изданиях целиком или в отрывках. В советское время часть летописи (о восстании 1630 г.) напечатана с оригинала в сб «Історія України в документах і матеріалах», т. III, Київ, 1941, стр. 86—89.

⁷ Симеон Окольский (ум. в 1654 г.) в качестве войскового капеллана сопровождал карательную польскую армию на Украину в 1637—1638 гг. и, судя по приводимым им деталям описываемых событий, находился в свите главнокомандующего.

⁸ Летопись событий..., т. IV, стр. 183—313.

⁹ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. II, Киев, 1896, стр. 168—282 (в дальнейшем цит.: Мемуары).

зацкое восстание он называет «преступным замыслом», а повстанцев — «мятежниками короля и Речи Посполитой», «грубыми хлопами», людьми презренными. Руководителей восстания иезуит Окольский называет «бездельниками» и «хлопами», а их универсалы — «бесстыдными», «мятежными» и «отвратительными». Он хорошо понимает, какую угрозу представляют крестьянско-казацкие восстания для феодального класса Речи Посполитой. «Истинный сын короны, преданный отчизне, — пишет Окольский, — который понимает, сколь грозен бывает домашний враг, особенно во время крестьянских войн, видя причину этого смятения, без сомнения должен будет в сокрушении оросить глаза свои слезами»¹⁰.

В своей ненависти к восставшим Окольский не останавливается перед прямой фальсификацией фактов. В этом его уличал еще С. Величко. Однако украинские буржуазно-националистические историки, игнорируя критику Величко, всячески подчеркивали «обстоятельность» труда Окольского, принимая его данные без всякой критической проверки.

Из мемуарной литературы того времени представляет интерес для нашей темы «Описание Украины» Боплана¹¹, изданное в последний раз на русском языке под редакцией В. Б. Антоновича¹².

«Описание» содержит ценный материал, рисующий господствующее положение польских магнатов и шляхты и тяжелое подневольное положение украинского крестьянства. В «Описании» содержатся также важные данные по топографии и географии Украины того времени. Вместе с тем надо отметить, что Антонович дал запискам Боплана неправильную оценку, считая, что Боплан исключительно объективно и беспристрастно описывал «козацко-шляхетскую распрю», рассматривая ее «с точки зрения гуманитарной общечеловеческой справедливости». Конечно, ни о какой «объективности» и «общечеловеческой справедливости» Боплана говорить не приходится. Все симпатии Боплана принадлежат польским феодалам. Посвящая свой труд польскому королю Яну-Казимиру, он подчеркивает, что всегда верно служил Польше, и ставит себе в заслугу, что в значительной степени способствовал приобретению Польшей Украины. Боплан считает себя участником похода карательной польской армии, подавившей на Украине восстание 1637—1638 гг., и превозносит коронного гетмана Конецпольского, называя его «великим» и «непобедимым».

Таким образом, при всем значении мемуаров Окольского и Боплана в качестве исторического источника к ним нужно относиться сугубо критически.

Следует подчеркнуть, что до настоящего времени крестьянско-казацкие восстания 30-х годов XVII в. на Украине преимущественно освещались на основании польско-шляхетских источников. Так, например, П. Кулиш указывал, что для составления вышеуказанной его статьи о восстании 1638 г. главным источником служил ему дневник Окольского и в ряде случаев он использовал дневники и письма польских шляхтичей. Те же источники явились основой для соответствующих глав

¹⁰ Мемуары, вып. II, стр. 170.

¹¹ Гильом Левассер де Боплан, французский дворянин, родом из Нормандии, родился в конце XVI в. В молодости он находился на военной службе во французской армии. В 1630 г. в качестве опытного военного инженера он был приглашен Сигизмундом III в Польшу и прожил на Украине 17 лет. Он сам пишет, что изъездил эту «прекрасную, редкую страну» «во всех направлениях и хорошо ознакомился с ее топографией и географией». Боплан занимался постройкой крепостей и их вооружением, а также основанием укрепленных слобод. В числе прочих им была построена крепость Кодак.

¹² Мемуары, вып. II, стр. 289—388.

трехтомного произведения, изданного П. Кулишем через 35 лет после названной статьи¹³.

Польско-шляхетская документация служила первоисточником при описании крестьянско-казацких восстаний и М. Грушевскому (в томе VIII «Історії України — Русі») и Н. Костомарову (в книге «Богдан Хмельницкий»).

В связи с подготовкой к знаменательному событию — 300-летию воссоединения Украины с Россией советские ученые проделали большую и плодотворную работу по выявлению и опубликованию наиболее важных документов, освещающих события на Украине накануне и в период Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг.¹⁴ Большой документальный материал первого тома сборника документов, относящийся к 1620—1647 гг., характеризует тяжелое экономическое положение Украины, жестокий польско-шляхетский социально-экономический и национально-религиозный гнет, от которого прежде всего страдал основной производительный класс феодального общества — крепостное крестьянство. Впервые публикуемые здесь документы, извлеченные из фондов Центрального государственного архива древних актов СССР, не только расширяют круг сведений о крестьянско-казацких восстаниях 30-х годов XVII в., но дают возможность исследовать их на более расширенной, чем прежде, основе и по-новому оценить их значение.

II

Ослабление Древнерусского государства — Киевской Руси в результате феодальной раздробленности и опустошительного нашествия татаро-монгольских ханов в XIII в. привело к обособлению отдельных частей древнерусской народности, от которой ведут свое происхождение русский, украинский и белорусский народы.

В XIV—XV вв. происходил процесс формирования на основе единой древнерусской народности трех братских народностей — русской, украинской и белорусской, с присущими им особенностями языка, культуры и быта. Несмотря на особенности каждой из этих народностей и на великие испытания, выпавшие на их долю, они пронесли через века сознание того, что неразрывно связаны между собою единством происхождения, общностью истории, близостью языка и культуры. Но различно сложились исторические судьбы русского и украинского народов.

Русский народ в длительной и самоотверженной борьбе с татаро-монгольскими и другими чужеземными поработителями, преодолев феодальную раздробленность, отстоял свое самостоятельное национальное существование и создал могущественное централизованное государство. Огромная заслуга в этом принадлежит Москве, поднявшей знамя объединения разрозненных русских земель, ставшей основой и инициатором образования Русского государства, его политическим и экономическим центром. Русское государство с самого начала своего возникновения явилось притягательным центром и опорой для братских народов, совместно боровшихся против общих врагов.

Образование Русского централизованного государства сыграло большую прогрессивную роль в истории и жизни украинского и белорусского

¹³ П. А. Кулиш. Отпадение Малороссии от Польши (1340—1654), тт. I—III, М., 1888—1890.

¹⁴ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. Том I — 1620—1647 годы; том II — 1648—1651 годы; т. III — 1651—1654 годы, М., 1953.

народов, приобретших в нем опору для освободительной борьбы против иноземных захватчиков.

Украинские земли были разорваны на части и стали добычей литовских, польских и венгерских феодалов, а позднее — султанской Турции и ее вассала — крымского хана, и на длительное время оказались под иноземным игом.

Господствующий феодальный класс Польши (магнаты и шляхта) в течение нескольких столетий вел на востоке агрессивную захватническую политику, враждебную по отношению к русскому, украинскому и белорусскому народам. Пользуясь ослаблением, в результате монгольского нашествия, восточнославянских княжеств, польские феодалы захватывали русские, белорусские и украинские земли. После Люблинской унии 1569 г., когда Литва и Польша объединились в одно государство — Речь Посполитую, под гнетом панской Польши среди прочих украинских земель оказались также Волынь, Подолия, Киевщина и Брацлавщина (или восточная Подолия), захваченные литовскими князьями еще во второй половине XIV в.

Речь Посполитая в социальном отношении была феодально-крепостнической, дворянской республикой, основанной на жесточайшей эксплуатации и угнетении крестьян.

Вся земля в Речи Посполитой принадлежала феодалам, которые пользовались здесь большими правами и привилегиями, чем феодалы в любой другой стране. Крестьяне были лишены права земельной собственности, жестоко эксплуатировались, были бесправными «хлопами». Любой дворянин мог безнаказанно убить не только своего, но и чужого крестьянина. Польские паны расправлялись с крестьянами настолько свирепо, что это вынуждены были признать даже представители господствующего класса. Так, иезуит Скарга, живший в Польше в XVI в., признал, что «нет государства, где бы подданные и земледельцы были так угнетены, как у нас под беспредельной властью шляхты»¹⁵. Пан Старовольский (XVI в.) писал, что «азиатские деспоты во всю жизнь не замучат столько людей, сколько их замучат каждый год в свободной Речи Посполитой»¹⁶.

На жестоком угнетении своих «подданных» польские магнаты создавали себе огромные богатства, удивлявшие иностранцев. Жестокую эксплуатацию, тяжелый гнет и изощренные методы насилия, царившие в шляхетско-крепостнической Польше, польские феодалы еще в большей мере насаждали на захваченных ими украинских землях. Крупнейшие польские феодалы Потоцкие, Конецпольские, Калиновские, Жолкевские, Замойские и другие создали на Украине огромные по размерам магнатские хозяйства. Одновременно увеличивали свои земельные владения и ополячившиеся украинские магнаты — Вишневецкие, Заславские, Острожские, Корецкие и др. Например, в реестре владений князя Иеремии Вишневецкого в 40-х годах XVII в. числилось свыше 50 крупных населенных пунктов (в том числе города Полтава, Лубны, Пирятин, Прилуки, Ромны, Мошны, Жовнин и др.), 39 610 крестьянских и мещанских хозяйств и 423 мельничных колеса. Вишневецкий имел собственное войско, состоявшее из 6000 человек конницы и 26 000 человек милиции из крестьян его поместий. Острожские владели примерно одной третью Волынского воеводства, в их владениях только на Украине было 2760 сел и 80 городов и местечек. С. Конецпольскому накануне Освободительной

¹⁵ Цит. по книге: Н. И. Костомаров. Богдан Хмельницкий, СПб., 1904, стр. 29.

¹⁶ Там же, стр. 32.

войны только в районе Южного Буга (Брацлавщина) принадлежало 740 сел и 170 городов и местечек. Потоцкие владели Нежинским староством на Черниговщине, Кременчугом, Потоками и другими населенными пунктами по Днепру и многочисленными имениями в Поднестровье. Владения Калиновских были расположены вдоль всего Подолья, вокруг Чернигова и Новгород-Северска¹⁷. Православные монастыри — Киево-Печерский и другие — также были крупными землевладельцами.

Захватив украинские земли, польские феодалы установили здесь тягчайший крепостнический режим. Жестокая крепостническая политика, проводившаяся панской Польшей на Украине, затрагивала прежде всего и больше всего интересы основного производительного класса феодального общества — закрепощенного крестьянства. Польская шляхта не считала украинских крестьян за людей и грубо попирала их человеческое достоинство.

Эксплуатация крестьян достигла огромных размеров. Повсеместно крестьяне работали на панщине (барщине) 3—4 дня в неделю¹⁸, но во многих местах панщина была ежедневной. Кроме панщины, крестьяне платили помещикам оброк деньгами и продуктами, выполняли многочисленные тяжелые повинности¹⁹.

За малейшее неповиновение крестьян бросали в тюрьмы, пытали. Из жалоб крестьян деревни Прусек выясняется, что арендатор этого села, он же судья Саноцкой земли Ян Лещинский заключил в тюрьму крестьянина Ивана Кучма «за то, что он не хотел отдать пану судье свою дочь, пока не был вынужден отдать дочь, 12 злотых и корову»²⁰. Таких фактов было множество²¹.

Кроме повинностей в пользу феодалов, крестьяне обязаны были платить государственные налоги, а также выполнять ряд государственных повинностей. Крестьяне давали еще десятину в пользу католической или православной церкви.

Польские магнаты, захватив украинские земли, сосредоточили в своих руках не только экономическую, но и политическую власть. Они заняли должности воевод, старост и каштелянов. Много должностей стало наследственными. Вся деятельность этих должностных лиц преследовала цель как можно больше выжать доходов из обнищавшего и закрепощенного населения.

¹⁷ Данные заимствованы у П. А. Кулиша — «История воссоединения Руси», т. I. СПб., 1874, стр. 26—29. См. также сборник документов «Воссоединение Украины с Россией», т. I. Польский король Сигизмунд III в один день 29 сентября (9 октября н. ст.) 1620 г. выдал привилеи князю Константину Вишневецкому и волыньскому воеводе князю Янушу Заславскому на пожизненное владение первому Черкасским староством с местечками Боровицей, Голтвой, Крапивной, а второму — Переяславским староством с местечками Яготиной, Гельмязовым, причем названные местечки передавались обоим магнатам «со всеми другими селами, выселками, фольварками, слободами, хуторами, корчмами, пивоварнями, мельницами, с подданными и их чиншами, работами и всякими повинностями, пасаками, прудами, озерами, садками, реками, полями, лесами, обычными пошлинами и со всеми прочими доходами и принадлежностями», издавна относящимися к этим староствам (документы №№ 5 и 6). 11/21 августа 1621 г. Сигизмунд III отдал королевскому коморнику Бартоломею Обалковскому во владение местечки Березань, Быково, Яблонино, Миргород с селами, слободами, людьми и доходами, «каковыми слободами он может владеть, паселять их, расширять и обращаться к наибольшему доходу в силу этого листа...» (документ № 10; см. также документ № 70).

¹⁸ См. об этом «Инventарь Нижнего Ясеновского фольварка...» (Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 211). О принуждении крестьян отбывать четырехдневную панщину см. жалобы крестьян села Брюховичи и Билогорща на урядников Львовского магистрата (там же, №№ 91, 95), «Инventарь сел Свида и Видыбора с указанием размеров феодальных повинностей крестьян» (там же, № 100) и др.

¹⁹ См. Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 229.

²⁰ См. там же, № 230.

²¹ См. там же, №№ 11, 101, 176, 184, 198, 199.

щаемого населения. Результатом хищнического хозяйничания польских феодалов на Украине явились уменьшение урожаев, голод, эпидемии, сделавшие невыносимым и без того трудное положение народных масс.

Не в лучших условиях жили мещане городов. После Люблинской унии в городах появились иноземные старосты, чуждые украинскому населению. Старосты угнетали мещан, заставляя их платить многочисленные разорительные налоги; мещан-ремесленников принуждали обслуживать замки и ремонтировать их.

Пользуясь правом беспошлинного вывоза своих сельскохозяйственных продуктов и беспошлинного же ввоза иностранных изделий для собственных нужд, польская шляхта подрывала городское ремесло и торговлю. Шляхта ограничивала права мещан-украинцев. Их не допускали в городские самоуправления, а в некоторых городах (как, например, во Львове) украинцы не имели доступа даже в некоторые ремесленные цехи²².

В инструкции своим послам на варшавский сейм 1609 г. львовские мещане жаловались, что им запрещают заниматься ремеслами, владеть имуществом и вообще всем, «чим бы только человек жив быти могл, того не волен русин на приржоной земли своей русской уживати в том то руском Льове»²³. Во Львове украинцам разрешалось жить лишь в одном определенном квартале, который назывался «русской улицей».

В 1622 г. житомирские мещане жаловались, что арендатор, которому владелец Житомира князь Александр Заславский сдал город в аренду, в нарушение предоставленных житомирцам Стефаном Баторием и Сигизмундом-Августом привилегий, гонит мещан на полевые работы и устройство мостов, не разрешает им торговать, собирать ярмарки и продавать на них пиво, мед, водку, собирает повышенные пошлины и т. д.²⁴

Социально-экономическое и политическое угнетение украинского народа дополнялось гнетом национальным и религиозным. Чужеземные захватчики с помощью Ватикана мерами жестокого принуждения насаждали на Украине католицизм, предавали поруганию украинский язык и культуру, закрывали православные церкви, строили костелы. Все это делалось для того, чтобы окатоличить и ополячить украинский народ, духовно поработить его и тем самым оторвать от братского русского народа. В наступлении католицизма проявилась особая агрессивность римской курии, стремившейся подчинить своему влиянию восточнославянские народы.

Более двухсот лет польские правящие круги и католическое духовенство внедряли церковную унию, т. е. соединение западной и восточной церквей под властью папы римского. Уния рассматривалась как переходная ступень к католицизму. Часть высшей иерархии православной церкви пошла на сговор с правящими кругами Польши. На церковном соборе в Бресте в 1596 г. уния была утверждена, после чего гонения на православие еще более усилились. Украинская шляхта Волыни неоднократно заявляла на варшавском сейме, что православная религия «таким подвергается насилиям в христианском католическом государстве, в вольной и свободной республике, каких не претерпевают и христиане-греки в неволе у неверных» (т. е. в Турции)²⁵. Эти слабые протесты не-

²² Там же, №№ 177, 242.

²³ Чтения в Историческом обществе Нестора летописца, кн. 5, Киев, 1891, отд. 3, стр. 209—210.

²⁴ Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 13. См. также жалобу владимирских мещан (там же, № 234).

²⁵ Архив Юго-западной России, ч. II, т. I, Киев, 1861, №№ XXV, XXVI и др.

которых представителей господствующего класса угнетенной нации не могли, конечно, изменить положения.

Тяжелое положение народных масс Украины усугублялось феодальной анархией, царившей в Польском государстве и проявлявшейся в разнузданном произволе магнатов и шляхты, подвергавших систематическому ограблению и разорению украинские земли, народные массы Украины.

Украинские феодалы, страшась все усиливавшейся антикрепостнической классовой борьбы и стремясь подавить ее, вместе со своими белорусскими собратьями поддерживали агрессивные устремления чужеземных захватчиков на восток, настойчиво добивались равенства прав, — укрепления и расширения своих классовых феодально-крепостнических привилегий, — с польской шляхтой, усиления эксплуатации трудящихся. Этого им удалось достигнуть ценой национального предательства, ценой отказа от родного языка, перехода в лоно католичества. Процесс окатоличивания и ополячивания украинской шляхты и магнатов особенно усилился в первой половине XVII в. В 1634 г. принял католичество крупнейший украинский магнат князь Иеремия Вишневецкий.

Широкие массы украинского и белорусского народов остались недоступными влиянию унии и католичества, олицетворявших иноземное порабощение. Именно украинские крепостные, как указывает Энгельс, «сохранили во всех отношениях верность своей прежней православной религии»²⁶, которую господствующие классы третировали как «хлопскую». Борьба народных масс против унии была формой народно-освободительной борьбы против чужеземного владычества на Украине, борьбы за национальную независимость, за национальную культуру, за связь с братским русским народом.

Украинская буржуазно-националистическая историография выдвигала религиозный и национальный моменты в качестве главной причины непрекращавшейся борьбы между украинским населением и иноземными захватчиками. Но это неверно. Религиозные гонения и национальный гнет значительно обостряли борьбу народных масс Украины против иноземных поработителей, но решающую роль играла классовая борьба, наличие которой, по понятным причинам, решительно отрицают украинские буржуазные националисты, выдвинувшие «теорию» бесклассовости украинской нации. Если классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток, если интересы, нужды и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это следует объяснять конкретными историческими условиями.

Гнет польско-шляхетского государства и неограниченный произвол польских панов стали сильнейшим тормозом экономического и культурного развития Украины. Украинский народ, находясь под иноземным гнетом, жестоко страдал также от постоянных разбойничьих нападений кочевых турецко-татарских орд. Они разоряли города и села Украины, опустошали и сжигали целые районы, уводили на ближневосточные невольничьи рынки десятки тысяч людей, погибавших затем на тяжелых каторжных работах в турецкой неволе. Разбойничьи орды, иногда численностью до 80 тыс. человек, вторгались не только в Южную Украину, но достигали и Западной Украины.

Гнет польской шляхты и страшные опустошительные набеги кочевых орд турецко-татарских ханов на украинские земли поставили украинский народ под угрозу уничтожения. Находясь под такой угрозой, украинский народ на протяжении веков вел героическую борьбу против гнета

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 160.

чужеземных поработителей за свою свободу и независимость, за воссоединение с братским русским народом.

Главной движущей силой в этой борьбе было крепостное крестьянство; оно же, составляя большинство угнетенного народа, стало решающим фактором в освободительном движении от ига иноземных захватчиков. Еще в XV в. началось бегство угнетенных крестьян и мещан из западной Подолии и северо-западной Киевщины в менее заселенные южные степи Украины, на Брацлавщину и Заднепровье. Бегство из насиженных мест было распространенной формой антифеодальной борьбы украинского посполства. Беглые крестьяне и мещане, спасавшиеся от все усиливавшегося феодального гнета, составили ядро позднейшего казачества, не подчиненного правительственным учреждениям. Выбрав малодоступные места за порогами Днепра, казаки в начале XVI в. основали там свой центр, который стал называться Запорожской Сечью. Первая Сечь была основана на острове Хортице. Уже с самого своего основания Сечь представляла собой серьезную военную организацию с правильным разделением на полки и более мелкие единицы, сильную сплоченностью и боевым духом.

Запорожское казачество выступало вместе с крестьянами и городской беднотой защитником Украины от внешних врагов — турецко-татарских грабителей. В этой борьбе украинский народ не был одинок. С середины XVI в. начались совместные военные действия русских войск, донских и запорожских казаков против общих врагов — султанской Турции и разбойничьих орд крымского хана. Борьба с внешними врагами укрепляла братские связи и дружбу русского и украинского народов. Крепкой и тесной была дружба и взаимопомощь между запорожскими и донскими казаками. Сотнями и тысячами запорожцы проживали на Дону, а донцы — в Сечи. Вместе они часто совершали морские походы к берегам Крыма и Турции²⁷. Запорожцы были также связаны с терскими и яицкими казаками²⁸.

Основными занятиями казаков в мирное время были земледелие и лесное хозяйство, рыбная ловля, охота, соляной промысел. Современники утверждали, что среди казаков были опытные мастера: плотники, умеющие строить дома и суда, экипажные мастера, кузнецы, оружейники, кожевники, шорники, сапожники, бочары, портные и т. п. Казаки искусно изготовляли селитру, из которой выделявали превосходный порох.

Запорожское казачество не было однородным, как то утверждают украинские буржуазные националисты. В Запорожье в конце XVI в. уже существовала глубокая классовая дифференциация, резко подчеркнутое различие между старшиной и зажиточными казаками, с одной стороны, голытьбой, «чернью» — с другой. Посол императора Рудольфа II Эрих Ляссота, посетивший Запорожье в 1594 г., говоря о более зажиточных казаках, «каковы, например, охотники или владельцы челнов», одновременно указывал, что в войске «много людей бедных». Он же отметил, что обсуждение важных вопросов проводилось двумя отдельными колами (кругами), из которых одно состояло из старшин, а другое — из рядовых («черни») ²⁹.

Зажиточные казаки были владельцами пасек, судов, слобод, больших стад скота и табунов лошадей, хлебных и соляных запасов, а также оружия. Они эксплуатировали «наймитов», «тяглых» и «пеших» (зависимых крестьян), а также пленных. Богатые казаки имели свои земли

²⁷ Воссоединение Украины с Россией, т. I, №№ 12, 18, 20, 29, 30, 37, 47, 52, 54 и др.

²⁸ См. там же, № 71.

²⁹ Мемуары, вып. I, Киев, 1890, стр. 168, 171.

и хозяйства на Левобережной Украине, на Брацлавщине. Располагая большими средствами, зажиточные казаки снабжали казацкую бедноту оружием, лодками, деньгами и одеждой, отбирая за это у нее львиную долю военной добычи. К зажиточным принадлежали «старшие казаки» (старшина), т. е. гетман, писарь, полковники, сотники и атаманы (атаман командовал десятком). Все должности в Сечи были выборными. Однако этот «демократизм», который так воспевали Антонович, Грушевский и другие буржуазно-националистические историки, являлся лишь видимостью демократии, так как, располагая экономической, административной, военной и судебной властью, зажиточные казаки действовали силой, подкупами и демагогией и всегда имели возможность сохранить в своих руках командные высоты.

При всем том во второй половине XVI в. и в первой половине XVII в. феодальный гнет в Запорожье был значительно легче, чем на Украине, где господствовали польские и ополячившиеся украинские феодалы, интересы которых защищали многочисленная администрация и войско чужеземных захватчиков. По этой причине запорожское войско, как уже указывалось, постоянно пополнялось за счет крестьян и мещан, бежавших от жестокого феодального и национально-религиозного гнета, царившего на Украине. Благодаря этому в Сечи всегда находили отражение настроения и идеи, господствовавшие среди народных масс Украины. Естественно, что рядовые запорожские казаки вместе с крестьянством и городской беднотой вели непримиримую борьбу против феодально-крепостнического и национального гнета.

Польские правящие круги при поддержке украинской шляхты стремились военной силой уничтожить казачество. Когда же это не удалось, они начали привлекать к себе на службу наиболее зажиточные слои казачества для охраны восточных границ; они надеялись этим путем внести раскол в среду запорожцев, используя зажиточное казачество для борьбы с народными, антифеодальными и освободительными восстаниями.

С целью расколоть казачество и использовать его для подавления крестьянских восстаний польское правительство во второй половине XVI в. завело реестры (списки), в которые заносилось определенное число зажиточных казаков. Последние, находясь на службе у польского правительства, получали от него жалованье и некоторые права на владение свободными от повинностей землями. Казаки, включенные в реестр, назывались реестровыми; центром реестрового казачества были города Черкасы и Канев.

Но и реестровое казачество не представляло собой однородную социальную группу. В его среде образовались две прослойки: казацкая старшина и рядовое реестровое казачество. Первые считали себя польскими шляхтичами и ориентировались в своей политике на Польшу; вторые, вышедшие из среды крепостного крестьянства, противостояли казацкой старшине и феодально-крепостническому строю. Нереестровых казаков всегда было во много раз больше, чем реестровых; центром нереестрового казачества являлась Запорожская Сечь.

Казачество сыграло видную роль в восстании 1637—1638 гг., как и в других выступлениях украинского народа против польско-шляхетских угнетателей.

III

Крестьянско-казацкое восстание 1637—1638 гг. не было случайным эпизодом в истории Украины того времени. Наоборот, оно логически вытекало из тогдашней исторической обстановки и было тесно связано

со всей предыдущей и последующей антифеодальной и освободительной борьбой народных масс Украины, со всеми крестьянско-казацкими восстаниями конца XVI в. и первой половины XVII в. Восстание 1637—1638 гг. было важным звеном в цепи этих восстаний и явилось замечательным предвестником Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. против иноземного владычества.

Вместе с посольством Украины массы нереестрового казачества поднялись на борьбу с украинскими и польскими феодалами за освобождение Украины от иноземного ига еще в последней четверти XVI в. В 1587 г. Лукьян Чернявский, называвший себя гетманом, собрав казаков и крестьян, «которые з сел се зобрали, могло дей быти конных и пеших о колко сот», напал на местечко Кодню, принадлежавшее пану Тышкевичу³⁰. В 1590 г. два крупных повстанческих отряда, среди которых одних только запорожцев было 500 человек, напали в Белоруссии на местечко Быхов и сел. Холстов³¹. С этого времени восстания происходили почти ежегодно, часто охватывая всю Украину. В каждое последующее восстание вовлекались все более широкие массы крестьян, мещан и казаков.

С целью «обезоружить» казачество и «обуздать» народные массы Украины 25 июля 1590 г. был издан универсал Сигизмунда III о постройке на Днепре крепости Кременчуг, где должен был стоять гарнизон из 1000 человек на жалованье «для укрощения украинского своеволия... и предотвращения набегов на соседние земли»³².

Однако «украинское своеволие» не прекращалось, и в период 1591—1596 гг. восстание на Украине разрасталось, охватив воеводства Киевское, Брацлавское и Волынское. Для борьбы с восстанием польский король Сигизмунд III универсалом от 29 января 1593 г. призвал шляхту названных воеводств на посполитое рушение (поголовное шляхетское ополчение), указав, что речь идет о безопасности, спокойствии и сохранении «вольностей» и имущества самой шляхты³³. Во главе восстания вначале стоял мелкий шляхтич Криштоф Косинский, а после его смерти, последовавшей в мае 1593 г.³⁴, — Григорий Лобода (гетман реестровых) и Северин Наливайко (гетман нереестровых). В 1594—1595 гг. Наливайко занял города Брацлав и Луцк. Восстание охватило и Белоруссию. Против восставших в начале 1596 г. выступил коронный гетман Жолкевский. Он беспощадно расправлялся по пути своего следования с мирным населением, желая «потопить пожар в хлопской крови».

Слабо вооруженные и недостаточно организованные казацко-крестьянские отряды столкнулись с регулярной польской армией под командованием Жолкевского. После двух упорных боев, под Белой Церковью и Острым Камнем, повстанцы, сохранив свои боевые силы, в полном порядке отступили на левый берег Днепра, чтобы перейти пограничную линию Русского государства, где они были бы в безопасности. Вскоре после этого, получив свежее подкрепление, Жолкевский предупредил переход восставшими русской пограничной линии и окружил их недалеко от Лубен, на реке Салоницах (приток Сулы). К этому времени внутри казацкого лагеря обострились отношения. Часть реестрового казачества

³⁰ Архив Юго-западной России, ч. III, т. I, Киев, 1863, № VIII.

³¹ Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-западной Руси, т. I, Вильна, 1867, стр. 175—188.

³² Архив Юго-западной России, ч. III, т. I, № XI.

³³ Там же, № XVII.

³⁴ Ригельман указывает, что Косинский был убит в сражении под Пяткой в 1594 г. (Летописное повествование о Малой Руси, ч. I, кн. II, М., 1847, стр. 28).

во главе с гетманом Лободой искала соглашения с Польшей. Однако противники этого соглашения убили Лободу. Война продолжалась. После длительного сопротивления окруженные повстанцы, измученные голодом, сдались. Жолкевский нарушил условия сдачи, и его жолнеры вырезали находившихся в лагере несколько тысяч повстанцев, в том числе женщин и детей. Руководителей восстания увезли в Варшаву и там их «неслыханною жесточайшою казнию помертвили»³⁵. Наливайко после 10-месячного тюремного заключения был казнен в апреле 1597 г.

Жесткие репрессии, проводившиеся Жолкевским, не могли заставить украинский народ сложить оружие. Причины, которые вызвали народное восстание 1591—1596 гг., попрежнему оставались в силе. Бегство посполитых в Запорожье усилилось.

Вдохновляющим примером для украинских и белорусских трудящихся, боровшихся против иноземного порабощения и местных эксплуататоров, явилось крестьянское восстание в России под руководством Ивана Болотникова (1606—1607 гг.), охватившее также Черниговский, Новгород-Северский и Путивльский уезды. В этом восстании участвовали и украинские крестьяне, городская беднота и казаки. В то же время против польской шляхты поднялся белорусский народ. В Могилеве восстание длилось с 1606 по 1610 г.

Победа, одержанная русским народом при защите родной земли от польско-шведских интервентов в начале XVII в., дала мощный толчок борьбе украинского народа за освобождение от иноземного ига, за воссоединение с братской Россией. В итоге понесенного в 1612 г. поражения Речь Посполитая была ослаблена, и это положительно сказалось на развитии освободительной борьбы народных масс Украины и Белоруссии против социального и национального гнета.

Стремление народных масс России и Украины к единству действий, к объединению сил в борьбе с чужеземными захватчиками сливалось в единый мощный поток.

В своей освободительной борьбе против иноземного порабощения украинский народ всегда опирался на помощь русского народа. В ходе освободительной борьбы все более углублялось и расширялось стремление украинского народа к воссоединению с русским народом в едином государстве. Передовые представители казацкой старшины и православного духовенства, отражая настроения и вековые чаяния народных масс, многократно обращались к русскому правительству с предложением воссоединить Украину с Россией.

Руководитель первого крупного крестьянско-казацкого восстания на Украине гетман К. Косинский обратился в 1593 г. от имени запорожских казаков к русскому правительству с просьбой принять их в русское подданство³⁶. Царь ответил согласием. Из Москвы запорожцам было дано указание соединиться с донскими казаками и совместно воевать против татар³⁷. Но восстание было подавлено, а Косинский погиб в бою. Однако известно, что в последние годы XVI в. и первые годы XVII в. при царях Федоре Ивановиче и Борисе Годунове запорожцы получали жалованье от русского правительства³⁸.

³⁵ Летопись Самовидца, Киев, 1878, стр. 370.

³⁶ О тесных связях Косинского с русским правительством сообщил 13 мая 1593 г. Яну Замойскому королевский староста черкасский и киевский Александр Вишневецкий (Исторія України в документах і матеріалах, т. III, № 21).

³⁷ СГГД, т. II, № 62.

³⁸ Посол австрийского императора Эрих Ляссота пишет в своем дневнике под 1594 г., что он встретил русского посла Василия Никифоровича, который вез запорожцам подарки от русского правительства (Мемуары, вып. I, стр. 163, 178). В своей че-

В феврале 1620 г. в Москву прибыло посольство гетмана Петра Сагайдачного, которое возглавлял атаман Петр Одинец. Запорожские казаки объявили о своем желании служить России³⁹.

Посольство было торжественно принято в Москве. Послы получили награды, а при отъезде им вручили царскую грамоту и жалованье войску запорожскому⁴⁰.

30 июня 1621 г. путивльские воеводы В. Туренин и С. Собакин доносили в посольский приказ о намерении запорожских казаков поднять восстание против шляхетской Польши, занять Киев и другие украинские города, присоединить их к России и перейти в русское подданство⁴¹. В начале 1625 г. войско запорожское отправило в Москву посольство с грамотой⁴².

Наиболее видными представителями православного духовенства, выступавшими еще в 20-х годах XVII в. против шляхетско-католической агрессии за воссоединение Украины с Россией, были перемышльский епископ Исайя Копинский, хлопотавший о переходе монахов и казаков на русскую территорию⁴³, и киевский митрополит Иов Борецкий. Последний писал в Москву, что казаки, сколько их ни есть, все перейдут в Русское государство⁴⁴.

Внешнеполитическая обстановка Русского государства в первой половине XVII в. не давала возможности русскому правительству решить вопрос о воссоединении Украины с Россией. Однако оно оказывало систематическую материальную помощь Украине.

Исключительно большую помощь оказывало Русское государство освободительной борьбе украинского народа своей покровительственной политикой переселенцам из Украины в пределы России. Переселение украинских крестьян, мещан, казаков, православного духовенства и мелкой украинской шляхты с захваченных польскими феодалами украинских земель началось еще в XVI в., но усилилось и приняло массовый характер в первой половине XVII в.⁴⁵

Бежавшие от шляхетской неволи в пределы России встречали благожелательный прием со стороны русских властей, дружественное отношение населения русских городов и сел. Русское правительство решительно отвергало все требования польских властей о выдаче им украинских переселенцев⁴⁶. Переселение украинцев на территорию Русского государства способствовало более тесному сближению народных масс Украины и России, усилению стремления украинского народа к воссоединению с братским русским народом в едином государстве.

Важное значение для усиления движения народных масс Украины за воссоединение с Россией имело развитие экономических и культурных связей между Украиной и Россией. Украинские купцы ввозили в Россию пшеницу, муку, рыбу, хмель, воск, деготь, бумагу, селитру, гончарные изделия, кожухи, пригоняли на русские ярмарки лошадей. Украинские

лоббитной царю Михаилу Федоровичу от 16 января 1641 г. путивльский казак Г. Коначов писал, что при Федоре Ивановиче вместе с Юрьем Беззубовым он был послан «в Запороги с его государским жалованьем и денежным», а «при царе Борисе в Запороги ж с денежным жалованьем с-Ываном Оладыным и с сукнами» (Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 192).

³⁹ Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 1.

⁴⁰ Там же, №№ 2—3.

⁴¹ Там же, № 8.

⁴² Там же, № 24.

⁴³ Там же, №№ 15, 16.

⁴⁴ Там же, № 22.

⁴⁵ См. там же, №№ 26, 58, 59, 61, 73, 75 и др.

⁴⁶ Там же, №№ 114, 146.

купцы посещали ярмарки и торги Москвы, Курска, Тулы, Калуги, Рылска, Белгорода, Новгорода и др. Русские купцы сбывали на украинских рынках меха, шубы, юфть, полотно, конскую сбрую, кустарные изделия из дерева и т. д. Свои товары русские купцы продавали в Киеве, Луцке, Каменец-Подольске, Львове и других городах⁴⁷. Русское правительство способствовало развитию торговых отношений России с Украиной, создавало в порубежных с Украиной городах специальные дворы для приезжих украинских купцов и торговых людей⁴⁸.

Широкие торговые и экономические связи с Россией сыграли важную роль в историческом развитии Украины, способствовали сближению двух братских народов.

IV

Для борьбы с народным недовольством правительство Речи Посполитой создавало на Украине сеть крепостей с постоянными гарнизонами, стремясь в то же время всеми средствами ограничить численность и права казачества. Часть казацкой старшины действовала сообща с польским правительством, помогала подавлять антифеодалные и освободительные выступления украинских крестьян, мещан и казаков, заключала с ним предательские соглашения, сводила до минимума казацкий реестр. Эта часть казацкой старшины не думала о защите интересов своего народа, она думала об обеспечении личного благополучия.

В 1625 г. на Украине вспыхнуло новое восстание⁴⁹. Для подавления восстания польское правительство двинуло под командованием коронного гетмана Станислава Конецпольского шляхетские войска численностью около 8000 человек, среди которых были немецкие и венгерские наемники. Решительное сражение между войском Конецпольского и незначительными силами казаков произошло возле озера Куруки (близ Кременчуга). Шляхетское войско понесло значительные потери убитыми и ранеными. Конецпольский был вынужден пойти на переговоры с казаками, завершившиеся заключением так называемого Куруковского договора⁵⁰. Последний полностью передавал в руки старшины управление реестровым казачеством. В благодарность за это казацкая старшина должна была оставить только 6 тыс. реестровых казаков, а остальных, называвшихся «выписчиками», вернуть феодалам-крепостникам.

Следствием Куруковского договора было усиление феодального гнета и появление многотысячной армии бесправных «выписчиков», не включенных в реестр казаков⁵¹. Не желая возвращаться в прежнее крепостное состояние, они уходили на низовье Днепра, часть казаков выражала желание перейти на Дон и другие русские земли⁵². По официальному донесению польскому королю, в мае 1629 г. выписчиков было уже до 40 тыс.

⁴⁷ Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 19.

⁴⁸ Там же, №№ 87—90, 94, 96 и др.

⁴⁹ См. там же, №№ 24, 27, 31, 32.

⁵⁰ Там же, № 35. См. также Мемуары, вып. I, стр. 126—147.

⁵¹ Священник Филипп показывал, как составлялся казацкий реестр и кто в него был включен: «А козацкой де гетман Дорошенко с польскими комисары ездит по козацким городом, розбирает козаков... Лутчие люди козаки (т. е. наиболее зажиточные.—В. Ш.) пристали к нему, Дорошенку» (Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 31).

⁵² «А которых де, государь, людей от козачества отставливают, и те козаки все мыслят посылати бить челом тебе,—говорил священник Филипп,—чтобы ты, государь, пожаловал их, велел им помочь учинить своими государевыми людьми на поляков. И они де, козаки, станут служить тебе, государю, и города литовские (украинские.—В. Ш.) станут очищать в твое государево имя...» (там же).

Отношения между двумя группами казачества — привилегированными реестровыми и объявленными вне закона выписчиками — становились напряженными, враждебными, доходившими до открытых вооруженных схваток. Атмосфера на Запорожье была накалена до крайности и отражала, как в зеркале, остроту классовых и политических противоречий на Украине, где народные силы готовились к новым восстаниям.

Желая предупредить восстание, правительство Речи Посполитой после окончания осенью 1629 г. шведской войны направило войско на Украину на постой. Опираясь на военную силу, феодалы и старосты усилили феодальный и национально-религиозный гнет. Жолнеры грабили население и издевались над ним, похваляясь истребить «казаччину», казаков насильно превращали в крепостных.

Ответом было крестьянско-казацкое восстание, вспыхнувшее в ряде районов Поднепровья, Киевщины и Полтавщины. Крестьяне, мещане и казаки, создавая отряды, нападали на квартировавшее на Украине польское войско, изгоняли шляхту и польскую администрацию, разоряли имения. На Запорожье выписчики еще в 1629 г. избрали гетманом Тараса Федоровича («Трясило»), талантливого организатора, испытанного руководителя, вставшего во главе восстания. К нему присоединились находившиеся на Запорожье реестровые⁵³. Гетман реестровых Григорий Саввич Черный как агент польских панов был на войсковой раде обвинен в измене и казнен. Тарас обратился с универсалами к населению Украины, в которых объявил себя единственным законным руководителем казачества и призвал подняться на борьбу против шляхты за казацкие вольности, за православную веру. Тарас Федорович, выступавший в течение ряда лет за воссоединение Украины с Россией, обратился также за помощью к братскому русскому народу⁵⁴.

В начале апреля 1630 г. Тарас с наличными силами выступил из Запорожья на Корсунь (Киевщина). При поддержке корсунских мещан он разгромил находившийся там польский гарнизон и 4 апреля овладел городом. Отсюда повстанческое войско победоносным маршем прошло до Переяслава, где были сосредоточены главные силы народного восстания. Последнее охватило все Приднепровье. Много повстанцев приходило с Западной Украины. В этом восстании участвовало 37 тысяч чел.

7 апреля 1630 г. в Баре коронный гетман Конецпольский издал универсал к шляхте, призывая ее спешить к коронному войску, чтобы общими усилиями подавить восстание и «гасить этот огонь хлопской кровью»⁵⁵. Выступившая против восставших огромная польская армия во главе с Конецпольским разрушала на своем пути мирные украинские села и местечки. Сохранилось свидетельство, что, идя к Киеву, коронный стражник, староста Каневский и Овруцкий Самуил Лащ сжег местечко Лисенка, уничтожив там всех мужчин, женщин и детей, находившихся в церкви, а по дороге убивал всех встречавшихся украинцев. Каратели Лаща уничтожили также селение Дымер (на Киевщине) и другие населенные пункты⁵⁶.

Подтянув к Переяславу большие силы, Конецпольский обложил город. Однако осада подвигалась медленно, и шляхетские войска терпели

⁵³ Львовская русская летопись утверждает, что реестровых, присоединившихся к восстаниям, насчитывалось 4000 человек.

⁵⁴ На сейме 1631 г. коронный гетман Ст. Конецпольский объяснил причины восстания 1630 г. на Украине желанием казаков сноситься с Москвой и перейти в русское подданство (П. Жукович. Сеймская борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией, вып. VI, СПб., 1912, стр. 87).

⁵⁵ Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 44.

⁵⁶ Історія України в документах і матеріалах, т. III, стр. 87.

большие потери. Находясь под Переяславом, Конецпольский 18 мая 1630 г. выпустил специальный универсал, адресованный шляхте (людям «стану рыцерского»). Похваляясь «успехами» коронного войска против повстанцев, Конецпольский требовал новых подкреплений, приказывая находившимся в резерве отрядам немедленно присоединиться к главному войску и умоляя шляхту спешить к нему на помощь «для окончательного усмирения своеволия»⁵⁷.

Жестокая трехнедельная борьба под Переяславом закончилась 22 мая 1630 г. поражением польско-шляхетской армии. Сам Конецпольский едва не попал в плен. Об этом походе Конецпольского на Украину в Львовской русской летописи записано следующее: «1630. Гетман Конецпольский ходил за Днепр козаков зносити. Людей много стратил и сам ледве ся вынес, але предця гарматы им зоставил и познал що козаки!.. Поведает, же триста велце значных панов коронных згинуло; вшиткого войска до десяти тисячей згинуло»⁵⁸.

Польские летописцы безапелляционно заявляют, будто повстанцы были разгромлены; украинские же летописцы (Самовидец, Грябянка) держатся того мнения, что «казаки примиришися», получив обещания, что ни им ни посольству впредь обид чинить не будут. Это находит документальное подтверждение в показаниях участника переяславских боев⁵⁹ и в донесениях царю русского сына боярского путивльца Григория Гладкого, ехавшего с важным поручением из Москвы в Киев. Не имея возможности проехать в Киев к митрополиту Иову Борецкому⁶⁰, Гладкий остановился в Переяславе и находился там во все время осады. Он утверждает, что за три недели было много боев «и на тех де боях черкасы поляков побивали, а на последнем де... бою черкасы у гетмана Конецпольского в обозе наряд взяли и многих поляков в обозе побивали, и перевозки по Днепру отняли, и поромы по перевозам пожгли. И после де тово бою гетман Конецпольский с черкасы помирился»⁶¹.

Несмотря на то, что повстанцы оказались в гораздо более выгодном положении, зажиточная верхушка реестровой старшины отстранила Тараса Федоровича от гетманства и, предав интересы крестьян и рядовых казаков — участников восстания, пошла на сделку с Конецпольским. 8 июня между занявшей компромиссную позицию казацкой старшиной и Конецпольским было заключено Переяславское соглашение, по которому количество реестровых было увеличено на одну треть, а остальные пункты сохраняли в силе статьи Куруковского договора⁶². Тарас Федорович, опасаясь предательства со стороны реестровой старшины, по сообщению Г. Гладкого и других очевидцев, уехал в Черкасы, а затем в Запорожье⁶³.

⁵⁷ Архив Юго-западной России, ч. III, т. I, № LXXXIV.

⁵⁸ Русский исторический сборник, т. III, стр. 239. Эту победу повстанцев над коронным войском воспел великий украинский поэт Т. Г. Шевченко в своем произведении «Тарасова ніч». По некоторым данным, решающая битва произошла несколько позже — 22 мая 1630 г.

⁵⁹ Участник этих боев черниговец сын боярский Григорий Афанасьевич Рубчинский, перешедший в 1631 г. на русскую территорию, «в распросе» севскому воеводе сказал: «И в тоє де, государь, пору запороские козаки ляхов побили... и ляхи де, государь, с козаками помирились...» (Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 63).

⁶⁰ Киевский митрополит регулярно информировал русское правительство о ходе восстания, отправляя свою корреспонденцию «с путивльцом с сыном боярским з Григорьем Гладким...» (там же, № 49).

⁶¹ П. А. Кулиш. Материалы для истории воссоединения Руси, т. I, М., 1877, стр. 316.

⁶² Там же, стр. 308—310; П. Жукович. Указ. соч., вып. VI, стр. 86—95.

⁶³ Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 63.

До настоящего времени исследователи считали, что после Переяславского соглашения борьба народных масс Украины против феодального и иноземного гнета прекратилась, по крайней мере, на несколько лет. Сейчас усилиями советских ученых извлечены из фондов отечественных архивов новые документы, которые решительно опровергают прежние суждения. Десятки тысяч участников восстания — крестьян, мещан и рядовых казаков, не попавших в реестр, не смогли и не хотели мириться с предстоящим возвращением в панскую зависимость. Они же решительно выступили против Переяславского соглашения с магнатами. Не признал соглашения и польский сейм, состоявшийся в январе 1631 г., хотя этого настойчиво добивалась зажиточная верхушка казацкой старшины. Сейм также отверг требование реестровых о прекращении гонений на православную религию и по королевскому предложению принял решение о необходимости военной оккупации Украины, «ввиду того, что казаки при подходящем случае легко могут впасть в привычное для них своеволие»⁶⁴.

Во второй половине декабря 1630 г. значительные силы шляхетских войск, численностью около 12 тыс. человек, начали военную оккупацию Украины «для того, чтобы... черкас помирить». Они заняли Киев и прилегающие к нему районы, Переяславское, Нежинское и Крыловское староства, города Быково, Березань, Носовец, Носовку, Крылов, Девицу⁶⁵. Казачеству было объявлено, что остается в силе Куруковский договор, сохраняется шеститысячный казацкий реестр и казакам строго запрещается устраивать морские походы.

Отказ сейма утвердить Переяславское соглашение и прекратить религиозные преследования и военная оккупация Украины вызвали недовольство не только выписчиков, но и реестровых казаков. Однако зажиточная верхушка казачества и на этот раз пошла на соглашение с панами. «Черкасы де лутчие люди,— говорил в своих показаниях путивльский торговый человек, посланный на Украину «для проведения вестей»,— хотят расписыватца, а мелкие де черкасы ж расписыватца не хотят»⁶⁶.

Участники восстания 1630 г.— крестьяне, мещане и казаки, которые после Переяславского соглашения разошлись по домам, узнали, что шляхетские войска «пришли опять на них», на казаков. «И казаки... запороские и черкасы сошлись опять в сход и стали в Черкасах, да в Переясловле, да в Каневе. А всево... козаков 15 000»⁶⁷.

Бывший гетман Тарас Федорович, находившийся в то время в Запорожье, обратился оттуда с воззванием к казакам и ко всему населению, призывая их, чтобы «против поляков стояли все, а на 6000 не выписывались»⁶⁸.

В городах Украины вспыхнуло восстание, центром которого стал Нежин. Насколько позволяют судить источники, это произошло в январе 1631 г. Несмотря на строгий приказ польской администрации, запрещавший населению городов доставку продовольствия запорожцам и пребывание их в городах, мещане пускали в города казаков, принимая их как братьев. Так, в Нежин жители пустили сперва около 2000 казаков, а со временем это число увеличилось до 6000 человек. Главной силой

⁶⁴ Там же, №№ 55, 57.

⁶⁵ Там же, №№ 61, 62, 65, 69.

⁶⁶ Там же, № 63.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, № 61.

нежинского восстания были мещане и нереестровые казаки («служивые всякие люди и мещане»).

Казаки, находившиеся в Нежине, организовали нападение на польский гарнизон города Носовки и уничтожили его. В марте 1631 г., когда коронное войско готовилось к наступлению на Нежин, запорожские казаки, находившиеся в городе, обратились за помощью к казакам других городов. Призыв этот нашел живой отклик. Казаки различных городов начали съезжаться в Нежин, где их собралось около 6000 человек во главе с полковником Иваном Бапиловек.

В начале марта к Нежину подступило около 2000 шляхетских войск, требуя пустить их в город. Мещане и казаки ответили отказом. Тогда коронное войско начало планомерную осаду города, продолжавшуюся несколько недель. За это время было произведено три сильных, но безуспешных штурма. Стремясь любой ценой сломить сопротивление нежинцев, польское командование подтянуло к Нежину все свои войска, находившиеся на Украине, присоединив к ним и реестровых казаков. Однако и последующие штурмы не принесли успеха шляхетскому войску, и оно отступило за Днепр⁶⁹.

Повстанцы готовились к новым выступлениям. «А в которых де, государь, городкех,— сообщал сын боярский Гр. Рубчинский,— запорожские козаки жили по домам, и ныне де, государь, те все козаки ис тех городков идут в сход к гетману к Торасу и х козаком в город в Черкасы. А будет де, государь, их сила не возьмет против ляхов стоять за веру, и за то, чтоб им ис козаков не выписыватца, и козаки, де, государь, хотят, побрав норяд и всякие запасы, итить в Запороги, а из Запорог прийти на Дон и с Дону посылати к Москве бити челом тебе..., чтоб ты, государь, пожаловал их велел им быти под своею государскою державою»⁷⁰.

Эти показания еще и еще раз доказывают безграничность стремлений народных масс Украины задолго до Освободительной войны 1648—1654 гг. к воссоединению с русским народом, в котором они видели своего защитника и верного союзника.

Борьба против шляхты в различных местах Украины не прекратилась в 1631 г. Крепостные крестьяне покидали своих панов и находили защиту среди казачества. Допрошенный в Разрядном приказе А. Бойков говорил: «Да которые де пахолки от панов, пограбя животы, бегают к черкасом, и черкасы де тех пахолков не выдают, и за то де у поляков с черкасы и бой был... да и ныне де черкасы, где которово поляка наедут в деревне или на дороге, и поймав ево, разстреляют... Да и по ся места де черкасы в непослушанье и с поляки, что их хотят убавить, хотят битца»⁷¹.

Происходили бурные казацкие рады, на которых принимались постановления о продолжении борьбы против шляхетской Польши, свергались гетманы реестровых — ставленники панов, выносились решения о переходе под власть России. 15 августа 1632 г. происходила рада в Черняховой Дубраве, на которой за соглашение с магнатами был отстранен от гетманства Иван Петражицкий-Кулага, избранный гетманом реестровых казаков летом 1631 г. и утвержденный польским королем. Вместе с гетманом были смещены и полковники. Был избран новый гетман, а также «и полковников иных же из чорных людей, которые де преж

⁶⁹ Воссоединение Украины с Россией, т. I, №№ 59, 63.

⁷⁰ Там же, № 63.

⁷¹ Там же, № 69.

сево бились с поляки в прошлом в 138 году под Переяславлем», т. е. из числа участников восстания 1630 г.⁷² Такие же бурные рады, где обсуждались аналогичные вопросы и принимались те же решения, произошли на Массовом Ставу⁷³ и в Корсуни⁷⁴, куда прибыли представители Киева, Переяслава, Чигирина «и изо всех городов». Очевидцы рассказывали, что «унейщиков», т. е. принявших унию, «в ту раду (Корсунскую.— В. Ш.) черкасы не пустили ни одного человека, чтоб они про их думу не ведали»⁷⁵.

В 30-х годах XVII в. притеснения польских панов и старост дошли до крайних пределов. При помощи казацкой верхушки была совершена свирепая расправа с нереестровыми казаками — участниками восстания 1630 г. Составлением реестра занимались полковники Тетеря и Сорока. Они придерживались королевских инструкций о шеститысячном реестре и включили в него только «лутчих людей», т. е. зажиточных, а остальные должны были вернуться на панщину. Реестровый казак Павел Григорьевич Худый на допросе в Разрядном приказе сообщил: «И тех де выметных черкас разобрали в городе урядники и насилуваньє де им чинят великое...»⁷⁶.

Невероятных размеров достиг социальный гнет. Во многих местах крестьянам не хватало времени для «своего домового работы»⁷⁷.

Расставленное на Украине кварцанное (постоянное) войско грабило украинское население, издевалось над ним и его обычаями. По приказу короля и католических епископов православные церкви и монастыри закрывались и передавались католикам и униатам. Знакомый уже нам Г. Рубчинской показывал в Разрядном приказе: «В Киеве де только у белорусцов служба в Печерском монастыре, а достальные де русские церкви в Киеве и около Киева во всех городках запечатаны, а в иных церквах поделали костелы, а в иных поделали конюшни»⁷⁸.

Народные массы были доведены до отчаяния. Усилилось переселенческое движение из Украины в Россию⁷⁹.

Чтобы не допустить беглых с Украины в Запорожье, а запорожцам не дать организовывать морские походы против Турции и ходить на Дон, польский сейм в начале 1635 г. принял постановление о постройке на Днепре замка, «который военной силой, как пешими, так и конными людьми и военным снаряжением будет достаточно обеспечен».

Было запрещено также продавать запорожцам строительный материал для челнов, порох и оружие, а им самим заниматься рыболовством и охотой⁸⁰.

В июле того же года на правом берегу Днепра у Кодацкого порога (отсюда и название крепости — Кодак) была закончена постройка замка, в котором был поставлен гарнизон иностранных наемников. «А которые де запороские козаки из запорог и из городков хаживали на моря и на Дон мима тово городка, и тех де козаков и с тово городка заставные немцы побивали, а которых де козаков немцы имывали в языцех на боях, и теми де козаками в том городке деловали городовые всякие крепости и земляные осыпи»⁸¹.

⁷² Там же, № 72.

⁷³ Там же, № 61.

⁷⁴ Там же, № 74.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же, № 65.

⁷⁷ Там же, №№ 66, 79, 80, 100 и др.

⁷⁸ Там же, №№ 64, 65, 67 и др.

⁷⁹ Там же, №№ 58, 59, 60, 71, 73 и др.

⁸⁰ Там же, № 83.

⁸¹ Там же, № 92.

В августе 1635 г. около 2500 «выписчиков» во главе со своим атаманом Иваном Сулимою, возвращаясь с Дона, где они зимовали после совместного похода с донскими казаками под Азов, разгромили Кодак, уничтожили находившийся в нем гарнизон и захватили артиллерию. «...И за ними вышли из Литовских городков и с Переясловля в погоню письменные казаки»⁸². Это свидетельство современников решительно опровергает версию М. Грушевского о том, что Кодак был захвачен реестровыми казаками.

Подкупленная польскими панами старшинская верхушка реестровых обманым путем схватила Сулиму и его товарищей и отправила их в Варшаву, где они были четвертованы⁸³. На рядовых участников разрушения Кодака также посыпались жестокие репрессии.

В конце 1636 г. против польских властей восстал Чигиринский полк. Большая часть его ушла в Запорожье, захватив с собой пушки из Киева. Симеон Окольский писал, что «неприятель (т. е. украинский народ.— В. Ш.), нимало не страшась королевского могущества, не только лишил коронные войска желанного покоя, но вновь поднял мятежную козацкую саблю, усмиренную было в Куруковском походе, угрожая всем польским гетманам, сенаторам и самому королевскому величеству»⁸⁴. Вот как объясняли причину восстания русские послы в Польше: «Бой был у поляков с черкасы за то, что черкасы живут на шляхетских имениях и города и села поставили на их землях, а оброков им не платят. И они де их на то приводили, чтоб они жили под их волею, и гетманом бы у них быть кому король укажет. И черкасы де в их воле жить и дани им платить не похотели»⁸⁵.

Выступление Чигиринского полка послужило сигналом к широкому народному восстанию 1637—1638 гг.

Во главе восстания встал гетман нереестровых запорожских казаков Павел Михнович Бут, известный под именем Павлюка. Вместе с Сулимою он в качестве «соначальника» участвовал в разгроме крепости Кодак и лишь по счастливой случайности избежал казни в Варшаве. Сторонники Павлюка развернули агитацию против казацкой реестровой старшины, разоблачая ее предательскую роль в деле Сулимы. В конце мая или в начале июня 1637 г. Павлюк с войском напал на Корсунь, захватил там у гетмана реестровых Василия Томиленко войсковую артиллерию, все войсковые регалии и знаки гетманского достоинства, которые и увез на Запорожье⁸⁶. По казацкой традиции, это означало, что Павлюк сбросил всю поставленную польскими панами казацкую старшину и взял власть в свои руки. Из Запорожья Павлюк выступил с выписчиками и стал лагерем у Крылова.

Реестровые казаки, не присоединившиеся к восстанию, избрали своим гетманом переяславского полковника Савву Кононовича.

С целью поднять на восстание широкие народные массы и захватить нового гетмана реестровых и его приверженцев Павлюк отправил в Переяслав сильный отряд в несколько тысяч человек во главе с полковниками Карпом Павловичем Скиданом и Семеном Быховцем. Павлюк послал с ними к переяславским казакам специальный универсал, в котором призывал их сплотить все силы для борьбы с угнетателями и выдать изменников, предавших Сулиму и других вожakov нереестровых⁸⁷.

⁸² Воссоединение Украины с Россией, т. I, №№ 92, 93, 97.

⁸³ Там же, № 97; Мемуары, вып. II, стр. 313.

⁸⁴ Мемуары, вып. II, стр. 171.

⁸⁵ Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 115. См. также № 125.

⁸⁶ Мемуары, вып. II, стр. 171—172.

⁸⁷ Там же, стр. 172—173.

Переяславцы в своем большинстве присоединились к восстанию, выдав Скидану агентов польских панов — гетмана реестровцев Савву Кононовича, писаря реестровых Федора Окушкевича и других предателей. В начале сентября 1637 г. все они вместе с имуществом были доставлены к Павлюку, стоявшему тогда лагерем в местечке Боровица. По казацкому обычаю Кононовича и его сподвижников судили на войсковой раде, которая приговорила их к смертной казни; их имущество было роздано восставшим.

Развернувшееся на Украине крестьянско-казацкое восстание и казнь верных панам руководителей реестрового казачества вызвали серьезное беспокойство среди господствующего класса. По свидетельству Окольского, об успехах Павлюка донес коронному гетману Станиславу Конецпольскому переяславский реестровый казак Ильяш Караимович⁸⁸. Он же выдал Конецпольскому двух сторонников Павлюка — казаков Смоляху и Ганжу. Эти последние, несомненно, под жестокими пытками, сообщили, как это уверяет Окольский, обширные сведения о ходе восстания, об отрядах повстанцев, о нападениях на шляхетские имения, «о великом смятении на Украине и по ту сторону Днепра, об опасности, грозящей шляхетским дворам и даже городам, о том, что многие [паны] бежали из своих имений, многие подверглись нападению и ограблению в своих замках и что впредь можно было опасаться еще худшего: огонь угрожает костелам, сабля — ксендзам и монахам; восставшие намереваются соединиться с донскими козаками и татарами, признать власть московского царя...»⁸⁹.

3 сентября 1637 г. (по н. ст.) Конецпольский издал в Баре универсал, адресованный «всем... панам старостам, державцам, подстаростам, наместникам и урядникам украинным», т. е. землевладельцам и польской администрации на Украине. В универсале панам предлагалось задержать всех участников восстания и доставить их коронному гетману, а прикнувших к восстанию реестровых исключить из реестра и лишить всех прав. «Если бы ваши милости,— говорилось в универсале,— не могли задержать их, то вы должны карать их жен и детей и дома их уничтожать, ибо лучше, чтобы на тех местах росла крапива, нежели разномыслились изменники его королевской милости и Речи Посполитой»⁹⁰.

Одновременно с рассылкой этого кровавого универсала Конецпольский направил посольство «к самому мятежнику Павлюку на Украинну», намереваясь воздействовать на него угрозами. Послы Конецпольского Коморовский и Сокол нашли Павлюка в Чигирине. Они долго и старательно уговаривали и убеждали его «оставить свои замыслы», угрожая, что в противном случае это приведет к лишению казаков «всех вольностей, чести, имущества и к уничтожению на вечные времена самого имени запорожских козаков». Но Павлюк решительно и смело отверг требования Конецпольского. Со своей стороны и Павлюк отправил послов к Конецпольскому.

Отправляя обратно послов Павлюка, Конецпольский вручил им копию куруковских статей 1625 г., рассматривая их как незыблемые условия, на основе которых должно быть прекращено восстание. Оказавшихся в руках карателей видных участников восстания Смоляху и Ганжу, об освобождении которых ходатайствовали послы Павлюка, Конецпольский приказал обезглавить.

После этого Павлюк двинулся с войском к Лубнам, где 11 октября

⁸⁸ Там же, стр. 174.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 108.

1637 г. издал и разослал по всей Украине универсал «Ко всему посполитому народу рода христианского, жительствующему в Украине (имеется в виду Поднепровье.— *В. III.*), за Днестром и по всей Северщине». «Дошло до нас,— писал Павлюк в универсале,— верное известие, что неприятель нашего христианского народа русского и нашей древнегреческой веры, ляхи, задумали зло, идут в Украину и за Днестр и хотят пролить кровь христианскую, учинить поругание над женами и детьми нашими и окончательно нас поработить». В связи с этим Павлюк призывал всех, «от мала до велика», покинуть свои занятия и собраться к нему для отпора шляхетским войскам. У Павлюка был план объединения с донскими казаками и признания власти России⁹¹.

Универсалы, призывавшие к решительной борьбе с угнетателями, рассылал также один из виднейших руководителей восстания, ближайший сподвижник Павлюка полковник Карп Павлович Скидан, о котором современники говорили, что он был «как бы полным гетманом казацким», т. е. заместителем главнокомандующего вооруженными силами восстания. Большой интерес представляет универсал Скидана от 24 октября 1637 г., явившийся как бы дополнением к воззванию Павлюка⁹².

Призывы Павлюка и Скидана организовать повстанческие отряды нашли живой отклик среди народных масс. Из среды крестьян и казаков выдвигались смелые и храбрые руководители, организаторы повстанческих отрядов.

В имениях подкормия черниговского Адама Киселя крестьяне восстали под руководством Мурки и Носка. В имении остерского старосты повстанцев возглавили крепостные Коростель и Пирог. В Ромнах восстали 10 тыс. крестьян. В Киеве действовал отряд Кизима, а в Лубенщине — его сына Кизищенко. В Переяславе организовывал отряды полтавец Яков Острянин. В Гадяче, принадлежавшем самому Конечпольскому, к восстанию присоединились 2 тыс. человек. Восстание охватило также Нежинское воеводство, во главе которого стоял польный гетман Николай Потоцкий. Последний доносил в конце ноября королю с Украины, что «на Заднепровье все до единого показались. Княжеские (И. Вишневецкого.— *В. III.*) городы Ромны и другие дают большие купы своевольных, и все остальные без исключения, и мой Нежин тоже пристал к ним». Общее количество восставших на Левобережье превышало 20 тыс. человек.

Пользуясь замешательством в польском войске (в связи с несвоевременной выплатой жалованья жолнерам), крестьяне обмолачивали хлеб на токах и прятали для восставших зерно в ямах. Это было особенно важно вследствие поразившего Украину в 1637 г. неурожая.

Восстание все более разрасталось. Восставшие громили шляхетские имения и особенно владения крупнейшего магната Иеремии Вишневецкого. «Чернь, бездельные крестьяне, не внесенные в списки и непокорные из реестровцев,— пишет Окольский,— весьма довольные случаем, быстро образовали отряды, которые нападали на шляхетские дома, города и замки в украинских поместьях князя Иеремии Вишневецкого, возмущали крестьян против их собственных панов, оскорбляли уряды, запрещая повиноваться последним, а тем крестьянам, которые когда-либо состояли в казаках, приказывали снова вступать в их ряды, требуя под угрозой, чтобы их паны не препятствовали им в том»⁹³.

⁹¹ Мемуары, вып. II, стр. 174.

⁹² Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 109.

⁹³ Мемуары, вып. II, стр. 176.

В какой форме повстанцы предъявляли свои требования панам, видно из следующего документа, адресованного 6 ноября 1637 г. Скиданом Адаму Киселю: «Ясневельможный милостивый пан, пан подкоморий черниговский. Свидетельствуя вам благорасположение нашего войска и готовность к услугам, пишу относительно товарищей войска Запорожского, проживающих в Девице, имении вашей милости, чтобы они, продавши свое имущество, как можно скорее прибыли к войску, чего им не возбраняйте, ибо они отбывали службу королю его милости, а между тем не волны распорядиться своим имуществом. Полагаю, что ваша милость ни в чем не будете чинить им препятствий и не станете удерживать их, а я и войско готовы будем вознаградить за это»⁹⁴.

Современник утверждает, что «много таких писем послано было и к другим державцам». Последним повстанцы приказывали готовить для себя постой, доставлять одежду, оружие, порох, свинец и лошадей. Спасаясь от справедливого гнева восставших «подданных», паны бросали свои имения «и уходили проселочными дорогами». Так поступили подкоморий черниговский, староста остерский и другие феодалы.

2 ноября 1637 г. коронные войска по приказу короля двинулись в поход на Украину для подавления восстания. Во главе карательного войска стоял польный коронный гетман Николай Потоцкий, один из виднейших магнатов Польши и крупнейших землевладельцев на Украине. Потоцкий собрал огромную армию, состоявшую из шляхетских отрядов, жолнеров, наемных немецких и венгерских солдат, отрядов украинских панов и частью реестровых казаков.

Сбор войска Потоцкий назначил на 23 ноября. Сам он выехал из Летичева к войску в сопровождении Ильяша Караимовича и группы реестровых, хорошо знакомых с порядками в запорожском войске. Они-то и сообщали Потоцкому о местонахождении руководителей восстания и о расположении артиллерии восставших.

26 ноября Потоцкий, находясь в Билиловке, обратился с универсалом к реестровым казакам. Сообщая о том, что он с войском выступил на Украину с целью подавить восстание и принудить восставших к повиновению, Потоцкий под страхом сурового наказания потребовал от реестровых беспощадно расправиться с участниками восстания. «Знайте,— писал Потоцкий,— что в противном случае острая сабля королевских войск уничтожит ваши маетности, ваших жен, детей, имущество и самую жизнь»⁹⁵.

Свирепой расправы с восставшими требовал также универсал короля Владислава IV от 1 декабря 1637 г., адресованный городам и панской администрации. Король требовал от старост, чтобы они «как самолично, так и при посредстве своих урядов и наместников повсюду сурово карали смертью этих своевольников, конфисковали их имущества и с возможною быстротою и суровостью подавляли это своеволие, которое не ценит нашей милости и не заслуживает наших благодетельств, искореняли его мечом и самыми суровыми мерами везде, где оно появится»⁹⁶.

На универсал Потоцкого Скидан ответил, что «казаки уже не дозволят больше выписывать себя, уменьшать свое сословие, да дурачить себя комиссиями». Сам Потоцкий должен был признать, что народные массы «более верили универсалам Скидана, которые летали повсюду один за другим по местечкам, городам и селам», в то время, «когда универсалы гетмана не имели большого влияния».

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же, стр. 179.

⁹⁶ Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 110.

Выступая в Белой Церкви, которую Окольский называет «главным центром окрестных козаков и их полковников»⁹⁷, Потоцкий выслал вперед часть своих сил с артиллерией. Узнав о приближении Потоцкого с войском, основная масса белоцерковских казаков и мещан присоединилась к восстанию, покинула города и ушла в Черкасы. Только около 200 всадников, оставшихся «покорными», выехали навстречу Потоцкому. Последний принял их «милостиво», обещая дать охранные универсалы на имущество и освободить их от солдатских постоев и поборов.

Корсунские реестровые казаки сообщили Потоцкому, что не пристанут к восставшим, и просили его «ускорить наступление» во избежание новых «бунтов и массовых движений». Вследствие такого предательского поведения корсунских реестровых Скидан послал 29 ноября универсал в Корсунь и Стеблев, в котором призывал всех казаков восстать «против этих душманов наших и врагов веры нашей» и в полном вооружении «конно или пешо» явиться к нему в Мошны «для того, чтобы мужественно навстречу неприятелю встать»⁹⁸.

Одновременно, чтобы ввести в заблуждение гетмана Потоцкого, Скидан отправил к нему посольство с письмом, в котором он отрицал, «будто козаки подымают бунты, составляют шайки, нападают на замки и шляхетские дома»⁹⁹. Однако Потоцкий был уже предупрежден Адамом Киселем и другими пострадавшими панями об антифеодалных действиях Скидана.

Тем временем повстанцы крупными отрядами собирались около Чигирина и Корсуни. Высланные Потоцким вперед разведывательные отряды донесли ему, что «шляхта и помещики уходят из своих имений по причине появления значительных казацких партий за Днестром, что полковник Павлюка Скидан собирал раду в Корсуне, но, опасаясь чего-то, ночью отступил к Мошням, а также, что большая часть козаков каневских и стеблевских присоединяется к восставшим»¹⁰⁰. Об этом гетман сообщил командирам частей и, приказав войску «со всею поспешностью и осторожностью направиться к Сахнову Мосту», сам выступил в Богуслав¹⁰¹.

Выработанный польскими гетманами секретный план разгрома восстания заключался в том, чтобы захватить в степи казацкую артиллерию и уничтожить возглавляемых Павлюком запорожцев раньше, чем они соединятся с городами. Однако этот план провалился благодаря быстрому передвижению повстанцев и медлительности королевских войск. В связи с этим Потоцкий принял решение направить восставшим грамоту с требованием полного повиновения. Одновременно он выслал 1/11 декабря к Корсуню и Богуславу сильный разведывательный отряд под командой коронного стражника известного шляхетского разбойника Самуила Лаща. В Корсуне восставших уже не оказалось, — там осталось только немного изменников из числа реестровых. В тот же день к Богуславу, где находился Потоцкий, подошло много новых панских и казацких реестровых хоругвей, полки Жолкевского и коронная артиллерия. На следующее утро пришли хоругви короля, великого коронного гетмана Конецпольского и многих магнатов. Потоцкий немедленно выступил с этими частями и артиллерией к Корсуню. После прибытия Потоцкого в корсунскую крепость Лащ с авангардом двинулся вперед к Сахнову

⁹⁷ Мемуары, вып. II, стр. 181.

⁹⁸ Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 111.

⁹⁹ Мемуары, вып. II, стр. 183.

¹⁰⁰ Там же, стр. 191.

¹⁰¹ Там же, стр. 192—193.

Мосту и остановился на ночлег в селе Нетеребах над Росью. Захватив там несколько десятков повстанцев, Лащ всем отрубил головы.

Наутро Потоцкому были доставлены два языка, сообщившие, что один из видных вожakov восстания Коростель стоит в Драбовке за Росью с отрядом в полторы тысячи человек, что вскоре там ожидается Павлюк с артиллерией и что Скидан находится в Черкасах. Через некоторое время в Корсунь прибыл Лащ, сообщивший Потоцкому о приближении повстанцев. В связи с этими донесениями Потоцкий отправил несколько хоругвей к Драбовке. Только накануне прибытия польских войск там заперлись 2000 казаков. Несмотря на превосходящие силы и лучшее вооружение карателей, казаки, вооруженные одними самопалами, стойко защищались, хорошо используя для обороны болота и рвы, окружавшие Драбовку.

В ночь на 5/15 декабря Потоцкий прибыл в лагерь под Кумейки, подтянув к месту предстоящего сражения значительные силы свежих войск. Первое крупное столкновение карателей с восставшими произошло 5 декабря под Мошнами, где находился уже Павлюк, прибывший туда с 4000 запорожцев. Авангард Лаща не устоял в бою. Понеся потери в живой силе, он отступил под покровом ночи к Кумейкам (7 км от Мошен), где уже находился Потоцкий с главными силами.

В связи с этим боем Павлюк направил старшине, посольству и казакам, находившимся в Домонтове, универсал, в котором сообщал о поражении Лаща. «Настала ночь,— говорилось в универсале,— поэтому нам трудно было гнаться за ними. Но с рассветом будем преследовать неприятеля. Вас же просим и приказываем именем Войска и под страхом строгой кары пусть каждый, кто называет себя товарищем нашим, тотчас подымается за веру христианскую и золотые вольности наши, которые мы кровью заслужили. А сколько в тех городах, т. е. Корсуне и других, опустошено церквей, а в селах вырезано детей и женщин! Поэтому вторично просим вас и приказываем, чтобы застали нас в Мошнах»¹⁰².

Разгромленный под Мошнами авангард коронных войск под командованием Лаща поспешно отступал к Кумейкам. Восставшие по пятам преследовали отступавших. При всем своем презрении к повстанцам Окольский так описывает их наступление из Мошен к Кумейкам: «Наступление крестьян представляло весьма внушительное зрелище: они шли табором, построенным в шесть рядов, с четырьмя орудиями на челе, двумя по бокам и двумя при конце, а в середине между возами шло войско в количестве 23 000, правильно разделенное на полки и сотни; их нельзя было упрекнуть в отсутствии сообразительности и искусства»¹⁰³.

Несмотря на достигнутый успех, положение восставших было тяжелым. В Мошнах восставшие хорошо укрепились, но, выйдя из города, они оказались на открытой равнине перед Кумейками, лишенной естественных преград. Порывистый ветер дул в глаза повстанцам, принося с собой густой дым от подожженной жолнерами соломы, которой было много в тесно застроенных Кумейках. Численность восставших была почти в полтора раза меньше панского войска. По признанию самого Потоцкого, войско Павлюка насчитывало немногим больше 10 тыс. чело-

¹⁰² Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 112.

¹⁰³ Мемуары, вып. II, стр. 199. Приводимые Окольским данные о численности повстанцев преувеличены почти в 2½ раза. Окольский делает это умышленно, чтобы сгладить впечатление о поражении королевских войск.

век; карателей же было 14 тыс.¹⁰⁴ К тому же восставшие в большинстве своем были людьми мирного труда, а Потоцкий располагал профессиональными и хорошо обученными воинами. Повстанцы, не в пример неприятелю, были плохо вооружены: значительная часть их не имела ружей и была вооружена лишь рогатинами, косами и секирами. При всех этих недостатках армия Павлюка, даже по признанию врага, наступала «смело и сердито».

Армия Потоцкого заняла позицию вблизи Кумеек на протяжении полумили. Левый ее фланг был защищен расположенными в десять рядов возами, охранявшимися полком венгерской пехоты. Правый фланг опирался в непроходимое болото; стояли в полной боевой готовности пехотные полки с артиллерией. Павлюк начал наступление на правый фланг Потоцкого, но не смог переправиться через болота и поэтому повел свой табор в направлении левого фланга. Когда восставшие достигли центра польского войска, Потоцкий, построив часть сил своих «лавою», преградил им дальнейшее движение. Павлюк принял бой.

Сражение при Кумейках повстанцы начали стрельбой из пушек и самопалов. Под прикрытием дымовой завесы Потоцкий выдвинул вперед драгунские хоругви, подкрепленные артиллерией, из которой производили, по описанию Окольского, «продолжительную и грозную стрельбу». Усилила огонь и артиллерия восставших. Чтобы укрепить свой табор, построенный только в шесть рядов, Павлюк приказал перестроить его, удвоить прежние ряды и создать табор в 12 рядов. Потоцкий приказал прорвать табор повстанцев в том месте, где возы еще стояли в шесть рядов. Это оказалось, однако, нелегким делом. Под ударами хотя и слабо вооруженных и не искушенных в военном деле восставших крепостных панские хоругви несколько раз вынуждены были отступить. На штурм табора повстанцев Потоцкий посылал все новые и новые хоругви. Только ценою больших потерь панам удалось прорвать табор восставших. Перечисляя фамилии погибших в этой атаке шляхтичей, Окольский признает, что «ни одна из хоругвий, проникших в табор, не вышла оттуда совершенно без потери». Сам Потоцкий признавал, что восставшие дрались с необычайной храбростью: «кому не хватало оружия, били жолнеров оглоблями и дышлами».

Проявляя необычайное мужество, восставшие выбили жолнеров из табора и вновь сомкнули его. Тогда Потоцкий приказал части войск прорваться в обоз Павлюка и поджечь находившийся там порох. Во время порохового взрыва иностранная пехота обошла табор восставших и стала обстреливать его центр с тыла. Одновременно на табор непрерывно наступали свежие силы вражеской пехоты.

Ожесточенный бой продолжался до полуночи. Участник боя утверждает, что под Кумейками было «слишком много пролито шляхетской крови»¹⁰⁵. Особенно большие потери понесли наемные иностранные вой-

¹⁰⁴ Эти данные находят подтверждение в русских источниках. Так, свидетели событий казак Кузьма Васильев с товарищами, бежавшие после подавления восстания 1637 г. в Севск, сообщили о бое под Кумейками: «А было де козаков на том бою 10 000, а норяду было с козаками 8 пушек... А поляков де было против козков с похолками, и с немцы, и с козаками, которые козаки предалися к поляком, с 15 000» (Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 113). Окольский сообщает, что у Потоцкого было 6000 польского войска и 8000 реестровых корсунских и белоцерковских казаков (см. Мемуары, вып. II, стр. 194, 206).

¹⁰⁵ Окольский, утверждая, что потери коронных войск под Кумейками составили несколько сот человек, пишет затем: «Впрочем, сумма потерь была гораздо значительнее, так как многие хоругви не представили своих списков и потери их не внесены в общий реестр» (Мемуары, вып. II, стр. 204). Участники этого боя утверждали, что

ска. Многие шляхтичи — старые и испытанные воины — признавались Потоцкому, что «никогда не бывали в столь продолжительном и сильном огне и не видали такого множества трупов в одном месте».

С наступлением ночи восставшие еще раз сомкнули свой табор и под руководством полковника Дмитрия Тимофеевича Гуни в организованном порядке, отбивая атаки превосходящих сил врага, начали медленный отход к Мошням, а оттуда — в направлении на Черкасы и Боровицу. Павлюк, Скидан и другие руководители восстания уехали вперед к Черкаскам с целью организовать новые отряды повстанцев.

На следующий день после сражения при Кумейках польские войска двинулись к Мошням, но Павлюка и его войска там уже не было. В замке оставалось немного людей, не причастных к восстанию, и некоторое количество больных казаков. Кроме того, несколько здоровых казаков скрывалось в погребах. Никого из них каратели не оставили в живых.

Чтобы перехватить у Черкас отступавшие войска Павлюка, Николай Потоцкий послал вперед своего брата Станислава Потоцкого со свежими хоруговьями, не участвовавшими в бою под Кумейками. Командиру передового отряда было приказано, в случае, если повстанцев в Черкасах не окажется, спешить к Боровице и приковать их там к месту до прибытия главных сил карательной панской армии.

9/19 декабря к Черкаскам выступил Н. Потоцкий с главными силами. Впереди следовал коронный стражник Лащ. «Но когда войско пришло к Черкаскам, — рассказывает Окольский, — город пылал огнем так, что опасно было останавливаться в нем»; в результате пожара «уцелели лишь немногие дома близ замка»¹⁰⁶. Из Черкас польское войско вместе с артиллерией выступило к Боровице, где уже находился Павлюк. Он рассчитывал перейти на левый берег Днепра, укрепиться там и увеличить свои силы за счет восставших в Левобережье, однако поспешно наступавшие неприятельские полчища отрезали восставшим путь на левый берег, где стояли в сборе 8000 повстанцев-казаков.

В Боровице Павлюк имел при себе всего 2000 казаков при трех пушках и шести гаковницах, взятых им в Черкасах. Повстанцы оказались окруженными со всех сторон шляхетскими войсками. Восставшие оказывали панам решительное сопротивление, отстреливались и возводили сильные укрепления. Паны свирепствовали, поголовно истребляя всех шедших на помощь Павлюку. Они построили укрепления, опоясали город окопами, отрезали воду, чем поставили окруженных в невероятно тяжелые условия. Повстанцы были «доведены до крайнего отчаяния», свидетельствует Окольский, и запросили «пощады». В ответ им были посланы королевские универсалы, ознакомившись с которыми «чернь оцепенела от ужаса», как пишет Окольский.

Чтобы еще больше ухудшить и без того отчаянное положение осажденных, Потоцкий приказал обстрелять Боровицу артиллерийским огнем, чем был вызван пожар внутри города. В то же время в самом лагере восставших начались несогласия, инициаторами которых были реестровые и агенты польских панов¹⁰⁷. Реестровые начали сеять панику и потребовали переговоров с панами. Представитель противной стороны Адам Кисель пригласил Павлюка, Василия Томиленко, Сахно Черняка, Чечугу и Ивана Лихого якобы для переговоров, но как только они

потери коронных войск достигали почти 3000 убитыми (Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 113).

¹⁰⁶ Мемуары, вып. II, стр. 206—207. Окольский замалчивает тот факт, что Черкасы, как и другие города, были сожжены войсками Потоцкого. Об этом свидетельствует Боплан (там же, стр. 302).

¹⁰⁷ Русский исторический сборник, т. III, стр. 258.

удалились от лагеря восставших, их вероломно схватили и отправили в Варшаву, где, по решению сейма, их предали мучительной казни¹⁰⁸. В живых остался Скидан, находившийся тогда в Чигирине.

14 декабря состоялась рада реестровых казаков. Проводил ее уполномоченный польного гетмана Адам Кисель. Он отобрал у казаков знаки достоинства их гетмана — булаву, знамя, бунчук и печати, назначил им полковников, есаулов, судей и войскового писаря. Затем реестровым казакам был навязан договор, по которому во главе реестрового войска был поставлен известный своей преданностью панам Ильяш Караимович. Ему было приказано в присутствии польских комиссаров составить список реестровых и привести их к присяге. Казаков обязали сжечь морские чайки и «выселить из Запорожья всю чернь, которая превышает число установленной там стражи».

Старшина выдала на расправу панам командира повстанческого отряда Куша и активного повстанца Сачка, обещая разыскать ушедшего в Запорожье Скидана, а также всех «бунтовщиков разыскать и покарать»¹⁰⁹.

Потоцкий торжествовал победу. Он был уверен, что опасность миновала и Украина «успокоена». Гетман распустил свое войско: одну часть он отослал обратно за Днепр на зимние квартиры, другую часть с пушками и пленными направил в Киев; а третью — к Муравским шляхам «на зимние квартиры с приказом всюду подавлять восстание».

Торжество Потоцкого было, однако, преждевременным. Измена старшины реестровых и гибель Павлюка вовсе не означали окончательного подавления восстания. Убедившись в измене старшины, выписчики ушли на левый берег Днепра; вместе с ними ушел и Гуня. Еще в тот момент, когда старшина реестровых покорно приносила присягу в верности Речи Посполитой, стало известно, что всего в четырех милях от Боровицы, в Ирклееве, находится четырехтысячное «крестьянское ополчение» сотника Кизима, который послал своего сына Кизименко в Лубны за пушками, гаковницами и людьми. Кизименко и Дукренко подняли новое восстание на Лубенщине. Их отряды в третий раз за время этого восстания овладели центром огромных владений И. Вишневецкого — городом Лубны (в первый раз город захватил Скидан, во второй раз — Кукла и Скребец). Повстанцы сожгли замок Вишневецкого и уничтожили много шляхтичей. Стало также известно, что за Днепром Скидан собрал новые повстанческие отряды численностью не менее пяти тысяч человек.

Против новых очагов восстания Николай Потоцкий направил карательные экспедиции во главе со своим братом Станиславом и другими панам. Наступила тяжелая пора «пацификации» («умиротворения») Украины. Королевский универсал требовал «огнем и мечом» искоренить восстание. Каратели с неслыханной жестокостью расправлялись не только с восставшими, но и с мирным населением. Сам Николай Потоцкий с главными силами выступил сперва против отряда Кизима и разбил его, а затем направился к Переяславу, все уничтожая на своем пути, «а по его примеру, — пишет Окольский, — и сами паны наказывали своих непокорных подданных то смертью, то лишением имущества».

Возвращаясь в свои поместья, Потоцкий приказал по всему пути своего следования от Ирклеева (Полтавщина) до Нежина (Черниговщи-

¹⁰⁸ См. Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 115.

¹⁰⁹ Присяга старшины реестровых под Боровицей от 14/24 декабря 1637 г. была внесена в городские книги Владимирские 20 февраля 1638 г. за № 40, л. 390 об. (Архив Юго-западной России, ч. III, т. I, № 101).

на) поставить «для страха» виселицы с болтавшимися на них трупами восставших. В Нежине Потоцкий казнил местного руководителя восстания Пирога и пять его товарищей. Из Нежина Потоцкий уехал в Киев, где приказал посадить на кол руководителей восстания Левобережья — Кизима и Кизименко, а полковника Куша обезглавить (январь 1638 г.). «Не для чего иного приехал я в Нежин, — доносил Потоцкий Конецпольскому, — как для того, чтобы видеть этих злодеев на кольях собственными глазами... Если бы я казнил всех виновных так, как они заслуживают, то пришлось бы все Приднепрое и Заднепрое без изъятия вырубить в пень. Но казнь немногих поразит ужасом толпу. Расставив по дорогам сторожами перекрестков десять сотен казненных, я покажу на них пример сотне тысяч. Теперь такое время, что из них можно вылепить что угодно, как из воску, чтоб уж больше это зло не появилось в недрах Речи Посполитой»¹¹⁰.

Участники восстания — крестьяне и казаки — спасались со своими семьями от расправы панов бегством в Запорожье, на Дон, в Путивль, в Севск и другие русские города, уходя «в его государеву сторону и на вечную службу». Спасшиеся от панской расправы передавали жуткие подробности о жестоких истязаниях и массовых убийствах, совершенных польской шляхтой на Украине¹¹¹. Эта жестокая расправа польской шляхты с украинским населением получила в официальной русской переписке название «черкаской погром»¹¹².

Массовым террором Потоцкий стремился запугать народные массы Украины и привести их в покорность. Однако расставленные по дорогам сотни виселиц с болтавшимися на них изуродованными трупами не запугали украинский народ, и восстание вспыхнуло с новой силой.

V

Стремясь не допустить в дальнейшем народных восстаний на Украине и обеспечить «спокойствие» шляхте, главный коронный гетман Конецпольский приказал Н. Потоцкому расквартировать постоянное (кварцное) войско среди населения Приднепровья и Левобережья Украины.

Горячо одобряя эту меру, Окольский указывает, что всегда следует остерегаться «усмиренного неприятеля», особенно такого, как запорожские казаки, которые выдерживали и отражали натиски татарских полчищ, умеют претерпевать голод, жажду и все невзгоды и с неутомимым трудолюбием воздвигают могучие голландские батареи, парапеты, валы и шанцы. Рассматривая Украину как вражескую страну, а посольство и казаков — как «мятежников», шляхетский идеолог считал размещение солдат среди населения лучшим средством предупреждения и «дальнейшего усмирения крестьянского восстания на Украине».

Жолнеры пришли на Украину в неурожайный год. Они были расквартированы в городах и поветах Козельском, Бориспольском, Басанском, Березанском, Гоголевском, Яготинском, Остерском, Нежинском, Борзянском, Прилуцком, Варвинском, Сребрянском, Красноколядинском, Конопотском, Любецком, Березинском, Менском, Сосницком, Коранском, Кролевецком, Лубенском, Лукомском, Лохвицком, Пирятинском, Чигиринском, Дубровском, Роменском, Переяславском, Гадяцком, Миргородском и других¹¹³. Занимая населенные пункты, жолнеры по своему произволу

¹¹⁰ П. Кулиш. Отделение Малороссии от Польши, т. I, стр. 236.

¹¹¹ См. Босоединение Украины с Россией, т. I, №№ 113—115, 122, 124, 125.

¹¹² См. там же, № 125.

¹¹³ Летопись событий..., т. IV, стр. 135.

распоряжались имуществом украинских крестьян и казаков, совершали всяческие бесчинства, насиловали женщин, безнаказанно убивали стариков и детей.

По требованию провинциальных шляхетских сеймиков и на основании их предложений о мерах для предупреждения «своеволия казаков» в феврале 1638 г. варшавский сейм принял постановление, носившее название: «Ординация войска запорожского реестрового, состоящего на службе Речи Посполитой». В «Ординации» шляхетский сейм прежде всего подчеркнул силу и размах народных восстаний на Украине. «Своеволие казацкое, — говорилось в постановлении сейма, — оказалось столь разнузданным, что для его умирения пришлось двинуть войска Речи Посполитой и вести с ними войну», в результате чего «Речь Посполитая спасена от опасности». В связи с этим сейм уничтожил «на вечные времена все льготы, доходы, право на суд и на выбор старшин, которыми они (казаки. — *В. Ш.*) пользовались». Количество реестровых казаков было определено в 6 тыс. человек, остальные же казаки должны были быть «обращены в хлопов», т. е. вернуться в крепостное состояние.

«Ординация» упразднила должность гетмана, вместо которой устанавливалась «должность старшего комиссара». Последний должен был назначаться королем на каждом сейме по рекомендации коронных гетманов не из среды казаков, а из лиц «шляхетского сословия». На комиссара возлагались обязанности «управлять всем казацким войском, предупреждать его бунты, оказывать правосудие обиженным (т. е. панам и шляхте! — *В. Ш.*) и по приказу коронного гетмана являться с войском в означенные сроки и место». Комиссар должен был принести специальную присягу королю и Речи Посполитой. Комиссару должны были подчиняться есаулы, полковники, сотники и все войско, которое вместе с комиссаром подчинялось коронному гетману. Есаулы и полковники должны были назначаться «из шляхтичей, известных непоколебимою верностью» Речи Посполитой. Сотники и атаманы могли избираться из казаков, но доказавших свою преданность королю и Речи Посполитой.

Полки реестровых казаков обязаны были по очереди нести сторожевую службу на Запорожье, затруднять татарам переправы через Днепр, препятствовать сосредоточению нереестровых («своевольных скопищ») на днепровских притоках и островах и мешать им отправляться в морские походы. Находившихся на Запорожье беглых с Украины предписывалось арестовывать и казнить. Осуществление этого требования возлагалось на губернатора Кодака. В «Ординации» подчеркивалось, что реестровые казаки получают известные льготы, но со своей стороны они «не должны вмешиваться в дела, к ним не относящиеся. Особенно же не должны причинять ущерба... доходам (королевским. — *В. Ш.*)»; за этим строго должны были следить комиссары и полковники.

Была выделена комиссия, которая обязана была «определить на вечные времена места казацкой оседлости», поскольку всякие перемещения приносят вред Речи Посполитой и ущерб королевским доходам. Казакам запрещалось селиться в отдаленных украинских городах и приобретать в них имущество. Местожителство казаков ограничивалось Черкасами, Чигирином, Корсунем и некоторыми другими пограничными городами, «где присутствие их необходимо для защиты края от татар, чтобы таким образом устранились поводы для скопища бунтов».

Мещанам и их сыновьям запрещалось записываться в казаки и выдавать своих дочерей замуж за казаков «под опасением конфискации имущества».

С целью расколоть боевые силы украинского народа и превратить

реестровых в верных и покорных слуг, в «Ординации» указывалось, что «реестровые казаки не должны испытывать никаких притеснений — ни личных, ни имущественных»¹¹⁴.

Секретная инструкция сейма предписывала создание при комиссаре особой «гвардии» для борьбы с восстаниями и восстановление Кодака, где должен был стоять сильный гарнизон.

Для захвата Запорожья в начале марта 1638 г. был послан крупный отряд реестровых под начальством ротмистра Мелецкого, получившего чин королевского комиссара. Прибыв к Микитиному Рогу, Мелецкий послал запорожцам письмо, обещая им «милость» короля и панов гетманов, но требуя вместе с тем, чтобы казаки присягнули «на верность» и вернулись на Украину; в противном случае Мелецкий угрожал расправой с их семьями, оставшимися на Украине. Казаки порвали письмо, а послов Мелецкого заковали в цепи. Тогда Мелецкий решил применить силу. Но запорожцы во главе с Гуней разгромили отряд Мелецкого, после чего реестровцы перебежали к запорожцам. Сам Мелецкий еле спасся.

Из донесения русских послов в Польше выясняются неизвестные до сих пор подробности этого события. Мелецкий требовал от запорожцев выдачи «четвертова черкасского атамана, Павлюкова товарища», т. е. Скидана, и послал для этой цели к запорожцам «сотника да двух товарищей своих шляхтичей». Но запорожцы «того сотника и шляхтичей переимали и приковали к пушкам. А с вестью выслали к Мелецкому тех шляхтичей пахолка, а приказали с ним: покаместа их, черкас, мочь будет, по та места они за веру и за свои головы, которых король и вся Речь Посполитая побили безвины, будут против поляков стоять; а Мелецкому велели сказать: только ево достанут самото, и ему де у них быть так же приковану. И Мелецкой де осердился, ходил на черкас, и черкасы Мелецкого побили и хоругви поимали, а сам де Мелецкой з бою ушел в Бар городок... А было де в те поры черкас в собрание, как побили Мелецкого, с 6000»¹¹⁵.

В донесении от 1 марта 1638 г. Мелецкий жаловался наместнику гетмана на Украине Станиславу Потоцкому, что с помощью казаков столь же трудно воевать против украинского народа, «как пахать волками». Мелецкий советовал Потоцкому установить посты, чтобы не пропускать по Днепру к запорожцам продовольствия и подкреплений, поскольку «те, которые кочуют на Запорожье, являются вожаками всего своеволия». В заключение он просил немедленно сообщить обо всем полному гетману Николаю Потоцкому, «чтобы своевременно предупредить это своеволие, подавить его и установить в стране порядок и спокойствие»¹¹⁶.

Со своей стороны Ильяш Караимович разослал по городам письма к реестровым, требуя, чтобы они не допускали бегства людей на низовья Днепра и на Дон. Станислав Потоцкий в многочисленных универсалах угрожал конфискацией имущества и смертной казнью каждому, кто станет отправлять в Запорожье муку и другие необходимые казакам продукты.

Невероятных размеров достиг шляхетский террор. За малейшее подозрение бросали в тюрьму. В Нежине, где была расположена ставка гет-

¹¹⁴ В русском переводе «Ординация» опубликована в Мемуарах, вып. II, стр. 286—288 и в сб. «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 149; на польском языке — в «Volumina legum», т. III, СПб., 1859, стр. 440.

¹¹⁵ Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 115.

¹¹⁶ Історія України в документах і матеріалах, т. III, № 77.

манского наместника, три тюрьмы были переполнены «подозрительными». Имущество участников восстания конфисковалось и передавалось карателям¹¹⁷.

Чтобы расправиться с запорожцами за разгром отряда Мелецкого, в первой половине марта выступили в Запорожье коронные войска в числе около 1000 чел. и 4000 реестровых под командованием С. Лаща и Ильяша Караимовича. Целью этого похода, как свидетельствовали запорожец Сергей Михайлов с товарищами, являлось «вывести казаков и достальных из Запорог в Литовские (т. е. украинские.— В. Ш.) города под панскую праву». Но по дороге в Сечь за Крыловым, на Желтых Водах, «казаки запорожские, сложаясь с татарами», разбили карательное войско, так что едва одна треть его спаслась¹¹⁸.

Тем временем гетманом на Запорожье был избран популярный среди казаков полковник Яков (Стефан Криштоф) Острянин, который во время восстания 1637 г. организовывал повстанческие отряды на Полтавщине. После восстания Острянин был занесен польскими властями в списки лиц, подлежащих розыску и казни.

Собираясь снова поднять восстание и двинуться из Запорожья, Острянин проделал значительную подготовительную работу. Были отправлены послы просить помощи у донских казаков для борьбы с панами. Обращение Острянина к донским казакам, как в свое время обращение к ним Павлюка, было не случайно. Донские казаки не раз вместе с запорожцами совершали в первой четверти XVII в. морские походы на турецкие берега. Призыв Острянина, как и просьбы Павлюка, не остался без ответа: донцы прислали ему на помощь отряд казаков.

Чтобы поднять народные массы на восстание, было разослано из Запорожья много агитаторов. Они шли на Покутье, Подолию, Волинь, разносили письма и грамоты в города и наиболее известные православные монастыри, рассказывали обездоленным людям о зверствах панов, о новой народной силе, поднимающейся на борьбу с ними.

В Запорожье собирались силы повстанцев. Полковник запорожских казаков Иван Злый с отрядом в 700 казаков около 20 февраля отправился из-под Чигирина в Запорожье. Об этом узнал С. Лащ, который вознамерился перехватить отряд в пути и уничтожить его. «В крепких местах в лесу» Лащу удалось задержать и окружить казаков. Последние загородились, разложили костры, а сами незаметно ускользнули из лагеря, зашли противнику в тыл, нанесли ему значительные потери в живой силе и захватили 300 лошадей. Запорожский полковник Иван Коростель показал 19 марта в Путивле, что Иван Злый, которого он называет казацким гетманом, послал в Борзну к Станиславу Потоцкому четырех человек «с угрозою о том, чтоб ждали оне, ляхи, к себе гостей их, запорожских казаков, к великому четвергу или к великодную мстить им за то, что оне, ляхи, после присяги своей побивают их, имаючи по городом и по дорогам, и животы их грабя, и жон их муча»¹¹⁹.

Перед выступлением из Запорожья на Украину Острянин издал 20 марта 1638 г. универсал, где описывал неслыханный социальный и национально-религиозный гнет, который испытывали украинские народные массы под игом польских панов. Острянин сообщал «всему поспо-

¹¹⁷ 22 марта (1 апреля) 1638 г., например, король Владислав IV выдал жалованную грамоту шляхтичу Мацею Доманскому, рядовому из хоругви С. Лаща, на право владения конфискованным движимым и недвижимым имуществом руководителя восстания киевских казаков Яцка Острянина и Яхна Жилинского (Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 120).

¹¹⁸ Там же, №№ 116 и 125.

¹¹⁹ Там же, №№ 115, 116, 122, 128.

литому народу малороссийскому», что он выступил из Запорожья «з войском на Украину Малороссийскую для видвижения (освобождения.— В. Ш.) вас, народа нашего православного, от ярма, порабощения и мучительства тиранского ляховского и для отмщения починеных обид, разорений и мучительских ругательств... всему поспольству рода Руского в Малой Росии, по обоим сторонам Днепра мешкающего» (живущего.— В. Ш.). Острянин призывал широкие массы украинского народа присоединиться к запорожцам, когда они придут на Украину, а пока тайно готовить коней, оружие, боеприпасы и продовольствие. Острянин убеждал проявлять бдительность, беречься и опасаться, как ядовитой змеи, реестровых казаков, которых он называет выродками, отщепенцами, людьми, заботящимися только о личных выгодах, врагами и истинными губителями родины, думающими «об упадке отечества»¹²⁰.

Призыв Острянина нашел живой отклик на Украине. Восстание охватило не только восточную Украину, но и Волынь, Галичину и Подолию. В Ромнах население подняло восстание против находившихся в городе реестровых казаков¹²¹. В начале апреля 1638 г. Острянин выступил с запорожцами на Украину. «Одни готовят порох,— рисует Окольский сложившуюся к тому времени обстановку,— другие поставляют людей, деньги и провиант; уже устроили свою больницу в Трехтемирове; Межигорский монастырь шлет им благословение и Печерский воздает честь; на водах уже готовы переправы... Он выходил уже из степей и вступал в заселенную область, но тайком и украдкой, чтобы о нем не знали, ибо силы его были еще малы»¹²².

Узнав о выступлении запорожцев из Сечи, Станислав Пстоцкий, находившийся тогда в Нежине, поспешил с жолнерами и реестровыми к Срибне, чтобы встретить Острянина в степи, разгромить его и не допустить вглубь Украины. Но этот план потерпел крах.

Запорожцы двигались двумя колоннами: одна во главе со Скиданом направилась сухопутным путем, по правому берегу Днепра, на Чигирин; другая, двигавшаяся по Днепру на лодках под водительством Острянина, заняла Кременчуг и ближайшие пункты — Максимовку, Пиву, Черную Дубраву и разбила местный польский гарнизон. Из Кременчуга Острянин двинулся с войском через Хорол и Омельник к Голтве (при впадении реки Хорол в реку Псел), занял позицию между Голтвой и Пслем и укрепился в самом городе. В то же время отряд атамана Сухопо расположился в Жовнине над Сулой. Полковник Гуня, овладев переправами через Днепр в Кременчуге, Максимовке, Бужине и Чигрин-Дубраве (или Черной Дубраве), стремился занять и другие переправы, чтобы разъединить вражеские силы. Шляхта опасалась, как бы восставшие не овладели коронной артиллерией, находившейся в Киеве.

Голтва находится на одинаковом расстоянии от Полтавы и Кременчуга. В то время она имела хорошие естественные укрепления; с двух сторон ее омывали реки Псел и Хорол, а окружающая местность изобиловала обширными болотами и лесами. Не только замок, но и весь город были обнесены крепким частоколом и надворотными башнями. От замка через реку был перекинут всего один мост. Вдоль реки у города тянулись

¹²⁰ Летопись событий..., т. IV. До опубликования в летописи Величко универсал Острянина был издан П. Кулишем во втором томе «Записок о Южной Руси» в 1857 г. Тогда Кулиш назвал универсал «драгоценнейшим документом» (Записки о Южной Руси, т. II, стр. 293). Но прошло 7 лет, и Кулиш в статье «Польско-казацкая война 1638 года» без всяких оснований объявил этот универсал «поддельным документом».

¹²¹ Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 128.

¹²² Мемуары, вып. II, стр. 219. В конце апреля, по свидетельству С. Величко, у Острянина было 12 000 войска (Летопись событий..., т. IV, стр. 205).

глубокие овраги и заросли. Не довольствуясь природными укреплениями, восставшие возвели перед городом от одной реки до другой крепкий вал и обратили находившийся перед валом курган в сильный редут, на котором поставили артиллерию.

25 апреля (ст. ст.) 1638 г. польское войско и реестровые под командованием Станислава Потоцкого подошли к Голтве, где часть реестровых присоединилась к восставшим. Не имея возможности пробиться к Голтве через передовой редут восставших, Потоцкий насыпал против него свой вал; он устроил перед ним три окопа, за которыми расположил свой обоз.

Для пробного наступления Потоцкий создал крупный передовой отряд, состоявший из двух полков немецкой пехоты, нескольких тысяч реестровых и хоругви Мелецкого¹²³. Этот отряд должен был построить мост против городских ворот и захватить близлежащий замок. Когда по построенному мосту начали переправляться немцы и реестровые во главе с Ильяшем, чтобы ворваться в город, восставшие встретили их усиленным ружейным огнем и тотчас же подожгли мост. Понеся потери, противник отступил.

С наступлением ночи Потоцкий приказал навести мост через Псел, чтобы утром начать новое наступление. Со своей стороны, Остринин приказал части своего войска по оврагам и трущобам зайти полякам в тыл с двух сторон, отрезать им путь к отступлению и до рассвета атаковать иностранную пехоту. В тылу у польской конницы восставшие поставили на дорогах столбы, навалили ветви и устроили засады в котлованах. К утру 6 мая мост, который строил противник, еще не был готов.

При этих условиях полки иностранной пехоты оказались отрезанными от коронного войска, и им пришлось принять бой в очень густом, болотистом лесу. Когда этим полкам удалось подойти вплотную к валам, за которыми находились повстанцы, то отряды, поставленные Остринином в засаде, вышли из лесных оврагов, зашли неприятельской пехоте в тыл и почти полностью истребили ее. Жолнеры не оказали немцам никакой помощи, да и при желании не могли это сделать, так как все проходы были завалены или крепко оборонялись людьми Остринина¹²⁴.

Кроме иностранной пехоты, сильно пострадала польская конница, не имевшая возможности развернуться в условиях лесистой местности. В этот день, по свидетельству украинского летописца Самойла Величко, поляки потеряли 3½ тыс. человек, причем среди погибших насчитывалось большое количество командного состава¹²⁵.

Участник этого боя, польский войсковой капеллан, считал одной из причин поражения Потоцкого под Голтвой пренебрежительное отношение многих шляхтичей к повстанцам, в которых они видели своих пастухов и батраков. Капеллан вынужден был признать несправедливость такого отношения. «Хотя в среде казацкой, — говорит он, — нет ни князей,

¹²³ Величко пишет, что он «в рукописном козацком летописцу» вычитал, что в обоих полках насчитывалось 9800 человек. Он упрекает Окольского за то, что тот не назвал численности этих двух полков, стыдясь писать правду о победе войска Остринина над более многочисленным противником (Летопись событий..., т. IV, стр. 200).

¹²⁴ Величко высмеивает Окольского, утверждавшего, что иностранная пехота якобы выдерживала натиск восставших до самого вечера, пока «им не достало пуль» (Мемуары, вып. II, стр. 223). Ссылаясь на «летописец козацкий», Величко утверждает, что оба немецких полка были уничтожены раньше, чем у них закончились боеприпасы, поскольку из 9800 человек добралось до обоза живыми едва полтораста «в. едних тилько кошулях» (Летопись событий..., т. IV, стр. 202). См. также некоторые подробности боя в сб. «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 132 (показания реестрового казака Владимира Лаврова).

¹²⁵ Летопись событий..., т. IV, стр. 205.

ни сенаторов, ни воевод, с которыми солдат мог бы померяться в битве, зато есть такие люди, что если бы не препятствовали тому составленные против плебеев законы, то среди них нашлись бы достойные называться равными по храбрости Цинциннату, который от плуга был призван в диктаторы, или Фемистоклу»¹²⁶.

Потерпев поражение под Голтвой, Станислав Потоцкий быстро отвел остатки своей армии на северо-запад к Лубнам, т. е. к центру огромных владений могущественного магната Иеремии Вишневецкого на Лево-бережной Украине, где были расположены военные силы Речи Посполитой со складами оружия и продовольствия. Лубны к тому же были стратегически важным узлом многих дорог. Острянин учитывал выгодное положение Лубен и решил помешать Потоцкому закрепиться на намеченных им позициях¹²⁷. Для этой цели он предпринял преследование стремительно отступавшего противника.

Победа Острянина под Голтвой освободила от панского гнета всю крайнюю юго-восточную Украину — территорию между Пслем и Ворсклой. Через эти земли Острянин мог свободно общаться с запорожскими и донскими казаками, а также со Слободской Украиной, входившей в состав Русского государства и ставшей за последнее время убежищем и опорным пунктом украинских повстанцев.

После разгрома под Голтвой шляхта вместе с польской администрацией бежали в Лубны и на правый берег Днепра. Ряды повстанцев непрерывно увеличивались¹²⁸. Чтобы охранять переправы и не допустить перехода польских войск с правого берега на левый, повстанцы направили отряд в 500 человек к Днепру.

Острянин надеялся, что по пути к нему присоединятся отряды восставших и донских казаков, которые шли ему на помощь. Надежды Острянина были вполне обоснованы. Значительные силы восставших под руководством Скидана были собраны в Чигирине, оттуда должно было подойти к Лубнам несколько отрядов. Один из этих отрядов, которым командовал путивлец Мурка, состоял из донских казаков, людей опытных в военном деле, смелых и решительных, готовых до конца драться с угнетателями¹²⁹. Отрядом чигиринцев командовал Секирявый. Со стороны Киева должны были подойти новые отряды, организованные Соломой и другими вожаками.

Однако, подойдя к Лубнам, восставшие оказались в крайне невыгодных условиях. Отступавшая армия С. Потоцкого успела расположиться лагерем под Лубнами и укрепиться над рекой Сулой, причем река и мост через нее были в тылу польской армии и в случае необходимости она могла отойти к Лубнам на крутой берег Сулы. Армия Потоцкого успела отдохнуть и пополниться за счет подошедших подкреплений — конницы И. Вишневецкого и других шляхетских отрядов. Не давая Острянину возможности принять боевой порядок и укрепиться, Потоцкий сразу начал бой. Острянин оказался вынужденным начать битву, имея утомленное войско и без подкреплений, которые не подошли. Уже под огнем противника он должен был выбирать боевые позиции, выпрыгать лошадей и устраивать табор.

¹²⁶ Мемуары, вып. II, стр. 225.

¹²⁷ Участник этих событий утверждает, что Потоцкий обманным образом предложил повстанцам прийти к Лубнам «будто для миру» (Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 132).

¹²⁸ Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 132.

¹²⁹ Интересен отзыв врага об отряде путивльца Мурки: «Полк этот своеволием и мятежным духом превосходил почти все остальные и в состав его, между прочим, входили опытные в военном деле донские казаки...» (Мемуары, вып. II, стр. 226).

Бой начался артиллерийской и ружейной перестрелкой с обеих сторон. Пользуясь превосходством сил и хорошо укрепленными позициями, Потоцкий предпринял окружение противника. В то время как он с коронным войском наступал с фронта на табор и артиллерию Острянина, реестровые казаки, возглавляемые Ильяшом Караимовичем, укрывшись в устроенные ими «гуляй-города», чтобы обезопасить себя от выстрелов, наступали на повстанческое войско с флангов. Восставшие оказались в чрезвычайно трудном положении, но они героически сражались. Много раз табор восставших оказывался разорванным, но, напрягая все свои силы, они снова и снова восстанавливали положение, мужественно отражая бешеные атаки врага. Бой длился целый день и весь вечер 6 мая, но Потоцкий, несмотря на значительное превосходство в силах, не смог добиться перевеса над восставшими. Наконец Потоцкий отвел свои войска, чтобы начать новое наступление и атаковать «лавою» всю продольную линию табора Острянина. Пользуясь сумерками и густым дымом от артиллерийской стрельбы, Острянин выпустил на «гуляй-города» реестровых и иностранную пехоту почти всех своих лошадей без всадников. Реестровые и наемники приняли густую массу бешено мчавшихся лошадей за новое нападение повстанцев и в течение двух часов отбивались от мнимого противника непрекращавшейся ружейной стрельбой. Острянин использовал это время для того, чтобы отвести свой табор в более безопасное место. Бой прекратился поздней ночью из-за темноты¹³⁰.

Потоцкий намеревался с утра следующего дня возобновить бой и уничтожить повстанцев. Однако восставшие, пользуясь ночной темнотой и проявляя огромную выдержку, переправились через топи и болота, незамеченными оторвались от противника и скрылись в неизвестном направлении. Острянин отвел восставших вверх по р. Суле и укрепился под Жовнином.

Не обнаружив утром 7 мая войска восставших, Потоцкий послал в разведку две хоругви коронных войск и несколько сот реестровых, приказав им уничтожить мост под Миргородом. Отряд Потоцкого по пути натолкнулся на какое-то войско и вернулся обратно. Как потом выяснилось, это войско состояло из повстанческих отрядов, которыми командовали путивлец Мурка и кременчужанин Репка.

Потоцкий решил воспользоваться тем обстоятельством, что Мурка еще не знал об уходе Острянина из-под Лубен, и навязать ему бой в невыгодных для него условиях, в открытой и безводной степи. Высланные вперед хоругви завязали бой с войском Мурки и, отступая, привели его к столкновению с главными силами Потоцкого, значительно превосходившими силы повстанцев. Несмотря на это, Мурка решил не отступать, а принять навязанный ему неприятелем бой. Повстанцы быстро окопались и насыпали вал, за которым устроили табор. Поскольку войско Мурки заняло позиции в открытом поле, где не было никаких

¹³⁰ Несколько другую картину боя под Лубнами нарисовал реестровый казак Владимир Лавров: «И как... черкасы появились на поли меж речки Салоницы и реки Сулы, и полковник де Потоцкой Станислав со всеми своими польскими людьми и с листовыми казаки пошел против запорожских черкас. И черкас де в ту пору ляхи на бое побии многих, и бой де был меж их большой. И черкасы де ляхов сперли, гнали до Лубен и побии де ляхов многих. И ляхи де многие свой табур пробежали мимо к городовому мосту, что под Лубнами на реке на Суле, и мост де ляхи обломали, и в реке де многие ляхи потанули. И черкасы де стали табуром на поли под Лубнами меж рек Сулы и Солоницы, а ляхи де сели в осаде в Лубнах». Лавров утверждает, что под Лубнами было 12 тыс. повстанцев (Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 132). По другим данным, их было 15 тыс. человек (там же, № 135).

естественных преград, Потоцкий, чтобы отрезать ему пути отступления, окружил его со всех сторон и начал усиленный обстрел табора с последующими непрерывными атаками. Повстанцы стойко отражали все вражеские атаки. Бой длился целый день. Зной, жажда и голод истощили силы восставших. В таборе было много убитых, непрерывно раздавались стоны раненых людей. Не считаясь со значительными потерями, Потоцкий к исходу дня повел свои хоругви в стремительную атаку. Обессиленные повстанцы не были в состоянии оказать сопротивление. Лагерь восставших был прорван. Окольский утверждает, будто в этот момент повстанцы изъявили покорность, обещали разойтись по домам и выбрать себе нового старшего. Но Потоцкий, обещав «милосердие», потребовал выдачи Мурки и Репки, а повстанцам приказал остаться на службе под начальством Ильяша Караимовича. 9 мая были выданы Мурка и тяжело раненный Репка, после чего разъяренные жолнеры ворвались в табор и устроили беспощадную резню повстанцев. Из двух тысяч человек спаслось всего около сотни¹³¹.

Гибель отряда Мурки и Репки не оказала влияния на общий ход восстания, которым был объят весь район Сулы, Хорола и Псла. Только в одних Ромнах к восстанию примкнуло 10 тыс. крестьян. К восстанию присоединились также работники будов Вишневецкого, которых много было в галтычанских лесах. В Миргороде Острянин нашел большой запас селитры и изготовил много пороха. В Чигирине и Черкасах созданием запасов боевого снаряжения и продовольствия руководил Скидан. На правом берегу Днепра повстанческие отряды под предводительством Соломы и Саввы Киевлянина захватили города Ржищев, Терехтемиров, Триполье, Стайки и др. Это помогло Острянину уничтожить все переправы по Днепру. Восстание охватило также тылы польской армии — Левобережье Украины и Северщину. В начале июня четырехтысячный отряд повстанцев напал на владения киевского подстолия Максимилиана Брезовского, в то время, когда он отправился в армию Потоцкого. При нападении на имение и замок пана Брезовского в Триполье повстанцы забрали продовольственные запасы, скот, движимое имущество, уничтожили юридические документы¹³². Отряд подстаросты черниговского, выступившего против восставших, был разгромлен, и сам он погиб. В это же время Скидан и Быховец с отрядами в 3000 человек неоднократно нападали на Переяслав с целью уничтожить укрепившихся там и поддерживавших связь между Лубнами и левым берегом Днепра реестровых казаков. Связь польского лагеря с Переяславом, Пириатином и Прилуками была нарушена. Массы восставшего крестьянства шли к Острянину из Уманщины. Потоцкий доносил, что восставшие «рассыпались по городам и по всей Украине, давая знать об успехах борьбы с поляками, призывая собираться и бить панов». Весь правый берег Днепра до самого Киева находился в руках восставших народных масс. Отряд запорожских казаков Нестера Бардаченко напал на Киев и заставил его гарнизон запереться в крепости; лишь неожиданный приход польской армии спас гарнизон от разгрома.

Яркую картину развертывания восстания на Украине рисует Львовская русская летопись: «А на Украине козаки броили и ляхом деспекти чинили, немцов, як мух били ..., мнихов в костелех палили едны, а другие гумна молотили ездячи, стада займовали, мяса до бочок солили, живность себе готовили, а потом, подъехавши под ляцкий обоз, вшитки

¹³¹ Мемуары, вып. II, стр. 229—234.

¹³² Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 140.

коне займили...»¹³³. Величко также свидетельствует, что «мужики, оставивши отечество и к ним (восставшим.— В. Ш.) присовокупившись, зело умножили»¹³⁴. Заготовки продовольствия, которые делали повстанцы, имели важное значение в неурожайный 1638 год.

Правительство и военное командование Речи Посполитой приняли срочные меры к подавлению восстания. Войску были объявлены значительные льготы, жалование было выдано раньше срока и т. д. С. Потоцкий, не имея достаточно сил, чтобы преследовать Острянина, отправил в различные стороны карательные отряды. Один из таких отрядов во главе с ротмистром Хржонстовским 27 мая обнаружил казаков, плывших вверх по Днепру. Желая помешать им продвигаться вперед, каратели разъезжали верхом по берегу реки и вели перестрелку с казаками, однако задержать их так и не удалось.

По приказу короля, на Украину спешил польный гетман Николай Потоцкий. К Лубнам подходили свежие и хорошо вооруженные отряды магнатов и шляхты. В начале июня к лагерю Станислава Потоцкого подошли гусарская кавалерия, казацкая артиллерия и отборная пехота общей численностью более 4 тыс. человек с 15 пушками. Только отряд князя И. Вишневецкого насчитывал полторы тысячи человек (в том числе 100 венгерских наемников) и 6 орудий с полным комплектом боеприпасов.

В то время как неприятель концентрировал и пополнял свои силы, Острянин допустил крупную ошибку, свойственную многим руководителям крестьянских восстаний. Намереваясь организовать нападение на польский лагерь, находившийся в Лубнах, и помешать присоединению к нему отрядов Вишневецкого, Острянин вместо концентрированного удара главными своими силами рассредоточил их. Он выслал вперед крупный отряд, по сторонам разослал сильные сторожевые отряды, а сам остался с небольшой частью войск на правом берегу болотистой и трудной для переправы речки Слеспород между Яблоневом и Лубнами.

Этим воспользовались душители восстания. Крупные свежие силы коронных войск 31 мая напали на лагерь при Слеспороде. Острянин отбивался весь день, а ночью ушел в Лукомль на р. Суле (в 25 км от Лубен). В ту же ночь, вскоре после ухода Острянина, к Слеспороду подошел полуторатысячный отряд повстанцев во главе с Секирявым. Это был старый казак, опытный воин, участник морских походов и известный руководитель повстанческих отрядов. Желая рассмотреть, кто находится в лагере, Секирявый отошел от своих и залез на высокий дуб. Его заметили реестровые; они окружили его, схватили и выдали Вишневецкому. Если верить Окольскому, то реестровые «были так довольны, как будто держали уже самого Острянина»¹³⁵. Люди Секирявого, потеряв командира, не сдавались. Они отошли в болота и заросли, устроили засеки и изгороди. Попытка реестровых добить их в засеках оказалась безуспешной. На следующий день, по приказу С. Потоцкого, проводились непрерывные атаки на изнуренных повстанцев, но они упорно оборонялись, нанося врагу большой урон. Под натиском превосходившего их во много раз противника осажденные отходили вглубь болот и различными путями пробирались к Острянину¹³⁶.

¹³³ Русский исторический сборник, т. III, стр. 258.

¹³⁴ Летопись событий..., т. IV, стр. 16.

¹³⁵ Мемуары, вып. II, стр. 238.

¹³⁶ По некоторым данным, Острянин, узнав о гибели Секирявого и поражении его отряда, решил отступить к Ромнам, а оттуда перейти на территорию Русского госу-

Для преследования Острянина С. Потоцкий выслал несколько хоругвей, поставив перед ними задачу захватить переправу и мост на р. Суле. Однако этот авангард был разбит восставшими и, по признанию самого врага, едва добрался до Лубен. Для захвата моста был выслан еще один отряд, но безрезультатно. Только главным силам С. Потоцкого удалось овладеть мостом, уже подожженным повстанцами. С приближением коронных войск Острянин отошел к городу Жолнину, преследуемый неприятелем. Следует отметить, что Острянин отступал в полном порядке и своими непрерывными переходами стремился измотать войско неприятеля.

На рассвете 3 июня С. Потоцкий своими главными силами настиг на правом берегу Сулы сильно утомленное крестьянско-казацкое войско. Острянин избрал прекрасную позицию между Сулой и ее левобережным притоком. Местность эта была с трех сторон окружена водою, болотами и зарослями. Оставалось укрепить фронтальную линию, устроить табор и окопаться, чтобы сделать позицию неприступной. Но враг успел помешать Острянину. Развернулись военные действия невиданных до сих пор размеров. Лучшие хоругви Вишневецкого, Потоцкого, Четвертинского и других магнатов ворвались в лагерь Острянина, разорвали его надвое, захватили весь запас пороха, четыре пушки и продовольствие. Неожиданность нападения, превосходство противника в численности и вооружении внесло в начале боя расстройство в ряды повстанцев. Часть пехоты отошла в болото. Острянин с частью конницы переправился вплавь через Сулу и ушел в Слободскую Украину¹³⁷.

дарства, но масса повстанцев потребовала, чтобы он пошел вниз по Суле ближе к Запорожью (Исторія України в документах і матеріалах, т. III, № 78).

¹³⁷ Об этих последних боях, проведенных Острянином, см. также рассказ участника — миргородского казацкого сотника Григория Кудри (Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 135). Вместе с Острянином перешли на «вечную службу» в Русское государство его сын, а также войсковой есаул, войсковой дяк, 10 сотников, 9 пятидесятников, 102 десятника, 887 рядовых казаков, два священника. Кроме казаков, с Острянином пришли еще мещане и крестьяне с семьями, общей численностью свыше 3000 человек. По пути следования в Путивль гетман и полковники Василий Боговцев и Онуфрий Попов объявляли населению, что кто желает идти в Русское государство «на вечную службу, и они б шли бесповоротно на вечное строенье без всякого сумнения». Русские власти отвели пришедшим для поселения Чугуево городище (ныне город Чугуев в Харьковской области), наделили их землей, огородами, всякими угодьями, лесами, оказали помощь для первоначального обзаведения, выдали им оружие, порох, свинец. Уже 21 февраля 1639 г. белгородский воевода П. Пожарский доносил о постройке чугуевских укреплений. Через некоторое время (после февраля 1641 г.) Острянин был убит недовольными им казаками (Воссоединение Украины с Россией, т. I, №№ 135, 145, 153, 178, 195, 196; Д. И. Багалей. Материалы для истории колонизации степной окраины Московского государства, Харьков, 1886, № 4, стр. 15—16).

Почти одновременно с Острянином пришли в Путивль с миргородским сотником Григорием Кудря жители Миргорода, Гадяча, Зенкова и «собралось де запорожских черкас з женами и з детьми со 300 человек, да мещан и пашенных людей тысячи з две и больши з женами ж, и з детьми, и со всеми животы» (Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 135). 11 июня в Белгород пришло свыше 4000 украинцев (там же, № 136).

Воспользовавшись крестьянско-казацким восстанием на Украине, в июне 1638 г. ушли в Путивль несколько тысяч жителей Гадяча — «подданных» И. Вишневецкого, а также монахи и крестьяне Прилукского, Густынского и Лубенского Мгарского монастырей, монахи и работники Покровского Лидинского монастыря с большим количеством рогатого скота, запасом продовольствия и монастырским имуществом (там же, № 125, 137).

К русским пограничным властям поступали многочисленные требования от представителей польской командования и польской администрации на Украине о выдаче им беглых казаков, мещан и крестьян. Однако русские воеводы решительно отклоняли все эти требования (там же, №№ 114, 144, 146, 147 и др.).

Уход Острянина не вызвал паники среди восставших, которые дрались весь день с беспримерным мужеством. Остановив наступление противника, часть повстанцев под руководством полковников Кудря и Романа Пешты восстановила свой табор и замкнула его. Проникшие ранее внутрь его неприятельские хоругви оказались в крепком окружении. Только сильный ружейный огонь и отчаянные усилия войска Вишневецкого, трижды штурмовавшего табор, помогли окруженному неприятелю с трудом выбраться с большими потерями из табора. По свидетельству очевидцев, бой в окружении принял ожесточенный, «кровавый характер». Мемуарист, участник этого боя, писал: «Погибло так много товарищей, рыцарства кварцяного и панского, что, взявшись за перо, нельзя вспомнить о них без горького сожаления»¹³⁸.

Часть повстанцев, оказавшаяся вне главного табора и преследуемая противником, сумела окопаться на Суле, в том месте, где река делает крутую петлю в виде полумесяца, образовала там новый табор, опять приняла участие в сражении и до утра создала шанец от воды до воды.

Гетманом после ухода Острянина был избран известный казачий полководец Дмитрий Тимофеевич Гуня, который под Кумейками удачно отвел, — после прорыва, — лагерь восставших к Боровице и оттуда вместе со Скиданом ушел в Запорожье, где был избран кошевым атаманом.

Будучи избран гетманом, Гуня 3 июня, несмотря на решительное наступление противника, сумел восстановить боевой порядок среди повстанцев, выдержал бой до вечера, вернул пушки и в течение ночи окружил табор окопами. На следующий день, 4 июня, повстанцы закончили сооружение вала. Шляхетские отряды продолжали наступление на табор. Чтобы выиграть время, повстанцы согласились начать переговоры. Послам Потоцкого они предъявили следующие предварительные требования: 1) выдать им Ильяша Караимовича и пять других видных руководителей реестровцев, 2) дать им новые знамена, 3) возвратить им пушки, отнятые у них под Кумейками, и 4) утвердить старшим кого они выберут. Эти условия рассматривались как предварительные, после принятия которых повстанцы согласились продолжить переговоры. Возражения послов не были заслушаны до конца, и им было предложено немедленно удалиться.

В это время в таборе повстанцев стало известно, что Скидан, которого Острянин послал в Чигирин за подкреплением и припасами, уже переправляется через Днепр и в ночь на 5 июня должен прибыть. Так оно и произошло. Но об этом узнал и С. Потоцкий. Чтобы помешать соединению с Гуней отряда Скидана, Потоцкий выслал против последнего четыре кварцянн хоругви и Ильяша с реестровыми. Отбиваясь от вражеских войск, Скидан спешил соединиться с Гуней, однако после удаления от Днепра основной массы отряда Скидана реестровые изрубили оставленные им челны и истребили стражу.

К шляхетскому войску подошло подкрепление, и С. Потоцкий начал 6 июня новое наступление на крестьянско-казачий лагерь. В этом бою был тяжело ранен Скидан. Он был отправлен в Чигирин, но реестровые, узнав об этом, выследили Скидана и выдали его врагу.

Отряд Скидана, а также другие, более мелкие отряды, приходившие с освобожденной от шляхты территории, значительно укрепили основные силы повстанцев. 10 июня к Терехтемировскому монастырю подошел повстанческий отряд в 250 челнов с 1000 чел. конницы. Узнав об

¹³⁸ Из реляции ротмистра Хржонстовского С. Конешпольскому от 14 июня (н. ст.) 1638 г. (Історія України в документах і матеріалах, т. III, № 78); Мемуары, вып. II, стр. 241.

этом, Гуня в ночь с 11 на 12 июня построил мост и, отбиваясь от нападения противника, перевел свое войско на устье реки Старец, впадающей в Днепр, куда еще раньше была отправлена значительная часть обоза.

Лагерь на новом месте был так укреплен, что иностранные инженеры, которые находились в польском войске, удивлялись находчивости и изобретательности Гуни. «Не один инженер,— пишет очевидец,— дивился изобретательности грубого хлопа и его искусству в такого рода сооружениях, глядя на прочные валы, шанцы, батареи и брустверы; и точно, если бы коронному войску... удалось проникнуть в их рвы, перекопы и норы, собственно грудью проломить дубовые палисады и частоколы и мужественно пройти валы и привалки, необходимо было бы, овладев неприятельским окопом, употребить еще больше сил и новой отваги на то, чтобы его самого (т. е. войско Гуни.— *В. Ш.*) добыть внутри этих укреплений»¹³⁹.

Переходя на новые боевые позиции, Гуня рассчитал, что он сумеет войти в окоп над Старцем и укрепиться там раньше, чем подоспеет туда противник. Однако Гуня не знал, что за несколько дней до этого в Киев прибыл польный гетман Николай Потоцкий с большим количеством войска. Оставив по пути обоз и артиллерию, Н. Потоцкий с одной конницей примчался в Переяслав, где расправился с восставшими, а 12 июня неожиданно появился перед новым лагерем над Старцем в то время, когда значительная часть крестьянско-казацкого войска еще не вошла в укрепление и не приняла боевого порядка; она, однако, оказала Потоцкому упорное сопротивление.

К вечеру подошла армия С. Потоцкого. Она ежедневно усиливалась за счет многочисленных шляхетских отрядов пехоты, драгун, гусар. Приходили отряды бискупов, ксендзов, старост, воевод. Отряды коронного гетмана Конецпольского, а также сильный отряд коронного стражника С. Лаща заняли позиции на правом берегу Днепра, чтобы не допустить подкреплений к лагерю Гуни. «Итак,— пишет Окольский,— мятежные крестьяне ежедневно наблюдали из окоп прибытие новых полков (польских.— *В. Ш.*), между тем как сами они не получали никакого подкрепления»¹⁴⁰.

Все попытки гетмана Потоцкого захватить лагерь штурмом не увенчались успехом. Тогда он решил взять восставших измором. Потоцкий приступил к планомерной осаде. Ежедневно и непрерывно он вел артиллерийский и ружейный обстрел окопа восставших, чтобы заставить их израсходовать весь свой порох. Для более удобной и прицельной стрельбы по табору Гуни Потоцкий приказал устроить батарею из дубовых бревен с земляным блокаузом, на вершине которого были установлены пушки.

Чтобы лишить восставших подкреплений, Потоцкий разослал во все стороны отряды, рассеивавшие крестьян, спешивших на помощь осажденным. Каратели сжигали близлежащие села и уничтожали мирное население. В письме к Потоцкому Гуня решительно протестовал против творимых им зверств в отношении мирного населения. Он указывал, что гетман прибыл со всем своим войском, вероятно, для того, чтобы вконец истребить местное население, что разъезды издеваются над безвинными людьми¹⁴¹.

Зверства по отношению к населению и жестокий обстрел окопа на Старце были рассчитаны на деморализацию повстанцев. Однако, несмотря на все лишения, осажденные не теряли бодрости духа и предпринимали

¹³⁹ Мемуары, вып. II, стр. 243.

¹⁴⁰ Там же, стр. 247. См. также: Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 143.

¹⁴¹ Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 139.

чрезвычайно смелые ночные и дневные вылазки, в результате которых шляхетские войска несли большие потери. Одна из смелых вылазок была произведена осажденными в ночь на 12 июля и едва не привела к разрушению батареи и блокгауза противника.

Все же положение осажденных становилось с каждым днем все более тяжелым. Отряды Саввы Киевлянина и других, шедших на помощь к осажденным, были разбиты. Нехватало хлеба, запас продовольствия иссякал, весь дневной паек состоял из куска конины. Перед осажденными стояла задача: или пробиться из окопа, или же пополнить свои запасы и дальше выдерживать осаду. Для того и другого нужно было время.

Гуня проявил себя не только как талантливый военный, но и как незаурядный дипломат. Он затеял с Потоцким переписку, главной целью которой было оттянуть время. Руководитель восстания стремился вбить клин между польским командующим и реестровыми. Говоря о реестровых как о предателях, изменивших своим товарищам, Гуня указывал Н. Потоцкому, что нет гарантии, что они не изменят и полякам. Гуня выставлял требование о сохранении старых казачьих прав и вольностей, зная, что Потоцкий не уполномочен отменить решение февральского сейма 1638 г. В одном из писем Гуня писал: «...Мы готовы умереть и все до последнего сложить свои головы скорее, нежели принять такой мир, как под Кумейками»; нужен такой мир, продолжал Гуня, «чтобы мы не терпели больше таких бед и притеснений и вновь могли оставаться при первых, издавна добытых нашими кровавыми заслугами правах и вольностях наших», чтобы это был мир «без угнетения как для нас самих, так и для бедных неповинных людей без пролития крови»¹⁴².

Учитывая значительные потери, которые шляхетское войско несло убитыми и ранеными, а также наличие большого количества больных, Потоцкий согласился направить к осажденным посольство. Шляхетские послы пытались доказать осажденным, что польный гетман не может нарушить «Ординацию», которая к тому же якобы составлена в интересах казачества. Осажденные не спешили с ответом. Чтобы сделать их более сговорчивыми, Н. Потоцкий назначил на 25 июля, т. е. на 44-й день осады, генеральный штурм окопа.

К валам укрепления была направлена вся пехота — коронная и магнатско-шляхетская — и кавалерия. Вся артиллерия вела усиленный огонь по окопу. Реестровые Ильяша вели прицельный огонь по осажденным. Со своей стороны осажденные применяли различные военные хитрости. Выйдя из окопа и заняв позиции, они при наступлении шляхетских войск поворачивались в направлении окопа, стреляли в него, чтобы жолнеры принимали их за реестровых. Когда неприятельские хоругви проходили дальше, повстанцы начинали стрелять им в спину, и те оказывались под огнем с фронта и тыла. Залегая за бруствером под валом, осажденные допускали солдат поближе, расстреливая их с близкой дистанции. Перед окопом было вырыто и замаскировано множество круглых ям, куда попадали кони штурмующих. Бой продолжался целый день; противник понес большие потери и не добился никакого успеха.

В ходе боя осажденным стало известно, что 27 июля к ним должен присоединиться отряд полковника Филоненко с большим количеством продовольствия и пороха. Для сбора этих запасов Филоненко был послан еще Острийным по селам Чигиринского, Черкасского и Корсунского поветов. Осажденные готовились к встрече отряда Филоненко. Они вытащили на верхние валы пушки, порох и ядра и тщательно охраняли валы,

¹⁴² Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 139.

чтобы дать Филоненковцам возможность безопасно продвигаться у их подножья к воротам окопа.

Отряд Филоненко, состоявший из нескольких тысяч человек отборного войска¹⁴³, двигался в челнах по Днепру к окопу, держась подальше от берега, чтобы не подвергнуться неожиданному вражескому нападению. Источники дают различное описание присоединения Филоненко к главным силам повстанцев. По Окольскому, отряд Филоненко дважды подвергся жестокому нападению шляхетских войск: первый раз — когда он находился еще в челнах (причем конница Лаща якобы нанесла ему большое поражение), и второй раз — при входе остатков отряда в укрепление¹⁴⁴. Величко указывает, что Окольский о Филоненко «написал ложь явную» и «велико разминулся з правдою». Где, спрашивает он, это видано, чтобы кавалерист мог рубить плывущего в лодке? Украинский летописец утверждает, что Филоненко без потерь и со всем запасом продовольствия пришел в ночное время к окопу Гуни и только при входе в окоп ему пришлось выдержать сильный бой. Чтобы препятствовать соединению отряда Филоненко с осажденными, Н. Потоцкий бросил в бой все наличные свои силы, в том числе и охрану, сторожившую находившихся в плену 70 активных участников восстания, которых в ту же ночь казнили.

Гуня вышел с осажденными навстречу Филоненко, который, по словам летописца, «з великим препятствием от поляков» вошел в окоп. Жестокий бой длился с полуночи до утра. По данным Величко, в этом кровавом побоище погибло 875 казаков, а неприятель утром насчитал 5068 трупов и большое количество раненых¹⁴⁵.

Ночной бой и понесенные тяжелые потери еще раз показали Н. Потоцкому не только бесполезность дальнейшего штурма укрепления осажденных, но и невозможность принудить их к капитуляции иначе, как только продолжительной осадой. Но в шляхетском лагере положение было напряженное: уход многих панских хоругвей, острый недостаток продовольствия и невозможность пополнить его запасы в связи с неурожаем, большое количество раненых и больных — все это заставило польного гетмана думать не о дальнейшей осаде, а проявить инициативу в вопросе о немедленном заключении перемирия.

Осажденные, будучи отрезаны со всех сторон, нуждались не столько в людях, сколько в продовольствии. Приход Филоненко не улучшил заметно их продовольственного положения. По этой причине они пошли навстречу предложению Потоцкого о перемирии.¹⁴⁶

Переговоры о перемирии, заключенном 28 июля (ст. ст.), вели уже другие представители старшины — Роман Пешта, Иван Боярин и Василь Сакун.

Согласно условиям перемирия, осажденные и осаждавшие отошли в

¹⁴³ Окольский утверждает, что у Филоненко было 2000 человек, а Величко называет цифру в 5000 человек.

¹⁴⁴ Мемуары, вып. II, стр. 260. Следует отметить, что П. Кулиш в упомянутой его статье и Н. И. Костомаров в «Богдане Хмельницком» и других работах описывают эпизод с Филоненко дословно по дневнику Окольского.

¹⁴⁵ Летопись событий..., т. IV, стр. 263.

¹⁴⁶ Величко утверждает, что в ночь перед перемирием Гуня и Филоненко с небольшим отрядом (по некоторым данным, в 300 человек) ушли в Слободскую Украину. Тем самым, говорит летописец, Гуня «унесл свою молодецкую голову от карая лядского, прити на него мвешого» (Летопись событий..., т. IV, стр. 293). См. также донесение коронного гетмана С. Конецпольского королю Владиславу IV от 19 сентября 1639 г. о переселении Гуни и других на территорию Русского государства (сб. документов «Україна перед визвольною війною 1648—1654 рр.», № 98). Известно, что летом 1640 г. Гуня возглавил морской поход донских казаков (см. Воссоединение Украины с Россией, т. I, № 188).

разные стороны. Крестьянско-казацкое войско категорически отказалось признать «Ординацию» 1638 г., и Потоцкий обещал ее не вводить. Однако Потоцкий потребовал от осажденных выдачи артиллерии, принесения присяги в покорности, признания его, Потоцкого, гетманом, а полковниками — тех, кого он назначит, избрания Корсуня местом примирения с реестровыми и созыва общей рады 9 сентября. Поскольку восставшие решили послать делегацию в Варшаву к королю, то условились, что до ее возвращения должен быть составлен казацкий реестр, а по возвращении делегации казаки обязались сдать в Масловом Ставе пушки, булаву, бунчук, знамена и бубны комиссарам и полковникам, которые будут назначены Потоцким.

Осажденные казаки и крестьяне должны были принести на Старце отдельные присяги. В присяге казаков, кроме обещания верности и преданности, а также полного подчинения пану гетману и новым полковникам, было сказано: «Тех, которые не были наравне с нами в реестре, но пришли к нам из помещичьих имений, удаляем от себя и впредь обещаем не принимать».

При заключении перемирия старшине трудно было на глазах внушительного крестьянско-казацкого войска идти на прямое предательство интересов массы казаков. Поэтому послы просили оставить казаков «при давних вольностях»; не чинить женам и вдовам старинных казаков притеснений; удовлетворить ходатайство терехтемирских монахов и вернуть им их владения и монастырскую казну, захваченную Ильяшом; не запрещать казакам выходить в степи для звериной охоты и на реки для ловли рыбы¹⁴⁷.

Через два дня после заключения перемирия осажденные начали разъезжаться по домам. Войска Потоцкого выступили к местам новой дислокации, сам гетман уехал в Нежин, а оттуда — в Киев. Однако это не означало конца восстания. В ряде мест вспыхнули новые восстания уже после заключения перемирия. Восстание охватило всю Роменщину. Восставшие разгромили шляхетский замок и убили много шляхтичей. Потоцкому пришлось спешно выслать в Роменщину наемную немецкую пехоту. Последняя встретила ожесточенный отпор со стороны роменских крестьян, укрепивших свой лагерь на Суле. Подобные восстания имели место в Гадяче, Звенигородке и в других местах. Однако казацкая старшина нанесла повстанцам удар в спину и пошла на соглашение с магнатами и шляхтой. Каневский полковник Иван Иванович Боярин возглавил карательную экспедицию реестровых против Гадяча, ставившую себе целью найти и казнить «зачинщика бунта», а «остальных привести к должному послушанию».

На Киевской раде 9 сентября старшина предательски капитулировала перед Потоцким, фактически признав «Ординацию» 1638 г. Введение «Ординации» состоялось на раде 4 декабря 1638 г. в урочище Маслов Став (Киевщина). Самойло Величко подчеркивает, что и без того тяжелое положение народных масс еще более обострилось после рады в Маслове Ставе, где «целком уже славу, честь и заслуги войска запорожского изпразнили били и уничтожили, а народ малоросийский посполитой и шляхетний себе поработили и незносии бедстви обложили»¹⁴⁸.

Последовавшее после восстания 1637—1638 гг. десятилетие было временем, когда на Украине, как говорит Величко, «от ляхов злобные беди и крайние разорения... делатись не переставали». Но это время было также периодом агонии польского господства на Украине.

¹⁴⁷ Мемуары, вып. II, стр. 264—268.

¹⁴⁸ Летопись событий..., т. IV, стр. 292.

Польские дворянско-буржуазные историки называли это десятилетие «золотым покоем», а их украинские собратья твердили, что «в это десятилетие Украина заглохла», а «народ безмолвно преклонил голову». Подобное утверждение есть прямая фальсификация истории. Борьба украинского народа против феодалов и феодального гнета, за освобождение от иноземного ига и воссоединение с братским русским народом не прекращалась и после подавления восстания 1637—1638 гг.

Десятилетие, предшествовавшее Освободительной войне, было временем самого жестокого крепостнического гнета, отягощения крестьян и мещан непомерными повинностями и поборами, беззастенчивого грабежа трудящихся масс¹⁴⁹. На защиту интересов панов и шляхты выступало королевское правительство, выдавая панам универсалы и охранные листы и требуя от крестьян выполнения феодальных повинностей, прекращения побегов и беспрекословного подчинения господам¹⁵⁰. В то же время усилились религиозные гонения.

Борьба народных масс Украины в это время не затухала, а приняла более локальный характер. Доведенные до отчаяния крестьяне и мещане отказывались от выполнения феодальных повинностей, убегали с насиженных мест, поднимались против панов, но эти выступления оставались разрозненными. Так, в сентябре 1639 г. выступили против своих феодалов крестьяне дер. Ольховцы, в июне 1640 г. — крестьяне дер. Ляшки, в июле 1641 г. — крестьяне дер. Луково, совершившие вместе с жителями Карпатских гор нападение на имения шляхтича Шеплинского. В апреле 1640 г. отмечено выступление мещан местечка Коростышево Житомирского повета; в начале 1643 г. крестьяне с. Хотинец убили войта, принуждавшего их выполнять барщину; в мае 1643 г. жители местечка Калуш совершили нападение на Подгорецкое имение шляхтича Скульмовского; в августе 1643 г. имело место выступление крестьян Яна Замойского и жителей гор. Котельни, в марте 1644 г. — крепостных Адама Киселя, участвовавших в восстании 1637—1638 гг. и возвращенных затем помещику, в октябре и ноябре 1646 г. — крестьян с. Сторожево и мещан гор. Снятыня и его окрестностей¹⁵¹.

Широко распространенной формой протеста казаков и посполитых было переселение в пределы Русского государства, где они находили спасение от иноземного гнета. Источники указывают, что с 1638 г. и до Освободительной войны на территорию России переселилось свыше 20 тыс. украинцев¹⁵², которые были хорошо устроены на новых местах. Переселенцы с Украины сыграли большую роль в экономическом развитии южных районов пограничной полосы Русского государства и в обороне этой территории от нападений разбойничьих орд крымских ханов. Вместе с тем широкое переселение украинцев в русские пределы способствовало более тесному сближению народных масс России и Украины, усилило стремление украинского народа к воссоединению с братским русским народом в едином государстве.

Рост потока переселенцев в Россию накануне Освободительной войны 1648—1654 гг. был проявлением крайнего обострения классовых, экономических и политических противоречий на Украине. Основные политические противоречия между Украиной и шляхетской Польшей определя-

¹⁴⁹ Воссоединение Украины с Россией, т. I, №№ 183—185, 210, 214, 234, 236, 242, 277, 280 и др.

¹⁵⁰ Там же, №№ 187, 218, 232, 262, 266.

¹⁵¹ Там же, №№ 175, 187, 213, 215, 218, 220, 222, 264, 265; сб. «Україна перед визвольною війною», № 1, 15, 17 и др.

¹⁵² Там же, №№ 113, 118, 119, 122, 124, 125, 167, 187—189, 197, 203, 253 и др.

лись социальными противоречиями между украинским крестьянством и польскими панам. Поэтому крестьянство представляло собой основную движущую силу Освободительной войны украинского народа.

Господство польских панов на Украине, проводившаяся ими политика грубого насилия, жестокой эксплуатации и религиозных гонений глубоко затрагивали коренные экономические и политические интересы не только крестьянства, но и мещанства, казачества, православного духовенства и даже мелкой украинской шляхты. Недовольство различных классов и общественных групп польско-шляхетским гнетом непрерывно возрастало. Украинский народ был поставлен перед исторической необходимостью подняться на вооруженную борьбу за освобождение Украины от иноземного гнета и за воссоединение с братским русским народом в едином государстве.

* * *

Крестьянско-казацкое восстание 1637—1638 гг. занимает одно из важнейших мест в истории освободительной борьбы украинского народа против магнатско-шляхетского господства, против иноземных захватчиков. По своему размаху, по участию в нем широчайших масс посполства и казачества оно было наиболее крупным из всех крестьянско-казацких восстаний конца XVI в. и первой половины XVII в.

Движущей силой этого восстания, как и всех предыдущих и последующих, было крестьянство. Именно этим объясняются многочисленность повстанческих отрядов и длительность восстания. Важнейшую роль в восстании играло нереестровое (запорожское) казачество. В этом восстании особенно тесно переплетались действия крестьян и нереестровых. На большой территории действовали многочисленные крестьянские и смешанные крестьянско-казацкие отряды. Ни в одном восстании на Украине до 1637 г. не участвовали такие крупные повстанческие крестьянские отряды, как отряд сотника Кизима, в котором насчитывалось более 4000 человек, не было таких единодушных выступлений, как в Роменском повете, где в 1637 и 1638 гг. дважды поднялись на борьбу свыше 10 000 крестьян.

Причиной восстания 1637—1638 гг., как и предыдущих, был все усиливавшийся с конца XVI в. феодальный и национально-религиозный гнет иноземных захватчиков. Причины восстания определили его характер: оно носило антифеодальный и освободительный характер. Усиление феодального гнета вело к обострению классовой борьбы, к росту противоречий между украинскими и польскими феодалами, с одной стороны, крепостными, мещанами и казачеством — с другой.

Нельзя, конечно, согласиться с польскими мемуаристами — современниками рассматриваемых восстаний и позднейшими польскими и украинскими дворянскими и буржуазно-националистическими историками, утверждавшими, что главными противоречиями на Украине были религиозные и национальные¹⁵³ и что именно это обстоятельство определило характер восстаний украинского народа против польских и украинских феодалов. Решающим и определяющим моментом во всех восстаниях этого периода была классовая борьба. Борьба против иноземных захватчиков и их агентуры на Украине, борьба против национального гнета, против католичества и унии, против стремления окатоличить и ополячить украинский народ была борьбой за освобождение от чужеземного гне-

¹⁵³ Например, М. Грушевский, признавая наличие на Украине социальных и политических «кривд», утверждает, что «на самом деле все конфликты сводились к национальному синтезу» (М. Грушевський. Історія України-Русі, т. VIII, ч. 2, Київ, 1916, стр. 444).

та, за национальную независимость. Все это, обостряя и усиливая классовую борьбу, несомненно, придавало больше силы, размаха и массовости народным восстаниям конца XVI в. и первой половины XVII в., в которых участвовали широчайшие трудящиеся массы не только Украины, но и Белоруссии.

Национально-религиозные моменты и активное участие такой боевой силы, как казачество, отличали крестьянско-казацкие восстания на Украине рассматриваемого периода от крестьянских восстаний в других странах (Русское государство, Польша). Но этим восстаниям при всем их своеобразии были свойственны черты, присущие всем крестьянским восстаниям. Отсутствовало единое руководство движением. На территории, охваченной восстанием, действовали многочисленные отряды, не подчиненные руководителю восстания, воевавшие независимо от стратегического плана, от нужд и требований главных сил восстания. В начале восстания 1638 г., например, несколько отрядов запорожских казаков захватили Ржищев, Триполье и другие населенные пункты вокруг Киева, а Киев, представлявший собой важнейшую ключевую позицию, не был взят, хотя для этого была полная возможность. Когда польская армия осаждала повстанцев на Старце, она испытывала недостаток в артиллерии. Пушки же, которые привез с собой Н. Потоцкий, проделали опасный рейс от Киева до Старца под небольшой охраной и не подверглись нападению, хотя на этом пути действовало немало больших и малых повстанческих отрядов.

Крестьянско-казацкие восстания на Украине конца XVI в. и первой половины XVII в. имели большое прогрессивное значение, расшатывали феодальные устои, подготовили Освободительную войну 1648—1654 гг., приведшую к освобождению значительной части Украины от чужеземного гнета, препятствовали расширению панской агрессии на восток и подтачивали силы агрессивной Речи Посполитой.

Как известно, в течение нескольких столетий господствующие круги феодально-крепостнической Польши вели агрессивную, захватническую политику по отношению к своим восточным соседям — русскому, украинскому и белорусскому народам, в результате чего взаимоотношения между Польшей и этими народами «изобиловали элементами взаимной отчужденности, недружелюбия и нередко открытых военных конфликтов»¹⁵⁴. Агрессивная восточная политика правящей магнатской клики Польши вызвала решительный отпор со стороны русского, украинского и белорусского народов, приведший к сокрушению былой мощи панской Польши и краху ее восточной политики.

В ходе совместной борьбы усилилось тяготение народных масс Украины к братскому русскому народу. Только самое тесное единение с русским народом могло спасти Украину от поглощения ее панской Польшей и султанской Турцией.

Историческое значение восстания 1637—1638 гг. заключается не только в его размахе и длительности, но и в том, что оно было кануном, предвестником, важнейшим этапом в подготовке и развязывании Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг., завершившейся воссоединением Украины с Русским государством.

¹⁵⁴ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5-е. М., 1950, стр. 182.

М. Н. ТИХОМИРОВ

ЗАПИСКИ О РЕГЕНТСТВЕ ЕЛЕНЫ ГЛИНСКОЙ И БОЯРСКОМ ПРАВЛЕНИИ 1533—1547 гг.

О времени регентства Елены Глинской и боярского правления рассказывают несколько летописей. Важнейшими из них являются Воскресенская, Вологодско-Пермская летописи и Царственный летописец. Все эти летописи были уже известны Карамзину и цитируются им по рукописям в «Истории государства Российского».

Воскресенская летопись, как известно, кончает свое изложение на 1541 году. Ее повествование, относящееся к 8 годам царствования Ивана IV, отличается сухостью, официальным характером и определенным стремлением обелить боярское правление и очернить Елену Глинскую. Таковы известия о «поймании» дядей малолетнего великого князя, Юрия и Андрея Ивановичей. Они носят характер официальных справок, в конечном итоге возлагающих вину за гибель обоих удельных князей на правительницу Елену Глинскую. Великая княгиня велит боярам арестовать Юрия, «берегучи сына». Арестованный Юрий погибает в темнице. Великой княгине приписывается и гибель Андрея Ивановича. По летописи, великий князь и его мать велели арестовать Андрея и посадить его в темницу¹.

Подробный рассказ о событиях обрывается в Воскресенской летописи на 1537 году, затем следуют три кратких известия 1538, 1539 и 1540 гг., известия же 1541 г., в сущности, представляют собой повесть «о приходе крымского царя Сафа Киреа на Русскую землю». Не касаясь вопроса о том, когда появилась Воскресенская летопись как особый летописный свод, отметим только, что время возникновения ее известий за 1533—1537 гг. нужно датировать примерно 40-ми годами XVI в.

Значительно полнее запись о событиях 1533—1547 гг. в Царственной книге и других летописях, связанных с ней общностью происхождения (например, в Львовской летописи). В этих летописях всячески подчеркивается боярское «самовольство», заметно желание перенести на бояр ответственность за политические расправы, совершенные при Елене Глинской. Таков «Летописец, начало царство царя и великого князя Ивана Васильевича»² и ему подобные, которые, в противоположность Воскресенской летописи с ее боярскими тенденциями, отражают взгляды Ивана Грозного. Но и тут и там в летописных известиях виден скорее позднейший редактор, старавшийся осмыслить прошлое в определенных рамках, подсказанных ему политической обстановкой своего времени, чем очевидец и участник событий.

¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 286—294.

² ПСРЛ, т. XX, стр. 419.

Значительно ближе к событиям времени Елены Глинской стоит Вологодско-Пермская летопись, щедро цитируемая Н. М. Карамзиным и до сих пор, по какому-то недоразумению, остающаяся ненапечатанной. Карамзин называет ее ветхим Синодальным летописцем № 365³. Летопись заканчивается известиями 1533—1538 гг., заимствованными из двух различных летописцев. По своему характеру она является лучшим источником по истории правления Елены Глинской и носит черты довольно явной близости к великокняжескому двору.

Для истории 1533—1547 гг. несомненное значение имеют и другие летописные своды, в частности новгородские и псковские, но в них мы встречаем записи авторов, порой мало осведомленных о событиях в Москве. Особенно это чувствуется в сообщениях псковских летописцев. Одни из них явно враждебны Ивану IV, другие — благоприятны, но и те и другие повторяют слухи да жалобы псковичей.

Большие летописные своды составлялись на основе ряда источников. Среди этих источников найдем официальные записи, отдельные повести, выписки из разрядных книг о назначении воевод и т. д. Необходимо предполагать и существование летописных записей, принадлежавших частным лицам. Великолепным их примером являются некоторые записи Ермолинской летописи⁴, пополненной известным архитектором и деятелем конца XV в. Василием Дмитриевичем Ермолиным. Близкие участники или очевидцы событий нередко выступают перед нами в записях, помещенных в списках Софийских летописей и других летописных сводов, но установить их авторов чрезвычайно трудно. Ведь в больших летописных сводах соединены обычно известия, заимствованные из разных источников и от разных авторов.

Но вот перед нами летописец, известия которого носят черты одновременно и большой осведомленности в политических событиях, с одной стороны, и неофициальности их происхождения — с другой. Этот вновь найденный отрывок летописца мы условно назовем Постниковским летописцем.

Летописец этот был сообщен мне В. Н. Шумиловым. Он хранится в собрании рукописей Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), в числе рукописей собрания Оболенского (№ 42, прежний № 164).

Рукопись представляет собой отрывок летописи, написанный в 4°, на 63 листах, скорописью середины XVI в., без конца и без переплета. В бумаге имеется знак сферы (половины XVI в.).

Отрывок включает в себе русскую летопись, начинающуюся продолжением 1503 (7011) г.: «Того же лета приидоша на Москву послы литовские от короля Александра пан Петр Мнишковский». Далее идет текст, сходный с Софийской Первой летописью по списку Царского, заканчивающийся известием 19 сентября 1504 г. о литовских послых⁵.

За 1509—1533 гг. летописный текст имеет близость к Софийской Второй летописи, являясь одним из ее источников. С листа 27 вставлено сказание «о великого князе Васильеве смерти»⁶, хотя ранее и говорилось о смерти Василия III: «декабря в 3 день с среды на четверг во фторый на десять час ночи против Варварина дни» (л. 26 об.). Из неизданных известий интересны следующие: «Лета 7034 (1525) ноября в 28 день

³ См. М. Н. Тихомиров. О Вологодско-Пермской летописи — «Проблемы источниковедения», т. III, М.—Л., 1940.

⁴ ПСРЛ, т. XXIII.

⁵ См. ПСРЛ, т. V, стр. 48—54.

⁶ См. ПСРЛ, т. VI, стр. 267—276.

князь велики возложи на великую княгиню Соломаниду опалу. И ноября в 29 день великая княгиня Соломания пострижена бысть в черницы, бесплодия ради, у Рожества пречистые на Рве и наречена бысть инока Софья, и не по мнозе отпустил ея князь великий в Каргополе и велел ей устроити в лесу келью, отыня тыном. А была в Каргополе (!) пять лет, и оттоле переведена бысть в Девич монастырь в Суздаль к Покрову пречистые» (лл. 21 об.—22). Под 7038 г.: «Того же лета августа в 24 день с середи на четверг на шестом часу ноши на память священномученика и апостола Евтихия и на перенесение мощей Петра чудотворца родился великому князю Василью Ивановичу сын Иван от Елены» (л. 25 об.).

Конец рукописи (на листах 49—63 об.) представляет собой особый летописец и охватывает 1533—1547 гг.

Характер Постниковского летописца необычен. Автор его, несомненно, человек, близкий ко двору, хорошо знающий дворцовые новости. Круг интересов автора, впрочем, очень ограничен; он вращается вокруг придворных интриг и внешних событий. Осведомленность автора в дворцовых делах чрезвычайная, можно сказать, исключительная. Он всюду указывает место заключения того или иного боярина или князя, причины опалы, подробности содержания в темнице, даже обстоятельства смерти. Князь Юрий Иванович умер в Набережной палате, «на мертвом и железа обтерли», т. е. уже на мертвом теле пришлось оттирать следы железных оков. Михаил Глинский умер в каменной палате за дворцом; и на его мертвом теле оттирали «железа». Подробно говорится об аресте Андрея Ивановича Старицкого и судьбе его семьи. Жену Андрея с дочерьми посадили на Берсенеvский двор, где раньше сидела княгиня Василия Шемяки с дочерьми. Малолетнего Владимира Андреевича держали отдельно от матери и потом только ей отдали его «в тын», т. е. в место заключения, огороженное тыном. Там он и сидел с матерью до выхода на свободу. Последнее известие указывает на то, что летописец был обработан только после 1540 г., когда Владимир Андреевич с матерью получили свободу и все свои вотчины.

Автор летописца тщательно записывает подробности о политических расправах своего времени, рисуя перед нами картины поразительной жестокости, совершавшейся под покровами тайны и лицемерных вздохов о воле божией. Углицкий князь Дмитрий Андреевич, сын Андрея Васильевича Большого, сидел в Переяславле в тюрьме за тыном 49 лет с семилетнего возраста. В 1540 г. он был переведен на свой двор в том же городе и получил свободу ездить по посаду и полное обеспечение, но вскоре умер. Князь Иван Бельский был «уморен голодом, 11 дней не ел»; одних цепей и оков на нем было пудов с десять, и т. д.

Записывая сведения о политических убийствах своего времени, автор наших записок в то же время интересуется и внешними событиями, в особенности военными и посольскими делами. Тут мы и обнаруживаем, кажется, кем был автор летописных записей. В поле его внимания — литовские и казанские дела. О войне с Литовским великим княжеством сообщается подробно и с подчеркиванием русских успехов. В 1535 г. русские войска воевали до Вильны и за Вильной, а из Литовской земли «дал бог, пришли здорово». В 1542 г. говорится о посольстве в Литву боярина Вас. Гр. Морозова, углицкого дворецкого Фед. Сем. Воронцова и дьяка Постника Губина. Запись об этом посольстве составлена необычно тепло: послы отправились в Литовскую землю с Троицына дня, «того ж лета пришли назад по здорову, исправя посольство».

Но не только литовские дела интересуют нашего летописца. Он хоро-

шо осведомлен о казанских делах, интересно рассказывает о воцарении в Казани касимовского царя Шигалея в 1546 г. Сажали его на царство бояре, кн. Дм. Фед. Бельский и кн. Дм. Фед. Палецкий, да тот же дьяк Постник Губин Маклаков. Перечисление казанских князей, бежавших из города или, наоборот, встречавших послов великого князя, не оставляет сомнения в том, что автор летописца был свидетелем смены правительства в Казани.

Сочетание в авторе записок хорошего знания внутренней и внешней политической обстановки в России 1533—1547 гг., о которой он говорит не понаслышке, а как очевидец, заставляет видеть в нем лицо, хорошо осведомленное и близкое к правительственным кругам. Двойное же упоминание о дьяке Губине Постнике сыне Маклакова может указывать на настоящего автора летописных записей 1533—1547 гг.

Можно, конечно, возразить, что указания на посольство Губина Постника Маклакова имеются и в других летописях, но стоит сравнить записи в Львовской летописи с записями нашего летописца, чтобы разница между ними резко бросилась в глаза. Вместо подробного рассказа нашего летописца о казанских делах, в Львовской летописи читаем краткую и сухую заметку о послах великого князя, посадивших в Казани Шигалея на царство⁷. Сообщения Львовской летописи об уходе посольства в Литовскую землю и его возвращении также носят характер сухой справки⁸. В них нет даже указания на фамильное прозвище Губина — «сын Маклаков», тогда как наш автор под 1509 годом говорит о посольстве в Литву и диака Мити Губы Маклакова.

Губин Постник сын Маклаков принадлежал к роду потомственных великокняжеских дьяков. Отец его Никита Семенович Маклаков вместе с братом Тимофеем были заметными людьми при Иване III. Один из сыновей Никиты, Федор, называвший себя обычно Постником Губиным, сделался дьяком⁹. Время его деятельности в качестве дьяка Разрядного приказа Н. П. Лихачев определяет 1542—1558 гг.¹⁰ Он же считает, что Губин Постник был дьяком Новгородской четверти.

Предположение, что автором летописца был Губин Постник, объясняет нам его хорошую осведомленность в дворцовых интригах, в дипломатических делах, его особенный интерес к делам казанским. Конечно, это только догадка, но она имеет право на существование.

Кем бы, однако, ни был составитель нашего летописного отрывка, он создал источник первостепенной ценности, может быть, даже уникальный по своим особенностям, а именно своеобразные мемуары середины XVI в., изложенные в традиционной летописной форме. Источник этот приобретает особенный интерес, если мы сопоставим его известия со свидетельствами других писателей XVI в., в первую очередь Ивана Грозного.

Иван Грозный в своем первом послании к Курбскому напоминает ему о событиях их малолетства и юности, обращаясь к нему со словами: «Аще убо и юн еси сих лет, но обаче ведети можеши»¹¹. Грозный говорит о боярском самовольстве. Он приводит факты, которые целиком подтверждаются нашим летописцем. Так, Грозный пишет, что ближнего дьяка его отца Федора Мишурина убили «позоровав» на бывшем дворе

⁷ ПСРЛ, т. XX, стр. 466.

⁸ Там же, стр. 461—463.

⁹ Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века, СПб., 1888, стр. 143—144.

¹⁰ Там же, стр. 51 (указатель).

¹¹ Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1951, стр. 31.

Андрея Ивановича Старицкого¹². О том же говорит и наш летописец, рассказывая, как с Мишурина «ободрали» платье донага и «нага» вели до тюрьмы, где ему отсекали голову.

В другом месте того же послания Иван IV смеется над боярским обвинением, «будто матери нашей мать, княгиня Анна Глинского, с своими детьми и людьми сердца человеческая выимали и таким чародейством Москву попалили»¹³. Эти слова о сердцах становятся понятными, если мы прочтем слова нашего летописца о появлении в Москве и других городах «сердечников», которые «вынимали из людей сердца».

Постниковский летописец рисует нам картину безудержного боярского произвола. Только что в 3 часа ночи со вторника на среду 2 апреля 1538 г. умерла правительница Елена Глинская, как тотчас последовали распоряжения нового боярского правительства¹⁴. «Того же дни» были освобождены бояре и дворяне умершего Андрея Ивановича Старицкого. На шестой день после смерти великой княгини ее фаворит Иван Овчина Телепнев был посажен в Набережную палату и там умер в оковах. Через несколько месяцев погиб дьяк Мишурин. Тогда же глава боярской группировки кн. Вас. Вас. Шуйский женился на двоюродной сестре великого князя, а митрополит Даниил покинул свой сан «неволею». В 1540 г. выпущены были вдова и дети Андрея Старицкого и Дмитрий Углицкий.

Бояре выпускали на волю удельных князей и их сторонников, расправляясь со своими противниками. Автор записок прямо обвиняет Шуйских во главе с кн. Андреем в убийствах. «Люди говорили» об Иване и Андрее Шуйских, как об инициаторах убийства кн. Ив. Бельского на Белоозере в темнице.

Автор летописи не выражает своих симпатий открыто. Он как бы регистрирует события, иногда ссылаясь на людей, но за его повествованием всюду чувствуется умный и осторожный очевидец. Его известия о молодом Грозном новы и свежи, это известия очевидца, а не позднейшего редактора и переписчика. Таков его рассказ о том, как великий князь «гонял» по городам. В то время как «Летописец начала царства» только перечисляет пункты, где был великий князь¹⁵, автор нашего летописца не может скрыть своего изумления перед подвижностью Ивана. Он «пригнал на Москву на подводах» 10 декабря в третьем часу ночи «безвестно», потому что в Москве ожидали крымского набега. От Тихвина, замечает с удивлением наш автор, великий князь «перегнал» в 3½ дня до Москвы.

Замечательны и другие известия, разбросанные там и здесь в нашей летописи. Рассказав подробно о страшном пожаре 1547 г., автор добавляет, что после пожара митрополит переехал на жительство в Новинский монастырь, «а князь великий и со всеми бояры к нему на думу приезжал». Так разрешается запутанный вопрос, был ли Макарий участником «Избранной рады». Оказывается, боярская дума не собиралась без его участия. Это же свидетельство является первым, где «дума» названа как учреждение; тут же указан и ее состав: царь, бояре, митрополит.

Постниковский летописец разрешает и другой запутанный вопрос: что означает слово «китай» в применении к каменному «Китайгороду» в Москве. Он сообщает о построении в Москве земляного города — «ки-

¹² Послания Ивана Грозного, стр. 33.

¹³ Там же, стр. 35.

¹⁴ По Львовской летописи она умерла в 2 часа дня, т. е. на рассвете (ПСРЛ, т. XX, стр. 446).

¹⁵ ПСРЛ, т. XX, стр. 407.

тай», а позже — о сооружении такого же города в Себеже («на озере на Себеже зделали земляной город Китай»). Значит, слово «китай» обозначает способ постройки земляных стен, вероятно, от северного слова «китай» — корзина, набитая землей (см. у Даля).

В заключение следует сказать несколько слов о литературных особенностях нашего отрывка. Автор его, по нашему предположению, Губин Постник, пишет типичным деловым языком XVI в., столь характерным для посольских документов этого времени. Говоря о военных действиях, он употребляет обычную терминологию разрядных документов. Об удачном возвращении русских войск из похода обычно говорится: «дал бог, пришли здорово»; словом «стоял» нередко обозначается начальство над полками князя или боярина («стоял в те поры на Опочке Михайло Семенович Воронцов» и т. д.). В языке летописца резко чувствуется московский акающий говор XVI в.

Изложение в летописце лишено даже намеков на церковность. Писал записки дипломат или военный, а отнюдь не духовное лицо, хотя порой и указывается, на память какого святого случилось событие. Это просто привычка датировать события по церковным праздникам, обычная в официальных документах XVI в.

Летописец обрывается на известии о пожаре 1547 г. Губин Постник, по сведениям Н. П. Лихачева, был еще жив в 1558 г. Может быть, и весь летописец приводился в порядок уже после 1547 г. и автор не успел его закончить. Во всяком случае, дошедшая до нас рукопись летописца очень близка по времени к описанным в ней событиям. На это указывают и характерный почерк середины XVI в., и водяной знак «сфера» того же времени.

Перед нами очень интересный историографический памятник — русские мемуары XVI в., облеченные в обычную форму летописных записей.

Ниже приводится подлинный текст летописца за 1533—1547 гг.

ИЗ ПОСТНИКОВСКОГО ЛЕТОПИСЦА

(л. 49). Месяца декабря в 11 день в четверг после великого князя Васильевы смерти в осмы день поймали бояре великого князя Васильева брата князя Юрья Ивановича Дмитровского на Москве, и бояр его и диаков. И посадили князя Юрья в Набережную полату, и там и преставися, на мертвом и железа обтерли. И положиша его в Архангиле на площади на той стороне, где опальные князи кладутца, а отчину его велели на великого князя ведати. (л. 49 об.) Того же лета стоял князь Андрей Иванович в Боровску против короля, пришел в Боровеск на Троицын день. Того же лета августа 3 день отъехал в Литву князь Семен Федорович Бельской да Иван Ляцкой с службы из Серпохова, много учинили пакости земли Московской; Иван Ляцкой, оставя на Москве мать и жену и дочь девицею. Того ж лета зделали одного лета на Москве город землею Китай. Того ж лета августа в 5 день князя Михаила Глинского велел князь великий и великая княгини поимати, и посадили его в камену полату за дворцом, и там и преставися, на мертвом и железа обтерли. И положиша его за Неглинною у Микиты чудотворца, и после того з год спустя выкопали его и погребли у живоначальные Троицы в Сергиеве монастыре. Того ж лета приходили литовския воеводы под Стародуб и под Почеп, тогда ж и Радо (л. 50) гошь сожгли и наместника радогощского Матфея Лыкова с собою свели. А стародубские и почапские посады приказчики городовые, а не Литва сожгли. А пошли литва из земли лета 7043 сентября 4 день. Того ж лета в пяток приходили в Чернигов литва и к Смоленску, и в Рославле литва посады ж пожгли, а на раньи в субботу побегли; наместник на Смоленску тогда был князь Никита Васильевич Оболенской, а на Стародубе был наместник князь Федор Васильевич Телепнев Овчина. Того ж лета приходили гости ногаи с коньми, сорок тысящ лошадей пригоняли, и кони были дешевы. 1533

1535 В лето 7043. В великий мясоед ходили в Литовскую землю великого князя воеводы зиме князь Михайло Васильевич Горбатой Кислой да князь Никита Васильевич Оболенской да князь Иван Овчина и иные многие воеводы со многими со тмочислел. 50 об.)ными людьми, воевали Литовские места до Вильны и за Вильну, и вывоевали: многие места пусты доспели и людей многих высекли нещадно и многое множество Литвы полону привели. А из Литовские земли, дал бог, пришли здорово. Того ж лета июля в 9 день родися князю Андрею Ивановичю в Старице сын Владимир. Того ж лета июля 20 литовския воеводы Гомью засели коромолою, а наместник был на Гомьи князь Дмитрий Щепин. А пришли под город июля 10 день, а город взяли июля 17 на память святого священномученика Анфиногена, а воеводу Гомейского и детей боярских отпустили, ограбив, на Москву. Того ж месяца пришли литовские воеводы Торновской и иные многие воеводы со многими людьми ис под Гомья к Стародуби *, да с ними великого (л. 51) князя изменник князь Семен Бельской. И стояли под городом пять недель, подкопывалися под стену под городовую, да, подкопався, город сожгли и воеводу князя Федора Васильевича Овчину Оболенского и иных воевод с собою свели и детей боярских, а иных детей боярских и чернь побиша безчислено много. А в те поры, как литва была под Стародубом, ходили в Литву великого князя воеводы князь Василей Васильевич и иные воеводы воевали литовские города, во Мстиславле и в Дубровне и в Орше и в иных городех остроги поимали и посады сожгли. А из Смоленска с нарядом был Дмитрий Данилов подо Мстиславлем, и многие села выжгли и полону много привели. В те ж поры как литовские люди под Стародубом стояли, великого князя люди в Литовскую землю за рубеж вшед 30 верст за Опочкою на озере ** на Себеже зделали земляной город Китай, и воевод и людей в городе устроили, и стоял в те по(л. 51 об.)ры на Опочке Михайло Семенович Воронцов, а на Чернице и на Пристани стояли князь Михайло Кубенской да Дмитрий Воронцов и иные воеводы со многими людьми. Того ж лета августа 18 приходили в Рязань крымские мурзы, воевали на Смеде *** и на Безпуте, воеводы были тогда великого князя в Литовской земли со всеми людьми, а князь Андрей Иванович стоял в Боровску ж. Того же году в новом лете сентября Казань отложила, великому князю изменили.

1537 В лета 7045. Царь Казанской зиме января, на всеядной неделе, под Муром приходил, посады под Муромом и сел и деревень пожег, от Мурома и до Новгорода воевал. И ходил за царем из Елатмы князь Михайло Кубенской, а из Володимеря князь Роман Одоевской, да Василей Шереметев, а из Мурома князь Михайло Курбской, тот передовой полк. Тое же зимы в великой мясоед приходили послы (л. 52) Литовского **** короля на Москву, взяли мир на пять лет. Того ж году, по велице дни, пошли в Литву великого князя послы: Василей Григорьевич Морозов да князь Дмитрией Палецкой да диак Григорей Загряжской, о миру против литовских послов. Того ж лета мана 2 отступил с вотчины из Старицы князь Ондрей Иванович, великого князя Васильев брат, на память святых мученик Бориса. Да не доехав Новгорода Великого, воеводы великого князя, князь Иван Овчина и иные, взяли его на душу, что было его пустить на вотчину ***** на его на Старицу. И князь Ондрей приехал к Москве, и князь великий Иван Васильевич и великая княгини Елена велели его поимати. И посадили его в полату в Набережную з дворца, июня 1 день в субботу, на канун заговейна Петрова. А княгиню его посадили в Берсенева двор, где сидела Шемячичевская княгини з дочерьми, а сына его князя Володимера дали Федору Карпову блю(л. 52 об.)сти, а сыну княж Ондрею тогда от рода два года. И у Федора у Карпова княж Ондреев сын побыл немного, и у Федора его взяли да к матери ж его посадили в тын, а был с матерью и до выпуска. А коли князя Андрея в полату посадили, и толды княж Ондреевых бояр, князь Федора Пронского, трех князей Пенинских, князя Ивана да дву княж Юрьев, князя Ивана Хаванского Кривого, Умного Ивана Колычева, князя Бориса Палецкого, велел князь велики и великая княгини казнити их торговою казнию, бити кнутием да всадити в стрельню в наутольную в Свиблову. И сидели и до великие княгини смерти, а князя Федора Пронского ***** тут в тюрьме не стало. Того же лета и преставися князь Ондрей Иванович, на мертвом и железа отерли. И положиша его в Архангиле и где кладут опальные же князи, по конец брата его князя Юрья. Того ж лета имали татарове Туль(л. 53)скую украину, Сежу. Тогда ж убили князя Василья Веригина Волконского. Того ж лета приходили в Одоев крымские татарове, пришли под город о вечерни, а на раньи прочь пошли.

1538 В лета 7046. Апреля в 2 день преставися великая княгини Елена, на память преподобного отца нашего исповедника Никиты игумена Никоимидейского, со вторника на

* Так в рукописи.

** В рукописи на озере дважды.

*** Неясно, м. б. Смедве

**** В рукописи литовско и стоит выносная буква г.

***** В рукописи натчину

***** В рукописи прон, с выносным н

среду, в 3 часа ночи* и положена бысть в Вознесения. Того ж дни князь великий Иван пожаловал княж Юрьевых бояр Ивановича, из нятва велел выпустити, а княж Одреевых Ивановича бояр пожаловал: князя Ивана Одреевича Хованского, да трех Пенинских, да князя Бориса Палецкого, да Ивана Умного Колычева, и диаков княж Одреевых, и всех детей боярских, и дворян его. Того ж лета июня дал князь великий Иван Васильевич сестру свою двуродную, княжну Настасью (л. 53 об.), княж Петрову дочь царевичеву, за боярина за своего за князя за Василья за Васильевича за Шуйского. А после великие княгини смерти в 6 день великого князя бояре поймали князя Ивана Овчину Теленнева и посадиша его в полату в Набережную, где Глинской сидел, и тягость на него, железа, ту же положиша, что и на Глинском, там и преставился. Лета 7047 октября 21 день бояре поймали диака Федора Мишурина на княж Одреевском дворе, платье его с него ободрали до нага, а его вели до тюрьмы нага, а у тюрем ему того ж часу головы ссекли. Тое же осени ноября преставился князь Василей Васильевич Шуйской, а женат был с полгоду, а после его родила княгини его княжну Марфу.

Того ж лета, февраля в 2 день, Данил митрополит оставил митрополичество неволею, что учал ко всем людям быти немилосерд и жесток, уморял у со(л. 54)бя в тюрьмах и окованных своих людей до смерти, да и сребролюбие было великое. А сослан в Осифов монастырь на Волк. Того ж месяца в 9 день в неделю мясопустную поставлен бысть в митрополиты Троицкой игумен Сергиева монастыря Иасаф Скрипицын, архиепископом Великого Новгорода и Пскова Макарием.

Лета 7049-го. Декабря в 20 день, на память Петра чудотворца, князь великий Иван Васильевич всеа Руси, приговоря со отцом своим с митрополитом Иасафом и з бояры, велел княж Одрееву Ивановича княгиню и сына ее Володимера Андреевича из нятва выпустити. А сидели в городе в Старом на Шемячичевском** на Берсеневском дворе отынени у Офонася у Великого, и перевели ее*** и сына ее князя Володимера на княж Одреевской двор, и села ее дворцовые отдавал. А после того и весь ей княж Одреевской удел отдал и бояр и диаков у нее устроил. А по городом по ее и по воло(л. 54 об.)стем пожалованы дети боярские великого князя. Того ж дни велел князь великий в Переславле из тюрьмы ис тына выпустити княж Андреева сына Углицкого князя Дмитрея, а сидел пойман 49 лет и 4 месяцы, а пойман 7 лет. И жил в Переславле на том же своем дворе в тыне. А дети боярские у него на бжеженье и стряпчие всякие были ему даны и ключники и сытники и повары и конюхи великого князя, и платье ему посылал князь великий с Москвы и запас всякой был у него сушильной и погребной исполна, чего бы похотел, и ездити было ему по посадом по церквам молитися вольно, куды хотел. И пожил немного, и там преставись, у великого князя на Москве не бывал. И положиша его у Дмитрея у Прилуцкого на Вологде, где лежит брат его князь Иван, а во иноцех Игнатьей.

Лета 7050-го. Марта митрополита Иасафа сослал князь великий на Белоозеро в Кирилов, а на его место в митрополиты учинил новгородского владыку Мака (л. 55)рия, в великое говенье. И в Новгород на владычество митрополит жеребевал о Чюдовском архимандрите о Ионе да о Хутынском игумене о Федосье, и остался жеребей на престоле Хутынского игумена, того митрополит и в архиепископы приговорил совершити, и совершил его в том же лете в мае. Маия ж князя Ивана Шуйского в чернцах и в скиме****, положен бысть на Москве у Богъявления. В те ж поры на Белоозере в поиманье не стало князя Ивана Бельского, уморен бысть голодом, 11 ден не ел, да на нем же чепей и желез, тягости, было пудов з десять. А иные люди говорили, что повелением князя Ивана Шуйского да князя Одроя Шуйского князь Иван убыен бысть Гришею Ожegovым да Митькою Клобуковым да Петроком Зайцовым. И положен бысть у Троицы в Сергиеве монастыре.

Лета 7050-го. Приходили к великому князю к Москве литовские послы пан Ян Глебов с товарищи, и взяли перемирья на 7 лет. (л. 55 об.) А против того великого князя послы, боярин Василей Григорьевич Морозов да Углетцкой дворецкой Федор Семенович Воронцов Демид да диак Постник Губин, пошли в Литовскую землю с Троищина дни, и того ж лета пришли назад по здорову, исправя посольство.

Лета 7052-го. Декабря в 28 день положил князь великий опалу свою на боярина своего на князя на Одроя на Михайловича на Шуйского, и убыен бысть на дворце ото псарей, и дневал в Куретных воротех, и оттоле послан в Суздаль, где их родители кладутца.

Лета 7053. Апреля, отпустил князь великий под Казань воевод в судех, князя Семени Пункова да князя Василья Серебряного с товарищи. А на Гостин остров пригребли маия 14 день, маия ж 28 в Новгород пригребли по здорову.

* В рукописи нащи

** Так в рукописи.

*** В рукописи перевел ее с выносным л

**** Так в рукописи; видимо, пропущены слова не стало.

1546 Лета 7054. Казанские князи и мырзы из Казани злочестивого царя выслали, а к великому князю присылали бити челом (л. 56) послов своих, в великое говенье, чтоб князь велики их пожаловал, дал им царя, а оне во всей хотят воле в великого князя быти. И князь велики посылаи в Казань Останю Ондреева, и по великого князя приказу перед Останею все казанские люди великому князю шерть пили, что им во всем в великого князя воле быти. И пришел Останя к Москве по здоровью. И князь великий после велика дни на шестой неделе отпустил в Казань на царство из Касимова города царя Шигалея, а послал в Казань на царство его сажати бояр своих, князя Дмитрия Федоровича Бельского да князя Дмитрия Федоровича Палетцкого да днака Постника Губина сына Моклокова. И ис Казани выехали, не хотя царя Шигалея в Казани, июня в 8 день, Костров, Бибарс, Енбарс, Кулай, Кулахмет, Чебан, Отучев, Шебан мырза, Азяк мырза, Куймырза*. А царя Шигалея встречали в Василегороде Би- (л. 56 об.) юрган сеит, Баубек князь, Чапкин мырза, Карамет Бакшей, Курбатов царицын дядька, Манук, Отблык, Бараш князь, Ислам мырза Чюры Нарыкова брат*. А берегом встречали царя с черемисою Исуп Аталыков брат царю Шигалею. А пошел царь в Казань из Василягорода июня в 8 день на семой неделе по велице дни во вторник. А царь Шигалей сел в Казани на царстве в понедельник на шествие святого духа. А бояре великого князя, приведши к шерти всею землю Казанскую, пошли ис Казани июля в 1 день, на Кузьма-Демьянов день, и пришли к великому князю на Коломну августа в 4 день, а ис Казани пришли с ними послы. А отпустив князь великий в Казань царя Шигалея, того ж лета был на Коломне и з братьею, со князем Юрьем с Васильевичем да со князем Володимиром Ондреевичем. А с ним были на Коломне и в Серпохове многие воеводы и сила великая всего Московского государства, столько кажут (л. 57) людей на Коломне от начала не бывало. Июля в 21 день на завтрее Ильина дни велел князь велики на Коломне у своего стану перед своими шатры казнити бояр своих: князя Ивана Ивановича Кубенского да Федора Демида Семеновича Воронцова да Василья Михайловича Воронцова ж, что был по преж того Дмитровской дворецкой, за некоторое их к государю неисpravление. И казнили их, всем трем головы посеки, а отцов духовных у них перед их концем не было. И взявша их, по повеленью по великого князя, приятели их, и положиша их, где ж которой род кладетца. А боярина и конюшего Ивана Петровича Федоровича в те же поры ободрана нага дръжали, но бог его помиловал, государь его не велел казнити за то, что он против государя встреч не говорил, а по всем ся виноват чинил. А сослал его на Белоозеро, а тугости на него не велел положить. А животы их и вотчины их всех велел князь вели(л. 57 об.)ки поимать на себя. Тогда ж после тое казни и не одиножды был на Коломне на пытке Иван Михайлович Воронцова. Того ж лета царь Шигалей из Казани утек, что было ему в Казани не мочно пробыти. А после его старой казанской царь Сафакирей Казань засел и всех казанских князей высек и Чюру Нарыкова велел изсечи, а брат Чюрин и иные казанские люди прибежали в те поры из Казани на Москву к великому князю служити, а князь велики в те поры в объезде.

1546 Лета 7055-го. Сентября в 16 день поехал князь велики и з своею братьею, со князем Юрьем и с князем Володимиром, к живоначальной Троице в Сергиев монастырь молитись. А оттоле приехав, был на Москве в Воробьева два дни, а из Воробьева был на Волоке, а с Волока во Ржеве да в Старице, а из Старицы во Тфери. А из Тфери на подводах гонил, был в Новгороде в Великом, да во Пскове, да во (л. 58) Псковском же уезде у Пречистые в Печерах, и даде к Пречистой в Печеры 90 деревень. А от Пречистыи с Печер был во псковском пригородке в Вороначе у Бориса Сукина, что был Борис наместник на Вороначе. А из Воронача был во Пскове, а изо Пскова в Русе, а из Русы в Новгороде в Великом, а из Новгорода у Пречистые на Тихвине. А от Пречистые от Тихвинские перенялся прямо на ям на Волочек, и пригнал на Москву на подводах, декабря в 10 день, в третьем часу ноши с субботы на неделю безвестно. От Пречистые от Тихвинские к Москве в пол 4 дни перегнал для того, что чаяли по полонянниговым вестем крымского царя или царевичев к Москве. Да и того ддя, что ис Казани Кадыш князя и вся земля прислали к великому князю к Москве трех татариннов с тем, что оне царя Казанского Сафакирея в городе (л. 58 об.) в Казани осадили, только у него людей 70 человек, и князь велики прислал бы к ним своих людей**. А велит им князь велики, поймав царя, к себе прислати, и они пришлют, а велит его в Казани убити, и они его убьют. Декабря ж в 13 день в понедельник начат князь великий Иван помышлять женитися, и советовал о том со отцем своим Макарием митрополитом всеа Русии. И митрополит о том назаутрее того во фторник после заутрени у соборные у Пречистые церкви молебны пел. Да во фторник же у митрополита все бояре были, и те, которые в опале были, по митрополиче по них посылке. И с митрополитом все бояре у великого князя были, и выидоша от великого князя радостны. И декабря в 17 день в пятницу был у великого князя митрополит и все бояре. Князь же великий перед бояры рече митрополиту: «Милостию (л. 59) божиею и пречистые

* В рукописи все эти имена отделены точками.

** В рукописи людех

его царицы богоматери и великих чудотворцев Петра и Алексия и Ионы и Сергия чудотворца и всех русских чудотворцев молитвами и милостью, положи на них упование, а у тебя у отца своего благословясь, помыслил есми жениться. И ты, отец наш, меня благословил помышляти жениться, а яз по твоему благословенью умыслил и хошу жениться, где ми бог благоволит и пречистая его богмати и чудотворци русские земли. А помышлял есми жениться в ьных царствах у короля у которого или у царя которого. И яз, отче, тое мысль отложил, в ьных государствах не хочу жениться для того, что аз отца своего государя великого князя Василья и своей матери остал мал; привести мне за себя жену из ьного государства, и у нас нечто норовы будут розные, ино между нами тшета будет. И яз, отче, умыслил: хочю жениться в своем государстве, (л. 59 об.) у кого мне бог благоволит, по твоему благословенью». Митрополит же и бояре от радости заплакаху, видяще такова государя млада суша, а ни с кем советующа, развее божия помысла, таков благ помысл хотяще исполнити. И рече ему митрополит: «бог тебя, царя и государя, и пречистая его богмати и все чудотворци благословляют такой великой и доброй помысл совершити, да и яз грешный благословляю тебя жениться, где, государь, умыслиш по божью строению. А буди на тебе, на государе, божия милость, а наша грешных благословение, и съврши бог твою мысль исполнену в благое дело». А бояре тако ж рекоша государю и похвалиша добрый его совет на благое дело. Декабря ж в 19, по великого князя приказу, во все города, во все приказы, разослали х ключником, кото(л. 60)рым села дворцовые приказаны, и ко всем посельским грамоты, а велено им з женами к Москве быти на рожество христова к великого князя радости, а, приехав, явитися им велено казначею Федору Ивановичу Сукину да диаку Якову Григорьеву сыну Захарова. Декабря ж в 22 день розослал князь велики по все города Московского государства окольничих и княжат и боярских детей сверстных и диаков введенных и дворцовых. А в Новгород и во Псков послал окольничего Ивана Дмитриевича Шеина, а с ним тамошних диаков смотрити у князей и у детей боярских дочерей. А которые при великом князе бояре и князя и боярские дети и княжата, и князь велики сам у них дочерей смотрил, пожаловал и нарек себе в великие княгини Романову дочь Юрьевича Захарыча Настасью, а велел ей быти на своем дворе в своих (л. 60 об.) полатах. А у ней велел быти матери ее Ульяне Романове жене Юрьевича да княгине Настасье княж Василья Васильевича Шуйского, да бабке своей княгине Анне княж Василья Глинского.

Генваря в 3 день положил князь велики свою опалу на князя Ивана на княж 1547
Иванова сына Дорогобужского, да на князя Федора на княж Иванова сына Овчинина Оболенского, велел их казнити смертною казнью, князю Ивану головы ссечи, а князя Федора велел на кол посадити, и животы их и вотчины велел на себя взяти. Феврала в 3 день на святого Семьона богъприемца и Анны пророчицы была радость государю благоверному царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси и всей Руской земле, женился государь наш, взял за себя Романову дочь Юрьевича Анастасию, венчался у пречистой богородицы в соборной церкви. А венчал его Макарий (л. 61) митрополит всеа Руси, а отец его духовной протопоп Федор шол перед ним со крестом, а з святою водою шол и кропил великие княгини отец духовной Рожества пречистые протопоп Федор Лопот. А тысяшкой был у великого князя брат его князь Юрьи Васильевич, а боярин брат же его, князь Володимер Ондревич. А друшки были: князь Дмитрий Федорович Бельской да Иван Михайлов сын Юрьевича. А великие княгини друшки были: князь Иван Иванович Пронской Турунтай да Михайло Яковлев сын Морозова. А конюшей был князь Михайло Васильевич Глинской. А свечи несли Василей Михайлов сын Юрьева. Феврала в 6 день на третей день после великого князя радости женился князь Иван княж Федоров сын Мстиславского, а дал за него князь велики дщерь князя Олександра Борисовича Горбатого, княжну. А сам князь Олександр (л. 61 об.) был на службе в Муроме, а из Мурома ходил воевати Казанские места. Того ж лета априля, в 12 день на память святого священномученика Василья епископа Парийского на святой недели во фторник на десятом часу дни загореся на Москве в Новом городе в Москотильном ряду, меж Ильинского хресца и меж Варварского. И выгореша в Новом городе мало не все дворы, а церковей подылось деревяных 18, а лавки все, гостины и соконничичи*, и всех торговых людей погореша. А осталось у того пожара на Ильинской улице двор Ивана Петровича, что был Гостин двор, Третьяка Порунова, да и за его двор по левой стране до Воскресения, от Воскресения до Козьмы-Демьяна и до Троицы, а от Троицы и до Мироносиц, а от Мироносиц до Николы до Старого, те все церкви и дворы бог сохранил, не горели. (л. 62). Да и лавок на Никольском кресце з десять или мало больши не згорели ж, а в них сидели с хлебы и с колачи и з солью. Да за теми ж лавками стояли житницы с хлебом торговых людей, и те бог сохранил, не згорели ж. А после того в 9 день в среду, априля ж в 20 день на преподобного отца нашего Федора Трихина, рекше Власенаго, на 11 часу дне загореся за Язую*у Семьона святого, и выгореша мало не все Заяузе*, а князь

* Так в рукописи.

великий в те поры жил, и с великою княгинею в Воробьева*. А говорили про оба пожара, что зажигали зажигальники, и зажигальников многих имали и пытали их, и на пытке они сами на себя говорили, что они зажигали, и тех зажигальников казнили смертною казнью, глав им секли и на колье их сажали и в огонь их в те ж пожары метали. А** после того, того ж лета, явились на Москве по улицам и по иным городом и по селом и по деревням многие сердечники, выи(л. 62 об.)мали из людей сердца. А** после, того ж лета июня в 21, на святого мученика Ульяна Тарсянина на 10-м часу дни загорелся на Арбате на Здвиженской улице Вздвижение честнаго креста, и начаша горети на все четыре стороны, и выгореша Арбат весь, и Чертория мало не до Всполя, и Заниглинье все и до Споля все за городом, и Псковская улица, и Златоустыская, и к Володимеру Святому, и до Воронцова, и до Заязубья, и Великая улица, и весь посад, посад большой. Да и в Новом городе все церкви и дворы, которые были после пожару поставлены, згореша. Да и в Старом городе*** Благовещенье, что на великого князя дворе, все образы и книги и все церьковное строение погореша. Да и в казнах в великого князя и в постельных крест животворящее древо (л. 63), на нем же распят господь наш Иисус Христос и мощи святых и пречистые образ Редегитцкая и иные святые образцы Карсунского письма и Греческого и Цареградцкого, и платья, и все казны выгореша. И на дворце все запасы погореша, и на Казенном дворе все палаты и погребы выгореша, только осталась одна большая казна, что от Архангила, да и Вознесенье, и у чудотворца у Олексия и у Офонася святого и у Исповедников и у Риз Положенья, что на митрополичем дворе в церквах, святоство**** все выгореша ж. А чудотворца Алексия в те поры из церкви вынесли и поставиша его перед Архангелом в паперти. Да и митрополич двор и князя Володимера Андреевича двор и житницы великого князя и конюшни и боярские дворы и детей боярских, и монастыри, и дворы все погореша же. Да и кров(л. 63 об.)ли на церкви на пречистой богородицы и на всех на каменных церквах згореша ж. Да и в полатах и в погребех в княжих и в боярских в городе в Старом и в Новом животы и запасы все погореша. А в кою пору тот пожар был, и князь велики в те поры был, и с великою княгинею, в селе своем в Воробьева. А митрополит Макарей, а с ним протопоп и ключари в те поры сидели в соборной церкви в Пречистой, и не мога огненаго зноя терпети и дымной вони да перешли мимо Архангил в Воденые ворота в тайник, а ис тайника в полночь митрополит спустился на взруб по ужищу, не измога огненаго зженья терпети и дымной вони, да переехал за реку в великого князя сад, а из саду на завтрее на первом часу дни переехал в свой монастырь в Новинской из Дорогомилова и жил в том монастыре, и князь великий и со всем бояры к нему на думу приезжчали.

* Слова а князь... в Воробьева написаны на полях под значком вставки.

** Буква а написана большой.

*** В рукописи городом.

**** В рукописи стовство, под титулом, первое в выносное.

С О О Б Щ Е Н И Я

П. Я. СЕВЕРИН

УКРУПНЕНИЕ БЕЛОРУССКОЙ ССР В 1924 г.

Одной из причин, обеспечивших всемирно-исторические победы социализма в нашей стране, была правильная национальная политика Коммунистической партии Советского Союза. Великая Октябрьская социалистическая революция, свергнув власть буржуазии и помещиков, освободила народы России от капиталистического рабства, социального и национального гнета, создала им все условия для свободного развития своих материальных и духовных сил, обеспечила возможность строить новую, светлую жизнь, открыла путь к строительству коммунистического общества.

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции и утверждения в нашей стране советского социалистического строя на широкий путь развития вышел и белорусский народ.

Трудящиеся Белоруссии всегда были связаны неразрывными узами с русским народом и другими народами России. Эти вековые братские узы еще более укрепились после Великой Октябрьской социалистической революции, принесшей белорусскому народу полную независимость и освобождение от всякого гнета.

Отстояв в жестокой борьбе с иностранными интервентами и внутренней контрреволюцией великие завоевания Октября и одержав первые успехи в восстановлении разрушенного хозяйства, народы Советской страны стали перед необходимостью еще более тесного объединения. Это диктовалось интересами строительства социализма и организации крепкой обороны страны. Для осуществления этих задач в конце 1922 г. был создан Союз Советских Социалистических Республик, в который на добровольных началах вошли РСФСР, ЗСФСР, УССР и БССР.

В то время в состав БССР входили еще не все районы с преобладающим белорусским населением. После изгнания белопольских интервентов Белорусская ССР состояла всего из 6 уездов Минской губернии, с площадью, равной 52 316 кв. км, и с населением в 1,5 млн. человек. В то же время в ряде губерний, входивших тогда в состав РСФСР, белорусское население преобладало. Так, в Гомельской губернии, по переписи 1920 г., белорусы составляли в Быховском уезде 75% населения, в Климовичском — 69%, Чериковском — 64%, Чаусском — 63%, Могилевском — 52%. Белорусы составляли большинство населения также в Речицком и Гомельском уездах. Аналогичная картина наблюдалась и в Витебской губернии: в Лепельском уезде белорусов насчитывалось 78% населения, в Дриссенском — 59%, в Оршанском — 54%. Белорусы преобладали также в Горецком уезде (70% населения) и в ряде волостей Мстиславльского уезда Смоленской губернии¹.

¹ Газ. «Звезда» (Минск), от 13 января 1924 г.

В условиях дореволюционной России экономическое развитие Белоруссии отставало от экономического развития центральных губерний. В Белоруссии удельный вес продукции цензовой промышленности в 1913 г. по отношению ко всей продукции народного хозяйства был значительно меньше, чем в центральных губерниях. В Белоруссии до революции промышленной продукции на душу населения приходилось в 5 раз меньше, а потребление электроэнергии было в 15 раз меньше, чем в центре. Промышленность Белоруссии была по преимуществу мелкой, кустарной, сильно раздробленной, основанной главным образом на переработке сельскохозяйственного сырья и леса. Белоруссия являлась в основном поставщиком сырья (леса, льна, невыделанных кож и т. п.) для центра страны и для заграницы.

Империалистическая война 1914—1918 гг., а затем гражданская война и иностранная военная интервенция нанесли большой ущерб народному хозяйству Белоруссии. На территории, охваченной военными действиями, было разрушено до 65 % промышленных предприятий. Оборудование многих фабрик и заводов было вывезено интервентами. Выпуск продукции в 1920 г. по отношению к 1913 г. составлял всего 15—20 %. В начале восстановительного периода многие предприятия бездействовали из-за недостатка сырья и рабочих рук и отсутствия рынка сбыта.

В результате империалистической войны и иностранной интервенции пришлось в упадок и сельское хозяйство Белоруссии. Сократилась почти наполовину посевная площадь. Настолько же сократилось и поголовье скота. К 1921 г. 18,1 % крестьянских хозяйств Белоруссии не имели плугов и применяли сохи; 20 % хозяйств не имели лошадей. На 100 десятин удобной земли в Белоруссии находилось в среднем под пашней 39,7 %, под сенокосом — 18,6 %, под лесами и кустарниками — 35 %, прочие — 6,7 %. На территории Минской губернии пашни ко всей удобной земле составляли 33,5 %, а на территории, присоединенной к БССР в 1924 г. (уезды Гомельской, Витебской и Смоленской губерний), — от 43,9 до 55,4 %. Посевная площадь распределялась следующим образом: рожь занимала 46 % посевной площади, овес — 18,3 %, картофель — 10,1 %, ячмень — 8,8 %, гречиха — 5,3 %, лен — 2,6 %, кормовые травы — 2,4 % и прочие культуры — 6,6 %².

По окончании гражданской войны началось успешное восстановление народного хозяйства Белоруссии. Но при этом стало ясно, что дело восстановления и дальнейшего развития промышленности и сельского хозяйства Белоруссии двинется еще более быстрыми темпами, если к Белорусской ССР будут присоединены районы Витебской, Гомельской и Смоленской губерний с преобладающим белорусским населением.

В названных районах Витебской и Гомельской губерний были развиты деревообрабатывающая, силикатная, спичечная, стекольная, льнообрабатывающая, бумажная, полиграфическая, кожевенная, пищевкусовая и некоторые другие отрасли промышленности. Присоединение этих районов способствовало бы поднятию удельного веса промышленности в народном хозяйстве республики, укреплению рабочего класса, увеличению сырьевой и продовольственной базы.

Объединения большинства советских районов с преобладанием белорусского населения требовали и соображения международного характера. Трудящиеся западных областей Белоруссии, находившиеся в то время под гнетом панской Польши, видели, как росла и развивалась Советская

² См. Отчет Временного Белорусского бюро ЦК РКП(б) (за время февраль — май 1924 г.), Минск, 1924, стр. 10—11.

Белоруссия, как рабочие и крестьяне успешно строили там социализм. Это вдохновляло их на революционную борьбу за свое освобождение от капиталистического рабства и национального гнета, за воссоединение со своими единокровными братьями в едином Белорусском Советском социалистическом государстве.

* * *

Делом объединения в составе БССР всех советских районов с большинством белорусского населения руководила Коммунистическая партия. На основе указаний ЦК РКП(б) происходивший 20—25 марта 1923 г. VII съезд КП(б) Белоруссии, выражая волю трудящихся, поставил вопрос о необходимости присоединения к БССР смежных с ней уездов Витебской, Гомельской и Смоленской губерний, входивших в состав РСФСР, а также о пересмотре административно-хозяйственного деления республики для приведения его в соответствие с историческими, экономическими и национально-культурными особенностями указанных районов. В решении съезда предлагалось «принять все меры к вовлечению широких масс трудящихся в активную работу советского строительства, особенно внимание уделить вопросу о развитии школы, прессы, театров, клубов и вообще культурно-просветительных учреждений на родном языке»³.

Идя навстречу пожеланиям трудящихся Белоруссии, Центральный Комитет РКП(б) в мае 1923 г. принял решение об объединении в составе БССР советских районов с большинством белорусского населения⁴. Центральный Комитет РКП(б) предложил Центральному бюро КП(б) Б, Витебскому, Гомельскому и Смоленскому губкомам партии представить свои мотивированные заключения по вопросу о границах Советской Белоруссии. ЦК РКП(б) создал специальную комиссию из представителей ЦК, ЦКК РКП(б) и парторганизации БССР, а также представителей Витебской, Гомельской и Смоленской губерний для разработки организационных мероприятий в связи с присоединением к БССР ряда новых районов. Для законодательного оформления вопрос о границах Белоруссии был передан осенью 1923 г. в ЦИК СССР.

В ноябре 1923 г. Центральный Комитет партии утвердил предложение комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) о присоединении к БССР родственных ей в бытовом, этнографическом и хозяйственно-экономическом отношениях уездов смежных губерний. Было признано также необходимым перейти от существовавшего в Белоруссии административного деления на уезды и волости к окружному и районному делению. Разработка проекта о новом административном делении Белоруссии была поручена ЦИК СССР и ЦИК БССР.

Вопрос о присоединении к БССР районов с большинством белорусского населения рассматривался 7 декабря 1923 г. Президиумом ЦИК СССР. Была создана комиссия, которая должна была установить границы между РСФСР и БССР и закончить эту работу в течение двух недель.

Рассмотрев материалы по каждому уезду в отдельности, комиссия рекомендовала присоединить к БССР Витебский, Полоцкий, Сенненский, Городокский, Дриссенский, Лепельский и Оршанский уезды Витебской губернии и Климовичский, Рогачевский, Быховский, Могилевский, Чериковский и Чаусский уезды Гомельской губернии. В отношении Смоленской губернии комиссия приняла решение передать БССР 18 волостей

³ Газ. «Звезда», от 22 марта 1923 г.

⁴ См. Отчет Временного Белорусского бюро ЦК РКП(б) (за время февраль — май 1924 г.), стр. 4.

Мстиславльского и Горецкого уездов с тем, чтобы точные границы между волостями были установлены по соглашению представителей БССР и Смоленского губисполкома. При проведении точных границ было постановлено учесть степень экономического тяготения каждой волости к той или иной территории⁵.

Широкие массы рабочих и крестьян — белорусов горячо приветствовали решение Коммунистической партии и Советского правительства об объединении всех районов с преобладающим белорусским населением в едином Советском социалистическом государстве.

Состоявшийся в декабре 1923 г. VII губернский съезд Советов Гомельской губернии вынес постановление о передаче БССР перечисленных выше 6 уездов, в которых преобладало белорусское население. На съезде был дан должный отпор выступлениям великодержавных шовинистов, которые утверждали, будто белорусское население губернии почти забыло свой родной язык.

В январе 1924 г. состоялся XI губернский съезд Советов Витебской губернии, который также признал необходимым присоединение части Витебской губернии с преобладающим белорусским населением к БССР. Съезд выразил твердую уверенность в том, что Белорусская республика, восстановленная в ее исторических границах, пойдет быстрыми шагами по пути хозяйственного и культурного подъема, что должно было явиться залогом еще большего укрепления связей с братскими республиками, входившими в состав СССР.

9—10 января 1924 г. в Минске состоялся V Всебелорусский съезд Советов, обсудивший ряд важных вопросов хозяйственного, советского и культурного строительства. Съезд приветствовал решение партии и правительства о включении в состав Белоруссии районов с преобладающим белорусским населением. Съезд поручил ЦИК и Совнаркому БССР принять необходимые решения о новом административном делении Белоруссии⁶.

Центральный Комитет РКП(б) принял 4 февраля 1924 г. решение о создании Временного Белорусского бюро ЦК РКП(б)⁷. В тот же день ВЦИК принял постановление о присоединении к БССР частей Витебской, Гомельской и Смоленской губерний.

9 февраля 1924 г. Временное Белорусское бюро ЦК партии приступило к работе. В принятом в тот же день решении говорилось: «В целях осуществления директив партии по укрупнению Белоруссии, необходимо немедленно провести мероприятия, обеспечивающие быстрое сращивание и объединение работы по всей территории укрупненной Белоруссии как в области партийной, так и советской и проч.»⁸.

На этом же первом заседании Белбюро поручило коммунистической фракции Президиума ЦИК БССР включить в план своих работ: «вопросы бюджетного характера по укрупненной Белоруссии», «вопросы изучения хозяйства и промышленности, ее организации и образование промышленно-хозяйственных объединений на новой территории БССР» и «вопросы крестьянского кредита и посевной кампании в укрупненной Белоруссии»⁹.

⁵ ЦГАОР, ф. 3316, оп. 16, ед. хр. 206, л. 8. Уезды Гомельский и Речицкий Гомельской губернии были присоединены к БССР позднее, в 1926 г. См. книгу «Белорусская Советская Социалистическая Республика», изд. СНК БССР, Минск, 1927, стр. 513—525.

⁶ Постановления Пятого Всебелорусского съезда Советов, Минск, 1924, стр. 6—7.

⁷ Отчет Временного Белорусского бюро ЦК РКП(б) (за время февраль—май 1924 г.), стр. 5.

⁸ Там же, стр. 6.

⁹ Там же, стр. 7.

В обращении ЦК КП(б) Белоруссии «Ко всем членам коммунистической партии Белоруссии», опубликованном 12 февраля 1924 г., указывалось, что со времени VII съезда компартии Белоруссии основной задачей ЦК было разрешение вопроса об укрупнении республики и что теперь, после соответствующих решений центральных органов в Москве, эта работа должна считаться законченной. В тот же день было опубликовано извещение Временного Белорусского бюро ЦК РКП(б), ставившее в известность всех коммунистов республики об образовании бюро, его составе и задачах.

Во исполнение решения ЦК РКП(б), между ВЦИК и ЦИК БССР было заключено соглашение, на основании которого 3 марта 1924 г. ВЦИК издал декрет о передаче Белорусской Советской Социалистической Республике районов с преобладающим белорусским населением¹⁰. В соответствии с этим декретом в состав Советской Белоруссии включалось восемь уездов Витебской губернии (Витебский, Велижский, Городокский, Дриссенский, Лепельский, Суражский, Полоцкий, Сенненский), шесть уездов (Могилевский, Быховский, Климовичский, Рогачевский, Чаусский и Чериковский) и семь волостей Гомельской губернии, а также Горечкий уезд и три волости Мстиславльского уезда Смоленской губернии.

Президиум ЦИК СССР 7 марта 1924 г. выпустил специальное обращение по поводу объединения белорусского народа. В обращении говорилось, что только в условиях диктатуры пролетариата, сплотившей вокруг себя большинство населения, оказалось возможным уничтожить в корне национальный гнет, создать обстановку взаимного доверия и заложить основы братского сотрудничества народов.

Соглашение между ЦИК РСФСР и ЦИК БССР, в силу которого в составе Белорусской республики объединялись все территории Советского Союза с большинством белорусского населения, явилось, как об этом говорилось в обращении, «новым и ярким доказательством фактического осуществления все более тесных, дружных и братских отношений народов, населяющих Союз»¹¹.

В обращении отмечалось также, что настоящее «соглашение рабоче-крестьянских правительств РСФСР и Белорусской ССР дает подлинную возможность дальнейшего развития Белоруссии на основе широкого экономического, государственного и культурного строительства»¹².

Союзное правительство не ограничилось формальным принятием постановления о передаче БССР земель с преобладанием белорусского населения. Одновременно правительство проявило заботу о том, чтобы присоединение этих областей к Белоруссии произошло в исключительно благоприятных для нее условиях.

7 марта 1924 г. состоялось заседание Президиума ЦИК СССР, который обсудил вопрос «О мерах содействия белорусским рабочим и крестьянам в связи с укрупнением БССР». Для оказания всемерного содействия белорусским рабочим и крестьянам в их борьбе за лучшее будущее Президиум ЦИК СССР постановил:

«1) Считать необходимым принятие срочных мер к тому, чтобы организационные, бюджетные и прочие вопросы, связанные с фактом объединения в составе БССР территорий с большинством белорусского населения, были разрешены в ускоренном порядке в органах Союза ССР.

¹⁰ СУ, 1924, № 24, стр. 237.

¹¹ Газ. «Звезда», от 12 марта 1924 г.

¹² Там же.

2) Предложить Президиуму ЦИК БССР представить доклад об экономическом положении БССР в связи с ее укрупнением и внести практические предложения, направленные к оказанию помощи в деле восстановления ее хозяйства вообще и, в первую очередь, сельского хозяйства.

3) Считать необходимым рассмотреть вопрос об обеспечении БССР средствами для ведения культурно-просветительной работы на языках большинства населения Белоруссии; в случае недостатка таковых выделить необходимые средства, обратив особое внимание на издательские нужды БССР.

4) Считать необходимым в кратчайшее время приступить к практическому осуществлению постановления Президиума ЦИК от 22 февраля 1924 г. об издании сочинений В. И. Ленина на местных языках Белоруссии»¹³.

Трудящиеся Белоруссии встретили весть об укрупнении республики с глубоким удовлетворением. Многолюдное общегородское собрание рабочих Витебска приветствовало присоединение Витебска к Белоруссии и отмечало, что «в факте укрупнения собрание видит осуществление принципов Октябрьской революции, провозгласившей свободное развитие национальностей... Укрупнение Белоруссии — наглядный показатель искреннего желания Советской власти и Коммунистической партии представить действительную возможность развития национальностям, населяющим бывшую Россию»¹⁴. Пленум Минского горсовета ознакомившись с решением ЦИК СССР о расширении границ БССР, заявил: «В этом решении... Минский Совет видит яркое выражение братских уз, связывающих пролетариат и крестьянство РСФСР с рабочим и селянином БССР...»¹⁵.

Весть об окончательном определении границ Белорусской республики была встречена с глубоким удовлетворением трудящимися не только Белоруссии, но и других советских республик. Перед лицом капиталистического окружения укреплялся единый фронт и братский союз рабочих и крестьян Белоруссии с трудящимися всего Советского Союза.

Открывшийся 13 марта 1924 г. VI Всебелорусский Чрезвычайный съезд Советов в своем приветствии, направленном ЦК РКП(б), заявлял, что «объединение всех территорий с большинством белорусского населения, произведенное по директивам компартии, создает благоприятные условия для дальнейшего нормального хозяйственного, экономического и культурного развития всех народов, населяющих Белоруссию». Съезд от имени 4 млн. рабочих и крестьян Белоруссии обещал и в дальнейшем «свято и твердо следовать заветам Ильича и созданной им Российской Коммунистической Партии»¹⁶.

В работе съезда принял участие председатель ЦИК СССР Михаил Иванович Калинин, приветствовавший съезд в день его открытия от имени партийных и советских органов СССР.

Съезд принял обращение к трудящимся Белоруссии, в котором раскрывалось историческое значение расширения Белоруссии и намечались задачи, встававшие в этой связи перед белорусским народом. Основной задачей съезд поставил спаять в кратчайший срок в одно целое все объ-

¹³ ЦГАОР, ф. 1235, оп. 102, д. 107, л. 47.

¹⁴ Газ. «Звезда», от 4 марта 1924 г.

¹⁵ Там же, от 12 марта 1924 г.

¹⁶ VI Всебелорусский Чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Стенографический отчет, Минск, 1924, заседание 13 марта, стр. 14.

единенные в составе БССР территории и создать условия, при которых каждый рабочий и крестьянин мог бы активно участвовать в строительстве социалистического государства.

В обращении говорилось, что без быстрого восстановления сельского хозяйства не может происходить нормальное развитие всего хозяйства республики, не может развиваться промышленность и что укрепление промышленности и поднятие материального уровня и культуры рабочих являются основной задачей Советской власти и рабоче-крестьянского правительства.

«Чрезвычайный VI Всебелорусский Съезд Советов,— говорилось в обращении,— считает расширение Белоруссии актом взаимного доверия и уважения, существующего между народами, входящими в состав Союза Советских Социалистических Республик»¹⁷.

Выступивший на съезде с докладом М. И. Калинин подчеркнул, что выработка Конституции СССР, построение центрального органа Советской власти с двумя палатами, из которых одна является Советом национальностей, стремление Коммунистической партии дать возможность наиболее полно развиваться каждой отдельной республике имели целью еще больше скрепить крепкими, неразрывными узами народы СССР. «Мы идем,— говорил М. И. Калинин,— совершенно отличным от буржуазии путем, давая широкую свободу, автономию, вплоть до отделения. Мы этим стремимся естественным добровольным путем действительно сплотить и объединить рабоче-крестьянские массы в действительную рабоче-крестьянскую республику»¹⁸.

Духом советского патриотизма были проникнуты выступления по докладу М. И. Калинина трудящихся Белоруссии — делегатов съезда. Все выступавшие благодарили Коммунистическую партию и Советское правительство за огромную помощь, оказанную Белорусской республике. В единогласно принятой по докладу М. И. Калинина резолюции съезд отметил правильную политику Советского правительства в области решения национального вопроса. «Капиталистический запад,— говорилось в резолюции,— не может разрешить даже самый ничтожный вопрос из области национальных взаимоотношений... Советская власть под руководством Компартии не только дает каждому народу право на самоопределение, но всячески помогает наиболее отсталым народам восстанавливать свое хозяйство, дает возможность скорее ликвидировать грань, отделяющую народы более развитые от народов, отставших в своем культурном и хозяйственном развитии, вследствие политики царского и мелкобуржуазного правительства»¹⁹.

На VI съезде Советов БССР было завершено и оформлено в основном объединение большинства советских районов с преобладанием белорусского населения. БССР объединила около 61% всех белорусов и 97% белорусов, проживающих в пределах СССР. Более одной трети белорусов оставалось еще оторванными от Советской Белоруссии и находилось под властью панской Польши.

В результате укрупнения территория республики выросла более чем в два раза — с 52 405 кв. км до 110 584 кв. км. Население БССР после укрупнения насчитывало около 4,2 млн. человек, вместо прежних 1514 тыс. человек.

О том, насколько укрепилась социальная и экономическая база БССР

¹⁷ Там же, стр. 24.

¹⁸ Там же, утреннее заседание 14 марта, стр. 18.

¹⁹ Там же, вечернее заседание 14 марта, стр. 15.

в результате ее укрупнения за счет районов РСФСР с преобладающим белорусским населением, дает представление следующая таблица ²⁰:

Отрасли промышлен- ности	Г у б е р н и и								Итого	
	Минская		Витебская		Гомельская		Смоленская			
	колич. предприя- тий	колич. рабочих	колич. предприя- тий	колич. рабочих	колич. предприя- тий	колич. рабочих	колич. предприя- тий	колич. рабочих	колич. предприя- тий	колич. рабочих
Стекольная	4	422	3	531	2	652	—	—	9	1605
Металлообрабаты- вающая	2	130	3	450	—	—	—	—	5	580
Лесопильная . . .	13	921	1	44	1	63	1	3	16	1031
Спичечная	1	467	—	—	—	—	—	—	1	467
Пищевая	8	446	5	300	5	152	—	—	18	898
Щеточная и воло- сопрядильная	—	—	2	190	—	—	—	—	2	190
Альбуминная . . .	1	7	—	—	—	—	—	—	1	7
Кожевенная	5	346	2	121	—	—	—	—	7	467
Прядильная	—	—	3	1279	—	—	—	—	3	1279
Швейная	1	164	1	556	—	—	—	—	2	720
Обувная	1	73	1	110	—	—	—	—	2	183
Бумажная	3	216	4	486	2	641	—	—	9	1343
Полиграфическая	—	—	3	186	—	—	—	—	3	186
Производство оч- ков	—	—	1	56	—	—	—	—	1	56
Всего . .	39	3192	29	4309	10	1508	1	3	79	9012

Как свидетельствуют приведенные в таблице данные, присоединение к БССР части Витебской и Гомельской губерний почти втрое увеличило рабочую прослойку населения Белоруссии, вдвое — количество промышленных предприятий и содействовало, таким образом, быстрейшему разрешению стоявших перед республикой народнохозяйственных задач. К числу этих задач в первую очередь относилось восстановление экономики, а затем превращение БССР из отсталой в прошлом окраины царской России в цветущую, индустриально развитую социалистическую республику.

VI Всебелорусский съезд Советов заслушал доклад о разработке Конституции БССР. Прежняя Конституция БССР создавалась в период иностранной интервенции и гражданской войны, и некоторые ее положения нуждались в уточнении. В связи с этим съезд поручил ЦИК БССР внести в действовавшую Конституцию Белорусской ССР изменения в соответствии с Конституцией Союза ССР и новыми организационными формами укрупненной Белоруссии.

В истории национально-государственного строительства Белорусской республики VI Всебелорусский съезд Советов сыграл большую роль. Решениями съезда была создана база для правильного экономического районирования и планирования народного хозяйства. Были созданы все

²⁰ См. Отчет Временного Белорусского бюро ЦК РКП(б) (за время февраль — май 1924 г.), стр. 16.

предпосылки для развития национальной по форме и социалистической по содержанию белорусской культуры. Съезд продемонстрировал перед лицом рабочих и крестьян не только СССР, но и капиталистических стран, как под руководством Коммунистической партии, на основе братства народов мирным путем разрешаются самые сложные вопросы взаимоотношений между отдельными советскими республиками.

Одновременно с успешным решением вопросов, связанных с вхождением новых районов в состав Белоруссии, съезд поручил ЦИК БССР разрабатывать, на основе учета хозяйственных и иных нужд населения, план нового административного деления Белоруссии и провести районирование не позднее начала нового бюджетного года, привлекая к этой работе уездные и волостные исполкомы и само местное население²¹. Делегаты съезда подчеркивали всю важность нового административного деления для экономического и культурного развития республики.

Существовавшее административное деление, доставшееся в наследство от дореволюционного прошлого, не отвечало новым требованиям. Прежние административные границы очень часто отрывали крупные города от тяготеющих к ним территорий, которые оказывались присоединенными к отдаленным и не имевшим никакого для них значения уездным городам.

С присоединением к БССР районов бывших Витебской и Могилевской губерний с такими сравнительно крупными промышленными и административными центрами, как Витебск, Могилев, Орша и Полоцк, создавалась возможность более целесообразного, с точки зрения хозяйственного строительства и управления, разделения территории БССР на административные единицы.

В основу всех работ по районированию были положены следующие принципы: экономическое тяготение того или иного населенного пункта к известному центру и экономическая мощь соответствующего района; размеры территории и количество населения вновь создаваемых административных единиц; наличие и направление путей сообщения, с расчетом наилучшего пользования ими. Наряду с этим в процессе работы принимались во внимание и второстепенные обстоятельства, вытекавшие из таких факторов, как пограничное положение районов, состояние путей сообщения, наличие и оборудованность помещений для размещения государственных учреждений и т. п.

Была принята следующая структура административно-государственного деления: республика делилась на округа, а округа — на районы. При разрешении вопроса об округах ставилась задача, чтобы окружной город был не только политико-административным, но и экономическим и культурным центром объединяемой им территории.

Присоединенные территории не представляли собой оформленных в административном отношении единиц. Уезды Гомельской и Смоленской губерний перешли к БССР без своих губернских центров и поэтому должны были теперь управляться непосредственно из Минска. Что касается Витебщины, то хотя к БССР и перешел губернский город, все же пришлось управлять всеми перешедшими уездами также из центра, так как сохранение Витебской губернии, как административной единицы, не представлялось больше необходимым, и 20 марта 1924 г. Президиум ЦИК БССР постановил ликвидировать губернский центр в Витебске.

Одновременно с работой по районированию происходило уточнение границ с Псковской губернией. Были уточнены границы и со Смоленской

²¹ VI Всебелорусский Чрезвычайный съезд Советов, вечернее заседание 15 марта, стр. 24.

губернией, поскольку Бохотская и Осянская волости Мстиславльского уезда отходили к БССР лишь частично. В дальнейшем, в связи с исправлением границ с Украинской ССР, были произведены некоторые изменения южных границ Мозырского округа.

Основную трудность при районировании представлял вопрос об образовании новых укрупненных сельсоветов. Это объяснялось тем, что не было исчерпывающих данных о территориальных размерах и количестве населения во всех сельсоветах. Было решено, что каждый сельсовет должен насчитывать от 2 тыс. до 4 тыс. человек населения. Но эти средние величины не могли быть точно выдержаны, так как при различной степени населенности отдельных местностей республики нельзя было твердо руководствоваться ни территориальными, ни этнографическими принципами районирования. Поэтому при образовании сельсоветов волостные и уездные комиссии учитывали все местные особенности, допуская создание сельсоветов с отклонением от принятых средних величин.

Вопросы, связанные с образованием сельсоветов, решали сельская, районная и окружная комиссии. Таким образом, ошибка, которая могла быть допущена одной комиссией, исправлялась другой. Только вопросы межрайонных разграничений разбирались в центре.

При определении размеров территории округа, помимо учета состояния промышленности, сельского хозяйства и т. д., большое внимание уделялось вопросам удобства связи окружного центра со всеми намеченными районными центрами. Особое значение придавалось железнодорожному и водному транспорту. Размещение водных путей, например, сыграло наибольшую роль при определении границ Мозырского и Борисовского округов. Первый из них обнимал систему реки Припяти, второй — Верхней Березины и Березинского канала.

В Белоруссии в этот период насчитывалось 11 городов средней величины, с населением от 10 тыс. до 100 тыс. человек, и густая сеть «местечек» — мелких поселений городского типа.

Обычно на территории уезда имелось от 3 до 7 и более крупных местечек; каждое из них являлось экономическим центром для значительной территории — иногда в треть и даже половину уезда. В местечках была сконцентрирована почти вся торговля и значительная часть ремесленного населения; во многих местечках выросли и крупные промышленные предприятия, как, например, в Шклове, Дубровне, Копыси, Чашниках. В крупных местечках часто собирались многолюдные базары, на которые съезжались крестьяне за 15—20 км.

Эта тесная связь с деревней отражалась на характере местечек, а последние, в свою очередь, оказывали большое экономическое и культурное влияние на деревню. Школы повышенного типа, врачебные, агрономические пункты, общественные и профессиональные организации обычно были расположены в местечках. Таким образом, задолго до районирования имевшиеся в Белоруссии 48 крупных и более 100 мелких местечек играли роль экономических и культурных центров для нескольких соседних волостей.

Почти все эти местечки в результате районирования превратились в административные центры новых районов. В северной части БССР, где местечки были развиты значительно слабее, районные центры были размещены либо при железнодорожных станциях, либо в больших селах.

Комиссия по районированию произвела окончательную сводку всего статистического и картографического материала по республике, урегулировала некоторые спорные вопросы внутриокружного деления, уточ-

нила и согласовала проекты окружных границ, представленные самими округами.

Новая административно-хозяйственная система БССР была законодательно оформлена на 2-й сессии ЦИК БССР VI созыва. 17 июля 1924 г. сессия утвердила «Положение об окружных и районных съездах Советов, их исполнительных комитетах и сельских советах»²². Позднее, 26 сентября 1924 г., ЦИК и Совнарком БССР приняли «Положение о городских Советах окружных и заштатных городов и поселков городского типа»²³. Были изданы также 9 июля 1925 г. новые положения о районных съездах Советов и их исполкомах, о сельских и местечковых Советах²⁴.

Районирование БССР, несмотря на то, что оно проводилось несколько спешно, в целом оказалось отвечающим тем требованиям, какие к нему предъявлялись.

Ввиду того, что в ряде населенных пунктов БССР основная масса населения не являлась белорусами, для большего удобства обслуживания национальных меньшинств было образовано 38 национальных сельсоветов, охватывавших около 73 тыс. человек. В этих сельсоветах все делопроизводство велось на языках соответствующих нацменьшинств (польском, латышском, еврейском и др.).

Согласно новому положению о городских Советах, последним были предоставлены самостоятельные административные, хозяйственные и бюджетные права. Это обеспечивало улучшение работы горсоветов.

Городские Советы были непосредственно подчинены в окружных городах окружным, а в остальных — районным исполкомам. Вся Белоруссия была разделена на 10 округов: Минский, Витебский, Бобруйский, Мозырский, Оршанский, Полоцкий, Могилевский, Калининский (бывш. Климовичский), Борисовский и Слуцкий. Средний размер каждого округа равнялся 10—11 тыс. кв. км. Всего было создано 100 районов; общее число сельсоветов равнялось 1202 вместо прежних 3405.

Так как новое административное деление было произведено в соответствии с экономическими особенностями отдельных районов, это мероприятие содействовало хозяйственному развитию и росту отдельных отраслей сельского хозяйства и промышленности, характерных для того или иного округа либо района. Новое административно-хозяйственное деление содействовало национально-государственному и культурному строительству, приблизило государственный аппарат к населению. Районирование дало возможность сократить количество работников советского аппарата. Подбор работников в районные и окружные исполкомы производился за счет аппаратов упраздненных волостных и уездных исполкомов.

Новое районирование БССР дало возможность усилить внимание центральных органов к низовому аппарату. Сельский совет получил расширенные права и, как орган Советской власти, значительно вырос и укрепился.

Новое районирование было горячо поддержано местным населением. Крестьяне выражали удовлетворение тем, что теперь можно было в районе решать вопросы, из-за которых раньше приходилось ездить в уезд за 50—70 километров.

Серьезное значение для приближения сельсоветов к массам имело постановление 2-й сессии ЦИК БССР, принятое 15 июля 1924 г., «О практических мероприятиях по проведению национальной политики». Согласно

²² СУ БССР, 1924, № 13, стр. 113.

²³ Там же, № 19, стр. 177.

²⁴ Там же, 1925, № 31, стр. 289—292.

этому постановлению весь государственный аппарат БССР должен был обслуживать население на том языке, на каком оно обращается в то или иное учреждение. Белорусский язык признавался преимущественным для сношения между государственными и общественными учреждениями и организациями. На основе этих принципов центральные учреждения БССР должны были перевести свое делопроизводство на белорусский язык в срок от одного года до трех лет. Вводилось обучение во всех школах на родном языке.

Большое значение для укрепления советского аппарата имело вовлечение в Советы работниц и крестьянок и создание вокруг Советов широкого женского актива. В 1925 г. в Советской Белоруссии насчитывалось около 17 тыс. делегатов²⁵. Делегатские собрания женщин созывались при сельсоветах, партийных ячейках, райкомах КП(б)Б два раза в месяц. На своих собраниях делегатки слушали доклады и лекции. В республике ежегодно проводились республиканские и окружные съезды крестьянок-общественниц, выбранных на общих собраниях крестьянок.

О вовлечении женщин в советскую работу говорят следующие цифры: если в 1924 г. крестьянок — членов сельсоветов было 172 чел., то в 1925 г. их уже было 2801. К активной профсоюзной работе было привлечено в 1925 г. 2745 женщин²⁶.

Все эти мероприятия удалось успешно провести благодаря руководству со стороны партийной организации Белорусской ССР, значительно окрепшей в результате укрупнения республики.

12—14 мая 1924 г. состоялся VIII съезд КП(б) Белоруссии. На съезде присутствовало 280 делегатов с решающим и совещательным голосом, представивших 13 975 членов и кандидатов Коммунистической партии Белорусской ССР. VIII съезд КП(б)Б окончательно оформил объединение партийных организаций присоединенных к Белоруссии районов и наметил ряд мероприятий по улучшению партийного руководства Советами, профсоюзами, комсомолом, кооперацией, по укреплению союза рабочего класса с крестьянством и по дальнейшему восстановлению промышленности и сельского хозяйства Белорусской ССР.

В соответствии с постановлением ЦК РКП(б) Временное Белорусское бюро ЦК РКП(б) и Временная Контрольная комиссия были ликвидированы; съезд избрал центральные учреждения компартии Белоруссии — ЦК КП(б)Б и ЦКК КП(б)Б.

Съезд предложил построить всю работу партийных организаций в деревне с таким расчетом, чтобы беднякам и середнякам были предоставлены все возможности полностью использовать мероприятия Советской власти и партии, направленные на развитие сельского хозяйства. Основной задачей партийных организаций в деревне съезд постановил считать всемерное кооперирование крестьянских масс и, в связи с этим, укрепление первичных кооперативов членами партии.

В результате районирования во всех округах усилилось партийное руководство. Благодаря районированию сократился партийный аппарат и улучшился качественный состав работников. Передвижка коммунистов из бывших уездных центров в районы и из бывших волостных центров в сельсоветы привела к увеличению числа членов деревенских партийных организаций.

Национально-государственное строительство БССР, развитие ее хозяйства и культуры выдвигали актуальный вопрос о подготовке нацио-

²⁵ Материалы к отчету ЦК КП(б)Б на X съезде КП(б)Б, Минск, 1927, стр. 13.

²⁶ Отчет ЦК КП(б)Б за май — октябрь 1924 г., Минск, 1925, стр. 62.

нальных кадров. Недостаток этих кадров являлся серьезной преградой для национально-государственного строительства Белорусской республики.

Формирование новой, социалистической интеллигенции и новых кадров в период восстановления народного хозяйства шло по трем каналам: выдвижения на ответственные участки государственного строительства наиболее способных, сознательных и подготовленных рабочих и крестьян, подготовки рабоче-крестьянских кадров через средние и высшие учебные заведения и привлечения старой интеллигенции на сторону Советской власти.

Особое внимание обращалось на повышение качества низовых, деревенских работников, призванных обслуживать нужды широких масс крестьянства. В 1925 г. ЦК КП(б) организовал курсы секретарей сельских райкомов КП(б) Б на 48 чел., курсы секретарей райкомов ЛКСМБ на 52 чел., деревенских пропагандистов на 51 чел., женработников на 41 чел. Одновременно окружкомы партии организовали курсы секретарей сельских партийных ячеек и секретарей сельсоветов. В мае 1925 г. ЦК КП(б) Б направил на постоянную партийную и советскую работу в деревне 44 коммуниста и на комсомольскую работу — также 44 коммуниста. В порядке оказания практической помощи ЦК РКП(б) послал в Белоруссию на руководящую работу 21 коммуниста²⁷.

В 1925 г., по решению ЦК РКП(б), Центральная советская партийная школа при ЦК КП(б) Б была реорганизована в Коммунистический университет им. В. И. Ленина. В Коммунистическом университете в 1925/1926 г. обучалось 180 студентов, в том числе 87 рабочих и 81 крестьянин; белорусов среди них было 114 чел.²⁸ В этом же году в Белоруссии действовало 17 совпартшкол всех ступеней, в которых обучалось 2890 чел.²⁹

До Великой Октябрьской социалистической революции в Белоруссии не было высших учебных заведений. В 1925/1926 г. в республике насчитывалось уже четыре высших учебных заведения: Белорусский государственный университет, Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, Коммунистический университет и Витебский ветеринарный институт, в которых насчитывалось 7400 слушателей. В это же время на территории республики действовали 24 техникума, из них 10 педагогических, 6 сельскохозяйственных и др. Для подготовки рабочих и крестьян в вузы в Минске, Орше и Горках были созданы рабочие факультеты.

Наряду с этим начали создаваться специальные научно-исследовательские учреждения по различным отраслям знания. Еще в 1922 г. был создан Научно-исследовательский институт белорусской культуры, который впоследствии послужил базой для создания Белорусской Академии наук. В последующие годы был создан ряд других научно-исследовательских институтов.

Чтобы обеспечить выдвижение кадров из самой гущи народных масс, ЦК КП(б) Б взял курс на коренизацию партийных, профессиональных и других органов. Основной задачей КП(б) Б при подборе руководящих партийных и советских работников был учет как политических и деловых качеств, так и знания белорусского языка и местных условий.

²⁷ Отчет ЦК КП(б) Б за май — октябрь 1924 г., стр. 56.

²⁸ БССР, Минск, 1927, стр. 424.

²⁹ Белорусская ССР в цифрах к 10-летию существования БССР, Минск, 1929, стр. 75.

ЦК КП(б)Б неоднократно указывал на необходимость при проведении коренизации партийных, советских, профессиональных и других органов внимательно относиться к обеспечению интересов национальных меньшинств.

Работа партии и Советов по укреплению диктатуры пролетариата в Белоруссии проходила в условиях борьбы Коммунистической партии Белоруссии с тщательно замаскировавшимися врагами — белорусскими буржуазными националистами и поддерживавшими их троцкистами, бухаринцами, зиновьевцами. Вся эта враждебная Коммунистической партии, Советской власти и белорусскому народу вредительская банда, действовавшая по указанию иностранных разведок, опиралась на белорусское кулачество и пыталась насаждать в Белоруссии кулацкие хуторские и отрубные хозяйства. Руками кулаков намеревались они в дальнейшем организовать вооруженную борьбу против Советской власти и облегчить иностранным империалистам осуществление новой интервенции. 27—29 сентября 1924 г. на пленуме ЦК КП(б)Б эти враги народа выступили единым фронтом против ленинского кооперативного плана. Им удалось добиться принятия Земельного кодекса БССР, содержавшего пункты, которые способствовали выходу на хутора и насаждению карликовых поселков³⁰. Одновременно они начали скрытно проводить вредительскую работу в области сельского хозяйства. При землеустройстве лучшие земли часто нарезались кулакам, насаждались карликовые поселки, хутора, отруба, оказывалось особое содействие развитию кулацких хозяйств. Националисты не могли открыто выступать в защиту кулака. Поэтому свою вредительскую работу они маскировали «содействием» развитию сельского хозяйства.

Враги народа разработали и даже сумели добиться утверждения в 1925 г. тезисов Наркомзема Белоруссии «О пятилетнем плане восстановления сельского хозяйства в Белоруссии». Эти тезисы предлагали 80% землеустраиваемых хозяйств организовать в виде небольших хуторских и кулацких поселковых хозяйств, опираясь на которые буржуазные националисты рассчитывали вести борьбу против Советской власти. Центральный Комитет РКП(б) выправил линию ЦК КП(б)Б в этом вопросе. «Тезисы» были осуждены и отвергнуты ЦК партии. Это нанесло решительный удар по планам буржуазных националистов.

Предатели белорусского народа проводили вредительскую работу и в области культуры. Они пытались ядом буржуазной идеологии отравить сознание белорусских трудящихся, проповедовали контрреволюционную «теорию» о «противоположности» двух культур — русской и белорусской. Буржуазные националисты распространяли также другую контрреволюционную «теорию» о классовом «единстве» белорусского народа и отсутствии в Белоруссии эксплуататорских классов. Все эти «теории» были рассчитаны на то, чтобы отравить сознание белорусского народа, в первую очередь молодежи, чтобы содействовать проникновению в Коммунистическую партию выходцев из различных контрреволюционных мелкобуржуазных партий — меньшевиков, эсеров, бундовцев и др.

Под видом осуществления национальной политики партии буржуазные националисты допускали большие перегибы в деле белоруссизации. Так, несмотря на большой процент русского населения, особенно в городах, преподавание на белорусском языке вводилось в школах, где большинство составляли дети, родным языком которых являлся русский язык. При проведении белоруссизации в некоторых случаях увольнялись слу-

³⁰ Партархив ЦК КП(б)Б, ф. 4, св. 6, д. 58, лл. 16—21.

жащие, не успевшие к определенному сроку изучить белорусский язык. Все это делалось для того, чтобы внести рознь среди трудящихся и посорить белорусов с русскими. Буржуазные националисты пытались и другими способами оторвать белорусский народ от братского русского народа. Обосновавшись в терминологической комиссии Наркомпроса БССР, они старались вытравить из белорусского языка все то, что сближает его с русским языком, и искусственно вводили в белорусский язык польскую терминологию, непонятную белорусскому народу. Они пытались также вытравить из белорусского языка слова, рожденные пролетарской революцией. Буржуазные националисты пытались искусственно оторвать белорусскую литературу, науку, искусство, печать от актуальных проблем социалистического строительства.

ЦК РКП(б) постоянно руководил деятельностью Коммунистической партии Белоруссии и исправлял допускавшиеся в республике ошибки. В ноябре 1925 г. ЦК РКП(б) обсудил вопрос «О состоянии и работе Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии». В принятом по данному вопросу решении указывалось, что ввиду большого количества в рядах Коммунистической партии Белоруссии людей, которые состояли ранее в таких партиях, как эсеровская, Бунд и др., и опасности «проникновения мелкобуржуазных влияний в ряды партии», необходимо «уделить в воспитательной работе КП(б)Б особое внимание вопросам истории борьбы большевизма против мелкобуржуазных партий»³¹.

Под руководством ЦК партии был дан решительный отпор всем попыткам ослабления связи Белоруссии с Советским Союзом. Белорусские рабочие и трудящиеся крестьяне воспитывались в духе интернационализма, укрепления революционного, боевого единства трудящихся масс всех советских республик против международного империализма и внутренней контрреволюции.

* * *

За пять лет, прошедших после окончания иностранной военной интервенции и гражданской войны, Советская Белоруссия залечила раны, нанесенные народному хозяйству. Восстановление народного хозяйства в БССР было особенно трудным делом, так как оно началось в чрезвычайно тяжелых условиях хозяйственной разрухи, при наличии широко организованного иностранными империалистами бандитизма и угрозы самому существованию республики со стороны панской Польши.

В течение 1921—1925 гг. Белорусская Советская Социалистическая Республика, разоренная интервентами и белогвардейцами, восстановила свое народное хозяйство до довоенного уровня и достигла больших успехов в развитии культуры.

Рост республики был обеспечен тем, что ее политической основой являлась диктатура пролетариата, экономической же основой — социалистическая промышленность. Решающее значение для экономического, политического и культурного развития республики имели переход к новой экономической политике, объединение советских республик в единое Союзное государство и вхождение в него БССР.

Большое влияние на национально-государственное строительство республики оказало и объединение в составе БССР большинства советских районов с преобладанием белорусского населения.

На основе новой экономической политики укрепился союз рабочего класса и крестьянства и были достигнуты большие успехи в строительстве фундамента социалистической экономики.

³¹ «Известия ЦК РКП(б)», № 43—44 (118—119), от 16 ноября 1925 г.

Восстановление народного хозяйства, успехи в укреплении диктатуры пролетариата, в укреплении смычки между городом и деревней, приближение Советов к массам, территориальный рост БССР, развитие белорусской — национальной по форме и социалистической по содержанию — культуры, создание национальных кадров — все это явилось результатом того, что руководящей силой советского, хозяйственного и культурного строительства являлась Коммунистическая партия. Коммунистическая партия Белоруссии возглавила объединительное движение белорусского народа за создание СССР и вступление в него Белорусской ССР; Коммунистическая партия Белоруссии под руководством ЦК РКП(б) подготовила и провела объединение районов с большинством белорусского населения в составе БССР.

Огромные успехи, которых добилась БССР на всех этапах социалистического строительства, были бы невозможны без правильного осуществления ленинско-сталинской национальной политики. Партийные организации Белорусской республики энергично боролись с уклонами от линии партии в национальном вопросе. КП(б) Белоруссии дала решительный отпор всем попыткам великодержавных шовинистов и белорусских буржуазных националистов посеять рознь между белорусским и русским народами.

Объединение большинства советских районов с преобладанием белорусского населения в составе Белорусской ССР в 1924 г. являлось составной частью тех мероприятий, которые проводились Коммунистической партией и Советским правительством также и в других частях страны (на Кавказе, в Средней Азии и др.). Объединение и укрупнение Белорусской ССР явилось важным этапом на пути к воссоединению всех белорусов в единой социалистической республике, что было полностью осуществлено в 1939 г., в связи с освобождением Западной Белоруссии Советской Армией.

В настоящее время БССР является одной из крупнейших советских социалистических республик. Белорусский народ, как и другие равноправные народы СССР, ликвидировал бывшее неравенство в экономическом и культурном развитии, превратившись в передовую социалистическую нацию.

Сплоченные вокруг Коммунистической партии, трудящиеся Белоруссии, как и все трудящиеся Советского Союза, отдают все свои силы на благо социалистической Родины и уверенно идут вперед по пути к коммунистическому обществу.

М. В. ЛЬВОВА

КАК ПОДГОТОВЛЯЛОСЬ ЗАКРЫТИЕ «СОВРЕМЕННОГО» В 1862 г.

В трудах советских историков и литературоведов по достоинству уже оценена та благородная и самоотверженная борьба, которую вела против самодержавия и крепостничества революционно-демократическая публицистика 1861—1862 гг., возглавлявшаяся редакцией «Современника» и ее идейным вождем Н. Г. Чернышевским. К этому же лагерю принадлежали «Русское слово», ведущее место в котором занимал в эти годы Д. И. Писарев, а также сатирические журналы «Искра» и «Гудок», в 1862 г. возглавленный поэтом Минаевым.

Правительство чрезвычайно боялось того, что революционные идеи могут дойти до сознания крестьянства, которое многочисленными восстаниями в 1861 г. доказало свою активность. Во «всепоподданнейшем отчете главноуправляющего III отделением» за 1862 г. эта мысль сформулирована весьма откровенно. «Положить окончательный предел журнальному волнению тем необходимее, — говорилось в отчете, — что по мере распространения грамотности и развития общественной жизни между низшими сословиями это революционное орудие получает постоянно большую важность»¹. До какой степени революционно-демократический лагерь казался правительству опасным, показывает то ожесточение, с которым власти начали в 1861 г. преследовать «Современник», «Русское слово» и их сотрудников.

С начала 1861 г. во главе министерства народного просвещения был поставлен адмирал Путятин. До этого времени Путятин никакого отношения к вопросам просвещения не имел. Он привлек внимание правительства своей репутацией крутого и жестокого человека, «с твердым характером и железной волей», по выражению министра внутренних дел Валуева². В правительственных сферах считали, что этот человек не постоит ни перед чем и будет очень удобен для нового курса, предусматривавшего переход к крутым репрессиям. Валуев пишет, что «поводом к выбору г. Путятина было состояние наших учебных заведений, и в особенности университетов, где более и более ослаблялась дисциплина и распространялись социалистические и материалистические учения»³. На Путятина возлагалась также задача покончить с революционной печатью, так как, становясь министром народного просвещения, он по положению тем самым оказывался во главе цензурного ведомства.

¹ ЦГИА, ф. III отделения, 1 эксп., л. 104. Интересна помета, сделанная на полях отчета против первых слов: «Только невозможно». Помета, очевидно, принадлежит перу Александра II.

² Выписки из дневника П. А. Валуева — ЦГИАЛ, ф. Валуева, 1861 г., л. 57 об. Выписки с примечаниями к ним, объясняющими те или иные шаги правительства, Валуев сделал в 1868 г., будучи за границей.

³ Там же.

«Современнику» и до 1861 г. приходилось немало страдать от произвола властей и проявлять исключительную изворотливость, чтобы обходить «рогатки» цензуры. В 1861 г. за кулисами различных ведомств началась подготовка к разгрому «Современника». Тщательно готовился материал для обвинения «Современника» и «Русского слова» в противоправительственном и «вредном» направлении, чтобы иметь формальный повод к их закрытию. Чиновнику особых поручений при главном цензурном управлении Берте поручено было следить за «Современником», а цензору Никитенко — за «Русским словом». То, как Берте выполнял свое поручение, как старательно вчитывался в текст статей Н. Г. Чернышевского, как шаг за шагом подбирал доказательства «крамольности» журнала, достаточно показано в книге В. Е. Евгеньева-Максимова ««Современник» при Чернышевском и Добролюбове», где приведены отчеты Берте. Отметим только, что в заключительном отчете этот чиновник характеризовал «Современник» как журнал, статьи которого он нашел «в религиозном отношении лишены всякого христианского значения, в законодательном — решительно противоположными настоящему устройству, в философском — полными грубого материализма, в политическом — одобряющими революции, отвергающими даже умеренный либерализм, в социальном — презрение к высшим классам общества, странную идеализацию женщины и крайнюю привязанность к низшему классу народа»⁴. После этого следует категорический вывод, что журналу нужно сделать последнее предупреждение и, если он не изменит направления, его следует «для пользы государственной» запретить.

Доклад Берте был обсужден и одобрен на заседании членов Главного управления цензуры. В мнениях членов управления любопытно признание полного бессилия цензуры перед журналом. Сколько бы ни вычеркивали строк или отдельных выражений, отмечал председатель петербургского цензурного комитета Медем, сколько бы ни запрещали статей, остаются «неизгладимые следы», заключенные в массе неуловимых намеков и частностей, которые в отдельности кажутся позволительными, а вместе создают «предосудительное» направление журнала и «делаются вредными»⁵. Цензурный чиновник Пржецлавский подчеркивал, что все дело в настроении редакции, враждебной «настоящему порядку вещей»⁶.

Вывод был очевиден: вместо цензурных преследований готовились к закрытию журнала. Та же участь угрожала «Русскому слову», после того как Никитенко в том же 1861 г. заявил о «зловредности» журнала и предложил покончить с ним, сделав ему последнее предупреждение⁷. Казалось бы, что журналы обречены на закрытие. Однако в 1861 г. правительство побоялось провести такую меру по отношению к популярным в обществе журналам. Не тронули и Н. Г. Чернышевского, ограничившись пока лишь тем, что ему запретили выехать за границу. Он был слишком известен и влиятелен в кругах демократической интеллигенции и студенчества, и учинить над ним расправу в условиях еще очень оживленного революционно-демократического движения правительство не решилось.

Правильность этого объяснения подтверждается словами Путятина,

⁴ В. Е. Евгеньев-Максимов. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове, Л., 1936, стр. 500—501.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 772, 1861 г., д. 322, л. 7.

⁶ Там же, л. 8.

⁷ Записка А. В. Никитенко о направлении журнала «Русское слово» — «Русский архив», 1895, № 2, стр. 225—228.

который во «всеподданнейшем докладе» сокрушается, что такие средства, как «тюремное заключение и тем более ссылка», еще невозможны, так как журналисты, «к сожалению, находят в обществе сочувствие к себе большинства»⁸. Сам Путятин вскоре должен был испытать непопулярность крутых мер. Откровенно репрессивные методы, которые он применял при расправе с волнениями студентов, восстановили против него широкие круги общества, о чем свидетельствуют даже симпатизировавшие ему современники⁹.

Было очевидно, что и по отношению к литературе еще рано выступать открыто. Нужны были более гибкая политика и другой человек для ее проведения.

Таким человеком был назначенный в конце 1861 г. на место Путаева А. В. Головин. Этот «просветительный Квзимодо», как назвал его один из редакторов, сочетал в своем характере хитрость, двоедушность, карьеризм и ханжескую сентиментальность. Головин слыл либералом (чему он сам удивлялся)¹⁰, очевидно, потому, что служил личным секретарем у вел. кн. Константина Николаевича, позволявшего себе в 50-х годах некоторые либеральные жесты. В либеральных кругах считали Головина почти своим. И. С. Тургенев просил в письме к Герцену от 11 февраля 1862 г. «не трогать» Головина. «За исключением двух-трех вынужденных и то весьма легких уступок,— писал Тургенев,— все, что он делает,— хорошо»¹¹. Больше того, даже в кругу «Современника», как увидим ниже, заблуждались относительно истинного лица этого чиновного иезуита¹². При таких условиях руками Головина правительство могло сделать значительно больше, чем руками такого откровенного «охранителя», каким был Путятин.

Любопытно, что Головин старался упрочить общее заблуждение относительно своего «либерализма». Так, он запрашивал у И. С. Аксакова, чем он может быть полезен в издании «Дня»¹³, посылал И. И. Панаеву записочки, из которых редакция «Современника» должна была заключить, что новый министр — истинный друг «Современника» и радетель русского просвещения¹⁴. Эта игра нужна была Головину для того, чтобы лучше выполнить свою программу действий: сделать литературу, по его собственному выражению, «безвредною», «дать ей по возможности направление, соответствующее видам правительства, и извлечь из нее пользу, как из сильного орудия народного просвещения для распространения здравых понятий, а не вредных учений»¹⁵. Как Головин представлял себе путь к решению поставленной задачи, видно из его секретного письма к Валуеву. В начале 1862 г., т. е. вскоре после своего

⁸ «Всеподданнейший доклад» Путаева от 1861 г.— ЦГИАЛ, ф. 772, 1861 г., д. 350, л. 2.

⁹ См., например, «Воспоминания» Д. А. Милютин за 1861 г.— Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина, отдел рукописей, ф. Д. А. Милютин, 1861 г., лл. 37, 39; Записки гр. Дм. Ник. Толстого — «Русский архив», 1885, № 2, стр. 51.

¹⁰ См. автобиографию Головина — ЦГИАЛ, ф. Головина, 1850—1866 гг., д. 6, т. III, л. 6.

¹¹ Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену, Женева, 1892, стр. 144.

¹² А. Панаев пишет: «Головин был первый министр просвещения, которым литераторы могли быть вполне довольны, потому что он делал по возможности все, что мог, для писателей» (А. Панаев. Воспоминания, М.—Л., 1948, стр. 289).

¹³ И. С. Аксаков в его письмах, т. IV, М., 1896, стр. 228.

¹⁴ См. И. И. Панаев. Соч., т. 6. СПб., 1888, стр. 410—411.

¹⁵ «Всеподданнейшая записка» Головина от 5 февраля 1862 г.— Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей (в дальнейшем — сокращено ГПБ), ф. Головина, «Всеподданнейшие записки», т. I, л. 22.

назначения, Головнин писал, что он ставит своей целью «введение большей и большей строгости, вплоть до увольнения цензоров и прекращения журналов»¹⁶. О прекращении каких журналов шла речь,— ясно из предыдущего.

Головнин составляет одну за другой «всеподданнейшие записки», в которых, не скупясь на краски, старательно подчеркивает опасности, грозящие самодержавию со стороны революционно-демократической литературы. По его словам, «некоторые» литераторы хотят уравниения сословий, равенства перед законом, народного представительства, свободы слова и печати. Стремясь к полному государственному переустройству, пишет Головнин, эти писатели не допускают «постепенности и естественного хода административных и законодательных учреждений, но ожидают осуществления своих идей через перевороты и действие материальной силы народных масс»¹⁷.

Подобная же записка без подписи и заглавия сохранилась и в делах III отделения. Автор ее дал характеристику всем периодическим изданиям своего времени с точки зрения «охранителя». В записке подчеркивалось, что «Современником» распоряжается Чернышевский, «известный своими коммунистическими убеждениями», значительная же часть сотрудников журнала обнаруживает «более или менее радикальные убеждения и явную склонность к материализму и отрицанию веры». В записке далее отмечается, что «Русское слово» сдано Кушелевым-Безбородко Благосветлову, Писареву и Попову, которые также «более или менее склонны к ультра-либеральным мыслям». Отмечалось также, что «Искра» и «Гудок» «требуют строгого и бдительного надзора со стороны цензуры»¹⁸. Возможно, что эта записка принадлежит тому же Головнину. Во всяком случае, в делах III отделения остались следы какой-то «весьма секретной» записки Головнина, которая, по просьбе автора, была ему возвращена. В заметке же (без подписи) на эту записку выражается согласие с мнением Головнина о «пагубном» направлении журналистики, но не всей, а только «Современника» и «Русского слова». Автор заметки предлагает денежной поддержкой благонамеренным журналам отвратить «опасность от развития в нашей журналистике социализма»¹⁹.

Головнин не менее автора «заметки» учитывал, что большая часть либералов сомкнулась с крепостническим лагерем для борьбы против революционных сил. Недаром он в одной из «всеподданнейших записок» указывал, что теперь самое время решить поставленные перед ним задачи, так как в литературе есть силы, готовые «дать отпор вредным учениям»²⁰. В своей программе министр имел в виду широко использовать либералов для активной поддержки тех реакционных мероприятий, которые правительство проводило и готовилось дальше проводить. Помощником министра в проведении намеченной программы был личный его друг, председатель петербургского цензурного комитета В. А. Цез.

Цез изложил свою точку зрения на руководство делами литературы в пространной записке, предназначенной в начале 1862 г. для прочтения

¹⁶ ЦГИАЛ, ф. Валуева, карт. 61, л. 30.

¹⁷ «Всеподданнейшая записка» Головнина от 5 февраля 1862 г. ГПБ, ф. Головнина, «Всеподданнейшие записки», т. I, л. 25.

¹⁸ ЦГИА, ф. III отделения, 1 эксп., 1861 г., д. 158, лл. 7 об.— 9 об.

¹⁹ Там же, л. 13—13об.

²⁰ «Всеподданнейшая записка» Головнина от 5 февраля 1862 г. ГПБ, ф. Головнина, «Всеподданнейшие записки», т. I, л. 22.

царю и министру внутренних дел²¹. Из записки следует, что литературу нужно «направлять», для чего цензурные власти должны войти в доверие к писателям. Цеэ предполагал лично беседовать с редакторами и литераторами, разыгрывая роль покровителя литературы, но в то же время намекая в беседах, что он может быть и «сердитым», если они не будут послушными. В записке говорится, что Цеэ уже имел такие беседы, убеждая редакторов и писателей в том, что правительство идет по пути прогресса и что всякая оппозиция — «беспочвенна и бессмысленна». Ясно, что собеседниками его были либералы, много кричавшие о прогрессе. Он, наконец, объявил им, что впредь намерен быть «до крайности строгим ко всем статьям, которых явная цель не польза, а голословное нареkanie, возбуждение против существующего порядка, и, напротив, быть чрезвычайно снисходительным к таким статьям, где серьезно, основательно и с желанием истинной пользы указывается на существующие злоупотребления или на способы их пресечения, не касаясь... трех основных начал нашего русского общества: самодержавия, религии и нравственности». Любопытен ответ, который, по свидетельству Цеэ, дали ему его собеседники. «Большинство литераторов отозвались с готовностью на мой вызов», — пишет он, но обещали не вдруг оставить «прежний образ действий», а постепенно, чтобы не лишиться доверия публики.

Уже этот рассказ ярко показывает все лицемерие либералов, так много кричавших о «независимости» их органов от правительства, желая тем самым привлечь к себе более широкий круг читателей. Некоторые детали других закулисных сделок либеральных издателей и писателей с правительственными чиновниками делают картину еще ярче. Усов, редактор «Северной пчелы», сообщает, что он, а за ним и некоторые другие «литераторы» получили от Головнина письмо, в котором извещалось, что по «всепоподданнейшему» докладу министра «о просвещенном направлении» издаваемой Усовым газеты и «неоспоримом таланте редактора» ему и другим разрешено получать из-за границы периодические издания без цензуры²². В конце своего письма Головнин выражал, между прочим, уверенность, что благодетельствованные им воспользуются этой льготой, чтобы, согласно своим убеждениям, опровергать те учения, которые они признают ложными, «и которые, проникая тайными путями в Россию, оставаясь без возражения, имели вредное влияние на людей молодых и недоучившихся»²³.

Подобную же льготу получили Катков и Леонтьев («Русский вестник»), Н. Павлов («Наше время»), А. Краевский и А. Старчевский («Сын отечества»).

Как видно из слов Головнина, это разрешение он рассматривал, как некоторую подачку, за которую упомянутые писатели были обязаны ему отплатить. Еще только в 1860 г. Греч и Усов ходатайствовали о разрешении получать заграничные издания без цензуры и не получили этого разрешения, а теперь, без всякого с их стороны прошения, сам министр предложил им давно желанное право.

Особенно тесное содружество установилось у Головнина с Краевским. Об этом мы можем судить по их переписке. В своих письмах Головнин предлагал Краевскому темы для статей и подсказывал, в каком духе

²¹ Копия со «всепоподданнейшей записки» В. А. Цеэ — ЦГИАЛ, ф. Валуева, 1864—1880 гг., д. 53, лл. 15—16.

²² П. Усов. Из моих воспоминаний — «Исторический вестник», 1882, январь, стр. 119.

²³ Там же.

желательно для него освещение того или иного вопроса. Например, в письме от 2 апреля 1862 г. Головнин посылал Краевскому статью об «университетских беспорядках» и предлагал напечатанием ее возбудить толки в журналах по этому вопросу²⁴. Позднее, когда Краевский начал издавать «Голос», ни для кого не было тайной, что Головнин субсидировал эту газету.

Впрочем, Краевский, должно быть, служил не только Головнину, но и другим хозяевам. Об этом говорит следующее письмо Н. Арсеньева от 10 июня 1862 г., адресованное А. Л. Потапову, начальнику III отделения: «А. А. Краевский просил меня узнать у вашего превосходительства, должен ли он считать отношения собственно с вами тоже окончеными по случаю нежелания Петра Александровича (Валуева.— М. Л.) или обязанности его по вашим указаниям и требованиям остаются в прежней силе. В последнем случае он предлагает свои услуги на бывших кондициях: (собственно половинных), но с тем, чтобы Валуев не вмешивался в это дело, которое должно остаться единственно между Вами и Краевским»²⁵. Не ясно ли из этого, что Краевский служил не только Головнину, но также III отделению и министру внутренних дел Валуеву?

Пантелеев, со слов Кавелина, свидетельствует, что Головнин, предоставив субсидию Краевскому, отказал в ней Каткову²⁶. Между последним и Головинным, во всяком случае, сложились более холодные отношения. Головнин пытался иным путем добиться добрых отношений с московским редактором. Об этом свидетельствуют некоторые факты. Например, 31 августа 1862 г. Головнин, отвечая на просьбу Каткова ослабить цензуру, хотя и указывал на невозможность это сделать, но все же счел нужным рассыпаться в комплиментах перед редактором «Русского вестника», заявив, что правительство надеется на помощь «писателей действительно просвещенных и желающих пользы России» в борьбе с «вредными учениями»²⁷. Желая задобрить влиятельного редактора, Головнин дал право Каткову выписывать без цензуры заграничные издания; с этой же целью он запрашивал его мнение о новом проекте цензурного устава²⁸. Как увидим дальше, Головнин содействовал распространению катковских статей против Герцена. Он же в письме, извещавшем о передаче «Московских ведомостей» Каткову, подчеркивал, что это сделано «в уважение его опытности, знаний и известности», несмотря на более выгодные для министерства условия (с 10 тыс. руб. надбавки в год), предложенные со стороны других лиц²⁹.

В числе «облагодетельствованных» Головинным лиц был и Н. Ф. Павлов. Некогда, по словам И. И. Панаева, Павлов имел репутацию «очень либерального и неподкупного человека»³⁰, но в 1862 г. он отказался от «увлечений юности» и стал издавать реакционную газету «Наше время», которая была целиком взята Валуевым на содержание. В письме к Пу-

²⁴ ГПБ, ф. Краевского, письма, т. I, л. 261.

²⁵ ЦГИА, ф. III отделения, 1 экз., д. 200, лл. 69—70.

²⁶ Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого, М.—Л., 1934, стр. 134, прим.

²⁷ РОБЛ, ф. Каткова, кат. ²/₂₉, письмо 1. Между прочим, Катков в ответном письме категорически отрицал, что просил Головнина о смягчении цензуры, ссылаясь на то, что только его врагам выгодно распускать слухи о связях Каткова с правительством. И без того, жаловался Катков, его журнал стали называть «подлым и вредным» (там же, кат. ⁴⁹/₁₂).

²⁸ Там же, кат. ²/₂₉, письмо 2.

²⁹ Там же, письмо 3.

³⁰ И. И. Панаев. Литературные воспоминания, Л., 1928, стр. 294.

тятину министр внутренних дел откровенно сознавался, что вынужден сделать это, так как влияние изданий, «враждебных существующему порядку», растет, а правительственная пресса совершенно бессильна перед ними. В широких кругах читателей, настроенных оппозиционно, а иногда и враждебно к правительству, продолжал Валуев, официальная пресса не пользуется никаким доверием. Поэтому «правительство обязано покровительствовать тем честным изданиям, в стремлении которых оно встречает явные залого общественного спокойствия»³¹.

В архиве Цез сохранилась записка с планом еще более широкого использования «Нашего времени» в интересах реакции. Между прочим, в этом плане имелось в виду привлечь в качестве если не редактора, то основного сотрудника Б. Н. Чичерина, который уже выступал на страницах этой газеты с воинствующими реакционными статьями.

Хотя сам Чичерин стремится в своих воспоминаниях уверить читателя, что он действовал «независимо», и объясняет свое участие в «Нашем времени» просто личной симпатией к Павлову³², в этом факте все равно нашли свое отражение ренегатство либерала и его переход на позиции крайней реакции. Н. Г. Чернышевский еще в 1859 г. предсказал политическое будущее Чичерина, а на его примере — вообще будущее либералов³³. Теперь, в 1862 г., великий революционер-демократ, вспоминая свой прогноз, отмечал в «Свистке»: «Я прозрел философским взором, что молодой ученый скоро будет понимать обязанности полицейского служителя в совершенстве, какого не достигают сами полицейские чиновники»³⁴.

Самодержавное правительство по заслугам отметило верноподданническое усердие Чичерина. Был издан специальный циркуляр, запрещающий цензуре пропускать статьи, направленные против него³⁵.

Более бесцеремонно обращался Головин с такими лицами, как редактор «Сына отечества» А. В. Старчевский. Это издание было очень распространено в обывательской среде, никаким авторитетом в кругах интеллигенции не пользовалось и встречало полное презрение со стороны «Современника». Немало пришлось Старчевскому выдержать насмешек за пошлость содержания его журнала и за манеру бесплатно перепечатывать статьи из других журналов. В правительственных кругах не заблуждались относительно общественного веса Старчевского, но ценили его за благонамеренность и услужливость, а также за распространенность его журнала в среде мещанства, мелких служащих и купечества. В III отделении имеется такая характеристика «Сына отечества»: «не имеет никакого особенного политического направления, благонамерен». «Редактор — Старченский (описка в подлиннике. — М. Л.), не отличающийся большим талантом сочинения, заботится преимущественно о дешевизне издания»³⁶.

³¹ ЦГИАЛ, ф. 773, 1862 г., д. 103, лл. 139—140. Интересно, что Павлов оскорбился и обозлился, когда И. И. Панаев в «Записках нового поэта» намекнул на его продажность, сказав, что он обеспечил на 1862 г. существование газеты независимо от подписки (см. «Наше время», 1862, № 32).

³² Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина, М., 1929, стр. 69.

³³ Н. Г. Чернышевский. Чичерин как публицист — «Современник», 1859, май, отд. «Современное обозрение», стр. 28—58.

³⁴ «Современник», 1862, январь — февраль, «Свисток», стр. 45—46.

³⁵ Головин 3 марта 1862 г. докладывал о какой-то «основательной статье», направленной против Чичерина и поэтому запрещенной. «Это запрещение лишает г. Чичерина возможности возражать», — заметил Головин, на что Александр II ответил: «Хотя замечание и справедливо, но подобных статей никаких пропускать нельзя» (ГПБ. ф. Головина, «Всподданнейшие записки», т. I, л. 88).

³⁶ ЦГИА, ф. III отделения, 1 экзп., 1861 г., д. 158, л. 6 об.

В погоне за этой «дешевизной» Старчевский охотно продался Головнину. Сохранилась поразительно откровенная «всеподданнейшая записка» последнего, в которой он прямо говорит, что собирается призвать редактора «Сына отечества», чтобы «потребовать от него целого ряда благонамеренных статей»³⁷, за то, что, по ходатайству министра просвещения перед почтовым ведомством, была удешевлена пересылка журнала.

Подкупив редакторов, Головнин и Цеэ натравливали их на революционную прессу, разжигая и без того безудержную травлю «Современника». Цеэ в упомянутой выше «всеподданнейшей записке» со злобой пишет, что только «Современник» не меняет своего направления, «за что я против него действую все строже; часто запрещаю целые статьи, из которых некоторые (как, например, статья Серно-Соловьевича) были представлены на высочайшее воззрение; вскоре я употребил еще другое весьма действенное средство: две из наших лучших газет «Северная пчела» и «Русский инвалид» в дельных, умных и резких статьях опровергают учение «Современника» и, можно надеяться, окончательно подточат его значение и влияние»³⁸.

Головнин, далее, организовал травлю Герцена. Известно, что до 1862 г. имя Герцена было вообще запретно в России. Теперь Головнин изменил тактику и организовал в 1862 г. поход русской реакционной прессы против издателей «Колокола», причем во главе похода стал бывший либерал Катков. Известна история со статьями Шедо-Ферроти, инспирированными Головниным, но дело не только в них. Головнину же обязаны своим распространением катковские статьи: «Наши заграничные refugies» и «Заметка для издателя «Колокола»», полные брани и клеветы.

Когда появилась первая из них и была доложена Александру II, он отметил, что это «весьма хорошая статья» и поинтересовался, кто ее автор³⁹. Вторую статью Каткова Головнин, с согласия главноуправляющего III отделением Долгорукова, приказал перепечатать в наиболее распространенных изданиях⁴⁰, в частности в «Сыне отечества», имевшем 19 тыс. подписчиков⁴¹. При этом, как справедливо отмечает Лемке, ни одна статья, направленная против этого потока грязи, пропущена не была, хотя такие статьи присылались в цензуру⁴². Шесть из них напечатаны в сборнике недозволенных статей; среди них имеются очень сильные, полные возмущения и улик против Каткова⁴³, а страстный протест Д. И. Писарева против клеветнической брошюры Шедо-Ферроти стоил ему свободы.

Новый повод пустить в ход свою «машину» подали Головнину университетские события: закрытие вольного университета и история с лек-

³⁷ ГПБ, ф. Головнина, «Всеподданнейшие записки», 1862 г., т. II, л. 121.

³⁸ Копия «всеподданнейшей записки» Цеэ 1862 г.— ЦГИАЛ, ф. Валуева, 1864—1880 гг., д. 53, л. 16. Следы попыток Цеэ заставить «Современник» служить его целям находим в письме Н. А. Некрасова к Цеэ (апрель 1862 г.). Некрасов отказывается выполнить предложение Цеэ и напечатать в «Современнике» положительную рецензию на какое-то сочинение, мотивируя отказ следующим образом: «Не то, что мы расходились с автором в том, что он говорит о главном предмете своей книги, но этот главный предмет соприкасается с другими, о которых «Современник» часто высказывался иначе» (Н. А. Некрасов. Письма 1840—1877 гг., под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова, Л., 1930, стр. 374).

³⁹ ГПБ, ф. Головнина, «Всеподданнейшие записки», т. II, л. 104.

⁴⁰ Там же, л. 154.

⁴¹ Там же, л. 171.

⁴² М. К. Лемке. Эпоха цензурных реформ, СПб., 1904, стр. 163.

⁴³ Сборник статей, недозволенных цензурой, т. II, СПб., 1862, стр. 242—332.

цией проф. Н. И. Костомарова⁴⁴. Головинин решил использовать инцидент на лекции Костомарова для того, чтобы обвинить во всем случившемся молодежь и разгромить революционную часть студенчества⁴⁵. Осуждение революционных студентов должно было исходить от общества, как бы возмущенного поведением студентов. В таком духе была заказана статья некоему Эвальду, затем эту статью разослали по послушным Головинину редакциям «Северной пчелы» и «Петербургских ведомостей», которые в это время редактировал Краевский⁴⁶. Статья появилась под названием «Учиться или не учиться?» и должна была открыть «дискуссию», которая дала бы возможность наемным писакам обрушить на революционную часть молодежи новые потоки клеветы, запугать ее, оторвать от «коноводов» «революционной партии».

С обличением Эвальда (который скрыл свое имя под псевдонимом «Б») выступил Н. Г. Чернышевский, поместивший в «Современнике» статью «Научились ли?»⁴⁷. Н. Г. Чернышевский разоблачал связь Эвальда с правительством и заклеил его, как невежду и мракобеса. Из этого частного случая великий революционер-демократ, как всегда, делал широкие обобщения, обличая весь строй самодержавной России и срывая маску с либералов.

Эвальд в начале статьи заявлял о стремлении общества к учению, о чем говорят «сотни новых журналов, десятки воскресных школ». Где эти «сотни» журналов? — спрашивает Чернышевский. Они были бы нужны, но их нет. Почему? «Потому, что по нашим цензурным условиям невозможно существовать сколько-нибудь живому периодическому изданию нигде, кроме нескольких больших городов». «Десятки воскресных школ» на 60 млн. населения. Это ничтожно мало, и почему получилось такое положение? «Оттого, что они подозреваются, стесняются, пеленаются, так что у самых преданных делу преподавания в них людей отбивается охота преподавать».

Автор, спрашивает Чернышевский, хочет поговорить об университетских «беспорядках»? Тут есть о чем поговорить: людей хватили и держали по месяцу в тюрьмах только потому, что они оказались в это время на набережной. Но автор не об этом рассказывает. Он обвиняет студентов в том, что они, не желая учиться, довели своими волнениями дело до закрытия университета. Чернышевский разоблачает эту клевету, доказывая, что правительство довело студентов до выступлений. Если не так, говорит он, опубликуйте документы. «Мы доказали, что события, имевшие своим следствием закрытие университета, произошли от недовольства студентов «правилами», отнимавшими у большинства их возможность учиться».

Эвальд хотел напугать студентов, показывая, куда ведет их увлечение «либералами», и при этом приводил выдержку из сочинений Чернышевского. Но, говорит Н. Г. Чернышевский, «либералы всегда отвергали всякую солидарность со мною...» Кроме того, студенты никогда не заблуждались относительно либералов, «всегда считали их людьми пустыми..., пустозвонами».

⁴⁴ Н. И. Костомаров отказался прекратить лекции, как это было решено студенческим комитетом после высылки проф. Павлова за его речь «О тысячелетии России», чем вызвал возмущение студентов.

⁴⁵ «Всепопданнейшая записка» от 26 апреля 1862 г. — КПБ, ф. Головинина, «Всепопданнейшие записки», т. II, л. 255.

⁴⁶ Письмо Головинина к Краевскому от 2 апреля 1862 г. — ГПБ, ф. Краевского, письма, «Г», л. 261.

⁴⁷ «Современник», 1862, апрель, отд. «Современное обозрение», стр. 345—356.

В ответ на замечание Эвальда о том, что либералы — республиканцы, Н. Г. Чернышевский замечает: «Это последнее слово уже никак не применимо к нашим либералам, которые от республиканских понятий гораздо дальше, чем от понятий, свойственных автору статьи».

Статья была боевая, резко обвинявшая во всем правительство. В редакции «Современника» не надеялись, что она будет пропущена, и были изумлены, что статья благополучно прошла цензуру. Антонович (а может быть, и другие) приписали этот факт гуманности Головнина. «Вот как великодушна бывала иногда цензура, находившаяся в ведении министерства народного просвещения», — писал впоследствии Антонович⁴⁸. Но он заблуждался. На самом деле статью, действительно, пропустил Головнин, но не из великодушия, а следуя своему методу разрешать высказываться вслух противной стороне, чтобы потом напустить на нее свору наемных литераторов. Головнин называл это «завязать дискуссию». Об этом совершенно отчетливо министр говорил в объяснении Александру II, который обратил внимание цензурного ведомства, пропустившего статью Чернышевского, на допущенную им оплошность. В этом объяснении, между прочим, Головнин называет статью Н. Г. Чернышевского «оправданием», тем самым подчеркивая, что все затевалось им ради того, чтобы обвинить перед обществом лагерь «Современника» в подстрекательстве к «беспорядкам». На ответное замечание Александра II, что все же статья, написанная «в таком смысле» и в «таких выражениях», не должна была быть допущена, министр изложил дальнейшие свои намерения: «Предписать ныне же цензуре допускать статьи только с крайнею разборчивостью и в умеренных выражениях, чем, к сожалению, не отличаются статьи по сему предмету Чернышевского, а недели через две и вовсе прекратить печатание подобных статей»⁴⁹.

Между прочим, в этой «дискуссии» орудием Головнина выступил и Н. И. Костомаров, с которым министр пожелал познакомиться и которого очаровал своею любезностью⁵⁰. Статью Костомарова, как «смелую и благонамеренную», Головнин прислал на прочтение царю. В статье особо подчеркнуты места, очевидно, наиболее отвечавшие интересам правительства. Прежде всего царю понравилась защита Костомаровым «чистой науки» и недовольство им той частью молодежи, которая считает такую науку «бесполезной» и требует от профессора применения научных знаний к современным вопросам жизни, а также верности прогрессивным идеям. Александру II понравилось требование негодующего профессора, чтобы такие студенты покинули университет. Он пугал молодежь неизбежным, «страшным» исходом их увлечений идеями, которые во Франции сопровождались гильотиной, а в России расправами Разина над дворянством⁵¹.

После известных петербургских пожаров Головнин и Цеэ способствовали разжиганию в печати травли студенческой молодежи и революционно-демократических элементов общества. Известно, что Головнин просил разрешения опубликовать опровержение слухов, обвинявших студентов в поджогах. Но лицемерие этого жеста будет понятно, если учесть, что в это же время тот же Головнин в подтверждение успешности своих действий представлял царю статьи, «вызванные личным влиянием пред-

⁴⁸ М. А. Антонович. Рецензия на «Литературные воспоминания А. В. Эвальда» — «Минувшие годы», 1908, май — июнь, стр. 332.

⁴⁹ «Всепопданнейшая записка» от 14 мая 1862 г. — ГПБ, ф. Головнина, «Всепопданнейшие записки», т. II, л. 201.

⁵⁰ Автобиография Н. И. Костомарова, М., 1922, стр. 296.

⁵¹ ГПБ, ф. Головнина, «Всепопданнейшие записки», 1862 г., т. II, л. 77.

седателя цензурного комитета» (т. е. Цеэ), в которых поддерживался слух о связях поджигателей с революционной пропагандой и якобы от имени «общества», «народа» высказывалось требование «скорого суда» над заподозренными в поджогах. Статьи, инспирированные Цеэ, печатались в различных распространенных изданиях: «Сыне отечества», «Северной пчеле», «Петербургских ведомостях».

В августе 1862 г. Головин вызвался спасти престиж русского правительства перед лицом иностранных капиталистов, напечатав статьи, написанные по его заказу Скарятиним, в которых автор доказывал, что Россия от революции далека, что правительство пользуется поддержкой общества, и иностранные капиталисты получают невиданные прибыли, поместив свои капиталы в России⁵².

Головин считал, что он добился успеха, так как либеральные органы все более переходили на позиции крайней реакции. Однако дело было вовсе не в его ухищрениях. Либералы по мере углубления революционно-демократического движения все более злобно выступали против революционных демократов, мало-помалу оставляли свою игру в оппозицию и все более смыкались с крепостническим лагерем. Старания Головина нашли благодарную почву.

Одновременно с подкупом министр пускал в ход запугивание либералов, строго следя, чтобы в «благонамеренных» журналах не проскользнули материалы, идущие вразрез с «преднамерениями» правительства. Множество различных постановлений было направлено против хотя бы косвенного одобрения конституционных порядков, против статей, содержащих факты национально-освободительного движения в Финляндии и Польше, освещавших университетские события и т. д. Головин уже 14 января 1862 г. с удовлетворением докладывал Александру II, что его строгие меры привели к тому, что «цензура не решается пропустить статей, которые еще на днях были бы напечатаны без затруднений»⁵³.

В «систему» Головина, как он сам говорил Александру II, входило наступление на литературу силами всех ведомств. Этим объясняется привлечение им к руководству цензурными делами министра внутренних дел Валуева.

Существует в литературе мнение, что Головин и Валуев были не только личные враги, но и принципиальные противники, причем «либеральный» Головин якобы защищал литературу, а обскурант Валуев ее преследовал. На самом деле, если между обоими министрами и наблюдался личный антагонизм⁵⁴ (что не мешало им вести дружескую переписку до самой смерти Головина), то в делах литературы они проводили совершенно одинаковую политику и сознательно шли рука об руку, как ярые проводники реакции.

Впервые Головин обратился к Валуеву по делу цензуры еще 1 января 1862 г., прислав ему для отзыва статью Щапова⁵⁵. Вскоре Головин

⁵² «Всеподданнейшая записка» от 17 августа 1862 г.— ГПБ, ф. Головина, «Всеподданнейшие записки», 1862 г., т. II, лл. 236—237.

⁵³ ГПБ, ф. Головина, «Всеподданнейшие записки», 1862 г., т. I, л. 8.

⁵⁴ В выписках из дневника Валуева имеется немало пренебрежительных выражений по адресу Головина, главным образом за его двуличие. Головин в личных черновых набросках называет Валуева «реакционером с ультраполицейским направлением» (ЦГИАЛ, ф. Головина, 1872—1873 гг., д. 32, л. 62).

⁵⁵ «Пахнущую за версту пугачевщиной», — заметил Валуев. Характерно, что, зная двуличность министра просвещения, Валуев отнесся недоверчиво к его шагу. «С какой целью», — размышлял Валуев, — прислал ему Головин статью. «Я свое мнение высказал. Вчера он меня благодарил. Так ли?» — записал Валуев в своем дневнике (ЦГИАЛ, ф. Валуева, 1862 г., л. 106).

надумал привлечь министра внутренних дел к управлению цензурным ведомством. Обязанности были разделены следующим образом: предварительная цензура оставалась за министерством народного просвещения, а министр внутренних дел следил за нарушениями цензурных законов в печатных изданиях и давал строгие указания министру просвещения наказывать виновных. Весь смысл этой затеи открыл Головнин в следующем секретном письме к Валуеву: «Вы пишете раз в неделю указания мне, итого в год 52 указания, не заботясь о последствиях. Эти указания будут в моих руках сильнейшим средством поддерживать бдительность цензоров, и я надеюсь, что число указаний в будущем уменьшится. Тут, право, нет для вас терний, ибо взыскивать придется мне»⁵⁶. Головнин хотел остаться в глазах литераторов невольной жертвой консерватора Валуева. Скрываясь за этой ролью и жестоко карая непокорных, ему легче было приобрести доверие писателей «благонамренных».

Валуева не пришлось уговаривать. Он прекрасно учитывал, как важно ему держать в своих руках такое могучее оружие, как печать⁵⁷. Недаром он подчеркивал в своем отчете, что еще Путятин, ввиду распространения тайной прессы, как заграничной, так и местной, предложил передать цензуру в министерство внутренних дел, так как цензура в министерстве народного просвещения «оказывается не вполне состоятельной в борьбе с уклонениями писателей от цензурных правил»⁵⁸. Поэтому Валуев рьяно принялся за новые обязанности, которые были ему поручены 8 марта 1862 г. согласно «высочайшему повелению», составленному по записке Головнина. По этому «повелению», Главное управление цензуры упразднилось. Цензоры, оставшиеся при министерстве народного просвещения, попрежнему цензуровали сочинения до их напечатания, но печатные издания теперь проверяли чиновники бывшего Главного управления цензуры, перечисленные в министерство внутренних дел. О промахах, допущенных цензурой, сообщалось в министерство народного просвещения для принятия соответствующих мер.

Мы видим, что здесь был осуществлен и другой замысел Головнина: была ликвидирована коллегиальность в решении цензурных дел путем упразднения Главного управления цензуры. Кроме того, сделан был жест для удовлетворения либералов: изымались из общей цензуры официальные и ученые издания и учреждалась комиссия для пересмотра действующих цензурных постановлений⁵⁹.

В исполнении хитроумного плана Головнина Валуев принял самое горячее участие и значительно перешагнул рамки, предназначенные ему. За один 1862 г. он сделал 67 замечаний по поводу цензурных упущений⁶⁰. Каждым замечанием Валуева Головнин пользовался для того, чтобы писать цензорам все новые и новые циркуляры, ссылаясь на министра внутренних дел. Самому же Валуеву он писал: «Более и более понимаю, что без вашего содействия один я не мог бы ничего сделать»⁶¹.

Но «замечаниями» не ограничивалось «внимание» Валуева к судьбам литературы и печати. В мае 1862 г., когда правительство перешло к еще более свирепому террору по отношению к революционным кругам, Валуев разработал новые реакционные «Временные правила о надзоре за

⁵⁶ ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 61, л. 30. Подчеркнуто в подлиннике.

⁵⁷ Там же. Выписки из дневника.

⁵⁸ Там же. Отчет министра внутренних дел 1861—1863 гг., л. 12 об.

⁵⁹ См. М. К. Лемке. Эпоха цензурных реформ, СПб., 1904, стр. 130—131.

⁶⁰ Замечания Валуева по поводу «Современника», опубликованные в сб. «Шестидесятые годы», М.—Л., 1940, стр. 388.

⁶¹ ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 61, л. 30.

типографиями». «Временные правила» должны были поставить под строжайший контроль правительства все типографии и печатные станки, чтобы они не могли быть употреблены для целей революционной пропаганды. В записке по этому вопросу Валуев ссылался на распространение «с некоторого времени» «возмутительных сочинений и воззваний, не только выходящих из заграничных русских типографий, но и неизвестно где печатаемых»; это показывает, писал он, что надзор за «местами тиснения» недостаточен. Чтобы исправить такое «упущение» властей, Валуев, по его словам, уже принял некоторые меры: запросил у начальников губерний сведения о всех имеющихся типографиях, литографиях и сведения о том, сколько кому привезено с начала 1861 г. по 1 апреля 1862 г. типографских прессов, станков и шрифтов⁶².

Домогательства Валуева были удовлетворены, и 14 мая 1862 г. Комитет министров утвердил «Временные правила надзора за типографиями»⁶³. Типографиям и продавцам типографского оборудования вменялось в обязанность иметь шнуrowые книги, в которые первые записывали выполняемые заказы, а вторые — адрес и имя покупателя и разрешение на покупку того или иного предмета, необходимого для печатания. Особые чиновники, состоявшие при полицейских управлениях, должны были наблюдать за типографиями. В их обязанность входило следить за выполнением правил 14 мая и пресекать тайное печатание, а также печатание сочинений, не прошедших цензуру⁶⁴. Для этого чиновники должны были совершать частые осмотры типографий. В уездных городах и селах такой надзор поручался местной полиции. После принятия «правил» начались обыски, поиски шрифта и следов тайных типографий⁶⁵.

Утверждением «Временных правил» Валуев не удовлетворился. 5 июля 1862 г. он представил комитету министров доклад «О мерах для противодействия путем печати нынешнему направлению литературы». По этому докладу последовало «высочайшее повеление» в духе, обычном для правительственной политики того времени: предписывалось строго подтвердить цензорам запрещение допускать статьи, «явно вредные по своему направлению или по неприличию изложения». Было также решено обязать ведомства иметь свои издания, в которых должны были печататься сведения о различных мерах, принимаемых «к улучшению этой отрасли управления». В заключение предписывалось «возбуждать частные повременные издания к более справедливому и благонамеренному направлению»⁶⁶.

Кроме министра внутренних дел, поддержку в контроле над печатью Головин получил также от III отделения, куда он сообщал о всех своих мероприятиях, а иногда даже о деталях цензурирования⁶⁷.

Все описанные мероприятия являлись только частью плана Головина. По его собственным словам, линия усиления цензурных строгостей

⁶² ЦГИАЛ, ф. 1286, 1862 г., д. 26, л. 1.

⁶³ Там же, лл. 33—40.

⁶⁴ Там же, лл. 48—51.

⁶⁵ Там же, лл. 130—141 (донесения чиновников).

⁶⁶ ЦГИАЛ, ф. 1275, 1862 г., д. 39, лл. 6—7.

⁶⁷ Так, например, Цез запрашивал начальника III отделения Потапова о рукописи Ф. М. Достоевского «Записки из мертвого дома», предназначенной для журнала бр. Достоевских «Время». Потапов ответил, что недопустима глава VIII («Ссылные дворяне»). «Согласитесь, — писал Потапов, — что при настоящем направлении праздной молодежи, ввиду сочувствия, обнаружившегося к Михайлову и к готовящемуся на днях публичному наказанию Обручева, подробности, изложенные в этой главе, никого не успокоят, а только раздражат» (ЦГИА, ф. III отделения, 1 экзп., 1862 г., д. 60, л. 33). Напечатанные в майском номере журнала «Время» за 1862 г. «Записки из мертвого дома» вышли с точками вместо главы VIII.

должна была завершиться закрытием революционно-демократических журналов. Непосредственную подготовку к этому Головнин вел с начала 1862 г.

Во «всеподданнейшей записке» от 30 марта 1862 г., названной «Самое краткое изложение сущности того вредного учения, которое более или менее отрывочно и сокровенно проявляется в университетах, гимназиях и журналистике», Головнин обещал «на днях представить систему мер, которые министерство народного просвещения предполагает принять для противодействия этому направлению», на что царь ответил, что ждет их «с нетерпением и считает первой необходимостью»⁶⁸. В качестве такого «спасительного» средства Головнин представил 20 апреля 1862 г. «Проект инструкции цензурным комитетам и отдельным цензорам»⁶⁹. Этот проект, обсужденный бывшими членами Главного управления цензуры и министрами, превратился в «Правила 12 мая». В окончательном виде эти правила представляли собою гибкое оружие реакции против передовой печати, вошли почти целиком в последующее цензурное законодательство и просуществовали до 1917 г. В них был обобщен цензурный опыт предыдущих лет и предусмотрены меры против новых явлений в литературе, вызванных обострением классовой борьбы и развитием революционно-демократических идей. Наряду со старыми статьями об охране в печати неприкосновенности интересов церкви, верховной власти, особ царствующего дома и основных законов, особый параграф предусматривал запрещение сочинений, излагающих «вредные учения социализма и коммунизма», таких, в которых «возбуждается неприязнь и ненависть одного сословия к другому», и т. д. К «Правилам» прилагалось «Особое наставление», в котором предусматривались различные случаи нарушений печатью интересов правительства⁷⁰.

Важнейшей по своему значению была статья VI «Правил», дававшая право министрам народного просвещения и внутренних дел приостанавливать издание журналов и газет. В проекте, представленном министрам для обсуждения, этой статьи не было. Возможно, что Головнин не считал нужным разглашать ее раньше времени, но, как уже было указано, мысль о закрытии журналов у него возникла в самом начале 1862 г., когда он писал об этом Валуеву.

«Правила» подписаны были царем 12 мая 1862 г., сообщены цензорам 17 мая, а опубликованы лишь 14 июня. Лемке пишет, что опубликовали их «после майских событий (т. е. пожаров.— М. Л.) как бы в успокоение взволнованного общества». Вернее же будет сказать, что раньше Головнин не решался их опубликовать и ждал подходящего момента, боясь взрыва негодования против такого реакционного шага; он счел возможным опубликовать правила и закрыть журналы лишь после того, как правительство резко усилило преследование революционной интеллигенции. В пользу этого соображения говорит то место из «всеподданнейшей записки» Головнина от 20 апреля 1862 г., где он указывал, что к его проекту «надо подходить осторожно, чтобы избежать раздражения». Представляя Александру II текст «Правил», готовый для рассылки цензорам, он подчеркивал, что «меры эти непременно произведут в журналистике большое неудовольствие», на что царь ответил: «Этим останавливаться не следует»⁷¹. Наконец, 17 мая Головнин просил начальника III отделения Долгорукова учесть, что он переходит к закрытию изданий

⁶⁸ ГПБ, ф. Головнина, «Всеподданнейшие записки», 1862 г., т. I, лл. 146—147.

⁶⁹ ЦГИАЛ, ф. 773, 1862 г., д. 71, л. 21.

⁷⁰ М. К. Лемке. Указ. соч., стр. 168—179.

⁷¹ ГПБ, ф. Головнина, «Всеподданнейшие записки», 1862 г., т. II, л. 20.

и «что предпринимаемые ныне меры произведут неудовольствие в журналистике»⁷². Ясно, что Головинн очень боялся возмущения, которое могло вызвать закрытие журналов, и долго выжидал, прежде чем опубликовать реакционные «Правила».

Не приходится сомневаться в том, что статья VI «Правил» имела прежде всего в виду «Современник» и «Русское слово». Очевидно, эти журналы хотели закрыть на «законном основании». Эту мысль подтверждает вся история последних дней «Современника».

17 мая, в день, когда «Правила» были сообщены цензорам, Головинн в секретном письме просил Валуева заставить чиновников внимательнее следить за направлением периодических изданий, так как он, Головинн, собирается перейти к последней части своей программы — закрытию журналов⁷³. 4 июня министр народного просвещения испрашивал у Александра II повеление представить в Совет министров «изуственный» доклад о необходимости прекратить журналы «Современник» и «Русское слово»⁷⁴.

7 июня состоялось заседание Совета министров по этому вопросу. О нем Валуев сообщает следующее: «Предложение Головинна об открытии Спб. университета и запрещении журналов «Современник» и «Русское слово». Все решено иначе, чем он предполагал, и согласно моему мнению. Эволюции Головинна произвели на всех присутствующих, начиная с государя, незавидное впечатление. Он хотел запрещенных журналов в окончательном виде, чтобы закрыться высочайшим повелением, я настаивал на восьмимесячном запрете, потому что это могло быть сделано им и мною собственной властью»⁷⁵. Оказывается, и здесь Головинн, сам подготовивший закрытие «Современника» и «Русского слова», хотел остаться в тени и прикрыться «высочайшим именем». Министры тем охотнее пошли на временное запрещение журналов, что никто из них не предполагал, что «Современник» сможет возобновиться в прежнем духе⁷⁶.

Однако 7 июня журналы еще не были закрыты. Правительство желало соблюсти при этом всяческую осторожность и «законность». 12 июня царь писал Головинну: «Распоряжение о временном закрытии двух журналов, если оно еще не исполнено, отложить до опубликования Сенатом временных цензурных правил»⁷⁷. Головинн ответил, что «распоряжение о запрещении двух журналов еще не сделано, так как Сенат и «Северная почта» еще не успели распубликовать цензурных правил»⁷⁸.

⁷² ЦГИА, ф. III отделения, 1 эксп., 1862 г., д. 200, л. 53.

⁷³ ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 61, л. 34.

⁷⁴ ГПБ, ф. Головинна, «Всеподданнейшие записки», 1862 г., т. II, л. 97.

⁷⁵ ЦГИАЛ, ф. Валуева, 1861—1862 гг., л. 153 (выписки из дневника Валуева).

⁷⁶ Между прочим, Головинну удалось все-таки обмануть современников и до некоторой степени остаться в стороне. Сам Н. Г. Чернышевский ходил к Головинну насчет журнала. Ходил к министру и редактор «Русского слова» Благоветлов. «Вы слишком вперед забегаєте,— сказал министр, посмотрев на меня исподлобья,— рассказывает о своем визите Благоветлов (сб. «Шестидесятые годы», стр. 437). Даже советский исследователь В. Е. Евгеньев-Максимов впадает в заблуждение, когда в объяснение закрытия «Современника» пишет: «Здесь прежде всего сыграло важную роль то обстоятельство, что в марте 1862 г., наряду с упразднением Главного управления цензуры, произошло разделение цензурных функций между министерствами народного просвещения и внутренних дел. Министерство же внутренних дел, во главе которого стоял П. А. Валуев, отнюдь не разделяло головнинского «либерализма» в отношении печати, как бы условен он ни был» (В. Е. Евгеньев-Максимов. Указ. соч., стр. 513).

⁷⁷ Собственноручная помета Александра II на докладной записке Головинна (ГПБ, ф. Головинна, «Всеподданнейшие записки», 1862 г., т. II, л. 107). Это еще раз подтверждает, что «Правила» были подготовлены для «Современника» и «Русского слова».

⁷⁸ ГПБ, ф. Головинна, «Всеподданнейшие записки», 1862 г., т. II, л. 108.

«Правила» были опубликованы 14 июня, а 19 июня было объявлено о запрещении журналов.

Совершенно правильно понял смысл запрещения Н. Г. Чернышевский. В письме к Некрасову от 19 июня 1862 г. он указывал, что «Правила» применены к «Современнику» и «Русскому слову» «без всякого нового особенного повода с их стороны, вследствие общих соображений, что их направление нехорошо. Мера эта,— продолжал Чернышевский,— составляет часть того общего ряда действий, который начался после пожаров, когда овладела правительством мысль, что положение дел требует сильных репрессивных мер»⁷⁹.

Приведенные материалы опровергают предположение В. Е. Евгеньева-Максимова о том, что вопрос о закрытии журналов «был решен в личной беседе Головнина и Александра II» 14 июня 1862 г.⁸⁰

Приостановление «Современника» и «Русского слова» не было случайностью, а входило в число правительственных реакционных мер, к которым относится и арест 7 июля Н. Г. Чернышевского. Это были те драконовские меры репрессий, которыми правительство защищалось от натиска революционной волны.

Однако самое ближайшее будущее показало бессилие правительства не только задуть революционное движение, но и приостановить пропаганду революционно-демократических идей в легальной русской печати. В 1863 г. «Современник» и «Русское слово» были возобновлены, и могучий голос Чернышевского снова зазвучал, хотя сам он сидел в крепости. В «Современнике» в это время печатался роман Чернышевского «Что делать?», произведение, воспитавшее целое поколение революционеров.

---

⁷⁹ Литературное наследие Н. Г. Чернышевского, т. II, стр. 354.

⁸⁰ В. Е. Евгеньев-Максимов. Указ. соч., стр. 517—518.

ТОВАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПРИ ФЕОДАЛИЗМЕ

Теоретическая конференция в Институте истории
Академии Наук СССР

8, 9 и 13 октября 1953 г. в Институте истории Академии Наук СССР состоялась теоретическая конференция на тему о товарном производстве в период феодализма, организованная сектором истории СССР периода феодализма.

Конференция привлекла широкое внимание научной общественности. В ней приняли участие до 200 человек, в том числе работники различных институтов Академии Наук СССР, Московского государственного университета и педагогических институтов.

Большой интерес, проявленный к конференции, был вызван актуальностью темы. Разрешение проблемы товарного производства при феодализме с позиций марксизма-ленинизма имеет большое значение для разоблачения буржуазных фальсификаторов истории, стремящихся доказать извечность капитализма путем отождествления его с товарным производством. Разрешение данной проблемы имеет также большое значение для изучения экономических закономерностей развития феодального способа производства.

На конференции были заслушаны и обсуждены три доклада.

С докладом «Товарное производство на Руси (до XVII в.)» выступили Л. В. Данилова и В. Т. Пашуто (подробно основные положения доклада изложены в статье авторов, помещенной в № 1 «Вопросов истории» за 1954 г., стр. 117—136).

Докладчики отметили, что после разгрома антимарксистской «школы» Покровского, переоценивавшей роль товарного производства на Руси в период феодализма, наблюдается другая крайность: изучению товарного производства, особенно до XVII в., уделяется слишком мало внимания. Показательно, что в дискуссии о периодизации истории СССР вопрос о товарном производстве также не нашел достаточного отражения.

Опираясь на высказывания классиков марксизма-ленинизма, докладчики наметили следующие закономерности товарного производства: 1) зависимость товарного производства от господствующих феодальных производственных отношений, и в первую очередь от феодальной собственности на землю; 2) подчинение товарного производства основной экономической цели феодализма — производству потребительных стоимостей; 3) связь товарного производства с эволюцией форм феодальной ренты и др. Помимо изучения этих закономерностей, необходим также конкретный показ роста общественного разделения труда, являющегося основой товарного производства, а также таких категорий товарного хозяйства, как рынок (и связанное с его развитием имущественное расслоение непосредственных производителей), деньги, купеческий и ростовщи-

ческий капитал. Развитие этих категорий в период позднего феодализма подготовляло некоторые условия для возникновения капитализма.

Эти вопросы были положены докладчиками в основу конкретного анализа развития товарного производства на Руси со времени генезиса феодализма и до XVII в.

Основным вопросом в изучении товарного производства в дофеодальный период (VI—VIII вв.), указывалось в докладе, является определение роли обмена и возникающего товарного производства в укреплении свободной земельной частной собственности за счет общинной, а затем и феодальной собственности на землю. В середине первого тысячелетия н. э. у славян ремесло начинает отделяться от земледелия, и этот важный сдвиг в общественном разделении труда привел к появлению производства непосредственно для обмена. Появились деньги. Возникли городища — предшественники древнерусских городов. Все это влекло за собой превращение продуктов общины в товары и, следовательно, вело к ее разложению.

Обмен и возникавшее товарное производство способствовали концентрации земли в руках феодалов — отдельных представителей знати. Для присвоения общинной земельной собственности крестьян знать использовала деньги и ростовщичество. Таким образом, возникавшее в результате развития общественного разделения труда и частной собственности товарное производство играло важную роль в генезисе феодальной собственности.

С утверждением феодального способа производства (IX в.) товарное производство получило дальнейшее развитие в связи с ростом общественного разделения труда, выразившегося, в частности, в росте городов, число которых, по данным летописей, увеличилось с 26 в IX—X вв. до 88 в XI в. Государство стало чеканить монету, что произошло гораздо раньше, чем в Западной Европе. Класс феодалов использовал услуги возникавшего купеческого капитала для сбыта собранной дани и продуктов своего хозяйства. В законодательство вносились статьи о регулировании торговли, кредита, ростовщичества. Именно более высокая степень развития общественного разделения труда, товарного производства и обращения отличала древнюю Русь от империи Карла Великого. Этим объясняется все возрастающее прогрессивное влияние собственно Руси на подвластные ей народы.

Переход к феодальной раздробленности, длившейся с XI в. до конца XV в., не остановил развития товарного производства. К середине XIII в., в сравнении с XI в., число городов выросло почти втрое; ремесленная специализация возросла по меньшей мере до 60 видов, причем в ряде ремесел русские мастера не имели себе равных в Западной Европе. Городские ремесленники переходили к более массовому производству, используя технические достижения. Развивалось также и сельское ремесло.

Развитие феодальной собственности привело к переходу от отработочной формы ренты к ренте продуктами. Это вело к расширению товарной массы продуктов сельского хозяйства. В это время складывались сравнительно небольшие местные рынки областей, земель и княжеств. В связи с развитием торговли среди купечества намечалась специализация в сбыте продуктов, а также по торговле с определенными районами страны и зарубежными странами. В это же время возросли экономические связи окраинных городов с нерусскими народами.

Все это привело к росту имущественной дифференциации в городах. Торгово-ремесленная верхушка противостояла городской бедноте. По-

явились купеческие и ремесленные объединения. В условиях разорительных междоусобных войн верхушка города, стоявшая во главе корпораций, стремилась перейти под власть крупного князя. Города и дворянство содействовали объединению значительных территорий в крупные великие княжества. Государство, используя в интересах класса феодалов товарное производство и обращение, содействовало их развитию (укрепление городов, привлечение ремесленников, заключение внешнеторговых договоров). В то же время возрастал фискальный гнет.

Монгольское нашествие, разорив страну, временно приостановило развитие товарного производства. Уничтожение городов монголами, угон ими ремесленников, вывоз орудий производства и т. д. обусловили экономическую отсталость страны. Лишь благодаря героическим усилиям русских крестьян и ремесленников страна оправилась от разорения. Ко второй половине XIV в. наметился подъем хозяйства Руси. Усовершенствование сельскохозяйственных орудий и упрочение на этой основе трехпольной системы привели к росту сельскохозяйственного производства. Наметилось отделение обрабатывающей промышленности от добывающей. В городах возникло производство пороха, пушек, меднолитейное и монетное дело, а позднее — производство бумаги и книгопечатание. Однако эксплуатация города со стороны феодалов тормозила развитие производительных сил.

В деревне феодалы присваивали не только прибавочный продукт, но зачастую и долю необходимого продукта. Это препятствовало втягиванию крестьянства в рыночные отношения. Феодалы играли значительную роль в торговле продуктами сельского хозяйства, однако сбываемая ими или через купцов часть прибавочного продукта в основном шла на экспорт.

Крепнущая связь крестьянского хозяйства с рынком нашла свое отражение в распространении к концу XV в. денежной ренты. В это же время наблюдалось перерастание сети мелких рынков в областные. Однако в силу потребительского характера хозяйства рынок был узким, а также территориально ограниченным. Мелкий сбыт не приводил к отделению производителя от торговца. В связи с этим купеческий капитал был мало связан с внутренним рынком. Межобластные рыночные связи покоились на различии естественно-географических условий. В силу господства феодальных отношений имущественное расслоение не создавало условий для зарождения новых классов. Использование наемного труда в феодальной форме было крайне ограниченным.

В период образования и укрепления Русского централизованного государства (конец XV в. — начало XVII в.) появились зачатки территориального разделения труда, обусловленного зависимостью ремесла и промыслов от сырьевой базы.

С конца XV в. наметился новый этап в развитии товарного производства на базе углубления общественного разделения труда. Товарно-денежные отношения все более проникали в деревню, где вырастали целые торгово-ремесленные поселения.

Усиление связей феодального хозяйства с рынком привело к росту барщины. Однако связь барщины с рынком не изменяла потребительского характера феодального хозяйства.

В этот период наблюдается дальнейший рост городов. В сравнении с домонгольским временем в несколько раз выросла специализация городского производства, превысив 200 видов. Применение наемного труда оставалось sporadическим; оно заметно лишь в строительстве, торговле

и на транспорте, причем наем продолжал носить характер феодальной эксплуатации.

В области торговли наблюдалось укрупнение сбыта, возникновение торгов и ярмарок в сельской местности. Во второй половине XVI в., в связи с ростом мелкого товарного производства, уменьшилось колебание цен. Крупный торговый капитал попрежнему действовал в основном в области внешней торговли, где сильнее проявлялось нарушение закона стоимости.

Централизованное государство поддерживало развитие рынка (тенденция к единообразию таможенной системы, введение в конце XVI в. монополии на чеканку монеты и т. д., борьба за выход к морю), однако это проводилось преимущественно из фискальных соображений.

Развитие товарного производства вело к имущественному расслоению в городе, что привело к обострению классовой борьбы в начале XVII в. В то же время развитие барщинного хозяйства усилило процесс обезземеливания и закрепощения крестьянства, на что последнее ответило войной под руководством И. И. Болотникова.

Изучение товарного производства на всех этапах раннего и развитого феодализма привело докладчиков к общему заключению о существовании товарного хозяйства в условиях господства натурального земледелия, соединенного с домашними промыслами, составившего основу феодального способа производства. Это определяло обслуживающую роль товарного производства, место которого обуславливалось уровнем общественного разделения труда и феодальным строем общества. Товарное производство в этот период велось в потребительских целях. Имущественная дифференциация, происходившая в результате развития товарного производства, подготовила к XVII в. некоторые условия для возникновения основных компонентов классов капиталистического общества. К началу XVII в. можно уловить первые признаки появления буржуазных связей в сфере обращения.

Доклад вызвал оживленные прения, в которых были развиты отдельные стороны проблемы, не получившие достаточного освещения в докладе.

А. Г. Маньков посвятил свое выступление обслуживающей роли товарного производства в период феодализма; оно давало возможность феодалам приобретать изделия, не производившиеся в их хозяйстве, причем эта форма обслуживания возрастала в связи с развитием рынка. Класс феодалов не относился безучастно к развитию товарного производства, он использовал новые явления в экономике в целях увеличения доходов, что выражалось в устройстве им в своих владениях торжков, ярмарок, перевозов на реках. Наиболее существенным было использование товарного производства для укрепления феодального базиса. Усиление связи крестьянского хозяйства с рынком вело к усилению феодальной эксплуатации. Вынужденный продавать часть необходимого продукта для уплаты оброка, крестьянин должен был покупать хлеб перед новым урожаем. За деньгами приходилось обращаться к землевладельцу, что усиливало крепостную зависимость. Феодал выступал, таким образом, в роли ростовщика. Не случайно поэтому распространение в XVI в. серебрянничества и кабального холопства, что связано с использованием феодалами средств закрепощения, появившихся в связи с развитием рынка.

Интересно замечание А. Г. Манькова о роли торгового капитала в период феодализма. Торговый капитал в XVI в., проникая в солеварение (Строгановы и др.), использовал феодальные формы закабаления.

Налицо стремление вложить деньги в землю, причем методы покупки земли сходны с практикой монастырей. На этой основе можно наблюдать связь крупных торговых людей с земледелием и контакт с феодалами, чему способствовало также получение кредита у бояр и монастырей. Таким образом, феодальный строй страны накладывал отпечаток на деятельность купеческого капитала.

П. Ф. Б а к а н о в поставил вопрос о том, почему товарное производство только при феодализме создает некоторые условия для капиталистического производства. По его мнению, причиной этого является наличие рынка как категории товарного хозяйства. Он предложил поэтому различать термины «товарное хозяйство» и «товарное производство». Так, например, феодальное хозяйство боярина Морозова в XVII в., имевшее промышленное производство товарного типа, оставалось натуральным. Производя готовые изделия на рынок, оно в то же время не приобретало на рынке сырье и основывалось на крепостном труде. Товарное же хозяйство не только производило для рынка, но и пользовалось им.

В. В. Стоклицкая-Терешкович отметила, что до последнего времени имелось неверное представление об отношении между простым товарным производством и натуральным хозяйством. В работе Ф. Полянского «Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы 13—15 вв.», например, цеховая регламентация в средневековых городах объясняется антагонизмом между простым товарным производством города и натуральным хозяйством деревни. Проследившая товарное производство на всех этапах развития феодализма, докладчики Л. В. Данилова и В. Т. Пашуто подводят к тому, что и городское ремесло и натуральное хозяйство деревни, составлявшие основу феодализма, развивались по одним законам простого воспроизводства.

В. В. Стоклицкая-Терешкович отметила дальше, что в докладе недостаточно выяснены причины роста городов в период феодальной раздробленности, в частности не отмечена роль феодального государства, которое содействовало в интересах обороны появлению множества городов на наиболее угрожаемых рубежах княжеств. Княжеская власть содействовала также притоку населения в новые города, возникавшие в силу экономического развития страны. Но феодальное государство в то же время препятствовало бегству крепостных крестьян в города. В докладе обойден и такой важный вопрос, как формирование городского населения, в первую очередь, за счет сельского.

Б. Б. Кафенгауз указал, что в связи с краткостью доклада совсем убедительны отдельные его положения. Создается впечатление, что в докладе преувеличена роль товарного производства, особенно в период раннего феодализма. Сомнительно, далее, чтобы в XIII в., как это утверждают докладчики, большая часть ремесленников уже работала на рынок. Даже в XV—XVI вв., ко времени большого роста городов, значительная часть ремесленников, скорее всего, работала на заказ. Таким образом, даже на этом этапе товарное производство не было преобладающим.

В. И. Корецкий отметил, что в докладе остался невыясненным удельный вес товарного производства при феодализме. Товарное производство способствовало возникновению феодализма, а в дальнейшем стимулировало его развитие по восходящей линии, однако его воздействие было очень ограничено, что в докладе не подчеркнуто.

Изучая развитие товарного производства в отрыве от действия основного экономического закона феодализма, нельзя объяснить, почему раз-

витие товарного производства в Западной Европе создавало некоторые условия для возникновения капитализма, а в странах к востоку от Эльбы вело к усилению крепостничества. В. И. Корецкий заметил, что и в работах акад. Б. Д. Грекова по истории крестьянства, и в докладе переоценивается роль товарного производства в закреплении крестьянства. По его мнению, дальнейшее закрепощение крестьян в России в XVI в. обуславливалось действием основного экономического закона феодализма и закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил в условиях развивающегося феодализма и лишь в ограниченной степени зависело от развития товарного производства. Ликвидация последствий татарского разорения к концу XIV в. привела в XV в. к хозяйственному подъему. Во второй половине XV в. наметилось противоречие между выросшими производительными силами и отставшими от них производственными отношениями (формы феодальной собственности в виде боярско-княжеского землевладения, формы распределения в виде продуктовой фиксированной ренты). Плодами трудовых усилий крестьян и ремесленников воспользовались феодалы. Класс феодалов в лице передового для того времени слоя — помещного дворянства использовал экономические законы в своих интересах. Развитие феодальных производственных отношений предполагает развитие: а) форм феодального землевладения, б) неполной собственности феодала на крестьянина, в) форм распределения. В XV—XVI вв. получила преобладание условная форма феодальной земельной собственности, которая в результате воздействия централизованного государства приняла форму поместной системы. Это создавало условия для дальнейшего развития производительных сил. Таким образом, появление поместной системы, рост барщины и усиление закрепощения крестьянства в XV—XVI вв. свидетельствовали о дальнейшем развитии феодальных производственных отношений как двигателя развития производительных сил.

А. М. Сахаров отметил, что товарное производство в докладе было несколько обособлено от условий феодального способа производства. Следует осторожно подходить к данным обмена, отражающим развитие товарного производства. Торговля могла иметь посреднический характер, она не всегда была связана с товарным производством. Нельзя также безоговорочно принимать данные о росте городов за доказательство развития товарного производства: часто летописи под городами подразумевали просто укрепленные пункты.

В работах М. Н. Тихомирова, продолжал А. М. Сахаров, убедительно показан рост городов в древней Руси в связи с социально-экономическим развитием феодального общества. Поэтому нельзя искать в феодальном городе лишь зачатки нового, капиталистического производства. Надо также определить роль и значение города в развитии и укреплении феодализма. Без этого трудно выяснить обслуживающую роль товарного производства при феодализме. Город возник на основе роста общественного разделения труда и появления товарного производства, но нельзя преувеличивать развитие товарного производства в феодальном городе, где производство, по словам К. Маркса, подчинено заранее рассчитанному потреблению и расширяется очень медленно. Надо также учитывать, что горожане еще не порвали окончательно с земледелием. Феодалы были непосредственно заинтересованы в развитии города, который являлся не только административным, но и экономическим центром феодального владения. Однако предоставление льгот пришлому населению было одной из форм втягивания его в феодальную зависимость. Таким

образом, феодальный город укреплял феодальную земельную собственность, феодальные отношения.

А. М. Сахаров, далее, отметил недоказанность тезиса докладчиков о том, что товарное производство подготовило к началу XVII в. некоторые условия для возникновения основных компонентов классов капиталистического общества, так как для этого нужно показать складывание в конце XVI — начале XVII в. элементов новых производственных отношений.

В. Н. Яковцевский указал, что проблема товарного производства при феодализме включает в себя два основных вопроса: 1) влияние товарного производства на феодальный способ производства, 2) обслуживание товарным производством феодализма.

На определенном этапе развития товарное производство подготавливало условия для разложения феодальных отношений. Это влияние заключалось в появлении имущественного неравенства, которое создавалось через действие закона стоимости. Однако в докладе действие этого закона не рассмотрено, а без анализа цен и характера обмена (по эквиваленту или нет) нельзя показать рост имущественного неравенства. Необходимо также помнить и о таких источниках имущественного неравенства при феодализме, как насилие, грабеж, захват земли феодалами.

Рост имущественного неравенства на базе товарного производства становится возможным при неэквивалентном обмене. Впервые он возник во внешней торговле, но лишь неэквивалентный обмен во внутренней торговле привел к росту имущественного неравенства. Расширение рынка, продажа изделий для оплаты налогов и ренты вели к потере производителями представления о стоимости продуктов. В этот обмен внедрялся купец ради наживы. Рост имущественного неравенства приводил к возможности появления рабочей силы как товара. Феодальные отношения также влияли на закон стоимости, на колебания цен.

Товарное производство лишь на определенном этапе развития феодализма привело к разложению господствующих отношений. Поэтому надо выделить прямой, безденежный обмен товаропроизводителей продуктами, участие в торговле феодалов, торговлю до появления купцов и внедрение купечества в товарное обращение.

Законы товарного производства при феодализме были подчинены другим законам. Поэтому вопрос об обслуживающей роли товарного производства сводится к взаимодействию экономических законов феодализма и, в частности, основного экономического закона с законами товарного производства. В. Н. Яковцевский так сформулировал основной экономический закон феодализма: максимальное удовлетворение потребностей господствующего феодального класса путем эксплуатации крестьян на базе захвата земли в феодальную собственность. Отсюда следует, что феодалы использовали законы товарного производства для увеличения массы прибавочного продукта. Неправильно утверждение, что феодалы с развитием товарного производства переходили от барщины к оброку, так как здесь феодальные отношения оказываются подчиненными товарным. На самом деле, феодалы, используя товарно-денежные отношения в интересах увеличения прибавочного продукта, переходили от одной, менее выгодной для них формы ренты, к другой, более выгодной.

Известно, что феодальные отношения тормозили развитие товарного хозяйства. По мнению В. Н. Яковцевского, это объяснялось нежеланием феодалов отдавать купеческому капиталу часть прибавочного продукта общества в форме торговой прибыли. Отсюда — меры по ограничению торговли крестьян и деятельности купеческого капитала, что тормозило

развитие торговли. Однако купечество было необходимо для реализации феодальной ренты. Поэтому нужно изучить на всем протяжении феодальной формации, как товарное производство помогало феодалам увеличивать прибавочный продукт в результате эксплуатации крестьянства, а также, как часть прибавочного продукта переходила к купцам в виде торговой прибыли.

В заключительном слове В. Т. Пашуто отметил, что основная концепция доклада и его периодизация не встретили в общем возражений. Одним из важных итогов конференции, по его мнению, является отказ от положения, что мелкое товарное производство, как стадия простого товарного производства, появилось на Руси лишь к середине XVI в.

Выступая в защиту тезиса о подготовке к началу XVII в. условий для возникновения основных компонентов классов капиталистического общества и о появлении первых признаков буржуазных связей в сфере обращения, В. Т. Пашуто напомнил указание И. В. Сталина о том, что с XVII в. начался период «подымающегося капитализма». В «новый период» русской истории капиталистическое производство встретило препятствие для своего развития в феодальном строе страны. Товарное производство в течение длительного времени не затрагивало экономическую основу феодализма. Таким образом, содержание указанного тезиса не противоречит ходу дальнейшего развития России. В. Т. Пашуто настаивал также на правильности своего тезиса о том, что уже в первой половине XIII в. русские ремесленники работали преимущественно на рынок: критика этого тезиса вызвана недооценкой развития городской промышленности в древней Руси.

Подводя итоги обсуждения, В. Т. Пашуто признал, что в докладе необходимо было более полно показать товарное производство в рамках развивающегося феодального способа производства, подчеркнув, что производство на всех этапах велось в потребительских целях.

Л. В. Данилова в заключительном слове, отметив важность выступлений для доработки и углубления доклада, остановилась на тех замечаниях, с которыми нельзя согласиться. По ее мнению, А. Г. Маньков неверно определил введение барщины в XVI в., как средство увеличения прибавочного продукта для продажи. На самом деле развитие барщины, хотя и было связано с ростом рынка, имело целью удовлетворение потребностей феодала.

Отметив искусственность разграничения П. Ф. Бакановым понятий товарного производства и товарного хозяйства, Л. В. Данилова указала, что рынок, как конкретное выражение общественного разделения труда, обязателен для товарного производства на всех этапах его развития. Л. В. Данилова сочла также ошибочным мнение Б. Б. Кафенгауза о том, что в городах XVI в. работа на заказ преобладала над работой на рынок. По ее мнению, следует разграничивать производство орудий и средств производства, где попрежнему господствовала работа на заказ, с производством предметов потребления, где ремесленники уже работали на рынок. Об этом говорят данные работ А. В. Арциховского, С. В. Бахрушина, А. П. Пронштейна и др. о количестве ремесленников, о развитой дробности ремесленной специализации и массовом масштабе производства.

Говоря о выступлении В. И. Корецкого, Л. В. Данилова отметила недоказанность его положения о том, что закрепощение крестьян в XVI в. было обусловлено действием основного экономического закона феодализма, который к тому же не был им сформулирован. Также

неверно, по ее мнению, связывать переход к барщине с законом соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Л. В. Данилова отметила, что В. Н. Яковцевский разлагающую роль товарного производства при феодализме свел к созданию имущественного неравенства среди товаропроизводителей. Правда, товарное производство подготавливает такие условия для возникновения нового способа производства, как создание значительных денежных капиталов. Однако в перечне источников имущественного неравенства у Яковцевского выпало главное, а именно частная собственность на орудия и средства производства. Товарное производство лишь ускоряет рост имущественного неравенства. Она также не согласилась с тем, что имущественная дифференциация появляется лишь при неэквивалентном обмене, ибо такой обмен — показатель слабого развития товарного производства; нельзя путать эксплуатацию скупщиком непосредственного производителя и обмен товаров на рынке, который совершается по закону стоимости.

* * *

С докладом «О роли товарного производства при переходе от феодализма к капитализму» выступила академик А. М. Панкратова. (Основные положения доклада сформулированы в ее статье, напечатанной в № 9 «Вопросов истории» за 1953 г., стр. 59—77.)

Роль товарного производства на различных этапах исторического процесса, отметила А. М. Панкратова, не нашла в советской исторической науке освещения с марксистских позиций. Некоторые историки и экономисты недостаточно творчески использовали богатейшее наследство классиков марксизма-ленинизма, допускали грубейшие ошибки в своих исследованиях, отождествляя товарное производство с капиталистическим. Все это мешало разрешению ряда кардинальных вопросов, связанных с экономическим развитием страны. Чтобы правильно оценить роль товарного производства в различных общественных формациях, необходимо поставить проблему товарного производства в непосредственную связь со специфическими экономическими законами данной формации, определить место товарного производства и его роль в развитии производительных сил на данном этапе развития общества.

При выяснении роли товарного производства при феодализме и особенно при зарождении капитализма необходимо вскрыть связь товарного производства не только с господствующим феодальным строем, но и с теми новыми экономическими условиями, которые возникают в недрах феодализма. При этом нельзя ограничиваться изучением лишь производительных сил, а необходимо раскрыть и производственные отношения, показать развитие классовой борьбы, объяснить конфликт между новыми, возникающими, и старыми, отживающими классами.

Большую роль в создании капиталистического производства играет торговый капитал. Необходимо поэтому конкретно изучить, при каких условиях торговый капитал в одном случае приводит к консервации старого способа производства, а в другом, наоборот, ускоряет процесс разложения старого способа производства и вызревание нового способа производства. В связи с этим проблема первоначального накопления капитала выдвигается на одно из первых мест. Особенно важно проследить изменения в исторической судьбе мелких производителей. Необходимо подчеркнуть своеобразие этого процесса в России, замедленность его темпов по сравнению с Западной Европой вследствие наличия такого тормоза, как крепостническое государство.

Процесс первоначального накопления в России, начавшийся еще в XVII в., затянулся вплоть до 1861 г. и закончился в первые десятилетия после отмены крепостного права, когда завершился промышленный переворот.

А. М. Панкратова подняла также вопрос о новом периоде русской истории. Она считает ошибочным мнение некоторых историков и экономистов о том, что следует понимать XVII век как время зарождения капиталистических отношений, ибо тогда шло развитие буржуазных связей лишь в области товарного обращения, а не производства. В XVII в. простое товарное производство, связанное с феодальной формацией, еще не стало питательной почвой для возникновения капитализма. Купля-продажа рабочей силы из единичных актов не превратилась в систему производственных отношений.

В связи с проблемой товарного производства и его превращения в капиталистическое в докладе был поставлен вопрос о мануфактурном периоде в развитии капитализма, причем в центре анализа поставлена проблема наемного труда, его количественное распространение и его роль как новой производительной силы, определяющей формирование новой системы производственных отношений, регулируемой иными, по сравнению с предыдущими, экономическими законами. В свете этого чрезвычайно важно направить внимание советских историков на исследование процесса возникновения в недрах феодально-крепостнической России рынка наемной рабочей силы, ибо генезис капитализма нельзя выяснить без истории зарождения рабочего класса. Заканчивая доклад, А. М. Панкратова подчеркнула, что капитализм возникает не из саморазвития товарного производства, а на определенной ступени развития общества, когда складывается более высокая ступень развития производительной силы труда и форм собственности, когда появляются условия и возможности для действия в данном обществе новых экономических законов.

Б. Б. Кафенгауз в своем выступлении согласился с основными положениями доклада. Однако он указал, что неверно понимать XVII век как время возникновения новых явлений лишь в сфере обмена, ибо и в области производства также произошли значительные изменения. Ремесло в основном превратилось в мелкое товарное производство, появились мануфактуры, в которых эксплуатировался, в частности, труд оброчных крестьян. Внимательный анализ в целом работы В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», по мнению Б. Б. Кафенгауза, дает основание говорить о том, что В. И. Ленин видел явления новой формации в зачаточной форме уже для XVII в.

Е. И. Заозерская указала, что более правильным было бы отнести появление системы капиталистических производственных отношений в промышленности к 80—90-м годам XVIII в., а не к 1760-м годам, как это делает докладчик. К 50—60-м годам относится наибольшее развитие дворянских мануфактур, упадок которых начинается в конце века. В те же годы имело место наибольшее распространение принудительного, в частности крепостного, труда в промышленности вообще, даже включая купеческую мануфактуру. Лишь с конца XVIII в. имеют место такие важные показатели, как рост крестьянской мануфактуры, распространение работы на дому, без которой, по определению В. И. Ленина, трудно представить капиталистическую мануфактуру.

Сложнее определить начальный момент зарождения капиталистического уклада. Мануфактурное производство, основанное на иной форме

собственности, чем простое товарное производство, появилось в России в XVII в., однако оно было основано на крепостном труде. Поэтому Е. И. Заозерская считает возможным отнести появление капиталистического уклада по его основному признаку — эксплуатации наемного труда — не к XVII в., а к началу XVIII в., на протяжении которого в промышленности эксплуатировался наемный труд, а простое товарное производство превращалось в капиталистическое.

Н. В. Устюгов остановился на трех вопросах, затронутых в докладе: 1) о мелком товарном производстве, 2) о создании крупных капиталов в сфере обращения и перенесении их в сферу производства, 3) о рынке труда. Свое выступление Н. В. Устюгов ограничил XVII веком.

Он напомнил, что тенденция мелкого товарного производства клонится к все большему употреблению наемного труда, к образованию капиталистических мастерских. Эта тенденция мелкого товарного производства, хотя и в небольшой степени, прослеживается в некоторых отраслях производства уже в XVII в., особенно во второй половине XVII в. Н. В. Устюгов иллюстрирует свой тезис богатым фактическим материалом, основанным на данных металлургической и металлообрабатывающей промышленности Тулы, кожевенной промышленности Ярославля и солеваренной промышленности, в которых возникали небольшие промышленные предприятия, основанные на эксплуатации наемного труда.

В XVII в. в сфере обмена были созданы крупные купеческие капиталы. Важно отметить, что часть этих капиталов вкладывалась в солеваренную промышленность. В первой же половине этого века достаточно широко применялся наемный труд. На транспорте использовался труд социальных низов и крестьян-отходников. В значительных размерах наемный труд применялся в солеваренной промышленности. Большинство работников по найму являлось черносотными и частновладельческими крестьянами. Особенно возрос отход крестьян на заработки во второй половине XVIII в. Это наблюдалось и в Поморье, и в нечерноземной полосе Замосковского центра. Со второй половины XVII в. можно отметить отход крестьян-оборочников на заработки по отпускным письмам своих помещиков. О наличии известного рынка наемной силы в конце XVII в. свидетельствуют ликвидация записного ремесла и переход в строительстве к подрядам.

Таким образом, складывание рынка труда из крестьян-оборочников и посадской бедноты (которых, конечно, нельзя сравнивать с наемными рабочими капиталистической эпохи) относится уже к XVII в., а не к XVIII в. В XVIII в. наблюдается лишь более интенсивный рост крестьянского отхода на заработки, но он вполне отчетливо прослеживается уже в XVII в.

Подчеркнув большое значение доклада А. М. Панкратовой, Б. Ф. Поршнев посвятил свое выступление анализу вопроса о роли товарного производства в создании необходимых предпосылок для формирования капиталистического производства.

Товарное производство само по себе не приводит к капитализму. Смена одного способа производства другим есть результат изменения производительных сил и производственных отношений, т. е. изменение форм собственности. Появление рабочего класса означает ликвидацию форм собственности, которые существовали при феодализме: неполной собственности феодала на работника производства и собственности непосредственного производителя на орудия производства. В связи с этим вскрывается необходимость изучить проблему формирования рабочего

класса как определяющего признака возникновения системы капиталистических отношений.

А. И. Баранович в своем выступлении затронул вопрос о том, можно ли считать всякое крупное промышленное производство обязательно капиталистическим. Он сослался на пример Речи Посполитой, где в конце XVIII в. было открыто много мануфактур, но это были предприятия, основанные на крепостном труде. Они были вызваны к жизни слабым развитием товарно-денежных отношений в стране и необходимостью для феодалов изготовлять продукты у себя. Они существовали недолго. Наряду с ними были другие мануфактуры, основанные на наемном труде, представлявшие уже явление нового порядка.

Особенностям развития товарного производства в Дагестане до и после его включения в состав России было посвящено выступление Р. Г. Маршаева.

Господство натурального хозяйства и застойный характер производительных сил, господство патриархально-родовых отношений, экономическая и политическая раздробленность страны, непрерывные нашествия иностранных захватчиков, тормозивших развитие производительных сил, — все это обусловило слабое развитие товарного производства в Дагестане до присоединения его к России.

Присоединение Дагестана к России, отметил Р. Г. Маршаев, имело глубоко прогрессивное значение, ибо способствовало разложению патриархально-феодальных отношений, сдерживавших развитие производительных сил. Разложение патриархального хозяйства при содействии развитого товарного производства в России открывало возможность для развития товарного производства в экономике Дагестана. Рост классовой дифференциации и развитие товарно-денежных отношений в деревне способствовали перерастанию крестьянской домашней промышленности и ремесла в мелкотоварное производство. В силу этого происходило вытеснение части сельского населения в города.

* * *

С докладом на тему «Товарное производство в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы в России (конец XVIII в. — первая половина XIX в.)» выступила член-корреспондент Академии Наук СССР М. В. Нечкина.

К вопросу развития товарного производства, отметила М. В. Нечкина, необходимо подойти двусторонне. С одной стороны, нужно исследовать вопросы, связанные с проблемой продажи продуктов, с другой — с проблемой покупателя.

Если проблема продажи нашла широкое освещение в историографии, то проблема покупателя совершенно обойдена исследователями, и ее следует раскрыть. В этой связи прежде всего возникает необходимость проанализировать рост товарного производства как явления, характерного для рассматриваемого периода.

Развитию товарного производства способствовали, с одной стороны, рост числа промышленных предприятий, имевших ярко выраженный специфический признак работы на рынок, с другой стороны, — все увеличивавшаяся масса сельскохозяйственных продуктов, непосредственно поступающая в сферу товарного обращения.

Товарное производство в дореформенное время в России свидетельствовало о разложении феодально-крепостной формации и о вызревании в условиях этой формации элементов новых, капиталистических отноше-

ний, находивших непосредственное отражение прежде всего в росте оплачиваемого наемного труда. Очевидно, в стране в этот периодросло число покупателей.

В докладе были выделены три категории покупателей. Первую категорию составляли оброчные крестьяне, нанимавшиеся на фабрику в качестве наемных рабочих. Они расширяли рынок, ибо на свою заработную плату для воспроизводства своей рабочей силы покупали на рынке сельскохозяйственные и промышленные товары.

Вторая категория покупателей формировалась из среды все возрастающей армии наемных рабочих, не отягощенных крепостной зависимостью (квалифицируемые в докладе, как наемные рабочие капиталистического типа). По данным Владимирского губернского статистического комитета, например, уже в 40—50-х годах XIX в. в сословии мещан г. Шуи насчитывалось 4236 «ремесленников», работавших ткачами на капиталистических мануфактурах и фабриках г. Шуи. Это был новый покупатель сельскохозяйственных и отчасти промышленных продуктов. Свою заработную плату он реализовал на рынке и тем самым расширял его.

Наконец, третья категория покупателей — наемный рабочий, оброчник, практически порвавший связь с землей и всецело перешедший на воспроизводство рабочей силы через реализацию на рынке своей заработной платы. Такой рабочий больше покупает продуктов на рынке, нежели оброчник, связанный с деревней, который может частично воспроизводить свою рабочую силу за счет сельскохозяйственного производства и за счет семьи, остающейся в деревне.

Все эти категории покупателей, втягиваясь в рыночные отношения, способствовали росту товарного производства. Расширение покупательской среды шло как за счет крепостных рабочих, рабочих посессионных мануфактур, так и за счет усиления крепостничества, что находило свое отражение в росте эксплуатации крестьянства.

Усиление крепостнической эксплуатации проявилось в наступлении помещика на крестьянские земли, на крестьянское рабочее время, в непомерной интенсификации барщинного труда, в непомерном росте натурального и денежного оброка. Все это приводило к разорению крестьянства. Разоренный крестьянин был вынужден для воспроизводства своей рабочей силы обращаться за помощью к купцу-предпринимателю, т. е. фактически продавать ему свою рабочую силу по вольному найму, тем самым способствуя росту покупательской массы, т. е. расширению рынка и товарного обмена.

Таким образом, указала в заключение М. В. Нечкина, рост товарного производства в рассматриваемый период налицо. Он достигает предела в годы общего кризиса феодально-крепостнической системы накануне реформы 1861 г. Рост товарного производства выявляется прежде всего в непрерывном росте промышленности, совершающей переход от мануфактуры к фабрике, которая с 30—40-х годов XIX в. проходит начальный этап промышленного переворота.

По докладу М. В. Нечкиной развернулась интересная дискуссия. Выступавшие критиковали доклад за своеобразный подход к проблеме, сведенной по существу к раскрытию вопроса о роли покупателя и о составе покупательской среды; поэтому из доклада совершенно выпал ряд центральных вопросов проблемы, связанных с развитием товарного производства в период кризиса феодальной формации, а именно: процесс возникновения из простого товарного производства капиталистического, проблема накопления капитала, развитие машинной индустрии и т. д.

Академик Н. М. Дружинин критиковал докладчика за неправильную постановку вопроса.

При освещении вопросов, связанных с товарным производством кризисного периода, сказал Н. М. Дружинин, недопустимо выставлять на первый план проблему покупателя. Покупатель не может быть отделен от продавца, ибо это две взаимосвязанные категории. Если продавец порождается покупателем, то в той же степени покупатель порождается продавцом, ибо сделка купли-продажи имеет двух контрагентов, противостоящих друг другу.

Необходимо учитывать еще один момент. Недопустимо при анализе процессов товарообмена отрывать их от производства, ибо рост товарного обращения является результатом производственного процесса, а не наоборот.

При анализе товарного производства в кризисный период, т. е. в период разложения феодально-крепостнической системы и формирования капиталистических отношений, прежде всего должна быть поставлена проблема перехода товарного производства в его высшую капиталистическую стадию, из которой логически вытекает и другая проблема: как воздействует это зарождающееся капиталистическое производство на расширение простого товарного производства. Между тем этот вопрос совершенно выпал из поля зрения докладчика.

Дело в том, что появление капиталистического производства не убивает простое товарное производство. Несмотря на то, что удельный вес простого товарного производства при капиталистическом хозяйстве уменьшается во все возрастающем объеме, абсолютное количество мелких промышленников в течение долгого времени неуклонно растет.

Н. М. Дружинин поднял и другой важный вопрос проблемы — о роли товарного производства при возникновении капиталистического способа производства в кризисный период. Анализируя в связи с этим роль посессионной мануфактуры, Н. М. Дружинин приходит к выводу, что это момент реакционного порядка. Консервации феодального способа производства служат и такие явления, как, например, покупка феодалами предметов роскоши на внутреннем рынке и т. д.

В заключение своего выступления Н. М. Дружинин поставил перед исторической наукой вопросы, которые ждут своего скорейшего разрешения. Первый вопрос — это проблема первоначального накопления в России; второй — о накоплении капитала, причем необходимо выяснить, как происходило превращение мелкого товарного производителя в капиталиста, мелкого промышленника — в купца и подчинение мелких производителей скупщику; наконец, — вопрос о влиянии промышленного переворота на развитие товарного производства.

В. К. Яцунский дал примерную схему методики исследования проблемы о товарном производстве, выделив четыре основных момента. Во-первых, к раскрытию проблемы необходимо подойти хронологически, имея в виду динамику развития рассматриваемого периода (с конца XVIII в. и до реформы 1861 г.); во-вторых, нужно исследовать географию рынка; в-третьих, — изучить вопрос о размере и составе товарной массы и, в-четвертых, проблема должна быть раскрыта с точки зрения классового анализа.

Интересно замечание В. К. Яцунского относительно необходимости сопоставления товарного производства на конец XVIII в. и перед реформой 1861 г. Из этого сопоставления видно прежде всего значительное изменение состава товарной массы к 1861 г. На первое место выдвигаются хлопчатобумажные ткани вместо преобладавших в конце XVIII в.

шерстяных. Развиваются разные мелкие кустарные промыслы по обработке металла и дерева. Очень крупные изменения наблюдаются в классовом составе покупателя — в огромной массе увеличивается спрос на товары со стороны низов.

Таким образом, значительный рост товарного производства хронологически совпадает с моментом, когда деревня в огромной мере увеличивает спрос на промышленные товары. В то же время резкое увеличение товарного производства совпадает с началом промышленного переворота.

Э. С. Виленская посвятила свое выступление раскрытию вопроса о роли мануфактуры в переходе от феодального способа производства к капиталистическому, в частности о роли посессионной мануфактуры, как специфической формы промышленного товарного производства, присущей только России (см. «Вопросы истории», 1954, № 1, стр. 92—107).

В посессионной мануфактуре, так же как и в западноевропейской мануфактуре, углублялся процесс разделения труда и создавалась новая производительная сила. Однако эта новая производительная сила, несомненно влиявшая на характер производственных отношений, не вызвала их решительного изменения внутри посессионной мануфактуры. Развитие капиталистической формы собственности оставалось здесь скованным в силу того, что самый характер средств производства в значительной степени оставался феодальным. Прежде всего это касается рабочей силы; рабочая сила, действовавшая в посессионной мануфактуре, входила в число средств производства, поскольку здесь товарная форма была присуща самому непосредственному производителю, а не его рабочей силе, как это было в капиталистической мануфактуре.

Следовательно, в русской посессионной мануфактуре отсутствовало то главное условие, которое определило развитие западноевропейской мануфактуры как мануфактуры капиталистической и из которого выросло капиталистическое производство, а именно — превращение рабочей силы в товар.

В условиях посессионной мануфактуры продолжала существовать и вторая форма феодальной собственности — абсолютное большинство посессионных рабочих имело земельный надел, который являлся, с одной стороны, дополнительным источником для воспроизводства рабочей силы крепостного рабочего, а с другой — источником накопления промышленного дохода собственника средств производства путем присоединения к нему накоплений от феодальной ренты.

Денежная оплата, несмотря на то, что она господствовала на посессионной мануфактуре, также не означала изменения способа производства, ибо она не являлась заработной платой капиталистического типа.

Посессионное владение было лишь разновидностью феодальной формы собственности и служило укреплению феодальных производственных отношений путем распространения их на крупное промышленное производство. В силу господства феодального способа производства, еще не исчерпавшего всех своих возможностей, элементы капитализма, содержащиеся в посессионной мануфактуре, оставались в скованном состоянии, из которого они не смогли высвободиться вплоть до уничтожения этой формы собственности.

Источником капиталистического развития России послужила не посессионная мануфактура, а складывавшаяся наряду с посессионной и в противовес ей крестьянская промышленность и та купеческая мануфактура, которая была основана уже не на феодальных производственных отношениях, а на купле-продаже рабочей силы.

Б. Б. Кафенгауз отметил, как ценный момент в докладе М. В. Нечкиной, раскрытие ею вопроса о роли и значении нового покупателя в лице складывавшегося рабочего класса. Но вместе с тем одного этого явления для раскрытия рассматриваемого вопроса недостаточно. Необходимо было показать, как товарное производство шло вперед, прорывая рамки феодального общества не только за счет формирования нового покупателя — наемного рабочего, но и без него. Например, в 40—50-х годах XIX в. московский текстиль находил сбыт на Украине, но покупателями в данном случае были другие категории населения, а не наемные рабочие, ибо таковых в данное время на Украине не было.

Выступившие в прениях П. Ф. Баканов, Н. Н. Комов и В. Н. Яковцевский присоединились к выступавшим с критикой доклада.

В своем заключительном слове М. В. Нечкина не согласилась с критикой, высказанной по ее докладу. Она считает, что широко и обобщенно процесс формирования капиталистической формации и разложения феодального строя и роль при этом товарного производства показаны в докладе А. М. Панкратовой. Поэтому М. В. Нечкина видела свою задачу в том, чтобы показать взаимосвязь рыночных отношений с новыми явлениями конца XVIII — первой половины XIX в. Тема эта не исследована, а потому заслуживает внимания.

Далее М. В. Нечкина напомнила, что каждая общественно-экономическая формация переживает два основных этапа: первый, когда формация способствует развитию производительных сил, и второй, — когда она становится их тормозом и, наконец, оковами для развития производительных сил. В связи с этим необходимо при анализе каждого социально-экономического явления определить, способствует ли оно развитию производительных сил или тормозит это развитие.

Проанализировав такое явление феодального порядка, как посессионная мануфактура, М. В. Нечкина указала, что посессионная мануфактура в значительной степени несет в себе признаки начального разложения феодальной формации, что говорит о конфликте между развитием производственных отношений и характером производительных сил. Посессионная мануфактура характеризуется уже воспроизводством рабочей силы при значительной роли заработной платы. Ее нельзя еще, конечно, назвать капиталистической заработной платой, но она уже является для непосредственного производителя источником воспроизводства его рабочей силы.

Другой фактор посессионной мануфактуры: непосредственный производитель не владеет средствами производства, что также не характерно для феодальной формации.

Все это свидетельствует о том, что то или иное явление феодального порядка (в данном случае посессионную мануфактуру) нельзя просто определять как феодальное без тщательного анализа этого явления и соображения с той стадией развития формации, к которой оно принадлежит.

Заканчивая свое выступление, М. В. Нечкина высказала пожелание продолжить изучение рассмотренных на конференции вопросов, выставив в качестве первоочередного — исследование специфики и особенностей крестьянского хозяйства в его историческом развитии и проблемы формирования труда как товара.

Л. В. Черепнин, закрывая конференцию, отметил, что она внесла ясность в ряд вопросов, подвергшихся обсуждению. Этому способство-

вало наличие широкого круга участников конференции, в которой принимали участие историки русского и западноевропейского феодализма. Л. В. Черепнин подчеркнул, что конференция является лишь началом всесторонней разработки большой и сложной проблемы товарного производства при феодализме.

* * *

Конференция способствовала уяснению ряда конкретных вопросов, связанных непосредственно с темой конференции, а также и выходящих за ее пределы.

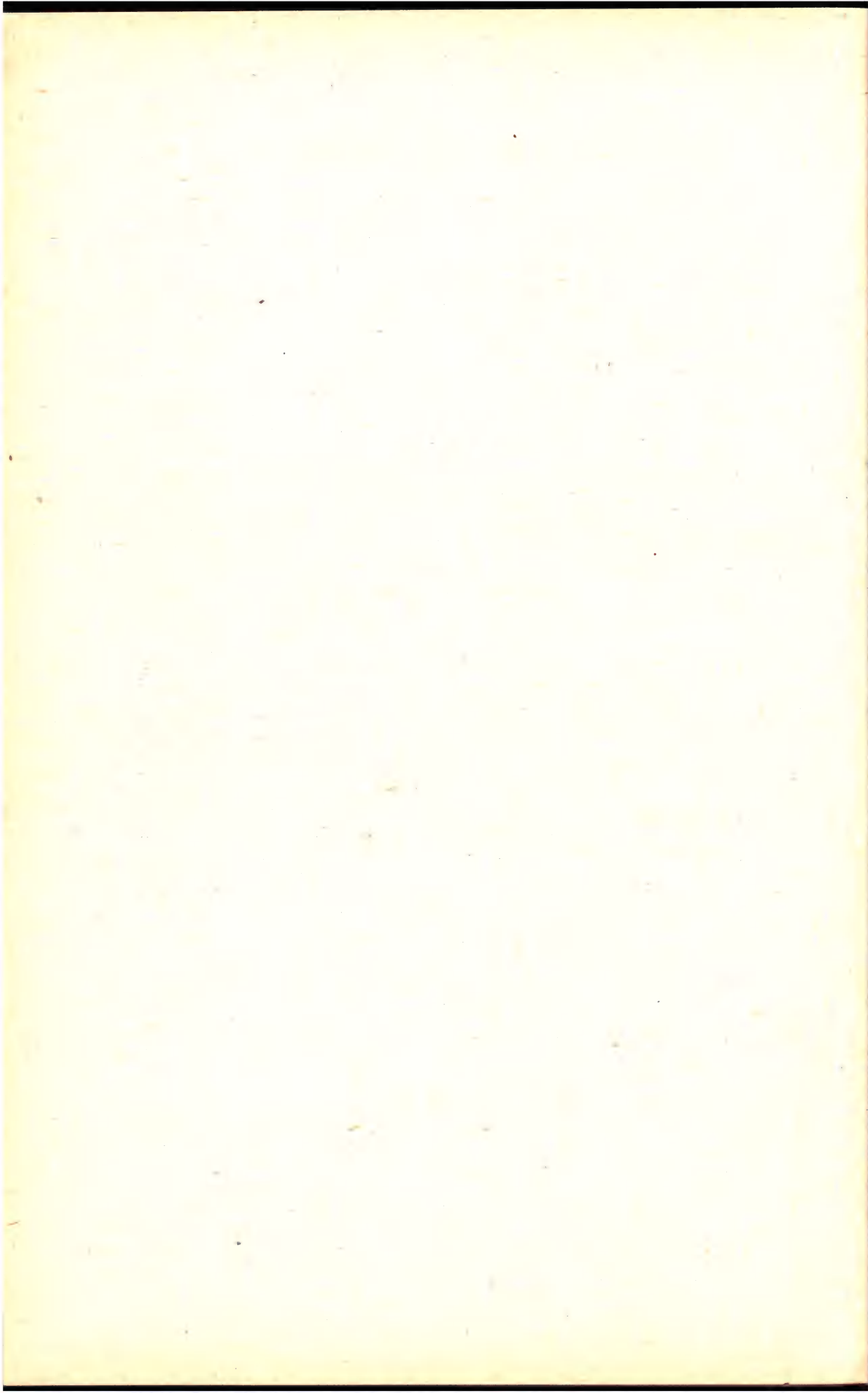
Она способствовала также разоблачению установившейся в историографии порочной традиции, проявлявшейся в отрицании или игнорировании элементов товарного производства до XVI в. и даже до XVII в., с одной стороны, и в переоценке уровня развития товарного производства в XVI в. и смещении его с производством капиталистическим — с другой.

Положительной стороной конференции явилось изучение товарного производства на протяжении всей феодальной формации, что способствовало более глубокому изучению всей проблемы в целом.

В ходе конференции были затронуты также и другие важные вопросы социально-экономической истории России (появление частной собственности на Руси, причины перехода к барщине в XVI в., характер мануфактуры XVII—XVIII вв., формирование рабочего класса и др.).

Конференция явилась первой попыткой решения проблемы товарного производства при феодализме. Ряд вопросов, связанных с этой проблемой, не получил достаточного освещения (обслуживающая роль товарного производства и ее формы на разных этапах феодализма; условия, которые создает товарное производство при феодализме для возникновения капитализма; роль товарного производства в период кризиса феодализма и вызревания капитализма). Необходимо продолжать изучение таких важных сторон проблемы, как первоначальное накопление капитала в России, сущность «нового периода» русской истории, формирование рабочего класса. Тогда и вопросы, связанные с проблемой товарного производства в период феодализма, получат полное разрешение. Изучение генезиса капитализма является, таким образом, одной из важных задач советской исторической науки.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. А. Поляков и А. В. Митрофанова. Советская страна накануне перехода к новой экономической политике	3
М. И. Капустин. К вопросу о сдаче Риги в августе 1917 года	44
Б. А. Романов. Портсмутская мирная конференция	63
А. Г. Рашин. О численности и территориальном размещении рабочих России в период капитализма	127
А. В. Федоров. Закон о всеобщей воинской повинности 1874 года и крестьянство	182
Ю. И. Жюгжда. Историческое значение присоединения Литвы к России в конце XVIII — начале XIX в.	198
В. Е. Шутый. Канун освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. (Крестьянско-казацкое восстание на Украине 1637—1638 гг.)	230
М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг.	278

СООБЩЕНИЯ

П. Я. Северин. Укрупнение Белорусской ССР в 1924 г.	289
М. В. Львова. Как подготовлялось закрытие «Современника» в 1862 г.	305
Товарное производство при феодализме (Теоретическая конференция в Институте истории Академии Наук СССР)	321

*Утверждено к печати
Институтом истории
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *Е. Б. Зомбе*
Технический редактор *Н. И. Москвичева*
Корректор *В. Н. Стаханова*

*

РИСО АН СССР № 12—42В. Т-04070. Издат. № 343
Тип. заказ № 324. Подп. к печ. 17/VI 1954 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Бум. л. 40¹/₂.
Печ. л. 29,11. Уч.-издат. 31,0. Тираж 3000.

Цена по прейскуранту 1952 г. 19 р. 60 коп.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
181	6 св.	17,9	17,8
271	23 сн.	окоп	окопа

19 руб. 60 коп.

ПРОПОВИДАНІЕ
3-А ПІСНІ

46

1954